

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
СОВЕТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ПГУ)
Педагогический институт имени В. Г. Белинского
Историко-филологический факультет
Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка»
МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА
Кафедра белорусской и русской филологии
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей по материалам
VI Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 25–26 марта 2022 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук, профессора Г. И. Канакиной;
доктора филологических наук, доцента И. Г. Родионовой

Пенза
Издательство ПГУ
2022

УДК 009
ББК 37.014
Я41

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
А. Н. Байкулова;

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Ю. А. Южакова

Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 25–26 марта 2022 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной; д-ра филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. – 444 с.

ISBN 978-5-907521-40-7

Приведены материалы докладов, представленных на VI Международной научно-практической конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» (г. Пенза, 25–26 марта 2022 г.).

Издание адресовано широкому кругу читателей: филологам, преподавателям высших учебных заведений и колледжей, учителям школ, аспирантам, магистрантам, студентам – всем, кого интересуют актуальные вопросы языковой политики и гуманитарного образования.

**УДК 009
ББК 37.014**

*П р и к а з
о подготовке и проведении VI Международной научно-практической
конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного
образования» № 178/о от 15.03.2022*

ISBN 978-5-907521-40-7

© Пензенский государственный
университет, 2022

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА

ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПРОФЕССОРА ВАСИЛИЯ ДАНИЛОВИЧА БОНДАЛЕТОВА

М. Б. Адамович

г. Пенза, Россия

maksimka.adamovich@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности содержания и структуры дарственных надписей на книгах из личной библиотеки профессора Василия Даниловича Бондалетова. Выявляются способы номинации адресата и адресанта, дополняющие существующие классификации этих элементов в тексте инскрипта. Делается вывод о том, что текст дарственной надписи обладает определённой степенью «шаблонности» и «повторяемости формулировок», а дарственные надписи на книгах из личной библиотеки профессора В. Д. Бондалетова отражают его исследовательские интересы и круг научного общения.

Ключевые слова: дарственная надпись, инскрипт, личная библиотека, профессор Василий Данилович Бондалетов

Для цитирования: Адамович М. Б. Дарственные надписи на книгах из личной библиотеки профессора Василия Даниловича Бондалетова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 3–7.

Книжный инскрипт (краткая дарственная надпись на каких-либо предметах) – явление многоаспектное. Это факт культуры, быта, историко-литературное явление и очень важный источник биографии адресата и адресанта.

Изучение данных надписей позволяет не только реконструировать взаимоотношения автора инскрипта и его адресата, но и рассматривать инскрипт с лингвистической точки зрения. В последнее время появляется всё больше исследовательских работ о дарственных надписях: анализируются инскрипты В. Я. Брюсова, Н. И. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. В. Маяковского, А. А. Блока, Н. К. Михайловского и др. Предметом внимания исследователей становятся инскрипты, оставленные писателями, поэтами, известными литературоведами и философами. Однако не менее интересными представляются дарственные надписи других мастеров слова – отечественных лингвистов.

Нами было собрано и проанализировано 140 дарственных надписей на книгах из личной библиотеки Василия Даниловича Бондалетова, советского и российского лингвиста-русиста, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР. Выпускник филологического факультета и аспирантуры Самарского (Куйбышевского) педагогического университета, В. Д. Бондалетов более 60 лет работал в Пензенском государственном педагогическом институте (университете) имени В. Г. Белинского, затем в Пензенском государственном университете (с 1966 по 2011 г. заведующим кафедрой русского языка, с 2016 г. – профессором-консультантом кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка»).

Основной массив рассматриваемых книг – научные лингвистические труды, посвящённые ономастике, диалектологии, проблемам синтаксиса, фразеологии,

лексики и т.д. Некоторая часть книг посвящена истории Пензенского края, истории литературы.

Большая часть всех надписей содержит повторяющиеся элементы, которые были подвергнуты анализу: название адресата и адресанта; дата написания инскрипта или дата определённого события; имя прилагательное, отражающее характер отношений между дарителем и получателем; основной текст, содержащий какую-либо информацию.

Анализ материала позволил выявить следующие способы номинации адресата:

1. Полное имя и отчество (группа представлена 68 надписями): *Дорогому Василию Даниловичу с искренней дружбой; Василию Даниловичу! Глубоко уважаем Вас.*

2. Полное имя, отчество и фамилия (группа представлена 53 надписями): *Василию Даниловичу Бондалетову на память об удмуртах; Василию Даниловичу Бондалетову с глубоким уважением на добрую память от автора.*

3. Инициалы имени и отчества в сочетании с фамилией (группа представлена 6 надписями): *В. Д. Бондалетову с глубоким уважением – один из авторов; В. Д. Бондалетову на память о Московском совещании и совместной работе.*

4. Фамилия, имя и отчество (группа представлена 4 надписями): *Бондалетову Василию Даниловичу с глубоким уважением; Бондалетову Василию Даниловичу на память от одного из авторов.*

5. Полное имя и отчество (группа представлена 4 надписями): *Дорогой Василий Данилович! Вот вам наш словарь. Как-никак, первый опыт этого рода в советской лексикографии...; Дорогой Василий Данилович! Посылаю Вам пару книжечек – Вам и, если надо, в библиотеку кафедры. Примите мои запоздалые приветствия по случаю Нового года. Всего Вам хорошего в этом году и впредь. Крепко жму Вашу руку.*

6. Полное имя, отчество и фамилия в сочетании наименованием учёного звания (группа представлена 3 надписями): *Профессору Василию Даниловичу Бондалетову – с глубоким уважением; Глубокоуважаемому профессору Василию Даниловичу Бондалетову с благодарностью за проявленный интерес к книге и с наилучшими пожеланиями.*

7. Инициалы имени и отчества в сочетании с фамилией и наименованием учёного звания (группа представлена 2 надписями): *Профессору В. Д. Бондалетову, лексикологу-лексикографу от автора; Профессору В. Д. Бондалетову благодарные авторы с уважением свой занимательный рассказ, рецензию на каждый они учли (изъяли упоминание не только о коньяке, но даже и о боржоме и эссен-туках!).*

8. Инициал имени в сочетании с фамилией (группа представлена одной надписью): *В. Бондалетову.*

9. Полное имя и фамилии в сочетании с наименованием учёного звания (группа представлена одной надписью): *Глубокоуважаемому Профессору Василию Бондалетову с наилучшими пожеланиями.*

10. Описательный оборот, отражающий отношения между дарителем и получателем: а) «снизу вверх»: *учителю; советскому языковеду-ономасту; главе российской ономастики; исследователю ономастики России;* б) «по горизонтали»: *лексикологу-лексикографу; антропонимисту от типонимиста; единоверцу-энтустасту; другу и сподвижнику; коллеге и земляку; соавтору.*

Как видим из представленного списка, большая часть надписей (68 и 53) представлена либо полным именем, отчеством и фамилией адресата, либо именем

и отчеством. Такие формы являются наиболее распространёнными в обращении и наиболее уважительными.

Из 140 надписей представлено только 4 примера вокативного (форма адресата отвечает на вопрос «что?») типа падежной формы объекта-адресата, а все остальные являются примерами дативного (лексическая единица, обозначающая адресата, отвечает на вопрос «кому?») типа. Это тесно связано с тематикой и композицией дарственной надписи: к дативному типу относятся собственно дарственные надписи, в которых обозначается факт дарения, «желающие» надписи: *Глубокоуважаемому Василию Даниловичу от одного из авторов – с самыми добрыми пожеланиями; Дорогому Василию Даниловичу Бондалетову с наилучшими пожеланиями; Глубокоуважаемому Василию Даниловичу Бондалетову от кафедры русского языка Одесского университета*; а к вокативному типу относятся надписи, сообщающие адресату какую-либо информацию, содержащие описания фактов: *Дорогой Василий Данилович! Вот вам наш словарь. Как-никак, первый опыт этого рода в советской лексикографии...; Дорогой Василий Данилович! Если бы я раньше узнала Вашу судьбу, Вы были бы героем этой книги.*

Вторым важнейшим элементом дарственной надписи является наименование адресанта. По мнению Е. А. Косых, «наиболее частотным ономом в инскриптах является а) подпись адресанта; б) полное именование; в) имя и первая графема патронима; г) криптонимы» [2, с. 119]. Проанализировав дарственные надписи, мы можем выделить следующие способы номинации адресанта:

1. Подпись адресанта (без инициалов). Группа представлена 59 надписями.

2. От лица / группы лиц с указанием на причастность к даримой книге в родительном падеже в сочетании с предлогом «от»: а) «от автора» (авторов) – 32 надписи: *Василию Даниловичу Бондалетову с глубоким уважением на добрую память от автора; Глубокоуважаемому Василию Даниловичу искренне от авторов*; б) «от составителей (составителя)» – 2 надписи: *Дорогому Василию Даниловичу от составителей; Василию Даниловичу Бондалетову от составителя с опозданием*; в) «от автора и редактора» – 1 надпись: *Дорогому Василию Даниловичу на добрую память от автора и редактора*; г) «от соавтора и соредатора» – 1 надпись: *Глубокоуважаемому Василию Даниловичу Бондалетову от соавтора и соредатора*; д) «от коллектива авторов» – 1 надпись: *Василию Даниловичу Бондалетову с глубоким уважением от коллектива авторов, искренне признательного за поддержку Словаря Брянских говоров.*

3. Инициал имени и фамилия в именительном падеже (группа представлена 9 надписями): *Дорогому Василию Даниловичу с признательностью и уважением. Н. Сердобинцев; В. Д. Бондалетову с глубоким уважением – один из авторов. 22/X-70 г. Г. Бояринцева.*

4. Наименование лица с указанием причастности к даримой книге в именительном падеже единственного или множественного числа (группа представлена 5 надписями): *Профессору Василию Даниловичу Бондалетову – с благодарностью за добрые чувства и помощь – автор; Многоуважаемому Василию Даниловичу с пожеланием счастья и успехов во всем. С надеждой на отзывы. Автор.*

5. От группы лиц по месту жительства в родительном падеже в сочетании с предлогом «от» (группа представлена 4 надписями): *Уважаемому Василию Даниловичу Бондалетову от горьковчан – с самыми добрыми пожеланиями; Дорогому и уважаемому Василию Даниловичу от куйбышевцев.*

6. Инициалы имени и отчества в сочетании с полным наименованием фамилии в именительном падеже (группа представлена 3 надписями): *Василию Даниловичу Бондалетову на память об удмуртах. Сыктывкар. 24–30 июля 1995.*

Л. И. Калинина; Многоуважаемому Василию Даниловичу на добрую память. Проф. Мамедов М. А.

7. От учреждения / подразделения учреждения (группа представлена 2 надписями): *Дорогому Василию Даниловичу с самыми добрыми чувствами на строгий суд (и снисходительный) от кафедры; Глубокоуважаемому Василию Даниловичу Бондалетову от кафедры русского языка Одесского университета.*

8. От лица с указанием рода деятельности (группа представлена 2 надписями): *Василию Даниловичу Бондалетову из далеких от него сфер – африканист; Неутомимому исследователю ономастики России Василию Даниловичу с новогодним поздравлением и пожеланиями счастья, здоровья, творческих успехов. Карельские ономасты.*

9. Описательный оборот, отражающий отношения между дарителем и получателем: а) «снизу вверх»: *бывший ученик*; б) «по горизонтали»: *от собрата-социолингвиста.*

10. Полное наименование имени и фамилии в именительном падеже: (группа представлена одной надписью): *Уважаемому Учителю от автора. Март 2003 г. Надежда Николаевна.*

11. Полное наименование фамилии в именительном падеже (группа представлена одной надписью): *Дорогой Василий Данилович! Вот вам наш словарь. Как-никак, первый опыт этого рода в советской лексикографии... Всего хорошего Вам. Левашов.*

12. Инициалы имени и отчества и фамилия в родительном падеже с предлогом «от» (группа представлена одной надписью): *Дорогому В. Д. Бондалетову на добрую память от Н. И. Толстого.*

13. Инициал имени и фамилия в родительном падеже с предлогом «от» (группа представлена одной надписью): *Знаменитому советскому языковеду-ономасту В. Д. Бондалетову от Нафасова Т.*

Подпись адресанта часто сопровождается и другими способами номинации: подпись и указание на причастность к даримой книге; подпись и описательный оборот; группа подписей (от двух до восьми) и наименование учреждения; подпись (подписи) и наименование лиц по месту жительства и т.д.

В большинстве инскриптов указывается дата надписания. Цифры, используемые при записи дат и адресов, могут быть как арабскими, так и римскими. В 25 случаях (обычно после даты) следует указание на место надписания книги или события.

Важным вопросом при изучении грамматической стороны инскриптов является их «шаблонность» и «повторяемость формулировок». Учёные-лингвисты высказывают противоположные мнения на этот счёт. Так, О. Ласунский полагает, что «жанр дарственной надписи не зажат в тиски формальных требований» [3, с. 55]. Е. И. Яцунок утверждает, что в инскриптах отражается «своеобразие личности тех, кто дарил свои книги, и тех, кому они были предназначены» [4, с. 15].

Нам кажется наиболее близким к истине утверждение Н. А. Богомолова, который отмечает, что «в подавляющем большинстве случаев такие надписи делаются автоматически по заранее разработанному или спонтанно возникающему в памяти шаблону» [1, с. 373]. Показательным в этом отношении является использование имён прилагательных, которые обычно «открывают» дарственную надпись. Из 140 надписей различной тематики и структуры последовательно выделяются три имени прилагательных: *дорогому* (47 надписей); *глубокоуважаемому* (27 надписей); *уважаемому* (14 надписей). Другие «открывающие» имена прилагательные встречаются гораздо реже: *многоуважаемому* – 5 надписей; *знаменитому*;

неутомимому; чудесному; дорогой; дорогому и уважаемому; уважаемый; дорогому и многоуважаемому – по одной надписи.

Можно сказать, что жанр дарственной надписи весьма этикетен, и дарителю обычно приходится осуществлять выбор из сравнительно небольшого числа принятых формул обращения, но часто адресанты стараются выразить своеобразие своей личности, указать на определённые моменты из своей биографии и биографии адресата. Так, встречаются надписи «на память о встрече», когда адресант посылает книгу в память о совместной работе в каком-либо городе или на научной конференции: *...на память об очередной встрече в Екатеринбурге; ...на память о встречах в Челябинске; ...в память о встрече в Сибири*. Но подобные надписи могут быть не только в / на память о пребывании в городе или совместном участии в конференции: *Дорогому Василию Даниловичу в память о совместном пребывании в больнице № 4 г. Пензы*.

Книги «прибывали» к Василию Даниловичу из разных уголков России. В тексте инскрипта мы встречаем следующие города: Сыктывкар, Пенза, Ленинград, Москва, Смоленск, Челябинск, Якутск, Красноярск, Саратов, Воронеж.

Что касается отправителей, то, в большинстве своём, это авторы, составители или редакторы самих книг, бывшие ученики, благодарные коллеги, которые шлют свои труды знаменитому учёному с пожеланиями здоровья, счастья, научного вдохновения, с благодарностями за поддержку в написании книги или за критическую оценку статьи, с просьбами оценить научный труд и с поздравлениями. Среди авторов инскриптов мы можем выделить таких известных учёных, как Л. М. Щетинин, Н. А. Кондрашов, Е. Н. Полякова, Л. А. Введенская, Н. П. Колесников, О. Б. Сиротинина, А. В. Суперанская, В. В. Колесов, Н. А. Кузнецова, Н. А. Мещерский и многие другие.

Некоторые инскрипты представляют собой «письма», в которых авторы сообщают Василию Даниловичу определённую информацию, которая выходит за рамки традиционного содержания дарственной надписи:

Уважаемый Василий Данилович!

1) Спасибо за Якобсона.

2) На всякий случай и для Вас прихватила методичку по греческим текстам.

3) А стихи Л. Ю. – только в одном экземпляре у меня. Посмотрите, если Вам интересно.

Таким образом, дарственные надписи на книгах из личной библиотеки профессора В. Д. Бондалетова отражают его исследовательские интересы и круг научного общения.

Тема данной статьи может быть расширена за счёт анализа собственно лингвистической стороны инскрипта, рассмотрения моделей построения дарственных надписей, изучения особенностей и частоты употребления грамматических форм.

Список литературы

1. Богомолов Н. А. Автографы писателей в букинистических каталогах // Новое литературное обозрение. 2010. № 5 (105). С. 373–406.
2. Косых Е. А. Имя собственное в тексте инскрипта // Культура и текст. 2017. № 2 (29). С. 116–121.
3. Ласунский О. Г. «На память и в знак уважения...»: о культуре книгодарения // Библиофилы России. М. : Любимая Россия, 2005. Т. 2. С. 53–62.
4. Яцунок Е. И. Вступительная статья // Автографы поэтов Серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М. : КНИГА : РГБ, 1995. С. 3–18.

Информация об авторе: *Адамович Максим Борисович*, студент Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

НОМИНАЦИЯ ЖИВОТНОГО В ТУВИНСКИХ ПАРЕМИЯХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. Н. Антонова

*г. Москва, Россия
stchl@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются переведённые на русский язык тувинские паремии, содержащие в своей структуре номинацию животного. Устойчивые языковые единицы, удовлетворяющие заявленной теме, были извлечены из паремиографических сборников и систематизированы при использовании таксономического подхода. Паспортизация проходила на основе лексикографических справочников, в первую очередь изданий «Тувинские народные пословицы и поговорки» (1955 г.) и «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2020 г.). Наблюдение, описание и анализ в данном исследовании базируются на следующих критериях: учете лингвокультурологических особенностей русского и тувинского языков, обзоре паремиологических источников как поставщиков интертекстом, референции образов различных животных в разнотипных паремиях, выделении структурно-семантических параметров и расстановке смысловых акцентов. Выводы сделаны с учетом аксиологических ориентиров.

Ключевые слова: лингвокультура, тувинские паремии, русский язык, таксономический подход, номинация животного

Для цитирования: Антонова Е. Н. Номинация животного в тувинских паремиях: таксономический аспект // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 8–11.

Как известно, 2022 год посвящён «народному искусству и нематериальному культурному наследию народов РФ». Актуальность транслингвальных принципов работы с различными типами дискурса в межъязыковой картине мира обусловила авторское внимание к тувинским паремиям на русском языке. Концептуальное видение языковых феноменов является важным аспектом в лингвокультурологической интерпретации языковедческого знания при включении аксиологического компонента [1], поэтому интересным аспектом изучения языка является реализация номинаций животных в этнокультурных устойчивых единицах [6].

В сборнике «Пословицы и поговорки тувинского народа» [5], имеющем двухчастную структуру и содержащем в общей сложности 770 паремий (часть первая – 514 языковых единиц, часть вторая – 256 языковых единиц), содержится 208 паремий с лексико-семантическим компонентом, обозначающим какое-либо животное. Во введении к сборнику «Тувинские народные пословицы и поговорки» [8] отмечено, что «тувинские народные пословицы, как и пословицы других народов, направлены на утверждение лучших моральных качеств трудовых людей: честности, трудолюбия, дружбы, храбрости, стойкости» [8, с. 5]. В части «Новые пословицы и поговорки» зафиксировано всего 22 паремии, из них 1 устойчивая единица с номинацией животного. В части «Старые пословицы и поговорки» зафиксировано 109 паремий, из них – 37 с образом животного. Сравнивая два паремиографических издания, отметим дублирование ряда устойчивых выражений. В плане таксономической систематизации языковой материал можно рассмотреть по группам.

1. По номинации конкретных животных с учетом синонимов (гипонимы). В паремиях фигурирует всего 41 животное, а именно: конь (скакун, жеребец, лошадь, кобыла, жеребенок), коза (козел, козленок), собака (собачонка, пес,

щенок), верблюд (верблюжонок), корова (бык / бычок, теленок), лев, лиса, белка, волк, овца, барсук, мышшь, заяц, лама, тигр, косуля (козуля), суслик, баран, медведь, соболь, кот; сорока, павлин, ворон (ворона, вороненок), гусь, коршун, сорока, кедровка, утка, ястреб, петух, дятел, кукушка, орел; налим, малек, щука; змея; бабочка, муха, вошь. В силу этнической значимости наиболее частотна концептуализация образа коня, а также козы и собаки в тувинских паремиях в частности и в фольклоре в целом, однако образ кота, например, встречается только в одном паремиологическом контексте: «Для **мышши** смерть, / Для **кота** игрушка» [5, с. 11].

Есть примеры с номинацией взрослого животного и его детеныша в пределах одной паремии: «**Конь** вырастает из **жеребёнка**, / Человек из **малого ребёнка**» [5, с. 17]; «Гостю – подарок желанный, / **Козе** – **козлёнок** лелеемый» [5, с. 11]. Встречаются устойчивые единицы с контаминацией образов животных в едином контексте, подобные случаи нередки для паремий на уровне эксплицитных и имплицитных сравнений. «**Дружные сороки** / **И верблюда** одолеют» [5, с. 25]. Наблюдаются сквозные аллюзии¹ в фольклорных жанрах – паремии и сказке, где фигурантами выступают данные животные с иносказательным типом поведения: «**Лиса собаку хвостом обманывает**» [5, с. 25]. О молве придумано множество паремий в разных лингвокультурах, сходных в суждениях относительно данной реалии, их смысл сводится к изречению «Молву не опередишь»: «**Клятва ножа острее**, / **Зайца** молва **быстрее**» [5, с. 26]. Следующая паремия отражает смысловые параллели с иными фольклорными произведениями, в частности с тувинской народной сказкой «Две мыши»: «**Горопливая мышь** в молоке **утонет**» [5, с. 24; 8, Ч. 2, с. 40] и т.д.

2. По номинации родовых категорий животных (гиперонимы). По данному параметру выделяются паремии с такими лексико-семантическими элементами: (дикое) животное, дичь, зверь, скот / скотина, табун, птица (птенец), рыба, мошकारа. В устном народном творчестве тюркских народов, как отмечает А. Б. Талдырова, образ птицы ассоциируется «с чистыми замыслами человека» [7, с. 58]. В паремиологическом фонде фиксируется: «**К ветвистому дереву птицы** слетаются, / В **приветливой юрте** народ **собирается**» [7, с. 22].

Кроме того, в представленной группе выделим такие паремии: «**Дикое животное** и **то** имеет / **Свое пастбище** и **лежбище**, / **И** у человека **есть** / **Родимая сторона** и **свой дом**» [5, с. 83]; «**Чтобы голод утолить**, надо **дичь** застрелить, / **Чтобы жажду утолить**, надо **воды** попить» [5, с. 88]; «**Зверь** в беде к **тайге** стремится, / **Человек** в беде к **родне** тянется» [5, с. 16]; «**Был бы зимник** – **скот** найдется, / **Была бы дочь** – **зять** сыщется» [5, с. 38]; «**Табуну** нужен **пастух**, / **Человеку** – **друг**» [8, Ч. 2, с. 23]; «**Если захотеть**, и **косуля** станет **мальцом**, / **А мошकारа** станет **великаном**» [5, с. 110]; «**В наводок нет рыбы**, / В **поговорке** – **лжи**» [8, Ч. 2, с. 53]. В последнем примере наблюдается эксплицитная репрезентация поговорки не только как жанра, но и как типа мышления и т.д.

3. По биологическому таксономическому принципу (классы).

Согласно индуктивному принципу, фонд тувинских паремий из рассмотренных сборников может быть разделен на следующие классы животных: звери, птицы, рыбы, рептилии, насекомые. Например: «**Льва** ловят **хитростью**» [5, с. 16]; «**Отец** гордится **сыном**, / **А павлин** – **хвостом**» [5, с. 11]; «**В колодезной воде нет мальков**, / У **сухого дерева** нет **плодов**» [5, с. 35]; «**Добрый человек** – как **солнце**, / **Злой человек** – как **змея**» [5, с. 34]; «**Муха** **чуёт**, где **рана**, / **А ворон** – где **падаль**» [5, с. 36] и т.д.

¹ В «Словаре лингвистических терминов» находим дефиницию к лексеме **аллюзия** – ‘стилистическая фигура, выражение, намек посредством сходнозвучающего слова или упоминания общеизвестного факта’ [4, с. 28].

4. По наличию концептуальной контаминации (количество номинаций животных в одной паремии).

Одна номинация: «*Готовь аркан, / Если даже нет коня*» [5, с. 13].

Две номинации: «*Хитер, как лиса, / Ловок, как белка*» [5, с. 30].

Три номинации: «*Лама не любит детей, / Коза не терпит собак*» [5, с. 26].

Четыре номинации: «*Словно бабочка, труслив, / Словно коршун, пуглив, / Как сорока, болтлив, / А уж глуп, как налим*» [5, с. 34] и т.д.

5. По репрезентации областей общественной жизни.

Бытовая: «*Младшего легче направить, / Козлёнка легче покормить*» [5, с. 14].

Культурная: «*Лежанка коровы – / Родина матери, / Лежанка коня – / Родина отца*» [5, с. 1020].

Коммуникативная: «*“Корова, телёнок”, – скажешь, / Ругань услышишь. / Скажешь: “В гости к соседям”, – / Радость и гам*» [5, с. 101] и т.д. Активнее других выражена бытовая сфера.

6. По типу художественного тропа в структуре вербально оформленной мудрости.

Сравнение (в т. ч. скрытое): «*Мать сравнивают с коровой, / А отца – с конем*» [5, с. 101].

Аллегория: «*У себя на голове верблюда не заметит, / У товарища на голове иголку увидит*» [5, с. 21]. Просматривается аналогия с русской паремией «В чужом глазу соломинку видеть, в своём – бревна не замечать». Устойчивым языковым единицам в контексте лингвокультуры посвящены, к примеру, исследования [2; 3]. Стоит сказать, что большинство устойчивых выражений включают в своей смысловой структуре иносказание. Однако ряд паремий очевиднее других построен по принципу аллегории.

Метафора (олицетворение, метонимия, синекдоха): «*Лошадь – нога человека, / Собака – уши*» [5, с. 87].

Ирония: «*Тубетейка тоже шапка, / Заяц – тоже дичь*» [5, с. 98].

7. По эмотивно-оценочному наполнению.

Положительные коннотации: «*С хлебом сыт будешь, / С петухом – не проспишь*» [5, с. 51].

Отрицательные коннотации: «*Погналась ворона за гусем, / Да лапы обморозила*» [5, с. 29] и т.д.

Безусловно, по переводам нельзя в полной мере судить о специфике оригинала, однако в большинстве тувинских паремий на русском языке сохраняется межкультурная мелодика, в других иллюстрациях – чувствуется поэтический посыл или ритмическое калькирование, в третьих – поэтизация в процессе перевода. Многие примеры оформлены как двустишия. Нередко паремии представляют собой аллюзии к сказкам. Встречаются устойчивые структуры, в которых фигурирует несколько животных, есть языковые единицы, где животное номинируется посредством притяжательного прилагательного – «*Человеческое настроение – что собольи уши*» [5, с. 108].

Наблюдение над переведёнными на русский язык тувинскими паремиями с номинацией животного позволяет констатировать:

– подавляющее число паремий носят поучительный характер, сохраняя традиционность данного фольклорно-художественного жанра;

– в большинстве тувинских паремий присутствуют образы домашних животных, что связано с их исторической значимостью в жизни людей;

– представленные таксономические параметры представляют собой обобщённую характеристику, намечающую направления дальнейших углублённых исследований;

– описание художественных тропов в основе паремий в представленной классификации носит схематичный характер, отражает повадки животных, их образ существования и проводит лингвокультурные аналогии с различными сферами жизни человека;

– в отобранных паремиях фигурируют синонимы для концептуализации одного и того же животного с целью коннотативного сопровождения изречения.

Список литературы

1. Антонова Е. Н. Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : материалы Междунар. науч. конф. Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 199–203.

2. Антонова Е. Н. Фразеолого-паремиологический аспект языковой личности в синхронии лингвокультуры // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17, № 1. С. 71–78.

3. Антонова Е. Н., Волкова О. Н. Русскость поэтического фразеологизма в контексте лингвокультуры // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья : научные доклады участников Междунар. науч.-просветительского форума. Брянск : Брянск. гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского, 2021. С. 353–358.

4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.

5. Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша : Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. 112 с.

6. Сычёва Е. Н. Образ животного в устойчивых сочетаниях (на материале поэтической фразеологии Ф. И. Тютчева) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 9. С. 232–242.

7. Тадырова А. Б. Мифологема родного края в лирике тюркских поэтов 60–70-х годов XX века (Ш. П. Шатинов, М. Р. Байнов, А. А. Даржай, Р. М. Харисов) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 2 (6). С. 56–59.

8. Тувинские народные пословицы и поговорки / Тувинский научно-исследовательский институт языка литературы и истории ; сост. И. Плоткина, А. Калзан ; ред. О. Толгарол ; худож. В. Дёмин. 2-е изд. Кызыл : ТУВКНИГОИЗДАТ, 1955. 57 с.

Информация об авторе: *Антонова Елена Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Государственного университета по землеустройству (г. Москва, Россия).

ЛЕКСЕМА ЧАЯТЬ И ЕЁ ДЕРИВАТЫ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ И РУССКОМ ТЕКСТАХ БИБЛИИ

Д. Б. Балаш¹, Е. И. Холявко²

^{1, 2} г. Гомель, Республика Беларусь

¹ dar.ya@list.ru

² hei9@mail.ru

Аннотация. Исследуются лексемы *чаять*, *нечаянный*, *отчаянный* и их дериваты в текстах церковнославянского и русского переводов Библии; характеризуются контексты, а также избранные переводчиками эквиваленты; выявляются особенности контекстуальной реализации семантики речевых единиц; определяются семантические дифференцирующие признаки лексем; устанавливается генетическая обусловленность контекстуально реализованного значения. Для аргументации представлена этимологическая ретроспекция семантики приведенных выше языковых единиц, являющихся на синхронном срезе вершинами самостоятельных словообразовательных гнезд. В составе всех избранных для анализа лексем этимологически выделяется общий праславянский корень **koi-* // **kai-*, к континуантам которого помимо названных в русском языке относятся *каяться*, *цена*. Сравнительное изучение семантики параллельных рефлексов корня, семантическая реконструкция исследуемых лексем позволяют установить утраченные семантические связи и объективно оценить степень равноценности эквивалента при переводе.

Ключевые слова: чаять, ждать, надежда, Библия, перевод, языковая картина мира

Для цитирования: Балаш Д. Б., Холявко Е. И. Лексема *чаять* и её дериваты в церковнославянском и русском текстах Библии // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 12–16.

В языке любого народа фиксируется познание человеком окружающего мира и выражение внутреннего мира человеческой души. Языковые особенности личности – это неотъемлемая часть облика человека, духовная жизнь которого опредмечивается в текстах. Самый востребованный текст на протяжении многих веков – Библия.

Из различных переводов Библии для анализа избраны два позднейших – славянский и русский – как наиболее близкие к нам. Славянский перевод Библии впервые был предпринят братьями-просветителями Кириллом и Мефодием во второй половине IX в. Затем через Болгарию он пришёл и на Русь. Со временем он стал называться церковнославянским. Русский синодальный перевод Библии сделан только во второй половине XIX в. Верующему человеку Библия даёт ответы на многие вопросы, неверующему – открывает богатый духовный пласт мировой культуры.

В статье исследованы лексемы *чаять*, *нечаянно*, *отчаянный* и их дериваты в контекстах церковнославянского и русского переводов Библии, поскольку ключевое слово характеризует потребность человека в утешении, надежду на правильность принятого решения и веру в лучшее – то, что даёт Библия. В библейских контекстах сохраняется вся парадигма значений, обнаруживаемых в этимологической ретроспективе.

В синхроническом аспекте современного словообразования лексемы *чаять*, *нечаянный* и *отчаянный* представлены в различных гнездах [3, с. 668, с. 712; 4, с. 363]. В диахроническом аспекте вершины современных словообразовательных

гнёзд восходят к глаголу *чаять*: праслав. **nečajanjь(jь)* – к адъективированному страдательному причастию прошедшего времени от **ne čajati* [9, с. 109–110]; праслав. **otъčajati(se)* – сложение *otъ-* и **čajati* [10, с. 172–173]. Исторически значение корня глагола *чаять* восходит к праслав. **čajati*, рефлексy которого присутствуют в славянских языках со значением ‘ждать, ожидать’, ‘поджидать; надеяться’; ‘предполагать’, ‘исследовать’. Родственно др.-инд. *śáyati* ‘замечает, наблюдает, опасается, чтит’, с которым слав. слово этимологи объединяют под и.-е. **kue(i)-* и предполагают, что **čajati* может продолжать первонач. **kēi-ē-*, глагол состояния [6, с. 10–11].

Тожественный и.-е. корень **kuei-* продолжается в др.-инд. *śáyatē* ‘мстит, наказывает’, которое родственно авест. *kaēnā-* ‘возмездие, месть, наказание’, лит. *káina, kainà* ‘цена’ праслав. **cěna* ‘плата за содеянное’, ст.-слав *цѣна* и русск. *цена* [5, с. 182]. Это значение сохраняется в контекстах, где предполагается воздаяние:

Размышлѣнiя ихъ и страхъ сердечный, помышлѣнiе чаянiя, дѣнь скончанiя; Мысль об ожидаемом и день смерти производит в них размышления и страх сердца (Сир 40:2) (здесь и далее цитаты библейского текста даны по [1]).

Славянское *каять(ся)*, о.-с. **kajati (se)* также восходит к тождественному и.-е. корню с чередованием гласных **kue(i)- // *kuōi-*. Ближайшим соответствием, в том числе и в плане морально-этической, религиозной семантики, оказывается авест. *kāy-* ‘каяться’ [7, с. 115–116]. Сербохорв. *kājati* (стар.) наиболее полно сохраняет значения: ‘раскаиваться’, ‘сожалеть’, ‘горевать, печалиться (по ком)’, ‘мстить (о кровной мести)’, также диал. *kājot se*, словен. *kājati* ‘порицать, осуждать’, ‘искажать; обезобразивать’, ‘донимать, причинять беспокойство’ [7, с. 115–116]. Эти значения представлены в контекстах, где речь идёт о смирении и согласии с волей Бога:

И всѣмъ уже чающимъ имущаго быти сраженiя <...> разсуждая маккавей множества пришествiе <...> простеръ рѣцѣ на небо, призываше чудотворящаго и призирающаго Господа, вѣдая, яко не оружиемъ побѣда, но якоже угодно ему, достойнымъ даётъ одолѣнiе; *Итак, когда все ожидали, что наступает решение дела <...> Маккавей, видя наступление многочисленного войска <...> простер руки к небу и призывал Господа, творящего чудеса и всевидящего, зная, что не оружием одерживается победа, но Сам Он, как Ему угодно, дарует победу достойным* (2 Мак 15:20–21).

В праславянском языке лексемы *чаять*, *цена* и *каяться* происходят от одного корня **koi- // *kai-* и включают в себя общий семантический элемент ‘дело, действие’. Лексема *действие* восходит к одному корню с лексемой *надежда*. Праслав. **dějati* имеет значение ‘делать, совершать’ [6, с. 229–230; 8, с. 233–235]. Надежда, которую теряют те, кто впадает в *отчаяние*, всё же руководит теми, кто решается на *отчаянные действия* с новой *надеждой*, с новыми *ожиданиями*. А ждать, в свою очередь, по исконному смыслу, имеет значение ‘желать, жаждать, пребывать в нетерпении’. То, чего страстно желаешь, имеет обыкновение приходить *невзначай, неожиданно*, то есть *нечаянно*, когда ты уже *отчаялся, заждавшись* [2, с. 227–228].

Лексема *нечаянно* на современном этапе синонимична наречию *случайно*, однако в семантике *нечаянно* присутствует сознательная *оценка* ситуации, сожаление о случившемся и желание выразить *раскаяние*.

В свою очередь, отказ *чаять* и решимость на неожиданные действия реализуются с помощью лексемы *отчаяться*. Энантioseмия присутствует в морфосемантике лексемы на протяжении всей истории её употребления: *отчаиваясь*, перестают ждать милости со стороны, начинают действовать самостоятельно, но в надежде на перемену ситуации; кто-то, *отчаявшись*, опускает руки, отказывается

действовать, а кто-то действует, но нестандартно, против правил. Однако в любом случае действие совершается, отталкиваясь от *чаяния / ожидания / надежды*.

Желание действовать, то есть изменять действительность, отраженное в глупине древнего корня *koi-//*kai-, придаёт человеку уверенность в надёжности ожидаемого, что даёт основание назвать доминирующим значение лексемы *чаять*. Однако она включает в себя немного больше. Все надежды и ожидания при переводе контекстно уточняются. И чего бы ни ожидали, верят, что это произойдёт, и надеются, что произойдёт именно это.

В русском переводе Библии на месте церковнославянского *чаять* можно встретить семантически очень близкие *ожидание* и *надежду*, которые в речи отличаются значимостью или необходимостью и степенью уверенности в том, на что надеются. В церковнославянском тексте Библии лексемы *чаять/чаяние* встречаются 40 раз. Из них в синодальном переводе только 1 раз сохранилось однокоренное причастие – *чающий*:

И сѣ, бѣ́ человѣ́къ во Иерусали́мѣ, е́му же ѿ́мя Симео́нъ: и человѣ́къ сѣ́й пра́ведень и благо́чѣстивъ, ча́я утѣ́хи Изра́илевы...; *Тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева...* (Лк 2:25).

Основная мысль всех книг Библии – мысль об искуплении человека Богом. В приведённом контексте речь идёт о человеке, который верил в предсказанный приход Мессии и с надеждой ожидал его. Это ожидание спасительного для всех людей прихода в мир Того, на Ком исполнится пророчество «се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог» (Мф 1:23; Ис 7:14), эта уверенная надежда на чудо сохраняется в форме *чающий*.

Все остальные контексты переведены очень близкими по смыслу, но не однокоренными словами, даже вошедшие в тезаурус библейские выражения *паче чаяния* и *чающие движения воды*:

И стекóшася всѣ́ от ма́ла да́же до вели́ка, я́ко па́че ча́янія бѣ́ имь, е́же прі́ити ѿ́ей, и отверзóша врата́ и воспрі́яша ѿ́хъ...; *И сбежались все, от малого до большого, так как приход ее был для них сверх ожидания...* (Иудифь 13:13);

...въ тѣ́хъ сле́жаше мно́жество боля́щихъ, слѣ́пыхъ, хро́мыхъ, сухі́хъ, ча́ющихъ движе́нія воды...; *В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды...* (Ин 5:3).

Потерялось ожидание чуда, хотя в обоих случаях люди ждали именно его. Возможно, *чаяния* древних заменили *ожиданием*, потому что ждали тут земного: победы над конкретным врагом и исцеления от болезней. Однако в синодальном переводе есть 3 контекста, в которых противоположно *надежда* и *упование* переведены словом *чаяние*, *ждал* – «продублировано» синонимами *чаял/ожидал*:

А́ще бо да́ль бы, да прі́идеть проше́ніе моё, и **наде́жду** мою́ да́ль бы Госпо́дь; *О, когда бы сбылось желание мое и **чаяние** мое исполнил Бог!* (Иов 6:8);

...му́жіе бра́тіе, а́зь фарисе́й е́смь, сынъ фарисе́овъ: о **упова́ніи** и о воскресѣ́ніи ме́ртвыхъ а́зь сۇ́дь прі́емлю; ...*мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за **чаяние** воскресения мертвых меня судят* (Деян 23:6);

А́зь же **жда́хъ** бла́гихъ, и сѣ́, срѣ́тоша мѧ́ па́че днѣ́ зóль; *Когда я **чаял** добра, пришло зло; когда **ожидал** света, пришла тьма* (Иов 30:26).

Перевод-интерпретация предлагает «свободный», не дословный, вариант передачи информации. Такие контексты встречаются 5 раз, например:

И уны́ють о тебѣ́ язы́цы мно́зи, и ца́ріе ѿ́хъ ў́жасомъ ў́жаснутя о тебѣ́, егда́ налеті́тъ ме́чь мо́й на лица́ ѿ́хъ, ча́юще паде́нія своѣ́го от днѣ́ паде́нія твоѣ́го; *И приведу тобою в ужас многие народы, и цари их содрогнутся о тебе в страхе,*

когда мечом Моим потрясу перед лицом их, и поминутно будут трепетать каждый за душу свою в день падения твоего (Иез 32:10).

Далее рассмотрим контексты, в которых перевод сделан словами, передающими оттенки значений дериватов лексем *чаять*. Однократно встречаются значения 'думать, предполагать' и 'уверенность'. Значение 'надежда' встречается 8 раз, например:

Внѹбрь же мѣнше сѹщее чаяніе, бѳльшее мнѣть невѣдѣніе винѹ подаѹщїя мѹку; *Чем меньше надежды внутри, тем больше представляется неизвестность причины, производящей мучение* (Прем 17:12).

В контекстах, где *чаяние* интерпретировано как *надежда*, можно отметить переводы, связанные с твёрдой уверенностью и с деятельным ожиданием. Надеются как на спасение души и жизнь вечную, на воскресение мёртвых, так и на возвращение из египетского плена, возврат данного в долг, на отмену (людьми) установленного порядка. Можно отметить и то, что надеждой называют Господа:

Чаяніе Израїлево, Гѳсподи! всї оставляющїи тѹ да постыдѹтся, отступѹющїи [от тебе] на землїи да напишутся, яко оставиша источникъ живѹхъ водѹ, Гѳспода; *Ты, Господи, надежда Израилева; все, оставляющие Тебя, посрамятся. «Отступающие от Меня будут написаны на прахе, потому что оставили Господа, источник воды живой»* (Иер 17:13).

Чаще всего, 24 раза, встречается значение 'ожидание'. Контексты можно разделить на две основные группы:

– вопросы, связанные с жизнью человека: ожидают пищи, помощи от Бога, политического освобождения, возмещения материальных затрат, телесного здоровья, возможности убить (человека), всеобщего воскресения мёртвых и др.;

– мессианская тема: ожидают Освободителя-Мессию, возвращения господина и др.

Особо можно отметить ожидание Второго Пришествия, так как контекст передаёт именно действия в ожидании:

Тѣмже, возлю́бленнїи, сіхъ чающе, потщїтєся несквѣрни и непорѳчни Тому обрѣстїся въ мїрѣ; *Итак, возлюбленные, ожидая сего, потщитесь явиться пред Ним неоскверненными и непорочными в мире* (2 Пет 3:14).

Адъектив *нечаянный* и его дериваты реализуются в 9 контекстах, 7 из которых говорят о неожиданности чего-либо, 1 – о внезапности, 1 – о бесчувствии (потере совести):

... іже въ нечаяніе влѳжшєся, предѹша себѣ студодѣянію, въ дѣланїе всякїя нечистотѹ въ лихоиманїи; *Они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью* (Еф 4:19).

Неожиданными/нечаянными являются страх, ужас, угроза, нападение на врага, гибель, помощь (языческих) богов. В одном из контекстов в двух переводах рядом стоят усиливающие впечатление слова *внезапный* и *нечаянный/неожиданный*.

...ѳво ѹбо страшїлищами мечтанїи гонїми бѹху, ѳво же душїи изчєзѹху преданїємь: *внезапный* бо імь и нечаянный страхъ найде; *...то были тревожимы страшными призраками, то расслабляемы душевным унынием, ибо находил на них внезапный и неожиданный страх* (Прем 17:14).

Три контекста об *отчаявшихся* людях переводятся по-разному: упавшие духом, страждущие и те, что «смешались». Последний контекст и приведём для примера, так как здесь речь о том, что македоняне 'пали духом, потеряв всякую надежду на благоприятный исход':

...и въ Вавилѳнѣ на Галѹтовѣ бѹвшєе ополчєніе, кѹко всї, егда на бранѣ приѳдоша, ѳсмь тѹсящъ съ четѹрїю тѹсящами македонѹнѹнъ, македонѹномь отчаявшымся, едїни ѳсмь тѹсящъ побїша стѳ двадєцѹть тѹсящъ пѳмощїю данною імь

от небесé, и пользу мно́гу взяша; ...и о бывшем в Вавилоне сражении против Галатов, как они пришли на брань в числе только восьми тысяч с четырьмя тысячами Македонян, и когда Македоняне смешались, то эти восемь тысяч погубили сто двадцать тысяч бывшею им с неба помощью и получили великую добычу (2 Макк 8:20).

Если предположить в данном случае не просто растерянность, а помешательство (безумие) от страха, то и это значение входит в семантический объем лексемы *отчаяться* [10, с. 172–173].

Подводя итог, можно констатировать, что церковнославянский и русский переводы Библии манифестируют различные дифференцирующие семантические признаки лексемы *чаять* и подчёркивают ‘ожидание, соединённое с надеждой и верой’. Чаение является частью понятия «надежда», и оба они включены в понятие «вера». Цельность веры заключена в соединении чувства, разума и воли. Если сердце и разум доверяют друг другу, то уверенность передаётся и воле, движение которой показывает верность выбранного решения.

В отличие от цельности понятия «вера», в понятии «надежда» можно выделить семы чаяния и упования. А понятие «чаяние», в свою очередь, включает предположение и ожидание, которое также может иметь оттенки. Всё это сохраняется в русском переводе церковнославянского текста Библии. Исследованные контексты убедительно доказывают, что слово всегда несёт больше информации, чем видно с первого взгляда. Для любого языка важно взаимодействие основного значения слова и контекстно обусловленных употреблений этого значения.

Язык – это запечатлённый взгляд на мир. Картина мира, отражённая в языке, не является научной, однако она представляет панорамное «наглядное пособие» по сохранности семиотической системы человеческого сознания.

Список литературы

1. Библия // Azbyka.ru: Православная энциклопедия «Азбука веры». 2005. URL: <https://azbyka.ru/biblia> (дата обращения: 17.01.2022).
2. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 2: Добро и зло. СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. 304 с.
3. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1. М. : Рус. яз., 1990. 856 с.
4. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 2. М. : Рус. яз., 1990. 886 с.
5. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Выпуск 3 / под ред. акад. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1976. 199 с.
6. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Выпуск 4 / под ред. акад. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1977. 235 с.
7. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Выпуск 9 / под ред. акад. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1983. 197 с.
8. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Выпуск 21 / под ред. акад. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1994. 236 с.
9. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Выпуск 24 / под ред. акад. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1997. 234 с.
10. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Выпуск 36 / под ред. д-ра филол. наук А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 2010. 260 с.

Информация об авторах: *Балаш Дарья Борисовна*, магистр филологии, заведующий библиотекой средней школы № 47 г. Гомеля (г. Гомель, Республика Беларусь), *Холявко Елена Ивановна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь).

ЯЗЫК SMS-СООБЩЕНИЙ

Е. М. Вавилова

г. Заречный, Россия
e.m.vavilova@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются язык SMS-сообщений, жанровое своеобразие SMS-сообщений.

Ключевые слова: SMS-сообщения, смайлы, язык SMS-сообщений

Для цитирования: Вавилова Е. М. Язык SMS-сообщений // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 17–19.

Ещё десять лет назад об SMS-ках никто даже не думал. Но сейчас без них уже невозможно представить нашу жизнь. Телефонные сообщения так прочно вошли в наш быт, что ими пользуются все. Мало того, что это дешево, удобно и оперативно, это ещё и позволяет выразить те мысли, которые порою не решаешься высказать вслух. Широкое распространение SMS-общения продиктовано стремительностью течения современной жизни. Предпочтение отдаётся виртуальному, краткому общению в ущерб длительной, неспешной беседе в реальности. Как это ни странно, но живое письмо в бумажном варианте уступает первенство сухим SMS-«письмам», где нет места глубоким чувствам и развёрнутым мыслям. SMS сегодня – это некая разновидность не очень грамотной устной речи.

Понятие SMS, как и сам мобильный телефон, заимствованное. Придумал SMS Нейл Папуорт – инженер фирмы Vodafone. Он же отправил первую в мире SMS-ку. Случилось это под Рождество в 1992 году. В послании так и значилось: «Merry Christmas – 92». Однако после об этой новой технологии забыли. Только в конце прошлого века телефон постепенно стал превращаться из способа общения для избранных в устройство «массового потребления». Именно тогда вновь вспомнили о технологии обмена текстовыми сообщениями. Это было вторым рождением SMS. Лишь в 2000 году сотовые компании ввели услугу Short Message Service. Эта аббревиатура переводится так: Служба коротких сообщений. У нас её побуквенно заимствовали, переписав кириллицей – транслитерировали, но перевели по-своему: СМС по-русски – это уже Служба Мобильных Сообщений. Это сокращение нам советуют писать русскими буквами, причём все они должны быть большими, прописными.

Тексты SMS отличаются жанровым своеобразием: бытовые, любовные (SMS-признания, романтические SMS, SMS-извинения), SMS-приколы (шутки, розыгрыши, весёлые афоризмы), SMS-мудрость. С приходом SMS отмирает ещё одна разновидность эпистолярного жанра – поздравительные открытки, которые в прежние времена люди рассылали десятками по всей стране своим друзьям и родственникам. Сейчас родных поздравляют по телефону или просто отправляют небольшое стихотворное поздравление с добрыми пожеланиями. SMS-поздравления (новогодние SMS, валентинки, поздравления с днём рождения и т.д.), SMS-пожелания (поздравления отцу, маме, друзьям и т.д.).

В SMS-сообщениях часто используют сокращённые слова или словосочетания, а также искажённые слова или словосочетания. Практически исчезает пунктуация, ведь это ещё один верный способ экономить время.

Смайлы – неотъемлемая часть SMS-сообщений. Чаще всего они выполняют особую роль: служат для передачи эмоций, являются индикатором настроения. Смайлики помогают экономить время, выражать свои мысли, иногда просто спасают, когда нечего сказать. Но у них есть свои минусы. Например, некоторые считают, что, если часто использовать смайлики в общении, можно разучиться грамотно писать. И это правда.

Конечно, не следует забывать, что информативность и краткость приводят к обеднению языка, к нарушению культуры общения, исчезновению из активного словаря многих важных слов и понятий. Графические знаки приводят к вымиранию языка, так как являются «графическими жестами», заменяющими слова. Несмотря на все вышеизложенные отрицательные стороны использования смайликов в языке, не следует отрицать его бесконечного творческого потенциала, экспрессивности, оригинальности, информативности.

Постоянное SMS-общение приводит к появлению упрощённых конструкций, позволяющих экономить время и символы.

Наконец, существует множество сленговых выражений, которые приняты в определённой группе людей или среди компании своих.

Буквы заменяются цифрами (2day – today – сегодня, 4you – for you – для тебя), латиница произвольно чередуется с кириллицей, настроение выражается смайликами и наборами знаков. Часто используется принцип «пишу, как говорю», вследствие которого «сейчас» сменяется на «щас», «хочешь» на «хош», а «тебя» на «тя». SMS-общение чрезвычайно популярно, особенно среди молодых людей. Не путаться в большинстве конструкций и аббревиатур позволяет наличие сокращений, давно ставших привычными. Большинство пользователей мобильных телефонов, находясь в едином информационном пространстве, используют одинаковые знаки и символы, так что даже незнакомцы смогут легко понять друг друга.

Относиться к такой тенденции можно по-разному. С одной стороны, сокращения – безусловная экономия времени и сил. Быстрый темп жизни приводит к постоянному движению. Люди пишут гораздо больше, чаще и быстрее, чем раньше.

Это не только SMS, но и электронная почта, социальные сети, блоги и другие ресурсы. Вместе с возрастанием количества иногда приходится жертвовать качеством, ведь бывает важнее донести сведения максимально быстро, чем тратить время написание длинных писем по всем правилам и нормам.

Конечно, SMS-сообщения можно назвать языком, включив его в группу искусственных языков, которые в отличие от естественных конструируются целенаправленно и применяются для выполнения отдельных функций естественного языка, который способен выступить посредником межъязыкового и междиалектного общения. Ведь этот язык является одним из возможных средств преодоления языкового барьера. Язык SMS-сообщений уже принят обществом.

По своей структуре язык SMS-сообщений может входить в подгруппу смешанных языков, созданных на основе заимствованных из различных языков, частично на основе искусственно придуманных слов либо как язык, построенный преимущественно на основе интернациональной лексики (как эсперанто и идо).

SMS-сообщения, несмотря на необычность, ненормативность, служат средством общения. Это явление закономерно, так как язык – «живой организм», постоянно развивающийся и отвечающий на новшества в жизни появлением новых языковых явлений и факт существования нового языка общения признать необходимо. На наш взгляд, SMS-сообщения, несмотря на необычность языкового облика, служат средством позитивной частной коммуникации, они удобны, практичны

и дешёвы, а порой просто необходимы, но это не более, чем один из видов электронного общения, не способный заменить родной язык, который «в умелых руках и опытных устах – красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен». История появления SMS-сленга не так уж и затейлива. Людям свойственно экономить время и деньги, потому что время – деньги, и для большей скорости и меньшей затратности – в России в одном сообщении можно отправить до семидесяти символов, – и потому появились различного рода сокращения, а затем и новые слова, характерные для сообщений. Русский язык обогащается не только иностранными словами, но и собственными неологизмами, прибывающими из сети Интернет и из SMS-сообщений.

Информация об авторе: *Вавилова Елена Михайловна*, учитель русского языка и литературы лицея № 230 г. Заречного (г. Заречный Пензенской области, Россия).

КИТАЙСКАЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (НА ПРИМЕРЕ ЭТИКЕТА ЗА СТОЛОМ)

Ван Юйин

г. Челябинск, Россия
alinawangyuuying@gmail.com

Аннотация. Рассматривается отражение китайской культуры питания в этикете за столом. Актуальность исследования обусловлена расширением межкультурных контактов и необходимостью понимать друг друга. Предлагается анализ лексических средств, выражений, примеров китайского этикета за столом. Выделяются универсальные и культурно-специфические правила, даются комментарии к ним.

Ключевые слова: лингвокультурология, гастрономическая культура, китайская лингвокультура, этикет за столом

Для цитирования: Ван Юйин. Китайская гастрономическая культура (на примере этикета за столом) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 20–23.

Китайская гастрономическая культура имеет длинную историю, она существует со времён Суйжэньчжи, когда, согласно историческим записям, люди начали осваивать огонь. Следует отметить, что во времена палеолита люди ели сырую пищу, поэтому культуры питания ещё не было. Китайские фразеологизмы как часть отражения культуры Китая подтверждают эту точку зрения. Например, китайский фразеологизм – 茹毛饮血 (*пожирать сырое мясо и пить кровь животных*) зафиксировал, каким образом ели первобытные люди. Фразеологизм – 钻木取火 (*сверлить дерево, чтобы добыть огонь*), который встречается в литературном произведении китайского писателя Лао Шэ (老舍 1933) «原始之人, 钻木取火» (*первобытные люди сверлят дерево, чтобы добыть огонь*)¹ показывает, как первобытные люди добывали огонь. Освоение людьми методов использования огня стало значительным шагом для человечества, поскольку это означало переход от варварства к цивилизации. Именно с этого момента люди стали задумываться, как готовить, как есть, как красиво подавать еду, какую одежду надевать перед тем, как отправиться на банкет, и какие правила нужно соблюдать во время еды и т.д. Постепенно формировалась культура питания, в том числе, соблюдение этикета за столом. По словам китайского ученого Ван Цзюани (王娟), «根据文献的记载, 早在我国周代, 饮食礼仪就已经形成了一套相当完善的制度» («Согласно историческим записям, ещё при династии Чжоу в Китае уже сформировалась достаточно полная система гастрономического этикета»)² [1, с. 173]. Китайская культура питания развивается и в наши дни, этикет за столом уже сформирован определёнными правилами и ритуалами, имеет важное значение для всех носителей культуры. Для понимания китайской кулинарной традиции важно остановиться на следующих позициях: порядок подачи блюд, гастрономические нормы и способы приёма пищи.

Порядок подачи блюд.

Соблюдение этикета за столом начинается с понимания порядка подачи блюд. В Китае много видов местных кухонь и способов организации торжественных приемов пищи. Порядок подачи блюд зависит от характеристик блюд, типа

© Ван Юйин, 2022

¹ Перевод наш. – Ван Юйин.

² Перевод наш. – Ван Юйин.

банкета, вида местной кухни, и различий в сервировке. Можно выделить основной принцип, который описан в работе китайских ученых: «先冷后热、先炒后烧、先咸后甜、先清淡后肥厚、先优质后一般以及遵循一般的风俗习惯» («Сначала подают холодные блюда, затем горячие; простые жареные идут перед сложными жареными; соленые перед сладкими, легкие и вкусные перед жирными и сочными, редкие и качественные перед обычными, и нужно соблюдать простые обычаи и привычки») [4, с. 83]. Этот порядок подачи соответствует китайским привычкам в еде. В китайской кухне обычно предлагают холодные блюда для стимуляции аппетита, потом за ними следует большая порция прозрачного супа. Горячий суп может помочь повысить температуру тела. Выпив горячий суп, гость приступит к дегустации основного блюда. В отличие от России китайцы предпочитают четные числа. По словам Ван Яна, «主菜的道数通常是四 六 八等偶数 因为中国人认为偶数是吉数» («Количество основных блюд обычно четное: четыре, шесть, восемь и т.д., так как китайцы считают четное число счастливым») ¹ [2, с. 195]. Хозяин заказывает основное блюдо в соответствии со вкусом гостей. Как незаменимую часть китайской кухни основную еду (рис, пельмени, пироги и т.д.) обычно подают к концу приема пищи, но, если есть блюдо, пригодное для употребления вместе с основной едой (например, 鱼香肉丝 — рубленая свинина со вкусом рыбы), то его тоже подают вместе с рисом. После еды хозяин обычно приносит тарелку фруктов. После фруктов хозяин приглашает гостей в гостиную выпить чаю и поговорить. Основные блюда, фрукты и чай — это полный китайский семейный обед [6]. В большинстве случаев блюда меняются в зависимости от сезона, например, холодных блюд больше летом, а горячих — зимой.

Гастрономическая норма

Китайский учёный Чжао Жунгуан (赵荣光) в своей статье написал: «餐桌礼仪就是让一个人顺利进入社会的安检门» («Этикет за столом — это ворота безопасности, которые позволяют человеку беспрепятственно войти в общество») ² [5, с. 2]. Без сомнения, с помощью этикета за столом можно хорошо узнать характер и поведение человека. Одной из наиболее важных частей китайского обеденного этикета является расположение гостей за столом во время приема пищи. Как правило, обеденный стол в Китае обычно круглый, так как в китайских словах 团圆 (встреча после разлуки) и 圆桌 (круглый стол) иероглиф 圆 (круглый) символизирует счастье и встречу после разлуки. Кроме этого, у круглого стола нет углов, круглый стол сближает и уравнивает сидящих за ним людей. На банкете порядок рассаживания такой: место гостей — позиция слева, на востоке и лицом к двери — считается благородной позицией. Китайский фразеологизм “虚左以待” (держат пустым почетное место для достойного гостя) выражает уважение китайцев к гостям. Есть два варианта, куда сядет хозяин: хозяин сидит напротив двери, слева от хозяина — самый главный гость, справа — второй важный гость, то есть главные гости сидят рядом с хозяином. Хозяин сидит напротив главного гостя, иными словами, хозяин и главный гость сидят по обе стороны от стола, чтобы удобно было говорить лицом к лицу. Гости, которые не имеют высокого статуса, располагаются на местах, наиболее удаленных от места хозяина застолья. Главный гость на банкете обычно только один, кроме его и хозяина, остальные как второстепенные гости, иногда

¹ Перевод наш. — Ван Юйин.

² Перевод наш. — Ван Юйин.

приглашенные специально в помощь хозяину. Если это семейный банкет, то главный – старший по возрасту, а последний – самый младший. Распределение мест и начало приема пищи обычно начинают со старших, по словам Цуй Силяна (崔希亮), «中国人遵守“长幼有序”的规则» («Китайцы соблюдают правило субординации в отношениях между поколениями»)¹[3, с.297], то есть должен соблюдаться порядок в отношениях между старшими и младшими: сначала старшие, потом младшие, это сыновняя почтительность китайцев к пожилым людям, так как китайцы с детства изучают “尊老爱幼是中华民族的传统美德” («Уважение к старым и бережное отношение к детям – это традиционная добродетель китайской нации»), эта фраза работает не только за столом, но и является общественной нормой, китайцы осознанно его соблюдают, вплоть до того, что в автобусе приклеивают пропагандистский лозунг “尊老爱幼” («С уважением относись к старым, с любовью к детям»). Поэтому на семейном обеде самый главный гость обязательно попросит старшего хозяина дома (обычно это родители или дедушка и бабушка хозяина) сесть на самое важное место.

Кроме вышесказанного, на семейном обеде и на официальном банкете есть много правил: прежде чем начинать есть нужно подождать, пока все соберутся; гости должны дождаться, пока хозяин устроит себе место; после того, как все расселись, хозяин произносит речь и приглашает почетного гостя попробовать блюда; при обслуживании гостей нужно использовать общественные палочки для еды; нельзя вставить палочки для еды вертикально в миску для риса, это считается дурным тоном, так как напоминает палочки с благовониями, которые ставят умершим родственникам; нельзя стучать палочками о миску и тарелку, потому что так делают только нищие; икать, чавкать во время приёма пищи, шуметь во время приема супа не принято; если шумишь не по своей воле, то нужно извиниться; не принято опускать голову, чтобы поесть и не общаться с другими; нельзя жадно набрасываться на еду; лучше не чистить зубы зубной нитью перед всеми, при необходимости прикрыть рот салфеткой или рукой.

Способы приёма разных блюд

Всем известно, что палочки для еды занимают очень важное место в китайской культуре питания. Итак, способы правильного пользования палочек для еды является вопросом для многих. Как правило, палочки для еды нужно держать правой рукой. Большим и указательным пальцами держим верхний конец палочек, безымянный палец и мизинец используются для удержания нижнего конца палочек, а средний палец остается под верхним концом палочек для еды. Таким способом можно гибко поворачивать палочки для захвата пищи. Для тех немногих посетителей, которые используют палочки для еды левой рукой, лучше заранее объяснить, как правильно есть китайскими палочками. Во время еды нужно брать палочки для еды осторожно, держать их в одной руке. Не держать палочки для еды слишком низко, и в то же время две палочки должны быть выровнены с кончиками палочек вместе; другая рука может держать миску, если не держать миску, можно слегка держать тарелку или прислонить запястье к краю стола. Когда посетители берут еду палочками, должны ее ухватить и сразу же взять к себе на тарелку. Если не хочешь есть во время еды, и на столе есть подставка для палочек, то можно отложить палочки на подставку; если ее нет, то положить палочки на свою тарелку и не мешать окружающим.

В китайской кухне часто встречаются креветки, крабы, курица, утка и рыба. При употреблении креветок и крабов можно сначала есть руками – убрать несъедобную часть руками, потом вытереть руки полотенцем или помыть в туалетной

¹ Перевод наш. – Ван Юйин.

комнате, и дальше есть палочками. У цыплят, уток, рыбы и т.д. нужно сначала аккуратно удалить палочками кости, а затем есть маленькими кусочками. Рыбные кости должны быть убраны либо в бумажные салфетки, либо на край тарелки. В китайской кухне редко принимают пищу руками, так как это считается грубо и невежливо. Когда зачерпываешь суп ложкой, нельзя наливать его слишком много, когда ешь суп, не следует опускать низко голову. Рекомендуется горизонтально держать ложку правой рукой, поддерживать суповую тарелку левой рукой.

Прием пищи является не только удовлетворением физических потребностей, но и важным социальным опытом, в котором отражается образование, уровень семьи и воспитание самого человека. Процесс приема пищи является одним из видов коммуникации, в котором и темы обсуждения, и поведение за столом представляют собой обмен информацией между коммуникантами. Понимание культуры питания другой страны, уважение культуры другой страны, не только помогают понять культуру этой страны, вести себя на банкете корректно, но и в процессе обмена культурой питания помогают повысить эффективность коммуникации, углубить дружбу между народами и уменьшить конфликты, что играет положительную роль для взаимопонимания между странами.

Список литературы

1. Ван Цзюань. Взгляд на культурные различия между Китаем и Западными странами с точки зрения этикета за столом // Журнал Тайюаньского городского профессионального института. 2011. С. 173–174.
2. Ван Ян. Различия в манерах за столом между Китаем и Западными странами // Способности и мудрость. 2016. С. 195.
3. Цуй Силян. Китайские устойчивые выражения и гуманитарный мир Китая. Пекин : Пекинский университет языка и культуры, 2005. 326 с.
4. Чжан Цзе, Ли Юе. Сравнение китайской и западных стран кулинарной культуры. Шанхай : Шанхайский университет Цзяотун, 2017. 164 с.
5. Чжао Жунгуан. Китайские палочки для еды и реконструкция китайского столового этикета – анализ китайской культуры палочек для еды (II) // Журнал Наньнинского профессионального института. 2016. № 5. С. 1–5.
6. 中餐宴会上菜的基本规则 (Основные правила сервировки китайского банкета). URL: <https://www.3rxing.org/question/cb75580ead44119635.html> (дата обращения: 28.03.2021).

Информация об авторе: Ван Юйин, аспирант Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия).

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ВОДОЁМОВ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Р. Р. Грдзелян

*г. Ереван, Республика Армения
ruzangrdzelyan@gmail.com*

Аннотация. Дается сопоставительное описание лексико-семантической группы «наименования водоёмов» в русском и армянском языках. Выявляются те смысловые компоненты лексем, которые различают их значения и употребления, лексические лакуны, влияющие на структуру лексического значения соседних с ними лексем, производные и специфика их значений. Подобное описание отдельных лексико-семантических групп позволит в дальнейшем определить лексико-типологические особенности русского и армянского языков – общую лексическую и структурную характеристику словарного состава, модели лексикализации и способы вербализации смыслов (соотношение «слово – словосочетание»), наличие специфических лексико-семантических групп, таксономическую глубину отдельных групп, специфику семантики словообразовательных гнезд, а также особенности синонимии.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, семантический компонент, смысловой компонент

Для цитирования: Грдзелян Р. Р. Лексико-семантическое описание наименований водоёмов в русском и армянском языках // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 24–28.

*Вода, вода, кругом вода.
К. Я. Ваншенкин*

Как известно, язык есть продукт мировидения и миропонимания этноса. Язык есть объективная действительность, отражённая в зеркале восприятий и ощущений субъекта. С этой точки зрения интересно описание природных объектов, имеющих, казалось бы, чёткие, подчас жёсткие, неоспоримые, не подлежащие субъективному видению и субъективной оценке параметры. Моря, реки, озера, горы, камень, лежащий на дороге, – всё это предметы, объекты внешнего мира, данные человеку в «готовом виде» и не требующие особого понимания: вот предмет, вот я его вижу, вот я могу на него указать. И дело за малым – всего лишь назвать его! Однако даже поверхностный, беглый взгляд на наименования природных объектов и в особенности на их употребление подводит нас к отрицанию подобного механистического взгляда.

Предметом нашего рассмотрения является лексико-семантическая группа (ЛСГ) русских и армянских наименований водоёмов, являющихся природными объектами, элементами ландшафта – море / океан, озеро, река, ручей. Сопоставительное описание отдельных ЛСГ может стать основой для проведения типологических исследований лексики двух языков. При описании мы стремились выявить сходства и различия между лексемами и ЛСГ в целом, руководствуясь рядом параметров.

Во-первых, предметом лексико-семантического сопоставительного анализа должно стать не слово как единица языка, не лексема как единица словаря, а фор-

мирующие лексическое значение смысловые и семантические компоненты. Данный критерий можно считать основным. Во-вторых, для выявления смысловых и семантических особенностей межъязыковых синонимов значимым часто становится обращение к этимологии, так как образная основа слова может влиять на последующее развитие его семантики, на словоупотребление и лексическую сочетаемость. В-третьих, это сопоставление лексической парадигматики лексемы, в частности её синонимии, наличия / отсутствия гипонимов, гиперонимов. Значимыми для сопоставительного описания критериями являются лексическая сочетаемость, наличие / отсутствие производных.

Так, первое, основное, значение слова «море» идентично в обоих языках: 'большое / обширное водное пространство с горько-солёной водой', что позволяет выделить смысловые компоненты 'обширное пространство', 'вода', 'солёный'. Именно эти смысловые компоненты позволяют развиваться в русском языке второму значению слова «море» – 'очень большое озеро с горько-солёной водой'. В армянском же языке данное значение (как и в некоторых русских диалектах) не включает компонент 'солёный', следовательно, морем по-армянски можно назвать любое большое водное пространство, включая искусственные водоёмы. Ср. толкования этой лексики в «Толковом словаре современного армянского языка» Эд. Агаяна: 'большое озеро', 'искусственный большой водоём' (*Каспийское море, Ванское море, Севанское море, море Урмия, Ереванское море*) [1, I, с. 656]. Ср. также: *Наши предки называли озёра Армянского нагорья морем, более ласково – морюшком* (К. Аветисян) (здесь и далее перевод с армянского – Р. Г.); *Второе большое море / морюшко / морце Армянского нагорья – это озеро Ван* (А. Хачатрян). Такая, казалось бы, незначительная разница важна с лингвокультурной точки зрения. В первую очередь подобное расширение значения может быть связано с размерами, географическими характеристиками, историей страны. Примечателен в данном случае факт употребления деминутивов, в целом не характерных для армянского дискурса, не употребляемых активно в армянской речи, однако последовательно образуемых от наименований водоёмов и некоторых других важных для армянской языковой картины мира наименований элементов ландшафта, ср. [cov] – [covak] 'море – морюшко'; [lič] – [lčak] 'озеро – озерцо'; [get] – [getak] 'река – речка'; [afu] – [afvak] 'ручей – ручеёк'; [ağbjur] – [ağbjurak] 'родник – родничок' Ср. также: [jor] – [jorak] 'ущелье – маленькое ущелье, ущельице' (здесь и далее армянские буквы отображаются в виде традиционной научной транслитерации Хюбшмана-Мейе). Однако нельзя не отметить, что армянские деминутивы в большинстве случаев отличаются в смысловом отношении от аналогичных русских слов. В структуре лексического значения армянского деминутива чаще всего преобладает логический компонент значения – 'маленький', тогда как у русского деминутива чаще всего преобладают те или иные эмоционально-оценочные компоненты. Условно это различие можно передать вариантами термина: для армянского языка характерно употребление *уменьшительно-ласкательных* форм слова, для русского же языка – скорее *ласкательно-уменьшительных*. Так, если в отдельных ситуациях по-русски «морюшком» ласково возможно назвать любое море – Чёрное, Средиземное, Аравийское и даже Атлантический океан, то по-армянски так можно сказать только об озере, преимущественно об озерах Армянского нагорья. Так, если терминологические сочетания «Аральское море», «Каспийское море» употребительны также и в армянском языке, то в армянском корпусе текстов (ВАНК), например, нет ни одного случая употребления словосочетания «Байкальское море» в то время, как объективно Байкал больше любого озера Армянского нагорья, следовательно, его логично назвать морем. Сами же местные жители озеро Байкал оправданно называют именно морем. Таким образом, подобное расширение объёма значения слова

«море», по всей видимости, во многом связано с языковой картиной мира, с отождествлением границ «своего», «частного», «национального» мира и «глобального» мира. Так, озеро Ван – важный для армянского мира и армянской культуры знаковый природный объект, оно безоговорочно воспринимается как большое и значимое в «армянском ландшафте», и в армянском дискурсе ему присваивается статус моря. С подобным употреблением переключается также факт использования слова «море» в Библии, где морем именуется реки Ефрат и Нил, в частности их дельты. Морем также именуется земли к западу от Средиземного моря. Данные значения представлены в словаре древнеармянского языка (Новый словарь армянского языка) [6, I, с. 1023], в Корневом словаре Р. Ачаряна [2, II, с. 468], а также в Библейской энциклопедии архимандрита Никифора [3, эл. ресурс]. Примечательно, что подобные значения могли развиться при игнорировании основных семантических компонентов лексемы «река» – ‘русло’, ‘длина’, ‘течение’.

В целом словарные статьи армянской лексемы [sov] и русской лексемы «море» в толковых словарях можно охарактеризовать как неравные по объёму. Так, если в толковых словарях русского языка приводится 2–3 значения этой лексемы, то в толковых словарях армянского языка количество значений лексемы [sov] колеблется от 8 до 16. Подобный факт связан как с особенностями интерпретации, с дробностью представления значения слова, так и с объективным существованием у слова тех значений, которых нет в сопоставляемом языке, а также грамматическими особенностями (слово [sov] может выполнять также и функции прилагательного: ‘синий, глубокий и притягивающий, как море’, например, *море-глаза / как море глаза*; ‘обильный, богатый, густой’, например, *море-волосы / море волос / густые волосы*; ‘сильный, мощный’, например, *голос-море*, то есть голос, сильный и мощный, как рокот моря). Ср. также связанное с пространственной семантикой, однако являющееся самостоятельным значением толкование армянской лексемы – ‘обширное поле деятельности (арена), сфера, среда чего-либо’, например, *море жизни, море мира, море подлости и козней*. Таким образом, если в русском языке основой образования вторичных значений слова «море» является пространственная и количественная семантика, то в армянском языке зафиксированы также значения, включающие такие компоненты, как ‘цвет’, ‘звук’, ‘глубина’. Ср. примеры: *Дальше, за лесом, начиналась великая пустыня – необъятное море песка* (А. М. Волков); *А я со своей жаждой ласки скоро утону в море любви или болоте пошлости* (В. Н. Гельфанд). *Как будто море света хлынуло на меня...* (Ф. М. Достоевский); *Три трупа, море крови – и ни одной целой вещи вокруг* (А. Росляков); *Только море снега, заунывно ровное, мертвое море* (А. Вампилов); *Твои море-глаза под моренбем* (Н. Брутян); *У этой бледной девушки море-глаза* (В. Арамян); *Поле распростёрлось / раскинулось как море зелени / морем зелени* (С. Зорян).

Рассмотрение значений русских и армянских лексем «море», «озеро», «река», [sov], [lič], [get] позволяет нам сделать вывод о том, что все они развивают переносные значения на основе семантических компонентов ‘пространство’, ‘количество’ – ‘обширное пространство чего-либо’, ‘заполненность обширного пространства’, ‘обилие чего-либо’, ‘обильно текущее что-либо’. В армянском языке развиваются и другие значения на основе таких семантических компонентов, как ‘цвет’, ‘звук’, ‘глубина’, ‘застой’ – ‘синий, глубокий и притягивающий, как море’ (*море-глаза / глаза как море*), ‘сильный, мощный’ (*море-голос / голос, мощный как море*), ‘величина, глубина и сила чувств’ (*море горя / чувств / мыслей; В бескрайнем море армянского горя мучается моя душа*), ‘обильно разлитая / застоявшаяся / вытекшая откуда-либо жидкость’ (*озеро дождевой воды / грязной воды / крови*), ‘постоянное движение / течение’ (*река времени*).

Подобное расхождение в значениях армянских и русских лексем отчасти связано также с различной таксономической глубиной ЛСГ «наименования водоёмов», а именно с наличием в русском языке таких слов, как «пруд», «лужа» и отсутствием подобных слов в армянском языке. Ср. примеры употребления данных лексем в литературном армянском и русском языках: *озеро крови – лужа крови, озеро дождевой воды – дождевая лужа / лужа от дождя*, а также *лужа от снега / от бензина / от кондиционера*, [lʃak], *искусственное озеро – пруд*. Такие смысловые компоненты, как ‘скапливание’, ‘застой’, в русском языке являются компонентами лексического значения слова «лужа», тогда как в армянском формируют вторичные значения слова [lič] / [lʃak] ‘озеро’, ‘озерцо’.

Русские и армянские лексемы различаются также и своими производными. Сопоставление производных позволяет нам сделать общий вывод о том, что их объёмы асимметричны: количество армянских производных значительно превышает количество русских. Так, в МАС зафиксировано около 20-ти производных слова «море», тогда как в Толковом словаре современного армянского языка Э. Агаян [1, I, с. 656-659] – более 270 производных аналогичного армянского слова [cov]. Подобная асимметрия имеет ряд причин. Одна из которых – преобладающая в армянском языке модель словосложения, позволяющая оформлять в виде слова те значения, которые в языках с преобладанием суффиксально-префиксального способа образования слов, как правило, оформляются в виде словосочетаний, ср.: [covezr] – кромка моря, [covameg] – туман над морем / морской туман, [covandund] – морская пучина, [lʃarʹ] – берег озера, [getahun] – русло реки, [getaʔat] – богатый реками, [getanavarkutʹun] – речное судоходство.

Русские и армянские производные асимметричны также с частеречной точки зрения. Так, в армянском языке от слов [cov], [lič], [get] образуются соответствующие глаголы – [covanal] – ‘превращаться в море, скапливаясь, образовывать море’, ‘обильно пролитая в каком-либо месте, скопившаяся или застоявшаяся жидкость’, ‘о людях: собраться в одном месте, образовать большую толпу’, ‘вырасти как море, разлиться, распространиться’, ‘распространиться, образовывать бескрайние просторы; окутывать чем-то большое пространство’, ‘обогатиться, стать владельцем огромного состояния’, ‘скапливаться, увеличиваться, преумножаться’; [lʃanal] – ‘о жидкости: скапливаться или застояться’, ‘не выказывать признаков движения, быть обреченным на бездействие’, ‘перестать развиваться’, ‘наполниться слезами’, ‘скопиться, собраться’; [getanal] – ‘стать рекой’, ‘увеличиться, стать обильной, полноводной, как река’.

Итак, мы описали лексико-семантические особенности небольшой по объёму ЛСГ. Однако и в этом случае прослеживается разница в смысловой организации и структуре группы тематически близких слов. Подобное описание отдельных ЛСГ позволит в дальнейшем определить лексико-типологические особенности русского и армянского языков – общую лексическую и структурную характеристику словарного состава, модели лексикализации и способы вербализации смыслов (соотношение «слово – словосочетание»), преобладающие способы расширения значения, наличие специфических лексико-семантических групп, таксономическую глубину отдельных ЛСГ, специфику семантики словообразовательных гнезд, а также особенности синонимии.

Список литературы

1. Агаян Э. Толковый словарь современного армянского языка. Ереван : Айастан, 1976. Т. I–II (на армянском языке).
2. Ачарян Гр. Корневой словарь армянского языка. Ереван : Изд-во ЕГУ, 1971. Т. I–IV (на армянском языке).

3. Библейская энциклопедия / архимандрит Никифор (Бажанов). URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/>
4. Восточноармянский национальный корпус (ВАНК). URL: http://www.eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru (дата обращения: 31.01.2022).
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 31.01.2022).
6. Новый словарь армянского языка. Ереван : Изд-во ЕГУ, 1979. Т. I–II (на армянском языке).
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование : ОНИКС, 2015. 1375 с.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.

Информация об авторе: *Грдзелян Рузан Рубеновна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Республика Армения).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В МЕМУАРАХ АКТЁРОВ ТЕАТРА И КИНО

Л. Б. Гурьянова

г. Пенза, Россия

lyudmila010159@ yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются мемуары актёров и актрис театра и кино с точки зрения функционирования в них имён собственных; выделяются наиболее частотные группы – антропонимы, топонимы, зоонимы; показываются сходства и различия употребления разрядов имён собственных в воспоминаниях деятелей искусства.

Ключевые слова: мемуары, жанр, воспоминания, антропонимы, топонимы, зоонимы

Для цитирования: Гурьянова Л. Б. Функционирование имён собственных в мемуарах актёров театра и кино // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 29–40.

В последнее время неустанно растёт интерес исследователей к воспоминаниям как жанру. В настоящее время сформировалось несколько подходов к мемуарам: одни, например, И. А. Книгин, рассматривают их как жанр художественной прозы [4, с. 113]; другие, например, Ю. Н. Мажарина, говорят о них как о виде публицистического творчества [7, с. 206]; третьи, например, А. В. Галькова, определяют воспоминания как нечто промежуточное между документальной и художественной литературой [2, с. 145].

Особое место среди воспоминаний, опубликованных в последние годы, занимают мемуары актёров и актрис. Как правило, они привлекают внимание массового читателя, знатоков и любителей театра и кино. По мнению А. В. Гальковой, причины их написания тесно связаны с желанием «досказать, разрушить стереотипы, изменить представление о себе только как об актёре одной роли, избавиться от распространённых прессой искажений реальной жизни» [2, с. 147].

Фактологическим материалом для нашей статьи послужили выпущенные в разных издательствах воспоминания актёров и актрис театра и кино: В. Зельдин «Моя профессия: Дон Кихот», В. Лановой «Летят за днями дни», К. Лучко «Я – счастливый человек», В. Талызина «Мои пригорки, ручейки. Воспоминания актрисы», А. Ширвиндт «Проходные двory биографии» и «Склероз, рассеянный по жизни».

Изучая русские историко-литературные и общественно-политические журналы конца XIX – начала XX в., А. В. Галькова обратила внимание на то, что справочно-вспомогательный аппарат к мемуарным публикациям обычно состоял из предисловия (редакционного, авторского предисловия специалиста или корреспондента журнала (или другого лица), записавшего устные воспоминания...), подстрочных или затекстовых примечаний (редакторских, авторских или сделанных корреспондентом журнала или другим лицом, записавшим устные воспоминания), комментариев и приложений [2, с. 153].

Рассматривая современные публикации мемуаров, можно обнаружить как черты сходства, так и черты различия в них.

Так, например, в воспоминаниях К. Лучко и В. Ланового есть предисловие: о К. Лучко пишет Э. А. Рязанов, а о книге В. Ланового – С. Ф. Бондарчук. Мемуары

В. Талызиной содержат подборку рецензий на её театральные роли и стихи, посвящённые ей. Из книги В. Ланового мы получаем информацию о его ролях в театре, кино, на телевидении, сведения о его премиях и наградах, общественных орденах и медалях. В воспоминаниях А. Ширвиндта опубликована его переписка с женой.

Практически каждая из книг содержит не только текст, но и иллюстрации. В большинстве случаев это личные фотографии актёров и актрис в разные периоды жизни, нередко это фрагменты из спектаклей или кинофильмов, фотографии на разных фестивалях или встречах со зрителями. Хотелось бы отметить нестандартный подход к иллюстративному материалу у А. А. Ширвиндта в книге «Проходные дворы биографии». Кроме личных фотографий автор размещает в ней почётные грамоты, вручённые артисту, акты приёмки спектаклей, приглашительные билеты, подлинные конверты писем, забавные рисунки и т.д. Всё это, несомненно, расширяет представление читателя о жизни и работе артиста.

Особое внимание следует обратить на подписи к фотографиям. Чаще всего они лаконичны, например, «Первая роль в кино», «Три встречи» 1948» или «Цыган, 1979» (книга К. Лучко); «Сцена из спектакля «Клоп» или «Папа Кости Райкина» (книга А. Ширвиндта «Склероз, рассеянный по жизни»); «Карл Вольф в "Семнадцати мгновениях весны". Гимлер – Николай Прокопович, Шелленберг – Олег Табаков. 1973 г.» или «"Принцесса Турандот". С Ю. Борисовой» (книга В. Ланового).

Особого внимания заслуживают подписи к фотографиям в книге В. Зельдина. Кроме привычных, например, «Сцена из спектакля «Комедия ошибок» или «Кардинал Мазарини. Т/ф "Двадцать лет спустя"», читатель встречается немало оригинальных: например, рассказывая о легендарном спектакле «Учитель танцев», где он исполнил главную роль Альдемаро, автор пишет, помещая фотографии фрагментов спектакля: «Все танцы в спектакле (павана, тарантелла, гаюмбо, зорондо, аморозо, болеро – одни названия чего стоят!) были не совсем реальными народными танцами. Настоящий испанский танец грубоват, а Владимир Бурмейстер его смягчил и стилизовал» [3]. Добавим, что эту роль актёр играл 30 лет и выходил на сцену более 1000 раз.

Другая подпись – «Главный фильм моей жизни "Свинарка и пастух", 1941. Любимая партнёрша Марина Ладынина в роли Глаши» [3]. Здесь же несколько фотографий М. Ладыниной с дарственными надписями: «Дорогой Володя, благодарю судьбу за встречу с тобой. Марина Ладынина» и «Володе Зельдину. Верному другу и блестящему артисту» [3].

Каждая книга структурирована, поделена на части или главы, но и здесь есть различия. Так, в книга В. Зельдина начинается с вступления «Я еду с ярмарки», а затем следуют семь глав: глава первая «Моё ароматное детство», глава вторая «Театральные университеты», глава третья «Свинарка и пастух», глава четвёртая «Учитель танцев», глава пятая «Театр-дом на Суворовской площади», глава шестая «Товарищ кино, или кое-что о динозаврах», глава седьмая «И о личном». Книга завершается заключением «Что значит старость?!». И это не случайно, ведь книга вышла к 100-летию со дня рождения актёра. В основном все главы книги расположены в хронологическом порядке.

А вот в мемуарах А. Ширвиндта «Склероз, рассеянный по жизни» структура совершенно иная: в качестве вступления читателю предлагается глава «Лоскутное одеяло мыслишек», а затем главы даются в обратном хронологическом порядке: «От 80 до 60», «От 40 до 20», «От 20 до 10», «От 10 до 0». Кроме того, книга содержит раздел «Восковые фигуры моего мини-музея», который посвящён тем людям, с которыми актёр встречался, дружил, работал, а заканчивается книга подлинным медицинским заключением о состоянии здоровья актёра.

Хотелось бы обратить внимание ещё на одно обстоятельство. Из пяти авторов трое признаются, что писать воспоминания им помогали. Так, В. Лановой благодарит журналиста и искусствоведа Виталия Ивановича Ивашнева, «который помог написать эту книгу» [5, с. 340], послесловие в книге В. Талызиной написано «журналистом, автором литературной записи Еленой Светловой» [11, с. 311], из аннотации к книге В. Зельдина читатель узнаёт, что литературную запись сделала Н. Ю. Казьмина под руководством Б. М. Поюровского.

Цель нашей статьи – привлечь внимание к функционированию имён собственных в мемуарах актёров. Актуальность исследования связана с их особой ролью в текстах воспоминаний, когда имена собственные не только становятся приметой индивидуально-авторского стиля, но и подтверждают особый подход к отбору онимической лексики.

Конечно же, имена собственные встречаются во всех стилях речи: в публицистическом, научном, официально-деловом, разговорном и в языке художественной литературы. По мнению А. В. Суперанской, имя собственное имеет «более тесную связь с объектом и непосредственность этой связи, в то время как связь нарицательного с предметом осуществляется через понятие» [10, с. 90]. Сходную точку зрения демонстрирует в книге «Русская ономастика» В. Д. Бондалетов: «На первом плане – выделение предмета, на втором – соотнесённость предмета с ему подобными» [1, с. 27]. Далее он отмечает: «Для нарицательного имени обязательно обозначение понятия и факультативно название конкретного предмета, для имени собственного обязательно название конкретного предмета и факультативна <...> понятийная соотнесённость имени» [1, с. 27].

В мемуарах встречаются различные онимические единицы, но преобладают *антропонимы*. Это «любое собственное имя, которое может иметь человек или группа людей, в т. ч. личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним» [9, с. 31].

Как правило, рассказ о жизни актёра или актрисы начинается с детства, поэтому практически все авторы рассказывают о своих родителях или членах их семьи.

Так, В. Зельдин вспоминает о своих родителях – *Анне Николаевне Поповой*, учительнице младших классов, и *Михаиле Евгеньевиче Зельдине*, музыканте и дирижёре, военном капельмейстере. Он достаточно подробно описывает детство и своих братьев и сестёр: *Леночку, дочь папы от первого брака, Юру, Иру, Нину*.

С гордостью В. Талызина повествует в воспоминаниях, что она из известного дворянского рода, ведущего своё происхождение от татарского мурзы, которого звали Кучюк Тагалдызин. «Он вышел из Орды в 1436 г. и приехал в Муром к Великому князю Василию Васильевичу (Тёмному). Затем этот мурза в крещении принял имя Иаков, а его фамилия Тагалдызин трансформировалась в более привычный русскому уху вариант» [11, с. 4]. Правда, в книге она приводит и другую версию происхождения своей фамилии: «Тользой на Руси называли большую дубину, оглоблю. Значит, кто-то из далёких предков отличался мощным телосложением» [11, с. 4].

Александр Ширвиндт в книге «Склероз, рассеянный по жизни» пишет о своём отце – *Анатолии (Теодоре) Густавовиче Ширвиндте* и матери *Р. С. Француз-Ширвиндт*, не называя её полного имени. Кроме того, он рассказывает о родном брате-близнеце своего отца Филиппе и двоюродном брате академике Борисе Евсеевиче Ширвиндте.

К. Лучко ни разу не назвала имена-отчества своих родителей. Возможно, потому, что её детство и юность пришлись на тридцатые годы XX в., когда в СССР

шли чистки, и в главе «Как сейчас помню» она рассказывает, как аресты прошли буквально в шаге от их семьи.

Ещё более драматичным оказалось детство В. Ланового, который накануне войны оказался на Украине у родственников. Он называет своё поколение «родом из войны». Автор воспоминаний только один раз назовёт своих родителей – *Галину Ивановну* и *Семёна Петровича Лановых*, но подробно расскажет, что сделали они для Победы: они работали на химическом заводе, где в первые дни войны «им приходилось вручную разливать жидкость, используемую для противотанковых гранат, <...> в результате чего оба стали инвалидами: отец – третьей группы, а мать – второй» [5, с. 62].

Несмотря на состояние здоровья, мама, как только стало можно добраться до Украины, поехала к своим детям. С трудом передвигаясь, она спешила к тем, кому дала жизнь. С трепетом вспоминает В. Лановой, что они, её дети, в этой исхудавшей женщине не сразу узнали родного человека. И только голос деда помог понять, кто с ним едет в телеге: «Василь, да то ж твоя мамка, куда ж ты...» [5, с. 64].

Нельзя не согласиться с В. Лановым, который пытается объяснить, почему для него, да, вероятно, и для авторов других мемуаров, так важны детские воспоминания и рассказы о родных: «...именно в детстве и юности закладывается в человеке все то, что потом сформирует в нём ту или иную личность, что разовьётся в нём вглубь и вширь... Всё пережитое в детстве, конечно же, не может пройти бесследно, не заложить свои зёрна в детскую впечатлительную душу, чтобы затем через много лет откликнуться в уже взрослом человеке и, конечно, актёре, живущем судьбами своих героев» [5, с. 59].

Конечно, каждый автор воспоминаний рассказывает о детях и внуках, если они есть. Так, А. Ширвиндт повествует о детстве и юношеских годах не только сына *Михаила*, сейчас известного ведущего, но и детях *Михаила* – *Александры* и *Андрея*. И вот здесь он впервые упоминает имя-отчество своей мамы, на которую похожа его внучка. Актёр не понимает, как «от невестки *Татьяны Павловны Морозовой* родилась *Раиса Самойловна*, моя мама, – мистика!» [13, с. 92].

Каждый из актёров вспоминает своих педагогов, которые привели их в профессию. Для кого-то, как для К. Лучко, это наставники их курса во ВГИКе *Сергей Аполлинариевич Герасимов* и *Тамара Фёдоровна Макарова*, которые много сделали для становления профессионального мастерства студентов, которые впоследствии стали известными актёрами: С. Бондарчука, И. Макаровой, Л. Шагаловой, Е. Моргунова и др.

В. Зельдин достаточно часто вспоминает своих наставников в искусстве: это педагоги его актёрского курса в Производственно-театральных мастерских при театре МГСПС – *Василий Васильевич Ванин* и *Евгений Аркадьевич Ленковский*, это хореографы *Вера Ильинична Мосолова* и *Галина Александровна Шаховская*, о которых он через много лет пишет с большим уважением. А вот В. Лановой считал, что пришёл на сцену благодаря педагогам театральной студии при Дворце культуры завода имени Лихачёва – *Сергею Львовичу Штейну* и *Лидии Михайловне Сател*, которые сумели привить любовь к искусству простому пареньку с рабочей окраины. Конечно, он вспоминает и своих педагогов по театральному училищу имени Б. В. Шукина – *Цицилию Львовну Мансурову*, *Зою Константиновну Бажанову*, *А. И. Ремизова*, которые помогли ему стать настоящим артистом.

Часто, следуя русскому речевому этикету, авторы воспоминаний используют развернутую форму – имя, отчество, фамилия человека, о котором они рассказывают, например, В. Зельдин несколько раз вспоминает об *Иване Александровиче Пырьеве*, который утвердил его на главную роль в фильме «Свинарка и пастух», рассуждая о театре, он говорит о *Константине Сергеевиче Станиславском* с «его

стройной системой воспитания актёра» [3, с. 8], рассказывает о знакомстве с великими балеринами *Мариной Тимофеевной Семёновой* и *Галиной Сергеевной Улановой*; К. Лучко называет тех, кто помог ей стать профессионалом в своём деле: режиссёров *Всеволода Илларионовича Пудовкина* и *Александра Петровича Птушко*, актрису *Любовь Петровну Орлову*; в воспоминаниях В. Талызиной рассказывается об актёрах старой школы: *Павле Леонтьевне Вульф*, *Ростиславе Яновиче Плятке*, *Игоре Владимировиче Ильинском*.

Вероятно, используя трёхкомпонентную формулу, авторы стремятся подчеркнуть уважительное отношение к этим людям или указать на официальные отношения между ними.

Часто в качестве синонимической замены выступают и иные обозначения людей:

– по имени и отчеству, например, А. Ширвиндт в книге «Склероз, рассеянный по жизни» вспоминает о *Марке Анатольевиче* (М. А. Захаров), *Николае Олимпиевиче* (Н. О. Гриценко), *Спартаке Васильевиче* (С. В. Мишулин);

– по имени и фамилии, например, А. Ширвиндт в книге «Склероз, рассеянный по жизни» посвящает своим друзьям-актёрам, писателям, поэтам, режиссёрам и драматургам целый раздел, который назвал «Восковые фигуры моего мини-музея». Отдельные его подглавки он называет, используя имена и фамилии тех, о ком повествует, например, «*Валентин Плучек*», «*Григорий Горин*», «*Белла Ахмадулина* и *Борис Мессерер*» и др.;

– по фамилии, например, К. Лучко, вспоминая о поступлении в театральное училище, пишет, что все вокруг говорили «*Эйзенштейн* отметил...» и «*Пудовкин* сказал...» А я и понятия не имела, кто они такие» [6, с. 26]. По словам В. Зельдина, «И "непсихологичный" *Мейерхольд* всегда волновал ужасно. Масштабом, размахом зрелища» [3, с. 77] или «Однако самым любимым артистом у меня в те годы был *Остужев*. Я любил даже его недостатки. Про него говорили: с *Остужевым* не надо репетировать, после первой читки можно играть премьеру» [3, с. 78]. Вряд ли можно предположить, что авторы воспоминаний не знают, как зовут известных режиссёров или кумиров.

Как правило, авторы мемуаров используют форму обозначения в виде фамилии в том случае, если они уже называли человека по имени, отчеству, фамилии, хотя и здесь всё не так однозначно. Так, В. Талызина, посвящая страницы книги партнёру по сцене Театра Моссовета *Геннадью Бортникову*, чаще всего называет его только по фамилии *Бортников* и только в двух случаях называет его *Гена Бортников*.

Однако чаще всего авторы воспоминаний используют разные обозначения. Так, рассказывая о своём «напарнике» М. М. Державине, А. Ширвиндт называет его то *Михаил Михайлович*, то *Миша*, то просто *Державин*, а на страницах, посвящённых другу и коллеге Андрею Миронову, он чаще использует только имя – *Андрей* или *Андрюша*, и только один раз, подчёркивая выдающиеся способности актёра, он использует трёхкомпонентную формулу (имя, отчество, фамилия): «И никто тогда – ни родители, ни будущие друзья, ни даже рухнувшие впоследствии сцены этого театра – не мог представить, что через каких-нибудь двенадцать лет на этой же площади загорится яркая звезда нашего искусства – *Андрей Александрович Миронов*» [13, с. 232].

Вспоминая о своей жизни, игре на театральных подмостках, исполнении ролей в кинофильмах, авторы мемуаров невольно сообщают читателям, как их называют коллеги и поклонники. Так, из книги В. Ланового мы узнаём, что во время оккупации на Украине его звали *Василь*, выдающаяся балерина Галина Сергеевна Уланова звала его *Васей*, а поклонники в письмах чаще всего обращались к нему

по имени-отчеству – *Василий Семёнович*. А незадолго до своей смерти актер Николай Сергеевич Плотников сказал ему в коридоре театра: «*Васечка*, когда я умру, сядь в мое кресло, за мой стол в гримёрной. Я тебе завещаю своё место» [5, с. 212].

Разнообразные формы своего имени приводит К. Лучко: это и *Клара*, и *Кларочка*, и *Клара Степановна*, и *мадемаузель Кляра*, как её называли во Франции, и *Кларичка*, как её звали в Чехословакии.

Рассказывая иногда об одних и тех же людях, авторы воспоминаний называют их по-разному. Так, в книге «Склероз, рассеянный по жизни» А. Ширвиндт пишет о *Людмиле Гурченко*, но чаще использует форму имени, которую любила сама актриса, – *Люся*: «*Люся* была актриса универсальная – драматическая и архи-характерная. Пластика, движение. Патологическая музыкальность. Все составляющие комплекса полноценности актёрской в ней присутствовали» [13, с. 280]. В книге воспоминаний В. Талызина повествуется о знакомстве с режиссёром *Р. Г. Виктюком*, которого она чаще всего называла *Ромой*, *Романом Виктюком*, а иногда просто *Виктюком*.

Авторы воспоминаний иногда, не сговариваясь, называют некоторых актёров и режиссёров, используя нестандартные формы их имени. Так, рассказывая о выдающемся актёре И. М. Смоктуновском, исполнителе роли Гамлета в фильме Г. М. Козинцева, К. Лучко и В. Зельдин называют его *Кешей*, а В. Талызина и В. Зельдин, вспоминая о встречах с известным режиссером Э. А. Рязановым, называют его *Эликом*.

В воспоминаниях актёров часто встречаются и другие нестандартные формы имён известных людей. Так, В. Лановой вспоминает солистку Московского театра оперетты *Танечку Шмыгу* (Т. И. Шмыга), В. Талызина пишет об актёре *Леньке Маркове* (Л. В. Марков) и известном художнике *Паблуше Пикассо* (Пабло Пикассо); А. Ширвиндт в книге «Склероз, рассеянный по жизни» вспоминает о *Леде Утесове* (Л. О. Утесов), *Савке Крамарове* (С. В. Крамаров), *Спартакше Мишулине* (С. В. Мишулин). В. Зельдин рассказывает о работе с *Лялей Викландт* (Ольга Викландт), *Гисей Островской* (Генриетта Островская), *Валей Гафтом* (Валентин Гафт). Вероятно, использование неофициальных форм имени свидетельствует о близких отношениях между ними.

Конечно, немало страниц своих воспоминаний авторы посвящают искусству. Они отмечают, что в актёрской профессии встречается немало трудностей, и то, что казалось отточенным и совершенным, может не вызвать отклика у зрителя.

Интересен в связи с этим эпизод из книги воспоминаний В. Ланового. В Театре имени Вахтангова решили поставить спектакль по сказке Шарля Перро «Золушка». Изрядно переигравший принцев актёр решил сыграть придворного танцовщика – *Маркиза Па де Труа*, считая, что эта роль позволит ему проявить другие грани своего таланта. Режиссёр спектакля С. В. Джимбинова под руководством главного режиссёра театра Р. Н. Симонова много работала с труппой, но, к сожалению, роль у В. Ланового не получалась. Тогда *Р. Н. Симонов* решил не только сам показать актёру, как надо играть, но и заставил его повторить роль перед всеми участниками репетиции. Актёр вспоминает, как режиссёру удалось создать такой образ, который в дальнейшем был им воплощён на сцене и который всегда вызывал восторженную реакцию зрителей.

К. Лучко вспоминает о работе с И. А. Пырьевым, который был суров на съёмках. Вспоминая о работе с ним над фильмом «Кубанские казаки», она пишет: «...*Пырьев* был очень тонким, умным, талантливым режиссёром, чувствующим и понимающим природу актера. На меня и на Катю Савинову он никогда не кричал. Даже если мы что-то делали не так, *Иван Александрович* только глазами поведёт...» [6, с. 47].

Таким образом, авторы воспоминаний высоко оценивают роль режиссёров спектаклей и кинофильмов в процессе становления актёра. Об этом, кроме В. Ланового и К. Лучко, пишут В. Талызина, выделяя из когорты театральных режиссёров Ю. А. Завадского, Р. Г. Виктюка, а среди кинорежиссёров – Э. А. Рязанова, С. В. Бодрова, В. Н. Досталю, М. В. Осипьяна и др. Каждый из них оказал влияние на актрису, хотя и не во всех случаях их мнения совпадали.

Нередко авторы воспоминаний тяготеют к субъективной оценке спектакля или роли. Так, в своей книге В. Талызина с обидой вспоминает о том, что режиссёр Э. Рязанов, снявший культовый фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром», даже не пробовал её на роль главной героини: «Гурченко пробовал, Фрейндлих, Голубкину. Восемь проб сделал Свете Немоляевой» [11, с. 211]. Она сообщает читателю, что Э. Рязанов посчитал, что она сыграла полроли, озвучив польскую актрису Барбару Брыльску, а сама актриса утверждает, что для неё – это целая роль. Подобная реакция В. Талызиной связана и с озвучиванием фильма «Долгая дорога в дюнах», где её голосом говорила героиня Лилиты Озолина. Правда, она достаточно эмоционально пишет о том, что «у Лилиты Озолина по крайней мере хватило мозгов сказать мне открыто, честно: «Знаете, в некоторых местах вы озвучили так, как я не сыграла» [11, с. 213].

Большое влияние на актёров и актрис оказывали коллеги по сцене или кинофильму, у которых они могли многому научиться и о значении которых в своей жизни они стремятся рассказать.

Так, с особым уважением В. Лановой говорит в книге о нескольких партнёрах – Н. С. Плотникове, Н. О. Гриценко, Ц. Л. Мансуровой, М. Ф. Астангове. В главе «Великое созвездие» он не только вспоминает их имена, но и подробно рассказывает, как они играли в спектаклях, как выстраивались их отношения на сцене, какими приёмами они пользовались. Так, говоря о Н. С. Плотникове, В. С. Лановой отмечает: «Он всегда был такой, я бы сказал сиюсекундно присутствующий, <...> всегда обращённый к партнёру. Он также любил создавать крупные характеры крупными, сочными мазками. Не дробил роли на детали, не мельчил, не увлекался характерностью» [5, с. 209–210]. В главе «Школа Вахтангова» В. Лановой пытается разобраться в успехе у зрителя спектакля Театра Вахтангова по пьесе К. Гоцци «Принцесса Турандот». Рассказывая об исполнителе каждой роли, актёр подробно останавливается на манере Н. О. Гриценко, сыгравшего Тарталью: «Он обладал редким даром очень скоро находить общий рисунок роли. А найдя его, смело, как в омут, бросался в уже найденную форму существования героя, умел великолепно жить в определённом рисунке роли и делал просто чудеса в мгновенном перевоплощении в создаваемый образ, да так, что его трудно было узнать, и это при минимальном гриме» [5, с. 185].

С поразительным теплом о своих партнёрах и партнёршах по спектаклям вспоминает и В. М. Зельдин. В главе «Актерская гвардия А Де» он рассказывает о тех, с кем ему довелось играть на сцене театра, который сменил несколько названий: Театр Красной Армии – Театр Советской Армии – Театр Российской Армии.

Среди представителей старшего поколения он выделяет А. П. Хованского, диапазон которого поражал, ведь им на разных сценах были сыграны Чацкий, Незнамов, Карандышев, Жадов, Хлестаков, Фердинанд, Барон [3, с. 200]; А. Е. Хохлова, которого автор воспоминаний называл универсальным актёром и «мастером на все руки» [3, с. 201]; А. М. Ходурского, который «обладал фантастическим чувством жанра и стиля, часто облекал свои роли в острую, даже гротесковую форму» [3, с. 203] и многих других. С восхищением он пишет и о более молодых артистах, с которыми ему довелось играть на сцене, отмечая их достоинства: о Ф. Чеханкове, который был «умён, остроумен, иногда довольно остёр на язык» [3, с. 183],

о *Л. Касаткиной*, которая «так и осталась бы в сознании многих только «укротительницей тигров», комической актрисой, «инженю» [3, с. 199], а режиссёр театра А. Попов сделал из неё героиню; о *Н. Сазоновой*, которая «умела быть невероятно органичной в современных ролях, как никто умела сыграть простых русских женщин, потом деревенских старух...» [3, с. 259] и др.

Конечно, практически каждый автор мемуаров предан сцене и зрителю, хотя здесь не всё так однозначно, ведь, как справедливо писал В. Зельдин, «... жизнь актёра – страшная штука. Жестокая, несправедливая, нервная. Она слишком от многого зависит: от режиссёра, от Случая, от стечения обстоятельств, от успеха. От того, насколько этот успех вскружит или не вскружит актёру голову» [3, с. 163]. Конечно, каждый автор воспоминаний рассказывает читателям и о работе над ролями, и об отношениях с партнёрами, и о требованиях режиссёров к ним.

Так, В. Лановой, который всю жизнь проработал в Театре имени Вахтангова, пишет о современности всего сценического репертуара театра, не важно, когда написана пьеса: «Если я играю слугу *Ковьяля* в мольеровском "Мещанине во дворянстве", важно высмеять современное мещанство, современного обывателя, который унаследовал кое-какие или существенные черты мольеровских героев. Если я играю *Дон Гуана*, я хочу поднять голос против ханжества и лицемерия, лжи, коварства, нашедших пристанище и в наши дни» [5, с. 261].

Для каждого из авторов театр – это не просто место работы, но и место, где происходит поиск зерна роли, общение с коллегами и режиссёрами.

Практически никто из авторов мемуаров не пытался для выступления на сцене или съёмках в кинофильмах взять *псевдоним* – «вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [9, с. 113]. Только А. Ширвиндт пробовал выступать на сцене Театра эстрады под псевдонимом Александр Ветров, но быстро прекратил этот эксперимент, несмотря на то, что неоднократно происходило с его фамилией на афишах и в текстах почётных грамот: его фамилию писали как Ширвин, Шервал, Ширман, Шифрин. По-настоящему комично выглядит история о плакате, который они увидели с М. Державиным перед своим концертом в одном из военных госпиталей под Ашхабадом: «У нас сегодня в гостях известные артисты Дарвин и Ровенглот» [13, с. 145]. Правда, его псевдоним вспомнит жена, когда из роддома напишет ему: «Очень хочу, чтобы мы все были Ветровыми. Ты подумай, Ширвиндт – совсем не театральная фамилия» [12, с. 242]. Однако Александр Анатольевич выступал всегда под своей подлинной фамилией.

Одной из разновидностей антропонимов является *прозвище* – «дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и др. мотивам» [9, с. 111].

Так, В. Талызина сожалеет, что, несмотря на её таланты, выступления на сцене в сельхозинституте, где она сначала училась, *Валькой–артисткой* её никто не называл, и поясняет: «Девочки там были суровые и завистливые, относились друг к другу настороженно» [11, с. 46]. Вспоминая однокурсника Вадима Беровца, обладающего яркой внешностью, она пишет о том, что к нему «приклеилось прозвище *Граф*» [11, с. 58]. Она спокойно относилась к тому, что актёр С. С. Цейц часто обращался к ней, используя прозвище *Тализ*, явно образованное от фамилии. Рассказывая о великой актрисе Фаине Григорьевне Раневской, обладавшей сложным характером, она сообщает, что за глаза в театре её называли *Фуфой*.

В книге «Склероз, рассеянный по жизни» А. Ширвиндт вспоминает и свою школьную кличку *Ширва*, и более позднюю кличку *Маска*, объясняя её выбор своим увлечением «Бастером Китомом из ранних американских фильмов и Анатолием

Кторовым из настоящего МХАТа, которые пленяли меня каменностью лиц при любых актерских переживаниях и сюжетных катаклизмах. Внутри всё кипит и бучует, а на лице – маска. Очень удобная придумка» [13, с. 31]. Он приводит и прозвище художественного руководителя Театра имени Ленинского комсомола Ивана Николаевича Берсенева, которого за кулисами театра называли *Ванька-Каин*, и рассказ о том, что старейшего актёра Театра сатиры Георгия Тусузова Т. И. Пельцер звала *Тузиком*.

В книге воспоминаний В. Зельдин ничего не пишет о прозвищах коллег, но сам автор несколько раз приводит синонимические замены наименования человека. Так, рассказывая о балерине Вере Ильиничне Мосоловой, которая являлась его педагогом по танцу, он использует не только имя-отчество, но и только инициалы *В. И.*, то же происходит и в случае с балетмейстером Галиной Александровной Шаховской, часто именуемой *Г. А.* Рассказывая об известной переводчице испанской, французской и англоязычной драматургии Т. Л. Щепкиной-Куперник, он использует или имя-отчество – *Татьяна Львовна*, или только фамилию *Щепкина-Куперник*, или только инициалы *Т. Л.* Не совсем обычно называли в Театре Красной Армии художественного руководителя А. Д. Попова – *А Де*, а вот известного актера Бориса Андреева друзья часто называли *Бэ Фэ*. Привлекает история о вручении Владимиру Михайловичу Зельдину ордена «За заслуги перед Отечеством» в связи с 85-летием. Церемония состоялась в Кремле, где актёра поздравил лично и. о. президента В. В. Путин, которого артист в воспоминаниях обозначает с помощью инициалов *В. В.*

В книгах воспоминаний много *топонимов*. Это «собственное имя природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле...» [9, с. 127].

Это, как правило, родные места авторов, неважно, где они появились на свет: украинский городок *Полтава* (К. Лучко), провинциальные *Омск* (В.Талызина), *Козлов Тамбовской губернии* (В. Зельдин), столица Советского Союза *Москва* (А. Ширвиндт, В. Лановой). Конечно же, они вспоминают места, в которых им удалось побывать в течение своей жизни. Так, В. Лановой пишет о деревне *Стрымба Одесской области*, где ему пришлось оказаться на оккупированной немцами территории; К. Лучко описывает казахский городок *Джамбул*, где её семья находилась в эвакуации, и *Алма-Ату*, куда ей пришлось поехать на вступительные экзамены во ВГИК; В. Зельдин пишет о *Кабардино-Балкарии*, где начинались съёмки фильма «Свинарка и пастух», и о военной *Москве*, где они продолжались.

Кроме населённых пунктов, расположенных на территории России, авторы воспоминаний достаточно часто рассказывают о посещении ими зарубежных стран во время гастролей, фестивалей, съёмок в фильмах.

Так, В. Талызина в 90-е годы XX в. увлеклась написанием сценариев поэтических спектаклей, большой популярностью пользовалась постановка «Поэтессы Серебряного века». Её вдохновила судьба русской поэтессы Зинаиды Гиппиус и её мужа поэта Дмитрия Мережковского. Руководитель ВГТРК О. М. Попцов заинтересовался проектом и дал добро на поездку и съёмки в *Париже*. Через некоторое время решено было рассказать о жизни и деятельности во Франции русского писателя Ивана Александровича Бунина, съёмки передачи проходили не только в *Париже*, но и *Провансе, Канне, Ницце, городке Берр-лез-Альт*.

Все книги отличаются документальной точностью, в этом авторам помогают программки, афиши, почётные грамоты и благодарности. Так, в книге «Проходные двory биографии» А. Ширвиндт публикует тексты почётных грамот, полученные им в разное время, например, «Сталинградский ГК ВЛКСМ награждает за большую работу по воспитанию молодёжи, проведённую во время гастролей

в г. Сталинграде, и активное участие в многочисленных встречах, шефских концертах и спектаклях Ширвиндт Александра, артиста театра им. Ленинского Комсомола. 6 июля 1961 г.» [12, с. 70] или «Товарищ Ширвиндт Александр Анатольевич, Президиум Верховного Совета Узбекской Советской Социалистической республики за активное участие в проведении гастролей, сыгравших важное значение в пропаганде достижений советского театрального искусства среди трудящихся республики, награждает Вас Почётной грамотой (1973)» [12, с. 68]. Топонимы, упоминаемые в них, помогают актёру точно рассказать, где проходили гастроли.

В книгах воспоминаний немало *зоонимов*. Это «собственное имя (кличка) животного...» [9, с. 59].

Несмотря на плотный гастрольный график, съёмки в кино, поездки на различные фестивали, практически все актёры имели и имеют домашних животных, и в воспоминаниях они охотно рассказывают о них. Исключение представляет лишь В. Лановой, который в книге воспоминаний больше рассуждает об искусстве, ролях, партнёрах и практически ничего не рассказывает о личной жизни.

В семьях артистов жили разные домашние питомцы. Так, В. Талызина оказалась страстной любительницей кошек. Она подробно рассказывает, как они появлялись в её доме, хорошо помнит клички кота *Юстика*, его жены *Зины*, их сына *Пацанчика*, кошек *Нюрку* и *Асю*, кота *Ваську*. Чаще всего она не объясняет выбор фелионимов: кот *Юстик* и его жена *Зина* были подарены с кличками. Актриса пишет, что неслучайно одна из кошек названа *Нюрой*: «она у нас девушка из народа, не элитная» [11, с. 42].

В семье К. Лучко предпочитали собак: в разное время у них жили болонка *Стрелка*, сеттер *Кузя*, кокер-спаниель *Бонифаций* и др. Иногда из дома дочери они брали временно собаку Тимофея и кота Дормидонта, которые в их квартире превращались в «*Тимошу и Дормидошу*» [6, с. 217]. Автор воспоминаний искренно пишет, что животные «дарят столько тепла, любви, преданности» [6, 217]. В её книге немало добрых слов сказано и о коне *Громе*, с которым она снималась в фильме «Цыган».

Очень подробно описывает своих домашних питомцев В. Зельдин: это попугайчик *Гриша*, которого он получил в подарок от Вячеслава Тихонова и который мог произносить разные фразы, среди которых «Володька Зельдин – хороший артист!» [3, с. 325]. Какое-то время в семье жил кот *Мика*, но чаще собаки – скотчтерьер *Боб*, болонка *Мальш*, но больше других он любил пса *Бориса Николаевича*, который получил свою кличку в трудное для страны время. Автор воспоминаний пишет: «Он тоже много перенёс, как и Борис Николаевич Ельцин» [3, с. 328]. Кстати, узнав о выборе клички собаки, Б. Н. Ельцин пошутил по этому поводу, вручая актёру орден Дружбы народов. С юмором В. Зельдин пишет и о собаке Г. Горина – Патрике, ведь в «детстве «нянькой» у *Патрика* и его «крёстной» был Андрей Миронов, а петь его учил сам Юрий Визбор» [3, с. 331].

Особое отношение к животным демонстрируют члены семьи Ширвиндтов, начиная с легенды о том, что актёр женился на подруге детства Татьяне Белоусовой только потому, что в их семье была корова *Афина Паллада* (на домашний манер *Лада*), которую разрешил купить в годы войны сам М. И. Калинин, но которая почти не давала молока. В разное время в семье Ширвиндтов жили дворняга *Тоша*, щенки *Антон* и *Степан*, кокер-спаниель *Ролик*, лабрадор *Чесс*. А вот найденный сыном во дворе котёнок, которого первоначально назвали *Васькой*, был переименован в *Василису*, так как оказался кошкой. Кроме того, А. Ширвиндт пишет о домашних питомцах друзей – собаке А. Арканова по кличке *Колбасан* и собаке Б. Окуджавы по кличке *Тяпа*.

Таким образом, практически все авторы воспоминаний не представляли жизнь без своих питомцев, которые доставляли им немало приятных минут. Особенно ярко сказал об этом А. Ширвиндт: «Без собак дом пустой – никто не лает, никто так искренне не рад тебе и ни у кого нет таких преданных любящих глаз» [12, с. 149].

Конечно, в рамках одной статьи невозможно перечислить все имена собственные, которые встречаются в мемуарах актёров. Мы проанализировали наиболее представленные группы: антропонимы, топонимы, зоонимы.

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Для мемуаров характерна **документальность** повествования, так как воспоминания опираются на реальные факты, а имена собственные, особенно антропонимы и топонимы, добавляю точности тексту.

2. Имена собственные способствуют **исповедальности** автора, ведь нередко книга воспоминаний – это попытка оценить прожитые годы, вспомнить не только о хороших моментах жизни, но и о том, когда ты был не прав, ведь «мемуары – это единство субъективного и объективного, личного и общественного, случайного и закономерного» [7, с. 204].

3. Мемуары отражают жизненные истории конкретных людей, поэтому можно говорить об их персонифицированной **историчности**. Различные разряды имён собственных способствуют отражению определённой эпохи.

4. Несмотря на то, что авторы воспоминаний нередко пишут о событиях, давно минувших, имена собственные помогают передать их **ретроспективность**, ведь не зря Ю. Н. Мажарина считает: «Мемуары – это взгляд в прошлое, с позиций настоящего и с мыслями о будущем» [7, с. 203].

Конечно, мемуары деятелей искусства не только позволяют читателям составить представление об авторе, в центре повествования само искусство – сценические образы, рассказы о спектаклях и кинофильмах. И хотя А. В. Галькова отмечает, что «качество редакторской подготовки подобных изданий резко снижается, да и отбор произведений для публикаций диктуется условиями рынка и читательским спросом» [2, с. 145], а Ю. Овсянников негодует, что «воспоминания для публикации выбирает не образованный, интеллигентный редактор, а книготорговец» [8], хотелось, чтобы больше интересных книг воспоминаний актёров театра и кино дошло до современного читателя.

Список литературы

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.». М. : Просвещение, 1983. 224 с.

2. Галькова А. В. Проблемы подготовки справочного аппарата мемуарной литературы об искусстве // Текст. Книга. Книгоиздание = Text. Book. Publishing : науч.-практ. журн. 2014. № 3 (7). С. 144–159.

3. Зельдин В. Е. Моя профессия : Дон Кихот / Лит. запись Н. Ю. Казьминой ; под ред. Б. М. Поюровского. М. : АСТ- ПРЕСС КНИГА, 2016. 368 с.

4. Книгин И. А. Словарь литературоведческих терминов. Саратов : Лицей, 2006. 272 с.

5. Лановой В. С. Летят за днями дни... М. : Зебра Е., 2011. 352 с.

6. Лучко К. С. Я – счастливый человек / предисл. Э. Рязанова. М. : ПрозА и К, 2010. 352 с.

7. Мажарина Ю. Н. Мемуары как вид публицистического творчества // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 199–206.

8. Овсянников Ю. Об издательской культуре // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2000/1/krugly.html> (дата обращения: 06.03.2014).

9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.
10. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.
11. Талызина В. И. Мои пригорки, ручейки. Воспоминания актрисы. М. : АСТ, 2015. 320 с.
12. Ширвиндт А. А. Проходные двory биографии. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2013. 312 с.
13. Ширвиндт А. А. Склероз, рассеянный по жизни. М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2015. 312 с.

Сведения об авторе: *Гурьянова Людмила Борисовна*, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

НАРЕЧИЯ КОРОНАВИРУСНОГО ПЕРИОДА: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

А. В. Дегальцева

г. Саратов, Россия
deganna@mail.ru

Аннотация. Новая лексика периода пандемии коронавируса представлена не только именами и глаголами, но и несколькими десятками наречий. Исследование современного сетевого общения показывает, что такие наречия чаще всего образуются по типовым словообразовательным моделям. Большинство этих адвербиальных единиц выполняет в высказывании функцию неприсловного распространителя – обстоятельственного детерминанта. Новые наречия принимают участие в активных речевых и языковых процессах.

Ключевые слова: наречие, наречия образа действия, лексика периода пандемии, интернет-коммуникация

Для цитирования: Дегальцева А. В. Наречия коронавирусного периода: словообразовательные и семантико-синтаксические характеристики // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 41–45.

Лингвисты отмечают, что состав наречий русского литературного языка активно пополняется. Особенно употребительны в XX–XXI вв., по сравнению с предыдущей эпохой, наречия, мотивированные причастиями (*вызывающе, неисчислимо, заципанно*), относительными прилагательными (*бронзово, костяно, дежурно*), чистой основой существительных (*тряпочно, языково, актёрски*) [9, с. 9–10]. Новые словообразовательные модели отмечаются в сетевом общении, СМИ (как печатных, так и электронных) и художественной прозе – сферах коммуникации, наиболее свободных от шаблонов, раскрывающих творческий потенциал адресанта информации и демонстрирующих богатые выразительные возможности языка [4]. Как справедливо отмечает Ю. В. Рощина, «появление новых средств и способов образования адвербиальной лексики свидетельствуют об активной продуктивности центральной подсистемы русских полнозначительных аналитических лексем, которая во многих отношениях является индикатором развития аналитических тенденций в грамматической системе современного русского языка» [12, с. 11].

Большинство «наречий-инноваций» (термин И. А. Тропиной) образуется по стандартным словообразовательным моделям. Такие лексемы обладают «ёмкостью семантики, свежестью формы, яркими коннотациями» [16, с. 5]: *облизательно, бермудно, веерно, блондинисто, длинноного, по-инопланетному, мастерски-бомбастерски* и др. Как отмечает И. А. Тропина, в зависимости от сферы функционирования наречия-инновации могут выполнять когнитивную, компрессивную и экспрессивную функции [16].

Л. А. Савёлова в своей диссертации перечисляет те области и реалии современной жизни, которые порождают новые адвербиальные единицы, способствуя пополнению словарного запаса наречий русского языка. Это политика (*конституционно, пророссийски, антидемократично, противоправно*), экономика (*антирыночно, беспрошленно, коммерчески, лицензионно*), гастрономия (*генетически, энергетически*), образ жизни человека (*бомжевато, гламурно, креативно, стильно*)

и др. [14, с. 72–73]. В последние годы список этих тематических областей пополнила пандемия коронавируса. Интерес к изучению слов, порождённых этим мировым бедствием, привёл к появлению большого количества научных работ и отдельных лингвистических наблюдений. Среди наиболее значимых трудов, посвящённых изучению отечественными и зарубежными лингвистами динамических процессов, происходящих в языке в период пандемии COVID-19, необходимо назвать «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [15], коллективную монографию «Русский язык коронавирусной эпохи» [13], а также сборник «Новые слова и словари новых слов. 2020» [8].

В последние годы вследствие отражения пандемии в зеркале языка появилось 3517 «новых и актуализированных слов, значений и сочетаний» [15, с. 16]. Крупные словообразовательные гнезда имеют начальные компоненты корона (вирус) и ковид- (COVID-) [10]. Первые насчитывают 1105 слов, вторые включают в свой состав 1074 лексемы [15, с. 16]. Согласно «Словарю русского языка коронавирусной эпохи», это, прежде всего, имена существительные и прилагательные [15]. В данном словаре приводятся лишь 15 наречий, однако наши наблюдения показывают, что адвербиальных лексем, отражающих реалии коронавирусного времени, немного больше. К нашему исследованию привлекались материалы различных интернет-источников: электронных новостных изданий, форумов, дневников на блог-платформе «Живой Журнал»; записей, которые пользователи оставляют в открытом доступе в соцсетях (ВКонтакте, Facebook, Instagram), а также отзывов о товарах, услугах, локусах, размещённых на различных сайтах.

Нам удалось составить небольшой словник, насчитывающий более 30 лексем (как зафиксированных, так и ранее не зафиксированных в научной литературе): *ковидно, нековидно, антиковидно, ковидозно, ковидоопасно, ковидоподобно, по-ковидному, по-ковидски, по-антиковидному, прековидно, доковидно, постковидно, послековидно; ковидиотно, по-ковидиотски; коронавирусно, некоронавирусно, антикоронавирусно; масочно, масочно-перчаточно, перчаточно-масочно, безмасочно, бесперчаточно; карантинно, по-карантиновски; пандемийно, по-пандемийному, послепандемийно, постпандемийно; пропрививочно, запрививочно, антипрививочно, антиваксерно; самоудаленно, самоизолированно, санитайзерно*. Отметим, что в сети данные наречия представлены далеко не единичными употреблениями: *И так как многие ленятся или вообще **антиваксерно** упорствуют – то к ним применяют кнут* (<https://glav.su/forum/threads/1586082>); *<...> как там отдыхается **послепандемийно**?* (<https://forum.auto.ru/travel/3098918>); *Пока все дома **самоизолированно** спали, мы задумали проехать по самоизолированному городу* (<https://www.instagram.com/p/B-kBxisiSI4>); *По своему заводу могу рассказать интересное: переболело гриппоподобно и **ковидоподобно** более половины работников* (<https://alexey-228.livejournal.com/257005.html>); *<...> руководитель роддома не считает нужным каждый случай считать **ковидозно** возможным?* (<https://yarportal.ru/topic934135s10215.html>) и под. Нетрудно заметить, что большинство новых адвербиальных лексем входит в наиболее крупные словообразовательные гнезда с вершинами *ковид* и *коронавирус*.

Конечно, некоторые из перечисленных наречий встречались в сети задолго до пандемии ковида. Например, наречие *карантинно* можно обнаружить в более ранних научных статьях, как и адвербиальные лексемы, связанные с положительным или отрицательным настроем человека на вакцинацию (*антиваксерно, пропрививочно, антипрививочно* и под.). Последние периодически появлялись преимущественно на женских форумах при обсуждении плюсов и минусов вакцинации детей и подростков: *В какой части Германии вы живете, где такой **пропрививочно***

настроенный народ? (<https://www.babyplan.ru/forums/topic/112186-vakcinacija-opros/page/13/>).

Некоторые из приведённых нами наречий образованы от существительных, возникших путём окказионального сложения, при котором происходит совмещение «в одном сложном слове двух мотивирующих слов» [7, с. 171]. Так было образовано, например, слово *ковидиот* (*ковид* + *идиот*). Оно появилось «в английском языке (Covidiot) и используется как мотивированное слово в русском» [7, с. 171]. Данная лексема породила прилагательные *ковидиотный* («относящийся к ковидиоту, свойственный ему» [15, с. 98]) и *ковидиотский*, от которых, по-видимому, были образованы наречия *ковидиотно* и *по-ковидиотски*: *Зато носить маски, которые не помогают – это не возмутительно и не ковидиотно тупо* (https://vk.com/wall-25117353_1756578); *На балконе с утра делала зарядку, чувствовала себя по-идиотски, но зато не по-ковидиотски* (https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=296878480).

Большинство наречий, отражающих реалии коронавирусного времени, образованы от относительных прилагательных типичным для адвербиальной лексики суффиксальным способом. Префиксально-суффиксальные образования (*по-ковидному*, *по-ковидски*, *по-антиковидному*, *по-ковидиотски*, *по-карантински*, *по-пандемийному*) встречаются гораздо реже: *И вместо рукопожатия решил «боднуться» кулаками «по-ковидски»* (электронное новостное издание «Южный федеральный» 10.12.2020); *Новый Год по-ковидному: особенности празднования* (электронное новостное издание pravda.ru 01.12.2020). Случаи образования путём сложения представлены единичными примерами: <...> *масочно-перчаточно* *проводить свои выходные в Москве, где закрыты все парки и скверы* <...> (<https://irecommend.ru/content/otzyv>); <...> *жизнь идёт рутинно, сложно, перчаточно-масочно* (https://vk.com/wall26395765_470).

У многих наречий коронавирусной эпохи наблюдается вариативность словообразовательной структуры: *ковидиотно / по-ковидиотски*; *послековидно / постковидно*; *запрививочно / пропрививочно*. Это свидетельствует, во-первых, об их разговорном характере (поскольку обиходной речи свойственны вариативность, неустойчивость, диффузность [5]), а во-вторых, – о высокой продуктивности данных речевых единиц. Как видим, такая вариативность во многих случаях связана с заимствованным или исконным характером префикса (*после-* / *пост-*; *за-* / *про-*). Это объясняется тем, что у производящих баз данных наречий наблюдается модельный параллелизм [10].

Интересны синтаксические функции данных наречий в предложении. Большинство из них употребляется в нём в качестве свободного распространителя – обстоятельственного детерминанта (возможность наречий образа действия выступать в роли детерминирующих членов предложений была рассмотрена в нашей работе [4]). С позиций семантического синтаксиса большинство подобных наречий не являются классическими обстоятельствами образа действия, поскольку в свёрнутом виде заключают в себе номинации целых ситуаций. Такие адвербиальные лексемы получают пропозиitivность от своих производящих баз (в большинстве случаев – относительных прилагательных), основа которых, в свою очередь, порождена «именами ситуаций» (термин Л. А. Капаназде, Е. В. Красильниковой [6]). Такие существительные, как *маска*, *перчатки*, *ковид*, *коронавирус* и под. во многих современных контекстах называют не конкретные предметы и объекты, а ситуации, связанные с ними. Под *масками* и *перчатками* понимается, прежде всего, ношение этих средств индивидуальной защиты, под *санитайзером* – его применение. Слова же *ковид* и *коронавирус* первоначально использующиеся для обозначения семейства вирусов, в последние годы развивают метонимические значения [3, с. 58]:

'болезнь' (*болеть ковидом / коронавирусом*), 'пандемия' (*во время коронавируса / ковида*), 'условия труда' (*работать в коронавирусе / с ковидом*) и др. Так, в высказывании У мемориала Стены сегодня **некоронавирусно**людно (<https://www.instagram.com/p/CF4buTmsdVd/>) наречие получает особое, контекстуальное значение и заключает в себе в свёрнутом виде номинации нескольких ситуаций. Сочетание **некоронавирусно**людно в данном случае означает примерно следующее: 'здесьлюдно, несмотря на то, что во время пандемии запрещено, чтобы большое количество людей находилось в одном месте в одно и то же время'. Большинство новых наречий, усложняющих семантическую структуру предложения, используются при глаголах, однако наблюдаются и случаи присубстантивного употребления: *Крещение по-ковидотски* (https://vk.com/wall-41437811_1685050); *Сарказм по-ковидски* (<https://greatfon.com/v/region.eurasia>) и под. Такие сочетания образно репрезентируют целые ситуации. На то, что наречия пандемийного периода являются относительно свободными распространителями предложения и называют не просто образ или способ действия, но именуют целые ситуации, указывает их непривычная сочетаемость и, соответственно, семантическое рассогласование: *Тихвинская икона Божьей Матери «антикоронавирусно» объехала Карачев* (https://bryansk.news/2020/04/10/krc_icon/); *То ли я послековидно не понимаю вкуса, то ли сезон и готовят по-столовски везде* (<http://www.abhazia.com/>); *Мы с Максимом послекарантинно икнули* (https://vk.com/wall1375238_21315) и т.д.

Реже наречия коронавирусного периода используются в предложении в составе сказуемого (с неполнозначительным глаголом) и присловного распространителя: *Голосование в Липецке проходит антиковидно. Всем избирателям измеряют температуру, выдают маски и перчатки* (новостное электронное издание <https://lipetskmmedia.ru/> 17.09.2021); *Я к антипрививочно настроенным отношусь отрицательно* (электронный журнал «Бизнес Онлайн» 28.08.2021).

Итак, современные наречия образа действия регулярно пополняют свой состав (в том числе за счёт лексики, отражающей реалии пандемии коронавируса). Большинство адвербиальных лексем, порождённых пандемией, входит в наиболее крупные словообразовательные гнезда с вершинами *ковид* и *коронавирус* и образовано по типовым словообразовательным моделям. Активное производство новых наречий отражает тенденцию современного русского языка к аналитизму, всё чаще отмечаемую лингвистами [1, 2, 11 и др.].

Список литературы

1. Акимова Г. Н. Различные формы проявления аналитизма в современном русском грамматическом строе // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб. : Изд-во СПбГПУ имени А. И. Герцена, 1998. С. 86–94.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М. : Логос, 2003. 304 с.
3. Громенко Е. С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020-х годов // Новые слова и словари новых слов. 2020 : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 45–62.
4. Дегальцева А. В. Русские наречия образа действия в разных сферах общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения. Саратов : Наука, 2021. 404 с.
5. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1981. 277 с.
6. Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Жест в разговорной речи // Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1973. С. 468–481.

7. Минеева З. И. Неодериваты в русском языке эпохи пандемии // Новые слова и словари новых слов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 167–178.
8. Новые слова и словари новых слов : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. 220 с.
9. Норман Б. Ю. Наречие в структуре высказывания: путь наверх (Фрагмент динамической грамматики русского языка) // Русистика. Берлин. 1997. № 1–2. С. 5–15.
10. Рацибурская Л. В. Новые словообразовательные гнезда с «коронавирусной» лексикой // Русский язык коронавирусной эпохи : монография / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 355–378.
11. Родионова И. Г. Развитие аналитических форм и аналитических конструкций в грамматическом строе современного русского языка : дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2020. 459 с.
12. Рощина Ю. В. Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 28 с.
13. Русский язык коронавирусной эпохи : монография / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 355–378.
14. Савёлова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия : дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 2009. 386 с.
15. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. 550 с.
16. Тропина И. А. Наречия-инновации: лингвопрагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2007. 23 с.

Информация об авторе: *Дегальцева Анна Владимировна*, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

РУССКИЕ ФАМИЛИИ, ГЕНЕТИЧЕСКИ СВЯЗАННЫЕ С ВОЕННЫМ ДЕЛОМ

Доан Тхук Ань

г. Ханой, Вьетнам
ngochoa_bsu@yahoo.com

Аннотация. Русские фамилии как наследуемые официальные наименования указывают на принадлежность человека к определённому роду. Фамилии – интереснейшая часть русского языка и культуры. В фамилиях отразились реалии как многовековой давности, так и начала XXI в. В звуках фамилии можно услышать связь времен и народов, ощутить свое место в череде веков человеческой цивилизации. Наше внимание концентрируется на краткой истории русских фамилий, связанных с военным делом, что ярко отражает языковую картину мира вообще и России в частности.

Ключевые слова: русские фамилии, языковая картина мира, историческое явление, происхождение фамилий, фамилии, генетически связанные с военным делом

Для цитирования: Доан Тхук Ань. Русские фамилии, генетически связанные с военным делом // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 46–52.

1. Постановка вопроса

Мир, в котором мы живём, можно назвать миром имён и названий. Каждый из нас помимо имени имеет фамилию и отчество, а многие писатели ещё – псевдонимы. Для каждого народа фамилии – это своего рода живая история. Труд и быт, предметы одежды, социальные отношения, обычаи и обряды – всё это оставило свой след в людских фамилиях. Многие фамилии рассказывают о былых суевериях, немало могут они рассказать и об истории языка. Многие работы посвящены изучению русских имен и фамилий как языковых явлений. Всестороннее изучение феномена фамилии как исторического явления даст возможность проследить родовые корни на несколько веков вглубь истории, позволит по-новому взглянуть на многие события российской и мировой истории, ощутить свою кровную связь с историей Отечества и «малой родины» – родины предков. В XXI веке фамилии особенно интересуют людей, и как результат уже появилось много коммерческих фирм, готовых предоставить информацию из архивов. Фамилии – интереснейшая часть русского языка и культуры. В фамилиях отразились реалии, как многовековой давности, так и начала XXI века. В данной работе мы пытаемся представить историю русских фамилий, связанных с военным делом, что ярко отражает языковую картину мира глазами русского народа.

2. Основная часть

2.1. Общие сведения о русских фамилиях

Русские фамилии – это наследуемые официальные наименования, указывающие на принадлежность человека к определённому роду. Издавна русские фамилии были одинарными и передавались только по мужской линии (хотя были исключения). Причиной происхождения фамилий является историческая принадлежность к личным именам, роду занятий, внешним данным, характеру, растениям, животным, а также месту проживания. Фамилии наряду с именами личными, отчествами, прозвищами и псевдонимами относятся к большой группе собственных имён – антропонимам. Антропоним (от греч. антропос «человек+оним «имя») –

любое собственное имя, которое может иметь человек. Изучением антропонимов занимается антропонимика – отрасль ономастики (наука о собственных именах). Наука, изучающая личные имена людей, фамилии и отчества, псевдонимы, называется антропонимика. Основой этого термина являются греческие слова «антропус» – человек и «онима» – имя. Антропонимика является одной из разновидностей специального раздела – ономастики, название которой переводится с греческого как «искусство давать имена». Она позволяет полнее представить исторические события последних столетий, равно как и историю науки, литературы, искусства. Ономастика изучает не только личные имена людей, но и названия населённых пунктов, рек, стран, звёзд и другие имена собственные.

Само слово **фамилия** – нерусское. Слово *familia* первоначально означает не идеал современного филистера... у римлян оно первоначально даже не относится к супругам и их детям, а только к рабам... *familia* – это совокупность принадлежащих одному человеку рабов. Тем не менее латинское слово *familia* распространилось по всей Европе именно в значении семья, семейство, супруги, т.е. в качестве обозначения минимальной ячейки общества. Известно оно в этом значении и в русском языке. Иногда говорят: «Как приятно видеть всех членов вашей фамилии в сборе». Употребляют и прилагательные фамильный: фамильные традиции, реликвии или, шутливо, фамильный нос, фамильный хохолок на макушке, если какая-либо типичная черта повторяется у нескольких поколений одной семьи.

Но основное, чисто русское значение слова **фамилия** «семейное имя», передающееся от старшего поколения к младшему. Слово **фамилия** в русском языке ещё не старше петровской эпохи, когда оно проникло в официальное делопроизводство. В департаментах, коллегиях и прочих государственных учреждениях стали именовать людей по фамилии, имени и отчеству.

Фамилия – главная часть именованного при почтовом отправлении, выдаче наград и во многих других ситуациях. Таким образом, фамилия – основной компонент полного русского триединого именованного человека: Николай Петрович Шастин [7, с. 3–13]. Отечественные и зарубежные исследователи обращались к русским фамилиям как к памятникам культурной истории народа, к свидетельствам определённой эпохи и к памятникам языка. Одной из первых в этой области была работа Е. П. Карновича «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими» (1886). В наши дни русскими именами занимался Л. В. Успенский в связи со своими исследованиями о происхождении личных имён, географических названий, а также некоторых слов русского языка. О. Н. Трубочёв поставил проблему выделения русских фамилий в связи с комплексным составом слов русского языка, включающим массу элементов, заимствованных из других языков. А. А. Реформатский на примере фамилий показывал обособленное положение имён собственных в языке, их несвязанность с контекстом, в котором они употребляются, независимость «значения» фамилии от значения того слова, от которого она была в своё время образована, а также то, что фамилия принципиально лежат вне стилистики и вне эмоций.

Л. М. Щетинин, С. И. Зинин и ряд других советских исследователей в своих работах также неоднократно обращались к русским фамилиям.

Н. А. Баскаков много внимания уделил русским фамилиям тюркского происхождения: Тургенев, Аксаков, Измайлов, подтверждая тем самым невозможность при выделении русских фамилий ограничиваться лишь теми из них, которые восходят к словам славянского происхождения.

За рубежом различными аспектами русских фамилий в течение многих лет занимался профессор Б. О. Унбегаун.

На протяжении XV в. были отработаны формы именования, соответствующие современным фамилиям, был выработан механизм образования фамилий как слов особого рода. Это не значит, что в XV в. появились фамилии у представителей всех слоев русского общества. У некоторых они закрепились только в XX в. Это значит лишь то, что в русском языке после XV в. появились языковые формы, соответствующие фамилиям в современном понимании этого слова. Основная масса патринимических фамилий восходит к личным календарным именам (Иван, Пётр), а также к личным некалендарным именам (Бажен, Миляй) и прозвищам (Курятник, Запруда, Круподёр, Семижен) [7, с. 5–28].

Ф. Шварц (1931) анализирует материал независимо от указанных классификаций, деля его на три группы: 1) названия, связанные с поселенцами; 2) названия, связанные с профессиями и прозвищами; 3) названия по природным условиям [6, с. 150].

Становление русских фамилий отражает этапы развития русского общества. Например, фамилии формировались с возникновением определённых социальных институтов (Бояринов и Полубояринов (от слова боярство), Дворянский (от слова дворянство), Чиновников (от слова чиновничество).

Русские фамилии в основном образованы как отчества от церковных: Карпов – фамилия образована из отчества от церковного мужского имени Карп (это имя по своему происхождению – греческое и означает «плод»); Селиванов – фамилия имеет в своей основе церковное мужское имя Селиван (образованное от латинского слова силванус – «бог лесов»); Успенский – пример фамилии, возникшей в среде духовенства. Ее мог получить, например, священник или дьякон (помощник священника), служивший в Успенской церкви (церкви Успенья Богородицы).

Фамилии образовывались: от имени предка и отчества (Иванов, Петров); от места жительства предка (Задорожный, Заречный); от порядка рождения предка (Третьяк, Шестак); от происхождения предка (Хохлов, Литвинов, Поляков, Татарин, Москалёв).

Древнерусские имена давались от названий представителей растительного и животного мира (Волк, Заяц, Лебедев, Дубов, Орехов, Соколов, Орлов).

Большое количество современных русских имён имеет византийские корни. Так появились в связи с принятием христианства такие имена, как Влас, Григорий, Марфа, из греческого языка, и их производные фамилии – Власов, Григорьев, Марфин, Марфицын.

У самых знатных русских родов фамилии давались по названию земель: например, Шуйские правили городом Шуя, Вяземские – Вязьмой, Мещерские – Мещерой.

Фамилии, образованные от вида деятельности (профессиональные). Профессиональные фамилии определялись местом работы или профессией: Калашников – эта фамилия возникла через отчество от прозвища – названия профессии. Словом калачник в старину называли либо пекаря, либо продавца калачей – пшеничного хлеба в виде замка с душкой. Другие примеры образования фамилий, например, по роду занятий или какому-либо признаку человека, например, Плотников от «плотник», Столяров от «столяр» и др. От профессии, должности предка (Сапожников, Лаптев, Приказчиков, Бондарь); Кузнецов – фамилия образована от отчества по профессии отца и была широко распространена, поскольку кузнец был одним из самых необходимых и известных людей для жителей села или деревни. Фамилия Кузнецов – одна из самых распространенных у русских. Гончары, горшечники и черепенники (так в разных землях называли гончаров), ложечники или лажечники (специалисты, делающие ложки), чашечники, ситники (мастер, делающий сита) и т.д. Их дети стали Плужниковыми, Сошниковыми, Седельниковыми,

Шорниковыми, Гончаровыми, Горшечниковыми, Черепенниковыми, Ложечниковыми, Лажечниковыми, Чашечниковыми, Ситниковыми и т.д.

Фамилии, описывающие личные характеристики: Короткие, Белые, Красные, Крупные, Мелкие.

Фамилии, связанные с географическими особенностями города или местности, из которой происходил человек: Москвитин, Тверитин, Пермитин, Белозерский, Покровский, Белозерский, Ильинский, Испанец, Новгородец, Горец, Немец.

Фамилии, связанные с церковными приходами: Вознесенский, Крестовоздвиженский.

В корне фамилий некоторых русских лежали названия населённых пунктов (сёл, деревень), выходцами откуда были эти крестьяне. В основном это фамилии, оканчивающиеся на -ских: Брынских, Лебедевских, Успенских. В Баранове большинство жителей Барановы, в Мокром – Мокрецовы.

Фамилии, взятые в честь попечителя либо покровителя, властителя: Попов, Царёв, Княжеский, Баринов, Король.

2.2. Русские фамилии, генетически связанные с военным делом

2.2.1. Фамилии, образованные от воинских званий

Основная часть таких фамилий, считает Б. Унбегаун, иностранного происхождения, главным образом французского, и в русский язык проникла через немецкий и польский. Фамилии от них возникли в 18 веке: Генералов (генерал), Гренадеров (гренадер), Драгунов (драгун), Капитанов (капитан), Кирасиров (кирасир), Комендантов (комендант), Майоров (майор), Офицеров (офицер), Сержантов (сержант), Солдатов (солдат).

Можно ещё привести другие примеры: Фамилия образована от воинского звания *майор*. Майоров – майор. Слово иностранного происхождения. Фамилия возникла в 18 веке; Гусаров (гусар): В царской и некоторых иностранных армиях: военный из частей лёгкой кавалерии, носивших форму венгерского образца (венг. *huszar*); Егерев (егерь); солдат или иной чин егерского полка; и также «ловчий» (ср. значение нем. *Jager*); Есаулов (есаул: «чин в казачьих войсках» (тюркского происхождения); Ратников (Отчество от именования отца – ратник. Ко времени массового формирования фамилий это слово, ранее означавшее воина вообще, стало официальным термином, означавшим зачисленного в запасные солдаты ополчения на случай войны); Ротмистров (ротмистр): офицерское звание в кавалерии (немецкое слово, заимствованное через польский); Солдаткин (первоначальное значение «сын солдатки»); Уланов (улан): Смешивались две фамилии совершенно различного происхождения. Вторая фамилия – уланы – лёгкая кавалерия. Полковников (полковник: «один из высших военных чинов») – фамилия, образованная от воинского звания. Фамилия возникла в 18 веке. Русифицированная фамилия польского происхождения Поручиков (поручик: «военный чин в старой России»); Бригадиров < бригадир «старый военный чин между полковником и генералом; бригадный начальник (обычно два или три полка); Вахмистров – вахмистр «начальник стражи»; позднее «чин в кавалерии, унтер-офицер»; Капитанов < капитан «старший обер-офицер, военный чин». Капралов < капрал «унтер-офицерский чин»; Корнетов < корнет «прапорщик в легкой коннице; у казаков – хорунжий» (франц.); Матросов < матрос «рядовой на судне»; Офицеров < офицер «общее звание военного, морского чиновника» (франц.); Унтеров < унтер «нижний, младший в военных чинах» (нем.); «первый военный чин после звания рядового»; Хорунжий < хорунжий «тот, кто несет военную хоругвь (знамя), знаменосец»; позднее «казацкий военный чин (прапорщик, корнет казацких войск)».

2.2.2. *Фамилии, образованные от названия оружия и доспехов*

Древнерусская номенклатура оружия была богата специфическими терминами и это разнообразие достаточно хорошо отражают фамилии. Многие виды старого оружия сейчас вышли из употребления, поэтому значение многих фамилий, производных от их названий, можно установить только путём исторического и этимологического исследования. Многие из терминов, лежащих в основе фамилий, иностранного, часто восточного происхождения:

Алебардин (алебарда) – старинное оружие-секира на длинном древке, заканчивающемся копьём; Бердышев (бердыш – старинное холодное оружие – боевой топор с лезвием в виде вытянутого полумесяца, насаженный на длинное древко (польск. *berdysz*). Аналично, Булавин (булава); Винтовкин (винтовка); Доспехов (доспехи); Дубинин (дубина); Клевцов (клевец «боевой топор»); Клинков (клинок); Колчанов (колчан); Кольчугин (кольчуга); Копьев (копьё); Куяков (Куяк, вид оружия); Луков (лук – у этого слова два значения: оружие и овощ); Мушкетов. Отчество от наименования отца по роду оружия: в 18 веке мушкет – пехотинец, вооружённый мушкетом (коротким оружием); о солдате-мушкете есть у И. А. Бунина стих. «Мушкет»; Палицин (палица); Панцирев (панцирь); Пулькин (пуля; современная форма пуля заменила уменьшительную форму пулька только в 18 в.); Пушкин (пушка. В основе фамилии Пушкин лежит прозвище Пушка); Ружьев (ружьё); Саблин, Востросаблин (сабля, острая сабля); Самопалов, Самострелов (самопал, самострел); Стрелин, Стрелов (стрела); Тесаков, Тетивкин (тесак, тетива); Тулов (колчан); Чеканов (боевой топор); Шеломов (шелом); Шестоперов (вид булавы); Шишаки (шлем); Шпагин (шпага); Щитов (щит); Юшманов (кольчуга, возможно, фамилия происходит также от Юшман - уменьш. форма от Юрий).

2.2.3. *Фамилии, восходящие к названию военных профессий*

Ниже перечислены фамилии, связанные общим корнем – пушкарь: Пушкарёв – Пушечников – Пушкаренко. Пушкари – старинное название русских артиллеристов. Первыми пушкарями назывались литейщики пушек, которые одновременно являлись артиллеристами, обслуживающими оружие при стрельбе. Также фамилии с общим корнем **пушкарь** являются антропонимическим памятником одному из старейших родов войск – артиллерии.

Начиная примерно с XV в. орфографическое -чи- на Московской Руси произносилось как -шн-, – произношение, которое вернулось к -чн- в XIX веке. Принятое в современном русском в качестве «правильного» только написание -чн- было введено в основном в 19 веке и во многие старые фамилии, которые прежде писались с -шн-. В результате большинство фамилий с рассматриваемым сочетанием существует до сих пор с двумя суффиксами **-чн** и **-шн-**, последняя считается более старой, более народной и к тому же более распространённой: Пушечников / Пушешников (пушечный мастер/ пушка). Аналогичным образом образованы такие фамилии:

Атаманов, Атаманчук, Атаманюк < атаман «должностное лицо в казачьем или стрелецком войске и в местах их поселений, выполнившее военные и административные функции», «старший в каком-либо деле; вожак, предводитель».

Воеводин < воевода «предводитель войска, военачальник», «градоначальник, губернатор».

Гетманов, Гетманцев, Гетманчук < гетман «военачальник в Польско-Литовском государстве», «начальник казацкого войска и верховный правитель на Украине». Фамилия образована со значением основы «принадлежащий гетману человек».

Гусаров < гусар «легкоконный воин в венгерской одежде».

Драгунов < драгун «конник, оснащенный также для пешего боя».

Желнерёв, Желнырёв, Жолнарёв, Жолнерович < желнерь, желнырь, жолнерь, жолнырь «наемный солдат в польско-литовском войске» (польск. *żołniers*, нем. *Soldner*).

Кзаков, Козакевич < казак «воин, принадлежащий к особому сословию казачков, легкого конного войска».

Кирасиров < кирасир «конник в кирасе (латах), воин тяжелой конницы» (франц.).

Красноармейцев < красноармеец «боец Красной Армии».

Мещанинов, Мещанчуков < мещанин «житель посада, слободы в средневековом русском городе» (польск. *mieszczanin* «городской житель» < *miasto* «город»); позднее – «горожанин низшего разряда, состоящий в подушном окладе и подлежащий солдатству».

Ратников < ратник «воин»; позднее «солдат, зачисленный в запас, в ополчение на случай войны».

Рейтатор < рейтар «конный воин» (польск. *reitar*).

Солдатов, Солдатович < солдат «рядовой воин».

Сотников < сотник «начальник сотни».

Стрельцов, Стрельченко, Стрельченков < стрелец «воин стрелецкого войска».

На страницах газет сегодня часто встречаются русские фамилии, образованные от воинских званий. Журналисты используют данные имена собственные для создания определённого комического эффекта, который возникает из-за несоответствия «воинского звания» фамилии и звания в реальной жизни. Например, статья «Катя Майорова, мисс КГБ»: «Катя Майорова служит в управлении комитета по Москве и Московской области. Можно чуть-чуть приоткрыть завесу тайны – воинское звание у неё пока не дотягивает до фамилии. Её главное звание сейчас – «Мисс КГБ» [«КП», 27.10.91].

Как и для русских, для вьетнамцев фамилии являются обязательным элементом полного имени человека. Полное вьетнамское имя обычно состоит из трёх (реже – четырёх) частей: фамилии отца (реже фамилии матери), среднего имени или «прозвища» и собственного имени. Первой частью полного имени является фамилия. Фамилия (лат. *familia* – семейство) – наследственное родовое имя, указывающее на принадлежность человека к одному роду, ведущему начало от общего предка, в более узком понимании – к одной семье. В отличие от русских фамилий, фамилий у вьетнамцев немного. Большинство фамилий народности Кинь имеет китайское происхождение, например: Чан, Лэ, Лу, До.... Подавляющее большинство из них не сохраняют первоначального значения. Некоторые фамилии были придуманы вьетнамцами, такие как Хиеу, Тон Тхат, Тон Ны, Шон, Лам, Хонг, Зыонг [10, с. 33–37]. Самые распространённые и часто встречающиеся фамилии у вьетнамцев: Нгуен, Чан, Ле, Ли, Хо, Фам, Во. По другой версии, впервые фамилия во Вьетнаме появилась в документах в 939 г. – это была фамилия короля Нго Кхуен. Вьетнамские фамилии совпадают с фамилиями правящих династий. Во Вьетнаме самая популярная фамилия – Нгуен. В настоящее время около 40 % вьетнамцев носят фамилию Нгуен – название последнего монархско-феодалного режима во Вьетнаме. За время существования государства во Вьетнаме было несколько династий [9]. Фамилия передаётся от отца к детям. Поскольку количество фамилий в деревне очень мало, поэтому, чтобы различать людей с близкими родственниками во Вьетнаме, используется сочетание: фамилия + среднее имя для обозначения ветки родословного древа. Бывают ветки родов Нгуен Ван, Нгуен Хуу, Нгуен Суан, Нгуен Динь, или До Кхак, До Ван, До Суан, Ле Ван, Ле Зуй в одной небольшой деревне. Однако по фамилиям во Вьетнаме называть друг друга не принято. Нет никаких предположений, что вьетнамские фамилии генетически связаны с военным делом. Фамилия всегда пишется первой. Второй компонент вьетнамского имени: среднее имя (буферная часть). Это – не отчество, хотя в некоторых семьях среднее имя и может передаваться из поколения в поколение. Имя собственное – последний

элемент в структуре вьетнамского имени. Такого рода именем и называют человека. Хотя нет оснований того, что у вьетнамцев фамилии, генетически связанные с военным делом, но вьетнамские имена имеют значение, связанное с военным делом: Хунг – герой, Чьен – воин, Тханг – победа, Бинь – мир, Зунг – «храбрый, героический», Куан – солдат, Хунг – «храбрый, героический», Выонг – «правитель», Зань – «слава». Во время вьетнамской войны многих мальчиков называли Бинь – «мир»; Тьен Тханг – «победитель», Тат Тхань – «неизбежная победа». При обращении обычно употребляют только индивидуальное имя с обязательным «господин», «оспожа». Например, госпожа Тхам, господин Ту. Число вьетнамских фамилий очень ограничено, зато имена чрезвычайно разнообразны.

В отличие от фамилий вьетнамцев, русские фамилии сегодня имеют определённую роль в общении. Во время встреч официально протокольного характера русским можно обращаться друг к другу по фамилиям. Можно добавить к этому ещё слова: товарищ, господин, профессор, врач. Тем более порядок слов во вьетнамских фамилиях неизменяемый. Менять позицию элементов вьетнамской фамилии категорически запрещено. Это неуместная шутка и приводит к провокации неприятной некомфортной ситуации беседы.

3. Выводы

Фамилия – это наследственное семейное именование, употребляемое вместе с личным именем. То есть она передаётся из поколения в поколение, от старших членов семьи к младшим. Каждый гражданин имеет свою фамилию, а полное имя должно быть записано в документах удостоверения, паспортах. Способы образования фамилий у разных народов разнообразны. Изучение фамилий представляет огромный интерес для ученых: социологов, историков и этнографов. Проследив историю происхождения как русских, так и вьетнамских фамилий, каждый человек должен стремиться выяснить, кто были его предки, каково их происхождение. Фамилия и история её происхождения дают нам сведения, которые уже утратились. А без знания прошлого не может быть настоящего и будущего. В звуках фамилии можно услышать связь времен и народов, ощутить свое место в череде веков человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка. М. : Дрофа, 2001. 288 с.
2. Almaz Раковский. Полное имя вьетнамцев. URL: <https://pandia.ru/text/79/153/29942.php>.
3. Гальперин И. Р., Черкасская Е. Б. Лексикология английского языка. М., 1990. 390 с.
4. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М. : Высш. шк., 1989. 128 с.
5. Ильиш Б. А. История английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.
6. Маковский М. М. Английская этимология. М. : Высш. шк., 1986. 152 с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Стереотип. URSS, 1986. 368 с.
8. Суперанская А. В., Сулова А. В. Современные русские фамилии. М. : Наука, 1981. 176 с.
9. Хлебникова И. Б. Введение в германскую филологию и историю английского языка. М. : ЧеРо, 2001. 179 с.
10. Lê Trung Hoa. Họ và tên người Việt Nam. NXB Khoa học xã hội, 2005. 218 с.

Информация об авторе: Доан Тхук Ань, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка факультета иностранных языков Академии военных наук (г. Ханой, Вьетнам).

ПОНЯТИЕ «СТЕРЕОТИП» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. А. Дубинина

*г. Луганск, Луганская Народная Республика
dubinina_v@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются понятие «стереотип», его функции и основные характеристики. Дается анализ лингвистических исследований, которые посвящены исследованию стереотипов. Акцентируется внимание на том, что благодаря научным исследованиям языковой фиксации стереотипов можно углубить представление о средствах этнической и культурной идентификации народа, его истории, отношениях с представителями других этносов.

Ключевые слова: стереотип, типология, функции, культура

Для цитирования: Дубинина В. А. Понятие «стереотип» в контексте современных исследований // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 53–57.

Интерес к феномену стереотипа среди лингвистов является неслучайным и появился относительно недавно. Понятие стереотип исследовали этнолингвисты (Е. Бартминский, С. Толстая), психолингвисты (В. Красных, Ю. Сорокин), лингвокультурологи (В. Маслова, В. Телия), социолингвисты (Ю. Прохоров), представители теории межкультурной коммуникации и др.

Первыми собственно лингвистическими исследованиями стереотипов считаются работы У. Квастхофф, которая провела четкое разграничение между обычной языковой компетенцией и прагматической компетенцией как «знанием о мире». Стереотип, по ее мнению, – это «вербальное выражение убеждения, которое касается социальной группы или представителей социальной группы (...) имеет логическую форму оценочного суждения, которое в упрощенном и обобщенном виде приписывает группе те или иные свойства или модели поведения» [6, с. 116]. Ученый подчеркивает, что устойчивый компонент стереотипа имеет чисто языковой характер. Стереотипная мысль, содержащая эмоциональную оценку, является результатом упрощенного, схематизированного мышления, в некотором смысле искаженного образа мира, присущего многим людям. В жизни общества стереотипы выполняют определенные социальные функции, ведь они усваиваются в процессе социализации и инкультурации.

У. Квастхофф различает три функции стереотипов: 1) когнитивную (усвоение определенной схемы помогает людям ориентироваться, различать, кто есть кто); 2) аффективную (эмоциональную) – создание наставления против других (мне не нравятся..., не люблю...), которую можно рассматривать как защитный механизм; 3) общественную – поддержание внутреннего единства группы в отношении других групп [6].

Преимущественно стереотипы мешают в межкультурном и межнациональном общении, однако, знание стереотипов может быть полезным в политике межкультурных и межнациональных связей.

Исследуя национально-культурные особенности речевого общения, Ю. Прохоров выделяет следующие характеристики национальных социокультурных «стереотипов речевого общения» или «стереотипов речевого поведения»:

стереотип рассматривается как устойчивая социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения; стереотип является нормативной социокультурной единицей речевого общения представителей определенного этноса; стереотип может проявляться в форме речевого клише или вербализованного / невербализованного штампа сознания [10, с. 98].

Заимствованное этнолингвистами у социологов понимание стереотипа существенно изменилось и значительно расширилось. В этнолингвистике оно стало применяться не только к определенным этническим, социальным или профессиональным группам людей, но и к каким-либо предметам, явлениям, событиям, людям, животным, растениям и т.д., которые получают выражение в языке и с которыми человек соприкасается в своей познавательной и практической деятельности. Вначале исследователи понимали стереотип как некое «субъективное» приложение к «объективному» образу объекта, а речевой стереотип воспринимался как коннотативное (оценочное) приложение к лексическому значению слова, отражал коллективное мнение о соответствующем денотате. На сегодня этнолингвисты начали трактовать стереотип как целостную «наивную теорию» объекта (предмет, явление), которая состоит не только из оценки (коннотативная, интегральная), но и из категориальных (идентифицирующих) признаков (как выглядит лицо или предмет, как действует), в соответствии с более глубоким пониманием лексического значения слова.

Представители польской этнолингвистической школы Й. Мацькевич, Я. Адамовский и ее основоположник Е. Бартминский рассматривают стереотипы традиционной культуры и формы их языкового выражения, руководствуясь теорией прототипов «в рамках антрополого-лингвальной концепции языковой картины мира, которая существует в том или ином обществе», ибо только такой подход дает возможность в полной мере раскрыть «познавательные основы языка, элементарные механизмы видения и интерпретации действительности человеком, нивелирует границы между понятийной и семантической системами, следовательно, между языковым и ментальным. Становятся возможными совместные трактовки языковых и культурных явлений» [4, с. 12].

В общем смысле стереотипом Е. Бартминский считает «представление о предмете, оформленное в определенной общественной рамке и такое, что определяет, чем этот предмет является, как он выглядит, как действует, как его трактует человек, при этом представление, закрепленное в языке, доступно через язык и касается коллективного знания о мире» [5, с. 79].

Представительница московской этнолингвистической школы С. М. Толстая акцентирует внимание на том, что стереотип относится как к содержательной, так и формальной стороне языка [12, с. 262]. Стереотип как когнитивная дефиниция в этнолингвистике – это совокупность суждений о предмете, реконструированных на основе всех языковых единиц [12, с. 263].

Важной и теоретически значимой является монографическая работа В. Н. Телия «Русская фразеология» (1996), в которой автор исследовала культурно-национальные особенности идиом в пределах лингвокультурной модели мира, среди составляющих которого она называет архетипы, эталоны, стереотипы. По мнению В. Н. Телия, стереотипы являются «тем звеном, которое объединяет восприятие, мышление и язык. Они составляют своеобразные константы языковой картины мира, поскольку через эти номинации в концептуальную картину мира вплетается то бытовое представление о мире, которое зафиксировано этим языком» [11, с. 46].

В этнопсихолингвистике стереотипы определяют как устойчивые, эмоциональные по своей природе психические образования, которые в упрощенной форме отражают сложный факт действительности. Это чувственно окрашенные социальные образы, объединяющие социальный и психологический опыт общения, взаимоотношений между людьми [3, с. 87].

В своих работах В. В. Красных сравнивает стереотип с основными лингвокультурными и этнопсихологическими понятиями, а именно: концепт, прецедентный феномен, культурное пространство. Исследовательница подчеркивает, что явление стереотипа сложное. С позиции лингвиста (в связи с коммуникативным и, в первую очередь, вербальным поведением): стереотип – это «некоторая структура ментально-лингвального комплекса, которая формируется инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых определенной единице, и репрезентирующем концепт феномена, стоящего за данной единицей, в его [концепту] национально-культурной маркированности предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [7, с. 127]. В. В. Красных понимает стереотип как некий фрагмент концептуальной картины мира, который существует в сознании. Это образ-представление, некая ментальная «картинка», некое устойчивое минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации (речь идет не о конкретном предмете или ситуации) [8, с. 9–10]. Среди основных характеристик стереотипа В. В. Красных выделяет такие, которые отличают его от концепта. Стереотип – это образ-представление, более «ограниченное» чем концепт, ведь составляет ментальный образ-представление и его вербальную оболочку; в процессе возникновения происходит определенная минимизация, что проявляется в предполагаемых ассоциациях, что сближает его с прецедентными феноменами; более конкретный (благодаря своей образности); проявляется в коммуникативном поведении, поэтому более функциональный; сохраняется в виде фрейм-структур [8, с. 186].

Стереотипы, считает исследовательница, всегда национальные, если же в других культурах находим аналоги, то это квазистереотипы, что, совпадая в целом, различаются мелкими деталями, которые, однако, имеют принципиальное значение.

По мнению В. А. Масловой, фундаментом всех культурных стереотипов можно считать картину мира определенного этноса, которая отражается в содержательной стороне языка этого этноса. Под «языковым стереотипом», в отличие от Е. Бартминского и представителей его школы, исследовательница понимает «не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, то есть фразеологизм, клише и др.: лицо кавказской национальности, новый русский» [9, с. 109]. Употребление таких стереотипов, по ее мнению, облегчает и упрощает, даже экономит силы коммуникантов. Исследовательница подчеркивает, что именно тексты являются «истинными хранителями культуры» [9, с. 87]. Текст, который напрямую связан с культурой и множеством сквозных культурных кодов, отражает духовный мир человека. В тексте фиксируется и хранится информация об истории, этнографии, национальной психологии, поведении – обо всех составляющих культуры. Правила построения текстов зависят от контекста культуры, в котором они возникают. Тексты создаются из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал. Такими единицами исследовательница считает фразеологизмы, являющиеся наиболее яркими языковыми единицами, которые отражают народную культуру, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы. Рассматривая стереотипы как элемент языковой картины мира, В. А. Маслова выделяет: социальные

стереотипы, которые проявляют себя как стереотипы мышления и поведения личности; этнокультурные стереотипы – обобщенные представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ (немецкая аккуратность, китайские церемонии, африканский темперамент и др.). Ученый отмечает, «что «стереотип – это фрагмент концептуальной картины мира, ментальный рисунок, устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации» [9, с. 110].

По мнению Н. Ф. Алефиренко, если под культурой понимать идеи и поведение, то к его составляющим стоит добавить общепринятые знания и стереотипы поведения. Тогда культура – это «совокупность принятых ценностей, стереотипов поведения, верований, которые характерны для отдельного общества или популяции» [1, с. 40–41]. Ученый доказывает, что коннотации языка генетически связаны с этнокультурными стереотипами. Под стереотипом Н. Ф. Алефиренко понимает субъективно детерминированное представление (...), в котором находят отражение объективные и оценочные признаки предмета или явления, о которых идет речь, выделены в результате интерпретации действительности в рамках социально релевантных познавательных моделей; лингвокультурные стереотипы предопределяют характер коннотаций языковых значений, создавая трудно уловимую этносемантическую ауру языкового знака [2, с. 11].

Среди ведущих функций стереотипов языковеды выделяют: познавательную, регулирующую, экономии познавательных усилий, защиты групповой идеологии. Определяя функции стереотипов, не стоит опираться только на конкретные речевые акты, не связывая их с языковой системой, которая является своеобразным институтом, формирующим коллективное восприятие мира и отношение к нему. Формирование стереотипов происходит под влиянием познавательных процессов, поскольку стереотипы выполняют ряд когнитивных функций, в частности, – схематизации и упрощения; формирование и хранение групповой идеологии [9, с. 110].

На основе проанализированных научных работ можно сформулировать определение понятия «стереотип – это представление человека об окружающем мире, сложившееся под влиянием культурных факторов (культурно-детерминированное представление), которое может существовать как в виде ментального образа, так и в виде вербальной оболочки; стереотипы – это результат общения или поведения в связи с определенными семиотическими моделями.

Принимая во внимание многочисленные дефиниции, можно утверждать, что стереотип – это лингвоментальный комплекс, который аккумулирует социальный, психологический, исторический опыт человека и проявляется в различных областях ее культурной деятельности. В отличие от концептов, стереотипы составляют традиционные формы выражения определенных значений, в сознании они существуют как стабильные знаки. Речевая репрезентация их разнообразна: тропы, фигуры, устойчивые выражения со стертой образностью. Они могут выражаться как словом, так и устойчивым выражением.

Таким образом, стереотипы – это концентрированное знание, схематизированная информация, устоявшаяся в структурах коллективного сознания, которая сформировалась в результате совместной деятельности представителей определенного этноса, сообщества, группы; зафиксированная в языке и культуре определенной нации. Благодаря научным исследованиям языковой фиксации стереотипов можно углубить представление о средствах этнической и культурной идентификации народа, его истории, отношениях с представителями других этносов. Многообразие приведенных классификаций функций стереотипов свидетельствует, что стереотип является многофункциональным явлением.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М. : Флинта, 2010. 282 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Стереотипы семантического пространства лингвокультуры // Язык и культура : материалы Междунар. науч. конф. Белгород, 2010. С. 6–12.
3. Баронин А. С. Этнопсихология. Киев : МАУП, 2000. 116 с.
4. Бартминский Е. Этноцентризм стереотипа. Польские и немецкие студенты о своих соседях // Славяноведение. 1997. № 1. С. 12–24.
5. Бартминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М. : Индрик, 2005. 527 с.
6. Квацхофф У. Социальный предрассудок и коммуникация – лингвистический анализ стереотипа // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» : сб. ст. СПб. : Антология, 2013. С. 113–137.
7. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М. : Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
8. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Academia, 2001. 202 с.
10. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
12. Толстая С. М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы Междунар. науч. конф. (8–12 сентября 2009 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 262–264.

Информация об авторе: *Дубинина Виктория Александровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Луганская Народная Республика).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОМИНАЦИЙ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К. А. Карпич

*г. Красный Луч, Луганская Народная Республика
krystyna24karpich@gmail.com*

Аннотация. Исследуются особенности соотношения системного и функционального полей русской колоративной лексики и основные тенденции развития системы колоративов русского рекламного дискурса. Рассматривается лингвистическое описание функционирования колоративной лексики в тексте с учётом её лексико-семантических и структурных характеристик. Система номинаций колоративов обладает рядом особенностей, обусловленных выполняемыми функциями.

Ключевые слова: колоратив, колоративная лексика, дискурс, лексико-семантическая группа, тенденция

Для цитирования: Карпич К. А. Тенденции развития номинаций цветообозначения в современном русском языке // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 58–60.

Изучение колоративов уже имеет свою многолетнюю исследовательскую историю и весомый аналитический результат. Лексическое значение слова исследуется в работах З. Д. Поповой и И. А. Стернина, Л. М. Васильева, В. И. Шаховского, Э. В. Кузнецовой, А. А. Уфимцевой и др. Вопросам, которые связаны с изучением отличительных особенностей элементов лексико-семантической группы цветообозначений, посвящены работы Н. Б. Бахилиной, Р. М. Фрумкиной, Е. В. Рахилиной, А. П. Василевича, В. Е. Моисеенко, А. А. Кайбияйнен, Л. В. Полубиченко.

Статья ставит своей **целью** описание колоративной лексики как средства речевого воздействия в русском дискурсе.

В работе используется понятие «колоратив», которое обозначает совокупность слов имени прилагательного, объединённых при помощи интегральной семы «цвет».

Термин «колоратив» рассмотрен в узком значении в статье «Колоративы и обозначения цвета в рекламе» О. И. Кулько. Отмечается, что «колоративы – достаточно чётко очерченная в языке группа прилагательных, обозначающих цвета. Эта группа не замкнута, хотя, скорее всего, и не имеет явной тенденции к расширению» [2, с. 224]. Е. А. Рыбальченко также использует термин «колоратив»: «номинацию «колоратив» («цветослово»), которая отражает частеречную совокупность слов (прилагательных, существительных, глаголов, наречий), объединённых при помощи интегральной семы «цвет»» [3, с. 3]. Широкое понимание термина «колоратив» связано с изучением цветописи в художественных произведениях.

Э. В. Кузнецова считает, что «самым важным с точки зрения лексической системы типом классов слов являются лексико-семантические группы. Они объединяют в себе слова одной части речи, в которых помимо общих грамматических сем имеется как минимум ещё одна общая сема, категориально-лексическая... такие категориально-лексические семы в основе отдельных лексико-семантических групп» [1, с. 74].

Новый продукт лингвокреативной деятельности – это лексика, созданная для цветовой индивидуализации объектов, производимых в промышленных

масштабах. Лингвокреативная деятельность, создающая инновационные наименования цвета, характерна для косметической, автомобильной промышленности, индустрии моды. На поиск характеристик цветовых значений указывает каталог международной системы соответствия цветов «Каталог RAL CLASSIC», размещенный на интернет-сайте. Он включает 213 наименований цвета. Например, цвет, названный «телемагента» можно охарактеризовать как «розовый». Используются сложные по составу лексемы: *ультрамариново-синий, сапфирно-синий, листовенно-зелёный, тростниково-зелёный, брезентово-серый, перламутровый, мышино-серый*.

Н. В. Серов для обозначения основных цветов использует термины «фокусные или первичные цвета» [4, с. 28]. Лингвист отводит для цветообозначений особое место в языке. Проведя количественный анализ основных и неосновных наименований цвета, Н. В. Серов акцентирует внимание на ассоциативном характере цветоименований: «Почти все цветообозначения обладают ассоциативной этимологией (*желтый – желчь, голубой – небо*)» [4, с. 92].

Н. В. Серов выявил прямую зависимость психолингвистики цвета от вербализации: цвет воспринимается человеком на «двух уровнях интеллекта – сознательном в виде вербализуемого цветоименования и подсознательном в виде стимула». Исследователь акцентирует внимание на том, что наименования цвета влияют на нашу способность видеть окружающие предметы. Однако, цветообозначения – перцептивная совокупность, которая делится на части «благодаря присвоению им конкретных названий», и «восприятие не влияет на эту способность к вербализации» [4, с. 58].

Н. В. Серов также выявляет сложность процесса восприятия цвета: «цвет окрашенной поверхности будет иначе восприниматься в случае известной принадлежности этой поверхности к знакомому предмету (предметный цвет), или, наоборот, в случае его принадлежности к незнакомому предмету, а также в случае безотносительности этого цвета к любому предмету» [4, с. 73]. Н. В. Серов заявляет, что в процессе восприятия цвета не всегда учитывается психическая составляющая восприятия мира и утверждает, что цветовые ассоциации людей искусства участвуют в формировании семантических аспектов цвета.

Особый интерес представляет «Словарь цвета» В. К. Харченко, в котором наиболее полно и систематизировано описывается цветовая палитра русского языка. Учёный классифицировал цветоименования и выделил такие тематические группы [5, с. 309]:

1. Оттенки, которые классифицируют по степени насыщенности основного цвета: *синеватый, бледно-синий, ярко-синий*.

2. Световые оттенки, которые различают по светлоте/темноте тона: *светло-синий, темно-синий*.

3. Оттенки, имеющие прототип, которые возникли благодаря природным объектам или артефактам: *малиновый, кирпичный*. Сюда относят также идиомы и сравнения: *красный как рак*.

4. Оттенки двух или трех цветов в слиянии: *желтовато-белый, иссиня-белый*.

5. Оттенки двух цветов в их смежности: *красно-белая футболка*.

6. Группа оттенков, в название которых уже включён цветовой компонент: *зеленоглазый*.

В. К. Харченко заявляет, что «оттенки цвета допускают множество классификаций» [5, с. 341]. Можно выделить, например, оттенки широкого, широчайшего и ограниченного приложения (*кофейный, коричневый, карий*), литературные оттенки (*аквамариновые глаза*), оттенки производственного характера (*гнедой – в коневодстве*).

В. К. Харченко в своем исследовании классифицирует также цветообозначения по структурно-морфологическому признаку:

1. Существительные:

1.1. Абстрактные цветоименования (*бледнота*);

1.2. Фитонимы и зоонимы с компонентом «*цвет*» (*краснопёрка*);

1.3. Ключевые компоненты (*медь, асфальт*) в устойчивом словосочетании (*цвета мокрый асфальт*).

2. Прилагательные, а также их словообразовательные варианты: дуплет (*синий-синий*), диминутив (*красенький*);

3. Наречия, которые образовались на основе «*цветных*» прилагательных (*добела*);

4. Глаголы (*краснеть, покраснеть*);

5. Цветообозначения во фразеологии (*цвет бороды Абдель-Керима*).

Учёный утверждает, что здесь мы видим метонимический перенос, в отличие от открытых сравнительных оборотов: *белый как снег* [5, с. 79].

Действительно, как отмечает В. Г. Кульпина, цветообозначения можно различать по происхождению на исконные и заимствованные. Лингвист утверждает, что заимствования являются одним из способов появления названий цветов. В. К. Харченко выделяет цвета по сфере их распространения, они выделяются в диалектах, в некоторых отраслях знаний: в изобразительном искусстве, дизайне, рекламе и т.д. Кроме того, употребление некоторых цветоименований в художественных произведениях может формировать для них новые значения [5, с. 261].

Основываясь на вышеперечисленные наблюдения, мы приходим к выводу, что все цветообозначения системно организованы. И в основе перехода от прилагательного цвета к мысли, видна прочная связь между цветом и его названием.

В системе современных русских рекламных колоративов действуют две противоположных тенденции: к унификации колоративных характеристик и к их оригинальности. Первая тенденция проявляется в том, что один колоратив употребляется в рекламе товаров разных категорий. Например, колоратив *песочный* использован в рекламе таких товаров, как *обувь, одежда, шляпы, губная помада, краска для волос, шерсть для валяния, что способствует лёгкости восприятия информации*. Противоположной тенденцией является создание образных номинаций (*бургундский, Голливуд, солнечная медь* и т.д.), цель которых не столько информационная, сколько аттрактивная – привлечь внимание, вызвать интерес и положительные эмоции.

Список литературы

1. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М. : Высш. шк., 1982. 152 с.

2. Кулько О. И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе: русская сопоставительная фразеология – состояние и перспективы // Международная научная конференция, посвящ. 200-летию Казанского университета. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. 227 с.

3. Рыбальченко Е. А. Колоративная лексика в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.

4. Серов Н. В. Цвет культуры. Психология, культурология, физиология. СПб. : Речь, 2003. 672 с.

5. Харченко В. К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское: свыше 4000 слов в 8000 контекстах. М. : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2009. 532 с.

Информация об авторе: *Карпич Кристина Андреевна*, учитель русского языка и литературы Краснолучской школы № 4 (г. Красный Луч, Луганская Народная Республика).

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ «ТЫ–ВЫ»: ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Д. С. Катрецкая

г. Луганск, Луганская Народная Республика
katretskaya.darya@mail.ru

Аннотация. Раскрываются дискурсивные характеристики личных местоимений «ты–вы». Исследуется употребление форм местоимения «ты–Вы» в художественном творчестве русских авторов. Делается вывод о том, что замена одной формы местоимения на другую является показательным знаком изменений в социальном статусе собеседников, в их эмоциональном и психологическом взаимодействии.

Ключевые слова: дискурсивные особенности, прагматика, речевой этикет, местоимения «ты–вы»

Для цитирования: Катрецкая Д. С. Личные местоимения «ты–вы»: дискурсивные характеристики // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 61–64.

Дискурсивная семантика местоимений *ты, вы* связана с фактором адресата и адресанта, с их речевым взаимодействием [11, с. 24].

Личные местоимения имеют связь с самоназваниями и названиями собеседника, поэтому актуальным является рассмотрение этих местоимений в прагматическом аспекте, то есть изучение отношения знаков к субъектам, которые их производят и интерпретируют.

Выбор *ты, вы* или *Вы* маркируется как значимый не столько в личностном отношении, сколько в социальном, информирующем о статусных признаках общающихся [11, с. 24].

Цель данной статьи – изучение дискурсивных особенностей личных местоимений «ты–вы».

В ходе исследования была изучена соответствующая литература и выяснено, что в русском языке первоначально было только обращение к субъекту в форме единственного числа – «ты».

Русскоговорящий человек ко всем святым обращался, используя местоимение «ты», что нашло отражение в молитвах: «...хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...» [12, с. 62].

Профессор П. Я. Черных отмечает, что первоначально местоимения «Вы» встречаются только в дипломатической переписке и только по отношению к русским царям, на что наводят такие выражения, как «ваше господство», «к вашей милости», «к вашей высокости» и т.д. [10, с. 10].

Исследователи утверждают, что форма обращения «Вы» в XVIII веке ощущалась как искусственная, маркированная.

Обращение на «Вы» можно назвать внешним, поскольку оно воспринимается как знак обязательного этикета, который необходимо соблюдать, независимо от своего действительного отношения к собеседнику. Форма «ты» – внутренняя. Она остаётся первичной, той, которую используют в быту.

«Любопытную прагматическую функцию выполняет местоимение *вы* в устах носителя *ты* панибратского или *ты* хамского. Носитель *ты* панибратского

маркирует таким несвойственным ему почтительным обращением свой более низкий по сравнению с адресатом социальный (в частности, образовательный) статус, а носитель *ты* хамского – свой более низкий статус в административной иерархии» [1, с. 153].

Обращение – категория речи, способная влиять на собеседника, то есть производить на него приятное или неприятное впечатление. Как отмечает В. Е. Гольдин, «обращение следует считать языковой универсалией, поскольку неизвестны языки, которым это явление было бы не присуще» [4, с. 114]. К обращению относится большое количество языковых единиц: личные имена и местоимения, номинация родства, наименования социальных статусов и ролей.

Л. Вингенштейн – сторонник концепции абсолютизации прагматического аспекта языка – считает, что главная цель языка не в том, чтобы называть предметы и не для того, чтобы выражать ментальные состояния, а для предоставления людям возможности совместной деятельности, которая регулируется определенными правилами [3]. Теория речевых актов исследует прагматический аспект языка в другом направлении: главным в языке является его прагматическая, коммуникационная функция. То есть употребление тех или иных языковых средств во многом зависит от сознания субъекта языковой деятельности.

Изначально в русском языке было только обращение к субъекту в форме единственного числа – «ты». Такое обращение было повсеместным и социально нейтральным и использовалось в отношениях с абсолютно любым человеком независимо от его возраста и социального статуса. Первые случаи вежливого обращения с использованием «Вы» относятся к XV веку. Изначально такие формы встречаются только в дипломатической переписке и только по отношению к русским царям, на что наводят такие выражения, как «ваше господство», «к вашей милости», «к вашей высокости» и т.д. В XVIII веке использование обращения «Вы» распространилось из дипломатической переписки в другие сферы официального и неофициального общения русскоговорящих людей. Обращение на Вы в итоге стало своеобразным знаком официальной вежливости. К прагматическим факторам можно отнести также социокультурные нормы речевого этикета, которые влияют на характер осмысления высказывания. При обращении к собеседнику используются различные местоимения и формы слов в зависимости от социолингвистических факторов. Наиболее распространенным разграничением является формальное обращение и неформальное. В письменной речи местоимение «вы» зачастую адресуется определенному собеседнику и пишется с заглавной буквы. Обращение с применением местоимения «ты» считается неформальным. Для краткости формальное обращение часто называют «обращение на вы», неформальное – соответственно «обращение на ты», однако стоит отметить, что данное разграничение не является однозначно правильным и не всегда соответствует действительности.

Во времена правления Петра I, когда обращение на «Вы» к вышестоящему по чину было закреплено официально, в обращении представителей низшего социального слоя к высшему данная форма воспринималась как естественная. Например, в комедии В. И. Лукина «Мот, любовью исправленный» дядька Василий обращается к своему господину так: «Сам бог за ваше обращение дядюшку к жалости склонит, а ежели вы к нему и не поедете, так я от вас не отстану ж...» [5, с. 252].

При этом в XVIII веке форма «ты», привычная для интимно-бытового общения, оставалась в обращениях к Богу. Например, в произведениях М. В. Ломоносова: «В тебе надежду полагаю, / Всесильный господи, всегда...» [6, с. 208] и императрице: «Владеешь нами двадцать лет, / Иль лучше, льешь на нас щедроты, / Монархиня, коль благ совет / Для россов вышняя доброты...» [6, с. 169].

Проанализировав русскую литературу, можно заметить неоднозначность выражения в ней формы «Вы». Наиболее ярко это прослеживается в случаях смены обращения «ты–Вы». В пример приведем еще два отрывка из комедии В. И. Лукина «Щепетильник», которые показывают определенное разделение в сознании человека. Когда Щепетильник думает о Самохвалове: «Для того, что ты кроме ни к чему годных безделюшек, еще ничего не написал и не перевел» [7, с. 118]. Когда Щепетильник обращается к Самохвалову: «Да какие же книги вы читаете, на своем языке, или?...» [7, с. 118].

Таким образом, видим, что Щепетильник на самом деле не имеет уважения к Самохвалову, и поэтому во внутренней речи определяет его местоимением «ты». Однако при встрече он предпочитает форму обращения «Вы», поскольку это регламентировано правилами хорошего тона. При этом это внешнее «Вы» находится в непосредственной близости к внутреннему «ты» и приобретает откровенно издевательское звучание.

Разделение местоимения «ты–Вы» в сознании людей того времени нашло отражение во многих произведениях. Существуют даже литературные тексты, в которых противопоставление «ты–Вы» отражено в названии, отмечая так влияние смены местоимений на смену отношений между собеседниками. Одним из примеров такого текста может служить стихотворение Я. Б. Княжнина «Ты и вы. Письмо к Лизе», написанное в 1786 году. В нем форма «Вы» является знаком нового высокого положения адресата, которым выступает супруга генерала. Обращение на «Вы» подчеркивает границы, которые отделяют ее от прошлого окружения: «О ты! которую теперь звать должно – Вы, / С почтеньем, с важностью, с уклонкой головы; / О прежняя Лиза, ты!.. / Вы барыня уж ныне. / Скажите, так ли Вы в сей счастливы судьбине, /... / Воспомните, как Вы была лишь только ты, / Еще не знающая величия мечты...» [8, с. 767].

Еще одним примером является творчество А. С. Пушкина. В его литературных произведениях можно встретить четкий переход «ты–Вы».

По определению А. С. Пушкина, обращение «ты» является «сердечным», а внешнее «Вы» – «пустым». В знаменитом пушкинском стихотворении «Ты и Вы» видим выбор в употреблении местоимения «ты–Вы»: «Пустое вы сердечным ты / Она, обмолвись, заменила, / И все счастливые мечты / В душе влюбленной возбудила. / Пред ней задумчиво стою; / Свести очей с нее нет силы; / И говорю ей: «как вы милы!» / И мыслю: «как тебя люблю!» [9, с. 100].

Итак, проведенный анализ дискурсивных особенностей личных местоимений «ты–вы» в художественном тексте позволяет сделать вывод, что замена одной формы местоимения на другую является показательным знаком изменений в социальном статусе собеседников, в их эмоциональном и психологическом взаимодействии.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Ахматова А. Лирика / сост. и предисл. А. Марченко. М. : Эксмо, 2011. 384 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. 612 с.
4. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. М. : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 127 с.
5. Западов В. А. Русская литература XVIII века. 1770–1775. Хрестоматия. М. : Просвещение, 1979. 447 с.
6. Ломоносов М. В. Избранные произведения. М. : Советский писатель, 1965. 578 с.

7. Лукин В. И. Щепетильник // Русская комедия и комическая опера XVIII в. / ред. текста, вступ. ст. и коммент. проф. Н. Беркова. М. ; Л. : Искусство, 1950. 736 с.
8. Княжнин Я. Б. Избранные произведения / вступ. ст., подг. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л. : Советский писатель, 1961. 769 с.
9. Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. М. : Литрес, 2019. 137 с.
10. Савчук Т. Н. Речевой этикет в русских и белорусских народных сказках : дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1995. 21 с.
11. Синельникова Л. Н. Дискурсивная семантика личных местоимений // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. URL: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.2/2829> (дата обращения: 11.09.2021).
12. Формановская Н. И. Вы сказали: «Здравствуйте!». Речевой этикет в нашем общении. М. : Знание, 2014. 160 с.

Информация об авторе: *Катрецкая Дарья Сергеевна*, студентка магистратуры Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Луганская Народная Республика).

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

А. В. Кислицына

г. Луганск, Луганская Народная Республика
natali.kislitsyna1976@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются аспекты культуры речи, отражённые в работах русских лингвистов.

Ключевые слова: литературный язык, культура речи, речевая культура, норма

Для цитирования: Кислицына А. В. Ключевые аспекты культуры речи // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 65–67.

Современный русский литературный язык развивается в русле тех принципов организации языковых средств в литературных текстах, которые были определены и закреплены, утверждены в его авторской практике. О русском литературном языке написаны работы: «Культура русской речи» А. В. Брокатунова и «Культура речи» М. С. Узерина. В них рассказывается и о его сложной и прихотливой истории, и о богатстве и выразительной силе этого величайшего национального достояния, и о той важной роли, которую играет русский литературный язык в нашей стране и на международной арене. В книге «Культура русской речи» А. В. Брокатунова написано: «Являясь живой связующей нитью поколений, литературный язык впитал в себя всё лучшее, здоровое из народной речи. Он воплощает мировоззрение русского народа, отражая, как в зеркале, достижения его национального духа и культуры» [3, с. 174].

Литературным языком называют исторически сложившуюся высшую (образцовую, обработанную) форму национального языка, обладающую богатым лексическим фондом, упорядоченной грамматической структурой и развитой системой стилей.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахманова даёт такое определение: «культура речи – уровень речевого развития, степень владения нормами языка или диалектом совместно с умением «обоснованно отступать» от этих норм» [1, с. 74].

М. С. Узерина рассматривает культуру речи в двух аспектах. При характеристике первого акцент делается на практическом применении речевой культуры: на нормативной (владение нормами литературного языка в устной и письменной формах), коммуникативной (выбор и организация языковых средств в соответствии с ситуацией и целью коммуникации) и этической (соблюдение речевого этикета) сторонах речевой деятельности, имеющей целью решение поставленных задач коммуникации с наибольшим эффектом. Во втором аспекте автор делает упор на культуру речи как раздел лингвистики, который занимается теоретической разработкой и кодифицированием языкового материала [6, с. 82].

В. Е. Гольдин и О. Б. Сиротинина дают очень обширное толкование культуры речи в общеязыковом, литературоведческом и духовном планах. Учёные подчеркивают важность литературной классики как языковых образцов, менталитета общения, языковых традиций и языкового сознания, использование невербального сопровождения речи, навыки и умения применять профессионально-речевую культуру.

Культура речи – часть более широкого понятия речевой культуры, которая, в свою очередь, входит в культуру речевой деятельности, общения, в общую гуманитарную культуру. По мнению В. Е. Гольдина и О. Б. Сиротининой, речевая культура «включает в себя язык, формы воплощения речи, совокупность общезначимых речевых произведений на данном языке, обычаи и правила общения, соотношение словесных и несловесных компонентов коммуникации, закрепление в языке картины мира, способы передачи, сохранения и обновления языковых традиций, языковое сознание народа в бытовых и профессиональных формах, науку о языке» [4, с. 64].

Н. А. Ипполитова в своём толковании речевой культуры заостряет внимание на создании текста как результата речевой деятельности, учитывая целесообразность, целенаправленность, корректность, эффективность.

Таким образом, культура речи противопоставлена сознательному и намеренному нарушению или искажению принятых в данном обществе правил и манер речевого поведения, тому, что называют антикультурой.

По мнению Н. А. Ипполитовой, речевая культура как часть культуры в целом охватывает не весь национальный язык, а только часть, ограниченную рамками культуры коммуникации и литературным языком, который характеризуется набором правил и норм и отличается этим от всех других разновидностей национального языка, таких как просторечье, жаргоны и территориальные диалекты [5, с. 232].

Речевая культура личности есть сознательный отбор, выявление и сохранение образцовых языковых средств, соблюдение норм литературного языка, основанное на произведениях литературной классики.

Таким образом, речевая культура – компонент базовой культуры, который формируется в период становления личности, когда возникает потребность в общении. Для этого необходимо систематическое формирование и развитие содержательности речи, культуры речи, речевого этикета.

Культура речи вобрала все формы культуры: физическую, материальную и духовную. Как и любая область культуры, она включает культуру общества, культуру коллектива и культуру личности, профессиональную культуру, взаимно обогащающие друг друга.

Культура речи многослойна и представлена несколькими уровнями. Это культура устной и письменной речи, культура создания текста, произнесения и понимания текста; это разные уровни владения русской речью и т.д. Низкий уровень культуры речи является показателем общего уровня развития человека (точнее будет сказать, его недоразвития), наличия культуры как таковой. Негативное впечатление производят быстрый темп речи, монотонность, недостаток словарного запаса, употребление слов-паразитов, вульгаризмов и других слов, отвергаемых современным литературным языком.

Умение различать правильное и неправильное в речи связано с понятием языковой нормы. Норма литературного языка – это общепринятое употребление языковых средств: звуков, ударения, интонации, слов, их форм, синтаксических конструкций.

В учебнике «Русский язык и культура речи» С. Н. Бройтман находим следующее определение: «Литературная норма – совокупность фиксированных социально одобряемых правил языка, обязательных для реализации в речи, отражающих закономерности языковой системы и подтверждаемых словоупотреблением авторитетных носителей русского языка» [2, с. 74].

Норма – это не только социально одобряемое правило, но и правило, отражающее закономерности языковой системы и подтверждаемое словоупотреблением авторитетных писателей.

Норма – это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов.

В современном русском языке процесс нормализации протекает неравномерно в разных сторонах языковой системы и в разных формах реализации языка. В первом случае наблюдаются различия в темпах изменения нормы, например в области произношения, или на лексическом уровне. И дело не только в том, что лексические нормы значительно подвижнее, нежели орфоэпические, но и в том, что нормализация лексики происходит на более широкой социальной и территориальной базе. Более того, соотношение стихийного и сознательного в нормализации также неоднозначно проявляется в разных сторонах языковой системы. Например, перевес сознательной фиксации нормы имеет большее значение для орфографии, чем для лексики или тем более синтаксиса, где стихийное становление нормы оказывается более активным.

Во втором случае (имеются в виду разные формы реализации языка – устная и письменная речь) нормализация также протекает неравномерно. Это связано хронологически с разными этапами в жизни языка. В тот период, когда формы письменной речи и устной резко разграничены в силу исторических причин, нормы письменной речи меняются значительно медленнее, и они оказываются более консервативными, чем нормы устной речи, тем более что процент сознательности в нормированности письменной речи намного выше, чем в речи устной, нормы которой складываются в основном стихийно. Такие периоды в жизни русского языка были, особенно в допушкинские времена.

В заключение подчеркнем, что культура речи – это обучение правильности речи, знания и соблюдения языковых норм, способности красиво и ясно выражаться. Речевая культура – это ваша способность правильно и понятно излагать свои мысли. Норма – явление подвижное, историчное, не установленное раз и навсегда, она находится в постоянном развитии, и пускать на самотек, допускать стихийность данного процесса было бы неправильно. Норма литературного языка представляет собой достаточно сложное явление, которое изменяется с течением времени.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 850 с.
2. Бройтман С. Н. Русский язык и культура речи. М. : Добросвет-2000, 2014. 324 с.
3. Брокатунов А. В. Культура русской речи. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 270 с.
4. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Речевая культура. М. : Наука, 1998. 546 с.
5. Ипполитова Н. А. Речевая культура. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 415 с.
6. Узерина М. С. Культура речи. М. : Политиздат, 2009. 124 с.

Информация об авторе: *Кислицына Анастасия Вячеславовна*, студентка магистратуры Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Луганская Народная Республика).

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВЫХ ПОНЯТИЙ ВМЕСТО РОДОВЫХ В РЕЧИ КОММУНИКАНТА С ДИСФУНКЦИЕЙ РЕЧЕВОГО АППАРАТА (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ)

У. Н. Кожурина

г. Брянск, Россия
ulliana.borisova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается использование родовых и видовых понятий в речи коммуниканта с афазией. Исследуются фонематический, лексический, диалектический аспекты.

Ключевые слова: афазия, видовые понятия, родовые понятия, лексемы, речевой аппарат

Для цитирования: Кожурина У. Н. Употребление видовых понятий вместо родовых в речи коммуниканта с дисфункцией речевого аппарата (на примере отдельной языковой личности) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 68–69.

Речь – одна из важнейших психических функций человека, утрата или частичная потеря которой приводит к диссоциализации. К сожалению, восстановление речи не всегда происходит одновременно с улучшением общего состояния больного.

Афазия – частичное или полное расстройство сформировавшейся речи с нарушением восприятия чужой речи при сохранении слуха. Происхождение данного поражения связано с различными травмами речевых отделов коры головного мозга. Изучением данного заболевания занимаются медики, психологи, педагоги, логопеды и лингвисты. Среди русских и зарубежных языковедов, обращавшихся к проблеме афазии, следует назвать Л. В. Сахарного, В. П. Глухова, Л. Б. Клепацкую, И. М. Румянцеву, Ю. С. Аканину и других.

Рассмотрение речевых процессов у больных с афазией, возникшей после перенесённого инсульта, стало в XXI веке актуальной проблемой, так как намечается стремительное увеличение числа людей с дисфункцией речевого аппарата и «омоложение» самого заболевания.

В результате общения с одним из коммуникантов, имеющим частичную афазию в результате инсульта, перенесённого пять лет назад, мы установили особенность речи, связанную с употреблением видовых понятий вместо родовых при наименовании различных предметов.

К примеру, коммуникант использует лексему *селёдка* в значении любого вида рыбы. По нашему мнению, это обусловлено вкусовыми предпочтениями оппонента. Более того, фонетическое строение слова позволяет избежать таких сложных фонем, как <р>, <б>.

Аналогичным образом прослеживается в речи коммуниканта и употребление лексемы *фиалка* в значении любого цветущего растения. Это связано с предпочтением данного вида цветов всем остальным. Любопытно, что раньше языковая личность имела в своём лексиконе и слово *цветочек*, которое было проще в произношении по сравнению с видовым понятием. Частота употребления лексемы *фиалка* (возможно, и желание освоить новое слово) заставило её приобрести новое

значение, характерное для слова *цветок* – «травянистое растение, в пору цветения имеющее яркую, часто ароматную, распускающуюся из бутона головку или соцветие» [2].

Лексема *сладкий* для коммуниканта обозначает вкусный. Скорее всего это связано с общим пониманием значения слова. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова слово *сладкий* является полисемантом, одним из его ЛСВ – «перен. приятный, доставляющий удовольствие» [3]. По нашему мнению, это значение стало наиболее актуальным для коммуниканта, в связи с речевой афазией, повлекшей проблематичность в произношении других слов. Так лексема *сладкий* вобрала в себя всю совокупность приятных вкусовых ощущений языковой личности.

«Популярный словарь русского языка» А. П. Гуськова Б. В. Сотина [4] предлагает ещё и разговорное значение *вкусный*, что полностью совпадает с восприятием коммуниканта. К семантическому значению в качестве иллюстративного материала приведены фразеологические единицы:

Голодному любой кусок сладок.

Хлеб слаще нажитый трудом! (И. Крылов).

Этот материал свидетельствует о давности возникновения данного разговорного значения. Указанная помета соответствует употребляемой рассматриваемой языковой личности, поскольку детство и юность коммуниканта прошли в сельской местности.

Таким образом, в речи больных с постинсультной афазией прослеживается употребление видовых лексем вместо родовых. Это объясняется различными причинами: личными предпочтениями языковой личности; упрощённой звуко-буквенной формой слова; наличием разговорных, диалектных значений лексемы, известных коммуниканту. Данные наблюдения дают возможность увидеть и изучить проблему афазии психолингвистам, нейрофизиологам, логопедам. Как отмечает кандидат педагогических наук, логопед Е. С. Бердникович в своей работе «Восстановление речевых нарушений как педагогическая проблема»: «Современная афазиология остро нуждается в новых методах и приёмах работы с больными, перенесшими нарушение мозгового кровообращения. Однако несмотря на увеличение публикаций по данной тематике остаётся ещё много нерешённых вопросов, имеющих отношение прежде всего к педагогическому аспекту восстановления речи больных в остром периоде инсульта» [1]. Такие же вопросы имеются и в психолингвистике, разрешение которых поможет привлечь внимание к данной проблеме и найти новые способы восстановления речи пациента.

Список литературы

1. Бердникович Е. С. Восстановление речевых нарушений как педагогическая проблема // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vosstanovlenie-rechevyh-narusheniy-kak-pedagogicheskaya-problema/viewer> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/263274> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/222606> (дата обращения: 20.01.2022).
4. Популярный словарь русского языка // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://popular.academic.ru/2941/сладкий> (дата обращения: 20.01.2022).

Информация об авторе: *Кожурина Ульяна Николаевна*, студентка магистратуры Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (г. Брянск, Россия).

**«КОРОНАЛЕКСИКА»:
ОСОБЕННОСТИ ОРФОГРАФИИ, СМЫСЛО- И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ»)**

Н. Г. Максимова¹, И. М. Полякова²

^{1, 2} г. Пенза, Россия

¹ kaktus7711@rambler.ru

² irinamihpoly@yandex.ru

Аннотация. Исследуется лингвистический материал «Словаря русского языка коронавируса эпохи» на предмет выявления особенностей орфографии, словообразования и семантики неологизмов, появление которых связано с пандемией коронавируса в 2020–2021 гг. С точки зрения орфографии рассматриваются слово *коронавирус* и родственные ему слова. С точки зрения словообразовательных и смысловых процессов исследуются лексические и семантические неологизмы, анализируются способы их создания, а также стилистические преобразования некоторых слов.

Ключевые слова: неологизмы, коронавирус, короналексика, слитное и дефисное написание, значение слова, способы словообразования, стилистические преобразования

Для цитирования: Максимова Н. Г., Полякова И. М. «Короналексика»: особенности орфографии, смысло- и словообразования (на материале «Словаря русского языка коронавируса эпохи») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 70–73.

Пандемия коронавируса оказалась настолько шокирующей для общества, что значительно отразилась на русском языке, в котором произошли определённые изменения. За период 2020–2021 годов появился огромный пласт неологизмов, новых значений известных слов, активизировались словообразовательные модели, процессы языковой игры... Эти лексемы были собраны и систематизированы группой российских и зарубежных учёных в «Словаре русского языка коронавируса эпохи» [8]. Мы решили рассмотреть их с точки зрения орфографии, словообразования, лексики.

Интересно, что в русском языке существуют слова, обозначающие названия вирусов, которые пишутся с соединительной гласной *о*, например, *риновирус*. При написании слова *коронавирус*, исходя из приведённой аналогии, возможны орфографические ошибки, поскольку оно представляет собой побуквенное заимствование слова, на основании чего содержит гласную *а*.

Слово *коронавирус* было заимствовано путём побуквенной передачи из английского языка [*coronavirus*], куда, в свою очередь, пришло из латыни, также с буквой *a*: [*coronaviridae*]. При этом и в английском, и в латинском языках оно писалось слитно без пробела или дефиса. А вот «русский» *коронавирус* в издании «Русского орфографического словаря» 2012 года был написан через дефис: *коронавирус*. Можно предположить, что таким образом учёные хотели оправдать наличие нетипичной соединительной *а* в середине сложного слова. В издании «Русского орфографического словаря» 2018 года слово *коронавирус* уже написано слитно. Этот вариант остаётся на данный момент рекомендуемым к использованию.

Но если с орфографией слова *коронавирус* всё более или менее определено, то варианты написания родственных ему слов не всегда соответствуют правилам русской орфографии.

«Словарь русского языка коронавирусной эпохи» фиксирует единичные варианты написания слов, производных от *коронавирус*, с соединительной гласной *о* (*коронавидение* и *короновидение*, *коронапаника* и *короно-паника*). Мы предполагаем, что эти варианты написания предлагались авторами с опорой на нормы написания русских сложных слов с соединительной *о*, таких, как *теплоход*.

Открытым остаётся также вопрос о слитном либо дефисном написании сложных слов с первой частью *корона*. Согласно «Справочнику по правописанию и литературной правке» Розенталя Д. Э. [7, с. 42], «при колебаниях между дефисным и слитным написанием слов иноязычного происхождения предпочитается второе, если в русском языке в слове не выделяются составные части с присущим им значением: *креп-сатин*, но *прейскурант*». Однако в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» находим и слова, написанные соответственно данной рекомендации (*коронакратия*, *коронамобиль*), и слова с несоответствующим написанием (*коронановости*, *коронаклетка*), и слова, допускающие двоякое написание (*корона-безопасность* и *коронабезопасность*).

В I части словаря, где представлены лексикографически обработанные слова, нами зафиксировано 102 слова, производные от корня *корона*. Показательно, что слов с неверным, верным и двояким написанием при подсчёте оказалось равное количество – по 34 (33,3 %). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что данное словотворчество не опирается на правила дефисного и слитного написания сложных слов. Ярко иллюстрируют это явление варианты дефисного написания слова *корона-оке* и слитного написания *коронапати*.

Во II части словаря содержатся сложные слова без семантической обработки. Мы предполагаем, что они объединены по принципу единичности их словоупотребления. Из 415 выявленных нами слов верное написание имеют 101 (24,3 %), неверное написание – 181 (43,6 %), и двоякое написание допускается у 133 слов (32%). На наш взгляд, преобладание неверного написания можно объяснить спонтанным словотворчеством.

Пандемия коронавируса способствовала появлению огромного количества общеязыковых неологизмов, предназначенных для обозначения не существовавших ранее предметов, явлений и понятий (*ковид-госпиталь*); для более краткого или выразительного обозначения (*вакцинофоб*); для достижения художественного (поэтического) эффекта (*намордник*). В зависимости от способа создания неологизмы делятся на **лексические** – те, которые созданы по продуктивным моделям или заимствуются из других языков, и **семантические**, которые появляются в результате возникновения новых значений у уже известных слов.

Среди лексических неологизмов «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» по словообразовательному признаку мы можем выделить слова, произведенные с помощью суффиксов (*зумер*), приставок (*квазикарантин*), суффиксально-префиксальные образования (*антивакцинистик*), наименования, созданные путем сложения (*киноизоляция*), контаминации (*карантинность*), сложносокращенные слова (*сиз*).

Из 1028 слов, составляющих I часть рассматриваемого нами словаря, лексическими неологизмами является 968 (94 %). Из них подавляющее большинство слов, согласно нашим наблюдениям, образовано способом сложения (чистого и с одновременной суффиксацией) – 43 %. Далее следуют способы суффиксальный (24 %), суффиксально-префиксальный (14 %). Приблизительно одинаковое количество слов образовано способами контаминации (9,5 %) и префиксации (9 %). Только 0,5 % от общего количества слов являются сложносокращёнными.

Все слова II части словаря (2500) сложные, поэтому можно утверждать, что способ сложения является наиболее продуктивным для образования неологизмов коронавирусной эпохи.

Поскольку II часть словаря содержит сложные слова без семантической обработки, то для выявления и анализа семантических неологизмов мы использовали материал I части словаря, где методом сплошной выборки нами было выявлено 30 лексем. Среди лексем, подвергшихся определенным семантическим преобразованиям, наиболее частотны слова с расширением (65 % от общего количества) и переосмыслением (35 %) лексического значения.

Подобную ситуацию, по нашему мнению, можно объяснить так: носители языка гораздо чаще применяют уже существующее в речи понятие для именованья чего-то нового и в то же время продолжают активно использовать прочие значения настоящей лексемы. Так лексическое значение слова расширяется. Переосмысление лексического значения представляет собой пример языковой игры, понять которую носителям языка гораздо труднее, чем расширение значения. Этим объясняется их небольшое количество.

Приведем наиболее интересные, с нашей точки зрения, примеры лексем, иллюстрирующих данные семантические процессы.

Так, **расширение** значения мы наблюдаем в лексеме *намордник*. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [6] это: 1) ременная или проволочная сетка, надеваемая на морду собаки или другого животного; 2) ремень в конской уздечке, идущий по переносью.

В «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» добавлено новое лексическое значение: *разг.-сниж. неодобр.* «о медицинской маске», например: *А тут ходят, бродят, какие-то перчатки на себя надели, намордники.*

Слово *краснеть* в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова [1] имеет следующие значения: 1) становиться красным; 2) стыдиться; 3) выделяться своим красным цветом.

В «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» значение этого слова определяется так: «демонстрировать высокие показатели заболеваемости коронавирусной инфекцией (о стране или регионе)», например: *Ленобласть продолжает краснеть от коронавируса.*

Интересны случаи **переосмысления** существовавшего лексического значения, например:

Лексема	Значение в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой	Значение в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»
Плато	Равнина, лежащая сравнительно высоко над уровнем моря и отделённая от соседней местности крутыми склонами, уступами	О стабильных в течение продолжительного времени показателях заболеваемости коронавирусной инфекции, предшествующих периоду её снижения

Лексема	Значение в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [4]	Значение в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»
Шашлычник	Тот, кто хорошо готовит шашлык	<i>разг.</i> О том, кто нарушает режим самоизоляции и строгий карантин по коронавирусной инфекции

Наконец, коснемся стилистических преобразований. **Стилистическую нейтрализацию** демонстрирует лексема *вакцина*. В «Толковом словаре русского

языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой оно имеет помету «специальное» и является нейтральным в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи». **Стилистическое перераспределение** видим в примере лексемы *зона*. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой оно имеет помету «разговорное» (в значении «закрытая территория концлагеря, место заключения») и имеет помету «профессиональное» (в значении «отделение стационара, предназначенное для лечения пациентов с коронавирусной инфекцией») в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи».

Подводя итог проведённым наблюдениям, отметим:

- 1) разнообразие словообразовательных моделей свидетельствует о широте «языковой стихии» неологизации;
- 2) внешне тождественные лексемы будут иметь смысловые отличия, иллюстрирующие основные процессы изменения лексического строя русского языка в эпоху коронавируса.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998.
2. Бутакова Л. О. Морфемика и словообразование : учеб. пособие. Омск : Омск. гос. ин-т им. Ф. М. Достоевского : Вариант-Омск, 2010.
3. Валгина Н. С. Современный русский язык. М., 2002.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000.
5. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М. : Педагогика-Пресс, 1994.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 2000.
7. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М. : Айрис-Пресс, 2015.
8. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая ; ред. кол. Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021.
9. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛКИ : URSS, 2008.

Информация об авторах: *Максимова Наталья Геннадьевна*, учитель русского языка и литературы классической гимназии № 1 имени В. Г. Белинского г. Пензы, Почётный работник воспитания и просвещения РФ (г. Пенза, Россия); *Полякова Ирина Михайловна*, учитель русского языка и литературы классической гимназии № 1 имени В. Г. Белинского г. Пензы (г. Пенза, Россия).

ИНФОРМАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИЗОБРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. В. Маринова

г. Нижний Новгород, Россия
marinova@list.ru

Аннотация. На материале художественных текстов (ок. 60) современных авторов рассматривается новый предмет изображения в литературе – информация, извлекаемая / получаемая героем из Сети. Обращение к такому объекту деятельности человека в интернете, как информация (вербальная, графическая и т.п.), объясняется особенностями цифровой эпохи и реалиями, условиями жизни информационного общества, в котором информация становится одним из ключевых понятий культуры, экономики, бизнеса и т.д. В прозаических текстах информация как предмет изображения осмысливается авторами не только как объект, но и как активный субъект, подобный самому герою – пользователю интернета. Анализ глагольных метафор, создающих образ информации, показывает, что в основе её восприятия лежит идея движения в пространстве. Авторы используют также модель персонификации, говоря об информации, и количественную метафору, как правило имеющую отрицательную коннотацию.

Ключевые слова: художественный текст, образ информации, глагольные метафоры, идея движения, метафора пространства, персонификация

Для цитирования: Маринова Е. В. Информация как предмет изображения в современной прозе: лингвистический аспект // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 74–77.

В современных прозаических текстах последних десятилетий всё чаще объектом изображения становится деятельность человека в Сети. Писателей интересуют те новые реалии и новые условия жизни, которые человечество получило в результате так наз. цифровой революции. Изменения, происходящие в цифровую эпоху как во внешнем мире, так и в духовном мире человека – пользователя интернета, осмысливаются художественными средствами в творчестве таких авторов, как Б. Акунин, Я. Вишневский, Дм. Бавильский, Дм. Глуховский, М. и С. Дяченко, А. Житинский, А. Зорич, А. Иванов, М. Кучерская, А. Матвеев, В. Пелевин, Р. Сенчин, М. Степанова, О. Токарчук, У. Эко и многие др. В литературных произведениях появляются и становятся устойчивыми новые сюжетные линии и ходы (напр., интернет-знакомство, общение героев в Сети, поиски кого- или чего-л. через Интернет [2; 7, с. 135–185]), новые композиционные приёмы (электронная переписка героев [5]), новые приёмы создания имён (никнов) персонажей [6], наконец, новые образы, опосредованные особенностями нашего времени. Один из таких образов – образ информации как основного объекта деятельности героев, «живущих» в Сети. Информация, существующая в виде документов разных форматов, загружаемых из Сети / в Сеть, а также создаваемых самими пользователями, в том числе в виде сообщений, постов, «комментов» и под., под пером писателя становится предметом изображения.

Обозначается понятие сетевой информации в прозаических текстах обычно зуальными номинациями, используемыми и в повседневной речи (*сообщение, пост, ссылка, SMS, письмо, текст, фото* и т.п.), однако нередко эти номинации входят в состав индивидуальных авторских метафор и сравнений, источниками которых являются самые разные предметные области. Покажем это на примерах:

Когда меня спрашивали, что я здесь делаю, я честно отвечал: ищу подругу жизни. **Фонтан** смайликов (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007); *Мой интерес льстил им, они охотно отвечали на вопросы, умничали в меру своих способностей, смеялись, выплескивая в аськино окошко **стайки** смайликов* (там же); *Юзеры сходились и расходились, притягивались и отталкивались, сгущались вдруг в **длинные хвосты тредов**...* (там же); *Кирилл пробежал взглядом по **гармошке постов*** (А. Иванов «Псоглавцы», 2011); *...эти розыски в Сети – не три **воза** копинаста, а гипертекст, сишитый сложными внутренними взаимосвязями* (А. Иванов «Комьюнити», 2012); *Физический мир скрыт за **ворохом** электронных симуляций и поп-апов* (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам», 2014); *...файлов тут была **длинная цепь*** (Дм. Глуховский «Текст», 2017); *И следом – **вал** комментариев* (Р. Сенчин «Чего вы хотите?», 2013). См. также сравнения: *Справа **буквенным водопадом** – список бездельников, сидящих в лав-чате* (А. Зорич «Пасифая.doc», 2007); *Сообщения в Ватсаппе – **кипой*** (Дм. Глуховский «Текст»). Заметим, что подобные метафоры строятся на базе узуальных переносных значений таких слов, как *вал, воз, кипа, фонтан, водопад, ворох*. Однако, на наш взгляд, языковые метафоры оживляются за счёт того, что предмет метафоры обозначен новым для языка словом (*фонтан смайликов* и т.п.).

В художественном мире, созданном автором того или иного произведения, информация может выступать не только как объект деятельности героев, о чём свидетельствуют приведённые выше примеры, а также сочетания разной степени узуальности, как то: *скинуть ссылку, закачать роман, пульнуть сообщение* (Т. Шахматова «Удар отточённым пером», 2017), но и как **субъект**. В последнем случае информация выступает в качестве **активного деятеля** по отношению к герою (*ссылка вела меня, ссылка сбросила нас*) или безотносительно к нему (*ссылка прилетела*), как, напр., в романе А. Иванова «Комьюнити».

По нашим наблюдениям, основанным на лингвистическом анализе около 60 произведений, общим для разных словесных образов сетевой информации оказывается **идея движения**. Как отмечают теоретики цифровой культуры, идея движения – одна из основополагающих в онтологии Интернета. Так, А. Барикко, говоря о «культе движения» в Сети, пишет: «*Вся цифровая революция... имела целью разбить мир на невесомые, **движимые, кочевые** (выделено мною. – Е.М.) фрагменты*» [1, с. 91]. Разнообразные глагольные метафоры передают эту идею, формируя при этом представление об Интернете как о пространстве (об устойчивой по отношению к Интернету метафоре пространства см., напр., в [3; 4]). Вот несколько примеров: *И вдруг, как гром среди ясного неба, из Сети **выпала** очередная Инструкция Центра...* (А. Житинский «Flashmob! Государь всея Сети»); – *Наймёте – восстановлю, – согласился Борька. Одновременно от него в айфон Глеба **упала** SMS <...> И на МКАДе на него **упала** новая SMS, будто **шлёпнулась** на крышу «лексуса» с пешеходного перехода <...> Дорогу от Раменок до Митино он знал без навигатора и не отключил айфон. В это время ему **упала** SMS* (А. Иванов «Комьюнити»); *Пост **выскочил** после вопроса, что задал Nap_Madol, как поплавок из глубины* (там же); *За синагогой на Поклонной горе Глеб разворачивался по развязке, чтобы встать на Кутузовский и дунуть к Кольцевой, и в это время на айфон снова **капнула** SMS* (там же); *Даша... набрала в «Яндексе». И тут же **выскочила** ссылка* (Р. Сенчин «Чего вы хотите?»); «**ТЫ ТАКОЙ ЖЕ, КАК Я? ДА Я ПОНЯТЬ НЕ МОГУ, КАК У МЕНЯ ТАКОЙ СЫН МОГ РОДИТЬСЯ!**» – **капнуло** раскалённое ещё через минуту (Дм. Глуховский «Текст»); *Сообщения о захвате Кирилла какими-то неизвестными путями **просочились** в Сеть...* (А. Житинский «Flashmob...»). Как видим, семантикой глаголов подчёркивается идея резкого, неожиданного движения (отсюда совершенный вид всех глагольных словоформ), причём направление движения может мыслиться как «сверху вниз» (*упасть, шлёпнуться*), так и «снизу

вверх» (*выскочить из...*). В сочетании с глаголами движения/перемещения наименования различных типов информации используются нередко для персонификации; см.: ...*колонка про «метафору времени»... разлетелась по всем туристическим сайтам, блогам, вызвав на форумах кучу откликов* (М. Кучерская «Тётя Мотя», 2017). Другие примеры извлечены из одного и того же текста: *На айфон Глеба приехало новое послание; Айфон мелодично булькнул – это прилетела SMS Кабучи; SMS улетела; Ссылка от Орли уже прилетела; Орли достала айфон, и скоро в айфон Глеба толкнулась её SMS...* (А. Иванов «Комьюнити»).

Напротив, семантикой глагольных форм несовершенного вида передаётся идея статичного положения в пространстве: *Письмо болталось на экране, письмо, вызвавшее ревность компьютера* (А. Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2002); *Естественно, там (в «ICQ». – Е.М.) болталось ответное сообщение* (там же); *В воскресенье даже в «Живом Журнале» ни одной души: лента friend of болтается, по несколько часов совершенно не обновляясь* (Дм. Бавильский «Нодельма», 2004). См. также развёрнутую метафору: *Сверху красным поездом о десяти вагончиках подрагивает на невидимых рельсах список прочих разделов сайта* (А. Зорич «Пасифая.doc»). Однако и в этом случае в примерах, которые нам встретились, использованы «динамические» глаголы (*болтаться, подрагивать*).

Идея положения в пространстве в некоторых контекстах обозначается глаголом *висеть*: ...*Когда же она заведет привычку запоминать, кто есть кто у нее в аське? А то бывало, даст кому-то аську – и даже не разу не поболтали, а контакт висит* (Н. Балашов «Zelda. Книга о новых героях», 2010); *Слово «печатаются» сегодня – трогательный анахронизм. Все тексты висят в сети. А висящие в сети тексты феноменологически равноправны – поверхность экрана и буквы* (В. Пелевин «iPhuck 10», 2017). Ср. тот же глагол, обозначающий действие по отношению к пользователю: *Я висела на форуме с комика (коммуникатора. – Е.М.), параллельно скачивая откуда-то ответы на все вопросы* (А. Жвалевский, Е. Пастернак «Время всегда хорошее», 2009); *В последнее время Википедия потеряла 300 млн посетителей. Это те, кто больше не использует интернет для поиска информации, а предпочитает висеть онлайн и болтать (как правило, впустую) с себе подобными* (У. Эко «Заключение Сатаны. Хроники текущего общества», 2018). Общая сочетаемость слов, именующих разного типа информацию, и слов, называющих героев или рассказчиков, свидетельствует о том, что информация может осмысливаться как активный субъект. В то же время герой, проводящий время в Сети, нередко предстаёт как пассивный объект, а не субъект действия. См.: *Бодрячком подмигнула из нижнего правого края экрана иконка интернет-соединения. И вот уже паруса наполнились попутным электронным ветром и браузер понёс юзера Prinzessinn на североевропейский портал знакомств* (А. Зорич «Пасифая.doc»); *Могила на Калитниках – подделка. Она оказалась не собственно текстом, а ссылкой на другие тексты. Ссылка сбросила нас туда – и дезактивировалась* (А. Иванов «Комьюнити»); *Глеба уже тянуло в комьюнити, как домохозяйку на сериал или как девочку-подростка к очередной порции «Дома-2»* (там же); *Орли тоже втянуло в комьюнити* (там же) и др. В подобных контекстах прослеживается одна из идей «критической теории Интернета» (Г. Ловинк), согласно которой, попадая в виртуальное пространство, человек не только теряет свободу, но и в чём-то уподобляется «машине», техническому устройству (подробнее об этом см. [7, с. 178–184]).

С образом существующей в электронном виде информации связаны также многочисленные **количественные метафоры**, которые выражают (чаще всего) идею большого, иногда избыточного её объёма. Источником для количественной метафоры служит, судя по нашему материалу, физический мир, природа: *Но даже*

борьба с отдельно взятым почтовым ящиком чуть не закончилась однажды победой ящика... огромные текстовые **потоки** почты привели меня на грань нервного срыва (Мерси Шелли (Алексей Андреев) «Паутина», 2002); Мы с рождения подключены к информационному **потоку**, который промывает наши мозги с таким напором, что там не способна появиться ни одна случайная мысль (В. Пелевин «Любовь к трём цукербринам»); Отключив ежедневник, Ринат подгрузил аську... – поморщился от **кучи** высыпавшихся сообщений и, оставив их непрочитанными, направился в ванную (А. Чубарьян «Полный root»? 2006); Накопитель был заполнен почти на две трети. Невероятный объём информации. <...> облако лингвистических функционалов с их собственными кладовыми, а дальше начинались титанические **заросли** неведомых кодов, рядом с которым съёживался до горошины весь Викиолл (В. Пелевин «iPhuck 10»). Наряду с метафорами, разнообразные авторские сравнения также подчёркивают идею большого количества информации в Сети: Флуд уже приобретал свойства **снежного кома**, катящегося с горы (А. Чубарьян «Полный root»); Посетитель социальных сетей знает, что часто фотографии появляются там **пучками** или **кустами** – несколько само-портретов, сделанных в одном и том же месте, предъявленных миру подряд, в частой невозможности выбирать (М. Степанова «Памяти памяти», 2018).

Итак, в создании образа информации основными когнитивными моделями являются пространственная метафора и модель персонификации, реализуемые на базе глаголов (преимущественно глаголов движения или перемещения). Кроме того, актуализируется такой признак информации, как её объём, оцениваемый автором (героем) чаще всего негативно; информация в этом случае может выступать как субъект по отношению к герою.

В целом можно говорить о том, что современные писатели, разрабатывая новую для художественной литературы тему – деятельность человека в Сети, – находятся в поисках новых образных средств.

Список литературы

1. Барикко А. Игра / пер. с итал. А. Миролюбовой. М. : КоЛибри, 2019. 352 с.
2. Дементьев В. В. Об отражении в футуристической научной фантастике проблем современной речевой коммуникации и их возможном изучении коммуникативной лингвистикой // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 33–47.
3. Какорина Е. В. Интернет через зеркало метафоры // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil. / Tošović B., Wonisch, A. (Hg./ред./ur.). Graz : Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016. S. 65–87.
4. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект / сост. В. В. Петров. М. : Прогресс, 1995. 426 с.
5. Маринова Е. В. Сетевое общение и его жанры как объект художественного изображения (на материале отечественной литературы) // Жанры речи. 2021. № 3 (31). С. 216–225.
6. Маринова Е. В. Герой «под ником», или Обновление литературной ономастики (на материале современной литературы) // С любовью к слову : сб. ст. Всерос. науч. конф., приуроченной к 80-летию юбилею д-ра филол. наук, проф. Л. А. Климовой / отв. ред. О. В. Никифорова. Арзамас : Арзамасский филиал Национального исследовательского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, 2021. С. 139–142.
7. Маринова Е. В. Язык Рунета: в Сети и за её пределами. От вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. М. : ЛЕНАНД, 2022. 304 с.

Информация об авторе: Маринова Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова (г. Нижний Новгород, Россия).

ТЕМАТИКА ЗАГАДОК, СОБРАННЫХ В. И. ДАЛЕМ

И. Н. Мартынова

г. Пенза, Россия
majshulya@mail.ru

Аннотация. Рассматривается загадка как один из древнейших жанров русского устного народного творчества. Исследуются тематические особенности загадок, собранных В. И. Далем. Делается вывод о преобладании загадок, связанных с темами «Природа» и «Человек».

Ключевые слова: загадка, В. И. Даль, тематические особенности загадок

Для цитирования: Мартынова И. Н. Тематика загадок, собранных В. И. Далем // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 78–82.

Загадка – это «жанр фольклора, в основе которого лежит иносказательное, имплицитное описание объекта (явления) материального или нематериального мира, который в тексте не назван и который нужно отгадать» [Струкова 2021: 121].

Загадка является одним из древнейших жанров русского устного народного творчества. Она стала предметом изучения таких учёных, как В. П. Аникин, В. В. Митрофанова, М. А. Рыбникова, Т. В. Струкова, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян и других. В центре их научного внимания находятся вопросы, связанные с композиционными особенностями загадки, со способами создания образности в текстах этого жанра, а также с тематикой русских загадок.

В. В. Митрофанова связывает тематические особенности русских загадок прежде всего с описанием природы и предметов, «окружающих человека в его повседневной жизни и труде» [Митрофанова 1978: 133]. Т. В. Струкова считает, что в загадках, «наряду с конкретными концептами, изображаются и абстрактные категории» [Струкова 2021: 120].

Настоящая статья посвящена описанию тематических особенностей загадок, собранных русским писателем, лексикографом, этнографом Владимиром Ивановичем Далем и опубликованных в 1862 году в сборнике «Пословицы русского народа». Своё решение поместить загадки в одном сборнике с пословицами и поговорками В. И. Даль объяснил так: «Загадки всякому известны; допустив всё остальное, казалось, не следовало исключать из этого сборника и их, потому что это такие ж короткие изречения, то довольно пошлые и ничтожные, то замысловатые, со своеобразным взглядом на вещи. Но и загадки иногда переходят в пословицы, становясь и тем и другим» [Пословицы... 1989. Т. 1: 16].

Материалом для исследования послужили тексты загадок, помещённые в названном сборнике, переизданном в 1989 году. Отметим, что в первом томе приведены загадки, выделенные в самостоятельный раздел и объединённые темой «Вера» (всего 54 загадки). Во втором томе тематических характеристик данного фольклорного жанра гораздо больше («Вселенная», «Животное-Тварь», «Погода-Стихии», «Растение-Земледелие», «Езда-Повозка», «Скот-Животное»). Именно в этом томе есть часть загадок, которая не объединена общей темой, и некоторые разделы («Животное-Тварь» и «Растение-Земледелие») включают в себя другие жанры народного творчества. Всего в этом томе 478 загадок. Таким образом, всего нами проанализировано 532 загадки.

В. И. Даль собрал и систематизировал загадки по тематическим разрядам, но в процессе исследования нас увлекла более тонкая, детальная работа, которая позволила увидеть два объёмных раздела и несколько подразделов в составе каждого. Это деление, несомненно, отличается от представленного в сборниках, так как в этих книгах многие лексико-тематические пласты объединяются под одним заглавием. Не случайно сам В. И. Даль в «Напутном» к сборникам выражает своё благоволение к тому, кто бы, «пробегая на досуге сборник, делал заметки, поправки и дополнения, насколько у кого достанет знания и памяти, и сообщал бы заметки свои» [Пословицы... 1989. Т. 1: 22]. Исследуя загадки, мы следовали заветам великого лексикографа.

В тематическом плане все загадки, собранные В. И. Далем, можно разделить на две группы – «Природа» и «Человек». При этом загадки о природе представляют собой более обширную группу. Это объясняется тем, что вся жизнь человека зависела от природных явлений, от животного мира, который его окружает, от обилия урожая.

Как показал анализ языкового материала, больше всего загадок связано с описанием насекомых (57 единиц), которые наносили вред хозяйству и мешали людям во время трудовой деятельности (например, комары, блохи). Отметим, что 10 загадок имеют в качестве отгадки лексему *комар*. В текстах приводится описание внешности этого насекомого, особенности его размера и издаваемых им звуков: *Нос долог, голос звонок; Ни зверь, ни птица, а нос как спица; Летит птица не крылата, не перната: носик долгий, голос тонкий, кто её убьёт, тот человекью кровь прольёт; Самого чуть видно, а голос (а песню) слышно*. В загадках комар сравнивается с другими животными: *Крылья Орловы, хобота слоновы, груди кониные, ноги львиные, голос медный, носы железны; мы их бить, а они нашу кровь лить*.

Несколько загадок, связанных с насекомыми, окружающими человека, имеют в качестве отгадки лексемы *таракан* и *муха*: *Ворон, да не конь; чёрен (счерна), да не медведь; шесть ног без копыт; рогат, а не бык (чёрный таракан); Что над нами вверх ногами? (тараканы и мухи на потолке)*. В загадках отражено негативное отношение человека к этим насекомым: *Нашего быка дома не любят, на базаре не купят (таракан)*.

Внимание человека издавна привлекали муравьи, которые в текстах загадок показаны как умелые труженики: *Пришли мужички без топоров, срубили избу без углов*. Несколько загадок посвящены пчёлам, которые были полезными насекомыми и приносили человеку мёд и воск, который затем использовался при изготовлении свечей: *Ни девка, ни вдова, ни замужня жена: детей водит, людей питает, дары богу приносит; В тесной избушке ткут холсты старушки; Точем скатерти браные, ставим яства сахарные, людям на потребу, богу в угоду*.

Значительная часть загадок (48 единиц) связана с описанием явлений природы, от которых зависело, каким будет урожай, а значит, и вся жизнь человека. В загадках описаны такие явления природы, как снег: *Зимой греет, весной тлеет, летом умирает, осенью оживает*; гром и молния: *Кобыла заржет на турецкой горе, жеребец откликнется на Сионской горе*; гроза: *Что без огня горит?*; ветер: *Без рук, без ног воюет*; дождь: *До неба достанет, а от земли не видать*; *На землю падает, от земли не отлетает*; мороз: *Старик у ворот тепло уволок*.

В загадках нашли отражение особенности ландшафта той местности, где жил человек. Это дорога: *Лежит брус во всю Русь, а станет – до неба достанет; Лежит Дороня (Дорофей), никто его не хороня(-нит); а встанет, до неба достанет*; река: *По какой дороге полгода ездят да полгода ходят?*; речные берега: *Два братца в воду глядятся, век не сойдутся*.

Наши прародители внимательно следили за состоянием и расположением небесных тел. Небесный мир для них был загадочен и недостижим, но всё же они понимали, что именно небесные светила управляют земной жизнью, есть какие-то закономерности, повторяющиеся из года в год, которые стоит учитывать, чтобы сделать свою жизнь более полноценной и процветающей. От небесных светил зависели не только природные явления, урожай (как следствие), но и самочувствие человека. Поэтому в загадках описываются небесные тела, такие как месяц: *Над бабушкиной избушкой хлеба краюшка*; звёзды на небе: *Вся дорожка обсыпана горошком*; *Рассыпался горох по всей Москве, по всей Вологде*; солнце: *Что выше лесу; небо и земля: Два быка бодутся, вместе не сойдутся*.

В загадках, собранных В. И. Далем, говорится о световых и температурных явлениях, оказывающих влияние на человека: *Белая кошка лезет в окошко (свет)*; *Из окна в окно готово веретено (луч солнечный)*; *Мету, не вымету: пора придёт, сам уйдёт (свет солнца)*; *Чего в избе не видно? (Тепла)*; *Поутру с сажень, в полдень с пядень, а к вечеру через поле хватает (тьнь)*.

Человека интересовала смена времени суток, месяцев, времён года, лет, что также нашло отражение в загадках: *Черная корова весь мир поборола (ночь)*; *Сестра к брату в гости идёт, а он от неё пятится (день и ночь)*; *Стоит город, в городе двенадцать башен, из каждой башни по четыре окошка, из каждого окошка по семи выстрелов (год, месяцы, недели, дни)*; *Выросло дерево от земли до неба, на этом дереве двенадцать сучков, на каждом сучке по четыре кошеля, в каждом кошеле по семи яиц, а седьмое красное (год)*.

В загадках, собранных В. И. Далем, отражены культуры, выращиваемые человеком. Плоды этих культур употреблялись в пищу. Это прежде всего морковь: *Сидит девица в темной темнице, коса на улице*; редька: *Шут в луже, борода наруже*; *Кто ни подошёл – всяк меня за вихор*; хрен: *В подполье осот бородой трясёт*; лук: *Сидит баба на грядках, вся в заплатках, кто ни взглянет, тот заплачет*; *Сидит дед, многими шубы одет: кто его раздевает, тот сам слёзы проливает*; огурец: *Ни окошек, ни дверей, полна горница людей*; *Полно корыто народу намыто*; репа: *Кругла, да не девка; с хвостом, да не мышь*; свёкла: *Вверху зелено, внизу красно, в землю вросло*.

Человек использовал в качестве пищи плоды деревьев и кустарников, грибы; цветы, листья и травы служили ему лекарственными снадобьями; ряд культур люди применяли для ткачества и изготовления одежды; домашние животные и птицы, с одной стороны, обеспечивали питание, с другой – помогали в сельскохозяйственных работах. Всё это было важно для человека и поэтому нашло отражение в загадках: *Одно проклятое дерево без ветра шумит (осина)*; *Матушкой весной в цветном платице, мачехой зимой в одном саване (черёмуха)*; *Стоит древо, древо ханское, платье шамаханское, цветы ангельски, когти дьявольски (шиповник)*; *Под ярусом, ярусом висит зипун с красным гарусом (рябина)*; *Стоит Антошка на одной ножке (гриб)*; *Четыре четырки, две растопырки, седьмой вертун (корова)*; *По горам, горам ходит шуба да кафтан (овца)*; *Бочка стонет, барчата пьют (свинья)*; *Не князь по породе, а ходит в короне (петух)*; *У нашей Парашки сорок рубашек; вышла на улицу, ветер подул, и спина гола (курица)*; *Белы хоромы, красны подпоры (гусь)*; *Голову едят, тело бросают, а кожу носят (лён)*. Примечательно, что в целом ряде загадок описываются орехи, которые применялись человеком с разной целью: *Стоит дерево мохнато, в мохнато-то гладко, в гладко-то сладко*; *Стоит высоко, висит далеко, кругом гладко, в середке сладко*.

В загадках, собранных В. И. Далем, нашёл отражение мир диких зверей, птиц и рыб, известных человеку: *За лесом, лесом жеребята ржут, а домой нейдут (волки)*; *Бела, как снег, зелена, как лук, вёртка, как бес, и любит лес (сорока)*;

Шитовило-битовило, по-немецки говорило, спереди шильце, сзади вильце, сверху синенько суконце, с исподу бело полотенце (ласточка); Два рога, а не бык, шесть ног без копыт (рак); По земле не хожу, на небо не гляжу, звезд не считаю, месяца не вижу (рыба). Есть загадки, в которых описаны домашние животные (непарнокопытные). Прежде всего это собака и кошка: *В избе пирогом, а на дворе калачом (собака); Под полом, полом ходит барыня с колом (кошка).*

Вторая группа загадок может быть условно названа «Человек», она связана с его жизнью и деятельностью.

Человеку для существования необходимо было много трудиться в сельском хозяйстве, осваивать различные ремёсла. Значительная часть загадок связана с темой жатвы и обработки зерна, поскольку жизнь наших предков была связана прежде всего с выращиванием хлеба. Отгадками являются лексемы, называющие:

– орудия сельскохозяйственного труда: *Мать лопотунья, дочь хвастунья, сын замотай (лопата, метла, цеп); Травы поем – зубы притуплю; песку хвачу – опять наострю (коса); Чёрная корова всё поле перепорола (соха); Маленький, горбатенький, все поле обскакал (серп);*

– процессы сельскохозяйственного труда: *Щука в море хвостом виляет, горы ставит (косьба);*

– предметы переработки и хранения продуктов сельскохозяйственного труда: *Весь мир подпоясан, один староста распоясан (снопы и овин); Маленький Афанасий травкой подпоясан (сноп); Весь мир кормит, сама не ест (мельница); Бык бурчит, старик стучит; бык побежит, пена повалит (жернова);*

– предметы, связанные с бортничеством: *В крутом буераке лютые (злые) собаки (улей); Стоит посудина долблена, в ней кашлица не варена (улей с медом);*

– продукты животноводства: *Катится бочка, нет на ней ни сучочка (яйцо); В одной бочке два пива (яйцо); Под ледком, ледком стоит чашечка с медком (яйцо).*

В загадках названы ремёсла, освоенные человеком, и предметы, связанные с этими ремёслами. Это прядение: *Бабые ремесло хворостом поросло (намычка пряжи); Маленько, кругленько, а за хвост не поднять (клубок);* столярно-слесарные работы: *Кочет голенаст, кланяться горазд (топор); Скоро ест и мелко жуёт, сама не глотает и другим не даёт (пила);* сапожное ремесло: *Сквозь лошадь и корову свинью волокут (тачанье сапогов).*

Есть загадки, отражающие такие виды деятельности человека, как рыбная ловля: *Дом шумит, хозяева молчат; пришли люди, хозяев забрали, дом в окошки ушёл (рыба, невод)* и охота: *Сухой Мартын далеко плюёт (ружьё); Птичка-невеличка по полю катится, никого не боится (ружейная пуля); Летела сова из красна села, села сова на четыре столба (выстрел).*

В загадках, собранных В. И. Далем, нашли отражение такие предметы быта, как решето: *Новая посудина вся в дырах;* часы: *Считает наш век, а сам не человек;* иголка с ниткой: *Свинка золота щетинка, льняной хвост, по белу свету скачет, весь свет красит* и другие предметы.

Значительная часть загадок связана с названием средств передвижения, которые были важны для человека: *Летели три пичужки через три избушки; одна говорит: «Мне летом хорошо!» Другая говорит: «Мне зимой хорошо!» А третья говорит: «Мне что зимой, что летом – всё равно!» (Телега, сани, дуга); Одна птица кричит: «Мне зимой тяжело!» Другая кричит: «Мне летом тяжело!» Третья кричит: «Мне всегда тяжело!» (Сани, телега, лошадь); а также с их частями: *Друг за другом гонят, ничем не догонят (колёса); Лежу – всё молчу, подыми – всех заговорю (дуга и колокольчик); Два волка бежат, оба в небо глядят (полозья); Летит, что птица, во рту плотница: ее ни проглотить, ни выхаркнуть (удила во рту)**

лошади); Летом молодица, а зимой вдовица (ладья); Дорога ровна, лошадь деревянна; везет не кормя, только поворачивается (лодка).

К рассматриваемой группе относятся загадки, называющие:

– части тела человека: *Лежит доска среди мостка, не гниёт и не сохнет (язык); Кругло, горбато, около мохнато, придёт беда – потечёт вода (глаз); Плосконька дощечка, по краям обшивочка, а в серёдке дырочка (ухо);*

– новорождённых: *Стоит град ни на воде, ни на земле, в том граде воевода нем (ребёнок в зыбке);*

– людей по роду занятий: *Портные мастера, что шьют вязовыми булавами (разбойники);*

– состояния человека: *Пришёл милый, да и повалил силой (сон).*

Отметим, что количество подобных загадок незначительно. На наш взгляд, это связано с тем, что человек боялся нечистой силы, сглаза, поэтому лишний раз не повторял даже названия человеческого тела, имя новорожденных, состояние человека.

Незначительную часть составляют и загадки, связанные с увлечениями человека. Это объясняется тем, что практически всё время наши предки должны были трудиться, чтобы обеспечить себе существование. В загадках представлены музыкальные инструменты: *В лесу выросло, из лесу вынесли, на руках плачет, а по полу скачет (балалайка); В лесу вырос, на стене вывис, на руках плачет, кто слушает – скачет (гудок).*

Таким образом, тематика загадок, собранных В. И. Далем, представлена двумя основными группами: «Природа» и «Человек». Это можно объяснить тем, что люди большую часть времени проводили в единении с природой: занимались обработкой земли, выращиванием и сбором культур, осваиванием различных ремёсел, создавали произведения устного народного творчества, были обращены к Богу с молитвами. Именно природа давала человеку силы для трудовой деятельности и духовного познания себя. Только наблюдая за её изменчивостью, человек мог создавать свою неповторимую культуру.

Список литературы

1. Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л. : Наука, 1978. 180 с.
2. Даль В. Пословицы русского народа : сб. : в 2 т. М. : Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с.
3. Струкова Т. В. Жанровые особенности загадки // Образование и культурное пространство. 2021. № 1. С. 119–121.

Информация об авторе: *Мартынова Индира Наилевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ИНТЕЛЛИГЕНТ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В. В. Мущинская¹, М. А. Мовсумова²

^{1, 2} *г. Санкт-Петербург, Россия*

¹ *v.mushinskaya@spbu.ru*

² *st079253@student.spbu.ru*

Аннотация. Рассматривается лингвокультурный типаж «интеллигент» в современной лингвокультуре. Лингвокультурный типаж представляет собой единицу сознания и проявляет себя в совокупности разного вида характеристик, которые возможно определить при помощи изучения словарных дефиниций, художественных и публицистических текстов, а также оценочных суждений опрашиваемых респондентов. Предлагается моделирование лингвокультурного типажа «интеллигент» в современной русской лингвокультуре. Данный типаж можно отнести к лингвоспецифичным, поскольку он может быть найден в ограниченном количестве лингвокультур, а также обладает рядом специфических характеристик в каждой из них. При проведении исследования были использованы такие методы, как семантический и интерпретативный анализ, а также метод анкетирования в виде ассоциативного эксперимента. В качестве практического материала для исследования были использованы различные словари, национальный корпус русского языка, а также ответы респондентов. Результаты исследования позволили выявить специфику восприятия лингвокультурного типажа «интеллигент» на современном этапе развития русской лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвокультура, лингвокультурный типаж, концепт, этноспецифический типаж, понятийные характеристики, ассоциативно-образные характеристики, оценочные характеристики

Для цитирования: Мущинская В. В., Мовсумова М. А. Лингвокультурный типаж «интеллигент» в современной русской лингвокультуре // // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 83–87.

В настоящее время теория лингвокультурного типажа получила широкое распространение в сферах когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и межкультурных коммуникаций. Данное явление обусловлено антропоцентрическим поворотом в гуманитарных науках, произошедшем в конце XX века и ставший причиной возросшего интереса к изучению взаимосвязи языка и культуры. Современная наука трактует язык не только как инструмент для описания окружающей действительности, но и как культурный код, специфичный для каждой отдельной нации [3, с. 120]. Одним из объектов научного исследования, привлекающих к себе внимание ученых, является лингвокультурный типаж, исследованием которого занимались такие отечественные ученые, как В. И. Карасик, О. А. Дмитриева, С. В. Попова, И. А. Мурзинова и др.

Лингвокультурный типаж является единицей сознания и проявляет себя в совокупности разного вида характеристик, которые возможно определить при помощи изучения словарных дефиниций, художественных и публицистических текстов, а также оценочных суждений опрашиваемых респондентов. Наиболее распространённым и проработанным подходом к моделированию лингвокультурного типажа (далее – ЛТ) является схема, предложенная В. И. Карасиком [2, с. 180]. Данная схема включает в себя: выделение понятийных характеристик ЛТ, а также

определение и описание оценочной и ассоциативной составляющих ЛТ на основе данных словарных статей, языкового корпуса текста и опроса среди интернет-пользователей.

Е. А. Ярмахова считает, что понятийные характеристики концепта представляют собой его системный смысловой каркас и сводятся к наиболее важным признакам, зафиксированным в словарных дефинициях» [10, с. 77]. Таким образом, анализ понятийного компонента ЛТ проведен на примере словарных статей толковых, энциклопедических и словарей иностранных слов, а также на основе данных письменного анкетирования и фрагментов художественных текстов из национального корпуса русского языка.

Для анализа нами было взято 5 статей из словарей различного типа. В словарных статьях представлены следующие понятийные характеристики лингвокультурного типажа интеллигент: 1) человек, представляющий определённый круг или социальную группу [5, 7, 8, 9]; 2) человек, обладающий высоким интеллектом, хорошим образованием и большой внутренней культурой [1, 6]; 3) человек, профессионально занимающийся умственным трудом [6]; 4) творчески развитый, одарённый человек [6]; 5) безвольный, сомневающийся человек [1, 8].

Также был проведён опрос в форме письменного анкетирования среди русскоязычных интернет-пользователей, в соответствии с определённой процедурой. Согласно анализу ответов информантов, интеллигент представляет собой человека, который: 1) обладает хорошим (скорее всего высшим) образованием и широким кругозором (данный признак отметили 54 % респондентов), 2) воспитан и обладает большой внутренней культурой (37 %), 3) является примером морали и нравственности (14 %), 4) обладает хорошими манерами (12 %), 5) занимается интеллектуальным трудом и/или искусством (12 %), 6) является представителем определённой социальной группы (9 %), 7) умеет грамотно и чётко выражать свои мысли (7 %), 8) владеет пытливым умом и склонностью к научному поиску (7 %), 9) обладает мягким неконфликтным характером и не приспособлен к жизни (5 %).

Таким образом, лингвокультурный типаж «интеллигент» в массовом культурном сознании представляет собой интеллектуально развитого, образованного человека, обладающего высокими моральными принципами и хорошими манерами. Однако интеллигенту, по мнению русскоязычных респондентов, также свойственны такие отрицательные качества, как неуверенность в себе, неприспособленность к жизни, мягкотелость.

Некоторые из названных выше понятийных признаков лингвокультурного типажа «интеллигент» выявлены при анализе фрагментов текстов художественной литературы, содержащихся в национальном корпусе русского языка (выборка за период с 1992 по 2018 год), такие как: воспитанность (*Умница, интеллигент. И очень деликатный. – Откуда ты знаешь?* (Александра Маринина. Иллюзия греха, 1996), грамотная красивая речь (*Дядя Игорь интеллигент. Он умеет красиво изъясняться и считает себя умеренным консерватором.* А. Н. Котюсов. Дело о помидорах // «Волга», 2012), высокие моральные принципы (*Похотливый интеллигент не внушает доверия, похоть разинтеллигачивает интеллигента, ибо интеллигент – это культура, а похоть – натура.* (А. Н. Бузулукский. Похоть Безносова // «Волга», 2013), принадлежность к определённой социальной группе (*Так поступали все: от интеллигентов до рабочих и крестьян.* (Г. М. Артемьева. Фата на дереве, 2012), хорошее образование (*Тот был еврейским самостоятельным интеллигентом и, вопреки очевидности, надеялся, что хорошо поставленное образование может разрешить все большие вопросы мира, включая и такое недоразумение, как антисемитизм.* (Людмила Улицкая. Медя и ее дети, 1996), работа в области интеллектуального труда и/или искусства (*Лебедь Лев Наумович –*

старший научный сотрудник почечуевского музея-заповедника, филолог-литературовед, еврей и русский интеллигент. (Олег Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени*, 2008), слабость и мягкотелость (*Настоящий интеллигент. Добрый, отзывчивый, доверчивый, слабый, нуждающийся в сильной женской руке – в качестве опоры.* (Е. Гордеева, В. Гордеев. *Не все мы умрём*, 2002).

Лингвокультурный типаж «интеллигент» представляет собой концепт личности и закреплённый за ней в массовом сознании определенный образ, включающий обобщённое представление о внешности типажа, особенностях его характера, ожидаемом ролевом поведении, образе жизни и т.д.

В представлении информантов, интеллигент – это, как правило, мужчина примерно от 30 лет и старше. Он одет со вкусом и опрятен, скорее всего придерживается классического стиля в одежде (пиджаки, рубашки, брюки, туфли). В телосложении интеллигента информанты часто отмечают худобу или стройность, а также высокий рост. Важной составляющей образа интеллигента является его речь – чаще всего респонденты отмечают грамотность, употребление лексики высокого стиля, умение чётко формулировать свои мысли, неторопливость и немногословность. Для типичного интеллигента также характерен интеллектуальный вид деятельности: научная, врачебная, юридическая, дипломатическая, творческая или преподавательская виды деятельности. Примерно такие же сферы составляют область интересов и увлечений интеллигента – это культура, искусство, а также нередко спорт. Интеллигент предпочитает классическую литературу и музыку (однако случаются и исключения), разбирается в искусстве, любит театр.

Некоторые респонденты также отмечают, что образ интеллигента сложно поддаётся конкретному описанию, потому что в современном мире им может оказаться абсолютно любой человек, вне зависимости от внешности, наличия образования, выбранной профессии, возраста и т.д.

К основным чертам характера интеллигента можно отнести: спокойствие/сдержанность; уверенность; добродушие/доброжелательность; совесть/совестливость.

Для полноценного завершения анализа лингвокультурного типажа «интеллигент» необходимо рассмотреть его ценностную составляющую. На основе анализа данных опроса можно выделить следующие оценочные компоненты: воспитанный; образованный; умный; культурный; вежливый; начитанный; честный; грамотный; благородный; аристократичный; тактичный; толерантный; рафинированный; спокойный; учтивый; сдержанный; мыслящий; уверенный; надёжный; порядочный; аккуратный; любознательный; эрудированный; вшивый.

Также было проанализировано более 300 текстовых фрагментов художественной литературы в целях выявления ценностной составляющей концепта «интеллигент» [4]. Здесь данный типаж получил более противоречивую оценку. С одной стороны, интеллигент обладает такими положительными характеристиками, как: уважение чужой точки зрения, толерантность (*Мой сожитель – интеллигент. Он меня поймёт. Он всегда уступит мне, он проявит миролюбие, он станет уважать мою точку зрения.* (Андрей Рубанов. *Сажайте, и вырастет*, 2005); воспитанность (*Гюзель Андреевна не переставала хвалить Митю: говорила, что он настоящий русский интеллигент и принципиальный парень и что Рашид всегда восхищается его воспитанностью и тактом – и прочее, прочее, прочее.* (Андрей Житков. *Кафедра*, 2000); беспокойство о своём народе и культуре (*Что даже риску репутацией свободомыслящего интеллигента, готового положить живот за други своя и все население.* (Леонид Зорин. *Восходитель*, 2005–2006 // «Знамя», 2006)); доброта и мягкость (*Настоящий интеллигент. Добрый, отзывчивый, доверчивый, слабый, нуждающийся в сильной женской руке – в качестве*

опоры. (Елена и Валерий Гордеевы. *Не все мы умрем*, 2002); совесть (Когда пятнадцать часов спустя в семнадцатую камеру впахнули Краминова, Ловецкий лежал без сна на узких нарах и пытался выдумать верную линию поведения на предстоящих допросах – он давно готовился к чему-то подобному, как всякий русский интеллигент, томимый комплексом вины и ожидающий расплаты неизвестно за что. (Дмитрий Быков. Орфография, 2002); стремление отстаивать свои идеи (Он не заметил настоящих интеллигентов, людей высоких устремлений, идейных борцов, которые, несмотря ни на что, сохранили верность своим убеждениям и идеалам. (Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000)).

С другой стороны, среди отрицательных характеристик типажа можно выделить следующие: неприспособленность к жизни (*Имелся ли шанс у этого беспомощного интеллигента выжить в условиях страшного мира, созданного в беспмятстве им самим?* (Евгений Лукин. *Delirium tremens* (Страсти по Николаю), 1997); слабость и мягкотелость («А. – хороший стрелок, но мягкотел, как интеллигент. (Геннадий Башкуев. Маленькая война // «Сибирские огни», 2013); трусость (*Что интересно, этот, потомственный, я извиняюсь, интеллигент не говорил себе, что боязнь разоблачения является главной причиной его желания смотреть удочки.* (В. А. Ярмолинец. Подрезка, 2007) // «Волга», 2008)). Кроме того, также встречаются такие оценочные эпитеты как гнилой (*Иди к своим гнилым интеллигентам!* (Фазиль Искандер. Гнилая интеллигенция и аферизмы // «Знамя», 2001), вшивый («*Интеллигент вшивый*», – быстро определил для себя Егор. (Алексей Рыбин. Последняя игра (2000)), хлипкий (*На вид совершенно не заводской, а – хлипкий интеллигент.* (Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013) и т.д.

Исходя из результатов исследования можно выделить ядро ЛТ «интеллигент». К ядерной части можно отнести следующие признаки: 1) понятийные: наличие образования, работа в области интеллектуального труда, хорошее воспитание и манеры; 2) ассоциативно образные: мужчина, занимающийся интеллектуальным видом деятельности; имеющий интересы в сфере культуры и искусства; умеющий красиво и чётко формулировать свои мысли/употребляющий лексику высокого стиля; занимающийся преимущественно интеллектуальным видом деятельности; 3) ценностные: толерантный; беспокоящийся о своём народе и его культуре; совестливый.

Таким образом, можно сделать вывод, что для современной русскоязычной лингвокультуры ЛТ «интеллигент» является лингвоспецифичным и обладает набором ярких понятийных, ассоциативно-образных и ценностных характеристик. В то же время, несмотря на довольно точный портрет образа интеллигента в языке, данные показывают, что образ его становится всё более расплывчатым, и в представлении некоторых носителей культуры не имеет достаточно чётких границ для его описания.

Список литературы

1. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка // Академик. 2002. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Карасик В. И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 408 с.
3. Магнес Н. О. I'm not a feminist, but... // Язык как культурный код нации / отв. ред. А. В. Зеленщиков, Е. Г. Хомякова. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2014. 264 с.
4. Национальный корпус русского языка. 2003. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 22.01.2022).

5. Ожегов С. И. Толковый словарь. 2008. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 10.01.2022).
6. Популярный словарь русского языка // Академик. 2002. URL: <https://popular.academic.ru> (дата обращения: 10.01.2022).
7. Словарь иностранных слов. URL: <https://www.inslov.ru> (дата обращения: 10.01.2022).
8. Ушаков Д. Н. Толковый словарь. 2008. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 10.01.2022).
9. Энциклопедический словарь // Академик. 2002. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения: 10.01.2022).
10. Ярмахова Е. А., Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «английский чужак». М. : Гнозис, 2006. 240 с.

Информация об авторах: *Муцинская Виктория Владиславовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия); *Мовсумова Марина Анатольевна*, студентка магистратуры Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

М. Н. Панова

г. Москва, Россия
pmnaka@mail.ru

Аннотация. Рассматривается профессиональный лексикон современных государственных служащих. Описываются и сравниваются особенности языка революционной эпохи 20-х гг. XX в. и языка современного государственного управления. В профессиональной речи революционных деятелей и государственных служащих постперестроечной и современной России обнаруживаются похожие процессы, обусловленные радикальными общественными изменениями. Анализируются некоторые лексические особенности административно-политического дискурса, обусловленные профессиональной языковой картиной мира работников сферы государственного управления, системой их коммуникативных интенций и демонстрирующие новый стиль отношений государственных служащих с обществом.

Ключевые слова: профессиональный лексикон, профессиональная языковая картина мира, язык государственного управления

Для цитирования: Панова М. Н. О профессиональном лексиконе современных государственных служащих // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 88–92.

В речевом поведении государственных служащих, в профессиональном лексиконе, отражается их профессиональная языковая картина мира, система коммуникативных интенций. Если в письменной деловой речи работников органов государственного управления используется официально-деловой стиль, то в устной – элементы различных функциональных стилей и разновидностей языка. Причём в повседневном межличностном профессиональном общении госслужащих довольно много стилистически сниженной лексики, разговорных синтаксических конструкций. В связи с процессами демократизации современного русского языка, размыванием границ между функциональными стилями и разновидностями, а также в условиях реформирования сферы государственного управления в последние десятилетия многие лексические и синтаксические средства, характерные для повседневного общения, нередко стали использоваться также в публичных выступлениях чиновников на различных совещаниях и в СМИ. С другой стороны, в письменной речи, в том числе в документах, связанных с административно-политической сферой, появилась совершенно новая терминология, в основном заимствованная из других языков. Изменения в административно-политическом дискурсе, произошедшие в конце XX – начале XXI вв., правомерно сравнить с процессами, происходившими в русском языке в XX в., сто лет назад, в период радикальных социальных преобразований, описанных в книге А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» [9, с. 81].

Важную особенность, характерную для языка 20-х гг. прошлого века, Селищев называет «опрощением» языка, и это «стремление "опростить" его, сообщить ему простонародный колорит...» [9, с. 81], по мнению исследователя, проявляется и в грубоватой манере общения студенческой молодёжи, входившей в революционные кружки, и в использовании вульгаризмов и жаргонизмов. «Вращаясь в среде широких масс населения, революционеры употребляют крепкие и выразительные

сочетания языка деревни, фабрики, низших слоев населения города» [9, с. 69], например: *бузу разводить, склоки подымать, шпана, трепачи* и т.п. [9, с. 70]. Причём А. М. Селищев подчеркивает, что многие из этих слов были употребительны и в устной, и в письменной речи, например в газетах того времени, и даже в выступлениях и статьях партийных деятелей.

В современном административно-политическом дискурсе тоже иногда употребляется инвективная лексика, стилистически сниженные этикетные клише: *кадровая чехарда, популистская болтовня* и т.п.

Пора перестать «выкаблучиваться» по поводу признания суверенного долга Украины перед Россией в \$3 млрд, – сказал Медведев (gazeta.ru.2015.11.19) [4].

Результаты проведенного исследования показали, что в профессиональной речи современных чиновников также активно используется стилистически сниженная лексика: разговорная (*наработки, задумки*), просторечная (*заиметь, застолбить*), специальная (*подвижки, озвучить*) и др. [5, с. 29].

Интересно, например, что и в наши дни в анализируемых текстах употребляется слово *зачистка*, которое в 20-х гг. прошлого века употреблялось в значении «полное взимание продналога (сельскохозяйственного налога)». Причём А. М. Селищев обращает внимание на то, что в народной среде оно имело несколько другое значение: *зачистка* – это «вывоз навоза из хлева» [9, с. 143, 195]. В современном русском языке использование этого слова в 90-е гг. было связано с антитеррористической операцией в Чечне. В Национальном корпусе русского языка существует 1633 документа, где зафиксировано это существительное [4]. В последнее время оно стало употребляться в речи политиков, чиновников и журналистов не только в связи с освещением ситуации в Сирии, Донбассе (*зачистка территории, границы, кварталов* и т.д.), но и в таких словосочетаниях, как *зачистка банковского сектора, зачистка правящей элиты, ближайшего окружения*, в подобном контексте слово иногда употребляется в кавычках.

Зачистка в действии. ЦБ лишил лицензии ещё один банк (gazeta.ru.2019.06.17) [4].

По её словам [М. Захаровой – М. П.], это «очередные шаги украинских властей на пути дальнейшей зачистки информационного пространства» («Московский комсомолец», 2019.11.14) [4].

А. М. Селищев выделяет в языке группу «весьма продуктивных образований на -ка последних лет»: *агитка* (агитационное произведение), *дежурка* (дежурная комната), *Чрезвычайка* (Чрезвычайная комиссия) и т.д. [9, с. 174, 175]. В современном административно-политическом дискурсе также употребляются подобные универбаты – существительные, образованные от атрибутивных словосочетаний, свойственные разговорной речи, например: *социалка* (социальная сфера), *коммуналка* (жилищно-коммунальные услуги, коммунальная квартира), *минималка* (минимальный размер оплаты труда) и т.д.

Ряд глаголов, частотных в данной сфере, имеет иное, чем в литературном языке, грамматическое управление (*проголосовать кого-л., что-л.*) или иную грамматическую форму: например, без дополнения употребляются глаголы «*должаться*», «*прозвониться*» и т.п., что не соответствует нормам литературного языка.

Глагол «задействовать» современные словари рекомендуют употреблять как переходный только с неодушевленным объектом – «задействовать что-л.» в значении «ввести в действие, привлечь к использованию» (задействовать рычаги, механизмы). В речи чиновников он активно употребляется с одушевленным объектом: «задействовать кого-л.» (*задействованные в работе сотрудники*).

Профессиональный язык госслужащих отличается активным употреблением предлога «по» в значении сферы деятельности (*рабочая группа по подготовке встречи*), в значении объекта (*обсуждение по кандидатуре*), в значении темы или содержания (*план по производству продукции*) [8].

Некоторые ошибки, связанные с неправильным грамматическим управлением и имеющие просторечную окраску, довольно часто встречаются в речи многих представителей сферы государственного управления – *согласно приказа, распоряжения; приехать с регионов, прийти с министерства*. Неправильное употребление предлога *согласно* с родительным падежом существительного вместо дательного в литературном языке и официальных документах революционной эпохи А. М. Селищев объяснял влиянием канцелярского языка, точнее канцелярской речи «невысокого ранга канцелярских чинов (например, военных писарей)» [9, с. 61].

Всё это приводит к появлению качественно нового типа речевого поведения в официальной сфере. Подобное «упрощение» речевого общения в административно-политической сфере объясняется такими «внешними» причинами, как демократизация общественной жизни, стиля государственного управления, корпоративная языковая мода – стремление к нарочитой простоте в общении, реакция на недавний «официоз» [6, с. 66].

Вместе с тем существует и другой, «парадный» речевой портрет государственного служащего, запечатлённый в нормативных правовых документах, в текстах программных выступлений должностных лиц, руководителей государства, которые демонстрируют обществу образ современного государственного служащего.

В профессиональной речи госслужащих высок удельный вес общенаучной, межнаучной и специальной, собственно управленческой, терминологии – терминологии государственного управления (*административный ресурс, государственное управление* и др.), а также организационно-распорядительной терминологии, в том числе связанной со сферой делопроизводства: *входящая и исходящая документация, бланк, реквизит, завизировать (документ)* и т.д.

В условиях модернизации системы государственного управления в современной России, реализации административной реформы возникает потребность в номинации новых понятий, что приводит к появлению в публичных выступлениях высокопоставленных, «медийных» чиновников, а также в документах новых терминов, характеризующих различные аспекты управленческих отношений. Новая терминология нашего времени в административно-политическом дискурсе появляется в значительной степени в результате активного заимствования иностранной терминологии государственного менеджмента.

Например, в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах (далее – Концепция) содержатся такие термины, как *система внутреннего аудита эффективности расходов бюджета, оценка коррупциогенности государственных функций, пилотный мониторинг, механизм аутсорсинга административно-управленческих процессов*. Эти термины активно используются госслужащими, политиками, журналистами [7, с. 64–65].

«Многочисленные замечания о коррупциогенности законопроекта Минстрой просто проигнорировал...» («Новая газета». 2017.07.03) [4].

«По решению правительства была подготовлена методика определения коррупциогенности должностей» («Известия». 2013.10.01) [4].

Новый термин «аутсорсинг» (из англ. – *outsourcing*) восходит к словосочетанию *outside resource using* и используется сейчас для обозначения механизма вы-

ведения определенных видов деятельности за рамки полномочий органов исполнительной власти путём заключения контрактов с внешними исполнителями на конкурсной основе.

«Министерство финансов России предложило передать часть функций министерств на аутсорсинг» (gazeta.ru.2019.08.08) [4].

Прилагательное *пилотный* в анализируемых текстах употребляется в своем вторичном значении – «пробный», которое появилось у него под влиянием английского языка, где прилагательное *pilot* имеет, в частности, значение «пробный, экспериментальный» [3, с. 144]. В НКРЯ оно употребляется в словосочетаниях *пилотный проект, пилотный режим, пилотный вариант, пилотная зона* и т.д.

Мишустин отметил, что пилотная версия стандарта появится в августе 2020 г. (gazeta.ru.2019.11.20) [4].

Ещё одним из «модных» слов, используемых в публичной речи чиновников, стало уществительное *преференции* (фр. *préférence*, нем. *Präferenz* < лат. *praeferre* предпочитать) – преимущество, предпочтение, льгота (в международных отношениях, торговле и т.п.).

«Документ о преференциях для реализации арктических проектов был опубликован министерством в апреле» (lenta.ru, 2019.12.02) [4].

В Минфине считают, что законопроект «не предполагает никаких преференций компаниям» («Коммерсант», 2019.09.11) [4].

Анализируя новую лексику революционной эпохи, представленную в работе А. М. Селищева, В. М. Живов отмечает появление в языке заимствований-неологизмов: «В описании инноваций, связанных с коммуникативной функцией, Селищев трактует в основном новые слова и выражения. Новые слова обслуживают (предположительно) новые коммуникативные потребности и, следовательно, соотносены с коммуникативной функцией» [1, с. 182].

Вместе с тем В. М. Живов обращает внимание на то, что «Селищев указывает на весьма значимое явление в употреблении иностранных слов, а именно внутритекстовые глоссы, дающие русские соответствия заимствованным элементам» [1, с. 182], например: «непрямые выборы в *нелокальные, неместные советы* (Ленин), *гегемон (руководитель) всей демократии* (Зиновьев), [9, с. 30]. «Глоссы, – считает В. Живов, – показывают, что заимствования являются коммуникативно избыточными, и без них можно было бы спокойно обойтись. Это означает, что заимствования выполняют не прагматическую, а символическую функцию. Смысл этого употребления состоит в том, что оно символически осуществляет отказ от национальной традиции, разрыв с национальным прошлым, которое рассматривается при этом как воплощение и символическая основа ниспровергнутого социального порядка» [1, с. 182].

А. М. Селищев же считает, что глоссы в данном случае объясняют читателю значение нового заимствования: в 20-е годы прошлого века в тексте газеты или книги рядом с непонятным читателю иностранным словом часто употреблялось русское или обрусевшее слово-синоним. Более того, «списки иностранных слов и их толкования прилагались к календарям-справочникам для рабочих и крестьян» [9, с. 29]. Так проходило знакомство малограмотной части населения с лексикой революционной эпохи.

Итак, вербальное поведение выполняет функцию «речевого паспорта говорящего» [2, с. 7]. В профессиональном лексиконе госслужащих отражается их намерение определенным образом позиционировать себя в обществе. Современные государственные служащие пытаются отмежеваться от языка и стиля советской административно-командной системы и продемонстрировать свою причастность к

современным методам управления, применяемым на Западе, к стандартам эффективного, научно обоснованного делового администрирования.

Вместе с тем адресатом рассмотренных текстов выступают не только органы государственной власти, но и рядовые граждане. Элементы стилистически сниженной лексики в анализируемых текстах часто выполняют контактоустанавливающую функцию, усиливают эмоциональное речевое воздействие на адресата, демонстрируют новый демократический стиль отношений с обществом.

Список литературы

1. Живов В. М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» и над процессами, которые Селищев не успел описать // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 175–200.

2. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. : Гнозис, 2002. 333 с.

3. Крысин Л. П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Русский язык сегодня. Вып. 3 : сб. ст. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2004. 364 с.

4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.02.2022).

5. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвотолковедческого исследования : монография. М. : Изд-во РУДН, 2004. 323 с.

6. Панова М. Н. Язык государственного управления и «словарь времени» // Русская речь. 2006. № 5. С. 58–67.

7. Панова М. Н. Парадный портрет власти. Актуальные термины государственного управления // Русская речь. 2012. № 4. С. 61–67.

8. Русский язык конца XX столетия / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Языки русской культуры, 2000. 480 с.

9. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2003. 248 с.

Информация об авторе: *Панова Марина Николаевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия).

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ XVIII В.

Н. С. Редькина

г. Рязань, Россия
n.redkina@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Рассматриваются лексические и фразеологические заимствования XVIII в. в аспекте проблемы языковых контактов и языковой картины мира. Представляется синхронический и диахронический аспект исследования.

Ключевые слова: заимствования, языковая картина мира, языковые контакты, мемуары XVIII в.

Для цитирования: Редькина Н. С. К вопросу о заимствованиях XVIII в. // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 93–95.

Язык как средство коммуникации связан с культурой многочисленными и сложными связями. Расширение и углубление отношений между нациями и народами в различных областях общественной жизни приводит к углублению языковых контактов во всемирных масштабах. Проблема языковых контактов в ее различных аспектах рассматривается сегодня в контексте развития культур и цивилизационных процессов, прямо отражаясь в работах отечественной когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, контактной лингвистики. С этой точки зрения интересным выглядит разработка вопроса о влиянии языковых контактов на языковую картину мира [1, с. 88].

В этой связи возрастает интерес к проблемам взаимовлияния языка и общества, взаимообогащения языков в контексте перестройки международных отношений и развития культурных связей. Одним из последствий такого взаимодействия культур является заимствование лексических единиц, одновременно представляющее собой определенную фазу в процессе заимствования культурных ценностей. Заимствование как языковая универсалия заключается в принятии одним языком лингвистического материала из другого языка вследствие контактов между ними, различающихся по уровню и формам. Изучение этого процесса как результата контактов между народами и их языками имеет большое значение для решения ряда лингвистических проблем, а также вопросов, связанных с историей, археологией, психологией и другими науками.

Синхроническое и диахроническое исследование процессов заимствования (предметом настоящего исследования стали лексемы и фразеологические единицы, выбранные из мемуарных записок Андрея Тимофеевича Болотова, Екатерины II и Екатерины Дашковой) позволило наблюдать, как языковые универсалии показывают результат влияния как языка на людей, так и общества на язык. Записки, мемуары и, как их ещё называют, автобиографические произведения, имеют огромную историческую ценность не только в освещении политических, культурных, национальных особенностей века Просвещения, но и отражают основные тенденции развития русского литературного языка национального периода в области формирования и становления норм.

Простейший случай подобного взаимодействия – лексическое влияние одного языка на другой или другие языки. Чаще всего такого рода влияние обуславливается исторически и определяется рамками той или иной эпохи. XVIII век для

русского языка в этом смысле чрезвычайно показателен. Характерная многоконтактность языковых связей – основная черта, формирующая лексическую и фразеологическую картину данной эпохи. В качестве оказывающих наибольшее влияние исследователи называют большинство европейских, а также украинский, белорусский, классические и восточные языки, определяя далеко не одинаковую роль каждого из них. Так, в начале века польский язык – не только основной источник заимствований, но и язык-посредник, через который в русский проникают французские, латинские, немецкие и итальянские слова. Например, *секрет* от латинского *secretum* заимствовано непосредственно и через польский *secret*; *сорт* от французского *sorte* (из латинского *sors* – вид, разновидность) заимствовано непосредственно или через голландский *sort*; *пьедестал* от итальянского *pedestallo* заимствовано непосредственно или через французский *pedestal*. Тем не менее возникшие на базе данных слов устойчивые комплексы *по секрету*, *под секретом*, *держат в секрете*, *первый сорт*, *не такого сорта*, *вознести (поставить) на пьедестал* являются уже русскими образованиями.

Нами отмечены фразеологические единицы с компонентом, заимствованным при посредстве польского из латинского языка: *для формы*, *для компании*, *натуральные болезни*, *точно фурия*, *живые иллюстрации*, *пятнать репутацию*, *не знать никаких церемоний*, *повертываться спиной*, *окончить комиссию*, *иметь конференцию*, *просить аудиенции*, *дать нотации*, *рекомендательное письмо*, *как пещух индейский*, *ревизские сказки*, *английская болезнь*.

Опосредованное влияние, помимо польского, зачастую оказывают французский, немецкий языки, нередко при латинском или греческом первоисточнике.

Из латинского через французский и польский были заимствованы фразеологические единицы *по адресу*; *ваканция сделалась* (фразеологическая полукалька; в фаворе).

Из латинского через немецкий и польский в русский язык проникли фразеологизмы *под пару*, *причислить в комплект* (*комплект* как новообразование от *комплектовать* через польский *komplet*, которое происходит от немецкого *komplektieren* ‘пополнять, дополнять’ от латинского *complecti* ‘охватывать’).

Из греческого первоисточника через латинский и польский пришли обороты *как в ипохондрии*, *играть комедию*.

Языковая картина второй половины XVIII в. отражает постепенное ограничение «активных языковых отношений сферой двух языков – французского и немецкого: они являются главными источниками заимствований и языками-посредниками» [2, с. 176]. На протяжении всего века характерны прямые контакты с латынью, однако большинство заимствований из латыни осуществляются через посредство французского и немецкого языков. К примеру, выражения *сделать пируэт*, *держат линию* содержат компоненты *пируэт*, *линия*, попавшие в русский язык соответственно через французский и немецкий из латинского.

Являясь особой формой заимствования, калькирование вносит свой вклад в обогащение словарного запаса языка и становится частью языковой картины. В русском языке калькирование известно с глубокой древности. Уже первые восточнославянские памятники содержат большое количество лексем, калькирующих латинские и греческие слова.

Большинство фразеологических калек, отмеченных нами в мемуарах, представляют собой буквальный перевод соответствующих французских, греческих, латинских, немецких выражений, вошедших в русский язык в XVIII в. Например, французские: *бросить тень на что-либо*, *как ни в чем не бывало*, *какая муха укусила*, *камешек в огород*, *придать значение*, *слово в слово*, *быть в фаворе*, *видеть в черном свете*; греческие: *муки Тантала*, *отцы отечества*, *разрубить гордиев*

узел; немецкие: *ломать голову, смотреть сквозь пальцы*; латинские *волей-неволей, ни жив ни мертв, себе на уме*.

При переводе западноевропейских понятий часто происходило семантическое приспособление русских слов к соответствующим заимствованиям, причем смысловая структура слова и даже выражения заметно менялась. Ср. выражения *во вкусе, тонкий вкус*, где *вкус* – свойство пищи, возникающее при еде, заимствованное из старославянского языка, под влиянием франц. *gout* (ощущение, свойство) приобретает новое значение чувства понимания изящного и прекрасного. Слово *тонкий* изменило свои значения под влиянием французского *fin*. Семантические заимствования прослеживаются во фразеологизмах *лестное мнение, оказать влияние, плоская шутка, в отчаянном положении, своего рода, в свежей памяти*.

При помощи словообразовательного калькирования, возникшего как следствие перевода по морфемам, происходило уподобление иностранных слов русскому, вместе с тем кальки получают более отвлеченную семантическую окраску. В качестве словообразовательных калек, подавляющее большинство которых возникло в русском языке в конце XVIII в., можно назвать: *из благодарности* (благодарить – греческое *eucharistein*), *до безумия, как безумный* (безумие – греческое *aphrosyne*), *общественное мнение* (общество – греческое *κοινωνία*, мнение – греческое *dokesis*), *прийти в сознание, без сознания* (сознание – латинское *conscientia*), *по предмету* (предмет – латинское *objectum*), *по предрассудку* (предрассудок – французское *prejuge*), *под предлогом* (предлог – греческое *prothesis*, латинское *praepositio*).

Кроме полных калек в мемуарах наблюдаются и так называемые фразеологические полукальки, где один компонент соответствует аналогичному слову языка-источника, а другой является по своему появлению, значению и структуре чисто русским словом. Таковы, к примеру, французское *держать пари* (пари – *pari*), *подвергать риску* (риск – *risqué*), *покрыть пулю, срывать пулю* (пуля – *poule*), немецкое *сделать крюк* (крюк – *krokr*), *с интересом* (интерес – *interest*), тюркское *стать мишенью* (мишень – *nisan*).

Суммируя наблюдения, необходимо отметить характерную активность процессов заимствования иностранных слов и выражений на протяжении всего XVIII века. Активные языковые контакты, традиция заимствования, переосмысление типовых словосочетаний из западных и классических языков этимологически подготовили почву для обогащения и расширения лексического и фразеологического состава русского языка и активно поработали над формированием будущей языковой картины мира.

Список литературы

1. Елизарьева М. А. О влиянии языковых контактов на языковую картину мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2016. № 6. С. 88–96.

2. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л. : Наука, 1972. 431 с.

Информация об авторе: *Редькина Наталья Сергеевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия).

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА КОММОДИФИКАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ГРУЗИИ

Т. А. Чеишвили¹, И. Б. Капанадзе²

^{1, 2} г. Тбилиси, Грузия

¹ tatachei61@gmail.com

² irina-kapanadze@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, касающиеся изменения роли и статуса русского языка на территории Грузии. В частности, отмечается, что политические, экономические и социальные процессы, происходящие в Грузии, в значительной степени повлияли на процесс коммодификации русского языка и превращение его в особый коммуникативный ресурс. Со своей стороны коммодификация на современном этапе способствует обновлению и усилению интереса к изучению русского языка на территории Грузии.

Ключевые слова: коммодификация языка, статус русского языка, функции языка, языковые услуги

Для цитирования: Чеишвили Т. А., Капанадзе И. Б. Особенности процесса коммодификации русского языка в Грузии // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 96–98.

Усилившиеся в последнее время потребительские установки общества привели к коммерциализации языка (особенно иностранного, в нашем случае русского), т.е. превращению его в коммерческий продукт. Язык изучается не только с культурологической целью, но чаще с экономической, т.е. на первый план выдвигается чисто коммерческая мотивация, в числе которой в Грузии на первом месте стоит оказание языковых услуг русскоязычным туристам, бизнесменам и предпринимателям.

Политические, экономические и социальные факторы, сложившиеся в Грузии в последний период, в значительной степени повлияли на процесс коммодификации русского языка и его превращение в особый коммуникативный ресурс.

Однако дело осложняется тем, что в настоящее время у русского языка на территории Грузии нет официального юридического статуса, а что касается его фактического коммуникативного статуса, то, несомненно, наметился интерес к изучению РКИ в связи с развитием различных видов туризма на территории Грузии и усилением международного коммерческого интереса к некоторым сферам промышленности и сельского хозяйства. Хотя ситуация в этом плане тоже не совсем однозначная, ибо в силу известных причин русский язык не пользуется официальной законодательной поддержкой правительства, но в некоторой степени сохраняет функцию языка межнационального общения.

Среди известных пяти сфер (туризм, маркетинг и реклама, обучение иностранным языкам и перевод), в которых «язык и его пользователи занимают особое место и на примере которых обычно рассматривают коммодификацию языка», в центре нашего внимания находится обучение иностранным языкам, в частности русскому, в современной Грузии [З. с. 101–114. с. 463–492].

С этой точки зрения интерес представляет исследование роли преподавания и изучения русского языка для коммерческих целей, в частности для удовлетворения запросов рынка и оказания языковых услуг русскоязычным туристам.

События, произошедшие в 2008 и в 2018 году, а затем и разразившаяся пандемия, привели к тому, что число российских / русскоговорящих туристов в стране значительно сократилось. Но именно конкретные политические проблемы ещё раз показали необходимость рассмотрения коммодификации русского языка в новом политико-экономическом контексте с целью поддержания статуса русского языка в Грузии.

Особо следует отметить специфику использования русского языка в сферах традиционного туризма, так как туристы из России проявляют повышенный интерес к культурным ценностям Грузии.

За последние десятилетия в Грузии заметно снизилось число владеющих русским языком, русский язык также утратил свои позиции в системе образования. Естественно, изменились и стимулы для изучения грузинскими студентами русского языка. В Грузии растёт интерес к русскому языку благодаря российским туристам и тому, что русскими здесь активно скупается недвижимость. Всё это открывает новые возможности для популяризации русского языка в Грузии. С этой точки зрения заслуживает внимания следующая мысль Ю. Прохорова: «Язык – это товар. Как филолог, я понимаю, что язык – сокровищница культуры, и меня не надо в этом убеждать. Но как человек, занимающийся делом преподавания русского языка иностранцам, я знаю: у меня есть клиент. Для него язык – выгодный для покупки товар, и я, филолог, должен убедить своего клиента в том, что за определённое время я обучу его языку к его выгоде. Но надо его уметь продавать. А мы его долго преподносили как идеологию или как внедрение в культуру в самом высоком смысле этого слова... Давайте исходить из реальности, а она проста: чем больше я буду обучать русскому языку людей, объясняя, чем это им выгодно, тем это будет лучше для языка» [6].

Востребованность русского языка в сфере туризма стимулирует преподавателей русского языка к разработке новых современных курсов русского языка (в том числе онлайн), учебников нового типа. Хотя многие учебники по РКИ создаются преподавателями на территории Грузии, тем не менее учитываются российские методические рекомендации преподавания русского языка и поддерживается непрерывное межкультурное взаимодействие с российскими и зарубежными профессиональными сообществами преподавателей РКИ, целью которого является обеспечение эффективного преподавания русского языка в зарубежной образовательной среде.

Итак, для чего изучают английский – это риторический вопрос: для карьерного роста, для работы (экономическое преимущество), для путешествий. И, конечно, это и следствие процесса вестернизации, проявляющегося в глобализации и американизации, «распространении, а в дальнейшем и вытеснении ценностей отечественной культуры ценностями и идеалами зарубежной, прежде всего западной» [1]. Хотя в последнее время особой популярностью пользуется китайский язык в связи с экономическим и технологическим усилением КНР, к тому же многие стремятся уехать в эту страну учиться и работать.

Русский изучают либо «по любви», либо потому, что нравится звучание самого языка, либо как второй европейский язык, либо из-за того, что интересуются русской культурой. Кроме того, знание русского языка позволяет получить доступ к русскоязычным СМИ, сайтам и интернет-контенту. Но сейчас, можно сказать, что это один из основных языков в сфере обслуживания. И, заимствуя мысль Ю. Е. Прохорова из интервью журналу «Русский Мир.ru», процитируем: «Русский язык по числу его изучающих «сократился». А вот по числу использующих его в коммуникации – «вырос» и продолжает «расти» [4. с. 23; 6], т.е. «абстрактно-гуманитарные интересы заменяются утилитарно-профессиональными, язык

распространяется через туризм, экономику и науку, что реально даёт возможность функционировать русскому языку как мировому» [5. с. 53], см. также: [4]). «Роль лингва франка (*Лингва франка* – язык, используемый как средство межэтнического общения в определённой сфере деятельности. – Примеч. А. Павленко), которую русский язык играет на постсоветском пространстве, учитывается бизнесменами, которые понимают, что с помощью русского языка они могут общаться и с россиянами, и с приезжими из других постсоветских стран» [4. с. 26].

Что касается туризма, то культурные ресурсы Грузии являются основой культурного туризма, а также частью других видов туризма. Культурное наследие представляет собой один из наиболее востребованных сегодня культурных ресурсов, оно становится отдельной индустрией, отдельным продуктом, удовлетворяющим культурные потребности туристов [1. с. 113].

Языковые услуги (гиды) в туристическом бизнесе и в сфере обслуживания в Грузии в основном предоставляются теми, кто выучил русский иностранный или как второй (после английского) иностранный язык. Носители языка в этой сфере работают реже, хотя молодёжь из смешанных семей, владеющая русским с детства, также активно задействована в этой сфере.

Таким образом, коммодификация в культурной и языковой сферах стала неотъемлемой частью современной жизни и выступает в качестве современного типа рациональности. А коммодификация русского языка в Грузии на данном историческом этапе способствует возобновлению и усилению интереса к его изучению.

Список литературы

1. Акмалова А., Капицын В. М., Миронов А. В., Мокшин В. К. Словарь-справочник по социологии. М. : Дашков и К°, 2011. 303 с.
2. Белкина С. В. Аутентичность и коммодификация культурного туризма // Культура и цивилизация. 2021. Т. 11, № 2А. С. 110–116. doi10.34670/AR.2021.73.68.013
3. Мут С. Русский язык за рубежом: взгляд на язык сквозь призму коммодификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 3. Р. 463–492. URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics> <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-za-rubezhom-vzglyad-na-yazyk-skvoz-prizmu-kommodifikatsii> (дата обращения: 21.12.2021).
4. Павленко А. Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 23–32.
5. Протасова Е. Русский язык в туристическом ландшафте зарубежья // Русский язык за рубежом. 2013. № 5. С. 53–61.
6. Прохоров Ю. Русский язык вновь востребован в мир // Русский мир.ru. 2009. № 5. URL: <http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/141682/> (дата обращения: 20.02.2022).

Информация об авторах: *Чешивили Татьяна Александровна*, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель русского языка как иностранного Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили (г. Тбилиси, Грузия); *Капанадзе Ирина Бидзиновна*, доктор филологических наук, профессор, преподаватель русского языка как иностранного Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили (г. Тбилиси, Грузия).

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА: СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

СИНОНИМЫ И АНТОНИМЫ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

М. Г. Вазанова

*г. Братислава, Словакия
vazanovamg@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются особенности изучения синонимов и антонимов студентами-иностранцами. Обращается внимание на то, что основная ошибка в их речи состоит в смешении синонимов, а также антонимов, в неразличении особенностей их употребления. Указывается, что полисемантические слова могут образовывать разные синонимические и антонимические пары, поэтому их следует изучать на основе текста, который и выявляет их сочетательные потенции. Опыт показывает, что наиболее эффективными являются задания на раскрытие семантики и функций слов-синонимов, их текстообразующих возможностей. Для этого используются такие фрагменты текстов, в которых студенты имеют возможность проследивать смысловые приращения и раскрывать текстообразующие функции синонимов и антонимов, определять особенности их текстовой реализации и сопоставлять смысловые и стилистические оттенки их значений.

Ключевые слова: развитие речи, синонимы, антонимы, текстоориентированное обучение, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Вазанова М. Г. Синонимы и антонимы как средство развития речи студентов-иностранцев // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 99–103.

Важнейшей практической задачей изучения русского языка в иностранной аудитории является формирование у учащихся навыков и умений свободного владения как письменной, так и устной речью. При этом мы считаем наиболее важным развивать у них текстовые и лексические умения и навыки, существенные для продуцирования высказывания на русском языке. В качестве основной единицы обучения русскому языку как иностранному должен быть *текст* с его дифференцированными признаками, усвоение которых способствует улучшению качества овладения учащимися-иностранцами строем русской речи. При этом особое значение для формирования лексико-фразеологических навыков построения текста приобретает внедрение в практику преподавания интегрированной формы обучения синонимам и антонимам русского языка на основе целостных высказываний.

В существующих учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному, по межкультурной коммуникации [1], [2], [3] имеются задания на подбор синонимических и антонимических пар отдельных слов. Однако практическое усвоение лексических норм должно происходить и попутно с другими формами работы по развитию речи, при постоянном внимании к особенностям и условиям использования слов-синонимов и антонимов в каждом отдельно взятом тексте.

Анализируя устную и письменную речь учащихся-иностранцев, можно заметить, что они подбирают к отдельным словам синонимы и антонимы лишь с учетом основного их значения, забывая о том, что полисемантическое слово может образовывать разные синонимические и антонимические ряды. Приведём в качестве примеров фрагменты работ студентов с речевыми ошибками, вызванными неправильным использованием членов синонимической парадигмы:

В настоящее время эта форма инвестиций очень популярна, и цена на некоторые новые криптовалюты все ещё ~~резко~~ растёт. (вм. быстро)

Я тоже рад, что мы наконец встретились и можем обсудить все вопросы ~~конкретно~~. (вм. детально)

Если он профессионально занимается ремонтом, он может купить старую квартиру и ~~исправить~~ её. (вм. отремонтировать)

Повышение налогов ~~не разрешает~~ бизнесу планировать работу. (вм. не позволяет)

Неумение учащихся-инофонов различать, да и активно, точно использовать в конкретной речевой ситуации подобные синонимические ряды связано в большей мере с интерферирующим влиянием родного языка, поскольку значения полисемантического слова в родном и изучаемом языках часто не совпадают. Так, синонимичные в русском языке понятия главный и основной в словацком языке передаются одним словом *hlavná*. Поэтому студенты нередко говорят «Главный (вм. основной) поставщик энергетических ресурсов». Как показывает опыт, число подобных ошибок превалирует над всеми другими лексическими недочётами. Отсюда проистекает одно из важнейших лингвометодических требований: при отборе и презентации учебного материала необходимо особое внимание уделять тем словам и выражениям, которые в родном языке учащихся не дифференцируются, а русские слова и нечленимые словосочетания, подлежащие активному усвоению, должны быть предъявлены учащимися-иностранцам и актуализированы в определенной системе.

Особенно важной при обучении иностранцев точному использованию русских слов одной синонимической и антонимической парадигм является реализация другого методического требования, согласно которому синонимичность и антонимичность лексических единиц устанавливается в контексте. Известно, что некие пары слов не являются собственно синонимами (или антонимами) в самой системе языка, но при определенных условиях они вступают между собой в смысловые отношения, организованные по типу синонимических (антонимических) связей. Это так называемые контекстуальные (текстовые, ситуативные) синонимы и антонимы. Например:

*В России безработица тоже приобрела массовый характер, стала одной из острейших проблем для страны. Причём, это касается не Москвы и **столичного региона**, а **остальных регионов**. Столица – это **особое место в государстве**, в ней сосредоточены **большие финансовые средства, крупные предприятия, развитая сфера торговли и услуг**. В столицу всё время прибывает рабочая сила, создавая **иллюзию почти полной занятости**. Но Москва – это не вся Россия. **В провинции ситуация совершенно иная – там нет сферы применения рабочей силы, нет финансовых средств для оплаты труда** [2, с. 144].*

В этом фрагменте выделенные слова и выражения, извлечённые из контекста, неполны, неопределёны по смыслу, и подобрать к ним синоним или антоним, понять семантику можно только с учётом их естественного словесного окружения. Принцип подачи лексико-фразеологических единиц в контексте тем более важен, что любое слово легче запоминается и лучше усваивается именно в контексте, чем представленное изолированно или в отдельных предложениях.

Как известно, синонимия, а также антонимия (хотя и в меньшей степени) проявляются на всех уровнях языковой стратификации. Однако наиболее широко они представлены в лексике и фразеологии. Синонимы, выполняя номинативную функцию в языке, могут быть средством связи между законченными предложениями в тексте. В отличие от лексической синонимии, замена близкими по смыслу словами в тексте как средство межфразовой связи используется в существующих учебных пособиях весьма ограниченно. Между тем, осмысление текстообразующих возможностей этих слов исключительно важно для формирования у учащихся-иностранцев умений и навыков диалогической и монологической речи: создавая развернутое высказывание, учащиеся соединяют предложения лексическими повторами, местоимениями, союзами, наречиями. Но они, как правило, обходят стороной синонимы и перифразы, забывают о том, что, сцепляя предложения, делая речь более выразительной, синонимы в то же время вносят в текст тончайшие смысловые оттенки, ср.:

В российских городах и сёлах малыш рождается в родильном доме. Кому больше радуются русские родители при рождении своего первенца: мальчику или девочке? В отличие от многих восточных народов, предпочитающих иметь в семье мальчиков, для русских это совершенно неважно: любой новорождённый – счастье для родителей и всех родственников [1, с. 33].

*Молодые люди, желающие **пожениться**, официально **вступить в брак**, подают заявление в ЗАГС или Дворец бракосочетаний. Регистрацию назначают обычно через месяц после подачи заявления, чтобы люди могли ещё некоторое время обдумать этот **серьёзный шаг**. Оплачивают **свадьбу** обычно родители **жениха и невесты** [1, с. 33–34].*

Как справедливо отмечает Г. Я. Солганик, синонимическая лексика «позволяет выражать разнообразные смысловые отношения между предложениями: показывать отношения пишущего к содержанию предшествующего предложения, оценивать, комментировать это содержание» [4, с. 56].

Таким образом, для того чтобы выработать у учащихся навыки построения целостного текста (в частности, навыки точного употребления синонимов в связной речи), слова, близкие по смыслу, но различающиеся оттенком в значении и стилистической окраской, следует рассматривать не только в лексико-семантическом плане, но и со структурно-семантических позиций.

Опыт свидетельствует, что синонимы и антонимы целесообразно изучать во взаимосвязи, параллельно, определяя при этом не только их различия, но и сходства. Приведём фрагмент текста, в котором наблюдается пересечение синонимических и антонимических пар (рядов):

*Тем не менее, в рамках семейных отношений у русских сохраняется устойчивая модель: **муж** должен содержать семью, быть её **экономической опорой** согласно русской поговорке дом стоит **хозяйном**. Традиционно социальная роль мужчины в русской семье – это роль **главы семейства, защитника, добытчика, кормильца, помощника в тяжёлом физическом труде**. А жена должна рожать детей, заниматься их здоровьем и воспитанием, создавать в доме **атмосферу любви**. Другими словами, на долю жены в русской семье выпадает функция **хранительницы очага, семейного тепла и уюта, роль матери и помощницы мужа в трудных ситуациях** [1, с. 48–49].*

Методика работы с синонимами и антонимами должна быть разнообразной по своему характеру. Важно, чтобы их изучение не носило случайный характер, а было системным и строилось с использованием для этого интересных лексико-грамматических заданий.

Создание комплекса упражнений обусловливается теми навыками, которые следует выработать у учащихся. При обучении учащихся-иностранцев русским синонимам и антонимам, как и всей лексике в целом, ставится главная цель – развитие у них умения создавать связные тексты, точно выражать мысли, подбирая нужные лексические и текстовые синонимы.

Составляя систему упражнений по обучению учащихся-словаков текстообразующим функциям синонимов и антонимов, мы руководствовались следующими соображениями.

Подготовительные и речевые упражнения должны строиться на связных текстах и способствовать совершенствованию коммуникативных умений и навыков учащихся. Подбирая тексты по русскому языку для студентов-иностранцев, изучающих дисциплину «Межкультурная коммуникация», следует также помнить, что они должны способствовать расширению знаний студентов о богатстве и своеобразии культуры народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Последовательность выполнения упражнений должна быть продумана: в них постепенно возрастают трудности усваиваемого материала (т.е. объём информации и сложность заданий возрастают с каждым уроком, причем осуществляется переход от исследования однокорневых синонимов и антонимов к разнокорневым, от лексических синонимов и антонимов к контекстуальным и т.д.).

К отдельным упражнениям (в зависимости от трудности задания) даются образцы их выполнения и рассуждения. Текст рассуждения – монологическая речь книжного стиля с краткими, но в то же время полными, исчерпывающими и обстоятельными ответами на поставленные в задании вопросы. Причём желательно, чтобы текст рассуждения, по возможности, строился по способу межфразовой синонимии. Однако не следует ограничивать учащихся в выборе средств связи предложений при построении их речевых высказываний. Более того, следует обратить их внимание на то, что в связном тексте наряду с синонимами и антонимами как средством соединения предложений могут использоваться лексические повторы, местоимения, наречия и т.д.

При самостоятельном конструировании целостных высказываний с использованием способа межфразовой синонимии учитель должен обратить внимание студентов на то, что в зачине (начальном предложении) текста уместно использовать точное название предмета речи, а в последующих предложениях, наряду с языковыми синонимами, можно использовать и синонимы текстовые.

Обобщая сказанное, следует отметить, что работа по развитию навыка использования синонимов и антонимов в иноязычной речи студентов-иностранцев должна вестись на основе текстов и тем самым способствовать формированию у учащихся-иностранцев умений использовать эти языковые средства при составлении связных высказываний. При этом особое внимание следует уделять анализу контекстуальных значений слов-синонимов, обращая внимание на то, что отражая сущность одного и того же явления объективной действительности, эти слова служат не столько для подмены друг друга, сколько для уточнения мысли и нашего отношения к высказываемому.

Список литературы

1. Баско Н. В. Знакомимся с русскими традициями и жизнью россиян. М. : Русский язык. Курсы, 2007. 225 с.
2. Баско Н. В. Обсуждаем глобальные проблемы, повторяем русскую грамматику : учеб. пособие по русскому языку для иностранных учащихся. М. : Русский язык. Курсы, 2010. 272 с.

3. Кумбашева Ю. А. Человек в современном мире. М. : Флинта, 2016. 200 с.
4. Солганик Г. Я. От слова к тексту. М. : Просвещение, 1993. 189 с.

Информация об авторе: *Вазанова Марина Геннадьевна (Vazanova Marina)*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры романо-славянских языков Экономического университета в Братиславе (г. Братислава, Словакия).

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В АКАДЕМИИ НАРОДНОЙ ПОЛИЦИИ

Ву Тхи Нгок Хоа

г. Ханой, Вьетнам
ngochoa.t32@gmail.com

Аннотация. Одной из важных составляющих процесса обучения иностранным языкам в неязыковом вузе является формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущего специалиста, которая даёт возможность использовать иностранный язык как средство межличностного и профессионального общения. Рассматривается проблема обучения студентов профессионально ориентированной лексике в Академии народной полиции. Работая с текстами по специальности, студенты сталкиваются с большим количеством незнакомых слов, которые представляют трудность для запоминания, поскольку в таких текстах встречается огромное количество терминов, производных слов, фразеологизмов, сокращений. Рассматриваются принципы отбора специальных лексических единиц. Также приводятся примеры упражнений при изучении профессиональной лексики на тему «Следователь» на занятиях по русскому языку со студентами.

Ключевые слова: русский язык, лексика, профессионально ориентированная лексика

Для цитирования: Ву Тхи Нгок Хоа. Обучение студентов профессионально ориентированной лексике на занятиях по русскому языку в Академии народной полиции // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 104–109.

В настоящее время владение иностранным языком и способность к иноязычному общению являются неотъемлемыми компонентами профессиональной деятельности специалиста любого профиля. Специалисты, востребованные на рынке труда, должны быть готовы и способны осуществлять свою профессиональную деятельность и устанавливать деловые и научные контакты с представителями других стран и культур. В условиях расширения и быстрого развития интеграционных процессов, международного сотрудничества в предупреждении и борьбе с транснациональной преступностью на сегодняшний день растёт потребность в полицейских офицерах со знанием не просто общеупотребительного иностранного языка, а предполагает профессиональное владение языком. Поэтому обучение иностранному языку в полицейских вузах носит профессионально ориентированный характер. Практика показывает, что без владения профессиональной лексикой иностранного языка на высоком уровне такое сотрудничество осуществить невозможно.

В Академии народной полиции преподаются 5 иностранных языков для нефилологических студентов: английский язык, французский язык, китайский язык, русский язык и вьетнамский язык для лаосских студентов. Одной из важных составляющих процесса обучения иностранным языкам в нашей Академии является формирование иноязычной коммуникативной компетенции будущих офицеров, которая даёт возможность использовать иностранный язык как средство межличностного и профессионального общения. Овладение иноязычной коммуникативной компетенцией предполагает освоение иностранного языка в той мере, в какой это обеспечивает возможность общения на этом языке. Однако основным навыком, необходимым будущему специалисту, является умение работать со специальным текстом, так как в своей профессиональной деятельности он станет искать нужную

информацию не столько в общении с коллегами, сколько именно в тексте. Следовательно, навыки работы со специальной литературой, профессиональными текстами остаются важнейшими при решении данной задачи. Одной из главных задач наших преподавателей при обучении студентов является усвоение значения и формы новых лексических единиц, а также умение их активного использования в различных видах речевой деятельности и ситуациях общения. В отличие от английского языка, для наших студентов русский язык оказывается совершенно новым и трудным языком. Это объясняется типологическим различием в фонетической, грамматической системах двух языков. Через определённых часов обучения каждый студент должен пройти экзаменационные тесты на уровне В1 по европейской шкале. Согласно требованиям по русскому языку как иностранному (I сертификационный уровень, общее владение, профессиональный модуль), студенты должны владеть определённым количеством лексических единиц, обеспечивающих возможность коммуникации в учебно-профессиональной сфере общения. Поэтому каждый тест включает в себя не только знание общеупотребительного языка, но и знание профессионального языка. Одной из важных проблем, с которой сталкиваются наши преподаватели при обучении иностранным языкам является проблема накопления и закрепления студентами словарного запаса специальной лексики. Изучение языка специальности требует усвоения большого количества терминов и специальных понятий. Тексты по специальности даются нашим студентам после того, как они будут владеть русским языком на уровне А2. Работая с текстами по специальности, студентам приходится сталкиваться с большим количеством незнакомых слов, которые представляют трудность для запоминания, поскольку в таких текстах встречается огромное количество терминов, производных слов, фразеологизмов, сокращений. Они должны научиться применять грамматические правила в профессиональной лексике. Поэтому преподавателю приходится вводить новые лексические единицы разными способами семантизации, такими как объяснение значения слова по контексту, при помощи синонимов, антонимов и словообразовательных признаков, а также при помощи перевода на родной язык.

В обучении иностранному языку под «**лексикой**» понимают словарный запас (как активный, так и пассивный), которым владеет, или должен владеть обучающийся. Лексика является основным строительным материалом нашей речи, её содержательной стороной. Владение лексикой является важной предпосылкой развития речевых умений и навыков. Лексическая сторона речи является важной частью всей системы языковых средств для обучения иностранному языку, и лексический навык в отличие от грамматического или фонетического имеет большую осмысленность, поскольку в речи основное внимание уделяется содержанию и смыслу высказывания, что отражается в выборе слов и их правильном сочетании. По мнению зарубежного исследователя Майкла Льюиса, «язык состоит из лексики, облеченной в грамматические структуры, а не грамматики, наполненной лексическими единицами» [4, с. 13]. Из этого следует, что именно лексика должна быть в фокусе обучения иностранным языкам. Как подчеркивает Е. И. Пассов, «лексический навык есть синтезированное действие по выбору лексической единицы адекватно замыслу и её правильному сочетанию с другими, совершаемое в навыковых параметрах, обеспечивающее ситуативное использование данной лексической единицы и служащее одним из условий выполнения речевой деятельности» [5, с. 24]. Из определения следует, что выбор и сочетание лексической единицы подчинены её ситуативному использованию в речи. Поэтому основная трудность в овладении иноязычной лексикой заключается не только в том, чтобы запомнить, но и в том, чтобы добиться использования лексических единиц в речи согласно ситуации. Характер лексического навыка таков, что он всегда ситуативно соотносен и усваивается в речевой деятельности.

Организация процесса обучения иностранному языку в целом и лексической стороне речи в частности должна осуществляться на коммуникативной основе. Под коммуникативностью подразумевается схожесть процесса обучения и процесса речевого взаимоотношения по определенным признакам. К таким признакам можно отнести целенаправленность и мотивированный характер речевой деятельности, ситуативность, обсуждение проблем, которые соответствуют возрасту, интересам и увлечениям студентов с учётом уровня их развития, отбор тех фраз и выражений, которые используются в реальных ситуациях общения. Коммуникативная основа работы в данном случае соотносится с методами активного обучения и способствует овладению профессиональной лексикой на уровне говорения.

Одним из наиболее значимых принципов при отборе специальных лексических единиц является принцип системности. Принцип системности предполагает, что изучаемый профессиональный языковой материал будет неразрывно связан между собой и образует целостную и интегрированную систему и неразрывную связь с другими профессиональными предметами, учебный материал будет усвоен на трёх уровнях: уровне отражения, понимания и усвоения. Подобный подход к обучению лексики помогает студентам в выборе более точных и выразительных средств в рамках изучаемого языка, для осуществления передачи того или иного сообщения. Системное обучение лексике по специальности является средством оптимизации учебного процесса в неязыковом Вузе при условии установления чёткой очередности при изучении терминологического словаря, подразделяя его по определенным курсам и семестрам. Устанавливая очередность изучения и выбора лексического материала, следует принимать во внимание тематику, сочетаемость слов, соответствие лексики изучаемой грамматике, стилистическую принадлежность слов. Другим важным принципом отбора лексического материала является принцип частотности. Принцип частотности даёт возможность отобрать лексический материал, с помощью которого выделяются наиболее употребительные слова в отдельном источнике по профессиональной деятельности или совокупности источников. Лексические единицы различаются по своей употребительности, поэтому, их можно разделить на слова и словосочетания, которые типичны только для одной или нескольких коммуникативных сфер. Таким образом, сущность отбора лексики, производимого в профессиональных целях, состоит в том, чтобы из множества слов, устойчивых словосочетаний и речевых клише, входящих в лексический состав данного языка, выделить ту профессиональную часть, которая по своему составу и объёму соответствует целям и условиям данного курса обучения будущего специалиста. Отобранный минимум лексики должен обеспечивать развитие речевых умений и навыков, требуемых программой и учебным планом. Также необходимо отметить принцип сочетаемости. Согласно принципу сочетаемости необходимо выбирать лексические единицы, способные давать наибольшее количество сочетаний с другими словами. Ценность профессиональной лексики определяется в зависимости от её способности сочетаться с другими единицами. Чем выше сочетаемость слова, тем оно более коммуникативно ценно и может использоваться в профессиональной коммуникации на конференциях и других официальных мероприятиях. Трудность употребления профессионально ориентированной лексики обучаемыми заключается не только в усвоении новых понятий, а в знании объёма значений слов иностранного языка и тех сочетаний, в которые они могут вступать с другими словами.

Принцип доступности играет важную роль при отборе и составлении лексических минимумов. Данный принцип требует учёта особенностей обучаемых, анализа уровня владения иностранным языком на различных этапах обучения, учёта особенностей теоретической подготовки каждой группы обучаемых. Принцип

коммуникативной целесообразности активно влияет на овладение профессиональным словарём у обучаемых. Отобранный лексический материал должен надёжно обеспечивать развитие речевых навыков и умений, требуемых программой и учебным планом, обладать высокой семантической ценностью и направленностью.

Освоение профессиональной лексики происходит как в процессе работы с текстом (чтение и перевод), так и закрепляется в таких видах деятельности, как говорение, аудирование и письмо. Очень важной задачей преподавателя является правильный подбор текстов, которые будут сочетать отработку навыков чтения с усвоением лексического и грамматического материала. Профессионально-ориентированные тексты должны отвечать следующим требованиям:

- соответствие изучаемой теме;
- аутентичность;
- актуальность информации;
- достаточность по объёму и доступность в языковом отношении.

Работу над лексикой необходимо начинать ещё до чтения текста. Основными компонентами процесса усвоения являются: осмысление, запоминание, сохранение изученного в памяти, узнавание и воспроизведение. Необходимо применять языковую наглядность, т.е. объяснение значения слова по контексту, объяснение значения слова при помощи синонимов и антонимов, при помощи словообразовательных признаков, конверсии, описанием его значения на иностранном языке. Желательно проводить индивидуальную и хоровую работу по произношению новых слов. По словам Н. В. Воробьёва, самым действенным средством закрепления лексики является повторное чтение уже переведенного текста, а также письменные и устные упражнения: 1) вопросы и ответы, непосредственно связанные с содержанием текста; 2) перевод предложений, в которых новое слово встречается в другом контексте; 3) пересказ на иностранном языке подготовленных дома текстов по специальности с новой лексикой.

Работа над специальным текстом по изучению профессионально-ориентированной лексики может включать также следующие упражнения:

а) некоммунитивные, направленные на усвоение лексического материала; это могут быть имитативные упражнения на перевод новых слов, словосочетаний на родной язык, задания на составление предложений из отдельных слов и т.д.;

б) условно-речевые, способствующие запоминанию слов в единстве с грамматическими формами; это подстановочные упражнения на соотнесение терминов с их русскими эквивалентами, заполнение пропусков в тексте соответствующими словами и др.;

в) коммуникативные упражнения, которые представляют собой, например, задания на комментарий прочитанного текста, вопросно-ответные упражнения по содержанию текста, краткое изложение текста в письменной или устной форме с использованием предложенного плана и активной лексики.

Рассмотрим варианты презентации специальной лексики для наших студентов на примере темы «Следователь». Так, прежде всего, студентам необходимо сформировать представление о терминологических пластах, используемых в этой сфере. Такие задания можно дать студентам по этой теме на занятиях.

Задание 1: Прочитайте эти термины и переведите их на вьетнамский язык.

Расследовать обстоятельства дела, факт преступления, противозаконные действия, предварительное следствие, следственные действия, получение достоверных доказательств, давать ложные показания, применение противозаконных действий, показания свидетелей (подозреваемого), снимать показания, мотив совершения преступлений, сроки расследования, санкция прокурора, преследоваться по закон, криминалист, инспектор уголовного розыска.

Задание 2: Согласны ли вы, что

- успех следовательской деятельности в предварительном расследовании зависит прежде всего от его трудолюбия;
- следователем нужно родиться;
- следователь должен хорошо разбираться в людях и в своей работе опираться прежде всего на интуицию;
- следователя в будущем могут заменить компьютеры и операторы-программисты;
- следователь не имеет права ошибаться.

Задание 3: Выберите из перечисленных профессиональных качеств наиболее важные для работы следователя, расположите их по степени важности. Дополните перечень приведенных качеств.

Интуиция, знание законов, умение разговаривать с людьми, сила, трудолюбие, упорство, сообразительность, знание логики и психологии, объективность, организаторские способности.

Задание 4: Выберите из перечисленных личных качеств наиболее важные для следователя, расположите их по степени важности. Дополните перечень приведенных качеств.

Чувство юмора, чувство такта, решительность, интеллигентность, смелость, справедливость, уважение к людям, воля, напористость, строгость, выдержка, вежливость.

Задание 5: Расположите задачи, стоящие перед следователем в ходе предварительного расследования, в логической последовательности. Объясните свой выбор.

- Найти виновного;
- возбудить уголовное дело;
- передать дело в суд;
- установить последствия противоправных действий;
- выяснить все обстоятельства совершенного преступления;
- выявить причины (мотивы) совершения преступления;
- провести допрос участников (фигурантов) расследования;
- собрать доказательства виновности обвиняемого.

Задание 6: а) Прочитайте следующую ситуацию (юридический казус) и перескажите его.

Три молодые девушки, нигде не работающие Вера Смирнова, Ирина Хромова и Ольга Спиридонова оказались на скамье подсудимых за то, что совершили несколько краж носильных и других вещей из домов, соседних с домом, где они проживали. Девушки часто бывали в квартире своей соседки Костровой Инны Владимировны. Взрослая женщина, инженер по специальности, Кострова часто распивала с ними спиртные напитки, а иногда помогала сбывать краденое. 22 марта 2006 года, во время одной из таких “вечеринок” девушки поссорились с хозяйкой, а затем, помирившись, напоили её “до потери сознания” и вынесли из квартиры Костровой носильные вещи и аппаратуру, принадлежащие хозяйке, на сумму 600 тысяч сумов. Когда «троица» выходила из квартиры Костровой, их заметила соседка Ибрагимова Саида Халиловна, живущая в квартире напротив. При попытке сбыть краденое девушки были задержаны сотрудниками правоохранительных органов и после предварительного следствия предстали перед судом.

б) Разыграйте ситуацию на материале прочитанного казуса. Вы следователь, проводящий предварительное следствие:

- подготовьте вопросы и проведите допрос каждой из девушек;
- проведите допрос пострадавшей Костровой;
- подготовьте вопросы к свидетелю Ибрагимовой С. Х.

Задание 7: Используя материалы темы, подготовьте небольшое сообщение о работе следователя. В рассказе используйте изученный лексический материал.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что обучение русскому языку направлено на то, чтобы сформировать у иностранных студентов-полицейских речевые навыки и умения на русском языке, позволяющие им успешно участвовать в различных сферах и подсферах применения языка специальности. Студенты должны уметь осуществлять речевое общение в устной и письменной форме в рамках общенаучной и узкоспециальной полицейской тематики, актуальной для реализации их коммуникативных целей в учебной, учебно-научной и профессиональной сферах общения. Эффективность изучения профессиональной лексики заключается в развитии языковой компетенции студентов в контексте их будущей специальности посредством выполнения системы упражнений, логически сменяющих друг друга, что мотивирует обучаемых к работе над языком и способствует автоматизации владения профессиональной лексикой.

Список литературы

1. Воробьёва Н. В. К вопросу об обучении профессионально-ориентированной лексике в неязыковых вузах // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 75–76.
2. Воинова М., Солиева К. Русский язык для студентов-юристов. Ташкент : Ташкентский государственный юридический институт, 2006. 253 с.
3. Ермолаева С. А., Цараева Ю. А. Обучение профессиональной лексике студентов неязыковых вузов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article>.
4. Lewis M. Implementing the lexical approach: Putting theory into practice. Heinle, Cengage Learning, 2008. 223 p.
5. Пассов Е. И. Формирование лексических навыков. Воронеж : Интерлингва, 2002. 40 с.
6. Щукин А. Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном. М. : Русский язык. Курсы, 2012. 784 с.

Информация об авторе: *Ву Тхи Нгок Хоа*, магистр, преподаватель русского языка факультета иностранных языков Академии народной полиции (г. Ханой, Вьетнам).

ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ В ГЛОБАЛЬНОМ ЦИФРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Т. А. Гордеева¹, Е. М. Седлецкая²

^{1, 2} г. Пенза, Россия
^{1, 2} gordejewa@mail.ru

Аннотация. Исследуется лингвистический аспект современных процессов глобализации. Язык рассматривается как средство общения, необходимое для создания глобального общества. Большая роль отводится немецкому языку как официально и социально признанному виду коммуникативного поведения. Отмечается укрепление позиций немецкого языка во всемирной Сети, способствующих установлению взаимосвязей между участниками коммуникации. В качестве примера приводится развитие международного сотрудничества в режиме online-общения между представителями Пензенского государственного университета и Боннского университета, выражающегося в совместной реализации программы eTandem, в которой принимают участие преподаватели и студенты обоих университетов.

Ключевые слова: процессы глобализации, лингвистический аспект, немецкий язык во всемирной Сети, международное сотрудничество, online-общение студентов

Для цитирования: Гордеева Т. А., Седлецкая Е. М. Электронные средства коммуникации студентов в глобальном цифровом образовательном пространстве // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 110–112.

В современном мире все страны в той или иной степени охвачены процессом глобализации. Глобализация – это «объективный процесс формирования, организации, функционирования и развития принципиально новой всемирной, глобальной системы на основе употребляющейся взаимосвязи во всех сферах международного сообщества» [2, с. 4].

Отличительной чертой современных процессов глобализации, охватывающих многочисленные социальные, экономические, культурные, политические и иные отношения, является непрерывная интенсификация многосторонних международных связей и отношений с привлечением многочисленных коммуникационных сетей.

Лингвистический аспект глобализации интенсивно изучается в настоящее время и осмысливается с научной точки зрения. Язык как средство общения и выражения мыслей необходим для создания глобального общества, он призван обеспечивать беспрепятственную коммуникацию во всех сферах деятельности человека, а также содействовать развитию международного сотрудничества и взаимопонимания между людьми.

В связи с быстро растущими процессами глобализации во всем мире и стремительным развитием информационных технологий наблюдается рост спроса на ряд европейских языков, в том числе и на немецкий язык как официальный и социально признанный вид коммуникативного поведения. В этой связи появление и быстрое распространение Интернета укрепляет позиции немецкого языка во всемирной Сети, где, как известно, международное общение превосходит общение национальное и таким образом немецкий язык в немалой степени способствует установлению и укреплению взаимосвязей между участниками коммуникации.

Ввиду таких событий, как объединение Европы, открытие границ между западной, центральной и восточной Европой и прогрессивной интернационализации научной, административной, образовательной деятельности, знания иностранных языков стали в еще большей степени необходимы как для студентов и преподавателей вузов так и для представителей различных профессий.

Иностранные языки открывают ворота в мир, это мосты, дающие возможность перейти границы и развивать международное сотрудничество. Изучение языков является таким образом необходимостью и неотъемлемой частью учебного процесса в высшем учебном заведении и профессиональной подготовки студентов.

Тесное сотрудничество в образовательной и научной деятельности в течение многих лет объединяет кафедру романо-германской филологии Пензенского государственного университета и Центр изучения иностранных языков Боннского университета (Германия), выполняются совместные научные проекты в области изучения немецкого языка, проводятся совместные семинары с участием коллег из России и Германии, а также осуществляется обмен студентами.

Более двадцати лет назад Боннский университет создал учреждение, назначением которого явилось решение задачи исследования изучения и обучения иностранным языкам, это сегодняшний Sprachlernzentrum, то есть Центр изучения иностранных языков. Этот Центр предоставляет студентам, преподавателям и исследователям обширные возможности изучать иностранные языки и повышать свою языковую квалификацию при помощи новейших технологий, в том числе и медийных. В распоряжении преподавателей, студентов и гостей Центра находится современнейшая медиатека с обширной библиотекой, мультимедийными материалами и всем необходимым электронным оборудованием для проведения учебных занятий и научных исследований.

На базе результатов исследования процессов изучения языков создаются учебно-методические материалы для работы с более чем пятьюдесятью языками. Считается, что знания культурного и страноведческого фонов, которые определяют межчеловеческое общение и специфическое мышление и поведение носителей языка, очень важны для взаимопонимания людей и эффективного владения иностранным языком.

В тяжелейших условиях непрекращающейся пандемии коронавируса и невозможности осуществлять, как прежде, очное взаимное общение, поездки и обмен опытом, было принято решение осуществлять дальнейшую коммуникацию с применением электронных средств общения в режиме online.

В марте 2021 года было заключено Соглашение о международном сотрудничестве между Рейнским университетом им. Фридриха Вильгельма г. Бонна и Пензенским государственным университетом в области развития виртуального общения преподавателей и студентов этих университетов. Кафедрой романо-германской филологии Пензенского государственного университета и Центром Изучения иностранных языков Боннского университета был разработан специальный проект, который заключается в реализации программы *eTandem* – «Сопроводительное автономное изучение иностранных языков». Данная программа предоставляет студентам вузов-партнеров возможность применять и совершенствовать свои иноязычные компетенции в общении с носителями языка, основанном на применении электронных средств коммуникации.

Основная цель программы *eTandem* состоит в методическом и техническом сопровождении студентов, самостоятельно совершенствующих иноязычные компетенции. Применяется методика установления соответствия партнера партнеру с учетом определенных критериев, и таким образом создаются языковые пары, участвующие в программе. Впоследствии языковые пары организуют и проводят

свою работу самостоятельно. Для этого предусмотрена комплексная сопроводительная программа. Информационные и сопутствующие материалы предоставляются студентам посредством сетевых образовательных платформ. Сопроводительная программа дополняется разнообразными консультациями и мероприятиями.

Студенты вузов – участники программы *eTandem* – не только приобретают новые знания в области иностранных языков, но также совершенствуют свою межкультурную компетенцию и навыки в области информационных технологий [1].

Участие в программе способствует проявлению большей учебной автономии ее участников. Участникам программы *eTandem* предоставляется также возможность налаживать международные контакты, развивать уже сложившиеся отношения дружбы и сотрудничества, в том числе и в профессиональной сфере. Программа является определенным этапом для подготовки поездки за рубеж.

Список литературы

1. Речевая коммуникация в информационном пространстве / отв. ред. Р. К. Потапова. М. : ЛЕНАНД, 2017. 112 с.

2. Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации : сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Потапов, Е. А. Казак. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. 202 с.

Информация об авторах: *Гордеева Татьяна Александровна*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Романо-германская филология» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Седлецкая Екатерина Максимовна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СТУДЕНТЫ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВО ВКЛЮЧЁННОМ ОБУЧЕНИИ

Л. Г. Громова¹, Е. Ю. Протасова², Ю. И. Экман³

¹ г. Тверь, Россия

^{2, 3} г. Хельсинки, Финляндия

¹ grludmila@yandex.ru

² ekaterina.protassova@helsinki.fi

³ julia.ekman@helsinki.fi

Аннотация. Исследуются впечатления студентов о языковой практике в Твери и мнение преподавателей о студентах, приехавших на практику из Финляндии, отчасти рассматриваются особенности курсов при включённом обучении. Сравняются принципы преподавания студентам с домашним русским языком и без него. Выявляются наиболее значимые для формирования целостного представления о стране изучаемого языка моменты и стереотипы, показываются самые яркие моменты знакомства со страной. Делаются выводы о возможных направлениях совершенствования курсов.

Ключевые слова: двуязычные студенты, страноведение, знания о России, включённое обучение, языковая практика, страна изучаемого языка

Для цитирования: Громова Л. Г., Протасова Е. Ю., Экман Ю. И. Студенты и преподаватели во включённом обучении // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 113–117.

Тверской государственной университет и Хельсинкский университет являются партнёрами в организации языковой практики для студентов, изучающих русский язык как иностранный. Возможность побывать в стране изучаемого языка, проверить себя в общении с его подлинными носителями, поверить в свои возможности и лучше освоить учебный материал в ситуации наглядного представления о реалиях окружающего мира – это огромный потенциал роста для каждого студента-филолога на пути к профессионализму [4; 6]. Не все студенты отправляются на практику в Тверь на 10 недель: некоторые едут и в другие города на меньший или больший срок, получают вторую специальность в России, соединяют работу с учебой. Наконец, есть студенты, которые проходят курс страноведения России и сопутствующие дисциплины на месте, не выезжая из Финляндии. В последнем случае в него входит знакомство с общественно-политической жизнью, экономикой и географией, актуальными событиями, привычками и повседневными практиками, историческими, традиционными и современными культурными явлениями и новейшими достижениями россиян. Обращается внимание на те выражения, при помощи которых можно сформулировать свое отношение к происходящим событиям. Как правило, в ходе курса выступают приглашенные лекторы, нередко из разных регионов страны, рассказывающие о своем видении России.

Некоторые студенты сразу решают, что поедут в страну изучаемого языка, а когда принимают решение, получают готовый пакет с подробными указаниями, где в том числе описан опыт предыдущих студентов и даны инструкции по технике безопасности. Добираются до Твери, сначала долетев до Москвы, а оттуда проплыв на пароходе по реке, или же прямо на поезде из Хельсинки. Имеется три варианта размещения: российское и международное общежития и семейное проживание, и решение о том, где жить, студент принимает на этапе подачи заявки. В отчетах

о практике студенты замечают, что их хорошо информировали о том, что им предстоит сделать, и не было проблем ни с бесплатной двукратной учебной визой, ни с регистрацией на месте. Единственное, что могло поразить, это стены, покрытые плесенью, что в Финляндии считается невозможным условием проживания. Предоставляется одноместной комнате, где есть кровать, письменный стол, шкафы и телевизор. Кухня, ванная комната и туалет в общем пользовании у двух студентов. Стоимость аренды в обоих общежитиях – около 180 евро в месяц (включая постельное бельё), в частном секторе дороже. Количество посуды и приборов зависит от квартиры. Есть беспроводной интернет. Либо можно снимать комнату в частном секторе, и тогда можно договориться с хозяевами, чтобы они предоставляли завтрак и ужин (самый дорогой вариант). Большинство довольно проживанием в семье, хорошо ладят с местными людьми и могут говорить о разных вещах по-русски, стараясь избегать политики.

Еда ни у кого не вызывает проблем, студентам нравится есть суши и пиццу, это всегда очень вкусно. Цены на продукты были немного ниже, чем в Финляндии, а в ресторанах было довольно дешево питаться. Любимая еда – сырники с медом, вареньем или сгущенным молоком. Кроме того, привлекли сухофрукты и орехи в глазури. Вызвал удивление сухой шоколадно-вафельный торт, который считается лакомством: в Финляндии обычно едят сухие кексы, нередко с фруктами.

Обучение происходит на русском языке, студенты сдают курсы «Художественная литература» (экзамен), «Общественная жизнь России» (реферат), «Устная речь» и «Письменная речь». Многие темы повторяют те, что были ранее в Хельсинки, но есть и новые. Преподаватели показались студентам приятными и знающими дело, но иногда относились к ним, как к детям. Помимо двух занятий в день, были экскурсии, например в Бородино, много чтения и презентаций, так что домашних заданий было достаточно. Всем очень понравились обсуждения как литературных произведений, так и ознакомление с разными типами текстов, особенно с журнальными текстами. Давали общие представления по географии и обществоведению.

Тверь показалась красивым и уютным городом, не был слишком большим и не слишком маленьким, где легко ходить пешком и много разных возможностей провести свободное время. В частности, есть бассейны и спортивные залы, несколько музеев, театров, кинотеатров и большой торговый центр «Рубин». Кинотеатр «Звезда» был в центре города, и цены на билеты, как и на общественный транспорт, ниже, чем в Финляндии. Удобное расположение города позволяет посещать и Москву, и Петербург, и даже Казань, ходить на художественные выставки и концерты, в театры. Одна студентка пишет: «Погода в Твери была очень тёплой, особенно в конце июня, так что мне было обязательно купить себе вентилятор. По жаре мне также очень нравилось ходить на пляж и купаться в реке Волга, хотя наши преподаватели предупреждали нас о грязной воде... Я считаю, что мы получили достаточно информацию о практике, а практика была довольно хорошо организована. В общем, почти всё получилось без проблем. Практика была для меня положительное впечатление, и было очень интересно жить обывательской жизнью в России». Другие студенты отмечают, что им было трудно вступить в контакт с ровесниками – российскими студентами, у которых было иное расписание занятий, с ними можно было встретиться случайно. Часто помогали другие финны, у которых был опыт проживания в Твери. С местными жителями не всегда было возможно объясняться по-английски. Итогом оказалось то, что сильно выросло понимание устной речи, стало легко слушать лекции по-русски. Тому, кто приходит с открытой душой, без стереотипов, легче приспособиться. Поскольку домашних заданий много, а время ограничено, не стоит ставить слишком высокие цели. Опять выживания кажется им выдающимся, открывающим дорогу новым испытаниям.

Особенностью последней декады преподавания РКИ в большей степени, чем раньше, является то, что вместе со студентами, для которых русский – сугубо иностранный, обучаются те, у кого он был домашним, которые говорили на нем с детства, а иногда даже проходили его в школе (такая возможность предоставляется в Финляндии иммигрантам и детям из двуязычных семей; объем занятий – два академических часа в неделю). В их случае финский все же часто более хорошо освоенный, доминантный язык, поэтому они выбирают не линию русского как родного (такая тоже есть в Хельсинкском университете), а русского как иностранного. У студентов могут иметься, кроме финского и русского, такие домашние языки, как английский, немецкий, шведский, эстонский. Когда студенты оказываются в Твери, их делят по уровням владения языками и типу билингвизма. В результате в университете оказываются гетерогенные группы, в которых для одних студентов русский язык является иностранным, а для другой родным/унаследованным [1; 2].

Первоначально обучение билингвов в смешанных группах вызывало много негативных моментов: студенты с родным финским или другим языком чувствовали себя ущемленными, т. к. много работали дома, но не могли добиться таких хороших результатов на занятиях, как билингвы; билингвы быстрее усваивали информацию и предпочитали более быстрый темп занятий, но им приходилось ждать студентов с более медленным учебным темпом. Зачастую преподаватели при формировании умений меньше времени уделяли билингвам на этапе тренировки, поскольку у них эти умения уже были. Билингвам было скучно в такие моменты. Они отпрашивались с аудиторных занятий, выполняли индивидуальные дополнительные занятия дома и сдавали индивидуально. Чтобы избежать несправедливого разделения, были организованы специальные группы для билингвов. В них был введён дополнительный курс по выбору «Фразеология русского языка», который пользовался популярностью у студентов. Этот курс содержал теоретический модуль, студенты слушали лекции преподавателя, иными словами, знакомились с жанром научной лекции по филологии. Студенты могли свободно выбрать один из лингвистических курсов («Русский глагол», «Фразеологию»), но они, как правило, брали оба курса. Объём и уровень сложности занятий по другим дисциплинам тоже превышал тот, который предлагался в группах «небилингвов». Например, в сильной билингвальной группе на занятиях по русской литературе студенты знакомились с письменным научным стилем (филологический модуль – критические статьи по литературе, например, читали фрагменты статьи Белинского о творчестве Пушкина). По курсу перевода студентам предлагались аутентичные публицистические медиатексты, рекламные проспекты. Студенты-билингвы выполняли специальные задания: критически анализировали переводы рекламных текстов на русском языке, которые были помещены в интернете, корректировали неудачный перевод.

Можно констатировать, что по устной речи студенты-билингвы охотнее и активнее погружаются в русскую лингвокультурную среду. Практикуется активная коммуникация с носителями русского языка – русскими студентами, когда в смешанных микрогруппах можно пообщаться на свободную тему, познакомиться поближе и при желании обменяться контактами. Все студенты-иностранцы встречаются с российскими студентами, посещая занятия студентов второго курса исторического и педагогического факультетов, обсуждая различные аспекты российской системы образования. Такая форма зарекомендовала себя хорошо, так как студенты узнавали о России от сверстников, приобретали новых друзей из своей студенческой среды. Затруднения возникают в зависимости от того, в какие сроки организована практика, насколько она совпадает с общим ритмом обучения, удастся ли участвовать в совместных учебных и внеучебных мероприятиях.

Педагогическое общение преподавателя со студентами предполагает большое внимание к личности студента, следование идеям и принципам личностно ориентированного обучения и педагогики сотрудничества. На кафедре РКИ ТвГУ преподаватели выступают за отсутствие авторитарности в модели отношений преподаватель/студент, напротив, практикуется организация равноправного сотрудничества. Однако этот вопрос не так прост, как кажется. Важно определить, что считают авторитарным студенты и русские преподаватели, по каким критериям оценивают уровень авторитарности отношений. Здесь работает модель «культурных очков»: например, обращение к преподавателю на Вы и по имени и отчеству для студентов из Финляндии может выглядеть как авторитарность (ведь в финской культуре преподаватели и студенты могут общаться на «ты» и называть преподавателя по имени), а для русских это норма русского коммуникативного поведения, выражение уважения к старшему. Эти моменты обсуждаются со студентами.

Преподаватели с самого начала уделяют внимание анализу культурных различий, стараются формировать у студента межкультурную компетенцию, хотя стереотипы бывают так сильны, что разрушить их не удаётся. Это совместная работа преподавателя и студента при высоком уровне доверия. Порой студенты-билингвы руководствуются мнением своих родителей, которое для них более авторитетно, чем мнение русского преподавателя: «А мне мама говорила, что...», хотя прошло время с тех пор, как семья уехала в другую страну, а в России произошли перемены. Мешает и негативный образ России, который уже сформирован у студента-билингва. Студенты опасаются, что с ними может произойти что-то плохое. Например, один студент с первых дней пребывания в России очень беспокоился, испытывал чувство тревоги. К счастью, поделился с преподавателем своими опасениями, что его здесь могут «забрать в армию», так как у него двойное гражданство. Этот вопрос был обсуждён в Международном центре университета, получена официальная информация о невозможности такого прецедента. Студент успокоился, успешно учился, был активным в общении и значительно улучшил уровень владения русским языком.

В организации учебной деятельности очень важен учет интересов при формировании программы дисциплин, участие самих студентов, т.е. следование принципам персонализации, индивидуализации и кооперации, например, при планировании программы занятий по дисциплинам, в частности, по устной и письменной речи, но довольно часто у них встречается пассивное отношение, они соглашаются с предложенным планом. Тогда принимается дипломатичное решение – корректировать и изменять план по ходу занятий.

На первых занятиях по устной речи студентам предлагалось рассказать о том, что их больше всего интересует. У них была возможность подумать об этом. Что они хотели бы узнать в России о России? Студенты активно включались в обсуждение, предлагались самые разные темы. Часто они были связаны с личными интересами, например: «Тайна перевала Дятлова»; с дальнейшими жизненными планами «Что значит маникюр для россиянок и финок» (студентка интересовалась ногтевым дизайном, позднее она приобрела необходимые материалы для организации бизнеса в Финляндии), фактами биографии: «Деревенская жизнь в современной России» (у студентки бабушка живёт в России, она ездила к ней в гости и хотела рассказать о настоящей деревенской жизни, о бабушке, о том, как там общаются люди). В совместном обсуждении были предложены такие формы проведения занятий:

– натурные уроки с индивидуальными заданиями на улице (*Как дойти до...? Где находится...?*), на рынке (*Что сколько стоит? Давайте поторгуйтесь?*),

во время экскурсии (*Узнайте, где находится памятник Салтыкову-Щедрину, сфотографируйте его, найдите информацию о нём в интернете, покажите фото и расскажите в группе*);

– совместные занятия с российскими студентами на кафедре и на факультетах ТвГУ;

– что стоит посетить в городе (Тверскую областную библиотеку им. Горького, Тверскую городскую думу, Свято-Екатерининский женский монастырь в Твери, кинотеатры города, Тверской кукольный и театр драмы, музеи, выставки);

– что стоит посетить в Тверской области (Карельский национальный музей в г. Лихославль; Дом-музей Пушкина в Берново и в Торжке; г. Старицу).

Таким образом заметно, что длительное сотрудничество между университетами помогает объединить усилия для создания адекватной и разнообразной программы, ориентированной на потребности обучаемых как с родным финским или шведским языками (оба являются государственными языками Финляндии), так и с русским как домашним или одним из домашних языков. Можно отметить, что проживание в России воспринимается обеими группами как испытание на прочность, причем это касается как человеческих качеств, так и способности адаптироваться к новому, терпеть непривычное, находить компромиссы, решать возникающие проблемы, пользоваться русской речью как настоящим средством общения [3; 5]. Все студенты отмечают выросшую самостоятельность и прибавку во владении языком. Они считают, что научились понимать россиян.

Список литературы

1. Актуальные проблемы изучения и преподавания РКИ в вузе в условиях интернационализации образования / отв. ред. А. Никунласси, Л. Г. Громова, А. Б. Гурин. Тверь : ТвГУ, 2015. 416 с.

2. Гасконь Е. А. Субъект-субъектные педагогические отношения как путь оптимизации включённого обучения русскому языку иностранных студентов // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2020. № 3. С. 146–156.

3. Методика включённого обучения русскому языку как иностранному / отв. ред. Й. Виймаранта, Л. Г. Громова. Тверь : ТвГУ, 2018. 395 с.

4. Сборник лучших практик отечественных вузов по продвижению русского языка и культуры для иностранных студентов в период обучения / сост. Н. Е. Барсукова ; под ред. А. А. Мальцевой. Тверь : ТвГУ, 2017. 109 с.

5. Davidson D. E. Study abroad and outcomes measurements: The case of Russian // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91, № 2. P. 276–280.

6. Kinginger C. Language Learning and Study Abroad: A Critical Reading of Research. London : Palgrave Macmillan, 2009. 257 p.

Информация об авторах: *Громова Людмила Георгиевна*, кандидат педагогических наук, доцент Тверского государственного университета (г. Тверь, Россия); *Протасова Екатерина Юрьевна*, доктор педагогических наук, адъюнкт-профессор Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия); *Экман Юлия Ильповна*, университетский преподаватель Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия).

ОБЩЕКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ)

О. В. Данич

г. Витебск, Республика Беларусь
odanich@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются потенциальные возможности культурно-национально маркированного материала как средства общекультурного развития младших школьников. В качестве единиц обучения предлагаются прецедентные тексты и прецедентные высказывания, наиболее ярко характеризующие белорусскую культуру, а именно аутентичные тексты, посвящённые традиционным народным праздникам, в данном случае «Купалье».

Ключевые слова: общекультурное развитие, народная культура, традиционные праздники, младшие школьники

Для цитирования: Данич О. В. Общекультурное развитие младших школьников средствами народной культуры (на материале традиционных народных праздников) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 118–120.

Одним из приоритетных направлений в развитии образования в контексте мирового опыта становится культурологическое, предполагающее ориентацию образовательного процесса на формирование у учащихся устойчивых представлений о безусловной духовной и материальной ценности национальной культуры, чувств гражданственности и патриотизма, а также на конструирование национальной языковой картины мира как реализованного в языке для каждой конкретной личности мировосприятия и мироощущения.

Реализация культурологического направления предполагает работу в двух взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектах: 1) «погружение» в национальную культуру, присвоение каждым учащимся её важнейших достижений, её опыта, осознания себя её частью, что сформирует предпосылки для передачи своего опыта другим; 2) постижение ценностей других культур в сопоставлении с национальными, осознание себя частью мирового, общечеловеческого опыта [3].

Эффективность культурологической концепции построения образования напрямую зависит от объема и уровня общекультурных знаний участников образовательного процесса. К сожалению, анализ состояния общекультурного развития современных школьников позволяет сделать вывод об острой актуальности целенаправленной работы по формированию оптимального багажа знаний в области как национальной, так и мировой культуры, что позволит нынешним школьникам успешно реализовать себя в любой сфере деятельности, эффективно коммуницируя с представителями своей и других культур. Таким образом, мы говорим о феномене культурной грамотности в его понимании целым рядом исследователей в области педагогики, культурологии, этнолингвистики (Э. Д. Хирш, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахин, В. А. Маслова, Л. А. Ходякова, В. А. Пушных, Н. Н. Шевченко, О. А. Ужова и др.).

Проблема нивелирования «культурной глухоты» молодых людей становится актуальной уже на 1-й ступени получения общего среднего образования. Это

нашло отражение в содержании обновленного Образовательного стандарта начального образования Республики Беларусь, методологической основой которого является, в том числе, культурологический подход как «совокупность взглядов и способов проектирования и организации образовательного процесса на основе ценностно ориентированного содержания образования, приоритета культуры в образовании, развития общей интеллектуальной культуры и духовного начала личности, обеспечения ведущей роли социокультурного контекста развития учащегося, установки на диалог культур, изучения традиций и ценностей, самобытности национальной культуры в контексте мировой» [2].

Реализация данного подхода должна осуществляться в процессе специально организованной деятельности педагога с использованием культурно-национально ориентированного материала. Для образовательного процесса начальной школы этот материал представляет собой минимальный объем страноведческих, социокультурных и этнокультурных знаний, владение которыми, а главное, применение которых в соответствующих ситуациях составляет содержание культурной грамотности. Исходя из методической целесообразности, нам видится необходимым использовать в качестве единиц обучения прецедентные тексты и прецедентные высказывания, наиболее ярко характеризующие белорусскую и русскую культуры, поскольку, позволим себе напомнить, в Республике Беларусь равный статус белорусского и русского языков закреплен на законодательном уровне. Так, аутентичные тексты могут быть различной тематической направленности: «Сегодня в нашем доме праздник...», «Преданья старины глубокой», «Прецедентные имена» и др. Материал, посвященный традиционным народным праздникам, представляет собой адаптированные для восприятия младшими школьниками этнографические, публицистические и классические тексты [1].

Приедем в качестве иллюстрации вышесказанного текст, содержащий материал для формирования представлений об одном из самых ярких традиционных белорусских праздников – «Купалье».

«Купалье (бел. Купалле) – это древнейший праздник в народном календаре восточных славян (русских, белорусов и украинцев), который отмечается в ночь с 6-го на 7-е июля. Этот праздник приурочен к летнему солнцестоянию и посвящен солнцу и расцвету земли. Подобные праздники есть в культуре и других народов: Янов день в Болгарии, святой Ян в Венгрии, Сан-Хуан в Испании. В Беларуси это Иван Купала, и именно на нашей земле этот праздник в большей степени сохранил древнейшие традиции и обряды и празднуется особенно ярко и с размахом.

В этом празднике чудесным образом переплелись старинные языческие и более поздние христианские черты. С купальской ночью связано много красивых и одновременно жутковатых легенд и обрядов. По земле бродят ведьмы и ведьмаки и стараются навредить человеку. Реки в эту ночь светятся волшебным светом и в них купаются русалки, растения и животные разговаривают, и только в эту ночь на одно лишь мгновение расцветает цветок папоротника (бел. папараць-кветка). Найти его под силу только самому смелому и удачливому, зато этот волшебный цветок дает своему владельцу дар понимать речь деревьев, зверей и птиц, видеть будущее и находить любые спрятанные сокровища.

В купальскую ночь принято проводить много очень древних и красивых обрядов. Травники собирают лекарственные травы, потому что их целебная сила увеличивается в несколько раз. Молодежь разводит костры, водит вокруг них хороводы и поет купальские песни, в которых славит волшебную силу солнца и родной земли. Юноши и девушки прыгают через костер, чтобы огнем очиститься от душевной

нечистоты, болезней и тяжких мыслей. Девушки гадают на будущее, пуская по реке венки, сплетенные из полевых цветов и трав. На рассвете обязательно все проводят обряд очищения, умываясь купальской росой, которая дает силу и здоровье на целый год. Также традиционно организуют обрядовый ужин, во время которого совершают ритуальные действия, направленные на защиту домов и полей от нечистой силы и привлечение богатства. В этих обрядах участвуют и стар и млад, потому что только всеобщее участие может обеспечить достаток.

И в наши дни в самую короткую летнюю ночь на берегах рек и озер празднуют Купалье, совмещая древние традиции и обряды, театрализованные представления и веселые игры».

Для закрепления полученных культурных знаний, а также для формирования метапредметных умений анализировать, синтезировать, интегрировать полученную информацию детям можно предложить следующие вопросы и задания:

- Кого принято называть восточными славянами?
- Какие еще славянские народы ты знаешь?
- С каким природным явлением связан праздник «Купалье»?
- Какое имя положено в основу названия этого праздника?
- Почему обряды можно назвать красивыми и пугающими?
- Чему поклонялись наши предки в купальскую ночь?
- Расскажи, какие обычаи празднования Купалья приняты в твоей местности.
- Какой купальский обычай тебе понравился больше всего? Почему? Запиши свой ответ в виде связного текста.

Подобным образом можно организовать знакомство с другими традиционными народными праздниками, такими, как «Рождество», «Пасха», «Радуница», «Дожинки», «Деды». В результате такой работы учащиеся получают представление о преемственности традиций белорусов, о старинной и современной специфике праздничных обрядов, традиционной символике белорусской культуры.

Использование культуроведческого материала в работе с младшими школьниками окажет педагогу неоценимую помощь при формировании у учащихся системы нравственно-ценностных ориентиров, эмоционально-чувственной сферы и развитии национального самосознания, что в целом будет способствовать повышению уровня общекультурного развития на всех этапах получения образования.

Список литературы

1. Данич О. В. Менталитет белорусов и русских (отражение в мифологии, фольклоре, фразеологии). Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2004. 80 с.
2. Образовательный стандарт. 2019. URL: <https://adu.by/images/2019/01/obr-standarty-ob-sred-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 27.02.2022).
3. Хаирова И. В. Культуроведческий аспект изучения русского языка в начальной школе // Современные проблемы науки и образования. 2012. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7464> (дата обращения: 27.02.2022).

Информация об авторе: Данич Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СЛОВАЦКИХ СТУДЕНТОВ

И. Дулебова¹, Н. Цингерова²

^{1, 2} г. Братислава, Словакия

¹ irina.dulebova@uniba.sk

² nina.cingerova@uniba.sk

Аннотация. Исследуется проблематика введения прецедентных имён российской истории в процесс обучения словацких студентов русскому языку и культуре на разных образовательных этапах, подробно рассматриваются вузовские учебные материалы *Страноведение России* и *Глоссарий русских лингвореалий*. Делается вывод, что включение прецедентных имен в учебный процесс должно сопровождаться не только их тщательным отбором, но и развернутым лингвокультурологическим комментарием с целью объяснения коннотаций, связанных с данным именем в современной русской языковой картине мира.

Ключевые слова: лингвострановедение, прецедентное имя, лингводидактика, русский язык как иностранный

Для цитирования: Дулебова И., Цингерова Н. Прецедентные имена российской истории в процессе формирования лингвокультурной компетенции словацких студентов // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 121–125.

Данная статья подготовлена в рамках проекта KEGA 003UK-4/2021 *Vysokoškolská učebnica Mediálna lingvistika*.

В современной словацкой русистике повсеместно внедряется принцип параллельного усвоения языковых и культурологических знаний, позволяющий ознакомить студентов с важнейшими явлениями русской культуры и истории, отраженными в лингвокультуремах, к которым относятся и прецедентные феномены (имена, ситуации, тексты, высказывания). Прецедентное имя мы вслед за российскими учёными рассматриваем как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Тёркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [3, с. 83].

Подход к обучению языку как к освоению не только грамматики, но и лингвокультурных кодов ставит перед словацкими русистами задачу создания учебных материалов, позволяющих студентам усвоение информации, включающей семантизацию лексики с национально-культурным компонентом значения. При этом, разумеется, учитывается этап и профиль обучения языку, поскольку социокультурная составляющая в учебных пособиях для начальных и средних школ не может быть сравнима по объёму и глубине подачи с вузовскими учебниками для студентов русистики.

В 2019 году мы исследовали с точки зрения содержания социокультурного компонента (включая и прецедентные имена российской истории и культуры) 27 различных учебных пособий, используемых в словацких начальных и средних школах, включая самоучители русского языка для словаков, и можем констатировать, что в них представлены (в зависимости от уровня изучения языка более или

менее подробно) множество выдающихся российских имен, многие из которых можно сегодня назвать прецедентными, но в основном это имена из области русской литературы и культуры.

Что касается имён российской истории, то они встречаются намного реже и в основном в контексте описания культурных и исторических достопримечательностей, памятников архитектуры и т.д. Абсолютным лидером по количеству упоминаний а также подаваемой в связи с ним информации стал Пётр Первый, что связано в первую очередь с тем, что в данных учебниках очень много лингвострановедческой информации о Санкт-Петербурге. Интересно, что, несмотря на множество лингвострановедческой информации о Москве, имя основателя Москвы Юрия Долгорукого мы встретили всего несколько раз, в то время как без имени Петра Первого не обходится практически ни один учебник. Довольно часто вспоминается и имя Екатерины Второй, четыре раза мы нашли упоминание о Александре Невском, по два раза имена великих полководцев Суворова и Кутузова. Из исторических деятелей XX века чаще всего упоминалось имя М. С. Горбачёва, с именем Сталина и Ленина мы встретились лишь три раза, что объясняется логичным желанием авторов текстов обойти спорные идеологические моменты в учебниках для начальных и средних школ. В общем и целом авторы учебников предоставляют в социокультурной составляющей в первую очередь информацию полезную в бытовом плане (транспорт, гостиницы, покупки, банки), не оставляя вниманием и тему русской культуры (преимущественно литературы, балета, менее живописи и музыки), а историческим аспектам уделяется весьма скромное место. Учитывая смену словацкой общественной парадигмы в 90-е годы, повлекшую за собой существенные изменения в преподавании мировой истории, не приходится удивляться тому, что наш опыт преподавания русского языка в словацких вузах демонстрирует относительную сложность в приобщении студентов русистов начальных курсов к фрагментам русскоязычной картины мира по причине их более чем скромных представлений о российской истории.

Данная ситуация, однако, меняется в лучшую сторону в вузе, где подготовка учебных материалов для студентов русистов предполагает солидную лингвокультурологическую составляющую, включающую и существенный исторический аспект, особое внимание которому уделяется на занятиях по лингвострановедению, которое мы рассматриваем как дидактический аналог лингвокультурологии в контексте определения её основоположников, подразумевая под этим термином «такую организацию изучения языка, благодаря которой иностранцы знакомятся с настоящим и прошлым народа, с его национальной культурой через посредство языка и в процессе овладения им» [1, с. 48]. В рамках обучения лингвострановедению огромное внимание уделяется прецедентным именам, которые, являясь выразительными носителями определённых устойчивых смыслов, занимают особое положение среди прецедентных феноменов, поскольку «относятся к ядру языковых средств фиксации и трансляции культурной информации, «материализуя» ключевые концепты национальной культуры» [2, с. 86].

К вузовским учебным материалам, призванным развивать лингвокультурную компетенцию студентов-русистов, относится и подготовленное на кафедре русистики и восточноевропейских исследований университета им. Коменского в Братиславе учебное пособие *Ruské lingvoreálie (Лингвострановедение России, Дулебова И., Цингерова Н., Братислава, 2017)*, а также *Глоссарий русских лингвореалий (Glosar ruskych lingvorealii, Дулебова И. – Цингерова Н. – Грчкова К., Братислава, 2016)* в качестве справочного и дополнительного материала к вышеупомянутому учебнику *Ruské lingvoreálie*. В процессе создания глоссария и учебника

авторы в качестве одной из ключевых задач решали вопрос отбора лингвокультурем (безэквивалентной лексики, прецедентных феноменов различных сфер-источников, политических и географических реалии, советизмов, фразем, лексики православной культуры и т.п.). Мы стремились выбрать и представить наиболее устойчивые прецедентные имена, «относящиеся к ядру когнитивной базы и обнаруживающие тенденцию длительного в ней существования, и при этом описывать типовые ситуации их актуализации и функционирования» [5, с. 28].

В результате тщательной выборки в *Глоссарии русских лингвореалий* из 578 словарных статей 30 оказались посвящены прецедентным именам исторического происхождения (Юрий Долгорукий, Кирилл и Мефодий, Ярослав Мудрый, Илья Муромец, Владимир Мономах, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, Иван IV Грозный, Иван Сусанин, Степан Разин, Екатерина II Великая, Суворов, Кутузов, Степан Разин, Пётр I Великий, Пугачёв, Распутин, Столыпин, Рюриковичи, Романовы, Чапаев, Павлик Морозов, Гагарин, Ленин, Хрущёв, Брежнев, Горбачёв). Каждая словарная статья структурирована по принципу: русское написание имени (с обозначенным ударением) – словацкий эквивалент – краткая историческая справка (на словацком языке) – объяснение семантики, возможных ассоциаций и коннотаций, связанных с данной лингвокультуремой в современной русской языковой картине мира (на словацком и русском языке) – в случае прецедентных имён и наиболее популярные прецедентные высказывания и прецедентные ситуации, с ними связанные. Слова и выражения организованы по алфавиту, словацкий язык как основной избран ввиду убеждения авторов, что родной язык адресата – один из наиболее быстрых и продуктивных способов лингвострановедческой семантизации единиц изучаемого языка. В качестве примера приводим далее статьи, посвящённые Александру Невскому и Борису Годунову.

Алекса́ндр Не́вский (Alexander Nevský) – Knieža novgorodské, kyjevské a vladimírske, vládol v rokoch 1236–1263. Legendárny vojvodca, preslávil sa víťazstvom nad Švédmi na rieke Neve (1240) a nad nemeckými rytiermi na Čudskom jazere (1242). Svätorečený Pravoslávnuou cirkvou ako obranca pravoslávnej viery a kultúry. Alexandra Nevského ešte aj dnes Rusi považujú za svojho národného hrdinu, v rámci celonárodného projektu *Meno Ruska* (2008) ho hlasujúca ruská verejnosť zvolila za najvýznamnejšiu osobnosť v dejinách Ruska. *He v síle Бог, a v právde / Boh nie je v sile, ale v pravde.* Precedentný výrok. Zdrojový text: *Rozprávanie o živote Alexandra Nevského* (13. storočie). Vyslovuje ho Alexander Nevský pred legendárnou bitkou so Švédmi (1240), v ktorej zvíťazil napriek tomu, že vojsko jeho protivníka bolo početnejšie. O dôležitosti morálnej, etickej prevahy.

Бори́с Годуно́в (Boris Godunov) – Ruský cár v rokoch 1598–1605. Bývalý opričník (опричник). Podozrievaný z objednávky vraždy cároviča Dmitrija, syna Ivana Hrozného. Krátko po smrti Borisa Godunova v krajine vypuklo tzv. obdobie zmätkov (смутное время / смута). Najznámejším literárnym dielom venovaným tejto historickej osobe je dráma A. S. Puškina *Boris Godunov* (→ у нас любить умеют только мёртвых), ako aj opera M. P. *Boris Godunov*. Precedentné meno Boris Godunov je v ruskom priestore symbolom tragédie vladára.

Особое внимание при прецедентных именах исторического происхождения уделяется крылатым выражениям, с ними связанными и прецедентным ситуациям, которые их имена часто актуализируют: Суворов А. В. (Suvorov, A. V.). 1730–1800. Významný ruský vojvodca 18. storočia. Vyhrál 60 bitiek a neutrpel ani jednu porážku. Autor okrídlených výrazov *Тяжко на cvičisku, ľahko na bojisku* (Тяжелó в учении – легкó в бою); *Nenechaj kamaráta v kaši, aj keby si mal sám zahynúť* (Сам погибай – товарища выручай).

В учебном пособии *Ruské lingvoreálie* нам удалось не только представить значительно больше, нежели в глоссарии, имён российской истории в весьма объёмной главе *Российская история и современность в зеркале языка* (76 страниц из общих 276 страниц учебника) но и, останавливаясь подробно в первую очередь на историческом контексте, проанализировать и их современную семантизацию и способы использования данных имен в качестве устоявшихся лингвокультурных кодов на примерах из медиадискурса. Достаточно подробно представлены и связанные с историческими именами прецедентные выражения и прецедентные ситуации. Например, при описании заслуг П. А. Столыпина и рассмотрении процесса ресемантизации его имени в современном общественном дискурсе в учебнике объясняются и как негативные выражения „столыпинский галстук (*kravata Stolypina*, vo význame: šibenica), столыпинская реакция (*reakčné obdobie za čias Stolypina*), столыпинские вагоны (*vagóny Stolypina* na spoločné prevážanie ľudí a dobytku), столыпинский террор“, так и выдвигаемые сегодня на первый план позитивные „выдающийся реформатор, невывученные уроки Столыпина, великий патриот, второй человек империи, Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия“. Представлены и крылатые выражения современных политических деятелей, имена которых постепенно становятся прецедентными (т.н. черно-мырдинки лебедизмы, путинки).

В учебнике на примерах из медиадискурса рассматриваем и тот факт, что в процессе апеллиативации онимов происходит значительная симплификация в плане семантическом, которую мы наблюдаем в случае таких исторических имен как Иван Грозный, Пётр Первый, Аракчеев, Распутин, Сталин, Стаханов, Горбачёв и др. Правильное восприятие студентами лингвокультурем не только в их прямом, но и в переносном значении, по нашему мнению, научит их подходу к изучаемому языку по принципу «от смысла – к выражению, чтобы воспроизводить те реальные правила и закономерности, которыми бессознательно руководствуется (пользуется) спонтанно говорящий носитель языка» [4, с. 153].

Авторы надеются, что представленные в учебных пособиях *Ruské lingvoreálie* и *Glosar ruských lingvoreálii* прецедентные имена позволят освоить словацким студентам русистам не только определённое количество национально-маркированной лексики, но и «развить способность сопоставлять родную и изучаемую культуру и историю, декодировать культурологические знаки текста и языковые единицы с переносным и коннотативным значением» [6, с. 33].

В заключении необходимо отметить, что ключевые прецедентные имена российской истории довольно подробно представлены и в ряде других словацких вузовских национальных учебниках, например, *По-русски о России и русских* (Зеленицкая, 2004); *Reálie rusky hovoriacich krajín a Slovenska* (Стрелкова, Кореньков, Коренькова, 2020); *Rusko. História a politický systém* (Адамка, 2016); *Sondy do ruských kultúrnych dejín* (Зеленицкая, 2015), помогающих развивать у словацких студентов осознанное отношение к ареалу изучаемого языка как к культурно-историческому явлению, что весьма важно, поскольку практика преподавания РКИ показала невозможность полноценной коммуникации на изучаемом языке, если он изучается в отрыве от выражаемой им национальной истории и культуры.

Список литературы

1. Верещагин Е., Костомаров В. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского как иностранного. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1993. 246 с.
2. Гудков Д. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации. М. : Диалог, 1999. 370 с.

3. Захаренко И., Красных В., Гудков Д., Багаева Д. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. ст. М. : Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103.

4. Караулов Ю. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

5. Gallo J. Cognitive Aspects of Anthropocentric Modeling Linguistic Worldview // *Philological Class*. 2018. № 1 (51). P. 39–42.

6. Spišiaková M., Kittová Z. Labour Market Requirements for Foreign Language Education with a Focus on Spanish // *Advanced Education*. 2020. № 14. P. 29–37.

Информация об авторах: *Дулёбова Ирина*, габилитированный доцент, профессор кафедры русистики и восточноевропейских исследований Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе (г. Братислава, Словакия); *Цингерова Нина*, габилитированный доцент, доцент кафедры (заведующая кафедрой) русистики и восточноевропейских исследований Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе (г. Братислава, Словакия).

ТИПОВЫЕ СМЫСЛЫ И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В. В. Епифанова

г. Москва, Россия
valentina4@yandex.ru

Аннотация. Предлагаемый способ обучения лексической сочетаемости русских слов основан на принципе движения от смыслов, требующих своего выражения в речи, к наиболее употребительным способам их языкового воплощения. При выбранном подходе, включающем в себя изучение лексических сочетаний в рамках той или иной семантической группы (рассматривается семантическая группа «Улыбка»), студенты не только обучаются активным речевым действиям и опосредованно знакомятся с системой лексических функций (И. А. Мельчук, А. К. Жолковский и др.), но и значительно повышают свою языковую компетенцию.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, лексическая функция, типовое значение, РКИ

Для цитирования: Епифанова В. В. Типовые смыслы и их выражение при изучении лексической сочетаемости на занятиях русского языка как иностранного // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 126–130.

Список абстрактных значений, на которые разложимы почти все имеющиеся сочетания слов, был впервые обнаружен и составлен представителями Московской семантической школы (И. А. Мельчук, А. К. Жолковский и др.). Ими было установлено, что многие типы лексической сочетаемости (синтагматические связи слов) объединены общей идеей, так называемыми «типовыми значениями», каждому из которых было присвоено название определённой лексической функции-параметра (далее ЛФ-П): ср. ЛФ-П **Magn** (типовое значение «очень», «в высшей степени»): **Magn** (*рассматривать*) = *внимательно, пристально*; **Magn** (*сомнение*) = *глубокое, сильное, большое, серьёзное* и др.; ЛФ-П **Degrad** (типовое значение «деградировать», «становиться хуже или плохим»): **Degrad**(*молоко*) = *скиснуть*, **Degrad** (*дисциплина*) = *расшататься* и др.; ЛФ-П **Oper_i** (типовое значение «глагол, связывающий название *i*-го актанта в роли подлежащего с названием ситуации в роли первого дополнения»): **Oper₁** (*влияние*) = *иметь [влияние]*, **Oper₂** (*влияние*) = *находиться [под влиянием]* и др.; ЛФ-П **Func_i** (типовое значение «глагол, имеющий название ситуации подлежащим, а название актантов (при наличии) – дополнениями»): **Func₁**(*предложение*) = *исходить [от кого-л.]*, **Func₂** (*предложение*) = *касаться [чего-л.]* и др.; ЛФ-П **Caus** (типовое значение «каузировать» «делать так, что данная ситуация имеет или начинает иметь место»): **CausOper₁** (*мнение*) = *приводить [кого-л. к мнению]*, **CausFunc₁**(*надежда*) = *вселять, вдохнуть [надежду в кого-л.]* и др. (примеры из [1]).

Нами предлагается вариант изучения лексической сочетаемости слов на занятиях РКИ (преимущественно уровня В1), который 1) позволяет адаптировать лексические функции к учебному процессу в иностранной аудитории (через их количественное сужение и упрощённые названия на русском языке), 2) объединяет синонимичными отношениями лексическую сочетаемость сразу нескольких лексем, входящих в одно словообразовательное гнездо (ср. *улыбка, заулыбаться, улыбнуться, улыбочивый* и др.) [3], 3) позволяет сделать «акцент на индивидуальные,

характерные лексические связи» слов [5, с. 3], 4) отвечает основным требованиям презентации лексической сочетаемости слов, которая, по справедливому замечанию Е. Л. Шириной, заключается в таких особенностях изучаемой системы, как «компактность, наглядность положенных в её основание принципов и открытость (возможность дальнейшего развертывания)» [4, с. 231].

Представим несколько фрагментов предварительной (разъяснительной) работы с комбинациями типовых смыслов в рамках семантической группы «Улыбка». Так, для выражения идеи того, что кто-л. начал улыбаться (комбинация типовых смыслов «улыбка» + «ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК» + «НАЧАЛО»), подходящими лексическими единицами являются следующие: *X (I) заулыбался, X (I) улыбнулся, на лице X-а (II)/ на губах X-а (II) появилась улыбка, на лице X-а (II)/ на губах X-а (II) возникла улыбка:*

– Книжку о Постолыкине написал, хорошая книга, – кивнул Павел и заулыбался, довольный (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010) [6];

– Всего хорошего, я пошёл. – До встречи! – улыбнулся Мышкин (Вера Белосова. Второй выстрел, 2000) [там же];

Внезапно Маня начала смеяться, к ней присоединился Кеша, а потом и у меня на губах появилась улыбка (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха, 2004) [там же].

При добавлении компонента «ИНТЕНСИВНО» (комбинация типовых смыслов «улыбка» + «ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК» + «НАЧАЛО» + «ИНТЕНСИВНО») предпочтительнее использовать сочетания *X (I) разулыбался, X (I) расплылся в улыбке, X (I) широко улыбнулся, X (I) от души улыбнулся, X (I) улыбнулся во весь рот, X (I) улыбнулся во все 32 зуба* (разг.). Сама улыбка при этом («улыбка» + «ХАРАКТЕРИСТИКА: ИНТЕНСИВНО») может характеризоваться как *широкая* или *улыбка до ушей*:

А птицы чирикают, – он продемонстрировал как. – Думаешь, они понимают друг друга? Эви восхищенно разулыбался и от этого стал похож на обычного, правда, беззубого мальчишку (Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке, 2011) [6];

Широкий человек улыбнулся во весь рот, рывком поднял руку, приказывая сыновьям подойти к нему (Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013) [там же];

– Вечер добрый! – лицо его озарила широкая улыбка. – Вижу, люди незнакомые. (Марина Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию, 2003) [там же].

При добавлении противоположного компонента – «НЕИНТЕНСИВНО» (комбинация типовых смыслов «улыбка» + «ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК» + «НАЧАЛО» + «НЕИНТЕНСИВНО») – лучше воспользоваться сочетаниями *X (I) едва заметно улыбнулся, X (I) слегка улыбнулся, X (I) слабо улыбнулся, X (I) улыбнулся краешками губ, на лице X-а (II)/ по лицу X-а (II) промелькнула улыбка, по лицу X-а (II) скользнула улыбка*, а также сочетаниями у X-а (II) *на лице появилась едва заметная/слабая/лёгкая улыбка* («улыбка» + «ХАРАКТЕРИСТИКА: НЕИНТЕНСИВНО»):

Сотников вздохнул и едва заметно улыбнулся своим мыслям: они всё-таки близкие люди, и многолетнюю дружбу не так-то легко перечеркнуть (Александра Маринина. Последний рассвет, 2013) [6];

– Ходите, маэстро, – Яков Борисович пригласил меня к барьеру, показав рукой на противоположный стул и слабо улыбнулся (В.А. Харченко. Шахматист// «Волга», 2014) [там же];

Я увидел, как на лице широкого человека появилась и застыла едва заметная улыбка... (Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы// Урал, 2013) [там же].

Если человек улыбается на протяжении долгого времени (комбинация типовых смыслов «улыбка» + «ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК» + «ПРОЦЕСС» + «ДОЛГО»), то лучше использовать сочетания *улыбка не сходит/ не сходила с лица X-а (II)/ с губ X-а (II)*:

Батон сидел напротив Дорохова, радостная улыбка не сходила с его нали того самодовольством лица (Николай Дежнев. Год бродячей собаки, 2002) [6].

Данное сочетание подходит также для выражения того, что человек часто улыбается (комбинация типовых смыслов «улыбка» + «ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК» + «ЧАСТО»):

Майкл, как и все голливудские актёры, которых мне доводилось встречать, абсолютно раскованный и внутренне раскрепощённый человек. Улыбка не сходит с его лица, а когда говорят о чём-то смешном, он заливается бесшабашным громким смехом, заражая своим весельем окружающих (Артем Тарасов. Миллионер, 2004) [там же];

Выражение лица логика, например, более сосредоточенное, а у этика, как правило, лучистые глаза и улыбка не сходит с лица (Евгений Капустин. Личность и карьера. Как определить наклонности ребёнка// «Известия», 2002.12.16) [там же].

Если же человек продолжает улыбаться машинально, в задумчивости (комбинация типовых смыслов «улыбка» + «ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК» + «ПРОЦЕСС» + «ДОЛГО» + «НЕНАМЕРЕННО»), то лучшей единицей будет *улыбка застыла на лице X-а (II)/ на губах X-а (II)*:

Улыбка застыла на лице Феликса, однако он ещё не понял, что попал в ситуацию, из которой не было привычного выхода (Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но..., 2011) [там же];

Видно было, что говорит она машинально, и улыбка застыла на её губах... (Анна Берсенева. Полет над разлукой, 2003-2005) [там же].

Если говорящему очень нравится улыбка X-а и он думает, что улыбка делает X-а красивее, обаятельнее (комбинация типовых смыслов «улыбка» + «ХАРАКТЕРИСТИКА: [НРАВИТСЯ]»), то можно использовать выражения у X-а (II) *обаятельная/ обворожительная/ очаровательная улыбка* или X (I) *обаятельно/ обворожительно/ очаровательно улыбается/ улыбался* (комбинация типовых смыслов «улыбка» + «ПРОЦЕСС» + «[НРАВИТСЯ]»):

Обаятельная улыбка, теплота взгляда, открытость и отзывчивость никого не оставляют равнодушным (Счастье в творчестве// «Народное творчество», 2003.08.18) [там же];

Выглядел он очень выразительно: огромные белые зубы, пышные усы и самое главное – обворожительная улыбка, которая никогда не сходила с его лица (Артем Тарасов. Миллионер, 2004) [там же];

Дама очаровательно улыбнулась мне на прощание и улетела в Париж. (Артем Тарасов. Миллионер, 2004) [там же].

Если же говорящему, напротив, не нравится улыбка X-а (комбинация смыслов «улыбка» + «ХАРАКТЕРИСТИКА: [НЕ НРАВИТСЯ]»), то лучше воспользоваться сочетаниями *отталкивающая/ неприятная улыбка*.

Особенную белизну зубов, заметную во время улыбки («улыбка» + «ХАРАКТЕРИСТИКА: БЕЛЫЕ ЗУБЫ»), можно выразить в русском языке с помощью единиц у X-а (II) *белоснежная/ белозубая/ ослепительная улыбка*:

Orbit Белоснежный Ванильный – ослепительная улыбка и защита от кариеса (Реклама на ТВ, 2006) [там же];

Анжелика выступала полной противоположностью: чёрные, как ночь, волосы, узкое благородное лицо и белоснежная улыбка... (Максим Милованов. Кафе «Зоопарк», 2000) [там же].

Прекращение улыбки (комбинация смыслов «улыбка» + «ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК» + «ОКОНЧАНИЕ») реализуется с помощью выражений *X (I) перестал улыбаться, улыбка исчезла с лица X-а (II)/ с губ X-а (II):*

– Но, – тут Балаиов **перестал улыбаться** и посмотрел на меня строго, – вы не думайте, что Северодвинск собирается сидеть на чужой шее (Екатерина Костинова. Наша бронелодка стоит на запасном пути// «Столица», 1997.05.27) [там же];

Но, когда она разглядела лучшую посетительницу, улыбка исчезла с её губ (Вадим Громов. Компромат для олигарха, 2000) [там же].

Причина улыбки (событие, шутка, мысль, другой человек и т.д.) (комбинация типовых смыслов «улыбка» + «ВТОРОЙ УЧАСТНИК» + «ИНИЦИИРОВАТЬ НАЧАЛО») может быть выражена с помощью сочетаний *Y (I) вызывает / вызывал / вызвал улыбку X-а (II) / у X-а (II)* или *Y (I) заставляет/ заставил X-а (IV) улыбнуться / улыбаться:*

Эта сумасшедшая мысль вызвала улыбку на его лице (Максим Милованов. Кафе «Зоопарк», 2000) [там же];

Нежное сонное солнце вышло из утренней дымки прямо над водой, и розовые блики защекали веки, заставили улыбнуться и чихнуть (Грэй Ф. Грин. Кетополис – Киты и броненосцы, 2001) [там же].

В силу ограниченного объёма статьи мы намеренно не включаем в неё фрагменты работы с такими смыслами, как «ХАРАКТЕРИСТИКА: ИСКРЕННЕ» (*искренняя/ неподдельная улыбка*), «ХАРАКТЕРИСТИКА: НЕИСКРЕННЕ» (*искусственная/ натянутая/ неестественная/ фальшивая улыбка*), «ПРОЦЕСС» + «НЕИСКРЕННЕ» (*X (I) натянуто улыбнулся, X (I) выдавил из себя улыбку, X (I) изобразил улыбку*), «ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТНИКА: СКЛОННОСТЬ К ДЕЙСТВИЮ» (*X (I) улыбчивый/ улыбчив*), «НЕ ХОТЕТЬ» + «НАЧАЛО» (*X (I) сдерживает/ сдерживал/ сдержал улыбку*) и др.

Использование типовых смыслов при изучении лексической сочетаемости в рамках той или иной семантической группы позволяет учащимся самостоятельно осуществлять качественный (адекватный) выбор наиболее подходящих единиц русского языка. Например,

1. Когда я увидел свою подругу вдалеке, я («улыбка» + «ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК» + «НАЧАЛО» + «НЕИНТЕНСИВНО»). = *Когда я увидел свою подругу вдалеке, я слабо улыбнулся/ едва заметно улыбнулся/ улыбнулся краешками губ/ слегка улыбнулся* и др.

2. В перерыве между занятиями студент читает книгу с анекдотами и («улыбка» + «ПЕРВЫЙ УЧАСТНИК» + «ПРОЦЕСС» + «ИНТЕНСИВНО»). = *В перерыве между занятиями студент читает книгу с анекдотами и широко улыбается/ улыбается во весь рот* и др.

3. Эта женщина невероятно приятна в общении, она всегда такая («улыбка» + «ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТНИКА: СКЛОННОСТЬ К ДЕЙСТВИЮ»). = *Эта женщина невероятно приятная в общении, она всегда такая улыбчивая.*

4. У продавца этого магазина («улыбка» + «ХАРАКТЕРИСТИКА: БЕЛЫЕ ЗУБЫ»). = *У продавца этого магазина белоснежная/ белозубая/ ослепительная улыбка.*

5. Его новая несуразная причёска («улыбка» + «ВТОРОЙ УЧАСТНИК» + «ИНИЦИИРОВАТЬ НАЧАЛО (я)»). = *Его новая несуразная причёска заставила меня улыбнуться/ вызвала у меня улыбку.*

На наш взгляд, представленный в статье способ презентации лексической сочетаемости на занятиях РКИ, дополненный наглядными таблицами и многочисленными упражнениями на закрепление материала, позволяет студентам-иностранцам значительно расширить свой словарный запас, увеличить количество синони-

мических возможностей для выражения той или иной идеи и повысить коммуникативную значимость выученных единиц в речи.

Список литературы

1. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М. : Глобал Ком : Языки славянской культуры, 2016. 544 с.
2. Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 3-е изд., испр., М. : Астрель : АСТ, 2002. 688 с.
3. Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М. : Айрис-Пресс, 2017. 576 с.
4. Ширина Е. Л. Обучение иностранных слушателей сочетаемости слов в русском языке // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 7 : в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск : Белорусский Дом печати, 2013. С. 230–232.
5. Баймурзаева Г. Б. Обучение сочетаемости слов русского языка в иноязычной аудитории // Язык и текст. 2014. Т. 1, № 4. С. 1–7. URL: <https://psyjournals.ru/langpsy/2014/n4/Baymurzaeva.shtml> (дата обращения: 25.01.2022).
6. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 03.02.2022).

Информация об авторе: *Епифанова Валентина Валерьевна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ BYOD НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. В. Зайцева

г. Луганск, Луганская Народная Республика
dumayanna@mail.ru

Аннотация. Исследуются технология BYOD, особенности её внедрения и применения в образовательном процессе. Рассматриваются причины использования девайсов в образовательных целях и факторы, влияющие на применение технологии BYOD в процессе обучения, определяются её положительные аспекты и преимущества.

Ключевые слова: технология, Bring your own devices (BYOD), гаджет, мобильное устройство

Для цитирования: Зайцева А. В. Аспекты применения технологии BYOD на уроках русского языка // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 131–134.

Мы живём в период цифрового общества, где наличие у обучающихся разнообразных девайсов уже никого не удивляет, а наоборот, может улучшить обучение, сделать его более интересным и эффективным. Который год учителя объявляют войну всем гаджетам, которые приносят в школу дети. Для того чтобы направить их использование в нужное для педагогов русло, нужно воспользоваться технологией Bring your own devices (BYOD).

BYOD – относительно новая технология, о которой впервые было заявлено в работе Рафаэла Беллагаса (Rafael Bellagas) в 2005 году, и переводится как «возьми свои девайсы с собой». Это технология, при которой активно используются мобильные телефоны, планшеты, ноутбуки и т.п. Вопросом распространения BYOD в учебном процессе занимались такие зарубежные учёные, как Т. Балдасаро (T. Baldasaro), В. Копитоф (V. Kopytoff), П. Ливингстон (P. Livingston), Б. Стабник (B. Sztabnik), К. Хегарт (K. Heggart), Э. Чедбанд (E. Chadband), Т. Эрикссон (T. Erickson) и другие.

Основной причиной для использования девайсов в образовательных целях является необходимость в повышении результатов обучения и мотивации современных детей, так как эпоха цифрового общества требует коренного изменения сферы образования. Поскольку даже с дошкольного возраста у многих детей появляются собственные девайсы, учителю и родителям важно поспособствовать использованию этих девайсов именно с конкретной учебной целью, предостеречь детей от бесполезной траты времени в процессе их использования. Ведь сегодня трудно найти человека, который бы отказался от использования девайса, мобильного телефона, не говоря о новом поколении детей, которых с рождения обучали взаимодействовать с ними. Поэтому важно, чтобы те вещи, от которых невозможно отказаться и запретить, способствовали развитию мотивации в обучении, построению социальных связей ребёнка и реализации других функций, необходимых ребёнку для жизни.

На сегодняшний день можно выделить несколько причин использования девайсов на уроках:

- практичность;
- доступность;

- экономия времени;
- большое разнообразие материала;
- экономия денег;
- заинтересованность детей.

С другой стороны, из-за специфики организации работы в каждой школе можно столкнуться со значительными проблемами во внедрении BYOD. Традиционно сложилось, что учителя до сих пор запрещают использование девайсов в образовательном процессе, возможно, потому, что современные учителя ещё не знают, как правильно использовать все возможности девайса в процессе обучения.

На фоне этого исследовательница Лиза Нильсен (Lisa Nielsen) выделила несколько мифов, сопровождающих эту технологию. Одним из них является то, что существует разница между учениками, которые имеют и не имеют собственные девайсы. Этот миф разрушил Т. Кларк (T. Clark), специалист по учебным технологиям штата Джорджия, сказав о том, что ученики, не имеющие собственных девайсов, имеют больше времени на работу с ними из-за низкой конкуренции. Следующий миф отражён в публикации Г. Стейджа (Gary Stage) «BYOD – это самая плохая идея века? (BYOD – The Worst Idea of the Century?)» [2] с учётом того, что учителя используют только примитивные функции телефона, в частности прочтение книги, нахождение информации. Но опровергнуть этот миф могут те учителя, которые работают по этой технологии и могут сказать, что дети создают электронные брошюры, презентации и др., используя простейшие аксессуары. Следующий миф касается того, что девайсы отвлекают учащихся. Решение этой проблемы полностью зависит от распределения времени, обязанностей и форм работы на уроке, предоставляемых учителем. Ещё один миф касается того, что учитель должен являться экспертом по использованию новейших технологий. На сегодняшний день этот миф развеивается изменением общества, так как в условиях повышенной информатизации учитель не может быть осведомлён во всех сферах, он лишь тьютор, который должен направить работу учащихся в нужное русло. Современные дети лучше знакомы с гаджетами, чем взрослые. Миф о том, что интернет опасен, можно преодолеть путём создания новых курсов для детей по обучению и поведению в интернете, этике его использования. Именно из-за неосведомленности детей и их эмоциональной неподготовленности существуют угрозы его использования.

Использование технологии BYOD на уроках русского языка должно обеспечивать ряд условий. Такие условия описали многие учёные. Наиболее уместными являются условия использования BYOD, определённые учеными Европейской школы, которые четко очерчены в методическом пособии «European Schoolnet» [1, с. 33]. Учитывая вышеуказанные условия, наиболее существенными факторами, влияющими на использование технологии BYOD в процессе обучения, являются:

- обеспечение девайсом;
- подключение к сети Интернет;
- контроль учащихся со стороны учителя;
- временной промежуток использования девайса;
- организация работы учителем.

Технология BYOD может помочь учителям русского языка обеспечить дифференцированную учебную деятельность для отдельных учащихся, чтобы удовлетворить их конкретные потребности, улучшить уже приобретённые в процессе обучения навыки, развить способности и формировать коммуникативную компетентность. Именно использование BYOD, кроме вышеуказанных условий, может в:

- улучшении мотивации и развитии активных и гиперактивных учащихся;

- мотивировании тех учащихся, которые могут считать традиционные методы обучения и устойчивые формы работы скучными;
- развитию инклюзивных детей в обучении: лучшей поддержке менее трудоспособных учащихся с ограниченными возможностями и специальными образовательными потребностями.

Устройства BYOD позволяют отдельным учащимся получить доступ к цифровым учебникам и другим учебным ресурсам во многих местах. Учащиеся, использующие собственные устройства, а не школьные компьютеры, имеют более широкий и персонализированный опыт. Они могут быстрее выполнять задачи и контролировать своё обучение, поскольку имеют собственное программное обеспечение, с которым они уже ознакомлены, и не требует дополнительных затрат времени на организационные моменты типа: «как включить, выключить прибор», «как пользоваться им» и т.д. Они могут больше сосредоточиться на содержании учебной деятельности, а не на технологии, используемой для его поддержки.

Использование мобильных устройств, особенно собственных, предоставляет больше возможностей для обучения школьников создавать собственные дидактические материалы в приложение к использованию устройств для доступа к образовательному контенту, созданному другими. Это облегчает встроенные функции сбора данных на мобильных устройствах, включая возможность фотографировать и записывать видео, звуки, текст и находить информацию о местонахождении. Различные функции и приложения можно дополнительно использовать на устройствах учащихся для сбора других типов данных, например, информацию о температуре воздуха или о разнообразном мире природы в любом месте планеты для использования на различных уроках. Учащиеся могут объединять, редактировать, делиться и добавлять к данным, собранным и созданным, способствуя расширению общения, сотрудничеству, партнерскому обучению и работе проектной группы.

Когда дети используют собственные обучающие устройства, это помогает развить их цифровые компетенции. Кроме того, эта технология позволяет пользоваться мобильными устройствами, которые могут быть примитивными и иметь лишь небольшое количество доступных функций и возможностей. Зная, что учащиеся всегда имеют с собой собственные устройства, учителя могут решить за короткое время попробовать что-то новое в дополнение к запланированным мероприятиям. Цифровые устройства поддерживают обучение детей в школе и вне её, помогают им в развитии таких навыков XXI века, как общение, сотрудничество и творчество, а также в усвоении знаний, формировании медиаграмотности и овладении новыми технологиями.

BYOD интересна и тем, что она не увеличивает школьные расходы на устройства. Это один из положительных принципов политики BYOD. Наблюдения показывают, что учащиеся и их родители меняют цифровые устройства чаще, чем министерство может выделить средства на приобретение нового компьютера. С другой стороны, и для родителей приобретение мобильного девайса для ребёнка является более положительным моментом, потому что девайс сможет выполнять как обучающую, так и контролирующую функции.

Существует несколько полезных советов по использованию BYOD на уроках, которые стоит рассматривать как положительные аспекты использования девайсов в образовательном процессе. Так, в частности, покупка электронных книг, цифровых учебных материалов и приложений может быть дешевле, чем приобретение и замена обычных учебников. BYOD также предоставляет возможность объединения нескольких носителей информации и приобретение интерактивного опыта обучения. Электронные книги и цифровые обучающие ресурсы можно легче

и быстрее обновлять, чем печатные материалы. Они также могут быть разработаны так, чтобы разрешить учителям, отдельным учащимся и группам учащихся их объяснять, комментировать. Есть также преимущества для здоровья, когда от учащихся не требуется носить много трудных учебников в рюкзаках. Существует преимущество и в том, что меньшая потребность в печати и копировании приводит к сокращению расхода бумаги, чернил и самих аппаратов. Использование технологии BYOD может улучшить репутацию школы по инновациям в целом, ведь применение этой технологии свидетельствует об инновационности учителя, его открытости и готовности к организации современного обучения и является доказательством проявления его педагогического мастерства.

Благодаря BYOD улучшается общение между учениками и родителями, родителями и учителями, учениками и учителями в результате интегрированного использования собственных мобильных устройств с использованием систем управления обучением для обмена расписанием, описанием уроков, учебными ресурсами, задачами, оценками и информацией. Но из-за специфической организации в школе некоторые могут столкнуться со значительными проблемами во внедрении BYOD. Школа должна обеспечить доступ в Интернет, чтобы все устройства имели совместимость с сетевыми компьютерами, чтобы всем хватало места для подзарядки. Но, несмотря на это, учитель должен помнить, что девайсы играют только вспомогательную роль.

Использование девайсов позволяет учителю контролировать выполнение заданий независимо от того, где находится ученик и за какое время он должен их выполнять. И само применение мобильных технологий может происходить на любом из этапов урока, в зависимости от творчества учителя и задач, которые он может предложить детям. Если принимать во внимание специфические возможности девайсов, то открываются большие возможности для их применения именно на уроках русского языка. В частности, они позволяют осуществлять анализ собственных и чужих речевых ошибок, исследовать языковые единицы, развивать речь через передачу голосовых сообщений, развивать фонематический слух, обеспечивать общение независимо от времени и места нахождения коммуникантов.

На основании рассмотренных аспектов использования BYOD-технологии можно сделать вывод, что на сегодняшний день технология BYOD недостаточно разработана и почти не применяется. Об этом свидетельствует незначительное количество исследований в научной литературе. Они связаны, прежде всего, со старшей школой, уроками информатики и математики, где работа направлена преимущественно на приобретение практических навыков. Эта технология очень интересна и эффективна для разработки качественно новой образовательной модели и для того, чтобы сделать урок нестандартным и оригинальным, используя девайсы.

Список литературы

1. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge : The M.T.T. Press, 1967.
2. Stager-to-go «BYOD – Worst Idea of the 21st Century?» / Gary S. Stager. URL: <http://stager.tv/?p=2397> (дата обращения: 08.02.2022).

Информация об авторе: *Зайцева Анна Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Луганская Народная Республика).

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В ИТОВЫХ СОЧИНЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ (КРИТЕРИИ К1, К2)

Г. И. Канакина¹, И. Г. Родионова²

^{1, 2} г. Пенза, Россия

¹ kanakina-kafedra@mail.ru

² Inessa96@bk.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа творческой учебной деятельности выпускников – итоговых (декабрьских) сочинений. Цель исследования – установить соответствие сочинений-рассуждений на литературно-публицистическую тему критериям К1, К2 и выявить типичные ошибки учащихся, связанные с раскрытием темы и умением подбирать литературный материал для аргументации выдвинутых тезисов.

Ключевые слова: итоговое сочинение, критерии проверки, рассуждение, тема, тезис, аргументы, вывод

Для цитирования: Канакина Г. И., Родионова И. Г. Типичные ошибки в итоговых сочинениях выпускников (критерии К1, К2) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 135–139.

В Перечне поручений по реализации Послания Президента Федеральному собранию от 27 декабря 2013 года было записано: «Обеспечить, начиная с 2014/2015 учебного года, учёт результатов итогового сочинения в выпускных классах общеобразовательных организаций, наряду с результатами единого государственного экзамена, при приёме в образовательные организации высшего образования» [5]. Итоговое (декабрьское) сочинение является, с одной стороны, условием допуска к государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования (проверяется школьными учителями, оценивается в формате «зачёт / незачёт»), с другой – одним из достижений абитуриентов высших учебных заведений и добавляет баллы к полученным на едином государственном экзамене по предметам (проверяется предметной комиссией высшего учебного заведения, оценивается в баллах). Каждый вуз может устанавливать свои критерии оценивания итогового сочинения или использовать критерии, рекомендованные ФИПИ. Предметная комиссия Пензенского государственного университета (ПГУ) использует критерии оценивания, рекомендованные ФИПИ [4].

Участие авторов настоящей статьи на протяжении семи лет в работе предметной комиссии по проверке итоговых сочинений абитуриентов ПГУ позволило выявить некоторые тревожные тенденции, характерные для работ выпускников. Заметим, что в наш университет поступают выпускники школ не только Пензенского региона, но и Саратовской, Самарской, Ульяновской, Тамбовской областей, а также школ Республики Мордовия и др. Это дало нам возможность предположить, что выявленные в сочинениях абитуриентов тенденции имеют, к сожалению, не частный, а общий характер.

В настоящей статье представлены результаты анализа типичных ошибок, допущенных выпускниками по критериям К1, К2. Наше обращение к означенным критериям обусловлено тем, что их соблюдение / несоблюдение влияет на оценку всего сочинения: «Если при проверке сочинения по критерию К1 или К2 поставлено 0 баллов, то сочинение дальше не проверяется: по всем критериям устанавливается 0 баллов» [4].

Критерий К1. Соответствие теме. Максимальный балл (2) по данному критерию ставится в том случае, если выпускник «в той или иной форме рассуждает на предложенную тему, выбрав убедительный путь её раскрытия <...>, коммуникативный замысел сочинения выражен ясно» [4]. Следуя данному критерию, выпускники начинают сочинение с определения ключевых понятий. К сожалению, далеко не всегда они делают это удачно.

Типичные ошибки школьников, связанные с нарушением требований критерия К1:

1. Неверное понимание терминов или нравственно-психологических понятий в формулировках предложенных тем сочинения (*любовь, добро, зло, надежда, смирение, добродетель* и др.): *Добро и зло – это качества характера, присущие каждому человеку.* Философские категории школьники определяют как качества характера, что свидетельствует о несформированности у них привычки при подготовке к итоговому сочинению работать со словарями и справочной литературой.

Часто определения ключевых понятий, данные выпускниками, представляют собой «эмоциональный отклик» пишущих на понятия, а не их толкование, что лишает сочинения точности и убедительности: *Взаимопонимание... Наверное, каждый человек задумывался над значением данного понятия. Что же оно обозначает? Взаимопонимание – это великое счастье, которое помогает влюблённым пройти через все жизненные преграды рука об руку, поддерживать друг друга. Но что может помешать взаимопониманию между любящими?*

Включение в сочинение верного толкования понятия, отражённого в теме итогового сочинения, помогает выпускнику раскрыть коммуникативный замысел, придаёт работе целостность и композиционную стройность. При этом не обязательно заучивать наизусть определения, данные в словарях; важно понять их суть и постараться грамотно отразить её в сочинении. Свои эмоции по отношению к тому или иному понятию можно выразить после его определения. Так, для кого-то взаимопонимание заключается в умении понять близкого человека, ощутить себя на его месте, а кто-то считает, что это способность найти компромисс, прийти к согласию и т.п.

2. Включение в сочинение толкования понятий, не заявленных в теме. Часто выпускники приводят определения двух противоположных понятий, отражённых в открытых тематических направлениях итогового сочинения, вероятно, считая, что, раз они «учили» эти определения, значит, обязательно должны использовать их в работе. Однако не всегда конкретная тема требует этого. Так, тема *«Как Вы понимаете известное утверждение, что главное поле битвы добра и зла – сердце человека?»* действительно предполагает приведение в сочинении определения понятий «добро» и «зло». А сочинение на тему *«Какую книгу Вы посоветовали бы прочитать тому, кто устал надеяться?»* не следует начинать с характеристики двух понятий – «надежда» и «отчаяние». «Отчаяния» в сочинении на данную тему может и не быть.

Критерий К2. Аргументация. Привлечение литературного материала. Максимальный балл (2) по данному критерию ставится в том случае, если выпускник «при раскрытии темы сочинения строит рассуждение на основе не менее одного произведения отечественной или мировой литературы по собственному выбору, определяя свой путь использования литературного материала; показывает разный уровень его осмысления...» [4].

Чтобы хорошо написать сочинение, выпускники должны обладать не только высоким уровнем речевой культуры, но и высоким уровнем качества чтения и филологического мышления. «Именно процесс восприятия, толкования «чужого

слова», постижения авторского замысла является отправной точкой для порождения собственных мыслей и чувств», – справедливо считает О. С. Андреева [1, с. 17].

Предполагалось, что декабрьское итоговое сочинение в качестве допуска к ЕГЭ будет иметь надпредметный характер (выявлять сформированность общих речевых компетенций выпускников, умение рассуждать по избранной теме, аргументировать свою позицию) и в то же время быть литературоцентричным (написанным с опорой на литературный материал). На деле оно оказалось сочинением по литературе. При этом наш опыт проверки итогового сочинения показал, что ученики не стали больше читать при подготовке к нему, как задумывалось изначально. В качестве литературного материала, на котором выпускники строят свои рассуждения, они привлекают произведения, которые изучали ещё в основной школе: рассказ «Чудесный доктор» А. Куприна (5 класс), «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого (6 класс), «Уроки французского» В. Распутина (6 класс), «Капитанская дочка» А. Пушкина (8 класс), «Тарас Бульба» Н. Гоголя (7 класс), «Юшка» А. Платонова (7 класс), «Судьба человека» М. Шолохова (9 класс) и т.п. Примечательно, что наши коллеги из Москвы и Ейска приводят аналогичный список литературных произведений, упоминаемых выпускниками в итоговых сочинениях, и отмечают, что этот набор остаётся неизменным из года в год [2, с. 57].

Типичные нарушения требований к сочинению по критерию К2:

1. Неумение определить круг проблем, необходимых для раскрытия темы. Соответствие сочинения теме требует определения основной проблемы будущего высказывания, формулирования главного вопроса, ответом на который станет текст сочинения. Большая часть выпускников справляется с этой задачей. Однако довольно часто неумение определить проблему приводит к неверной формулировке тезиса сочинения, что порождает неумение выстраивать рассуждение в рамках заявленной темы. Так, раскрывая тему *«Является ли смирение добродетелью?»*, выпускник формулирует тезис следующим образом: *«Смирение может характеризовать человека как с положительной, так и с отрицательной стороны»*. Далее говорит о смирении Юшки, героя произведения А. Платонова, пересказывая отношение к нему окружающих, и не делает вывода о том, как смирение характеризует Юшку.

2. Ошибки в выборе литературного материала, необходимого для раскрытия заявленной темы. Часто встречаются тексты сочинений, где примеры из литературы оторваны от темы, тезиса и выводов. Например, рассуждая по теме *«Как Вы понимаете известное утверждение, что главное поле битвы добра и зла – сердце человека?»*, выпускники приводят примеры произведений «Юшка» А. Платонова, «Матрёнин двор» А. Солженицына, «Старуха Изергиль» М. Горького, что свидетельствует об использовании заготовок к тематическому направлению *«Добро и зло»* из базы Интернет, которые не иллюстрируют конкретную тему, поскольку ни у одного из героев названных произведений сердце не является *«полем битвы добра и зла»*.

Основная часть выпускников (независимо от разницы тематики сочинений в разных регионах) в качестве аргументов привлекает один и тот же литературный материал. Например, размышления по темам *«Что мешает взаимопониманию между любящими?»* (Пензенская область) и *«На какие жертвы способны он и она ради любви?»* (Самарская область) выпускники подтверждают одними и теми же произведениями – А. Куприн «Олеся», А. Островский «Гроза». Это противоречит требованию к выпускникам рассуждать на предложенную тему, «выбрав убедительный путь её раскрытия...». Катерину и Тихона, героев драмы А. Островского, никак нельзя назвать *«любящими»*, а самоубийство Катерины считать *«жертвой ради любви»*.

3. Несамостоятельность приведённых аргументов, списывание текстов с готовых источников. «Инструкция для участника итогового сочинения...» предупреждает: «Итоговое сочинение выполняется самостоятельно. Не допускается списывание сочинения (фрагментов сочинения) из какого-либо источника или воспроизведение по памяти чужого текста...» [3]. Однако во многих работах аргументы почти одинаковы по содержанию. Так, рассуждения выпускников по теме «Согласны ли Вы с убеждением автора романа «Война и мир», что каждый человек должен пройти свой путь духовных исканий?» подкреплялись почти полностью переписанными статьями из учебников литературы об идейных исканиях Андрея Болконского и Пьера Безухова. И даже в неплохих в целом работах встречались готовые фрагменты с сайтов Интернета.

Считаем важным отметить, что если до 2020 года в качестве литературного материала выпускнику предлагалось использовать только художественные произведения, то в 2020-2021 учебном году материал для аргументации был значительно расширен: это могут быть и произведения философской, психологической, научной литературы, критики, публицистики, мемуарной прозы, материалы дневников и др. [5]. В связи с этим хочется видеть в качестве аргументов, например, материалы статей классиков (В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и др.) и современников (Д. Л. Быкова, П. В. Басинского и др.). Очень хорошо, если выпускники вспомнят о дневниках Тани Савичевой, Анны Франк, Ольги Берггольц, обратятся к книгам из серии «Жизнь замечательных людей» и т.п. Именно такие сочинения представят их авторов как личностей с широким кругозором и большим читательским опытом, идущих по своему пути «использования литературного материала».

Комментируя направления итогового сочинения, разработчики отмечают, что при доказательстве высказанных положений ученики могут опираться на свой жизненный опыт. Однако учителю-словеснику необходимо предостеречь выпускников от приведения наивных фактов из жизни. Нужно нацелить их на то, чтобы они рассказали о своём участии в социально значимых акциях и мероприятиях («Бессмертный полк», волонёрское движение, донорство, оказание помощи нуждающимся и др.), о посещении музеев, выставок, о познавательных путешествиях, поездках, экскурсиях и т.п.

Полагаем, что тезисы в итоговых сочинениях выпускников год от года будут более осмысленными, а аргументы – более убедительными и разнообразными, ведь, по утверждению одного из ведущих московских учителей-словесников Н. А. Шапиро, «каждого (или почти каждого) человека можно научить выражать понятно, связно и убедительно свои собственные мысли, чувства, впечатления» [6, с. 5].

Список литературы

1. Андреева О. С. Развивающий потенциал сочинения как сложной формы речемыслительной деятельности учащихся в системе школьного филологического образования // Сочинение на современном этапе развития системы образования в Российской Федерации (Теория и практика преподавания русского языка и литературы в школе) : сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2015. С. 16–24.

2. Бондаренко И. В., Николенкова Н. В. Декабрьское школьное сочинение и вступительное сочинение в МГУ: два взгляда – одна проблема // Всероссийский съезд учителей и преподавателей русского языка и литературы : сб. материалов. М., 2020. С. 56–59.

3. Инструкция для участника итогового сочинения к комплекту тем итогового сочинения (изложения) // Методические рекомендации по подготовке и проведению итогового сочинения (изложения) для образовательных организаций, реализующих образовательные программы среднего общего образования, в 2019/2020 учебном году. URL:

http://doc.fipi.ru/itogovoe-sochinenie/6._mr_po_podgotovke_k_it._soch._izl._dlya_oo_v_2019-20.pdf (дата обращения: 10.09.2020).

4. Критерии оценивания итогового сочинения в вузах. URL: <https://4ege.ru/sochinenie/58392-kriterii-ocenivaniya-itogovogo-sochineniya-v-vuzah.html> (дата обращения: 25.08.2020).

5. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному собранию. URL: www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/copy/20004 (дата обращения: 30.08.2020).

6. Шапиро Н. А. Готовимся к сочинению. Тетрадь-практикум для развития письменной речи. Методические рекомендации. 5–9 классы. М., 2016. 64 с.

Информация об авторах: *Канакина Галина Ивановна*, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Родионова Инесса Геннадьевна*, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРИЯ: МЕТАПРЕДМЕТНОСТЬ ПРИ ОБРАЩЕНИИ К ТЕКСТУ Л. Н. ТОЛСТОГО

Н. А. Красовская

г. Тула, Россия
nelli.krasovskaya@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается понятие метапредметности применительно к изучению языка в общеобразовательной школе. Полное представление о языковой системе невозможно без привлечения знаний из смежных научных областей: из истории, литературы, культурологии, этнографии и т.д. Именно обращение к смежным предметам делает развитие личностных качеств школьников, их познавательной активности более целенаправленным и определенным. В данном случае исследуется возможность включения в изучение одной из тем учебника по русскому языку для старших классов фрагментов из романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». Рассмотрение отдельных частей романа, уже известного учащимся, даст возможность расширить представление не только о языке, но и об эпохе, о культуре страны, её истории.

Ключевые слова: метапредметность, язык, история, культура, литература, ментальность, Л. Н. Толстой, текст

Финансирование: статья подготовлена в рамках государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) Министерства просвещения России по теме «Методика интегрированного предметно-языкового обучения в школе при преподавании истории» № 073-03-2022-117/3 от 11.04.2022.

Для цитирования: Красовская Н. А. Язык, литература, история: метапредметность при обращении к тексту Л. Н. Толстого // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 140–143.

Метапредметность в современном образовании играет большую роль. Говорить о том, что многие области знания на современном этапе их развития тесно связаны, нет необходимости. Внутри лингвистики активно развиваются направления исследования, которые невозможно представить без тесного переплетения с историей, культурологией, литературоведением. Поиск новых путей развития одной отрасли знания неминуемо в наши дни приводит к соприкосновению с другими отраслями. Обращение к объектам иных наук, к методам исследования, выработанным в иных областях знания, существенным образом дополняет и обогащает каждое направление. Таким же образом синкретичность знания проникает и в школьную практику. Сегодня все чаще речь идет о том, что развитие многих способностей ребенка, формирование его личностных качеств невозможно осуществлять только в рамках изучения узкой предметной направленности. Расширение познавательных и творческих способностей школьника напрямую связано с богатством проблемных областей, к которым обращается ребенок на уроке. Так, А. В. Хуторской, рассматривая понятие метапредметности применительно к современным образовательным стандартам, замечает, что «...цель образования – не освоение учебной деятельности, а именно генерация, продуцирование образовательного результата, имеющего ценность не только для ученика, но и для окружающего его социума, мира, человечества» [3]. Очень важным в связи с пониманием метапредметности нам представляется следующее замечание: «Метапредметность характеризует выход за предметы, но не уход от них. Метапредмет – это то, что

стоит за предметом или за несколькими предметами, находится в их основе и одновременно в корневой связи с ними. Метапредметность не может быть оторвана от предметности. А общеучебная деятельность относится к учению, а не к предметам. Можно сказать, что общеучебная деятельность стоит как бы «сбоку» или параллельно предметной, т.е. она независима от предметов и может применяться к любому из них. Тогда как метапредметная деятельность связана с предметной деятельностью, находится, как бы в её основе» [3]. Изучение языков, как родного, так и неродных, напрямую связано с обращением к культуре тех народов, которые на этих языках говорят. Невозможно говорить о более-менее глубоком изучении языков, не обращаясь к фактам истории, особенностям этнографии, культуры. Любой язык требует проникновения не только в саму систему, но в то, что существенным образом обогащает язык, отчасти меняет его, то есть к тем внешним факторам, которые, можно считать экстралингвистическими, паралингвистическими, но без которых невозможно глубокое освоения языка.

В данном случае мы обращаемся к проблемам изучения русского языка в классе гуманитарного профиля по программе С. И. Львовой и В. В. Львова. В аннотации к учебнику сказано, что он «реализует идеи интенсивного развития речемыслительных способностей старшеклассников, совершенствования всех видов речевой деятельности, формирования метапредметных результатов обучения» [1, с. 2]. Данный учебник предлагает для изучения учащимися в 11 классе такие блоки тем, как «Язык и культура», «Функциональная стилистика», «Культура речи». На наш взгляд, тот материал, который предлагается авторами учебника, может быть заметным образом синтезирован с материалом из курсов истории и литературы. Такие межпредметные связи существенным образом обогатят ту информацию, которая предлагается авторами для школьников 11 класса.

Например, первую тему, которая входит в большой раздел «Язык и культура» можно расширить за счет знакомства с фрагментами из известных учащимся произведений. Так, «Война и мир» Л. Н. Толстого дает живые примеры дворянского быта XIX века. Помимо этого, отсылка к тексту романа позволяет решить и целый ряд иных вопросов: актуализировать в сознании учащихся исторические события, положенные в основу романа, обращаться к рассмотрению различных лексических единиц. Подчеркнем, что, для того чтобы избежать формального подхода к соединению проблемных областей дисциплин, предлагаем обратить внимание на те лексические единицы, которые можно отнести к устаревшим. Именно они отражают различного рода исторические факты, связаны с наименованием артефактов. Обращение к анализу подобной лексики может явиться темой специального анализа, как лингвистического, так и методического.

Историзмы входят в разные тематические группы, например, в тематическую группу лексики дворянского быта, в тематическую группу военной лексики, внутри которой можно выделить разнообразные подгруппы, называющие военные чины, орудия и технику и др. Например, в самом начале романа читаем: «Гостинная Анны Павловны начала понемногу наполняться. Приехала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастам и характерам... красавица Элен... она была в шифре и бальном платье...» [2, с. 15]. Далее находим: «Князь Андрей вышел в переднюю и, подставив плечи лакею, накидывавшему ему плащ, равнодушно прислушивался к болтовне своей жены с князем Ипполитом, вышедшим тоже в переднюю. Князь Ипполит стоял возле хорошенькой беременной княгини и упорно смотрел прямо нее в лорнет...» [2, с. 33]. Некоторые лексические единицы из приведенных небольших отрывков могут быть интересны старшеклассникам как единицы, отражающие дворянский быт, русскую дворянскую культуру, русскую историю XIX века: *знать, шифр, передняя, лакей, лорнет* и др.

Можно остановиться на фрагментах романа, связанных с изображением военных сцен: «Над мостом уже пролетели два неприятельские ядра, и на мосту была давка... Но фурштат, не обращая внимания на наименование генерала, кричал на солдат, загородивших ему дорогу... Поглядев на мост, он видел столь живые волны солдат, кутасы, кивера с чехлами, ранцы, штыки, длинные ружья и из-под киверов лица с широкими скулами...» [2, с. 174–175]. Обращение к описанию движений армий, бытовой жизни солдат, сражений не может не вызвать живой интерес у школьников как факты русской и европейской истории XIX века, так и теми лексическими единицами, которые использует Л. Н. Толстой. Так, в приведенных выше примерах школьников могут заинтересовать такие слова, как *ядро*, *фурштат*, *кутас*, *кивер*, *ранец*, *штык* и др. Эти и подобные лексические единицы, встречающиеся в тексте романа-эпопеи, с одной стороны, могут помочь школьникам глубже проникнуть в историю страны, понять её в деталях и тонкостях. А с другой стороны, они обогащают словарный запас школьников, позволяют более широко представлять систему лексических единиц русского языка.

Таким образом, можно говорить о том, что обращение только лишь к небольшим отрывкам их художественного произведения на уроках русского языка может серьезным образом расширить кругозор учащихся. На наш взгляд, такая работа была бы уместна при обращении к упражнению 11 в названном выше учебнике. Материалом этого упражнения является отрывок из книги А. Т. Хроленко «Основы лингвокультурологии» [1, с. 24]. Выбор самого отрывка из научного труда по проблемам лингвокультурологии очень важен и показателен. В отрывке, в частности, имеется следующий фрагмент: «Вспомним хрестоматийный эпизод из романа «Война и мир» Л. Н. Толстого. Наташа Ростова в поместье дяди в Отрадном принимает участие в народном танцевальном развлечении и вступает в круг танцующих...» [1, с. 25]. Помимо этого, школьникам дается понятие менталитета. А в качестве заданий к упражнению предлагаются следующие: «К какому фрагменту текста дана иллюстрация известного русского графика Михаила Сергеевича Башилова (1821–1870)? Как художник передаёт графическими средствами мысли и чувства писателя? Что в этой иллюстрации, по вашему мнению, можно связать с понятием ментальности?» [1, с. 27].

По нашему мнению такого типа вопросы подталкивают к дальнейшим рассуждениям и работе с фрагментами романа. Школьники, обращаясь как к тексту работы А. Т. Хроленко, так и к отрывкам из романа-эпопеи Л. Н. Толстого, осмысливают целый ряд понятий, важных для лингвистики, для лингвокультурологии, тех понятий, которые во многом формируют мировоззрение человека, делают его открытым для освоения в целом любых языковых систем, любых сведений, отражающих историю народа, его традиции, литературу, культуру. В частности, на наш взгляд, к таким понятиям можно отнести *этнос*, *менталитет*, *ментальность*, *народная культура*, *язык*, *речь*, *история*, *быт* и др.

Таким образом, по нашему мнению, изучение большого раздела «Язык и культура» в 11 классе по программе С. И. Львовой и В. В. Львова можно существенным образом обогащать за счёт метапредметных связей, в частности обращаясь к отрывкам из произведений известных авторов, например, к фрагментам романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Это произведение удачно продолжает и развивает мысли, высказанные авторами учебника, а также соотносится с тем дидактическим материалом, который предлагается школьникам в виде одного из упражнений учебника.

Список литературы

1. Львова С. И. Русский язык. 11 класс : учебник для общеобразовательных организаций (базовый и углублённый уровни). М. : Мнемозина, 2019. 400 с.
2. Толстой Л. Н. Война и мир. М. : Молодая гвардия, 1978. Т. 1. 368 с.
3. Хуторской А. В. Метапредметное содержание образования с позиций человеко-сообразности // Вестник Института образования человека. 2012. 2 марта. URL: https://licuv1547.mskobr.ru/files/metapredmetnoe_soderzhanie.pdf (дата обращения: 12.02.2022).

Информация об авторе: *Красовская Нелли Александровна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (г. Тула, Россия).

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ

М. Л. Лаптева

г. Астрахань, Россия
hohlina2004@yandex.ru

Аннотация. Представляются результаты анкетирования ста студентов гуманитарных специальностей на предмет знакомства с фразеологизмами литературного происхождения. Выделяются косвенно-производные единицы, которые узнают, семантизируют и употребляют в своей речи студенты, и обращается внимание на ошибки, допускаемые респондентами при толковании значения отдельных фразеологизмов. Делается вывод о снижении общего уровня речевой культуры студенческой молодёжи.

Ключевые слова: фразеологизм литературного происхождения, художественный текст, студенческая речь, анкетирование

Для цитирования: Лаптева М. Л. Фразеологизмы литературного происхождения в речи студентов: результаты анкетирования // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 144–147.

Художественная литература, как часть художественной культуры, является и результатом образного познания и отражения общественной жизни, и одной из главных форм национального самосознания, и источником духовно-нравственного воспитания людей.

Безусловно, художественные тексты обладают разными возможностями в плане порождения образных единиц, что зависит от того, насколько значимыми данные тексты становятся для конкретной культуры, насколько адекватно воспринимается носителями этой культуры закодированная в них смысловая информация. В художественном тексте отражаются те или иные ситуации, которые вербализуются посредством разного рода сочетаний слов, а затем запоминаются при прочтении художественного текста, переосмысляются носителями той или иной лингвокультуры, передаются от одного носителя к другому, становясь впоследствии устойчивым сочетанием слов. Таким образом состав языка пополняется фразеологизмами, генетически связанными с конкретным художественным текстом, входящим в дискурсивное пространство литературы в целом.

Дискурсивные пространства русской и зарубежной литературы рассматриваются нами как источники порождения большого класса фразеологизмов. Такие косвенно-производные единицы (а) представляют собой точные и неточные цитаты / фрагменты цитат из русских и зарубежных текстов: *все врут календари, как куры набродили, за здоровье архимандрита* и др.; (б) являлись первоначально заголовками художественных произведений (*обыкновенная история, мёртвые души, человек в футляре, три мушкетёра* и др.); (в) передают семантику, в которой закодирована вся сюжетная линия произведения (*сжигать (сжечь) корабли, рядиться в павлиньи перья, поле чудес, страна чудес* и др.); (г) организованы на базе антропонимических компонентов, т.е. имён персонажей текстов художественной литературы (*Акакий Акакиевич, Кит Китыч (Тит Титыч), Али баба и сорок разбойников* и др.) [3, с. 119].

В рамках данной статьи нам хотелось бы представить результаты анкетирования, которое было проведено среди 100 студентов гуманитарных специальностей, обучающихся в Астраханском государственном университете. Цель анкетирования – определить степень знакомства современной студенческой аудитории с фразеологизмами литературного происхождения и выявить употребительность данных единиц в студенческой речи. Материал исследования составили 100 фразеологизмов литературного происхождения: *господин Купон, жёлтый дьявол, завиральные идеи, мантифолія с уксусом, острый зуб времени, сквозь магический кристалл, убоия бездны премудрости, применительно к подлости, свинцовые мерзости, маг и волшебник* и др. Выборка проводилась по историко-этимологическому словарю «Русская фразеология» (под ред. В. М. Мокиенко).

Выбранный нами интроспективный подход исследования национальной специфики фразеологизмов, согласно Д. О. Добровольскому, предполагает работу с информантами и текстовый анализ языкового материала, то есть национальная специфика языка рассматривается глазами самих носителей, производится самоанализ, самонаблюдение [2, с. 40]. Основным исследовательским приёмом интроспективного подхода является опрос носителей языка, направленный на выяснение их отношения к соответствующим лингвистическим фактам.

Несмотря на то что предложенные студентам фразеологизмы являются, по нашим предположениям, достаточно известными и употребительными, ответы респондентов позволяют сделать обратные выводы.

В группу «распознанных» студентами фразеологизмов входит небольшое количество единиц: *вертеться (кружиться, крутиться) как белка в колесе; не по дням, а по часам; в семье не без урода; дети – цветы жизни (живые цветы земли); любви все возрасты покорны; у разбитого корыта; бешеные деньги; попасть / попадать с корабля на бал*. Практически всеми студентами была дана верная трактовка их фразеологического значения. В речевое употребление студентов, согласно их ответам, входят эти же фразеологизмы.

Правильно студентами был указан источник происхождения следующих фразеологизмов: *[как] Лебедь, Рак да Щука (51); у разбитого корыта (41); Колумбы росские (русские) (38); Иван Иванович и Иван Никифорович (33); попрыгунья-стрекоза (30); братъ взятки борзыми щенками (25); а ларчик просто открывался (18)*. Обратим внимание, во-первых, на небольшое количество фразеологизмов, генетический текст которых был известен опрошенным студентам, во-вторых, на небольшое количество студентов, которым эти обороты были знакомым (цифра в скобках указывает на то, сколько человек из ста смогло соотнести фразеологизм с литературным текстом).

Кроме того, выделяется группа фразеологизмов, с которыми студенты абсолютно незнакомы: они не только не знают значения данных оборотов, но и отмечают их как единицы, которые никогда не слышали: *Кит Китыч (Тит Титыч); жёлтый дьявол; завиральные идеи; господин Купон; Тридцать пять (тридцать сорок) тысяч одних курьеров; убоия бездны премудрости; пить за здоровье архимандрита; лукавый царедворец*. Такие ответы были получены от более чем 90 % респондентов.

Приведем несколько примеров фразеологизмов, неверно трактуемых студентами. Так, фразеологизму *генерал Забугрянский*, по материалам нашего исследования, приписывается значение – ‘о человеке с далёких краёв’, что не соответствует кодифицированному – ‘каторжник’. Источник происхождения – произведение В. А. Гиляровского «Каторга» [1, с. 134]. Незнание студентами данного оборота вполне объяснимо: он является устаревшим и просторечным. Респонденты верно соотносят значение фразеологизма с компонентом «Забугрянский», который

образован от предложно-падежного сочетания «за буграми», указывающего на удалённость. Однако они не знают об устаревшем выражении *за буграми* – ‘в ссылке’; скорее всего, в языковом сознании студентов актуализируется современное выражение *за бугром* – ‘за границей’.

Сравним: участники анкетирования определяют фразеологизм *битва русских с кабардинцами* как ‘межнациональный конфликт’, ‘война’. Однако шуточный оборот фразеографически закреплён со значением ‘о какой-либо ссоре, шуме’ [1, с. 52]. Источник происхождения – лубочная повесть Н. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометянка, умирающая на гробе своего супруга».

Ошибочно понимается студентами и фразеологизм *закрывать клапан* – ‘закрывать доступ’, ‘терпеть до дома’. Словарное значение косвенно-производной единицы речевого характера, восходящей к роману И. А. Гончарова «Обыкновенная история», – ‘сдерживать свои эмоции, чувства и т.п.’ [1, с. 303].

Такого рода ошибки, на наш взгляд, могут быть в определённой степени оправданы как неупотребительностью приведённых выражений в современной разговорной речи, так и их соотносённостью с тем или иным художественным текстом, который не входит в школьную программу по литературе и может быть известен только тем, кто всерьёз увлекается или занимается литературой.

Тем не менее эти замечания ни в коей мере не могут быть отнесены к данным ниже примерам. Фразеологизм *унтер Пришибеев* современные студенты трактуют следующим образом: ‘о разрушителе’ или ‘об интеллектуально обездоленном человеке с синдромом вахтера’. Однако словарное значение названной единицы – ‘о человеке, считающем себя вправе во всё вмешиваться, всем делать замечания (грубым, командным тоном)’ [1, с. 713]. Генетический дискурс – одноимённый рассказ А. П. Чехова, содержание которого, к сожалению, студентам, участвовавшим в анкетировании, незнакомо. Значение, сформулированное респондентами, мотивируется антропонимическим компонентом «Пришибеев»: фамилия в языковом сознании оказывается созвучной либо просторечному глаголу *пришибить* – ‘ударом убить’ [4, с. 522], либо разговорному слову с оттенком фамильярности *пришибленный* – ‘приниженный, нравственно разбитый’ [4, с. 522].

В результате нашего эксперимента получены и другие примеры студенческого псевдотолкования значения фразеологизмов, которые своим появлением в языке обязаны текстам русской классической литературы. Например, фразеологизм *премудрый нескар* понимается студентами так – ‘очень умный человек’, ‘мудрый человек’, в то время как кодифицированное значение – ‘о трусливом обывателе, приспособленце’ [1, с. 527]. Студенты буквализируют значение компонента «премудрый» (премудрый – ‘исполненный мудрости, очень мудрый’ [4, с. 504]), а не соотносят выражение с названием сатирической сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина и её идейным замыслом.

В материалах нашего исследования имеются такие ответы респондентов: *каменный гость* – ‘о госте, который пришёл без приглашения’, ‘нежданный гость’. Обратившись к фразеографическим источникам, можно обнаружить, что ни одно из данных толкований не соответствует кодифицированным значениям: ‘1. Ирон. О человеке (обычно пришедшем в гости), который всегда молчит. 2. Шутл. О человеке, который излишне крепко пожимает руки при приветствии’ [1, с. 161]. Данный фразеологизм вошёл в употребление благодаря названию одноименной драмы А. С. Пушкина, но фразеобразующим компонентом для студенческой аудитории становится, по всей видимости, лишь компонент «гость», который есть, например, в общеизвестной поговорке *Незванный гость хуже татарина*.

Среди фразеологизмов, которые были неверно семантизированы опрошенными студентами, перечислим также следующие: *рога и копыта, на деревню дедушке, в семье не без урода, лишние люди, мы пахали, попрыгунья-стрекоза* и некот. др.

Таким образом, ответы респондентов свидетельствуют о низком уровне речевой культуры студенческой молодёжи, о незнании участниками анкетирования большинства фразеологизмов литературного происхождения. Результаты показывают, что происходит изменение и сокращение круга студенческого чтения, вытеснение книжной культуры продуктами массовой культуры, так широко представленными в интернет-пространстве, где значительную часть времени проводят студенты.

Студенческая аудитория испытывает на себе влияние целого ряда социокультурных факторов, что сказывается на процессе духовно-нравственного и профессионального становления будущих специалистов и, в частности, на обогащении их словаря и развитии коммуникативных умений и навыков. Помня о том, что молодое поколение – это транслятор культуры, следует, на наш взгляд, в курсах «Русский язык и культура речи» или «Речевые практики» больше внимания уделять формированию у студентов гуманитарного направления высокого уровня лингвокультурологической (и фразеологической) компетенции.

Список литературы

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2007. 926 с.
2. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–48.
3. Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики : монография. М. ; Астрахань : КноРус : Астраханский университет, 2016. 212 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.

Информация об авторе: *Лаптева Мария Леонидовна*, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой современного русского языка Астраханского государственного университета (г. Астрахань, Россия).

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЗАГАДОК В ШКОЛЕ

Л. П. Перепелкина

г. Пенза, Россия

larisaperepjolkina@rambler.ru

Аннотация. Предлагаются методические подходы к постижению учащимися специфики загадки как жанра устного народного творчества, развитию коммуникативно-речевой, творческой деятельности школьников на уроке литературы в 5 классе.

Ключевые слова: социальная природа загадки, творческая деятельность, коммуникативно-речевые умения

Для цитирования: Перепелкина Л. П. Современные методические подходы к изучению загадок в школе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 148–151.

Проблема изучения малых жанров фольклора постоянно находится в сфере внимания методики преподавания литературы. Она, с одной стороны, традиционна, поскольку изучение фольклора издавна ведётся в школьной практике обучения литературе. С другой – является в некотором роде новой, поскольку меняются её связи со всей системой работы по литературному образованию учащихся.

Остановимся подробнее на жанре загадки, который, по нашему мнению, несёт в большей степени фактор новизны как для учеников (образная система, социальная природа), так и для учителя в плане поиска методических решений изучения темы.

В 5 классе при изучении загадок доминирующим будет внимание к ним как жанру устного народного творчества, его образной системе. Начальное умение определять причинно-следственные связи между предметами и явлениями позволит школьникам найти сходство между предметами в загадке, т.е. отгадать её. Но пятиклассник уже способен понять, в каких условиях, при каких обстоятельствах загадка возникла и как развивалась, что позволит расширить его представление о быте и культуре русского народа.

Как показывают наблюдения, старинные загадки, основанные на метафоре, менее известны школьникам: по времени возникновения и тем «реалиям», которые в них отразились, они неактуальны для них. Но являются ли такие загадки доступными и представляют ли интерес для современных пятиклассников? Для выяснения этого вопроса до изучения темы мы предложили ученикам отгадать следующие загадки:

1. Стоит над водой,
трясёт бородой. (Камыш)	3. Тонок, долог, голенаст,
прыгать горазд,
сядет – в траве не видать. (Дождь)
2. Пошла плясать Федосья,
растрёпаны волосья. (Метла)	4. Стоит барин в уголку,
поднял ноги к потолку. (Веник)

Отгадки школьникам давались с трудом: из четырех загадок с первого раза не была отгадана ни одна. Например, к первой загадке была сначала предложена отгадка «ива» (видимо, фраза «стоит над водой» подсказало такой ответ), к третьей – «кузнечик» (возможно, такую отгадку «помогли дать» прилагательные «тонок», «долг», «голенаст»). Сложность в отгадывании была вызвана непониманием поэтики загадки, неумением «проникнуть» в образ.

Реакцией на вторую и четвертую загадки был смех. Причина его – забавные картинки, возникшие в воображении пятиклассников: они представляли себе буквальную ситуацию, без учета иносказания (видели «пляшущую женщину с растрёпанными волосами» и «стоящего на голове мужчину в дорогом наряде»). Правильная отгадка – «веник» – вызвала у школьников недоумение: почему веник – «барин»?

Так, разгадать образ, проникнуть в скрытый смысл загадки оказалось для учащихся задачей трудной и менее привычной, они не были ориентированы на разгадывание переносного значения слов.

Исследования психологов объясняют корни такой реакции на метафору загадки: не достигнув соответствующих умений и попадая в новую учебную ситуацию, «дети склонны подменять её той, которая может быть решена привычными способами» [1, с. 91].

Пятиклассники в силу своих читательских качеств недостаточно восприимчивы к поэтике этого жанра устного народного творчества. Им не всегда открывается взаимосвязь между предметами и явлениями, составляющими метафорическую основу загадки, поэтому они при обращении к загадкам выбирают их по внешнему признаку, подсказывающему отгадку, не пытаясь проникнуть в образ.

Методике изучения поэтики загадки значительное внимание уделяла М. А. Рыбникова, для которой первейшей задачей было активизировать творческие возможности детей, их воображение, фантазию, эстетические чувства. Осмысление специфики загадки, по убеждению учёного, станет для школьников «действенным зарядом», стимулом к собственной творческой деятельности – составлению загадок. Методист подчеркивает: «Ребята могут создавать хорошие, даже отличные загадки, но они должны предварительно получить нужную зарядку» [3, с. 65].

Как «источник речетворчества» рассматривают фольклорные произведения современные учёные-методисты Е. С. Романичева и Г. В. Пранцова: «... произведения устного народного творчества представляют значительные возможности для речевого развития подростков. При этом каждый жанр фольклора в силу своих художественных особенностей "диктует" определённое направление в развитии речи» [2, с. 97–98].

Учёные справедливо полагают, что в центре внимания учеников должен быть «текст народной словесности, и им необходимо не только осмыслить, постичь его "уроки", но и "научиться" творить на основе этого текста, тем самым постигая его глубже, овладевая креативными умениями и обретая вместе с этим речевую свободу» [2, с. 135].

Так, при работе с загадками, как и с произведениями других фольклорных жанров, школьники могут «"вырастить" текст из текста» [2, с. 97], т.е. создать собственные загадки.

Принимая во внимание исследования ученых-методистов, мы стремились определить такие методические подходы к работе с загадкой, которые позволили бы школьникам сформировать необходимые учебные умения: отличать загадку от других жанров фольклора; создавать устные и письменные высказывания с включением загадок; создавать собственные загадки.

На вступительном этапе урока предлагаем школьникам среди предложенных текстов отметить загадки и аргументировать свой выбор.

1. Хочешь есть калачи – не сиди на печи.
2. Раз, два, три, четыре, пять – всем из дому убежать.
Кто не выбежит, того выберем.
3. Без окон, без дверей
полна горница людей.

Затем учащимся предлагается дать толкование термина «загадка» и сравнить его с определением, предложенным в учебнике, отметить, какие особенности жанра удалось выделить самостоятельно.

В работе над загадкой учащиеся должны не только её отгадать, но и осмыслить, как возникла загадка и с какой целью употребляется в речи. В связи с этим основной этап урока отводится решению поставленной задачи.

Для анализа целесообразно предложить загадки об одном и том же предмете, например, о солнце:

Катится по голубому блюдечку
золотое яблочко.

Золотая монета
за море закатилась,
утром нашлась.

Проплывает в небе шар
раскалённый, как пожар.

Огненный глаз
глядит на нас.

Голубой платок,
жёлтый колобок,
по платку катается,
людям улыбается.

В синем небе жёлтый блин.
Ну давай его съедим!
Нет, уж больно блин горяч,
Ты свои ладоши прячь.

Красный пряник в небе есть,
никому его не съесть.

Жёлтый берет
на небо одет.

В процессе беседы, выявляя сходство и различие между этими загадками, учащиеся приходят к выводу, что предложенные загадки – об одном предмете, различие же их в том, в каких образах «представляется» солнце: «золотое яблочко», «шар», «золотая монета», «огненный глаз», «колобок», «жёлтый берет», «жёлтый блин», «красный пряник». Почему образ различен? И так ли отличается один образ от другого? Оказывается, нет. В образах, по мнению пятиклассников, есть общее – учитывается форма и цвет предмета.

Для выявления социальной природы загадок предлагаем следующий блок вопросов: Какими образами представлен предмет (солнце) в предложенных загадках? Чем, по-вашему, вызваны эти образы? Почему об одном предмете создано много разных загадок? В какой среде они возникли? Где, в какой ситуации, могла возникнуть каждая из загадок? Кто, по-вашему, мог придумать ту или иную загадку? Чем мог заниматься этот человек?

Отвечая на эти вопросы, школьники понимают, что образы солнца у русского народа определены спецификой занятий человека, придумавшего загадку.

Показывая школьникам социальную природу загадки, необходимо проследить её «жизнь» в обществе и связь с эпохой. Для этого учащимся предлагаются следующие вопросы и задания (по группам): Подумайте, когда, как и кем могли быть созданы эти загадки. Какая из загадок, на ваш взгляд, была создана раньше, какая – позже? Как догадались?

1 группа

Белый плуг
пробежал вдруг
по чёрному полю.

Что это такое?

Загляните под окошко –
Там растянута гармошка,
Но гармошка не играет –
Нам квартиру согревает.

2 группа

Приспособился на крыше
и чего только не слышит:
раздаются издалече
пенье, музыка и речи.

Идет пароход –
То взад, то вперед,
А за ним такая гладь –
Ни морщинки не видать.

3 группа

Черный Ивашка –
деревянная рубашка,
где носом ведёт,
там заметку кладёт.

Этот глаз – особый глаз.
Быстро взглянет он на вас,
И появится на свет
Самый точный ваш портрет.

4 группа

Белое поле, чёрное семя.
Кто его сеет, тот разумеет,
кто его знает, тот разгадает.

Белый шкаф купили мы,
в нём немножечко зимы.

Отметив факт рождения загадки в разное время, школьники убеждаются, что загадка – это «реакция» на определённый (новый) предмет или явление.

Осмысление специфики загадки, постижение природы её образа, особенности структуры, становится для школьников «действенным зарядом», стимулом к собственной творческой деятельности.

На заключительном этапе урока предлагаем учащимся сочинить собственную загадку. В процессе работы школьники акцентируют внимание на том, о каком предмете они будут создавать загадку; каким образом, какой метафорой этот предмет будет «представлен»; какие признаки следует «зашифровать» и т.п. Вот примеры составленных школьниками загадок.

Есть у нас автомобиль,
он гудит, глотает пыль.
В кладовой нижний этаж –
Это для него гараж.

Жужжит, а не пчёлка,
с хвостом, а не мышь,
красивою чёлкой
подруг удивишь.

(Пылесос) (Антон В.)

(Фен) (Арина Б.)

Чтобы учащиеся воспринимали загадку как определённый жанр фольклора, осмыслили её роль, место в речи, коммуникативную целесообразность, необходимо создавать на уроках речевые ситуации, побуждающие учащихся включить загадку в речевое высказывание (например, сочинить бытовую сказку о смекалистом мужике, включив в неё загадку; составить «занимательную» программу для дошколят и т.п.).

Таким образом, предложенные методические подходы будут способствовать формированию у школьников представления о загадке как жанре устного творчества, её образности, совершенствованию коммуникативно-речевых умений, творческих способностей школьников.

Список литературы

1. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте : пособие для учителя. М. : Просвещение, 1993. 96 с.
2. Романичева Е. С., Пранцова Г. В. От «тихой радости чтения» – к восторгу сочинительства : монография. М. : Библиомир, 2016. 232 с.
3. Рыбникова М. А. Очерки по методике литературного чтения : пособие для учителя. 4 изд., испр. М. : Просвещение, 1985. 288 с.

Информация об авторе: *Перепелкина Лариса Петровна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ ИДЕЙ БИЛИНГВАЛЬНОГО / ПОЛИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

И. Р. Саркисян¹, К. Г. Мурадян²

^{1, 2} г. Ереван, Республика Армения

¹ innasargsyan@gmail.com

² christinamuradyan24@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются наиболее актуальные проблемы действительности в свете идей билингвального / полилингвального образования. Обсуждаются проблемы языковой политики и языкового планирования, а также статусного и корпусного строительства в условиях новой для Армении языковой ситуации. Анализируются проблемы взаимодействия и сохранения языков в условиях двуязычия / полиязычия. В настоящее время для языковой политики Армении одним из важнейших вопросов является развитие двуязычия / триязычия (в идеале – полиязычия). При этом обязательно оговаривается гармоничное сочетание функций национального (армянского) и иностранных языков. На сегодняшний день билингвизм / трилингвизм – это объективная (а в некоторых случаях и субъективная) необходимость. И эта необходимость остро ощущается не только в многонациональном / многоязычном обществе, но и в монолингвальном государстве, каким является Республика Армения. Потребность индивида в знании родного языка никаким образом не оспаривается. Это обязательное условие гармоничного развития личности и её этнической социализации. Билингвизм / трилингвизм рассматривается в ракурсе не только возможности познания действительности средствами родного и иностранного языка / языков, но и в аспекте средства коммуникации в эпоху глобализации.

Ключевые слова: языковое развитие, билингвальное образование, полилингвальное образование, родной язык, иностранный язык

Для цитирования: Саркисян И. Р., Мурадян К. Г. Тенденции языкового развития современного общества в свете идей билингвального / полилингвального образования // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 152–155.

На современном этапе происходит интенсивное осмысление онтологических и методологических основ социолингвистики, которая в настоящее время стала одним из стремительно развивающихся направлений современной лингвистики [5]. В рамках данной дисциплины рассматриваются наиболее актуальные проблемы действительности, отражающие весьма сложный и пока ещё до конца не изученный характер связей языка (родного, неродного, иностранного), общества и индивида. Современные учёные активно обращают особое внимание на актуальные на сегодняшний день проблемы языковой политики и планирования [6]. Данные вопросы приобретают особую важность для Республики Армения, основное население которой моноязычно (армяноязычно). Поэтому армянские исследователи активно рассматривают вопросы статусного и корпусного строительства в условиях новой для Армении языковой ситуации, поскольку в настоящее время наблюдается активное распространение английского, русского и других языков (европейских и восточных) на территории нашей республики. Отметим, что среди иностранных языков лидирующее положение занимают английский и русский, чему есть объективные и субъективные причины.

В связи с новыми условиями функционирования иностранных языков армянскими лингвистами и методистами анализируются проблемы взаимодействия и сохранения языков в условиях двуязычия / полиязычия, делаются попытки научной лингвистической и психологической характеристики речевого поведения билингов / трилингов, рассматриваются особенности формирования их коммуникативной компетенции, при этом неперемежно учитываются возрастные группы исследуемых слоёв населения. Не остаются вне поля зрения учёных проблемы развития общественных функций родного (армянского) языка в условиях армяно-русского и армяно-английского двуязычия (либо – реже – армяно-русско-английского триязычия), а также исследуются многие другие проблемы, актуальные для языковой ситуации современной Армении.

Таким образом, в настоящее время для языковой политики Армении одним из важнейших вопросов является развитие двуязычия / триязычия (в идеале – полиязычия). При этом обязательно оговаривается гармоничное сочетание функций национального (армянского) и иностранных языков. Следует признать, что на сегодняшний день билингвизм / трилингвизм – это объективная (а в некоторых случаях и субъективная) необходимость. И эта необходимость остро ощущается не только в многонациональном / многоязычном обществе, но и в монолингвальном государстве, коим является Республика Армения. Потребность индивида в знании родного языка никоим образом нами не оспаривается. Это обязательное условие гармоничного развития личности и её этнической социализации. Однако билингвизм / трилингвизм мы рассматриваем в ракурсе не только возможности познания действительности средствами родного и иностранного языка / языков, но и в аспекте средства коммуникации в эпоху глобализации [7]. И сегодня для Армении билингвизм / трилингвизм – это реальная необходимость.

Некоторые исследователи считают, что билингвизм является объективной необходимостью только для многоязычного общества [4; 3, с. 173 и др.]. Условие многоязычности общества оговаривается многими авторами: «Для личности её двуязычие – это средство выражения мысли, познания действительности и средство коммуникации **в многоязычном обществе** (выделено нами – И. С., К. М.): при этом основной его компонент (родной язык) является характерным компонентом национального, другой же компонент (второй язык) – средством познания личностей, представляющих разноязычные национальности и освоение культурных ценностей других народов. Велика роль двуязычия в формировании гармонически развитой личности, для которого оно – важное средство всестороннего развития и самовыражения **в многонациональном обществе** (выделено нами – И. С., К. М.)» [8, с. 173]. Двуязычие (многоязычие) – это явление социально закономерное и необходимое **в многонациональном государстве** (выделено нами – И. С., К. М.) [2, с. 75].

Мы подходим к исследованию проблем билингвизма с позиций мононационального и монолингвального общества. Мононациональность и монолингвальность страны никоим образом не отрицает и не тормозит развитие билингвальных отношений в языковой политике, примером чего является Армения. Корни армянского двуязычия уходят далеко в глубь веков. Начиная с древней эпохи эллинизма, в Армении мирно сосуществовали армянский и греческий языки. Отметим, что греческий язык занял место арамейского. Параллельно с армянским языком на территории Армянского нагорья на протяжении веков функционировали, сменяя друг друга или сосуществуя параллельно, и другие языки.

В конечном итоге можно смело констатировать, что билингвальные отношения – это веяние времени, и исторический процесс развития страны четко диктует необходимость функционирования какого-либо определённого (неродного,

иностранного) второго языка на определённой территории. О билингвизме можно говорить там, где население в той или иной степени владеет вторым языком для осуществления коммуникации.

В настоящее время необходимость двуязычного образования в Республике Армения представляется очевидной. В то же время при очевидной необходимости двуязычия как веяния времени остаётся признать также и очевидную неотработанность многих дидактических методов и приёмов для его успешного осуществления.

Мы рассматриваем билингвальное образование как составную и необходимую часть поликультурного образования. Билингвизм – это своеобразный мостик для реализации идеи воспитания поликультурной личности. На наш взгляд, для актуализации идеи поликультурности необходимо опираться на мировой опыт двуязычия. Сегодня общепринятым в двуязычном образовании является факт, что языки не только вводятся как отдельные предметы, но и используются как инструмент обучения. Это закономерно предполагает, что по крайней мере два языка применяются в ходе преподавания и оценки достижений учащихся. Такие программы востребованы и успешны при условии, что цели и методы обучения обусловлены рядом актуальных факторов, например таких, как условия образовательной среды, влияние общества, мотивация билингвального обучения, наставническая роль родителей и педагогов, специальная подготовка двуязычных учителей, проведение курсов повышения квалификации преподавателей иностранного языка и пр. Эти факторы обязательно должны приниматься во внимание и тщательно разрабатываться. Более того, в данном вопросе необходим учёт реалий современной действительности, дидактических требований времени.

Как в отечественной, так и в зарубежной методике накоплен значительный опыт преподавания ИЯ в различных условиях. В Армении хорошо разработана методика школьного и вузовского обучения русскому языку. Этому были всем хорошо известные объективные и субъективные причины, обусловленные реалиями существующей действительности, в результате чего в настоящее время в нашей республике есть определенная группа координативных билингвов (армянско-русский билингвизм), а значительная часть населения владеет русским языком на уровне субординативного билингвизма. К сожалению, о массовом триязычии (субординативном, а тем более координативном) говорить пока не приходится, хотя именно триязычие может реально обеспечить поликультурность образовательного процесса.

В последние десять лет в зарубежных странах приобрело массовый характер изучение второго иностранного языка в средней общеобразовательной школе, что можно только приветствовать, ибо, исходя из реалий современной поликультурной действительности, всеобщей глобализации и интеграции, знание двух иностранных языков становится насущной необходимостью. Однако следует признать, что ценнейшие теоретические наработки, практический опыт преподавания двух и тем более одного иностранного языка оказываются нерелевантными применительно к теории и практике обучения многоязычию, что является зоной риска.

Сегодня, исходя из объективной реальности, в Армении предпринимаются новаторские попытки обучения в некоторых школах двум-трём иностранным языкам. Авторов концепций би- и полилингвальной школы с двумя и более языками обучения, интегрированными в единый учебный процесс, много. Совершенно очевидно, что в аспекте полилингвального обучения «именно и только билингвальная школа может обеспечить права детям на получение полноценного образования, способствующего развитию ребенка как личности и как гражданина своей страны и всего мира» [1: 40]. В условиях всеобщей глобализации, а также направленности учебного процесса (как школьного, так и вузовского) на воспитание поликультурной личности подобные начинания могут только приветствоваться. Однако к этим

вопросам нужно подходить осторожно, методически грамотно и корректно, с учётом рисков обучения многоязычию и необходимости разработки технологий их минимизации.

Анализ результатов обучения нескольким иностарнным языкам показал, что наивысший результат уровня владения обнаруживается при изучении хронологически первого иностранного языка. Таким языком в Армении является русский, изучение которого традиционно начинается со второго класса. Объективные и субъективные причины и объяснения этому явлению имеются.

В настоящее время методисты-русисты Армении разрабатывают / предлагают различные методические системы по организации двуязычного образования в нашей республике. Выявлены современные тенденции билингвизма относительно РА. Сегодня уже очевиден позитивный процесс изменения в сознании учителя Армении, который перестаёт считать билингвизм серьёзной и труднорешаемой проблемой, а превращает его в реальную возможность.

Мы считаем, что востребованные в стране иностранные языки должны быть и символически, и практически позитивно представлены в обществе. Для этого необходимо создать «уголки языка и клубутры» для детей и для взрослых. Процесс обучения иностранному языку естественным образом притягивает к себе силы тех, кто владеет этим языком и хочет помочь. А таких энтузиастов в Армении очень много. Нужно просто грамотно использовать их потенциал.

Список литературы

1. Есаджанян Б. М. Психолого-педагогические основы формирования двуязычия в современных условиях // Вопросы совершенствования содержания и методов обучения : сб. материалов межвуз. науч. конф. Ванадзор, 1997. С. 39–40.
2. Закирьянов К. В условиях активного билингвизма // Народное образование. 1998. № 5. С. 74–75.
3. Кашкимбаев З. Билингвизм как средство формирования культуры межнационального общения, нравственного воспитания школьников // Поиск. Гуманитарная наука. 2000. № 4–5. С. 171–175.
4. Минасова К. Р. Двуязычие как способ культурной интеграции этнических меньшинств в многонациональном обществе // Социологические исследования. 2002. № 8 (220). С. 49–56.
5. Михальченко В. Ю., Крючкова Т. Б. Социоллингвистика в России // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 116–142.
6. Саркисян И. Р., Арутюнян А. Ж. Основные принципы языковой политики Армении // Культура. Перевод. Толерантность : сб. материалов заоч. науч. конф. Ставрополь, 2013. С. 160–165.
7. Саркисян И. Р. Риски поликультурного обучения и технологии их минимизации в ракурсе идей билингвального обучения. Ереван, 2017. 181 с.
8. Хасанов Б. Х. Языки народов Казахстана и их взаимодействие. Алма-Ата, 1976. 215 с.

Информация об авторах: *Саркисян Инна Робертовна*, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского и славянских языков Государственного университета им. В. Я. Брюсова; профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (г. Ереван, Республика Армения); *Мурадян Кристина Грачьяевна*, преподаватель кафедры общественных и гуманитарных наук Государственного института физической культуры; аспирант кафедры английского языка Государственного университета им. В. Я. Брюсова (г. Ереван, Республика Армения).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АФОРИЗМОВ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Л. А. Хантаева

г. Пенза, Россия
lida12071998@mail.ru

Аннотация. Даётся общее понятие об афоризме. На примере изречений из трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» и романа-эпопеи «Война и мир» показываются возможности использования их на уроках русского языка в школе.

Ключевые слова: афоризм, афористический текст, урок русского языка, дидактический материал

Для цитирования: Хантаева Л. А. Использование афоризмов из произведений Л. Н. Толстого на уроках русского языка в школе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 156–158.

В настоящее время в литературе вопроса об афоризмах нет одной чёткой для них дефиниции. Из числа определений мы принимаем следующее: афоризм – это изречение (обычно в форме фразы), выражающее какую-либо обобщённую мысль; для афоризма обязательны как законченность мысли, так и яркость, отточенность формы выражения мысли [4, с. 5–6].

Афоризмы отличаются многофункциональностью и многогранностью, что обуславливает разнообразие способов их введения на уроках русского языка.

Тематика афористики обширна, на ней лежит отпечаток эпохи, отражаются исторические события, в которых она возникает. Афоризмы могут освещать вопросы философии, иметь острое политическое содержание, трактовать этические проблемы или касаться различных бытовых ситуаций [3].

Не подвергается сомнению и воспитательная роль афоризмов: они расширяют мышление и кругозор, духовные потребности людей, формируют моральные убеждения.

Афоризмы в силу своей лаконичности побуждают читателя к собственному размышлению, являясь своеобразным оформителем мысли. Афористические тексты учат мыслить и вместе с тем говорить. Предельная экономия слов, глубина семантики, яркая образность делают афоризмы стилистическими шедеврами, которые становятся действенным средством в борьбе с однообразием человеческой речи [2]. Именно поэтому такие изречения постоянно используются на уроках русского языка и литературы.

Важность обращения к жанру афоризма на уроке русского языка подчёркивали многие педагоги и методисты. Л. И. Поливанов отмечал, что, подбирая образцы текстов для работы с детьми, предпочитает пословицы, поговорки, афоризмы, так как считает их использование вполне целесообразным в воспитательных целях. Многие учёные говорили о том, что цельности и единства урока зачастую можно добиться, начав урок с анализа высказывания [5].

Исследователь Е. А. Попова называет афоризмы прецедентными текстами и считает, что знание таких текстов свидетельствует о принадлежности человека к определенной социально-культурной группе, нации, эпохе, а также является показателем высокой речевой и общей культуры [1, с. 44–50].

Л. Н. Толстого по праву можно назвать мастером афористической мысли. Его творческое наследие огромно и многогранно. Афоризмы из произведений писателя разноплановы по тематике и языковым особенностям.

Обширная тематика афоризмов Л. Н. Толстого (нравственные ценности, человеческие пороки, смысл жизни, война, религия и др.) даёт богатые возможности для решения воспитательных задач. Обращаясь к содержанию многих афоризмов, можно вовлекать обучающихся в рассуждения на морально-нравственные темы:

Назначение человека есть стремление к нравственному усовершенствованию и усовершенствование это легко, возможно и вечно («Детство. Отрочество. Юность»);

Есть только две добродетели: деятельность и ум («Война и мир»);

Одно из двух: или действительно в каждом человеке больше дурного, чем хорошего, или человек больше восприимчив к дурному, чем к хорошему («Детство. Отрочество. Юность»).

Особое место занимает работа с афоризмами на уроках развития речи. Не всегда бывает легко объяснить смысл афоризма, аргументировать свой ответ в письменной форме. Поэтому включение в такие уроки анализа афористических текстов будет способствовать развитию умения строить речевые высказывания.

Таким образом, можно отметить, что афоризмы имеют немалую силу и могут оказать значительное влияние на мировосприятие учащихся.

Как правило, афористические тексты Л. Н. Толстого состоят из сложных предложений с разными типами связи. Поэтому их можно использовать в качестве дидактического материала на уроках по изучению синтаксиса сложного предложения:

Только люди, способные сильно любить, могут испытывать и сильные огорчения, но та же потребность любить служит для них противодействием горести и исцеляет их... («Детство. Отрочество. Юность»);

Всякая насильственная реформа достойна порицания потому, что нисколько не исправит зла, пока люди остаются таковы, каковы они есть, и потому, что мудрость не имеет нужды в насилии («Война и мир»).

Часть афоризмов может послужить дидактическим материалом для синтаксического разбора предложения, расстановки знаков препинания:

То, что справедливо и несправедливо – не дано судить людям. Люди вечно заблуждались и будут заблуждаться, и ни в чём больше, как в том, что они считают справедливым и несправедливым («Война и мир»);

Тщеславие в горести выражается желанием казаться или огорченным, или несчастным, или твердым, и эти низкие желания, в которых мы не признаемся, но которые почти никогда – даже в самой сильной печали – не оставляют нас, лишают её силы, достоинства и искренности («Детство. Отрочество. Юность»).

В качестве лингвистического материала афоризмы Л. Н. Толстого можно использовать с целью повторения изобразительно-выразительных средств:

Высшая мудрость и истина есть как бы чистейшая влага, которую мы хотим воспринять в себя – сравнение («Война и мир»);

Добродетели никто не любит; она всем глаза колет – метафора («Война и мир»).

Интересно употребление автором некоторых грамматических форм слов, в том числе устаревших, что тоже может стать предметом дискуссии на уроках по изучению морфологии и морфологических норм русского языка, материалом для создания проблемной ситуации на уроке:

Играть на счастье могут только дураки («Война и мир»);

Ах, ежели бы не было у нас утешения религии, жизнь была бы очень печальна («Война и мир»).

Таким образом, афоризмы Л. Н. Толстого имеют сложное синтаксическое строение, поэтому эффективно могут использоваться на уроках по изучению синтаксиса. Специфичность употребления грамматических форм некоторых слов, наличие устаревшей лексики обуславливают возможность применения афоризмов писателя на уроках по изучению лексики, словообразования, морфологии.

Работа с афоризмами расширяет кругозор учащихся, даёт возможность применять для аргументации знания, полученные при изучении разных предметов школьного курса. Эти навыки способствуют формированию целостной картины мира, систематических межпредметных связей [2]. Способность интерпретировать отрывок текста, которым является афоризм, строить речевое высказывание в письменной форме позволяет развивать у обучающихся навыки практического использования языковых средств, осуществлять компетентностный подход.

Список литературы

1. Попова Е. А. Прецедентные тексты в обучении русскому языку // Русский язык в школе. 2007. № 3. С. 44–50.
2. Самохвалова С. В. Работа над афоризмом. Подготовка к ЕГЭ по русскому языку. 2010. URL: <http://festival.1september.ru/articles/571264/> (дата обращения: 17.01.2022).
3. Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика и афоризмы: понятие, сущность, определения и значение. М. : Наука, 1990. URL: <http://www.greatmind.info/articles.php?aid=1> (дата обращения: 19.01.2022).
4. Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1988. 272 с.
5. Филиппова Н. А. Афоризмы на уроках русского языка // Русский язык. 2002. № 3. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200200301> (дата обращения: 30.01.2022).

Информация об авторе: *Хантаева Лидия Адамовна*, студент магистратуры Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. Н. Шевченко¹, Е. М. Шевченко²

^{1,2} г. Мозырь, Республика Беларусь

^{1,2} mi6363@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются духовно-нравственные ценности учащихся средней школы, выступающие своеобразным ориентиром развития их умственных способностей, соответствующих нравственно-волевых качеств, которые становятся основой жизненной самореализации. Учебно-воспитательный процесс средней школы, прежде всего, обеспечивает формирование нравственной культуры и усвоение нравственных и правовых норм учащихся в отдельной социокультурной среде. Рассмотрение подхода к обучению в культурно-историческом аспекте поможет педагогам глубже проникнуть в данную проблему, осмыслить личностное развитие, духовный мир учащихся, их ценностные ориентиры, потребности и интересы.

Ключевые слова: духовные ценности, нравственные нормы, урок, учебно-воспитательный процесс, литература, культура, социокультурная среда, родной язык

Для цитирования: Шевченко М. Н., Шевченко Е. М. Духовно-нравственные ценности учебно-воспитательного процесса в средней школе: история и современность // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 159–163.

Не учитывая актуального развития духовно-нравственных ценностей учащихся в средней школе, нельзя обеспечить у них готовность к дальнейшему развитию с тем расчетом, чтобы обеспечить реальную возможность их работы в другое время, в других обстоятельствах, в другом обществе за счет обретения качеств личности, вполне совместимых с самостоятельным развитием. Восхождение от абстрактного к конкретному, определяемое правилами методики обучения конкретному предмету, при всем желании не может заменить те нравственные требования к личности, которые диктуются самой объективной логикой общественного развития, самими условиями жизнедеятельности учащихся. Абстрагирование от этого порождает ситуацию, в которой личностное восприятие и переживание определенных реальных явлений подменяется усвоением определенных категорий и, в частности, нравственных категорий. В результате этого вырабатываемые на протяжении столетий исторического развития нравственные отношения конкретного общества подменяются сводом определенных правил, усвоение которых в лучшем случае обеспечивает учащемуся возможность манипулировать своим поведением в зависимости от ситуации и социальных ожиданий, но не соответствующими нравственными убеждениями и волей. Нравственное сознание и нравственное поведение оказываются как бы разорванными, поскольку само по себе знание нормы еще не обеспечивает строгое её соблюдение, формирование соответствующих нравственно-волевых качеств личности: целеустремленности, решительности, обязательности, дисциплинированности и т.д. Вместо осмысления реальных нравственных отношений и их переживаний, приобщения к ним через обретение личностного смысла предстают эти отношения, как словесно оформленный предмет литературного и другого образования. Основной акцент при этом смещается с национальных образов мира, основополагающих нравственных ценностей того или иного народа,

важнейших смыслов его культуры, выраженных в соответствующих произведениях искусства, на определенные словесные выражения и нравственные категории.

Важнейшей особенностью современной педагогической науки является то, что она изначально ориентирована не столько на культуру общества и её индивидуальные формы проявления в особенностях личностного развития, сколько на природу человека, его физические и психические возможности.

Да и сам педагогический идеал не может быть результатом лишь умственных конструкций педагога. Он предстает как источник бытия и изменяется вместе с обществом или отдельными социальными группами. В каждом регионе, в каждом типе поселения, в каждой половозрастной группе он разный. Поэтому существенным образом должен быть изменен и сам урок.

В средневековой школе, например, он имел исключительно социокультурное содержание и был направлен на усвоение нравственных и правовых норм поведения, определенных ритуальных действий, к разновидности которой относилась и вербальная деятельность. Слово в данном случае выступало как проявление божественных заповедей, «слово Бога», о чем красноречиво свидетельствуют тексты книг Ветхого и Нового завета Библии. В Новом Завете в разделе «От Матфея», гл. 4, ст. 4 читаем слово божье: «не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» [1, с. 3]. К этому слову относятся здесь прежде всего нравственные заповеди «не убивай», «не прелюбодействуй» и т.д.

Для средневековой культуры был характерен образный способ самовыражения, проявляемый в форме ритуала, религиозных театральных мистерий, процедуры организации и проведения урока, где посредством жестов и слов фиксировались взаимоотношения индивидов между собой и с космосом. Символизм и точное следование ритуалу пронизывало всю учебную процедуру и особенно ярко проявлялось в речевых формулах. Речь, произнесенная по всем правилам, приобретала особую ценность и силу. Искажение речевой формулы считалось реальным проявлением неправоты и святотатства. И, наоборот, правильно произнесенная речь служила первым доказательством истинности сказанного. Отсюда акцент на заучивание материала, выливающийся в бездумную зубрёжку. Такой подход к организации урока сохранился вплоть до конца XIX столетия.

Основы урока, как совокупности определенных дидактических правил, закладывались в иезуитских, базильяньских, пиарских, братских и других школах, которые были широко распространены на территории современной Беларуси. Говорить о каких-то научных психолого-педагогических основах урока здесь не приходилось. «Бедная пособиями и педагогическим опытом средневековая начальная школа употребляла годы на одно обучение чтению... Несмотря на медлительность, обучение давалось с великим трудом и муками» [5, с. 10]. Школьный учитель был тогда, прежде всего, доверенным лицом всех отцов семейств и помощником служителя от религии. Он посвящал детей в начала родного языка, приучал их губы воспроизводить его звуки. К тому же долгое время преподавание осуществлялось на латинском языке и переход к преподаванию на родном языке был равнозначен социокультурному перевороту в сознании и практике жизнедеятельности школы.

Одно из первых обращений к родному языку и естественнонаучным основам урока мы встречаем уже в «Великой дидактике» известного чешского педагога и священнослужителя Яна Амоса Коменского. Однако изложенные здесь дидактические принципы ориентированы главным образом на социокультурную, духовную, а не естественнонаучную деятельность и пропитаны насквозь религиозным содержанием. «Человек, соединенный с Богом, считал Я. А. Коменский, – источник всякого совершенства» [3, с. 9]. Устройство природы человека он видел в реальной

жизни: растительной, животной и интеллектуальной или духовной, из них первая не может существовать без тела, вторая распространяется на предметы посредством деятельности внешних чувств и движений, третья же может существовать и отдельно. Однако в человеке эта высочайшая степень жизни сильно помрачается и задерживается первыми ее степенями. Вначале человек есть ничто. Затем он обретает некую социокультурную свою сущность, подавляя свои естественные желания и страсти и приобщаясь к божественной мудрости через посредство языка и постижение мира всеобщего.

«Под именем знания, – писал Я. А. Коменский, – мы разумеем познание всех предметов, искусств и языков, под именем нравов – не только способность придерживаться приличия, но и внутреннюю и внешнюю основу побуждений, под религиозными настроениями – то внутреннее богопочитание, посредством которого дух человека сознательно вступает в связь с высшим Существом» [3, с. 11].

По мнению Я. А. Коменского, ничего не может быть внесено в человека извне, только то должно развиваться, что он заключает в себе. Именно этот подход в дальнейшем начал представляться в педагогике как принцип природосообразности, хотя изначально природа человека понималась как божественное его предназначение, судьба. Принцип же культуросообразности Я. А. Коменский и его последователи, и в частности Ж.-Ж. Руссо, усматривали в родном языке как знаковой системе [3].

В XIX в. В. Гумбольдт и Г. Песталоцци взглянули на данный процесс глубже. Гумбольдт первый, как считал Н. Сперанский, – «вполне постиг, что представляет собой язык в духовной жизни личности и общества». Он доказал, что в языке мы вовсе не имеем перед собой только собрание условных знаков для выражения мыслей. Он подтвердил, что язык неотделим от мысли, что он является сокровищницей, где сохраняются плоды работы чувства и мысли бесконечного ряда поколений, и что нет более удобного и более могучего образовательного средства, как превращение в полную собственность каждой личности богатого наследия, идущего от предков [6].

Своеобразным же компасом самореализации творческих способностей учащихся выступают духовные ценности культуры, которые становятся основой жизненной самореализации и умения учиться. «Одно и то же понятие имеет для разных людей различный смысл, различное значение. Они воспринимают одну и ту же информацию по-разному, по-разному понимают и объясняют её. И это, в отличие от научного, рационального познания, не внешнее, ориентированное на постижение внешней причинной зависимости явлений и процессов друг с другом, а внутреннее, духовное познание смыслов и значений явлений и процессов для меня самого. Оно направлено не на познание объективных законов, а на выявление степени соответствия тех или иных действий и поступков моим представлениям о долге, справедливости, вере, убеждениям, т.е. через смысловую их определенность» [4, с. 57].

Наша система образования часто остается невосприимчивой к этим особенностям познания, к культуре, проблемам индивидуализации. И это, прежде всего, проявляется в организации урока. Она односторонне направлена лишь на социализацию индивидов, их социальное выравнивание на основе общих образцов, правил, предписаний и т.д. Организация здесь учебно-воспитательного процесса ориентирована на восприятие действительности лишь через призму естественнонаучного метода, основ наук, оставаясь равнодушной к особенностям культуры. Её мало интересует духовный мир учащихся, их ценностные ориентиры, потребности и интересы, поэтому, они воспринимаются не как субъекты той или иной культуры, а лишь как объекты возможного педагогического воздействия. Отсюда становятся неизбежными те перекосы, которые сегодня мы тщетно пытаемся устранить за счет

гуманизации образования. Эти перекосы проявляются в односторонней ориентации школы лишь на естественнонаучные и организационные основы образования, как будто окружающая действительность лишена для нас всякого личностного смысла, не является окультуренной и преобразованной в соответствии с исторически сформировавшимися ценностями.

В результате такой организации работы учитель выступает только как предметник и организатор учебно-воспитательного процесса, а не как носитель культуры. Соответственно и учащийся воспринимается им не как субъект, а как объект культуры, не только заинтересованно относящийся к информации, но и воспринимающий её через призму своих ценностей и потребностей. Как правило, учителя не интересует, зачем учащимся нужна эта информация, эти знания, насколько они достаточны для их жизненной самореализации в данной социокультурной среде. Используемые им методы принуждения обусловлены не существующими нормами культуры, а своими собственными педагогическими представлениями. Связь образования с жизнью видится им лишь через призму социального стандарта, социальной роли и выполняемой в обществе функции. Но то, что общество, благодаря своей социальной дифференциации и своим духовным ценностям, не только нивелирует личность, но и развивает её индивидуальность, её духовный мир, что педагогический идеал имеет не столько рациональную, сколько социально-культурную природу, для современного учителя не всегда непонятно. Лишённый всякой самостоятельности в учебно-воспитательном процессе, он не в состоянии привить это качество и своим воспитанникам. По любому поводу он ждёт методических указаний сверху, в то время как в большинстве случаев требуется исходить из конкретной ситуации, индивидуальных особенностей учащегося, требований социально-культурной среды, особенностей воспитания в семье и т.д.

«Основные черты духовно-нравственного содержания личности закладываются в детском, подростковом возрасте на основе опыта, приобретенного в семье, школе, социальной среде, и в дальнейшем формируются на протяжении всей жизни человека» [2, с. 96].

Именно система жизненных ценностей учащихся выступает необходимым условием рассмотрения ученика как субъекта развития, субъекта культуры и, прежде всего, нравственной культуры, усвоения нравственных норм, должного и желаемого поведения, которое существенно отличается от поведения, совершаемого по логике законов природного и общественного развития. Усвоение этих норм и правил осуществляется не в силу какой-то объективной необходимости, а в результате социализации или освоения индивидом культуры.

Таким образом, духовно-нравственные ценности учащихся выступают своеобразным ориентиром развития их умственных способностей и волевых качеств. По мере снижения значимости для личности духовных ценностей снижается и её целеустремленность.

Список литературы

1. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Минск : Типография им. Ф. Скорины, 1994. 1220 с.
2. Ивановская О. И., Криводерева Л. В. Поиск нравственного пути на уроках литературы в старших классах // XVII муниципальные Рождественские чтения «Молодёжь: свобода и ответственность» : материалы конф. Старый Оскол : МБУ ДПО «СОИРО», 2018. С. 96.
3. Коменский Я. А. Великая дидактика. СПб. : Семья и школа, 1875–1877. 292 с.

4. Левко А. И. Социокультурные принципы реформирования образования, содержания и методов учебно-воспитательного процесса // Социокультурные факторы формирования личности ученика общеобразовательной школы. Минск : НИО, 1999. 267 с.

5. Сперанский Н. Очерки истории народной школы в Западной Европе. М. : Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1896. 454 с.

6. Сперанский Н. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. М. : Изд. Сабашниковых, 1910. 238 с.

Информация об авторах: *Шевченко Михаил Николаевич*, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь); *Шевченко Евгения Михайловна*, учитель английского языка средней школы № 14 г. Мозыря (г. Мозырь, Республика Беларусь).

ИЗУЧЕНИЕ СПОСОБОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРЕДЛОГА «В» В ПРЕДЛОЖНОМ ПАДЕЖЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ ТЕКСТОВ РОССИЙСКИХ СМИ

Х. Г. Шейхи

*Университет им. Шахида Бехешти, г. Тегеран, Иран
h_sheykhi@mail.ru*

Аннотация. Анализируются общие взгляды русских лингвистов и филологов на части речи, особенно предлог. Рассматриваются случаи употребления предлога «в» в предложном падеже русского языка при обучении иностранных студентов и приводятся примеры на уровне предложения или словосочетания. Даются примеры значений предлога «в» в предложном падеже из книг по РКИ, имеющие целью обучать иностранных студентов, затем именно в тех значениях приводятся примеры из языка российских СМИ (с сайта НКРЯ), таких изданий, как «Газета.ру», «Коммерсант», «Лента.ру», «Московский комсомолец» и т.д.

Ключевые слова: части речи, предлог, предложный падеж, русский язык, язык СМИ
Для цитирования: Шейхи Х. Г. Изучение способов преподавания предлога «в» в предложном падеже русского языка при обучении иностранных студентов с помощью текстов российских СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 164–167.

STUDYING THE WAYS OF TEACHING THE PREPOSITION «В» IN THE PREPOSITIONAL CASE OF THE RUSSIAN LANGUAGE WHEN TEACHING FOREIGN STUDENTS WITH THE HELP OF RUSSIAN MEDIA TEXTS

Hossein Gholamali Sheykhi

*Faculty of Letters and Human Sciences, Shahid Beheshti University, Tehran, Iran
h_sheykhi@mail.ru*

Abstract. The article considers cases of using the preposition «в» in the Prepositional case of the Russian language when teaching foreign students using the language of the media. This article first analyzes the general views of Russian linguists and philologists on parts of speech, especially on the preposition. Then, in the second part of the article, cases of using the preposition «в» in the Prepositional case when teaching foreign students will be considered and examples are given at the level of a sentence or phrase. In this section, first, examples from books on Russian as a foreign language are selected in order to teach the meanings of the preposition «в» in the Prepositional case to foreign students, then it is in those meanings that examples are given from the language of the Russian media (from the НКРЯ website), where the newspaper corpus is replenished with media texts: «Газета.ру», «Коммерсант», «Лента.ру» и «Московский комсомолец» etc.

Keywords: parts of speech, preposition, Prepositional case, Russian language, media language

For citation: Sheykhi H. G. Studying the ways of teaching the preposition «в» in the prepositional case of the Russian language when teaching foreign students with the help of Russian media texts // Yazykovaya politika i voprosy gumanitarnogo obrazovaniya : sb. nauch. st. po materialam VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = Language policy and humanitarian issues education : collection of scientific articles on materials VI International Scientific and practical conference. Penza : Izd-vo PGU, 2022. S. 164–167.

Изучение способов преподавания грамматики русского языка всегда актуально, в частности, для авторов книг и учебников по РКИ и преподавателей русского языка как иностранного.

Настоящая работа посвящена рассмотрению значений и употреблений предлога «в» в предложном падеже русского языка в учебниках по РКИ при обучении иностранных учащихся. Актуальность избранной темы сомнений не вызывает. Проблема преподавания грамматики русского языка, в том числе преподавания предлогов русского языка, избрание подходящей методики и способа обучения разделам грамматики иностранных студентов, также использование самой подходящей книги в образовательном пространстве всегда привлекает к себе особое внимание преподавателей русского языка как иностранного (РКИ).

С другой стороны, обучение русским предлогам иностранных учащихся сопровождается различными проблемами, среди которых важнейшими являются разные значения (с точки зрения иностранных учащихся) одного и того же предлога в русском языке, которые вызывают у иностранцев трудности и, следовательно, препятствуют лучшей работе преподавателя.

Место предлога среди частей речи в русском языке

Русский лингвист П. А. Лекант в «Современном русском языке» подразделяет части речи на четыре группы:

Первая группа – это самостоятельные части речи, которые служат для обозначения существующих в объективной действительности предметов, признаков, процессов, состояний и т.п. В современном русском языке противопоставлено семь самостоятельных частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, категория состояния (безлично-предикативные слова), наречие.

Второй группой считаются служебные части речи, которые называют отношения, существующие между явлениями действительности. К служебным частям речи относятся частицы, предлоги и союзы. Противопоставление самостоятельных и служебных частей речи составляет основу категории частеречности [6, с. 245].

Третья группа. П. А. Лекант считает, что самостоятельным и служебным частям речи противопоставлены модальные слова (кстати, вероятно, конечно, следовательно и др.), которые выражают субъективное отношение говорящего к тому, о чем говорится; в предложении они являются вводными элементами.

И, наконец, четвёртая группа: особое место в системе частей речи занимают междометия (ах!, эй!, Ура!, Ох!, О-о... и др.), которые выражают (но не называют!) эмоции говорящего [Там же, с. 245].

Как выше указано, по мнению П. А. Леканта, предлог относится к служебным частям речи. Далее автор отмечает: «Предлог – это служебная часть речи, используемая как средство синтаксического подчинения существительных (а также местоимений) другим словам в предложении и словосочетании (дом у дороги, перейти через улицу, первый в классе)» [Там же, с. 348].

Как выше сказано, в данной статье сначала приводятся взгляды некоторых выдающихся русских лингвистов и филологов по вопросу предлога.

Великий русский языковед А. А. Реформатский в своей книге «Введение в языковедение» о предлоге пишет: «Среди служебных слов следует различать: Предлоги, которые выражают подчинительные отношения между членами предложения (*еду в метро, жду у метро, пойду к метро*; а также: *пошёл к сестре, гляжу на тебя, знаком с ней*) или уточняют падежные значения (*у него, за него, от него; в нём; на нём, о нём* и т.п.) Предлоги служат для выражения отношений: пространственных (*в, на, над, за, у* и т.п.), временных (*до, после, перед* и т.п.), целевых (*для*), причинных (*из-за, благодаря, вследствие* и др.)» [5, с. 295].

В «Толковом словаре русского языка» слово предлог так описывается: «В грамматике: служебное слово, выражающее отношения между грамматически

зависящими друг от друга словами (словом и формой слова) [2, с. 580]. Далее приводятся такие примеры: *на* (поставить на стол), *по* (идти по полю), *при* (находиться при доме) [Там же, с. 580]. Как видно, в приведённых примерах предлог «на» и «по» употребляются для обозначения поверхности, а предлог «при» для обозначения места.

П. А. Лекант считает, что по своему строению предлоги делятся на: «Непроизводные, или первообразные (*в, без, к, на, при* и др.); производные, или непервообразные, т.е. образованные от других частей речи (*навстречу, посредством, не смотря на* и др.) или же путем сложения двух первообразных предлогов (*из-за, по-над* и др.) [6, с. 245].

Одним из лучших учебников по русскому языку как иностранному считается учебное пособие под названием «Грамматика русского языка в иллюстрациях», опубликованное во время СССР (1984 г.), но использованное до настоящего времени с целью обучения русскому языку иностранцев иранских в вузах. Авторы данного учебного пособия К. И. Пехливанова и М. Н. Лебедева с помощью многих иллюстраций (рисунков) успешно определяют различные темы по грамматике русского языка, в частности, предлоги с различными значениями в разных падежах. В этой книге в разделе предлога мы читаем, что «предлог – несамостоятельная (служебная) часть речи, указывающая на различные отношения между словами в предложении. Предлоги в русском языке с точки зрения их употребления можно разделить на встречающиеся очень часто (*в, на, с, из, по, у* и т.д.), встречающиеся часто (*для, под, через, без* и т.д.) встречающиеся реже (*про, из-под, ради, вдоль, благодаря* и некоторые другие)» [3, с. 292]. Затем авторы разделяют предлоги на разные группы; например: пространственные предлоги, с помощью которых можно указать на место, где находится предмет или происходит действие, направление действия или движения и исходную точку движения [Там же, с. 293].

И. М. Пулькина и Е. Б. Захава-Некрасова в учебном пособии для студентов-иностранцев под названием «Учебник русского языка. Практическая грамматика с упражнениями» (седьмое издание опубликовано 1979 г.) очень подробно описывают грамматику, т.е. морфологию и синтаксис русского языка. В книге особенно подробно разработаны такие разделы морфологии, очень важные для иностранных учащихся, как значение предлогов. Каждый раздел сопровождается многочисленными примерами и упражнениями, цель которых – развитие навыков устной и письменной речи иностранных учащихся.

Авторы данной книги в разделе «Употребление предложного падежа» перечисляют разные значения предлога «в», которые далее рассмотрим.

1. Предлог **в** употребляется для обозначения места (нахождения предмета внутри или в пределах чего-либо). Существительное в предложном падеже с предлогом **в** отвечает на вопрос *где?*

Книги лежат в шкафу. Платок лежит в кармане. [4, с. 95]. *Петербуржец хотел уйти, но обнаружил, что в кармане нет его телефона* [1].

2. Предлог **в** (с предложным падежом) употребляется для обозначения времени: а) при обозначении времени месяцем, годом и столетием (веком):

Я приехал в Москву в августе. Я приехал в 1955 году [4, с. 96]. *Он добавил, что ему, «как шаману, предсказано, что демон будет свергнут в августе 2021 года». Какие впечатления от визита в 1955 году в СССР остались у сопровождавших премьер-министра Индии Неру...* [1];

б) при обозначении времени периодом жизни: в детстве, в юности, в молодости, в зрелом возрасте, в старости.

Особенно страдают способности тех, кто начал курить ещё в детстве. «В молодости про него говорили, что он дерзкий и даже отмороженный», – вспоминает источник [1];

в) со словами *начало, середина* и *конец* (*в начале, в середине, в конце*):

Он приехал **в середине** сентября [4, с. 96]. **В середине** ноября 2019 года Международная следственная группа опубликовала телефонные перехваты [1]; г) при обозначении времени часами, если время приблизительно:

Он **вернулся в одиннадцатом часу** (значит «после десяти часов и до половины одиннадцатого» [4, с. 96]). Как сообщалось ранее, 22 декабря, **в одиннадцатом часу** утра (в третьем часу ночи по Москве) в Южно-Сахалинске недалеко от перекрестка улиц Мира и Пограничной столкнулись пожарный автомобиль и микроавтобус [1].

3. Предлог **в** употребляется в сочетании с существительными, которые обозначают душевное состояние: в возмущении, в волнении, в восторге.

Все были **в восторге** от картины. Он **в волнении** ходил по комнате. [4, с. 96]. Большинство зрителей **в восторге** от «Тайн следствия-20»: результаты опроса. Она посчитала, что причина ошибок фигуристки **в волнении** [1].

4. Предлог **в** употребляется с существительными, которые означают одежду: Девушка была **в белом платье** [4, с. 96]. В свою очередь беременная Джиджи снялась **в белом платье**, положив на живот руки [1].

5. Предлог **в** с предложным падежом требуют некоторые глаголы и соответствующие им существительные: например, нуждаться в помощи; нужда в помощи; обвинять кого-либо в нечестности; обвинение в нечестности;

Юристка заявила, что её клиент **нуждается в помощи** и знает об этом. Отца и сына нам нет оснований **обвинять в нечестности**, но некоторые их решения лично мне кажутся нелогичными [1].

Таким образом, на занятиях по обучению русским предлогам или переводу текстов СМИ иностранных учащихся, с целью облегчать обучение разным значениям предлогов рекомендуется сразу после преподавания какого-нибудь предлога с помощью книг по РКИ приводить примеры из языка российских СМИ (русских газет), где именно тот предлог употреблен в тех же значениях. С использованием этого способа, понимание и перевод текстов СМИ, которые до этого вызывали трудности у иностранных студентов, становятся легче. С этой целью, рекомендуется преподавателям, кроме учебников и книг по РКИ, использовать материалы раздела газетного корпуса на сайте НКРЯ.

Список литературы

1. Газетный корпус «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-paper.html> (дата обращения: 02.03.2022).

2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 994 с.

3. Пехливанова К. И., Лебедева М. Н. Грамматика русского языка в иллюстрациях. 5-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1990. 352 с.

4. Пулькина И. М., Захава-Некрасова Е. Б. Учебник русского языка. Практическая грамматика с упражнениями : учеб. пособие для студентов-иностранцев. 7-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1979. 518 с.

5. Реформатский А. А. Введение в языковедение : учебник для вузов / под ред. В. А. Виноградова. 5-е изд., испр. М. : Аспект-пресс, 2005. 536 с.

6. Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л. [и др.]. Современный русский язык : учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / под ред. П. А. Лектанта. 3-е изд., стер. М. : Дрофа, 2002. 560 с.

Информация об авторе: *Шейхи Хоссейн Голамали*, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и литературы и славянских языков Университета имени Шахида Бехешти, преподаватель русского языка (г. Тегеран, Иран).

Information about the author: *Sheikhi Hossein Gholamali*, Candidate of Philological Sciences, Assistant of the Department of Russian Language and Literature and Slavic Languages, Faculty of Letters and Human Sciences of Shahid Beheshti University, Teacher of Russian Language (Tehran, Iran).

ИСТОРИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЧЕРЕДОВАНИЙ СОГЛАСНЫХ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Д. В. Шугаёва

*г. Гомель, Республика Беларусь
shugaeva00@inbox.ru*

Аннотация. Рассматривается роль историко-фонетического комментария при изучении русского языка в средней школе; обосновывается необходимость исторического комментирования современных языковых фактов на уроках русского языка и на факультативных занятиях в средней школе; аргументируется и демонстрируется возможность использования в средней школе сведений о важнейших фонетических процессах древности, обусловивших современные чередования согласных; приводятся практические примеры использования историко-фонетического комментирования правил русской орфографии и упражнений, содержащихся в новом основном учебнике по русскому языку для шестого класса учреждений общего среднего образования Республики Беларусь, составленном Ж. Ф. Жадейко, Т. В. Игнатович, Л. А. Муриной.

Ключевые слова: историко-фонетический комментарий, чередование согласных, средняя школа, урок русского языка, методика преподавания, приём обучения

Для цитирования: Шугаёва Д. В. Историко-фонетический комментарий при изучении чередований согласных в средней школе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 168–171.

Важным элементом при изучении современных языковых фактов, процессов и явлений может и должно стать историческое комментирование. От учителя требуется высокая профессиональная подготовка в области исторической грамматики, способствующая разъяснению истории становления и развития процессов в языке. Историческое комментирование способствует языковому развитию учащихся, формирует филологическое мышление, активизирует познавательный интерес и содействует осознанному восприятию и применению правил русской орфографии.

При изучении различных тем на уроках русского языка и на факультативных занятиях в средней школе могут быть использованы разные виды исторического комментирования: историко-этимологическое, историко-фонетическое, историко-графическое, историко-морфологическое, историко-синтаксическое, историко-культурное.

Историко-фонетический комментарий помогает объяснить некоторые фонетические особенности и написание отдельных слов. Его можно эффективно использовать в разных классах для объяснения происхождения полногласных сочетаний; написания букв *е* и *и* после *ж*, *ш*, *ц*; буквы *ё*; корней с чередующимися гласными и согласными; труднопроверяемых или непроверяемых гласных и согласных и др.

Целью нашей статьи является аргументация необходимости историко-фонетического комментария при изучении современного русского языка в школьном курсе, демонстрация возможностей использования этого методического приема при преподавании русского языка. Предмет исследования ограничен историческими изменениями согласных звуков, рефлексии которых отражены в новом учебнике по русскому языку для 6 класса средних общеобразовательных учреждений

Республики Беларусь, подготовленном Ж. Ф. Жадейко, Т. В. Игнатович, Л. А. Муриной.

Причины исторических чередований согласных звуков могли быть разными. Однако материал школьных упражнений даёт основания комментировать отражение тенденций к восходящей звучности и к гармонии слога, старославянское влияние.

В период раннего развития славянских языков все слоги в словах были открытыми, то есть крайним в слоге был гласный звук, что позволяло растягивать звуки. Таким был закон открытого слога, действие которого определило становление и развитие системы чередований гласных и согласных звуков в русском языке.

В учебнике по русскому языку для 6 класса определяется явление чередования: «Чередование – это замена одного звука другим или сочетанием звуков в одной и той же морфеме при изменении или образовании слова» [4, с. 67]. Авторы подчеркивают, что чередование звуков может происходить в разных морфемах. В основном оно происходит в корне слова. Гласные чередуются с гласными, согласные – с согласными [4, с. 67].

Московская фонологическая школа разработала теорию чередований. В процессах формообразования и словообразования проявляются чередования звуков. В зависимости от того, обусловлены ли фонетической позицией звуки в слове или нет, выделяют фонетические и исторические чередования. Фонетические чередования принято изучать в разделе «Фонетика». Такая взаимная закономерная смена фонем вызывается действующими фонетическими законами в языке (законом качественной редукации, законом оглушения звонких согласных перед глухими и др.). Фонетические чередования не отражаются на письме, а проявляются только в устной форме речи. Они зависят от позиции звука в слове. Например, чередование согласных фонем *b//n* в слове *дуб* зависит от их положения на конце слова или перед гласным звуком – [*дуп*] или [*дуба*]. В приставке *под-* чередование *д//т* объясняется качеством следующего за ней звука [*падб'ежат*'], но [*паткрас'ит*'].

Подробнее рассмотрим исторические чередования, которые не обусловлены фонетически. В результате действующих фонетических законов в дописьменный период и возникли исторические чередования, а с возникновением азбуки закрепились на письме. Соответственно, их проявление возможно как в устной, так и в письменной речи. Фонетически не обусловленные чередования изучаются в разделах «Словообразование» и «Морфология».

Исторические чередования имеют следующие функции:

1. Они могут выражать грамматическое значение: (показатели ед. и мн. ч. существительного): *ухо – уши; друг – друзья*.

2. Чередования могут выражать словообразовательное значение (напр., уменьшительно-ласкательное или увеличительное): *муха – мушка, птица – птичка; нога – ножница*.

3. Они могут выступать как дополнительное средство при словоизменении (по падежам, родам, числам, лицам): *ходит – хожу, родит – рожая*.

В учебном пособии для 6 класса предложена таблица «Чередование согласных в корне слова» [4, с. 67]. Обращение к фактам исторической грамматики позволит объяснить некоторые явления в языке, правила современной орфографии. На уроках русского языка и литературы учитель сможет обратиться к истории следующих чередований:

1) Следует обратить внимание на процесс, ввиду которого стало возможно смягчение согласных *г, к, х* в соседстве с гласными переднего ряда. В истории русского языка эти изменения принято называть палатализацией. В общеславянском языке выделяют три палатализации согласных *г, к, х*:

а) В результате первой палатализация (изменение согласных *г, к, х* в позиции перед гласными переднего ряда) возникал переход согласных *г, к, х* в мягкие шипящие: *г > ж'*; *к > ч'*; *х > ш'*.

В современном русском языке большое количество примеров, где представлены результаты первой палатализации. Вместе с тем данные чередования можно встретить не в тех строго определенных позициях по причине преобразований: *нога – ножка, пеку – печешь, страх – страшно* и др.

Учитель может предложить ряд этимологически родственных слов, акцентировав внимание на их внутренней форме, например: *лгать – ложь – ложка – лыжи* и др. Несомненный интерес вызывает исходный семантический признак кривизны, изогнутости, исторически объединяющий значения разных корней современных слов. Учащиеся способны прокомментировать написание слов *ложь, лыжи*. Историко-фонетический комментарий сопровождается историко-этимологическим и может быть дополнен историко-культурным, если предложить учащимся оценить значимость древней оппозиции *правды* и *лжи (кривды), прямого* и *кривого* слова.

б) Другие условия и результаты имела вторая палатализация, которая происходила в общеславянскую эпоху позже, чем первая. Произошел переход заднеязычных *г, к, х* соответственно в мягкие свистящие: *г > з'*, *к > ц'*, *х > с'*.

Чаще всего результаты второй палатализации можно наблюдать в окончаниях склоняемых частей речи (*ворогъ – ворози, вълкъ – вълци, доухъ – доуси*) и в формах повелительного наклонения глагола (*помози, рьци*). Результаты второй палатализации в современном русском языке не сохранились, за исключением некоторых слов (*целый, цена, зеница, царь*), устаревших форм, входящих в состав устойчивых выражений (*почить в бозе, притча во языцех, темна вода во облацех*) [1, с. 136]. В условиях белорусско-русского двуязычия историко-фонетический комментарий особенно важен, поскольку результаты второй палатализации сохраняются в белорусском языке, а обучение белорусскому и русскому языку проводится параллельно.

в) По третьей палатализации согласные *г, к, х* оказывались после гласных переднего ряда. В результате происходило изменение звуков: *г > з'*, *к > ц'*, *х > с'* (*отьць, нарицати, польза, лицо, птица*).

2) В современном русском языке образовались ряды чередований, которые выражают особенности образования слов и форм слов. Стоит отметить, что звук [j] вызывал изменения, которые приводили к чередованию других согласных:

а) *т* и *д* с *ј* в русском и старославянском языках давали разный результат. Так, в русском языке *тј > ч'* (*свет – светить – свеча – свечение*); *дј > ж'* (*брод – бродить – брожение*). В старославянском языке *тј > ш'т'* [щ] (*глотать – поглощать*); *дј > ж'д'* (*родить – рождение*). Таким образом возникли ряды чередований < *т // т' // ч // щ* >, < *д // д' // ж // жд'* > [3, с. 207];

б) *зј > ж'*; ср. < *з // з' // ж* >: *сказать – скажу*;

сј > ш'; ср. < *с // с' // ш* >: *просить – прошу*;

в) после губных согласных [j] изменился в [л']:

бј > бл'; ср. < *б // б' // бл* >: *любить – люблю*;

вј > вл'; ср. < *в // в' // вл* >: *ловить – ловлю*;

пј > пл'; ср. < *п // п' // пл* >: *спать – сплю*;

мј > мл'; ср. < *м // м' // мл* >: *кормить – кормлю*;

фј > фл'; ср. < *ф // ф' // фл* >: *разграфить – разграфлю*.

Фонетически не обусловленные чередования могут возникать в рамках одной части слов (либо только в приставке, либо в корне, либо в суффиксе). Авторы школьного учебника также обращают на это внимание, а в качестве примера используют чередование *к//ч*: *сынok – сыночек, звонок – звоночек* [4, с. 67].

Следует обратить внимание, что в корне слов *воцаной*, *доцатый* пишется *щ*, потому что эта буква появляется на месте сочетания *ск* в корне (*воск*, *доска*), т.е. происходит чередование в рамках одной части слова. В словах *брусчатка*, или *песчаник* пишется *сч*, потому что такое сочетание согласных возникает на границе корня и суффикса (*брус-ок*, *пес-ок*) [2, с. 52]. В данном случае избран доступный для восприятия учащихся комментарий, в то время как владеющий знаниями исторической фонетики учитель понимает причину отсутствия йотовой палатализации в наличии суффиксального редуцированного гласного в древнерусский период.

Несмотря на то что исторические чередования возникли в результате влияния уже утраченных фонетических законов, их роль в возникновении разнообразных звуковых форм очень велика. К тому же, такие изменения приводят к значительным перестройкам не только формы, но и содержания языковых единиц. На уроках русского языка стоит воспользоваться знаниями исторической грамматики, чтобы усвоить современные нормы языка. Регулярное и целесообразное введение исторических сведений в процесс обучения русскому языку в средней школе способствует формированию языковой личности ученика.

Список литературы

1. Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык. Теория. 5–9 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений. М. : Дрофа, 2012. 320 с.

2. Живая Русская Грамота. Ч. 1. Смысловый принцип русского правописания : науч.-попул. учеб.-просветит. пособие / авт.-сост. А. Нянин. Екатеринбург : РИТМ, 2009. 72 с.

3. Касаткин Л. Л., Крысин Л. П., Львов М. Р., Терехова Т. Г. Русский язык : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения» : в 2 ч. Ч. I. Введение в науку о языке. Русский язык. Общие сведения. Лексикология современного русского литературного языка. Фонетика. Графика и орфография / под ред. Л. Ю. Максимова. М. : Просвещение, 1989. 287 с.

4. Мурина Л. А., Жадейко Ж. Ф., Игнатович Т. В. Русский язык : учеб. пособие для 6 класса учреждений общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения. Минск : Национальный институт образования, 2020. 244 с.

Информация об авторе: *Шугаёва Дарья Васильевна*, студентка Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь).

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

М. Б. Адамович

г. Пенза, Россия

maksimka.adamovich@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются предметные фразеологизмы древнерусского языка с точки зрения функционирования в них категории числа. Выявляются особенности данной категории во фразеологических единицах, сравнивается её выражение в древнерусском и современном русском языках.

Ключевые слова: фразеология, грамматическая категория, число, семантика, древнерусский язык

Для цитирования: Адамович М. Б. Особенности функционирования категории числа в предметных фразеологизмах древнерусского языка // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 172–176.

Современное языкознание относительно недавно (с 60-х годов XX в.) стало уделять внимание изучению грамматических свойств фразеологизмов, но изучение фразеологии в данном аспекте проводилось и проводится только на базе современного русского языка (СРЯ) с использованием фразеологических единиц (ФЕ), которые закреплены в словарях современной фразеологии. Научных работ, посвященных изучению грамматических категорий во фразеологизмах древнерусского языка (ДРЯ) мы не нашли, что определяет новизну исследования. Научному анализу подвергнуто 199 предметных ФЕ, полученных методом сплошной выборки из 1 и 2 томов Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) под редакцией Р. И. Аванесова (СДРЯ XI–XIV вв.).

Чтобы наиболее полно охарактеризовать особенности категории числа во ФЕ древнерусского языка, мы расклассифицировали их по субкатегориям (семантическим группам) в соответствии с классификацией А. М. Чепасовой [3, с. 26–34]. Исследовательница утверждает, что «категориальное значение представляет собой совокупность более ограниченных семантических объединений, характеризующихся и только им присущим свойствам, и свойствами, объединяющими их в один тип категориального значения» [3, с. 20].

1. Субкатегория лица. В данной категории нами выделены следующие группы:

а) фразеологизмы, обозначающие определенное лицо по характерным для него свойствам (53 ФЕ).

В каждом фразеологизме этой группы главный компонент (имя существительное – ИС) имеет соотносительные формы числа: агньць – агньци, бѣсь – бѣси, бояринь – бояре и т.д. Почти все ФЕ с подобными компонентами свободно употребляются в форме ед. и мн. ч., так как обозначают конкретное лицо. Только три ФЕ этой группы не имеют форм множественного числа: ангель велика съвѣта [2,

т. 1, с. 87], небеськыи, обьщии владыка [2, т. 1, с. 439], ветъхыи дньнмь (дньнмь – образ из Книги пророка Даниила) [2, т. 1, с. 402]. Главные компоненты этих ФЕ, кроме третьей, – конкретные ИС, которые могут свободно употребляться в форме ед. и мн. ч.; все три ФЕ обозначают конкретное лицо, но именно значение является причиной отсутствия коррелята по числу: первая ФЕ имеет значение «Христос», вторая и третья – значение «Бог». Сильная конкретизация значения, когда ФЕ указывает на определенное лицо, не дает возможности образования форм мн. ч.

б) фразеологизмы, которые обозначают не одно лицо, а какую-то их совокупность (20 ФЕ).

В данной группе 6 ФЕ имеют в своем составе собирательные ИС, которые не изменяются по числам, поэтому и сам фразеологизм не может иметь соотносительной числовой формы: большаа братиа (старшие по возрасту братья), божиа братиа (нищие), доуховьнаа (о Христѣ) братиа (монахи-христиане), пресвятаа братиа (епископы), братия молодьшаа, моложьшаа, мньшаа [2, т. 1, с. 308], доуховьнод братьство (монашество) [2, т. 1, с. 313].

В выборке есть тематическая группа «Родственные связи». Особенностью некоторых ее членов является то, что при изменении формы числа изменяется семантика фразеологизма: в форме мн.ч. фразеологизм имеет значение совокупности, а в ед.ч. обозначает конкретное лицо: пьрвыѣ братоучади (двоюродные брат и сестра) – пьрвыи братоучади (двоюродный брат). Данный пример показывает, что уже в ДРЯ категория числа во ФЕ могла выступать как семантико-грамматическая.

В СДРЯ XI–XIV вв. ФЕ ангельскыи, небесьныи вои (о небесных воинах, небесных силах), вьрховьнии вои (воины Новгородской земли (по отношению к Киеву), вьрхьнии вои [2, т. 1, с. 462] зафиксированы только в форме мн. ч. В других памятниках нам не удалось найти ФЕ типа *небесный воин*, *верховный воин*, которые бы подтверждали возможность изменения данных ФЕ по числу. Однако многие примеры свидетельствуют о том, что в ДРЯ фразеологизмы со значением собирательности или совокупности могли иметь коррелят по числу, в отличие от фразеологизмов с подобной семантикой в СРЯ. Кроме того, в Акафисте Иннокентию Иркутскому нами была найдена ФЕ воине хрс%товъ [1], которая по структуре и по семантике близка к рассматриваемым ФЕ, но при этом обозначает одно лицо.

ФЕ ангельское воиньство, архангельское воиньство, воиньство ангель, небесьное воиньство (о небесном воинстве, силах небесных) [2, т. 1, с. 465], обозначающие совокупность воинов и сил, свободно употреблялись в форме ед. и мн. ч.: «Тамо англ(с)кыи силы и *архангл(с)каа воиньства*» [2, т. 1, с. 466] и др.

в) фразеологизмы, обозначающие лицо по биологическому полу (6 ФЕ). Все единицы данной группы свободно изменяются по числам, не изменяя при этом своей семантики.

2. Субкатегория предмета. В данной категории нами выделены следующие группы:

а) фразеологизмы, обозначающие неодушевленный предмет (51 ФЕ). Большая часть этих ФЕ имеют коррелят по числу, так как в их состав входят конкретные ИС, которые вне фразеологизма свободно изменяются по числам, сами ИС внутри ФЕ своей семантики не меняют, а ФЕ обозначает конкретный предмет: било – била, брьнѣ – брьнѣ, мость – мосты, гвоздь – гвозди, грамота – грамоты и. т.д. Но в этой группе наблюдается особенности функционирования категории числа.

4 ФЕ имеют в своем составе вещественное ИС брашьно «еда, пища», которое придает фразеологизму вещественно-собирательное значение. А. М. Чепасова отмечает, что «существительные-компоненты этих фразеологизмов обозначают вещество или материал, имеют только формы единственного числа» [3, с. 93]. Заметим, что речь идет о СРЯ, а в ДРЯ брашьно могло употребляться в форме мн. ч.

в значении «определенные виды пищи». Во ФЕ земельное брашно (земная пища) [2, т. 1, с. 315], сладкая брашна (вкусная, изысканная еда), духовное брашно (духовная пища), небесное брашно (небесная пища) [2, т. 1, с. 316] конкретизируется «вид» пищи (земной и духовной), однако конкретизация в этих ФЕ может выходить и на следующий уровень, так как весь фразеологизм может выступать в форме мн.ч.: «тѣло кормище **земными брашны**, а душаю дхвнмь»; «пре(д)стави же варлаамъ много цѣнную трѣзую **дхвны(х) брашенъ** исполнь» [2, т. 1, с. 316] и т.д.

Иную ситуацию мы видим во ФЕ с вещественным ИС вино. Оно тоже могло употребляться во множественном числе (ПВЛ): «неса золото и паволокы. и швоци и вина. и всако оузорочье» [1], при этом исторические словари не фиксируют изменение семантики ИС вино во мн.ч. Фразеологизмы вино вареное (хмельной напиток, полученный в результате перегонки), вино цветное [2, т. 1, с. 429] обозначающие виды вина, не используются в форме мн.ч. Возможно, отсутствие соотносительных форм числа у фразеологизмов с ИС брашно и вино связано с уровнем обобщенности ИС: первое более обобщено, обозначает пищу (земную или духовную), поэтому есть возможность для нескольких уровней конкретизации значения, а вино уже обозначает вид «хмельного напитка из ягод» и не нуждается в следующем уровне конкретизации.

Третья группа ФЕ с главным компонентом собирательным ИС вода – вода живая (проточная, ключевая вода), вода крещения, очная вода (слезы), святая вода, священная (вода, освященная церковным обрядом), ячменная вода (ячменный отвар) – имеет примеры употребления в форме мн.ч.: «суть друзи иже слезамъ дѣлателе... суть же друзи и иже николи же стѣаго причастья не приѣмлють. дондиче не прольють **очныи воды**»; «безъ царскаго велѣния и безъ светительскаго кромѣ великия нужи и праздничнаго ради приѣзда съ **священными водами**» [2, т. 1, с. 451] и т.д. ФЕ с компонентом ИС вода изменяются по числам, что можно объяснить а) связью семантики и числовой формы: употребляясь в составе ФЕ во мн.ч., ИС обозначало большое количество воды и б) более частым и свободным употреблением ИС вода в форме мн.ч., чем ИС вино. Активность употребления определила образование соотносительных числовых форм у ФЕ с данным компонентом.

б) фразеологизмы, обозначающие отрезок времени (11 ФЕ).

Большинство фразеологизмов данной группы не изменяются по числам и выступают либо только в форме мн.ч., либо только в форме ед.ч. Например, фразеологизм времена и лѣта [2, т. 1, с. 493] употребляется только в форме мн.ч., так как обозначает большой отрезок времени. У фразеологизмов с сочинительной связью «форма числа всегда неизменна, постоянна, но не является пустой грамматической формой, так как служит выразителем предметности; противопоставленность форм числа у таких единиц отсутствует, то есть категория числа как система парадигм утрачена» [4, с. 98].

При обозначении конкретного отрезка времени ФЕ уже может иметь числовую корреляцию, например, ФЕ съ (сии, нынѣшнии, настоащи) вѣкъземная жизнь (противоп. загробная) и оный (боудоущи, придоущи) вѣкъ (загробная жизнь) [2, т. 2, с. 292], луонная година (времяисчисление по лунному календарю), сълнѣчная година (времяисчисление по солнечному календарю) [2, т. 2, с. 345] (ПВЛ): «да не раздршитса дондеже слѣнце сияе(т) и всь миръ стоить. **въ нынѣшна вѣкы и въ будущаа**» [1].

в) фразеологизмы, обозначающие место деятельности или существования человека (20 ФЕ).

Из данной группы только 7 ФЕ имеют коррелят по числу: Овощный градъ (сад, огород) [2, т. 2, с. 379], гробъ похотѣннѣа (кладбище прихотливых) [2, т. 2, с. 391], дворъ овчии (овчарня) [2, т. 2, с. 448] дворъ вѣноутрѣннѣа [2, т. 2, с. 449], городъ въ колѣхъ, стольный городъ (столица) [2, т. 2, с. 358], стольный градъ (столица) [2, т. 2, с. 379]. Все остальные ФЕ не имеют коррелята. Вероятно, это связано а) с обозначением определенного места, которое понимается как единственное подобное: вышнѣннѣа градъ (небесный Иерусалим, царство небесное), горнѣннѣа градъ (то же, что вышнѣннѣа градъ), небеснѣннѣа градъ (то же, что вышнѣннѣа градъ), смъртнѣннѣа градъ (ад); б) с обозначением максимально конкретизированного места: гора господна (гора Сион) [2, т. 2, с. 355], цсарѣствоующѣа градъ (Царьград) [2, т. 2, с. 379]; в) с наличием в составе ФЕ имени собственного: горнѣннѣа фроусалимѣа (царство небесное) [2, т. 2, с. 363], Възточнѣе море (Северное море) [2, т. 2, с. 133]; г) с обозначением конкретного места и использованием в составе фразеологизма ИС, выступающего только в форме мн.ч.: врата краснѣаа (о рае), врата небеснѣаа (о царстве небесном) [2, т. 1, с. 483], врата господна (врата царства небесного) [2, т. 2, с. 369].

3. Субкатегория отвлеченности. В данной категории нами выделены следующие группы:

а) фразеологизмы, обозначающие деятельность (20 ФЕ).

Данная группа неоднородна по семантике и по структуре: в нее входят фразеологизмы, главный компонент которых может быть отвлеченным или конкретным ИС. Интерес же представляют фразеологизмы, у «которых существительные компоненты по своим лексико-грамматическим свойствам несовместимы с категорией числа вообще» [4, с. 91] и которые в СРЯ не имеют коррелятов по числу. Многочисленные примеры из памятников указывают, что фразеологизмы с подобными компонентами могут выступать в форме мн.ч., так как в ДРЯ отвлеченные ИС свободнее изменялись по числам. Это ФЕ доуховнѣод веселид, доушевнѣод веселид [2, т. 1, с. 395], послѣднѣод въздыханид (последний вздох): «в тѣхъ *послѣднихъ въздыханьихъ* къ г(с)оу о(т)иде» [2, т. 2, с. 48] и т.д.

б) фразеологизмы, обозначающие свойства и качества и содержащие элемент оценки (18 ФЕ).

В этой группе интерес представляет наличие / отсутствие коррелятов по числу у ФЕ с компонентом болѣзнь: если ФЕ с данным компонентом обозначает характерные черты болезни, как во фразеологизмах огнѣнаа болѣсть [2, т. 1, с. 284], болѣзнь плѣтскаа (плѣтнаа) [2, т. 1, с. 291], болѣзнь смъртнаа (смъртоноснѣаа) (заболевание со смертельным исходом), болѣзнь тѣлеснѣаа [2, т. 1, с. 292], то коррелят есть, если ФЕ обозначает конкретный вид болезни, больной орган или в состав фразеологизма входит собственное ИС, то ФЕ не изменяется по числам, как во ФЕ болѣзнь оуспѣнаа (оспѣнаа), соннѣаа болѣзнь, болѣзнь доуши, болѣзнь сърдѣца, болѣзнь сърдѣчнѣаа [2, т. 1, с. 292], Геонѣскаа болѣзнь (страдания, мучения в аду), егюпѣтскаа болѣзнь (болезни и страдания евреев в Египте) [2, т. 1, с. 293].

Проанализировав особенности функционирования категории числа во фразеологизмах ДРЯ, мы можем сделать следующие предварительные выводы:

1. Функционирование категории числа может зависеть от значения всей ФЕ, так как в ДРЯ они могли обозначать конкретный предмет или конкретное место, в отличие от СРЯ, где семантика ФЕ характеризуется «широтой и отвлечённостью, высшей степенью абстракции» [3, с. 7].

2. В ДРЯ категория числа у ФЕ могла выступать в качестве семантико-грамматической категории, которая различает значения фразеологизмов (см. примеры с първыѣ братоучади).

3. ФЕ с собирательным значением обладали в ДРЯ большей свободой в образовании форм, в отличие от СРЯ, где ФЕ подобного типа не имеют форм множественного числа, а ИС в их составе «утрачивают число полностью» [4, с. 87].

4. ФЕ с отвлеченным значением и отвлеченным ИС в качестве главного компонента в ДРЯ могли иметь корреляты по числу, так как в ДРЯ отвлеченные ИС обладали большей свободой в образовании форм числа.

5. Большое влияние на образование форм числа оказывает возможность у вещественных ИС конкретизировать «вид вещества»: если такая возможность есть, то образование форм числа возможно, но если вещественное ИС уже обозначает какой-либо вид вещества (см. пример с вином и брашном), образование коррелятов уже невозможно без изменения семантики ФЕ, так как ФЕ уже максимально конкретизируют, например, сорт вина (вино варенод, вино цветовьнод).

Список литературы

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 29.01.2022).

2. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 1, 2.

3. Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов : учеб. пособие к спецкурсу. Челябинск : ЧГПИ, 1983. 93 с.

4. Чепасова А. М. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. Категории лексико-фразеологической грамматики русского языка. Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ, 2016. 283 с.

Информация об авторе: *Адамович Максим Борисович*, студент Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СУБСТАНТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ «ЛОЖКА» В УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ ЯЗЫКА

А. П. Василенко¹, А. Н. Андриянцева²

^{1,2} г. Брянск, Россия

¹ a.p.vasilenko@mail.ru

² andriantz@yandex.ru

Аннотация. Анализируется группа фразеологизмов с русским компонентом *ложка*, французским *cuillère* и итальянским *cucchiaino*. На материале трёх языков делается вывод о том, что искомым компонент является достаточно распространённым во фразеологических фондах выбранных языков: это не просто столовый прибор, но и показатель времени, количества и даже – характеристика действия.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент *ложка* / *cuillère* / *cucchiaino*, значение

Для цитирования: Василенко А. П., Андриянцева А. Н. Субстантивный компонент «ложка» в устойчивых выражениях языка // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 177–178.

Изучение языка невозможно без изучения того пласта номинативных единиц, который характеризует предметы быта и вещи – настолько привычные, что зачастую и вовсе не замечаемые. К примерам такой номинации можно отнести столовые приборы. Тарелка, кастрюля, чайник, нож, вилка, ложка – всё это является частью повседневной жизни, а значит, не может ни найти отражения в языке и его фразеологическом фонде. Именно о последнем столовом приборе и пойдет речь.

В час по чайной ложке и *ложка дёгтю в бочке мёда* [5, с. 266] – одни из первых фразеологизмов русского языка с субстантивным компонентом *ложка*, приходящие на ум. В данных примерах компонент *ложка* выступает как нечто небольшое, исходя из значений фразеологизмов, – ‘слишком медленное, еле-еле’ и ‘небольшое, незначительное добавление, которое портит большое и хорошее’ [5, с. 266] соответственно.

Фразеологизм, в котором субстантивный компонент *ложка* подразумевает что-то маленькое, есть и в итальянском языке. Речь идёт о *si pigliano più mosche con un cucchiaino di miele che con un bigoncio di aceto* (букв.: ложкой мёда поймает больше мух, чем кадкой уксуса), что означает ‘лаской больше добьёшься, чем таской’ [3, с. 646].

Анализируя фразеологические обороты русского, французского и итальянского языков, можно выделить три основные тематические группы, в которых используется компонент *ложка*, – время, количество и характеристика действия.

Время – это то, что метафорически утекает сквозь пальцы, подобно воде. Так, французский фразеологизм *en deux coups de cuillère à pot* (букв.: в два удара суповой ложкой) означает ‘в два счёта, мигом’ [6], что выражает быстрое по времени выполнение какого-либо действия. Противоположную по смыслу фразеологическую единицу мы находим и в русском языке. Речь идёт о выражении *в час по чайной ложке*, что означает ‘слишком медленно, еле-еле’ [5, с. 266]. Таким образом, время может не только ускользать, проходить мигом, но и как бы замедляться, растягиваться.

Нельзя не обратить внимания на то, что время относительно. Какие-то события могут происходить вовремя или же с опозданием. Так, в русской фразеологии существует пословица *дорога ложка к обеду, а там хоть под лавку* [2, с. 126], которая

подразумевает важность какого-либо события в конкретный промежуток времени, его своевременность.

Следующая выделенная нами тематическая группа связана с количеством – определённым числом или степенью какого-либо предмета или его свойств. Например, количество может быть небольшим, как в итальянском фразеологизме *da raccogliersi col cucchiaino* (букв.: такой, что можно собрать ложкой), что означает ‘еле живой’ [3, с. 286] или избыточным, как в русском выражении *ложка стоит*, которое используется, когда речь идёт об очень густой пище [4, с. 351].

Стоит отметить, что к категории количества также относится и полное отсутствие вещества или предмета. Так, в итальянском языке обнаруживаем фразеологическую единицу *imboccare col cucchiaino vuoto* (букв.: кормить пустой ложкой), которая употребляется в значении ‘плохо учить, халтурить’ (об учителе) [3, с. 286].

Что касается действия, то оно может быть охарактеризовано различными способами. Так, во французском фразеологизме *ne pas y aller avec le dos de la cuillère* (букв.: не идти туда с тыльной стороны ложки) со значением ‘идти, действовать напролом’ [6] действие имеет экспрессивную окраску. *Le dos de la cuillère* показывает, что для выполнения данного действия нужно приложить усилия – ведь куда привычнее и удобнее держать *ложку* наоборот. В итальянском языке находим две фразеологические единицы *mangiar(la) col cucchiaino della rabbia* (букв.: есть ложкой гнева), что означает ‘с трудом выносить, еле сдерживаться’ [3, с. 286] и *mangiare la torta col cucchiaino* (букв.: есть торт ложечкой) – ‘не уметь себя вести, быть невоспитанным’ [3, с. 777]. Оба фразеологизма выражают действия с негативной окраской: в первом случае само *della rabbia* подразумевает данную характеристику, ведь гнев – это сильное чувство негодования, возмущения.

Таким образом, субстантивный компонент *ложка* является достаточно распространённым во фразеологических фондах русского, французского и итальянского языков. Так, это не просто столовый прибор, но и показатель времени, количества и даже характеристика действия.

Список литературы

1. Cambridge international dictionary of idiom. Cambridge University Press, 1998. 543 p.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа : в 2 ч. М. : Юрайт, 2020. Ч. 2. 401 с.
3. Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф. Итальянско-русский фразеологический словарь: около 23 000 фразеологических единиц. М. : Рус. яз., 1982. 1056 с.
4. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008. 878 с.
5. Федосов И. В., Лапицкий А. Н. Фразеологический словарь русского языка. М. : ЮНВЕС, 2003. 608 с.
6. Французско-русский фразеологический словарь. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/французско-русский-фразеологический-словарь/> (дата обращения: 02.02.2022).

Информация об авторах: *Василенко Анатолий Петрович*, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (г. Брянск, Россия); *Андрянцева Анастасия Николаевна*, студентка Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (г. Брянск, Россия).

ДИАЛОГИЧНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ КНИГ МАРИИ АКСЁНОВОЙ «ЗНАЕМ ЛИ МЫ РУССКИЙ ЯЗЫК?»

О. А. Городничева

г. Пенза, Россия
gorodni4ewa.olga@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается диалогичность как приём активизации мыслительной деятельности адресата при чтении научно-популярного текста. Обращается внимание на способы выражения диалогичности в текстах книг Марии Аксёновой «Знаем ли мы русский язык?». Делается вывод об основной функции средств диалогичности – привлечении внимания читателя к сообщаемому.

Ключевые слова: научно-популярный текст, диалог, диалогичность, средства выражения диалогичности, адресат

Для цитирования: Городничева О. А. Диалогичность и способы её выражения в текстах книг Марии Аксёновой «Знаем ли мы русский язык?» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 179–182.

В последнее время увеличивается интерес рядовых носителей русского языка к научным знаниям и открытиям, растёт объём получаемой информации, прослеживается тенденция к популяризации научных сведений. Одним из самых эффективных способов предоставления научных знаний для широкой аудитории становится научно-популярная литература.

Научно-популярный текст, так же, как и научный, направлен на реализацию познавательной деятельности адресата. Однако научно-популярное произведение обязательно должно быть интересным для читателя. Сходство научно-популярного текста с научным проявляется в его познавательном характере, а обязательное условие быть интересным является его спецификой. И. И. Баранов определяет научно-популярный текст как «текст, излагающий научные сведения для неспециалиста в данной области знания и реализующий коммуникативную установку на удовлетворение познавательного интереса адресата» [9, с. 37]. Тексты научно-популярного стиля характеризуются адресной направленностью, наличием непосредственного открытого общения автора с аудиторией. Благодаря такому «эффекту общения» автора и читателя, направленности на познавательную деятельность научно-популярного текста на первый план выдвигается проблема диалогичности текста.

Под диалогичностью понимается «лингвистическое выражение в тексте установки на адресата и отражение в нём признаков диалога». Диалогичность является лингвистическим проявлением в тексте коммуникативной сущности языка, выражающееся в наличии признаков диалога в речи, в том числе и письменной, и учёте «фактора адресата» и его реакции в языковых особенностях высказывания [7, с. 12].

А. Ю. Арутюнова рассматривает текст как диалог в двух аспектах: в аспекте внутритекстовых диалогических отношений и в аспекте внетекстовых диалогических отношений [4, с. 34]. В связи с этим можно говорить о двух видах диалогичности: внутритекстовом диалоге как семантической составляющей текста, включающей адресованность, и внетекстовом диалоге как связи данного текста с обрамляющим контекстом.

В рамках данной статьи мы рассмотрим диалогичность и способы её выражения в научно-популярных текстах книг Марии Аксёновой «Знаем ли мы русский язык?» [1–3].

«Знаем ли мы русский язык» – популярная серия книг Марии Аксёновой, математика по образованию, которая, как говорит она сама, «дерзнула написать такую книгу» [1, с. 3], где в живой разговорной манере читателю даётся масса интереснейших фактов о значении современных, устаревших, иноязычных, жаргонных слов, рассматривается их происхождение и сфера употребления. Автор рассуждает о спорных случаях правописания, ударения, склонения и спряжения, как бы вовлекая читателя в беседу, рассказывая о своих собственных колебаниях и ошибках, делаясь своими открытиями и сомнениями.

В научно-популярных текстах Марии Аксёновой все средства направлены на поддержание читательского интереса, на первый план выдвигается беседа с читателем, установление контакта с ним. Поэтому, основываясь на классификации А. Ю. Арутюновой, в данной статье мы рассмотрим диалогичность с точки зрения адресной направленности, то есть внутреннюю диалогичность. Она проявляется в тексте в принципе построения самого текста и реализуется определёнными языковыми средствами.

Нами были выявлены следующие средства внутренней диалогичности в текстах Марии Аксёновой:

1. Использование местоимений первого лица множественного числа и местоимений второго лица:

Мы поимённо вспомним авторов многих слов...; *Мы* бы подумали, что речь идёт о...; Сегодня *мы* чаще всего подвержены...; ...позволило *нам* убедиться...; Как *вам* это нравится?; Вот *вам* для разогрева первое модное слово...; Предложу *вам* ещё одно модное слово...; Сумасшедший ритм жизни заставляет *нас*...; *Вы* скажете, что подобные слова используются...; *Мы* говорим «хорошо»...; Ничто не мешает *вам* признать...; А уж если, не дай бог, *ты* промотал своё богатство...; Я желаю *вам* блеснуть в компании забытым словом...; ...я должна *вас* найти, впрочем, как и *вы* меня; *Вы*, конечно, догадались, что в этой главе речь пойдёт...

Местоимения первого и второго лица отождествляют категории автора и адресата текста, размещают адресата в единое информативное поле с адресантом, создают круг «своих», подчёркивается общность интересов.

2. Употребление следующих глагольных форм:

а) форм императива, представленных глаголом в первом лице множественном числе или инфинитивом с частицей *давайте* со значением побуждения к совместному действию: *Давайте вспомним* некоторые устаревшие слова; ...*давайте выясним*, за кого выходим...; *Давайте задумаемся*: если курица яйца высидит...; *Давайте* на минутку *представим*, как бы выглядел человек... Семантика совместности усиливается наречием *вместе*: *Давайте задумаемся вместе*...; *Давайте сразу договоримся*...; Так *давайте* и мы *поговорим* в этой главе о мебели; Козыряя иностранными словами, *давайте употреблять* их правильно и к месту;

б) форм императива второго лица множественного числа: *Попробуйте сравнить* себя сегодняшнего...; Теперь *представьте*...; *Не разбивайте* зеркало...; Папы и мамы, бабушки и дедушки, *вспомните!*; Так что мягче и добрее *относитесь* к языку ваших потомков; *Не подумайте* чего неприличного...; ...*не пейте* кофе с двумя программистами сразу; *Берите пример* с Александра Сергеевича!; *Исправляйте* свои ошибки!; *Спросите* кого угодно...;

в) форм глаголов второго лица изъявительного наклонения: *Помните*, детскую загадку...; А как *прикажете* понимать ребёнку фразу...?; *Помните* фильм «Доживём до понедельника»?; *Помните* забавную игру детства...?; *Задумывались* ли вы, сколько раз в жизни мы произносили абсурдную фразу...

Все названные формы глагола используются для активизации мыслительной деятельности адресата, показывают единство действий автора и читателя, «разрушают барьер» между ними.

3. Использование обращений: *Папы и мамы, бабушки и дедушки, вспомните!; Девочки! Прежде чем замуж выходить, давайте хоть выясним...; Уважаемые мужчины, а как насчёт слова «космос»?*

Обращения служат не только для называния адресата речи. Главная их цель в научно-популярном тексте – выразить отношение к адресату, дать его характеристику. Обращение может служить и для выделения важных мыслей, существенных идей речи.

4. Использование вводных конструкций, выражающих:

а) степень достоверности сообщения: *Нет, разумеется, вы по-прежнему говорите по-русски; Разумеется, ни о каком деле...; Вы, наверное, удивлены;*

б) отношения между частями высказывания: *Во-первых, мы стали говорить быстрее...; Оказывается, модными бывают не только слова...; В принципе, значительным словом...; Впрочем, мне тоже хочется...; Больше того, на жаргоне порой начинает...;*

в) способ оформления высказывания: *Кстати, иногда от скорости речи...; И вообще, может быть, впервые речь...; Итак, смысл слова «сибарит» нам абсолютно ясен!;*

г) эмоциональную оценку сообщения: *А уж если, не дай бог, ты промотал своё богатство...*

5. Вопросно-ответная форма изложения:

Почему всё так изменилось? Да потому, что в обществе изменились ценности;

Что такое культовый фильм? – Это тот, который ты будешь ждать...; Может, норма изменилась? Но нет!;

Кто ж с трезвой головой даст голову на отсечение? Только тот, кто полностью может ручаться за что-то;

Откуда пошло это странное выражение? Да прямёхонько с огорода и сада...;

Скажете, что-то итальянское? Отнюдь!

6. Вопросительные предложения, которые нередко образуют цепь вопросов:

Что это было? Почему президент не употребил вполне литературное «угрожать» или «пугать»? Он хочет говорить с народом на понятном ему языке?; Как вам это нравится?;

Что же означают употребляемые нами сегодня в запальчивости слова? И такие ли уж они нехорошие?;

Так стоит ли осуждать молодёжь?;

Какие версии насчет «бутондамуров»? Маленький букетик, прикрепленный к волосам?;

Интересно, а какие ошибки в русском языке делал сам Александр Сергеевич?

Вопросы и вопросно-ответные конструкции активизируют интерес читателя к содержанию текста, вовлекают его в дискуссию, транслируют отношение автора к описываемому. Такой прием создаёт ощущение диалога с адресатом и одновременно обращает его внимание на важные аспекты информации.

7. Восклицательные предложения:

Культовость несовместима со всеобщим признанием! Она всегда альтернативна и позиционна!;

Берегите уши! В том числе и от неграмотного потока слов!;

А вот оно и следующее слово – само вырвалось!;

*Видимо, вердикт – «абсолютно грамотен!» – вообще невозможен!;
И именно так спрягают его все дети! Но для взрослого сказать «хочем» –
значит быть пригвождённым к позорному столбу! Только «хотим»! И никак
иначе!*

Восклицательные предложения передают эмоциональный настрой автора, привлекают внимание адресата.

Выделенные средства выражения категории диалогичности, наиболее ярко выражают особенности научно-популярного текста на примере серии книг Марии Аксёновой. Данные средства диалогичности выполняют функцию привлечения внимания читателя к сообщению, вызывают у адресата реакцию непосредственного участия в ходе рассуждения, имитируя «вопросы от читателя», активизируют его мыслительную деятельность, «вовлекают читателя в диалог, шаг за шагом раскрывают ход мыслей автора и таким образом способствуют «со-мышлению» получателя информации и его отправителя» [6, с. 71].

Поэтому невозможно переоценить актуальность книг М. Аксёновой, востребованность обществом изложенных в научно-популярной форме сведений о родном языке. В каждой строчке чувствуется неподдельный интерес автора к языку, авторское удовольствие от описываемых фактов. Читатель может почувствовать себя равноправным собеседником, он общается не с поучающим его специалистом, а с человеком, которому так же, как и читателю, небезразличны судьба и состояние родного языка.

Список литературы

1. Аксёнова М. Д. Знаем ли мы русский язык? Книга первая. М. : Центрполиграф, 2012. 255 с.
2. Аксёнова М. Д. Знаем ли мы русский язык? Книга вторая. М. : Центрполиграф, 2012. 223 с.
3. Аксёнова М. Д. Знаем ли мы русский язык? История некоторых названий, или Вот так сказанул! Книга третья. М. : Центрполиграф, 2012. 222 с.
4. Арутюнова А. Ю. Диалогичность текста и категория связности : монография. Пенза : РИИ-КМВ, 2009. 174 с.
5. Баранова И. И. Функциональные особенности научно-популярных текстов : дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 183 с.
6. Баженова Е. А. Политекстуальность научного текста // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : Перм. ун-т, 1999. С. 66–90.
7. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь : ПГУ, 1986. 91 с.

Информация об авторе: *Городничева Ольга Андреевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

О РОЛИ МОТИВИРУЮЩЕГО СЛОВА В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ

Г. К. Касимова

г. Пенза, Россия

zuhra_kasimova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается роль и место мотивирующего глагола в процессе формирования структуры лексических значений многозначных имён действия. Семантическая парадигма deverbativov формируется по различным типам полисемии в процессах синтаксической, семантической и лексической деривации. Обязательными компонентами мотивированного слова неизменно выступают мотивирующая часть и словообразовательный формант. В качестве исходного у рассматриваемых имен действия выступает значение процессуального признака, которое, будучи номинализацией действия, впоследствии выступает мотиватором для развития вторичных предметных номинаций. Формируются они в результате актуализации семантических компонентов мотивирующей пропозиции путем метонимических и метафорических переносов в процессе семантической или лексической деривации.

Ключевые слова: мотивирующая часть, формант, deverbativ, синтаксическая деривация, семантическая деривация, вторичная номинация, метонимический перенос, метафорическое значение

Для цитирования: Касимова Г. К. О роли мотивирующего слова в формировании структуры многозначных deverbativov // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 183–187.

Выявление структуры лексических значений мотивированных существительных предполагает изучение их составных частей, которые, как известно, включают в себя мотивирующую часть, формантную часть и дополнительные семантические компоненты. В лингвистике представлены попытки выявить какие-либо закономерности усвоения тех или иных прямых или переносных значений мотивирующей основы и развития новых значений мотивированными многозначными словами.

Еще в 1967 г. А. Н. Тихонов обратил внимание на то, что «изучение разнообразных случаев проявления семантической соотносительности производных и производящих основ, которая, несомненно, носит характер закономерности, может пролить свет на многие нерешенные вопросы семасиологии, лексики, слово- и формообразования, грамматики» [2, с. 113]. Изучение соотносительности семантики мотивирующих и мотивированных основ до сих пор остается актуальным.

Е. С. Кубрякова справедливо замечает: «Мотивированность производного слова может пониматься... как способность отсылочной части производного отсылать к соответствующему слову (и, конечно, обозначенному им понятию), но – одновременно – и как способность отсылать к «естественному» окружению такого слова, т.е. вызывать в нас ассоциации, связанные с употреблением слова в привычном для него окружении, сигнализировать о связях реалий и понятий. Отсылочная часть выступает в этом смысле не только как краткое резюме мотивирующего суждения, но и как образ обозначенного им слова, который при необходимости служит в качестве сигнала-намёка на все, связанное с триадой «слово – понятие – реалии и класс реалий» [1, с. 172]. В своих исследованиях семантики производного слова как

сложного структурного образования ученый реализует этот подход, учитывающий все факторы, формирующие словообразовательное значение.

Объектом нашего анализа выступают многозначные существительные, мотивированные глаголами. Большая часть имен действия представляет собой сложное структурное образование, семантическая парадигма которых включает не только транспозиционное, но мутационные значения, что свидетельствует о нетождественности семантики мотиваторов. Вторичные номинации в структуре deverbatивов развиваются различными путями. Наличие в структуре лексического значения *nomina actionis* вторичных, предметных номинаций предполагает поиск источников их появления, которые, как показывает анализ, следует выявлять, в первую очередь, в семантической структуре мотивирующего глагола.

Рассматривая семантические свойства мотивирующих слов И. С. Улуханов подчеркивает их особенность: «Семантические закономерности (или ограничения) сочетаемости (семантическая валентность) состоят в том, что форманты выступают в сочетании лишь с теми мотивирующими словами (основами), которые обладают каким-либо общим свойством. Для того, чтобы соединение форманта и мотивирующего слова (основы) состоялось, необходимо, чтобы они были семантически совместимы.

Значения мотивирующих слов, влияющие на возможность их соединения со словообразовательными формантами, относятся к разным уровням языка – грамматике и лексике» [3, с. 130].

В задачи нашего исследования входит рассмотрение структуры значений некоторых полисемантических однокоренных deverbatивов с целью выявления, в каком объеме и как мотивирующие глаголы участвуют в формировании имен действия, какую роль играют приставки при образовании приставочных глаголов от глагола **вязать**.

Исследование проводилось на материале Словаря русского языка в 4-х томах под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС) и данных Словообразовательного словаря русского языка А. Н. Тихонова.

Глагол **вязать**, по данным МАС, содержит в своей структуре шесть значений: '1. (сов. связать). Связывать что-л., собирая вместе или соединять, связывать чем-л., делая, изготавливая что-л. *Вязать снопы. Вязать веники.*

2. (сов. связать). Стягивать кому-л. веревкой, ремнем руки, ноги, чтобы лишить свободы движений. || *перен.* Стеснять, лишать самостоятельности. *Бросай всё, что тебя вяжет. Идём к нам. Н. Островский, Как закалялась сталь.*

3. (сов. связать). Плести спицами, крючком или на машине.

4. *также без доп.* Вызывать во рту ощущение стягивания, терпкости. *Танин вяжет || безл. Разг.* Об ощущении во рту стягивания, терпкости от вяжущего вещества. *Во рту вяжет.*

5. *Тех.* Обладать свойством скреплять, сцеплять твердые материалы.

6. (сов. связать). *Спец.* Скреплять врубкой деревянные части между собой'. – МАС.

Все ЛСВ (за исключением метафорического оттенка 2-го ЛСВ и оттенка безличного значения 4-го ЛСВ) объединяет семантика соединения, скрепления чего-л. путем выполнения определенных физических действий при помощи чего-л.

1, 3, 5 и 6 ЛСВ глагола **вязать** выступают мотивирующей базой для deverбатива **вязка**, семантическая парадигма которого включает три значения:

'1. *Действие по глаг. вязать* (в 1, 3, 5 и 6 знач.). *Вязка снопов.* || Способ связывания, плетения. 2. *Прост.* Связка чего-л. *Из одного кармана вытащила она бумажный сверток с чем-то, из другого вязку больших тяжелых ключей.* Чехов, На пути. 3. *Обл.* То, чем связывают'. – МАС.

1-й ЛСВ представляет собой транспозиционное значение опредмеченного действия, которое будучи, номинализацией действия, выступает источником формирования предметных вторичных номинаций девербатива: результата/объекта действия (2-й ЛСВ) и значения орудия действия (3-й ЛСВ), которые образуются путем метонимических переносов в процессе семантической деривации по радиальному типу полисемии.

Как видим, в формировании структуры девербатива *вязка* мотиватор выступает не в полном объеме, в частности, в семантической парадигме существительного отсутствуют переносное (метафорическое) и безличное значения.

Глагол *вязать* активно участвует в образовании приставочных глаголов: *ввязать, вывязать, завязать, довязать, извязать, навязать, надвязать, недовязать, обвязать, отвязать, перевязать, подвязать, развязать, связать, увязать*. Рассмотрим некоторые из них, которые выступают в качестве мотиваторов для имен действия.

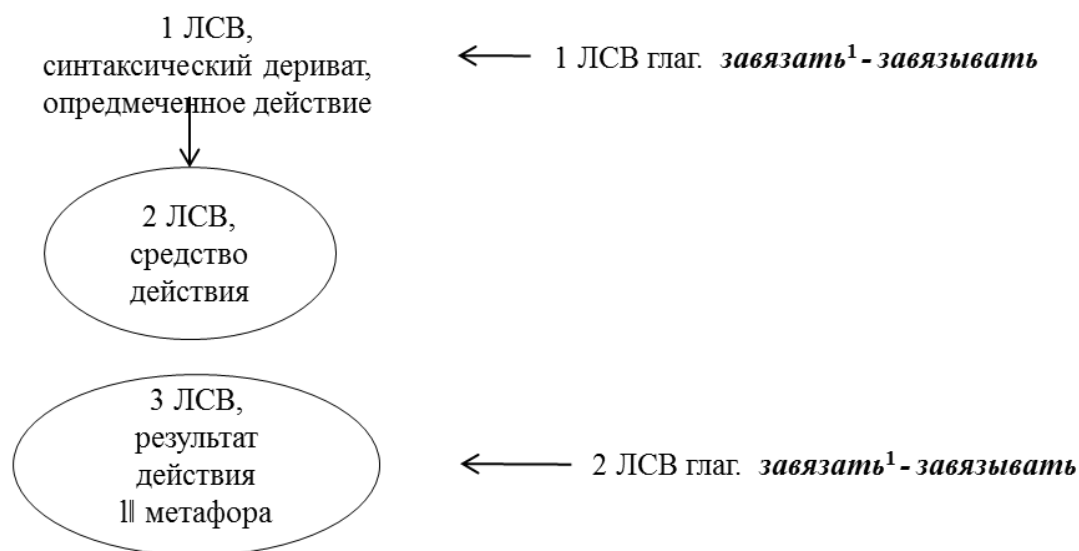
Приставка в глаголе *завязать* вносит в семантику мотивированного глагола помимо значения завершенности выполнение определенной манипуляции:

'1. Сделать узел; соединить, закрепить концы чего-л. узлом. *Завязать галстук. Завязать шнурки ботинок. Завязать бантом.* || Обернув чем-л., закрепить концы; обвязать, перевязать. *Завязать глаза. Завязать горло.* || Уложив во что-л., стянуть узлом концы, края; упаковать, увязать. *Варюша купила махорку, завязала ее в ситцевый мешочек и пошла на станцию. Паустовский, Стальное колечко'*. – МАС.

Исходное значение глагола выступает мотиватором для развития переносных значений:

'2. Установить, начать (какие-л. отношения, связи, взаимные действия). *Завязать дружбу.* 3. Дать начало, образовать (плод). 4. без доп. Прост. Покончить с чем-л. *Он представился капитаном. Когда ему предложили водку, капитан посмотрел на меня и сказал, что вчера завязал.* Горышин, Водопад'. – МАС.

Семантическая парадигма девербатива *вязка* включает три ЛСВ, и сформирована она следующим образом.

Первый ЛСВ выражает транспозиционное значение опредмеченного действия (по исходному значению глагола), на базе которого формируется значение средства действия в процессе актуализации соответствующего компонента глагольной пропозиции. Мотиватором для 3-го ЛСВ, выражающего результативное значение, выступает 2-й ЛСВ глагола. Оттенок значения выражает метафорическое

значение по функциональному сходству. Полисемия создается по комбинированному типу: развитая + отраженная.

1. *Разг. Действие по знач. глаг. завязать¹—завязывать. Завязка мешков.*

2. То, чем завязывают (веревка, тесемка, ленточка.

3. Начало, исходный пункт каких-л. событий, действий; *противоп.* развязка.

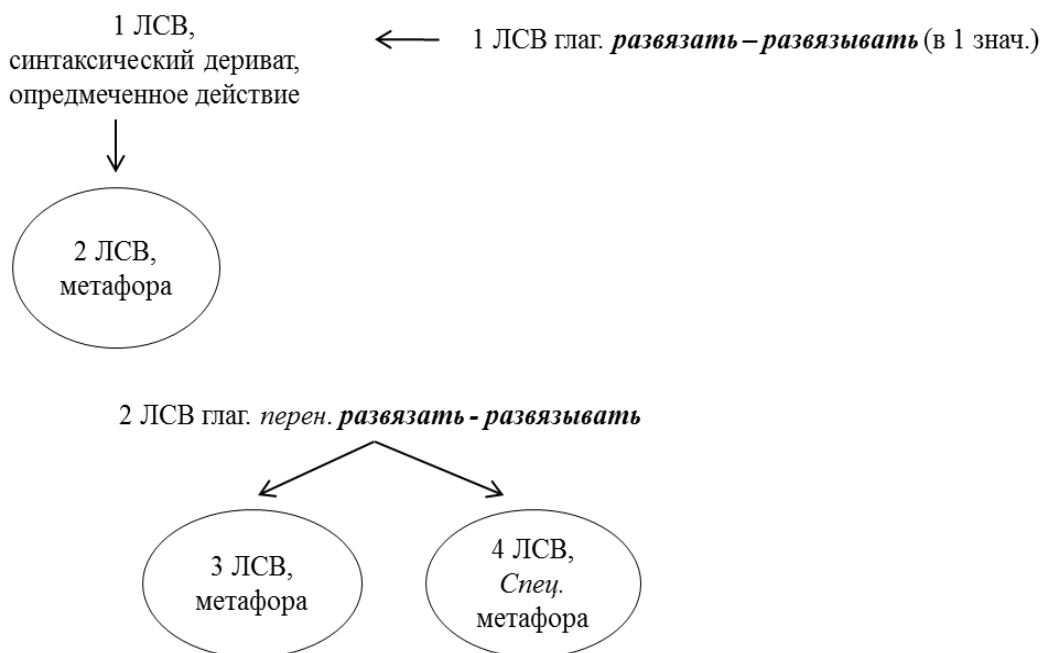
В проходе показались головы пассажиров из соседних купе, услышавших завязку интересного разговора. Овечкин, С фронтовым приветом. || *Лит.* Эпизод, начинающий развитие сюжета в художественном произведении. *Завязка действия. Завязка драмы.* □ *Я вздрогнул. Завязка целого романа так и блеснула в моем воображении.* Достоевский, Униженные и оскорбленные'. – МАС.

Приставка в глаголе **развязать** вносит в его семантику значение аннулирования действия, названного мотивирующим глаголом **вязать**:

1. Распустить, разъединить концы чего-л. связанного. *Ольга высвободилась из объятий Татьяны и попросила ее развязать на спине тесемки докторского халата.* Ажаев, Далеко от Москвы. || Освободить от завязки, упаковки что-л. завязанное, связанное. – *Олеся, развяжи мне правую руку, – попросил Андрей.* Н. Островский, Рождённые бурей.

2. *перен.* Предоставить свободу действий, освободить, избавить от каких-л. ограничений, чего-л. обременительного (*разг.*) – *На другой день старый князь сказал ей спокойно: — Напиши брату, чтобы подождал, пока умру... Недолго – скоро развяжу.* Л. Толстой, Война и мир. || Уничтожив препятствия, дать чему-л. развиваться, развернуться, проявиться в полной мере. *Развязать творческие силы народа'*. – МАС.

Семантическая парадигма девербатива **развязка** включает три ЛСВ, и сформирована она следующим образом.

Первый ЛСВ девербатива выражает транспозиционное значение опредмеченного действия (по исходному значению глагола), на базе которого формируется метафорическое значение по функциональному сходству.

3-й и 4-й ЛСВ девербатива сохраняют переносное значение мотивирующего их 2-го ЛСВ глагола и развивают метафорические значения по функциональному сходству.

1. Действие по глаг. развязать – развязывать (в 1 знач.). *Развязка мешков. Развязка узлов.*

2. Завершение чего-л., конец, разрешающие, распутывающие что-л.; *противоп.* завязка. *Неожиданная развязка. Трагическая развязка.* || *Лит.* Эпизод, заключающий, завершающий развитие сюжета художественного произведения. *Развязка романа.*

3. *Прост. устар.* Непринужденное, свободное поведение, обращение. – *Вы и командуйте всем. Чтобы было весело, чтобы ходуном ходило все... Выпьем еще по одной для развязки!* М. Горький, Госка.

4. *Спец.* Беспрепятственное движение транспорта на магистрали, а также сооружение на дорогах для такого движения. *Обеспечить транспортную развязку!* – МАС.

Полисемия формируется по комбинированному типу: развитая + отраженная + радиальная.

Проведенный анализ имен действия **вязка, завязка, развязка** показывает, что семантика мотивирующих их глаголов в разном объеме участвуют в формировании структуры лексических значений девербатов. У существительного **вязка** отсутствуют переносные значения, в то время как в семантической парадигме девербатива **завязка** наличествуют наряду с транспозиционным значением опредмеченного действия метонимические (орудие и результат действия) и метафорическое значения. Семантика глагола *развязать* в полном объеме участвует в образовании семантической парадигмы имени действия **развязка**, в которой сохраняются метафорические значения.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. 2-е изд., доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 206 с.

2. Тихонов А. Н. О семантической соотносительности производящих и производных основ // Вопросы языкознания. 1967. № 1. С. 113–120.

3. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М. : Азбуковник, 2005. 314 с.

4. Словарь русского языка (МАС) : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981–1984.

5. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1985.

Информация об авторе: *Касимова Гульзухра Кевировна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва в г. Пензе (г. Пенза, Россия).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ»

Я. О. Кротова

Пенза, Россия
ysvyatova@list.ru

Аннотация. Исследуется историко-культурное содержание диалектных фразеологических единиц с компонентом-цветообозначением «красный», репрезентирующих свадебный обряд. Рассматривается ряд диалектных фразеологических единиц с компонентом «красный» и определяется аккумулированная ими историко-культурная информация.

Ключевые слова: диалектная фразеологическая единица, цветообозначение «красный», свадебный обряд, историко-культурная информация

Для цитирования: Кротова Я. О. Репрезентация свадебного обряда в диалектных фразеологизмах с компонентом «красный» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 188–190.

Для современной лексикологии особый интерес представляет языковой материал, который аккумулирует исторический и духовный опыт русского народа, репрезентирует его культурные традиции. Таким материалом, представляющим культурно-историческую ценность и выполняющим «роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировидения» [3, с. 250], являются русские диалектные фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом-цветообозначением.

Методом сплошной выборки из Словаря русских народных говоров (СРНГ) [2, с. 189–196] нами было выделено 6 устойчивых сочетаний с компонентом-цветообозначением «красный», репрезентирующих свадебный обряд и представляющих интерес с историко-культурной точки зрения.

Свадебный обряд складывается из последовательных ритуальных действий, объединяющихся в отдельные цельные блоки – обряды и церемонии: свадебный сговор (сватовство, смотрины и обручение), церковное оглашение помолвки, приготовление приданого, церемония кануна свадьбы (обряды расставания с девичеством и ритуальные элементы приобщения к новому статусу), свадебная церемония (приезд жениха со свадебной процессией за невестой, сведение молодых, выкуп невесты и её переезд к жениху, венчание, приём невесты в доме жениха, повивание невесты, свадебный пир и обряд брачной ночи). Завершается свадьба комплексом очистительных, посвячительных обрядов и взаимных родственных визитов, передающих содержание завершения и ритуального обновления. В свадебном обряде фигурируют особые ритуальные атрибуты и обрядовая пища [1, Т. 4, с. 544–546]. Эти факты культуры и истории находят своё выражение в диалектной фразеологии русского языка.

Диалектные ФЕ с компонентом «красный» называют, например, предметы одежды молодожёнов, а именно головной убор невесты: *красная красота* – а) расшитая золотом или парчовая лента на голове невесты – символ девичьей свободы. Белозер. Волог., Слов. Акад. 1916; б) головной убор невесты в последний вечер перед венцом, когда она оплакивает свое девичество. Капш. Ленингр., Слов. карт. ИРЯЗ). Согласно «Славянским древностям» Н. И. Толстого, этот убор издревле

считается символом девичества и атрибутом в свадебном обряде. В некоторых свадебных текстах воплощением девичьей красоты также является коса незамужней девушки [1, Т. 2, с. 651].

СРНГ называет свадебные атрибуты, предметы быта, используемые в свадебном обряде: **красные дары** – подарки невесте во время помолвки или (чаще) свадьбы. Пустошк. Пск., 1961; **красный поезд** – свадебный поезд жениха в дом невесты в день брака. Пошех. Яросл., 1850; **красный стол** – а) обрядовый свадебный стол в день брака или вскоре после венчания. Арх., 1885. *Праздничный стол на свадьбе, а на второй день красный стол будет.* Медвежьегор. КАССР, Яросл., Костром., Нижегород., Перм., Вят.; б) свадебное торжество при браке, совершаемое не по церковному обряду. *Сын мой настаивал красный стол справить.* Брон. Моск., 1933.

Система дарообмена в славянском свадебном обряде сложна и многоступенчата: происходит обмен дарами между родами невесты и жениха, что является способом преодоления исходного отчуждения между ними и установления родства, а одаривание самих молодожёнов имеет место преимущественно на свадебном пиру. Мать невесты несколько раз одаривала жениха, а свекровь – невестку, «чтобы молодые богаче жили», затем дары преподносили родственники и гости. Мы предполагаем, что **дары**, предназначаемые невесте, назывались **красными**, потому что были красивыми и качественными, т.е. нарядными, полезными, пригодными. Каждый дар сопровождался благопожеланием, становился символом связей новой семьи с социумом, знаком богатства, престижа, поэтому свадебные подарки сохраняли в течение всей жизни, передавали по наследству сыну или дочери [1, Т. 2, с. 20].

В состав **красного поезда** в русской традиции все поезжане жениха были в красных рубахах (ярослав.), с кумачовыми лентами на шапках (воронеж.), с платками, шальями и полотенцами поверх одежды, а женщины повязаны красными шерстяными платками (вологод.), чем и объясняется цветообозначение в составе ФЕ. Важнейшими участниками свадебного поезда являлись посаженный отец, старший сват и/или дружка, при этом участников должно быть нечётное количество. В «Славянских древностях» отмечается, что красный поезд сопровождал молодожёнов также до места венчания, а затем в дом жениха [1, Т. 4, с. 106–109].

Красный стол и красный обед – главный атрибут и особый обряд свадебного пира. Стол как атрибут был особо почитаем славянами. Широко известна формула «Стол – это престол Божий» или «в алтаре престол». На Русском Севере не разрешалось стучать по столу, так как стол – это ладонь Бога или Богоматери, протянутая людям. Там же стол называли материнским сердцем. В Орловщине во время приёма пищи крестьяне старались как можно дольше пробыть за столом, потому что «сколько за столом просидишь, столько в Царстве Небесном пробудешь». Соотнесение стола с раем объясняется символикой церковного алтаря. По этой причине долгое время среди всех славянских народов существовал ритуальный обход стола во время свадьбы. Так, в Верхотамье молодые считались супругами только после того, как вместе с участниками красного поезда с хлебом и солью трижды обходили вокруг стола [1, Т. 4, с. 167].

Красный обед происходил в день венчания или переезда невесты к жениху, последующую брачную ночь и во второй день гуляний. Красный обед включает застолье и сопутствующие ему обряды и ритуальные действия: посад молодых, выкуп невесты у брата, сведение жениха с невестой, снятие покрывала, перемену её головного убора, делёж каравая или иного блюда, одаривание молодых и родственников, выкуп приданого, тосты, величания, песни и т.п. Такое наименование комплекса обрядов распространено на Севере и в центральной России, для других

областей характерны «княжеские» названия, связанные с наименованием молодых князей и княгиней (княжий мир, княжой стол, княж-обед и т.д.) [1, Т. 4, с. 547].

Свадебные обряды включают также *красный пояс* – свадебный обряд с поясом при одевании невесты к венцу. Десна, Ока, 1927. Связывание / развязывание пояса в семейных обрядах имело семантику скрепления нового союза или его распада. Соответственно повязывание пояса при одевании невесты символизировало благословление её на счастливую замужнюю жизнь, создание крепкой, благополучной семьи. Существовал также обычай связывать молодых поясом между собой в свадебном обряде, «чтобы согласнее жили», маркируя тем самым единство новой семейной пары [1, Т. 4, с. 230–232].

Итак, диалектные ФЕ с компонентом «красный» дают представление об основных атрибутах и ритуалах, сопровождаемых свадебный обряд в русской национальной культуре: красный обед / стол, красный поезд, красный пояс, красные дары и красная красота. Интерес представляет тот факт, что в диалектных ФЕ, связанных со свадебным обрядом, используется только одно цветообозначение – «красный». Мы объясняем это тем, что в свадебном обряде красный цвет чаще всего объективирует семантику жизни, здоровья, молодости, что соответствует характеру этого семейного праздника.

Список литературы

1. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого ; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. М. : Международные отношения, 1995–2014.

2. Словарь русских народных говоров / сост. Н. И. Андреева-Васина, А. Ф. Марецкая, И. А. Попов [и др.] ; гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1979. Вып. 15. 400 с. URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries/srng/15.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультуроведческий аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Сведения об авторе: *Кротова Яна Олеговна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЕЙШИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В РЕЧЕВЫХ СУБСТАНДАРТАХ

А. В. Кушнарева

г. Уфа, Россия

a.v.kushnareva@gmail.com

Аннотация. Представляются результаты теоретико-экспериментального изучения сосуществования и взаимосвязи традиционных и новейших паремиологических выражений в речевых субстандартах. Паремия в традиционном понимании – это вневременной источник мудрости для людей всех поколений. Языковой субстандарт в паремиологии – это не статическое, а динамическое явление, обладающее экспрессивным потенциалом. Намеренное включение единиц языкового субстандарта участниками психолингвистических экспериментов в пословицы и поговорки подтверждает предположение о выражении ими прагматических смыслов, представляющих интерес для лингвистической, социо- и психолингвистической интерпретации.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, неопаремия, паремия, прагматика, речевой стандарт

Для цитирования: Кушнарева А. В. Сосуществование и взаимосвязь традиционных и новейших паремиологических выражений в речевых субстандартах // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 191–194.

В последние годы лингвисты всё чаще обращают внимание на влияние экстралингвистических факторов на язык, выражающихся в активном проникновении субстандартной лексики в письменную и устную речь его носителей. Отношение к субстандартной лексике в языкознании неоднозначно: наряду с традиционными суждениями о том, что это «сорняки», которые нужно «безжалостно выкорчевывать», появляются мнения о том, что субстандарт – это положительное явление в языке. Так, например, Е. В. Гнусина считает, что «просторечная лексика приобретает престижный характер» [2]. Под речевым субстандартом понимаются языковые формы и их элементы, противопоставляющиеся кодифицированной норме стандартного / литературного русского языка. К составным элементам русского речевого субстандарта относят просторечие, жаргоны и арго [4, с. 75].

Как отмечает Т. А. Кудинова, оригинальность субстандарта проявляется в самой подвижной области языка – в лексике. Лексические единицы субстандарта в отличие от слов общелитературного языка «более самоценны и в большей степени рассчитаны на выразительный эффект самой формы слова, что позволяет, парадоксальным образом, говорить о большем (в сравнении с литературным языком) удельном весе эстетической составляющей словесного знака» [2].

Субстандартные единицы не столько передают информацию, сколько служат для выражения прагматических смыслов, поэтому их изучение значимо для развития лингвистической прагматики. Прагматический смысл включает в себе ценностные установки личности, личные моральные ориентиры, субъективные переживания и ощущения. Социально обусловленные компоненты прагматического смысла включают в себя групповые нормы морали, ценности и приоритеты. Компоненты прагматического смысла всегда являются реальными, раскрывающимися в данный момент в речевой коммуникации.

Паремии – афоризмы народного происхождения – это вневременной источник мудрости для людей всех поколений. Будучи «результатом рефлексии человека над житейскими событиями», паремии занимают «центральное место в коммуникативном акте», характеризуя описываемую жизненную ситуацию с разных сторон [1, с 261, 268]. Кроме того, паремии способны к реализации креативной функции в языке. Включение субстандартной лексики в паремиологические единицы – это динамическое явление, обладающее значительным экспрессивным потенциалом, доступным для лингвистической, социо- и психолингвистической интерпретации. Для иллюстрации последней обратимся к результатам направленного ассоциативного эксперимента (далее – АЭ), проведённого в 2014–2020 гг. со студентами Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ).

Участникам эксперимента предлагалось придумать вариант или собственную экспрессивную поговорку / поговорку (неопаремию) на основе предложенных ключевых элементов традиционных паремий. Для введенных нами в теоретическую часть исследования таких понятий, как «вариант» (авторские модификации паремий преимущественно на лексическом и грамматическом уровнях) и «окказионализм» (индивидуально-авторские преобразованные паремий) объединяющим является термин «паремия-трансформ(а)», обозначающий модифицированные паремиологические единицы, претерпевающие изменения на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, но сохраняющие ассоциативно-смысловую связь с исходной узуальной формой.

Способность индивида создавать новые оригинальные высказывания из стандартных готовых элементов олицетворяет творческое начало в пользовании языком. Каждый человек всегда привносит в определенные речевые контексты субъективный смысл. Отметим, что включение субстандартной лексики – это не самая частотная стратегия, и большинство студентов, ориентируясь на исходную паремию, выбирали лексику, соответствующую литературной норме. Субстандартные неопаремии, полученные в АЭ, можно условно разделить на семь тематических блоков, отражающих разнообразные аспекты жизни молодых людей 18–20 лет: «студенческие будни», «вредные привычки», «отношения», «деньги», «компьютер», «иллюстрация ситуации», «просторечная лексика с различными коннотативными оттенками».

Желание студентов добавить яркие краски в серые будни оправданно. Единицы студенческого жаргона (*общага, автомат, лаба, препод, зачетка* и т.д.) активно используются в повседневной коммуникации обучающихся в вузе: *за двумя автоматами погонисься, ни одного не поймаешь / за двумя лабами погонисься, ни одну не защитишь / зачетку пятеркой не испортишь / военком студенту не товарищ / студент предполагает, а препод все поставит*. Особенности распорядка жизни студентов представлены в неопаремиях *Кончил дело – гуляй смело до 23:00. Устав общаги / Назвался студентом – живи по укладу*. Непосвященному человеку не совсем понятно, о каком именно «укладе» идёт речь, однако представители референтной социальной группы знакомы с основными правилами «студенческого уклада» жизни, предполагающего соблюдение распорядка в связи с расписанием занятий, дополнительных курсов, спецификой проживания в общежитии и т.п.

Для неопаремий тематической группы «вредные привычки» характерна экспрессивная номинация алкогольных напитков и наркотиков (*пивас, бухло, чекушка, «фен» (амфетамин)*): *сплин пивасом вышибают / без бухла не вытащишь и дятла из дула / за двумя чекушками бегут сразу / клин «феном» вышибают*; включение просторечных глаголов *бухать, закусьвать*: *назвался спортсменом – не бухай и не кури! / и пастуха съели, и собакой закусили / хорошо смеётся тот, кто обкурился*. Индивидуальной тактикой реализации механизма языковой игры является также

включение в паремию некорректных с точки зрения норм русского языка речетворческих реакций: *утро вечера похмелее / хмельнее / бодунее*. Ломка стереотипов восприятия подобных выражений создает комический эффект.

Для описания денежных отношений студенты используют такие просторечные лексические единицы, как *заначка* – «тайник» на воровском жаргоне, *лимон* – миллион, *бакс* – доллар. *Евро баксу не товарищ / сколько ни прячь заначку, лимон не наберёшь / назвался мажором, покупай айфон*. *Мажором* на студенческом сленге пренебрежительно называют представителя «золотой молодёжи».

Поскольку многие студенты, принявшие участие в эксперименте, обучались в университете на специальностях, связанных с компьютерными технологиями, в анкетах присутствуют профессионально маркированные термины (*спам, комп*): *любишь компьютер, люби и спам! / назвался спамом – получай, окаянный! / без труда не вытащишь и ребёнка от компа / без труда не вытащишь задрота от компа*.

Отношения между мужчиной и женщиной – это важная составляющая жизни студентов, которая находит отражение в неопаремиях, заключающих в себе обыденную житейскую мудрость. Отметим, что некоторые неопаремии имеют гендерную ориентированность. Неопаремии *с кем ночью погуляешь – от того и нагуляешь / за двумя козлами погонишься – ни одного не будет / за двумя парнями погонишься – обоих охмуришь* ориентированы на женскую часть аудитории. Взаимоотношения с девушками шуточно раскрываются в неопаремиях юношей: *за двумя бабами погонишься – пикап-мастер! За двумя бабами погонишься – без бабок останешься*. В экспрессивных утверждениях *Милые бранятся – только пиарятся / милые бранятся – соседи вешаются / муж и жена – одна сволота* студенты делают шуточный вывод о буднях жизни гипотетических супругов.

К. Ф. Седов [3], размышляя о роли бранно-просторечных слов в формировании языковой личности, утверждает, что это просторечные экспрессивы, имеющие негативную окраску, соседствует в языковом сознании с элементами табуированной лексики. В ходе эволюции языковой личности просторечные экспрессивы могут закрепляться за ситуациями конфликтного общения людей. Так, в анкетах студентов выявлены элементы просторечной лексики с негативным значением: *назвался дебилом – держи рот закрытым* (в контекстуальном значении «лучше помолчать / не комментировать, если признал себя несведущим в чем-либо») / *назвался дебилом – ну ты и дебил!* (выражение отрицательной экспрессии) / *назвался крутым – пакости тупым* (условное разграничение в группе на «умных» и «не совсем умных») / *назвался маком – страдай раком* (условное обозначение последствий употребления наркотиков) / *молчание – золото дураков, истинное богатство – мудрый совет* (пропозициональное противопоставление тех, кто делится опытом, советует, тем, кто не делится таковым) / *что посеешь, то и похеришь* (что потеряно, то воспрепятствует ходу, осуществлению, реализации чего-либо) / *много знаешь – фиг уснешь* (антонимичное известному «меньше знаешь – лучше спишь»). Использование такой лексики объясняется стремлением к максимальной степени экспрессивности при минимальных языкотворческих затратах.

Комическую функцию выполняет в неопаремиях просторечная лексика с нейтральным значением: *не рой другому яму, не трать силы. Забей! / за двумя лотарейками погонишься, возможно, выиграешь / не говори «гоп-стоп», пока не станешь гопником / не говори «гоп», говори «давай наяривай!» / в тихом омуте зенками не хлопают / дареный конь копыта не откидывает / дареный конь лучше фингала под глазом / глаза бояться – губы матерятся / на безрыбье и халява за счастье / зомбарь человеку не товарищ*. В неопаремиях *без труда не вытащить хребет из дурака, который тебе на белые кеды наступил / молчание – золото, когда дядя прокурор на братков просит настучать* через призму абсурдных ситуаций иллюстрируется прагматический смысл, важный для говорящих.

Полученные по результатам АЭ паремии-трансформы характеризуется наличием общих прагматических функций, присущих как узуальным, так и трансформированным паремиям (информативная, коммуникативная, эстетическая, эмоционально-экспрессивная), а также специальных (частных) функций, репрезентированных в условиях эксперимента (резюмирующая, комментирующая, текстообразующая, регулятивная, развлекательная и функция воздействия, включающая стимулирующую, прогностическую, поучительную).

Итак, лексические единицы речевого субстандарта актуализируются в студенческом паремиологическом дискурсе в виде неопаремий – окказиональных трансформаций традиционных пословиц и поговорок. Анализ полученных в ходе ассоциативных экспериментов неопаремий показал, что они обладают заметным экспрессивным потенциалом, выражают прагматические смыслы, тем самым могут представлять интерес для социо- и психолингвистического исследований. Паремии-трансформы реализуются как фактор модификации функционального пространства дискурса, повышая экспрессивность и прагматическую его эффективность и снижая лексико-грамматическую регламентированность данного жанра. Они способны оказывать двойственное прагматическое воздействие как в конструктивном, так и в деструктивном для коммуникации ключе.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология. М., 2009. 344 с.
2. Кудинова Т. А. Проблемы соотношения литературного языка и субстандартных образований в современной русистике. URL: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2010/186> (дата обращения: 24.02.2022).
3. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004. 317 с.
4. Тонкова Е. Г. Новое в жаргонографии: «Региональный словарь русской субстандартной лексики» А. Т. Липатова и С. А. Журавлёва // Вестник Марийского государственного университета. 2011. № 6. С. 75–76.

Информация об авторе: *Кушнарёва Анна Викторовна*, преподаватель кафедры инновационных технологий языковой коммуникации Уфимского государственного авиационного технического университета (г.Уфа, Россия).

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ВЕРБАЛИЗАТОРЫ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Т. Н. Савчук

*г. Минск, Республика Беларусь
savtchouktn@bsu.by*

Аннотация. Обосновывается правомерность квалификации аргументативных вербализаторов как особой категории языковых единиц. С привлечением данных конвергентной теории аргументации, релевантной для письменного дискурса гуманитарных наук, выделяются категориальные признаки аргументативных вербализаторов: прагматическое значение (позволяют объективировать структурные элементы аргументации, ее схемы, стратегии, тактики, приемы), регулярность использования в аргументирующих рассуждениях, функциональная и структурно-семантическая устойчивость, внутрисистемная организация, регулируемость. Делается вывод о методологической значимости полученного результата для продолжения лингвистического исследования аргументативного дискурса.

Ключевые слова: аргументация, аргументативный вербализатор, конвергентная теория аргументации, аргументативный дискурс, научно-гуманитарный дискурс

Для цитирования: Савчук Т. Н. Аргументативные вербализаторы как особая категория языковых единиц // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 195–199.

Введение

Одним из привлекательных объектов современных междисциплинарных исследований является аргументация – интеллектуально-коммуникативная процедура убеждающего воздействия. Лингвистический аспект аргументации связан в первую очередь с анализом задействованных в ней языковых механизмов. Интерес представляют, в частности, вербальные средства, позволяющие идентифицировать структурные элементы аргументации, эксплицировать важные для аргументативного дискурса когнитивно-прагматические свойства и отношения. Для обозначения такого рода языковых единиц мы используем термин *аргументативные вербализаторы* (его синонимические варианты: *вербальные (языковые) показатели (индикаторы, маркеры, репрезентанты) аргументации*). Данный термин был введен в научный оборот в [5] и позднее уточнен в [6].

Языковые средства, релевантные для аргументирования, в той или иной степени затрагиваются представителями различных лингвогуманитарных дисциплин: стилистики [1; 2; 4], лингвопрагматики [3], логического анализа языка [7], анализа дискурса [8; 10]. Наиболее последовательны в изучении языковых единиц с аргументативной семантикой приверженцы особого направления в теории аргументации, называемого радикальным аргументативизмом (см. подробно в [9, р. 489–498]). Они фокусируются на семантическом анализе вербальных единиц (преимущественно недескриптивных) как показателей иллокутивной (аргументативной) силы. Специфика данного подхода отражается в терминологии: *аргументативные операторы (коннекторы, связки, модификаторы* и др.). Исследования такого рода содержат интересные наблюдения, касающиеся функционирования в аргументативном дискурсе отдельных вербальных знаков (слов), лингвистический статус которых при этом остается неопределенным.

В отличие от сторонников радикального аргументативизма, мы связываем аргументативное значение языковых единиц с их способностью объективировать

структуру обоснования и формировать прагматику рассуждения. Такое понимание вербализатора аргументации дает возможность существенно расширить круг анализируемых языковых фактов.

Возникает вопрос, правомерно ли обособление аргументативных вербализаторов как особой категории языковых единиц. Говоря в данном контексте о категории как о группе явлений, объединенных общностью определенных признаков, на поставленный вопрос мы отвечаем утвердительно. Основанием для такого ответа служат данные исследования аргументации в письменном дискурсе гуманитарных наук, выполненного на русско- и белорусскоязычном материале, результаты которого обобщены в конвергентной лингвистической теории аргументации (см. [6]).

Какие же признаки служат объединяющими (категориальными) для вербализаторов аргументации? Во-первых, это **прагматическое значение**. В роли аргументативных вербализаторов выступают слова и выражения, имеющие различную лексико-грамматическую природу. При этом все они так или иначе участвуют в формировании аргументативного дискурса, позволяют идентифицировать и реконструировать структурные элементы аргументации.

Общая прагматика аргументативных маркеров конкретизируется в их разновидностях. Учитывая многообразие языковых единиц с аргументативной семантикой, их систематизация представляется задачей сложной, но вместе с тем решаемой. Очевидно, что результаты исследовательских классификаций могут быть различными, поскольку зависят от положенных в основу деления критериев. Разработанная нами типология включает четыре группы аргументативных вербализаторов, релевантных для научно-гуманитарного дискурса: 1) показатели тезиса, 2) индикаторы аргументов, 3) репрезентанты аргументативных схем, 4) маркеры стратегий и тактик обоснования [6, с. 121].

Все названные типы вербализаторов систематически используются в аргументирующих рассуждениях (нет текстов, в которых они не были бы представлены), приобретая **функциональную устойчивость** – это второй интегрирующий признак.

Маркеры аргументации, выполняя функцию организации, упорядочения коммуникативного процесса, способствуют тем самым его эффективности. Важно отметить, что роль вербализаторов значима для обоих субъектов аргументативной интеракции – продуцирующего и воспринимающего.

Так, в научно-гуманитарном обосновании использование вербальных индикаторов позволяет аргументатору максимально точно и ясно объективировать когнитивные схемы рассуждения для лучшего понимания его системы аргументов и последующего принятия его точки зрения аудиторией [5, с. 462]. Закономерно, что степень точности вербальной манифестации аргументативных отношений напрямую коррелирует с адекватностью их понимания. Из этого следует, что аргументатор заинтересован в точности вербального представления обоснования, поскольку это позволяет ему сэкономить усилия по реализации убеждающего воздействия.

Вербальные показатели аргументации представляют ценность и для реципиента, поскольку они значительно облегчают процесс распознавания элементов аргументирующего рассуждения: языковые маркеры выполняют «навигационную» функцию – дают возможность следить за движением мысли аргументатора, понимать логику его обоснования, адекватно интерпретировать аргументативные структуры [6, с. 120–121].

Естественно ожидать, что убеждающая коммуникация будет более эффективной, если в дискурс включены языковые знаки, маркирующие:

тезис (рус. *Наша точка зрения заключается в том, что...; Мы выдвигаем следующую гипотезу; (Я) считаю/думаю/полагаю, что...; Итак, можно сделать вывод...;* бел. *Тэза маіх нататкаў...; Гіпотэзай з'яўляецца меркаванне, што...; (Мы) мяркуем/лічым, што...; З гэтага можна зрабіць выснову аб тым, што...;*);

аргументы в разных структурных моделях – множественной (рус. *кроме того; помимо прочего;* бел. *акрамя таго; больш за тое*), сочинительной (рус. *вдобавок к тому; если также учесть, что;* бел. *разам з гэтым; усё гэта сведчыць*), подчинительной (рус. *поскольку... постольку... вследствие этого;* бел. *што прывяло да... і ў выніку да...;*);

схемы рассуждения – дефинитивную (рус. *представляет собой, определяется как, обозначает(ся), называет(ся);* бел. *уяўляе (сабой), трактуецца/разглядаецца/разумеецца як, мае наступнае значэнне и т.п.*), прагматическую (рус. *средство, стимул, импульс, эффект, для этого необходимо, без... нельзя (невозможно);* бел. *сродак, стымул, крыніца, уплыў, для (дзеля)... неабходна, без... нельга (немагчыма)*), обобщающую (рус. *результаты исследований подтверждают/показывают; полученные данные свидетельствуют;* бел. *пацверджаннем/сведчаннем служыць; даныя сведчаць пра тое, што*), регулятивную (рус. *Как считают исследователи...; Нельзя не согласиться с мнением... писавшего...;* бел. *Па меркаванні шэрагу экспертаў...; Мае рацыю... сцвярджаючы, што... и т.п.*);

стратегии и тактики обоснования, в числе которых – подтверждение (рус. *Как убеждает социальная реальность, Согласно данным проведенного опроса;* бел. *Як паказвае практыка рэальнага быцця, Згодна з вынікамі анкетавання*), критика (рус. *Мы ставим под сомнение..., Такой взгляд нельзя признать правильным...;* бел. *Гэтае палажэнне здаецца нам вельмі няяўным, Ужываць падобны метады абсалютна няправільна*), апелляция к экспертным знаниям (рус. *В современной психологии достоверно установлено, что...;* бел. *Навукоўцы прытрымліваюцца думкі, што...;*); обращение к фоновым знаниям (рус. *В настоящее время мы переживаем..., События последних десятилетий показали;* бел. *Нам так добра вядомы..., Апошнім часам и др.*), рациональное усиление (рус. *лишь в том случае, если; только при условии; большое (особое, принципиальное) значение;* бел. *менавіта адсюль вынікае; толькі ў тым выпадку, калі; (вельмі) вялікае (значнае) месца и др.*); эмоциональное усиление (рус. *Бессмысленно отрицать, что...; Практика убедительно доказала...;* бел. *Не падлягае сумненню, што...; Факты пераконваюць у тым, што... и под.*).

Регулярное употребление аргументативных вербализаторов обеспечивает им не только функциональную, но и **структурно-смысловую устойчивость** – третий объединяющий признак. Слова и выражения, подобные приведенным выше, приобретают клишированный характер: за определенными лексическими и грамматическими единицами закрепляется те или иные аргументативные значения. В результате многократного повторения в дискурсивной практике вербальные показатели аргументирования становятся воспроизводимыми: семантика языковых знаков воплощается в стандартных формах.

Еще одним категориальным свойством аргументативных вербализаторов служит их **внутрисистемная организация**. Рассматриваемая группа языковых единиц характеризуется устойчивыми синтагматическими связями и парадигматическими отношениями. Синтагматика вербализаторов проявляется в их контекстной сочетаемости (контекст понимается широко), обусловленной типологическими свойствами той или иной разновидности. Так, в научном дискурсе показатели подытоживания *итак, таким образом / такім чынам* обычно сопровождаются ассертивными высказываниями, выражающими точку зрения; выражения *поскольку, так как / бо, з-за таго, што* прогнозируемо сопровождают экспликацию

причины в каузальной схеме; речевые единицы *вследствие чего, в результате, по этому / таму, ось чаму, адсюль і*, маркирующие прогрессивную форму обоснования, неизменно следуют за аргументами, предшествующими тезису; вербальные единицы *да, конечно, безусловно, с одной стороны / так, несомненно, безусловно, з аднаго боку* с большой долей предполагают постпозицию выражений *но, однако, з аднаго боку / але (ж), пры гэтым, з іншага боку*, выступая индикаторами особого приема критики – мнимого согласия («да... но») и т.д.

Системные парадигматические отношения аргументативных вербализаторов проявляются в прагматической синонимии, прагматической полисемии, прагматической омонимии. Прагматическая синонимия состоит в том, что формально различные речевые единицы репрезентируют однотипные аргументативные структуры. Это дает возможность выбора того или иного вербального знака в заданных условиях коммуникации. Суть прагматической полисемии, или многозначности, заключается в способности одного и того же вербализатора маркировать разнородные элементы аргументации, т.е. выполнять несколько функций. Так, конструкции с лексемами *пример, например / прыклад, напрыклад* объективируют, в зависимости от ситуации, разные аргументативные схемы: это типизирующая (основана на использовании факта как примера), подтверждающая (факт используется как иллюстрация) либо моделирующая (факты выступают в роли образцов/антиобразцов).

Прагматическая омонимия имеет место в случае, когда языковая единица употребляется как в собственно аргументативном значении, так и в квазиаргументативном: в составе аргументативного ресурса (комментирующие, уточняющие, поясняющие рассуждения, не образующие аргументативную конструкцию, но лишь способствующие поддержке обоснования) и парааргументации (составляющие дискурса, которые выполняют квазиаргументативные функции: позволяют реализовать убеждающую цель аргументации за счет актуализации ее эмоционально-психологического, ценностного, эстетического потенциала). Омонимичность проявляют такие речевые формулы, как: рус. *это обусловлено/объясняется тем, что; это стало/послужило причиной того, что; ведь;* бел. *што абумоўлена; гэта тлумачыцца тым, што; прычыну тут розныя* и т.п. Подобные языковые структуры используются как вербализаторы каузальной аргументации в одних случаях, в составе объясняющего ресурса – в других.

Функционирующие в аргументативном дискурсе языковые средства подлежат не только описанию, но и оценке. Согласно конвергентной теории, имеющей дескриптивно-нормативную направленность, использование вербальных маркеров аргументации в гуманитарном дискурсе подчиняется двум правилам – семантической точности и компетентного употребления. **Регулируемость** аргументативных вербализаторов, «приложимость» к ним определенных прескрипций выступает еще одной объединяющей характеристикой. Принципы и правила, релевантные для аргументативных маркеров, являются частью общей нормативной модели научно-гуманитарной аргументации (см. [6, с. 187–220]) и заслуживают отдельного рассмотрения.

Совокупность всех названных выше интегральных характеристик аргументативных вербализаторов позволяет выделить языковые единицы такого рода в отдельную категорию. Этот вывод методологически важен для продолжения лингвистического исследования аргументативного дискурса.

Список литературы

1. Аликаев Р. С. Стилистическая парадигма языка науки : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04. Краснодар, 1999. 36 с.

2. Баженова Е. А. Политекстуальность научного текста // Стереотипность и творчество в тексте : Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 1999. С. 66–90.
3. Баранов А. Н., Тарасов Е. Ф. [и др.]. Аргументация как языковой и когнитивный феномен // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М. : Наука, 1990. С. 40–52.
4. Резанова З. И., Когут С. В. Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте: этнокультурные и дискурсивные детерминации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 1 (39). С. 62–79.
5. Савчук Т. Вербализация аргументативных структур в научном гуманитарном дискурсе // Русистика и современность : сб. науч. работ 18-й Междунар. науч. конф. / редкол.: Э. Архангельская [и др.] ; Балт. междунар. акад. [и др.]. Рига : Балт. междунар. акад., 2016. С. 461–468.
6. Савчук Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск : Издат. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. 279 с.
7. Логический анализ языка : избранное, 1988–1995 : сб. ст. / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М. : Индрик, 2003. 695 с.
8. Eemeren F. H. van, Houtlosser P., Snoeck Henkemans A. F. Argumentative indicators in discourse: a pragma-dialectical study. Dordrecht : Springer, 2007. 233 p.
9. Eemeren F. H. van [et al.]. Handbook of argumentation theory. Dordrecht : Springer, 2014. 988 p.
10. Schiffrin D. Discourse markers. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 364 p.

Информация об авторе: *Савчук Татьяна Николаевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной лингвистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

СЕГМЕНТАЦИЯ СЛОЖНОСОЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ, ФАКТОРЫ, ПРИЗНАКИ

О. В. Сергушкова

*г. Мозырь, Республика Беларусь
sergushkova_olga@mail.ru*

Аннотация. Доказывается, что сегментация сложносочинённых предложений – реальное текстовое явление; выявляются проблемы расчлененности этих конструкций и её причины. Структурированные в результате расчленения сегментированные тексты рассматриваются как трансформы условно-исходных нерасчленённых высказываний и анализируются в аспекте актуального членения; вводится понятие текстовой ремы.

Ключевые слова: коммуникативная единица, сложносочинённое предложение, сегментация, акцентуация, рема, текстовая рема, условно-исходное предложение, трансформ

Для цитирования: Сергушкова О. В. Сегментация сложносочинённых предложений: проблемы, факторы, признаки // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 200–204.

Введение

Изучение расчленённости синтаксических единиц началось ещё в 50-е годы XX в. В разработке учения об их сегментации приняли участие известные лингвисты. Однако многим аспектам данного явления уделено недостаточно внимания [5]. Это касается прежде всего сегментированных сложносочинённых предложений, которым посвящено предлагаемое исследование.

В статье под сегментацией понимается такое расчленение предложения-высказывания, результатом которого выступает сегментированный текст (СТ). Он состоит из базового высказывания (БВ) и сегментированной конструкции (СК). СК функционируют как относительно самостоятельные коммуникативные единицы, представляющие собой транспортированные из условно-исходных предложений в СТ сегментированные синтаксемы или их комбинации, в том числе предикативные части (ПЧ) сложных предложений (СП).

Задача данного исследования – выявить факторы сегментации сложносочинённых предложений (ССП) и проблемы расчленённости ССП.

Проведённый анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Проблема сегментации ССП связана с тем, что их ПЧ, на первый взгляд, не подчинены никакому господствующему над ними члену, поэтому не являются ни БП, ни СК (в выше истолкованном смысле), хотя и разграничены знаком конца предложения. Но похожая картина наблюдается и в простых предложениях (ПП) со связанными сочинительными союзами однородными подлежащими или сказуемыми. Мы считаем, что, как и в ПП, в ССП сочинительные союзы используются не только при объединении грамматически равноправных языковых единиц, но и при транспонировании разнообразных смысловых отношений между «бывшими» ПЧ «бывшего» ССП для акцентуации рем. Однако и сочинительные связи также подвергаются транспонированию. Главенствующую роль в этом процессе, как убедительно доказывает Е. В. Падучева, играют союзы: ПЧ, будучи равноправными синтаксическими единицами предложения, могут быть «подчинены сочиняющей

связью одному и тому же сочинительному союзу» [3, с. 171] и при сегментации ССП они также квалифицируются как БВ и СК.

2. Причинами сегментации ССП являются следующие речевые факты:

1) большой объём условно-исходного предложения (длина (несегментированного трансформы): (1) (1а) *Среди продюсеров фильма не только авторитетнейший Сергей Сельянов, но и Анатолий Чубайс, который, помнится, хотел «порвать на куски» Достоевского, он мог бы разбить вдребезги и «зеркало русской революции» – у Льва Николаевича много чего написано такого, что нынешнюю знает, если б она прочитала, взбесило бы – но вот ведь Анатолий Борисович продюсирует историю из жизни великого диссидента. (1а) **И его твёрдая рука чувствуется по тому, какая мощная рекламная волна фильма прокатилась по ТВ и как дружно практически все издания им уже восхитились** (ЛГ, 26.09, 2018) {Здесь и далее приняты следующие обозначения: 1) курсив – текст; 2) полужирный курсив – СК; 3) подчёркивание – рема; 4) н-р – например; 5) СБ – «СБ – Беларусь сегодня»; 6) ЛГ – «Литературная газета»; 7) О. С. – Ольга Сергушкова; 8) /// – абзац; 9) фигурные скобки – примечания, а также графический приём при сдвоенности круглых скобок}, где СК (1б) связана с БП (1а) анафорическим местоимением-отсылкой «его», а предложения (1а) и (1б) последовательно развивают главную тему статьи А. Кондрашова «Договариваясь с совестью». Отношения между «бывшими» ПЧ, связанными союзом «и», переносятся на более высокий, текстовый, уровень значимости. При трансформации данного СТ точка после (1а) может быть снята без ущерба для содержания. Однако в результате мы получим неудобочитаемое предложение, в котором 79 слов, а, согласно [3], в него даже в научных и художественных текстах редко включается более 50 слов. Большой объём существенно затрудняет восприятие содержания и оправдывает намеренную сегментацию;*

2) более отчётливая акцентуация рем в БВ и СК («бывших» ПЕ) по сравнению с их выделением в условно-исходном высказывании: (2) (2а) *Понятно, гениев играть трудно, но раз в сценарии есть Толстой, то без актёра, который что-то найдёт уникальное и будет убедителен в роли, приступать к работе нельзя. (2б) **Но приступили** (ЛГ, 26.09, 2018), где отношения между БВ (2а) и СК (2б), выраженные союзом 'но ненормального следствия' [7, с. 23], становятся текстовой ремой, а в СК (2б) акцентуируется рема, важная для статьи в целом. То есть СК выступает как ключевой компонент текста, в котором выражается главный смысл авторского сообщения;*

3) акцентуирующее смысловую близость «бывших» ПЧ дистантное расположение СК по отношению к БВ: (3) (3а) *...Это мир, хозяева которого... успешно превращают в товар всё. (3б) **В том числе и то, что по своей природе (неограниченное, всеобщее благо) товаром быть не может. (3в) **И в этом своём стремлении они аналогичны дворянству эпохи индустриальных революций**...*** (ЛГ, 13–19. 02, 2008), где (3в) в позиции отчленения имеет все признаки грамматически независимого предложения-высказывания. Взаимосвязь (3а), (3б) и (3в) в СТ (3) обеспечивают такие же факторы, как в СТ (1) (одна тема и идея, один субъект всех процессов многоэтапного события), а также повтор, слово-отсылка и авторская квалификация реалий, в которой акцентуируются каузальные отношения между ними. Однако решающим фактором данного расчленения является наличие СК (5б), в которой с помощью высказывания с кванторной конструкцией **в том числе** структурируется новая рема, обогащающая СТ мыслью о свободе автора в выборе приоритетных реалий (из круга равных по значимости), позволяющей выразить личностное отношение к окружающему миру [5]. Таким образом, СК с квантором включения выступает как приём акцентуации указанного значения, выделения данной реалии из некоего множества (в данном оно обозначается лексемой «всё»), тоже

квантором). Описанная функция в какой-то мере оправдывает необязательную сегментацию (3б). Но (3в) отчленена от (3а), а не от (3б), то есть СК (3в) следует считать результатом необходимой дистантной сегментации;

4) значение присоединения или его оттенка в СК: (4) (4а)...*перед самой смертью он [Шаляпин. – О. С.] велел принести ему шкатулку и, открыв её, заплакал: «Здесь земля с могилы моей матушки... (4б) А мать его, между прочим, похоронена в Самаре* (ЛГ, 12–18.04, 2000), где многоточие после (4а) и словоформа «*между прочим*», употреблённая в значении вводного слова «кстати» [6, т. II, 245], способствуют реализации семантики добавочной информации из другой области знаний;

5) разные иллокуции в БП и СК, а также акцентуаторы ремы в СК (экспрессивные слова, то есть языковые единицы, интенсифицирующие иллокутивную силу высказываний): (5) *В своё время Лескова, Достоевского и Чехова правоверные либералы клеймили... за дружбу не с теми редакторами. Но кому теперь интересно, что Достоевский печатался у Каткова, а Чехов – у Суворина?!* (ЛГ, 11.04, 2018); (6) *Спокойно и обдуманно... они [Писатели. – О. С.] будут шариковыми ручками, на пишущих машинках, на компьютерах осмыслять биографию своей эпохи. И именно их строки... останутся в отечественной истории* (ЛГ, 8–14.02, 2006).

3. Нередко трудно разграничить сегментированное ССП и текст из двух (и более) предложений, связанных между собой сочинительными союзами. Считая, что любой такой союз в абсолютном начале предложения выступает знаком сегментации ССП, мы отказываем данным служебным словам в той функции, на которой они специализируются, – связывать не только члены предложения и ПЕ, но и высказывания в тексте. Н-р, (7): *Трудно снова перечитывать страницы дневников, воспоминаний, писем, слышать голоса умерших мучительной смертью или выживших, но испытавших столько страданий и утрат, что сознание отказывается принимать, сердце отказывается «впускать» стучащую через десятилетия боль... (7а) Но если не представлять себе глубину той бездны, куда гитлеровцы стремились столкнуть Ленинград и его жителей, невозможно в полной мере оценить величие совершённого нашими предками коллективного подвига* (ЛГ, 23.01, 2019). Данный микротекст не является СТ, так как предложение (7б) связано не только с предыдущим высказыванием, но и с другими фрагментами текста, в которых проясняется глубинный смысл статьи в целом, её не столько коммуникативно-информативная задача показать ужасы блокады, сколько внятная прагматическая цель – призвать систему просвещения формировать у молодых сограждан «особое, сакральное отношение к памяти жертв нацизма».

По мнению Р. О. Зелепукина, сегментированное ССП «является коммуникативным вариантом предложения непарцеллированного», поэтому не имеет функциональных различий со стандартным предложением. Парцеллированными ССП можно считать высказывания со смысловой общностью частей, выраженной в наличии в парцелляте (СК) лексемы, повторяющей лексему из допарцеллированной части (в любой грамматической форме) или отсылающей к этой лексеме. Непарцеллированными будут считаться предложения, связь которых не опирается на «общие» словоформы [1]. Данные положения иллюстрируются следующими примерами (в оформлении Р. О. Зелепукина): *Ей не нужна была чужая точка. И шатер зелени тоже не нужен* (Лиловый костюм)... *Его миссия велика. Но он поруган* (Сентиментальное путешествие) и др. Эти высказывания соответствуют теоретическим положениям о специфике непарцеллированных предложений-высказываний и их парцеллированных трансформов (СТ). Однако в нашей картотеке содержится немало примеров, когда есть и смысловая общность частей, отграниченных друг от друга знаком конца предложения, и повтор лексемы, а сегментация

отсутствует. И наоборот: в проблемных (с точки зрения квалификации конструкции) частях расчленённого ССП отмеченных Р. О. Зелепукиным структурных средств их связи нет, а сегментация налицо. Видимо, указанных признаков недостаточно. На наш взгляд, ведущим фактором при разграничении этих синтаксических единиц является степень и способ их связанности с предшествующим предложением, а также с текстом. При этом связанность может не зависеть от структурных средств, так как, признавая парцелляцию (сегментацию в широком смысле) текстовым явлением, мы принимаем и то, что здесь грамматические показатели оказываются не главными, более важны содержательные, глубинные связи. Н-р, (8) и (9) не являются СТ, хотя в обеих их частях наблюдается формальная конструктивная связь: (8) *...какие-нибудь французы... теперь возьмутся пересматривать свою социально-экономическую политику, обеспечивать для молодёжи доступность образования и рабочие места, искать способы защиты своего производителя товаров и услуг.* /// (8а) *Но мы не французы* (ЛГ, 16–22.11, 2005); (9) *Долгие годы ОНО там было... Помню, что какой-то вроде бы сотовый оператор. Какой? Не помню. Вот он – сильнейший эффект рекламы.* (9а) *И я задумалась о самом большом романтическом мираже всех времён и народов* (СБ, 30.11, 2007).

А в следующих текстах не содержащие ни повторной номинации объектов, ни отсылок к лексемам, употреблённым в соответствующих БВ, (10б), (10в) и (11б) являются СК, так как грамматически и по смыслу тесно связаны с ними: (10) (10а) *18 июня 1941 года провели выпускной вечер.* (10б) *А через три дня страшная, ни с чем не сравнимая беда обрушилась на великую страну.* (10в) *И все судьбы, все дороги слились в одну, которая шла через войну...* (СБ, 21.09, 2013); (11) (11а) *Сэр Чарльз шёл на свидание, гордясь собственной добродетельностью, он чаял пособить Леди Современности.* /// (11б) *...И вдруг сэр Чарльз увидел, что больше нет ни финансовых операций, ни либеральной партии, ни газеты «Таймс», ни прогресса, ни викторианской морали, ни похвалы добродетельности, – тут-то он понял, что вокруг вообще нет реальности конца XIX века.* (11в) *А есть сюжет то ли 1742 года (когда была создана рукопись о «проклятии Баскервильей»), то ли середины XVII века (когда, согласно рукописи, погиб Гуго Баскервиль), то ли вообще нечто вне времён* (ЛГ, 31.07, 2019), где (11а) и (11б) не образуют СТ, так как между этими высказываниями нет тесной глубинной связи. Описываемые события происходят в разных временных и модальных планах: в (11а) – реальное событие в реальном мире, а в (11б) – ирреальное событие в мифе. Автор доказывает, что миф – это тоже реальность, но сэр Чарльз об этом не знает... Может быть, для акцентуации такого смысла высказывание (11б) перемещается в другой абзац, что сильнее подчёркивает его автосемантическую. А вот (11б) и (11в) по смыслу тесно связаны друг с другом, что мотивируется лейтмотивом статьи. Вряд ли акротеза, структурированная глаголом «быть» в форме 3 лица настоящего времени и частицей «нет» в значении предиката с такими же грамматическими признаками, является средством конструктивной связи предложений, но именно она обеспечивает их смысловое единство, напрямую соотносимое с текстом и усиливающее его когерентность.

Итак, сегментация ССП – это реальное текстовое явление. При расчленении данных синтаксических единиц образуется СТ, состоящий из БВ и СК – коммуникативно независимых высказываний, в которых рематические компоненты выделяются более отчётливо, чем в условно-исходных ССП. Смысловые отношения БВ и СК друг с другом (то есть «бывших» ПЧ несегментированного ССП) становятся текстовой ремой, структурированной сегментацией и акцентуированной СК. Расчленение ССП специфично, так как его ПЧ в сегментированной позиции приобретают все признаки ПП как равноправных, грамматически независимых друг от

друга единиц. Но благодаря подчинённости сочинительным союзам, объединяющим их для выполнения той или иной коммуникативной задачи, данные конструкции также образуют СТ, части которых квалифицируются как БВ и СК. Такие СТ следует отличать от микротекстов, содержащих изначально несегментированные предложения, связанные теми же союзами, что и части СТ. Фактором разграничения данных единиц выступает текст.

Изучение сегментации сложного предложения, в частности ССП, продолжается. Плодотворные идеи талантливых лингвистов, среди которых юбиляры 2022 г. Г. Я. Солганик, обративший внимание на многие новые явления в языке газеты, Н. И. Формановская, стоявшая у истоков учения о расчленённости высказываний как об одной из доминирующих черт лингвокультурологической парадигмы второй половины XX и начала XXI вв., В. А. Белошапкина, на понимание которой такого явления, как пропозиция, ориентируются многие учёные, изучающие сегментацию, – являются стимулом для исследования новых, актуальных процессов и доказывают особую важность и притягательную силу бесконечного поиска истины с помощью языка.

Список литературы

1. Зелепукин Р. О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / Моск. гос. пед. ун-т. М., 2007. 26 с.
2. Клемёнова Е. Функциональная применимость теории кванторности // Научно-культурологический журнал. 2013. № 7. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3542&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 22.12.2018).
3. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса (Материалы к трансформационной грамматике русского языка). М. : Наука, 1974. 292 с.
4. Пушкина Е. С. Теоретико-экспериментальное исследование структурно-семантических параметров текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Кемер. гос. ун-т. Кемерово, 2004. 20 с. URL: <http://cheloveknauka.com/teoretiko-eksperimentalnoe-issledovanie-strukturno-semanticheskikh-parametrov-teksta#ixzz65lSWc7ze> (дата обращения: 19.11.2019).
5. Сергушкова О. В. Сегментированные конструкции в аспекте актуального членения. Минск : РИВШ, 2014. 188 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984.
7. Урысон Е. В. Семантика союза НО: данные языка о деятельности сознания // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 22–24.

Информация об авторе: *Сергушкова Ольга Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь).

ЯЗЫК И СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

ЭСТЕТИКА ПРИРОДЫ В ЕЁ ОБРАЗНОМ ВОПЛОЩЕНИИ В ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

К. К. Бауаев

г. Нальчик, Россия
kazim_bauaev@mail.ru

Аннотация. Даётся характеристика отдельных образов, мотивов природы и пейзажных комплексов в творчестве балкарских поэтов И. Бабаева и С. Мусукаевой в общем культурологическом контексте тюркоязычной литературы Северного Кавказа. Устанавливается связь растительных образов и мотивов с основными темами и проблематикой творчества этих поэтов: скоротечность земного существования, разлука с родной землей, воспоминания о детстве, любовь к малой родине. Выявляются ключевые смысловые оппозиции, в которые включаются данные поэтические образы: родина и чужбина, далекое и близкое, детство и зрелость, прошлое и настоящее. В результате проведенного анализа удается выявить общие и специфические черты общенационального образа в творчестве балкарских литераторов. Определяются особенности индивидуального стиля поэтов в раскрытии растительных образов и мотивов, устанавливается, что ведущую роль при этом играют выразительные средства фольклорной поэтики.

Ключевые слова: поэзия, национальная литература, мотив, стиль, родина, чужбина, природа

Для цитирования: Бауаев К. К. Эстетика природы в её образном воплощении в тюркоязычной поэзии Северного Кавказа // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 205–208.

Каждая национальная литература имеет свою систему раскрытия устойчивых мотивов, характеризующих её эстетическое своеобразие. Литература народов Северного Кавказа, богата общими размышлениями о жизни природы и сравнима в этом отношении с литературами других народов. Красота и уродство, живое и неживое, мудрость и безумие, отзывчивость и равнодушие, человек и растение – все эти темы в различные времена находили своеобразное преломление в творчестве многих национальных поэтов, в том числе и в творчестве представителей тюркоязычной литературы народов Северного Кавказа [2, с. 57].

В то же время литература народов Северного Кавказа в этом отношении мало изучена. Особое внимание исследователей национальных литератур, как правило, привлекали другие проблемы, которые оттесняли в литературоведческих трудах значимость образа природы, через который национальная специфика литературы проявляется особенно чётко. Ярким примером этому могут послужить балкарская, карачаевская, ногайская и другие литературы тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Созерцание окружающей среды, природных явлений под углом личного опыта, в свете особенностей воспринимающего субъекта помогло поэтам и писателям не только обновить, освежить давно привычное, вошедшее в мир людей, как стертое, но и позволило окружающей среде, природе стать образцами внутреннего.

«Кабардинцы и балкарцы, писал исследователь М. Сокуров, заново открывают горы, видят их глазами нового человека» [4, с. 17].

Следует отметить, что сложность исследований индивидуального «поэтического воззрения» на природу, а вместе с тем и взгляда целого народа на мир природы заключена в том, что у каждого поэта, писателя раскрывается свой, особенный образ природы. Между индивидуальными стилями поэтов наблюдаются огромные различия, которые, как правило, отсутствовали в произведениях устной словесности в эпоху сложения мифологии. «Фольклор отражает реальную действительность, – писал В. Я. Пропп – но специфика отражения зависит как от эпохи, так и от жанра» [8, с. 32]. Произведения той поры, в отличие от произведений письменной литературы можно отнести к выразителям коллективного сознания, внутри которого еще не выделилась авторская индивидуальность.

Однако это не означает, что современная пейзажная литература не представляет никакой целостности. Целостность литературы того или иного народа существует, но уже в рамках отдельных поэтических текстов. Если фольклорное произведение выражало коллективное сознание, внутри которого народ еще не умел выделять авторскую индивидуальность, авторы произведений не оставляли своих имен, то в современной литературе каждое произведение является образцом выражения субъективной мысли отдельного художника, даже в том случае, когда речь идет о традиционной поэтической системе.

В то же время единство национального поэтического сознания имеет специфику сохранения и при множестве индивидуальных стилей.

«Как ни меняется с ходом времени социальный уклад жизни, природа в своих основных чертах остаётся неизменной, она – то общее, что есть у нас с М. Ломоносовым, А. Пушкиным, А. Блоком» [10, с. 8]. Трудно не согласиться также с мнением Михаила Крепса, что «преодолевать традицию, не всегда значит опровергать её» [5, с. 12], так как преодоление традиций, создание индивидуальных стилистических конструкций – это сложный процесс со своими закономерностями. Так, например, творчество И. Х. Бабаева периода 1960–70 гг. многими литературными критиками воспринималось как поэзия, развивающаяся вне балкарской поэтической традиции [3, с. 50].

Возникновение такой точки зрения вполне объяснимо. И. Х. Бабаев является новатором стиха, причем не только в плане расширения тематического диапазона тюркоязычной поэзии народов Северного Кавказа, но и с точки зрения обновления ритмической структуры, рифмы стиха, также наблюдается индивидуальность поэта и при использовании метафорических конструкций:

Заман! Сюйдюм къанкъаз къанатланы,
Сюялмадым темир тырнакъланы...
Билеме мен – жангыз къалып къалгъан
Къанкъаз жерде кекню таралтханын
[1, с. 229].

Время! Полюбил я крылья лебедей,
Но не смог полюбить железные когти...
Знаю я – что оставшийся один,
На лебединой земле, терзает небо
[перевод автора].

Оформление поэтической структуры стиха И. Х. Бабаевым даётся в единстве с содержательной частью произведения. Поэт стремится связать рифму и ритмическую часть произведения единым поэтическим контекстом.

При анализе произведений устного народного творчества и произведений письменной литературы не сложно заметить, что природа оказывала большее влияние на древнего человека, в отличие от представителя современности, окруженного

сферами техники, культуры и т.п. «Долгое пребывание на низком витке спирали человеческих познаний, естественно, сделало долгим и «детство» горцев. Наивный малограмотный человек воспринимает и объясняет природные явления или с точки зрения воззрений, которые ему доступны, или, словно ребёнок, «все принимает за правду. Как результат незнания причин природных явлений, ложно понятых связей явились, например, мифические образы...» [9, с. 43].

Множество фольклорных и литературных произведений карачаевцев и балкарцев служат доказательством того, что природа всегда была и остается по сей день связующим звеном между человеком и окружающим миром, например, образы типа «божьего меча» (о радуге), «божьей двери» (о северном сиянии) и др. «Поэзия в новое время – писал Михаил Эпштейн – выполняет отчасти ту функцию, которую в древности выполняла мифология – представлять мир, создаваемый человеком, в его образно-смысловом единстве с природой. Связи человека с природой теперь гораздо более опосредованы цивилизацией, чем раньше, но, соответственно, усложнились и язык поэзии» [10, с. 6].

Действительно, мир природы открывает большие возможности для раскрытия человеческих ощущений, которые относятся к области эстетического:

Сен акъ атлы болур ючюн жерде,
Жашил чепген согъадыла желле.
Эмен сыртда буу еюорген кибик,
Атады танг жыр еюолу кибик,
Кимге соруу бере, кимге – жууап,
Атармы танг шожур кибик – жарыкъ,
Сабий туугъан кибик,
Сюек жарып?

[1, с. 183].

Такова красота окружающего мира, которая раскрывается в самых различных сравнениях: «человек и цветок», «всадник и ветер», «рассвет и рождение человека», «правдивое слово и чистое небо».

Наглядно, что в пейзажной лирике карачаевцев и балкарцев выделяются мотивы, которые выходят за рамки индивидуального авторского сознания. В них ярко выражено единство национального поэтического сознания, что характеризует народное (национальное) восприятие природы. Анализ стихотворных произведений из карачаевской и балкарской литературы показал, что многие произведения группируются посредством общности мотивов. Такие произведения выходят за пределы узких рамок авторского контекста и перекликаются с произведениями самых различных авторов и произведениями, написанными в различные периоды. Так же, как в стихотворении одного автора могут быть объединены разные мотивы, так и один мотив может объединять вокруг себя произведения самых разных художников. Такие стихотворные произведения могут обладать собственной эстетической реальностью. Для сравнения можно обратиться к произведениям Ибрагима Бабаева и Сакинат Мусукаевой:

Сен да суй – къартланы жырлатхан,
Жай саргъатхан жерими,
Кюн бла Кюз кюйле жукъартхан,
Сыбызгъы согъулгъан жерими.

[1 с. 160].

-//-//-//

Бизге журтну сайлагъанла –
Чарсха кетип, тынчайгъанла,
Таудан тюзге къарагъанла,
Таугъа тенг эдиле ала.

[7, с. 158].

Из примера видно, что мотивы стихотворения могут объединять вокруг себя произведения разных авторов. Так, в приведенных стихотворных строфах из произведений И. Х. Бабаева и С. А. Мусукаевой мы наблюдаем как бы целостное произведение, обладающее своим образным единством. Это, естественно, не единство стиля, а единство мотива («любовь к родной земле»), который также обладает своей поэтикой, структурой поэтических средств.

Список литературы

1. Бабаев И. Х. Иги кьуум. Нальчик : Эльбрус, 1996. 278 с.
2. Бауаев К. К. Основы балкарского стихосложения. Нальчик : Эль-Фа. 136 с.
3. Бауаев К. К. Апперцептивная специфика образного мышления К. Ш. Кулиева // Казанская наука. 2016. № 5. С. 50.
4. Бычков Д. И. Братство народов – Братство литератур. Нальчик : Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1957. 173 с.
5. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. СПб. : Звезда, 2007. 198 с.
6. Магомедова Д. М. Филологический анализ лирического стихотворения. М. : Академия, 2004. 187 с.
7. Мусукаева С. Аллыма кьара. Нальчик : Эльбрус, 2001. 217 с.
8. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1958. 605 с.
9. Толгуров З. Х. Движение Балкарской поэзии. Нальчик : Эльбрус, 1984. 250 с.
10. Эпштейн М. Стихи и стихии: природа в русской поэзии XVIII–XX вв. Самара : БФХРАХ-М, 2007. 351 с.
11. Эсалнек А. Я. Основы литературоведения. Анализ художественного произведения. М. : Наука, 2004. 111 с.

Информация об авторе: *Бауаев Казим Каллетович*, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия).

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ГЕНИТИВНОГО ТИПА: СТРУКТУРА И КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

И. Г. Гомонова

г. Гомель, Республика Беларусь
inna-gen1968@yandex.by

Аннотация. Рассматриваются цветообозначения генитивного типа, отражающие цветное видение мира авторами литературно-художественных произведений. Выявляются структурные разновидности данных цветообозначений и характеризуется их компонентный состав. Делаются выводы о наиболее типичных цветовых ассоциациях, лежащих в основе цветообозначений анализируемого типа.

Ключевые слова: цветообозначения, компонентный состав, структура, тематическая группа

Для цитирования: Гомонова И. Г. Цветообозначения генитивного типа: структура и компонентный состав (на материале Национального корпуса русского языка) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 209–213.

Художественные цветообозначения отражают особенности цветового видения мира писателями, творческую индивидуальность и неповторимость в выборе цветовых определений. Этим обусловлено большое число лингвистических исследований, посвященных цветономинациям, их культурным и эмоционально-экспрессивным коннотациям и осуществленным на материале художественных текстов (см., напр., [1; 2; 3 и многие другие]).

Цветообозначения в художественном тексте репрезентируют сущностные свойства явлений и предметов, и их выбор наряду с общекультурными отражает национальные и индивидуальные предпочтения автора. Индивидуально-авторское восприятие цветового пространства произведения выходит на первый план при использовании в качестве средства цветовой характеристики цветообозначений, построенных по модели «*цвета* + сущ. в родительном падеже». Цветообозначения такого типа, отобранные из прозаических художественных текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [4], выступают в качестве объекта данного исследования. Выявление структурных особенностей цветообозначений и анализ их компонентного состава способствуют определению их стилистической значимости и текстообразующего потенциала, а также когнитивных механизмов включения таких цветообозначений в художественное произведение.

Проанализированные цветообозначения различаются степенью распространенности состава и в соответствии с этим признаком делятся на: 1) нераспространенные цветообозначения с одиночным существительным в родительном падеже в роли зависимого компонента (*цвета асфальта; цвета времени; цвета пакли; цвета холода; цвета горчицы; цвета дыма; цвета жемчуга; цвета сметаны; цвета смолы; цвета травы; цвета фиалки* и др.); 2) цветообозначения, в которых в роли зависимого компонента выступает существительное в родительном падеже с одним распространителем, выраженным прилагательным или причастием, т.е. атрибутивно-именное словосочетание (*цвета серого воздуха; цвета оленьих глаз; цвета рухнувшей надежды; цвета зрелого яблока; цвета темного вина; цвета ранней вишни; цвета сырого желтка; цвета дубовых желудей; цвета исчезающего*

загара; цвета печной заслонки; цвета бриллиантовой зелени; цвета раздавленной земляники; цвета грязной земли; цвета кофейного зерна и др.); 3) цветообозначения, в состав которых в роли зависимого компонента входит атрибутивно-именное словосочетание, распространенное в свою очередь прилагательным или причастием, конкретизирующим обозначаемый цвет (цвета чистого предзакатного неба; цвета выдохшегося черного фломастера; цвета жирного красного борща; цвета светлой начищенной бронзы; цвета плохой белой бумаги; цвета красного церковного вина; цвета заношенного крахмального воротничка; цвета спелых пшеничных колосьев; цвета густого черного кофе и др.); 4) цветообозначения, в которых зависимый компонент выражен генитивом с распространяющим его существительным в косвенном падеже (цвета перца с солью; цвета стекла на изломе; цвета железа с ржавчиной; цвета сосиски с горчицей; цвета печени пьяницы; цвета клубники со сливками; цвета восхода солнца и др.). Субстантивы в составе цветообозначений последней группы могут быть распространены атрибутивными словами: цвета заката при хорошей погоде; цвета поджаренных сливок с ванилью.

Кроме того, в анализируемом материале представлены цветообозначения, в которых генитив, выражающий цветовую характеристику, распространен примыкающим к нему именем, называющим сорт, вид: цвета винограда «изабелла»; цвета конфет «ириска». Единичными являются также цветообозначения, в которых генитив распространен постпозитивным причастным оборотом или придаточной частью с определительным значением: цвета бумаги, выгоревшей на солнце; цвета белоснежной простыни, которую постирали с серым платком.

Наиболее типичным способом организации цветообозначений является модель, в составе которой зависимый компонент выражен генитивом, распространенным одиночным прилагательным или причастием, т.е. модель средней степени распространенности.

Анализ состава индивидуально-авторских цветообозначений приводит к выводу, что их значение формируется из значения компонентов, составляющих данные цветовые номинации, и прежде всего из значения существительного в родительном падеже, выступающего в роли зависимого компонента в структуре «цвета чего-то / кого-то». Распространители генитива могут нести разную смысловую нагрузку, но в большинстве случаев они служат для обозначения оттенка цвета, его конкретизации. Реже основная семантическая нагрузка соотносится с распространителем генитива. В связи с этим характеристику компонентного состава цветообозначений построим на основе значения зависимого генитива. Данный компонент цветообозначений представлен несколькими тематическими группами (назовем самые распространенные из них).

Первую тематическую группу составляют названия растений и их частей, среди которых можно выделить следующие подгруппы: 1) названия цветов: цвета герани; цвета колокольчика; цвета цветущего льна; цвета магнолии; цвета мальвы; цвета медуницы; цвета резеды; цвета мартовской фиалки. В частности, в анализируемом материале активно представлены цветообозначения с компонентами роза (цвета розы; цвета чайной розы; цвета бледной розы; цвета нежнейшей розы); настурция (цвета настурции; цвета распустившейся настурции; цвета вянущей настурции); незабудка (цвета незабудки; цвета увядшей незабудки); василек (цвета василька; цвета лиялого василька); 2) названия деревьев и их частей: цвета сосны; цвета орехового дерева; цвета дубовых желудей; цвета кедровой коры; цвета осиновых серёжек и др. В анализируемом материале представлен ряд цветообозначений с компонентом дерево в значении 'древесина, древесный материал' (цвета светлого дерева; цвета красного дерева; цвета темного дерева; цвета гниющего дерева; цвета старого дерева) и с компонентом лист / листва (цвета

осеннего листа; цвета палого листа; цвета вялого листа; цвета увядшей листвы); 3) названия травянистых растений (данные цветообозначения включают в себя компонент *травы*: цвета травы; цвета молодой травы; цвета сухой травы; цвета осенней травы; цвета скошенной травы; цвета пожухлой травы, а также другие номинации: цвета зелени; цвета свежей зелени; цвета полыни); 4) названия злаковых растений: цвета спелой пшеницы; цвета незрелого овса; цвета ржи; цвета спелой ржи. В анализируемом материале представлено также несколько цветообозначений с компонентом *солома*: цвета соломы; цвета влажной соломы; цвета ржаной соломы; цвета прелой соломы; цвета грязной соломы; цвета выгоревшей соломы; 5) названия фруктов и их частей: цвета абрикоса; цвета апельсина; цвета рыжего апельсина; цвета спелого граната; цвета зрелого яблока; цвета спелой дыни; 6) названия ягод: цвета раздавленной земляники; цвета клюквы; цвета незрелого крыжовника; цвета перезрелой малины; цвета красной смородины; цвета давленной черники. Так, в анализируемом материале активно представлены цветообозначения с компонентом *вишня*: цвета вишни; цвета темной вишни; цвета черной вишни; цвета ранней вишни; цвета переспелой вишни; цвета зреющей на солнце вишни; 7) названия овощей: цвета спелого баклажана; цвета пареной луковички; цвета моркови; цвета увядшей моркови; цвета соленого огурца; цвета свеклы; цвета свежесрезанной тыквы; 8) названия орехов: цвета миндаля; цвета спелого миндаля; цвета каленого ореха; цвета лесных орешков. Группа цветообозначений с разными компонентами-фитонимами представлена наибольшим количеством единиц. Наиболее активно в состав цветовых номинаций входят названия ягод, а из отдельных компонентов – существительные *травы, солома, вишня*.

Вторую тематическую группу составляют названия предметов быта: цвета грязной ваты; цвета заношенных джинсов; цвета пеньковой веревки; цвета потемневших зеркал; цвета печной заслонки; цвета хозяйственного мыла; цвета дна немой пепельницы; цвета домотканого холста; цвета дымчатого хрусталя. К таким номинациям относятся, в частности, названия строительных материалов: цвета алебаstra; цвета серого мела; цвета пакли; цвета намокшей штукатурки. Так, в анализируемом материале представлен ряд цветообозначений с компонентами *кирпич* (цвета старого кирпича; цвета темного кирпича; цвета сильно обожженного кирпича); *стекло* (цвета стекла; цвета дымчатого стекла; цвета бутылочного стекла; цвета стекла на изломе); *бумага* (цвета бумаги; цвета промасленной бумаги; цвета плохой белой бумаги); *глина* (цвета глины; цвета сухой глины; цвета высохшей глины; цвета светлой глины; цвета обожженной глины). Названия предметов быта, входящие в анализируемые цветообозначения, разнообразны в тематическом отношении и в отношении выражаемой цветовой характеристики.

Третью тематическую группу образуют наименования продуктов питания и напитков: цвета сырой ветчины; цвета несвежей говядины; цвета кофейной гущи; цвета абрикосового джема; цвета яичного желтка; цвета мороженой картошки; цвета сухого какао; цвета ливерной колбасы; цвета черничного киселя; цвета свежемороженой рыбы; цвета жирных сливок; цвета яичницы. В анализируемом материале представлен ряд цветообозначений с компонентами *мясо* (цвета красного мяса; цвета сырого мяса; цвета старого мяса; цвета протухшего мяса); *шоколад* (цвета шоколада; цвета молочного шоколада; цвета темного шоколада; цвета горького шоколада); *масло* (цвета подсолнечного масла; цвета лежалого масла; цвета свежего масла; цвета топленого масла); *молоко* (цвета снятого молока; цвета разбавленного молока; цвета топленого молока; цвета прокисшего молока); *вино* (цвета бургундского вина; цвета темного вина; цвета красного церковного вина); *чай* (цвета чая; цвета крепкого чая; цвета густого чая; цвета жидкого чая; цвета бледного чая; цвета спитого чая; цвета чая с молоком).

Четвёртую тематическую группу составляют названия явлений и объектов природы: *цвета старого болота; цвета серого воздуха; цвета морской волны; цвета высохшей грязи; цвета небесной лазури; цвета зимней мглы; цвета утреннего моря; цвета грязного снега*. В анализируемом материале активно представлены цветообозначения с компонентами *небо / небеса (цвета неба; цвета предзакатного неба; цвета чистого предзакатного неба; цвета нежного весеннего неба; цвета самого пустого неба; цвета апрельских небес)*; *ночь (цвета ночи; цвета белой ночи; цвета беззвездной ночи; цвета звездной южной ночи)*; *вода (цвета воды; цвета морской воды; цвета речной воды; цвета ржавой воды; цвета мутной воды; цвета волжской воды)*.

В пятую тематическую группу входят названия веществ разного рода (природных и искусственно созданных), в том числе камней, металлов, минералов и т.п.: *цвета жемчуга; цвета зеленки; цвета йода; цвета кобальта; цвета марганцовки; цвета раскаленного металла; цвета платины; цвета вороненой стали; цвета светлого янтаря*. В анализируемом материале активно представлены цветообозначения с компонентом *бронза (цвета бронзы; цвета красной бронзы; цвета темной бронзы; цвета потемневшей бронзы; цвета замшелой бронзы; цвета бронзы, позеленевшей от времени)*; *медь (цвета меди; цвета красной меди; цвета зеленой меди; цвета старой меди; цвета темно-золотистой меди; цвета раскаленной меди)*; *золото (цвета теплого золота; цвета чистого золота; цвета старого потемневшего золота; цвета червонного золота)*; *серебро (цвета серебра; цвета церковного серебра; цвета старого серебра; цвета тяжелого старого серебра; цвета серебра с чернью)*; *железо (цвета ржавого железа; цвета заржавленного железа; цвета железа с ржавчиной; цвета кровельного железа)*; *бирюза (цвета бирюзы; цвета сочной бирюзы; цвета линялой бирюзы; цвета бледно-белесой бирюзы)*.

Шестую тематическую группу составляют названия человека и частей его тела: *цвета глаз хорошего настроения; цвета воспаленного горла; цвета нечищенных зубов; цвета стоялой мочи; цвета старческого ногтя; цвета печени пьяницы*. В анализируемом материале активно представлены цветообозначения с компонентом *кровь: цвета крови; цвета человеческой крови; цвета бурой крови; цвета кирпичной крови; цвета запекшейся крови; цвета свернувшейся крови; цвета старой крови; цвета венозной крови; цвета чистой артериальной крови*.

Седьмую тематическую группу составляют названия животных и их частей: *цвета летучей мыши; цвета грязной собаки; цвета новорожденного цыпленка; цвета оленьих глаз; цвета кошачьих глаз; цвета утиных лап; цвета лягушечьей спинки; цвета линялой заячьей шкурки; цвета верблюжьей шерсти*.

Таким образом, в составе индивидуально-авторских цветообозначений типа «цвета чего-то / кого-то» в роли зависимого компонента, несущего основную смысловую нагрузку, выступают существительные разных тематических групп. Наиболее востребованными являются названия растений и их частей (особенно номинации *трава, солома, вишня*); названия предметов быта, продуктов питания и напитков (особенно номинации *мясо, чай*); названия явлений природы (особенно компонент *небо*); названия металлов (особенно компонент *бронза*). Наименее типичными для исследуемых цветообозначений являются соматизмы и зоонимы (из них в анализируемом материале активно представлен компонент *кровь*).

Исследование компонентного состава цветообозначений показывает, что в них активно используются названия предметов и явлений, которые в действительности и сознании носителей языка соотносятся с определенными цветами: *трава* – зеленый и его оттенки, *солома* – желтый и его оттенки, *кровь* – красный и его оттенки и т.д. (в том числе такие номинации, которые традиционно выступают как

эталонные по отношению к тому или иному цвету). Индивидуально-авторский характер таких цветономинаций проявляется в выборе распространителей субстантивного компонента (*цвета зреющей на солнце вишни* (Н. С. Лесков. Гора (1888)); *цвета бледной, вылинявшей бронзы* (А. И. Куприн. Осенние цветы (1901)); *цвета пожухлой прошлогодней травы* (П. Нилин. Интересная жизнь (1969–1980)); *цвета созревшей рисовой соломы* (В. Скворцов. Сингапурский квартет (2001)); *цвета белоснежной простыни, которую постирали с серым платком* (Улья Нова. Инка (2004))). Разнообразные по значению и компонентному составу цветообозначения, как правило, можно отнести к средствам выражения того или иного цвета традиционного цветового спектра (с поправкой на то, что точной границы между цветами спектра нет и каждый цвет может иметь разные оттенки). Основным критерием соотносительности индивидуально-авторских цветообозначений с тем или иным цветом является цветовая характеристика объекта, номинируемого субстантивным компонентом, входящим в структуру цветообозначения. Кроме того, в формировании цветовой характеристики участвует весь компонентный состав распространенных цветономинаций и контекст.

Список литературы

1. Горн Е. А. Цветообозначения в художественном тексте на английском и русском языках в сопоставительно-переводческом аспекте: на материале современной английской литературы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. СПб., 2014. 210 с.
2. Дюпина Ю. В. Цветообозначения в репрезентации поэтической картины мира Владимира Высоцкого: структура, семантика, функции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Тюмень, 2009. 189 с.
3. Кулинская С. В. Цветообозначения: национально-культурные особенности функционирования: на материале фразеологии и художественных текстов русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 2002. 251 с.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 12.01.2022).

Информация об авторе: *Гомонова Инна Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь).

ФУНКЦИИ СИНОНИМОВ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА

В. Е. Демина

г. Пенза, Россия
deminalera22@gmail.com

Аннотация. Исследуются особенности функционирования синонимов в рассказах А. П. Чехова. На конкретных примерах показаны функции различных видов синонимов в художественном тексте.

Ключевые слова: синонимия, синонимический ряд, функции синонимов, А. П. Чехов

Для цитирования: Демина В. Е. Функции синонимов в рассказах А. П. Чехова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 214–216.

В настоящее время существует множество работ, посвящённых изучению творчества А. П. Чехова, но исследование синонимов в его произведениях до сих пор не получило должного освещения. А ведь именно синонимы в рассказах писателя помогают ему передать весь спектр чувств и эмоций, необходимых для полного понимания произведения.

Чехов писал несложным и ясным языком, который был понятен всякому читателю. Но эта простота языка сочеталась в его рассказах с меткостью и выразительностью слов. Писатель был признан подлинным специалистом образного выражения. И синонимическое богатство русского языка сыграло свою роль в его произведениях.

Ведущую роль среди оценочных средств в творчестве писателя занимают именно синонимы и синонимические ряды. Как настоящий мастер слова, А. П. Чехов не мог обойтись без использования синонимов, ведь именно они наполняли его текст жизнью.

В его рассказах мы видим, как разные типы синонимов выполняют всевозможные функции.

Рассказы Чехова характеризуются краткостью и меткостью, отсюда в данных текстах четко прослеживается функция синонимов – **замещения**. Так, писатель избегает языкового однообразия, неуместной тавтологии. На примере рассказа «Человек в футляре» мы видим: автор ловко заменяет слово «учитель» целым рядом синонимов: – *Не понимаю, – говорил он нам, пожимая плечами, – не понимаю, как вы перевариваете этого **фискала**, эту **мерзкую рожу**. Эх, господа, как вы можете тут жить! Атмосфера у вас удушающая, поганая. Разве вы педагоги, учителя? Вы **чинодралы**, у вас не храм науки, а управа благочиния, и кислятиной вохнет, как в полицейской будке» [2, с. 83].*

Очевидно, что здесь выбор синонимов обусловлен необходимостью сделать речь максимально доступной для восприятия читателя. Также синонимы позволили избежать неуместной тавтологии, а также прибавили речи выразительности и экспрессии.

Ту же тенденцию мы можем проследить и в рассказе «Ионыч». Супруги здесь дают друг другу различные названия, тем самым, выражая свое отношение: *Мой муж ревнив, это Отелло, но ведь мы постараямся вести себя так, что он ничего не заметит. – Ах ты, цыпка, баловница... – нежно пробормотал Иван Петрович и поцеловал её в лоб. – Вы очень кстати пожаловали, – обратился он опять*

к гостю, – моя благоверная написала большинский роман и сегодня будет читать его вслух [2, с. 139].

Хочется отметить, что в рассказе «Толстый и тонкий» функция замещения представлена в большом объёме, так как именно она помогает автору лишить текст неуместной тавтологии, разнообразить речь действующих лиц, уточнить и даже дополнить некоторые детали произведения. Также данная функция насыщает рассказ, ведь повторения делают текст тусклым и невыразительным, а это недопустимо, если речь заходит об А. П. Чехове.

– Порфирий! – воскликнул толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

– Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся? Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

– Милый мой! – начал тонкий после лобызания. – Вот не ожидал! Вот сюрприз!

– В гимназии вместе учились! – **продолжал тонкий**. – Помнишь, как тебя дразнили? [2, с. 284].

Интерес для исследования представляют употребляемые А. П. Чеховым глаголы речи, разнообразие которых помогает не только избежать ненужных повторений, но и ярко охарактеризовать особенности речевой манеры героев, а также их настроение. Мы видим, как приятели были рады неожиданной встречи. Толстый «воскликнул», тонкий «изумился». Благодаря этому читатель моментально почувствовал их эмоции на себе.

Для создания портретов персонажей писатель использует синонимы для **уточнений** понятий и конкретизации мысли. Мы видим, что во всевозможных описаниях в рассказе «Человек в футляре» именно контекстуальные синонимы доминируют над собственно языковыми. То есть слова сближаются только в конкретном тексте, в пределах одного предложения, чтобы передать весь спектр чувств. Контекстуальные синонимы, как правило, экспрессивно окрашены, так как основная их задача – не называние явления, а его характеристика: *Вот подите же, наши учителя народ всё **мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрина**, однако же этот человек, ходивший всегда в калошах и с зонтиком, держал в руках всю гимназию целых пятнадцать лет!* [2, с. 80]; *Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же **суровая, утомительная, бестолковая**, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше; Чего только не делается у нас в провинции от скуки, сколько **ненужного, вздорного!*** [2, с. 85].

В портретных описаниях Чехова синонимический ряд образуют преимущественно имена прилагательные. Открытое использование Чеховым синонимов уточнения даёт большие стилистические возможности. В эмоциональной речи уточнение синонимов служит усилению признака, действия.

Также в рассказах А. П. Чехова прослеживается функция **противопоставления**: *Он не **добрый**, а **добродушный***. Казалось бы: собственно языковые синонимы, практически одно и то же лексическое значение, но писатель проводит между ними чёткую границу. Обратимся к С. И. Ожегову: «**Добрый** – *делающий добро другим, а также выражающий эти качества*»; «**Добродушный** – *добрый и мягкий по характеру, незлобивый*» [1]. Как мы видим, понятие «доброта» несколько глубже, а «добродушие» – шире. Доброта по смыслу более глубокое чувство, более всеобъемлющее. Она распространяется на весь окружающий мир, природу, животных, людей. Это более емкое понятие, чем добродушие.

Одним из любимых приемов писателя является **градация**. Практически в любом произведении А. П. Чехова можно отыскать эту стилистическую фигуру. К тому же автор употребляет разные по объему градации: двучленные, трехчленные, четырехчленные и даже пятичленные. Тоскуя о своей милой, Старцев, герой рассказа «Ионыч», рассуждал о любви: *Он посидел около памятника с полчаса, потом прошёлся по боковым аллеям, со шляпой в руке, поджидая и думая о том, сколько здесь, в этих могилах, зарыто женщин и девушек, которые были красивы, очаровательны, которые любили, сгорали по ночам страстью, отдавались ласке; Любовь моя безгранична... **Прошу, умоляю вас**, – выговорил наконец Старцев, – **будьте моей женой!**; Дмитрий Ионыч, вы знаете, больше всего в жизни я **люблю искусство, я безумно люблю, обожаю** музыку, ей я посвятила всю свою жизнь [2, с. 150].* Описывая нынешнюю жизнь Старцева, Чехов использует данный приём: – *Эх! – сказал он со вздохом. – Вы вот спрашиваете, как я поживаю. Как мы поживаем тут? Да никак. **Старимся, полнеем, опускаемся; Старцев ещё больше пополнил, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову; Принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой о пол и кричит своим неприятным голосом** [2, с. 163].*

В рассказе «Толстый и тонкий» А. П. Чехов с помощью градации показывает волнение тонкого: *Тонкий вдруг **побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились...** [2, с. 285].* Этот приём позволяет автору вложить больше смысла и занять меньше места, что можно расценивать положительно в написании его рассказов. К тому же в одном предложении могут находиться несколько градационных рядов.

В большинстве своем синонимичные ряды вносят в рассказы **эмоционально-экспрессивную окраску**. А. П. Чехов часто использует нанизывание синонимов. Данный прием и повторы ведут к повышению экспрессивности. В одном предложении писатель может использовать несколько синонимичных рядов, противопоставляя друг другу героев, эмоции, явления природы и действительности: – ***Прекрасно! превосходно! – Прекрасно!** – сказал и Старцев, поддаваясь общему увлечению. «**Недурственно...**» – вспомнил он, засыпая, и засмеялся [2, с. 144].* Перед нами картина из рассказа «Ионыч». Старцеву настолько сильно понравилась игра возлюбленной, что он не мог сдержать эмоций.

Таким образом, анализ приведённых примеров позволяет говорить об огромных стилистических возможностях употребления синонимов в рассказах А. П. Чехова. Они играют значимую роль в создании комического эффекта, увеличивают экспрессивность образов, явлений в художественном тексте, содержат всевозможные значения (отрицательные и положительные оценки). Именно благодаря функционированию синонимов в рассказах А. П. Чехова достигается цель – наиболее точно описать каждый образ, что в целом влияет на формирование неповторимого авторского стиля.

Список литературы

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : ОНИКС, 2012. 736 с.
2. Чехов А. П. Избранные произведения : в 3 т. М. : Худож. лит., 1964. 622 с.

Информация об авторе: Демина Валерия Евгеньевна, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ)

М. С. Елизаров

г. Пенза, Россия
elizarov-maximus@ya.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования имён числительных различных лексико-грамматических разрядов, а также омонимичных им частей речи в текстах поэтических произведений (на материале современной русской поэзии): исследуется роль имён числительных, выступающих как числовые образы-символы, имеющих неоднозначные, иносказательные смыслы в тексте художественного произведения.

Ключевые слова: числа-символы, поэтический текст, лексико-грамматические разряды числительных

Для цитирования: Елизаров М. С. Имена числительные в тексте художественного произведения (на материале современной русской поэзии) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 217–219.

На Руси изначально отсутствовала такая часть речи, как имя числительное. Для обозначения количества использовались прилагательные и существительные. Выделение числительного как части речи начинается с XIV в., а с XVIII в. числительное окончательно оформляется как часть речи.

В древнерусском языке первоначально было всего 12 слов, обозначающих количество: *один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сто, тысяча*, с XIII в. появляется слово *сорок*. Все остальные счётные слова образовались из комбинации приведённых выше слов. Большое количество обозначалось с помощью слов *тьма, легион, леодр* [5, с. 216].

Имя числительное – часть речи, которая часто встречается в текстах различных стилей. Чаще всего её используют в текстах научного и публицистического стилей. В художественных текстах количество числительных невелико, но, несмотря на это, они играют важную роль в воплощении авторского замысла [3, с. 36].

В центре внимания нашей работы – анализ употребления числительных-символов в текстах современной русской поэзии. Числовые образы-символы, имеющие неоднозначные, иносказательные смыслы, нередко используются в текстах художественных произведений. Они способствуют глубокому пониманию текста. Числа-символы изначально встречались в религиозной литературе (*Святая Троица, двенадцать апостолов*), а также в фольклоре (*три богатыря, семеро козлят*). Опираясь на символическое значение их в Библии или фольклоре, авторы использовали числительные-символы в художественных произведениях [4, с. 13].

В современной русской поэзии наиболее часто встречаются числительные *один, два, три, четыре, пять, семь, восемь, сорок, тринадцать*, а также образованные от них существительные и прилагательные.

Числительное *один* используется вместе с числительным *два*, объединяя или противопоставляя персонажей: *И главная новость как обычно одна...* (А. Лысиков «Война»); *Две подружки рука об руку, одна без другой никогда не бывает; Два совершенно разных облика: одна играет, с другой играют* (А. Лысиков «Она»).

В стихотворных текстах *один* часто выступает в качестве имени прилагательного со значением «одинокый», становясь символом одиночества, потери: *Кто забыт, тот всегда остаётся один* (А. Лысиков «Радиоволна»); *Я чувствую, что я всегда одна* (А. Лысиков «В твоих руках лежит моё письмо»). Когда автор хочет противопоставить *одному* множество, *один* используется вместе с языковыми единицами *тысяча, миллион, миллиард*: *Мы здесь одни Среди тысяч заплаканных глаз* (А. Лысиков «Убили собак»). У современных поэтов *сто, тысяча, миллион, миллиард* утрачивают значение точного количества: в контексте они обозначают большие числа, неопределённое множество, а значит, выступают как субстантивированные числительные. Являясь отражением современности, *сто, тысяча, миллион, миллиард* в текстах поэтических произведений указывают на результаты глобализации, символизируют огромные пространства, неисчислимость: *Ты опоздал на сотни нужных слов, На взглядов тысячи, на миллион мгновений* (А. Лысиков «Не возвращайся, здесь тебя не ждут»). Указанные субстантивированные числительные используются как яркое изобразительно-выразительное средство: *В комнате из миллиона стен, В доме с тысячами окон* (А. Никонов «Жар-птица») (подчёркивается состояние отчуждённости).

Три – один из самых древних библейских числительных символов [2]. Библейское значение числа *три* можно встретить в современной поэзии: *Три раза завозил... Три дня молчит и дуется* (С. Медофф «Лиса и Кот»). В текстах стихотворных произведений наблюдается изменение символического значения количественного числительного *три* и порядкового *третий*, связанного с развитием в них отрицательной коннотации: их всё чаще можно встретить в значении «лишний» или «последний», «смертельный»: *Ты стала третьей Пулей из льна* (А. Лысиков «Утомительный выстрел»).

Числительное *четыре* в Библии является символом пространственной завершенности видимого мира [2]. В поэзии соотносится со смертью, символом зла, предательства, трудностей и разлуки [4, с. 14]. В стихотворении Д. Быкова порядковые числительные *четвёртый* и *девятый* символизируют круги ада: *Ни девятый круг не остудит, Ни четвёртый не опалит* (Д. Быков «Там – нам всем ничего не будет»).

Числительное *пять* Пифагор считал самым счастливым из всех, так как оно знаменует постоянный поиск и самосовершенствование. Также это число считают символом риска, непредсказуемости и независимости [1, с. 87]. Именно это значение числительного *пять* чаще всего используют современные поэты: *Я пять раз выходил на арену, И боролся с немейскими львами. И кричали восторженно звери, И цветы мне кидали руками* (В. Борзихин «Звери»).

Число *семь* является символом удачи, поэтому и существительные с корнем *-семь-* связаны с ощущением радости от исполненного желания: *Чтоб рычаг, чтобы три семёрки – и звон монет* (В. Полозкова «Игры»).

Числительное *восемь*, на основании схожести, символизирует бесконечность: *Прости меня за то пустое неумение Любить тебя до цифры восемь, что в падении* (Белинда Наизусть «Летом осень дождями плевалась»).

Тринадцать канонически ассоциируется со злыми силами и не несёт ничего хорошего: *Тринадцать дней – и новый год состарился* (В. Полозкова «Тринадцать дней – и новый год состарился»).

У числительного *сорок* в текстах художественных произведений символика сходна с числительным *девять*. Они оба ассоциируются со смертью, с похоронными обрядами: *Мы – души тех, кого хоронят рядом От безнадежно мёртвых в сорока шагах* (А. Лысиков «Облака»).

Ноль – первое число в исчислении, обозначает отсутствие или наименьшее количество чего-либо. Как символ *ноль* обозначает пустоту и отсутствие чего-либо – это математическое значение числа поэты взяли для произведений, используя в значении «ничтожный»: *Несёшь на себе ты нолик поэта* (А. Молчанов «Нолик») (однокоренное существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом ещё сильнее подчёркивает незначительность, ничтожность).

Опираясь на анализ текстов современной русской поэзии, отмечаем важность употребления имён числительных в художественном тексте, среди которых особое место занимают имена числительные, являющиеся символами. Такие числительные-символы помогают в полной мере раскрыть замысел автора, охарактеризовать лирического героя и окружающий его мир. Нередко встречаются числовые символы, отсылающие читателя к библейским мотивам и фольклору, что говорит о преимуществах использования чисел-символов, несущих глубинный смысл, раскрывающих авторский замысел.

Список литературы

1. Глейзер Г. И. История математики в школе. М. : Просвещение, 1981. 287 с.
2. Десницкий А. С. Нумерология библейская // Azbyka.ru: Православный портал. 2006. URL: <https://azbyka.ru/numerologiya-biblejskaya> (дата обращения: 08.02.2022).
3. Жуковская Н. В. Функционирование числительных в художественном тексте // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2009. № 2. С. 35–39.
4. Землевская В. О. Символика чисел в произведениях русской литературы // Юный учёный. 2021. № 5 (46). С. 13–16.
5. Каверина В. В. Древнерусские наименования чисел: происхождение и дальнейшая судьба // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик : сб. ст. Междунар. науч. конф. / отв. ред. О. К. Ирисханова. М. : МГЛУ, 2020. С. 216–218.

Информация об авторе: *Елизаров Максим Сергеевич*, студент Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОЦЕНОЧНОСТИ И ЭКСПРЕССИИ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. С. ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ. ПРАЗДНИКИ»)

Я. В. Журкина

г. Пенза, Россия

missis.malickova2015@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается смысловая структура слова, включающая в себя анализ всевозможных оттенков, которые выражаются с помощью оценочности, экспрессии: они представляют существенный признак многих слов. Анализируются коннотативные признаки создания оценочности и экспрессии в романе И. С. Шмелёва «Лето Господне. Праздники».

Ключевые слова: оценочность, экспрессия, И. С. Шмелёв, семантика, средства выражения оценки

Для цитирования: Журкина Я. В. Разграничение оценочности и экспрессии в семантике слова (на материале романа И. С. Шмелёва «Лето Господне. Праздники») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 220–222.

Экспрессивность и оценочность являются совсем не новыми терминами в современной лингвистике. Они часто встречаются в работах, посвящённых лексической прагматике, которая в настоящее время является одной из активно исследуемых тем в отечественной и зарубежной филологии.

Оценка, представляя ценностный аспект значения языковых выражений, накладывается на объективное, или дескриптивное, содержание языковых единиц [1, с. 5–6]. Субъективный и объективный компоненты в оценочном значении находятся в сложном взаимодействии и меняются в зависимости от характеризуемых объектов оценки. По «объёму» соотношения субъективного и объективного в оценочном знаке указанные компоненты находятся в диалектических отношениях, тем самым образуя континуум оценочных значений [1, с. 22–28].

Под оценочностью понимается заложенная в слове положительная или отрицательная характеристика человека, предмета, явления. Наличие «плюса» и «минуса» в значении слова – важный показатель оценки [3, с. 66].

Средства выражения оценки в романе И. С. Шмелёва «Лето Господне. Праздники» различны. К ним можно отнести:

1) различные аффиксы: суффиксы *-еньк-* (*серенькая погода, с папашеньки пример бери, на новенькую доску, остреньким холодочком веет*), *-очк-* (*радостная молитвочка, холодочком веет*), *-ышк-* (*пятнышками-щербинками, как стёклышко*), *-инк-* (*с осетринкой, пятнышками-щербинками*), *-к-* (*хватая щепотками, запить кваском, с осетринкой, под сосенкой*), *-чик-* (*с апельсинчиками внутри*), *-ик-*, *-ёк-* (*пескариков, а киселёк клюквенный с ванилью*), *-ок-* (*весенний ветерок*), *-ынь-* (*такая теплынь и свежесть*); префиксы *пре-* (*преосвященный так посоветовал*), *по-* (*поокивает Василь Василыч, постукивают счеты, почокивают медяки*). Перечисленные аффиксы вносят положительное значение в слово. Суффиксы *-ищ-* (*в днище наше ударили*), *-ух-* (*стряпуха наминает*) привносят в слово пренебрежительно-отрицательную оценку;

2) переносное значение слов (*Я смотрю на золочёный пряник «масленицы»; ...и подымается кислый пар – священный; И Горкин совсем особенный – тоже священный будто; ...от седенькой бородки, совсем серебряной*);

3) прямое значение слов (*Крепко **воняет** редькой и капустой; После **унылого** обеда отец всё ещё расстроен*);

4) оценочные конструкции (*Но отцу очень нравится – **такой шик**; Я хватаю щепотками – **как хрустит!***).

Оценочность – категория функциональная. Номинативно-оценочную функцию выполняют слова, выражающие отношение к чему-либо [3, с. 67]. Оценочность также можно наблюдать в словах, выполняющих указательную функцию, – местоимениях: *«Мне начинает казаться, что теперь прежняя жизнь кончается и надо готовиться к **той** жизни, которая будет...»* [5, с. 17].

Так как оценочность представляет собой функциональную категорию, она меньше всего является «созначением» и тем самым отличается от экспрессивности.

Экспрессивность выполняет функцию воздействия на адресата сообщения и реализуется на любом языковом уровне. Экспрессивность определяется как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают её способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [4, с. 591].

В основе экспрессии лежит заведомое несоответствие каких-либо языковых или речевых средств языковым стандартам, т.е. наиболее регулярным, устойчивым моделям [3, с. 68].

Экспрессию можно наблюдать на разных уровнях языка.

Об экспрессии на фонемном уровне писал Н. С. Трубецкой, подчёркивая возможность намеренного изменения фонем говорящими [2, с. 27]. Ярко это можно пронаблюдать в романе И. С. Шмелёва, так как многие герои произведения – простые люди, необразованные или малограмотные. Они изменяют произношение слова также под влиянием диалекта, например: *«Я через квартального, правда... ошибся... ради хозяйского **антиресу**»* [5, с. 20]; *«Очень я им **пондравился**...»* [5, с. 20]; *«Ну, я писаря повёл в **листоран**...»* [5, с. 21]; *«Стропила наши, под **кумполом-то**...»* [5, с. 42]; *«**Грыбной елараи**, **винегретные**...»* [5, с. 49].

На морфемном уровне языка выражение экспрессии соотносится с процессом словообразования. Экспрессивные средства создаются на базе уже существующих моделей. Ср.: *карканье и таратанье; старше, дольше и дешевле: Я просыпаюсь под это **таратанье**, и первая моя мысль: **взялась!*** [5, с. 35]; *«В Англию торгуем... с тебя **дешевше**»* [5, с. 46].

Экспрессия на лексическом уровне может носить как узуальный характер, так и окказиональный. Так, например, в сочетании *«пьяная **морда**»* слово *морда* уже имеет экспрессивность лексического значения. В предложениях *«...такая **горячая работа**»* [5, с. 37]; *«Кипит работа: грохаются в лотки ледяные глыбы, скатываются корзины снега, позвякивает ледянка-щебень – на крепкую засыпку. Глубокие погребки **глотают и глотают**»* [5, с. 38]; *«А Василь Василич всё думает. Ходит и **крякает**...»* [5, с. 40] слова *горячий, глотать, крякать* реализуют окказиональное значение.

Метонимическое значение, отличаясь тематически от производящего, тем не менее, соответствует языковому стандарту. Экспрессивность метонимии может возникнуть при появлении нового метонимического переноса. Так, существительное *Кремль* характеризуется метонимическим переносом и употребляется в значении «колокол»: *«Благовестят, к стоянию **торопиться надо**, – прислушивается Горкин, сдерживая Кривую, – в **Кремлю** ударили?..»* [5, с. 49].

Если языковой моделью постепенно становится тематическое несоответствие производящих и производных значений, то средством усиления экспрессии

является нарушение этой модели, т.е. тематическое сближение слов. В тексте произведения И. С. Шмелёва это реализуется в многочисленных ярких сравнениях: «...заедают ломтями хлеба, – **словно снежком хрустят**» [5, с. 39]; «На Москвереке лёд берут, видно лошадок, саночки и зелёные куски льда – **будто постный лимонный сахар**» [5, с. 42].

Повышенная экспрессия может создаваться изменением объекта оценки в их прямых значениях, являющихся оценкой человека: «*Ругаться опять будет, а куда её, **шельму, денешь!.. Опять, лешая, набирается!..***» [5, с. 39].

Оценочность, экспрессия лишь на первых взгляд кажутся тождественными. Каждый коннотативный элемент в семантике слова имеет качественное своеобразие.

Список литературы

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002. 260 с.
2. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 372 с.
3. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 2006. № 3. С. 90–97.
4. Шаховский В. И. Дихотомия «эмоциональность» vs «эмотивность» в научном дискурсе // Слово – сознание – культура : сб. науч. тр. / сост. Л. Г. Золотых. М. : Флинта : Наука, 2006. С. 304–308.
5. Шмелёв И. С. Лето Господне. М. : Дет. лит., 2020. 526 с.

Информация об авторе: Журкина Яна Валерьевна, студентка магистратуры Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЫЛАТЫХ ФРАЗ И ВЫРАЖЕНИЙ В БАСНЯХ И. А. КРЫЛОВА

Ш. З. Израелян

г. Пенза, Россия

marina.akopyan.1999@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются структурные особенности крылатых фраз и выражений в баснях И. А. Крылова. Определяются типы словосочетаний и предложений, в которые воплощаются мудрые мысли и высказывания баснописца.

Ключевые слова: структурные особенности, крылатые фразы и выражения, басни И. А. Крылова, словосочетание, предложение

Для цитирования: Израелян Ш. З. Структурные особенности крылатых фраз и выражений в баснях И. А. Крылова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 223–225.

Степень спаянности слов и зависимости значения всего фразеологизма от значений составляющих его компонентов может быть различной. Так, в баснях Крылова наблюдается большое количество фразеологизмов-сращений, фразеологизмов-сочетаний, фразеологизмов-единств и фразеологизмов-выражений, по структуре представляющих собой как словосочетания, так и предложения.

В проанализированных фразеологических единицах по морфологическим свойствам представлены следующие устойчивые словосочетания:

а) именные субстантивные, по структуре простые: *в кручине печали* («Пастух»), *Мидасов суд* («Аппелес и Ослёнок»), *собачья дружба* («Собачья дружба»), *из кожи рвётся* («Лебедь, Рак и Щука»);

б) именные субстантивные, по структуре сложные: *великий зверь на малые дела* («Воспитание льва»);

в) глагольные, по структуре сложные: *вертеться как белка в колесе* («Белка»).

Как показал анализ, в баснях Крылова из фразеологизмов, по синтаксической специфике являющихся словосочетаниями, наиболее частотны именные и простые по структуре. Обусловлено это номинативной функцией, необходимой для меткой, наиболее полной характеристики образа, ситуации, характера и т.д.

Большую часть фразеологических единиц в баснях составляют предложения. Басни И. А. Крылова в большинстве композиционно состоят из двух частей: повествования и морали. В поучительной части (морали) встречаются в основном фразеологические выражения, различные по синтаксической специфике.

Значительная часть проанализированных фразеологических единиц по своей структуре является простыми предложениями, среди которых выделяются:

а) односоставные обобщённо-личные: *бессильному не смейся и слабого обидеть не можешь* («Лев и Комар»). Их особенность состоит в том, что они не сообщают о конкретных действиях, а выражают общие суждения, часто назидательного характера, которые могут быть применимы к каждому лицу, к любому человеку, что и свойственно крылатым фразам и выражениям;

б) двусоставные: *а Васька слушает да ест* («Кот и Повар»), *а ларчик просто открывался* («Ларчик»). Частотность двусоставных предложений обусловлена,

в первую очередь, спецификой фразеологизма, в основе которого – конкретный образ и поучительный характер: *у сильного всегда бессильный виноват* («Волк и Ягнёнок»).

Нередко И. А. Крылов мораль басни строит как сложносочинённое предложение, части которого грамматически не зависят друг от друга, то есть они равноправны [2, с. 192]. Например: *из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!* («Лебедь, Щука и Рак»), *Лев бы и хорош, да все злодеи волки* («Пестрые овца»).

Большому разнообразию сочинительных союзов, например, в книжных типах языка в синтаксисе пословиц фактически соответствуют союзы: *а, да и но*. Ими выражаются не только те значения, которые обычно считаются закреплёнными за сочинительными союзами; часто они же являются формальными выразителями многих типов отношений, обнаруживаемых, как правило, в сложноподчинённых предложениях [3, с. 72]. В представленных крылатых выражениях, по своему синтаксическому строю опирающихся на нормы и законы живой устной речи, половина случаев использования сочинительных союзов приходится на союз *да*, затем *а и но*.

Как показал анализ, наиболее частотны в баснях Крылова крылатые фразы, представляющие собой сложносочинённые предложения, состоящие из двух простых предложений, связанные противительными союзами.

Наблюдение над устойчивыми фразами показало, что среди них встречаются сложноподчинённые предложения, связь между частями таких синтаксических конструкций выражается в определённых формальных показателях – подчинительных союзах и союзных словах [2, с. 192]. Например: *кто за ремесло чужое браться любит, тот завсегда упрямей и вздорней* («Щука и Кот»), *когда не хочешь быть смешон, держися звания, в котором ты рождён* («Ворона»).

Крылатые выражения из басен И. А. Крылова представлены всеми типами сложноподчинённых предложений русского языка. Как показал анализ, наиболее частотны в баснях фразеологизмы, представляющие собой по структуре сложноподчинённые предложения с придаточными изъяснительными, содержащие в поучительной части композиции основную идею или проблему.

Поучение в баснях Крылова может строиться как бессоюзное сложное предложение, между предикативными частями которого могут быть разные смысловые отношения: перечисление, сопоставление, пояснение, причина, следствие и другие [Там же, с. 192]. Чаще всего бессоюзные сложные предложения используются в поучительной части, отражают точку зрения автора, основную идею или проблему басни. Например: *выбраться желая из хлопот, нередко человек имеет участь ту же: одни лишь только с рук сживёт, глядишь – другие нажил уже!* («Госпожа и две Служанки»).

Сложное предложение с разными видами связи (сложная синтаксическая конструкция – ССК) также является структурным типом крылатых фраз в баснях писателя: *безумный плачет лишь от бедства, а умный ищет средства, как делом горю пособить* («Соловьи»), *в породе и в чинах высота хороша; но что в ней прибыли, когда низка душа?* («Осёл»). ССК употребляются преимущественно в поучительной части и дают развёрнутое представление об основной идее басни.

Вызвала интерес такая конструкция, как сложное синтаксическое целое (ССЦ), под которым понимается синтаксическая единица, большая, чем предложение. Это наиболее крупная единица синтаксиса, представляющая собой структурно-смысловое единство [Там же, с. 192]:

*Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник,
И дело не пойдёт на лад.*

*Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот всегда других упрямей и вздорней:
Он лучше дело всё погубит,
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.
(«Щука и Кот»).*

Таким образом, в своих баснях Крылов умело использует все синтаксические конструкции русского языка. Синтаксис басен очень объёмен, конструктивно позволяет воспринимать большие синтаксические формы как единый афоризм благодаря использованию живого разговорного языка.

Список литературы

1. Крылов И. А. Полное собрание сочинений. М. : ОГИЗ, 1946. Т. 3. 620 с.
2. Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык : в 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1987. 192 с.
3. Соколова М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л. : ЛГУ, 1957. 72 с.

Информация об авторе: *Израелян Шогик Зориковна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА ЖИВОЙ ПРИРОДЫ ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ-НАТУРАЛИСТА

С. А. Кабанова

г. Саранск, Россия

svetlana.kabanowa2014@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются состав колоративной лексики, связанной с характеристикой объектов живой природы, и её функционирование в текстах писателя-натуралиста Н. Сладкова. Цель исследования – проанализировать цветовую палитру живой природы с точки зрения семантико-синтаксических особенностей, частеречной принадлежности, словообразовательной структуры и функционального употребления как средства речевой выразительности.

Ключевые слова: цветовая лексика, колоратив, имя прилагательное, имя существительное, антитеза, градация, сравнение, оттенок цвета

Для цитирования: Кабанова С. А. Цветовая палитра живой природы глазами писателя-натуралиста // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 226–230.

Цветовозначения в языке представляют собой относительно закрытую группу слов, организованную по структурно-грамматическому и лексико-семантическому принципам. Состав колоративов включает лексем, разные по структуре (простые и сложные), морфологической оформленности (непроизводные и производные), этимологии (исконные и заимствованные) [4, с. 91]. В современной лингвистике цвет часто рассматривается с точки зрения соотношения физики, культуры и естественного языка: так, В. Г. Кульпина указывает на изменение вектора исследований цветовой лексики «в сторону ментальной сферы экзистенции цветовозначений и их прототипических и архетипических характеристик. <...> Если цвет выражается терминами естественного языка, он является категорией антропологической» [9, с. 3].

Цветовозначения рассматриваются, в основном, в шести направлениях: историческом, лексико-семантическом, грамматическом, когнитивном, сопоставительном и функциональном. Исторический подход предполагает исследование истории отдельных лексем и лексических групп, названий цвета, изучение процесса формирования групп колоративов, а также их состава на определённом этапе развития языка: так, в работе Т. И. Вендиной рассматриваются вопросы семантической нагруженности отдельных цветов, символики того или иного цвета, выраженности в старославянском, древнерусском и русском языках определённых концептуальных цветовых категорий. Автор обращает внимание на отаждективные существительные, выполняющие функцию выделения лица или предмета в ряду подобных, раскрывающие психологию восприятия цвета человеком и, наконец, раскрывающие фатическую функцию цвета [3, с. 280–283]. В работах А. П. Василевича колоративная лексика рассматривается в психолингвистическом аспекте (см., например, [2]). Система цветовозначений, развиваясь во времени, сохраняет ядро – совокупность лексем, зафиксированных в древнейших письменных памятниках X – XIII вв.; так, Н. Б. Бахилина отмечает в древнерусском языке основные цвета: «белый, чёрный, красный, синий, жёлтый, зелёный, некоторые оттенки синего (зекрый) и жёлтого (плавый), а также некоторые смешанные (сизый, серый, рыжий)» и представленность единичными случаями смешанных цветов и цветовых оттенков [1, с. 23].

Помимо этого, языковеды часто ищут семантический первоэлемент, позволяющий описать историю значения цветковых слов: появление различных имён цвета связано с используемой языком стратегией запоминания – «чисто языковой, с опорой «на языковое кодирование оттенков цвета, или предметно-языковой, когда оттенки запоминаются путем соотнесения с цветом конкретного предмета» [10, с. 29]. В работе С. В. Кезиной исследуется вопрос о предмете-эталоне цветообозначения, и автор приходит к выводу о том, что первичным предметом-эталонным выступал костёр (очаг), чей цвет обобщённое мышление древнего человека воспринимало как пятно; впоследствии пятно дифференцировалось на ряд цветковых оттенков, для каждого из которых был найден, по крайней мере один, аналог в окружающей природе [6, с. 13]. По мнению Е. Ю. Петровой, цветообозначение ассоциируется с объектами и явлениями природы, выступающими прототипами этих цветообозначений – эталонными образцами определённых цветов [11, с. 16].

Цветообозначения в художественном тексте – значимая часть выразительных средств, вызывающих эмоциональную реакцию; часть лексики, формирующей в сознании читателя ассоциативный ряд связанных с цветом явлений. Вопреки обилию исследований в области вербализации цветовой картины мира на материале поэзии и художественной прозы, мало изучена цветовая лексика в прозе писателей-натуралистов, потому что цель статьи – описать лексические средства экспликации цветовой картины мира Н. Сладкова.

В рассказах Н. Сладкова цветообозначения, характеризующие объекты живой природы (растительный и животный мир и их отдельных представителей) представлены прилагательными, глаголами, существительными и наречиями.

Наиболее частотны непроеизводные и производные колоративные прилагательные, выступающие в строго научном описании или же в художественном: *Какого летяга цвета?*

*В самом последнем справочнике написано: «Окраска **однотонная, светло-серая, иногда с охристым, бурым или ржавчатым оттенком, брюхо беловатое** [15, с. 226]. – ср.: *Вот тут-то петухи-фазаны и превратились в небывалых жарптиц! Грудки в латах из начищенной красной меди, **белые снежные воротнички, бархатные зелёные шапочки и красные серьги** [14, с. 206].**

Лингвисты отмечают отсутствие наделения цветом ряда представителей животного мира: черепаха, суслик, бурундук, змея и некоторые другие живые существа исходно не обладают цветом, с одной стороны, а с другой, названия животных сочетаются с небольшой группой прилагательных-колоративов: **белый, чёрный, красный, зелёный, серый, рыжий**, оттенки **коричневого** [9, с. 17]. Однако произведения писателя-натуралиста свидетельствуют об обратном: некоторые из названных животных наделены цветом, при этом ярким или отеночным, да ещё возможно в сочетании с рисунком на кожном покрове или оперении: *На светлом лесном острове <...> наткнулся я на... **голубую гадюку!** Всяких встречал: **чёрноматовых**, словно затянутых в чёрный капрон, с красными угольками злых глаз, **серых, бурых, оливковых**, даже **огненно-красных** – в горах Кавказа. А эта была **голубая**, и такую я видел впервые. Не голубоватая, не с голубым отливом, а **насыщенно-голубая**: как небо, как вода, как голубые перья на крыльях сойки [15, с. 113]. – По кромке их [тростников. – С. К.], словно фляжки в чехлах, лежат **серые** болотные черепахи [13, с. 107].*

При описании представителей животного и растительного мира автор, во-первых, использует прилагательные со значением чистого цвета, а семантика цветкового оттенка передаётся словоформами с суффиксом -оват- /-еват-/: **Беловатые** веки закрывают глаза, **жёлтый** клюв клонит голову к земле [14, с. 230]. – ср.: *Даже живот из-под пёрышек вздулся. **Синеватый** такой и голый – дятел-то совсем молодой [15, с. 140].*

Прилагательные-диминывы используются в контексте описания молодых особей животных или птиц, а также растений небольшого размера или обладающих оттеночным цветом: *На ветках жёлтенькие цветочки* [16, с. 131]. *В третьем порхает скромная зелёнькая нектарница – странная помесь пищухи и пеночки* [12, с. 54].

В атрибутивной функции выступают и относительные прилагательные со значением ‘сделанный из соответствующего материала’, испытавшие сдвиг в значении, который привёл к появлению качественной семантики цветового уподобления (**медный, малахитовый, бронзовый, изумрудный** и под.): *В зарослях высокой травы, разлапистой и лопушистой, живут квакши – изумрудные маленькие лягушки с белым надутым зобом и золотыми глазами* [13, с. 21–22].

Во-вторых, значение цвета передаётся разноструктурными синтаксически несвободными сочетаниями атрибутивного или предикативного типа:

а) сущ. **цвета** + прилагательное в род. пад.: *У меня платье прекрасное, лимонного цвета* [16, с. 30];

б) сущ. **цвета**+ сущ. в род. пад.: *Зарянка тоже ясно: поёт всегда на заре, и нагрудничек у неё цвета зари* [14, с. 87];

в) сущ. **цвета**+сущ. в род. пад.+прилагательное-смысловой распространитель: *Так и тянет коснуться его [козодоя. – С. К.] струйчатого пера цвета засохшей коры* [12, с. 51]. *[Об уларах. – С. К.]: На крепких ногах цвета золотистых тюльпанов* [13, с. 95];

г) **под цвет**+сущ. в род. пад.: *Редок в Индии снежный барс, «кошка» под цвет серых скал, покрытых лишайниками* [12, с. 107];

д) **похожий +цветом+ на+сущ.** в вин. пад.: *В темноте рядом с палаткой застрекотала малая мухоловка – милая птичка, видом и цветом похожая на зарянку, только меньше её* [13, с. 199].

Семантика цветовой неопределённости может передаваться описательными конструкциями и прилагательным **размытый** в значении ‘имеющий нечёткие очертания’ [17, т. 3, с. 618]: *Окраска у гюрз размытая, незаметная: не то что наступить, рукой о змею опереться можно!* [13, с. 115]. Таким образом, предмет, обладающий выраженной степенью окрашенности, выделяется на общем фоне, поскольку восприятию возможны цветовые границы и места перехода цвета – в данном случае цветовая мимикрия приводит к ошибке в восприятии предмета человеком, – ошибке, могущей привести к летальному исходу.

Отдельную группу характеризующих прилагательных образуют **компози́ты**, среди которых выделяется несколько семантических подгрупп:

а) композиты со значением цветового признака по уподоблению цвету предмета-прототипа: *Видел чучело графитно-чёрной летяги* [15, с. 226];

б) двусоставные композиты со значением составного цвета: *Рыже-седые каменные дрозды яркими пятнышками оживляют мрачные стены* [16, с. 160];

в) композиты со значением насыщенного цвета, переходящего в близкий по спектру: **иссиня / изжелта** и под.: *Клушица села на камень: иссиня-чёрная, с кораллово-красным клювом и лапами...* [13, с. 67];

г) двусоставные композиты со значением цветовой окраски части тела: *Живут тут в джунглях обезьяны-хулоки. <...> Стройные, чёрные, белобровые, с длинными-предлинными руками* [12, с. 95]. *Рыжегрудые зарянки упали на сухой бурьян...* [14, с. 138];

д) композиты со значением высокой степени проявления признака – световые формы с первой частью **ярко-, светло-, тускло-**, а также редуцированные формы; восприятие цвета предмета человеком может меняться в зависимости от освещённости: *Серна идёт, пересекая полосы света и тени, – и меняется на глазах: то она ярко-рыжая, то тёмно-бурая..!* [13, с. 91].

Световые прилагательные, не обладающие цветовой семантикой [7, с. 104; 8], в контексте синонимизируются со словами, обладающими семой цвета. В прозе Н. Сладкова активно используются световые прилагательные **яркий, тусклый, светлый, тёмный, мутный** для создания цветового противопоставления объектов, с одной стороны, и градации признака, с другой: *Тёмное небо, непроглядный лес, чёрная земля* [15, с. 202].

Наличие многоцветности передаётся прилагательным **пёстрый**: *Густое облачко рыб-мотыльков, пёстрых и крохотных, роится над кораллом-мозговиком* [12, с. 60]. Не все авторы относят к колоративам слова **цветной, разноцветный, пёстрый**, см., например [5, с. 34]. Мы полагаем возможным отнесение данных прилагательных к колоративным на основании их семантики, поскольку у них присутствует сема цвета при возможности её сочетания с семой рисунка; при этом акцентируется значение именно яркого цвета у прилагательного **цветной**.

Колоративные глаголы немногочисленны и обозначают, прежде всего:

а) результативный признак по изменению цвета: *На горных склонах всё высохло, всё по-осеннему пожелтело и побурело* [13, с. 107];

б) процессуальный признак (изменение цвета объекта, обусловленное органическим процессом-деятельностью или изменением состояния объекта живой природы): *Агама на камне с трудом заглатывала жука и «менялась в лице» – то краснела, а то синела* [12, с. 41];

в) значение добавочного признака по наличию цвета: *Подкрасил лиловым ольшаники, подзеленил осинники* [15, с. 100];

г) восприятие цвета человеческим глазом: *Гнилушки потухли, а там, где они голубели, выдвинулся пенёк* [14, с. 44].

Колоративные существительные малочисленны (**голубизна, зелень** в значении 'зелёный цвет, зелёная краска, нечто зелёное', **розоватость**): *Вот так же исчезает у срубленных берёз розоватость бересты, тускнеют яркие рыбы, вынутые из воды* [13, с. 127], а колоративные наречия единичны: *Перо их багрово вспыхивает и переливается* [16, с. 133].

Изобразительно-выразительные функции цветообозначений в текстах Н. Сладкова представляются следующими:

а) художественные определения-эпитеты – имена прилагательные, подчёркивающие характерную особенность определяемого предмета: *Лазоревые грудки, жёлтые горлышки, золотистые спинки. И красные – как рубины! – глаза. Когда они [щурки] проносятся над кустами розовых тамарисков* [16, с. 133].

Колоративы входят в состав тропов и стилистических фигур: а) метафоры: *И на каждой вышке – белый сверкающий флаг – прицепились летучие паутинки* [14, с. 127];

б) сравнения:

– с союзами **как, будто, словно**: *Лес шуришал: опали побитые заморозком листья. То мелькали они [листья. – С. К.] в воздухе, как иволги – золотые птицы, то сползали с шорохом по стволам, как рыжие белки* [14, с. 152];

– распространённые формы творительного падежа: *На пне пузырился сок кем-то раздавленных ягод – бабочки ошалело летели на кислый запах. Сидились и серыми мышами носились по пню* [15, с. 76];

в) перифразы: – *Как же они его [снег] называют? – Белым покрывалом называют. Пуховым одеялом* [16, с. 92];

г) градации: *Чёрные галки в серых воротничках, глаза у них белые и удивлённые* [14, с. 42].

Таким образом, цветовая гамма живой природы у Н. Сладкова представлена разными средствами: это собственно цветовые имена прилагательные (непроизводные и производные, простые и сложные разных типов), описательные конструкции

со словом **цвет**, синтаксически несвободные сочетания разных типов, световая лексика, контекстуально сближающаяся с колоративной, имена существительные, глаголы и наречия-иллюстраторы авторского восприятия цвета объектов живой природы. Использованная писателем цветовая лексика выступает ярким изобразительным средством, используется в контактоустанавливающей роли и вызывает у читателя позитивный эмоциональный отклик.

Список литературы

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М. : Наука, 1975. 288 с.
2. Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: На материале цветообозначения в языках разных систем. М. : Наука, 1987. 140 с.
3. Вендина Т. И. Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах. 1998. Т. 1999. С. 277–304.
4. Герасименко И. А. Производные & вторичные цветообозначения в английском и украинском языках: к постановке проблемы // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. Вып. 1 (47), т. 16. С. 91–100.
5. Герасименко И. А. Средства вербализации цветовой картины мира (на материале произведения М. Булгакова «Белая гвардия») // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 2. С. 30–36.
6. Кезина С. В. Смена предмета-эталона цветообозначения русского языка // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты : материалы Всерос. науч. конф. М. ; Пенза : ИЯ РАН : ПГПУ : ПИПКиПРО, 1998. С.10–14.
7. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. 304 с.
8. Куликова И. С. Семантико-стилистическая характеристика атрибутивных именных словосочетаний (На материале цветowych и световых прилагательных в произведениях К. Г. Паустовского и М. М. Пришвина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. 20 с.
9. Кульпина В. Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 32 с.
10. Лю Юй Ин. Цветообозначение и символика цвета в китайском языке // Актуальні проблеми металінгвістики : зб. ст. за матеріалами III-ї міжнар. наук. конф. / Черкаський держ. ун-т імені Б. Хмельницького. Черкаси : Брама, 2003. Ч. 1. С. 29–33.
11. Петрова Е. Ю. Цветообозначения в языковом сознании вторичной языковой личности (на материале русского и французского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.
12. Сладков Н. И. Белые тигры: рассказы о природе Индии. Л. : Дет. лит., 1981. 111 с.
13. Сладков Н. И. За пером синей пtiцы : рассказ-воспоминание. Л. : Дет. лит., 1980. 286 с.
14. Сладков Н. И. Капли солнца. Рассказы. Л. : Лениздат, 1978. 440 с.
15. Сладков Н. И. Осинный невидимка. Лесная быль. Л. : Дет. лит., 1979. 373 с.
16. Сладков Н. И. Под шапкой-невидимкой : рассказы. Л. : Дет. лит., 1982. 170 с.
17. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. М. : Рус. яз., 1981–1984. Т. 1. 696 с. ; Т. 2. 736 с. ; Т. 3. 752 с. ; Т. 4. 794 с.

Информация об авторе: *Кабанова Светлана Александровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия).

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В СБОРНИКЕ СТИХОВ Н. С. ГУМИЛЁВА «ОГНЕННЫЙ СТОЛП»

В. Л. Карякина

г. Самара, Россия
kariackina.v@yandex.ru

Аннотация. Исследуется лингвокультурологический подход к изучению художественных текстов. Рассматриваются состав и источники прецедентных феноменов в сборнике Н. С. Гумилёва «Огненный столп». Исследуется роль прецедентных феноменов в реализации концепции как отдельных стихотворений, так и всего поэтического цикла.

Ключевые слова: Н. С. Гумилёв, прецедентные феномены, прецедентное имя, прецедентный образ, прецедентная ситуация, прецедентный мир, сборник стихов

Для цитирования: Карякина В. Л. Прецедентные феномены в сборнике стихов Н. С. Гумилёва «Огненный столп» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 231–235.

Явление прецедентности в последние десятилетия активно изучается в отечественной филологии (см. работы Ю. Н. Караулова [4], Д. Б. Гудкова [2], В. В. Красных [6], Н. В. Петровой [8], Г. Г. Слышкина [9] и др.). Однако, несмотря на интерес ученых к этому вопросу, он до сих пор остаётся не до конца исследованным, в том числе и в плане изучения особенностей функционирования прецедентных феноменов в художественном дискурсе, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель данной работы – установить состав, источники и художественные функции прецедентных феноменов в стихотворениях Н. С. Гумилёва, включённых в сборник «Огненный столп» (1921).

Под прецедентным феноменом мы вслед за В. В. Красных и Е. А. Нахимовой понимаем «феномены, 1) известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингво-культурного сообщества» [7, с. 172].

В ходе исследования мы опираемся также на классификацию прецедентных феноменов, предложенную В. В. Красных [6] и дополненную Л. В. Балашовой [1]. Ученые различают в составе прецедентных феноменов прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентный мир.

Прецедентный текст – это «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна смыслу» [6, с. 47].

Прецедентное высказывание понимается В. В. Красных как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [6, с. 48–49].

Прецедентное имя – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или ситуацией» [6, с. 48–49]. Цель его употребления чаще всего заключается в том, чтобы дать краткую характеристику объекту через существующую систему образов, для выражения

собственного субъективного отношения. Таким образом, прецедентное имя не только называет предмет, выполняя номинативную функцию, но и характеризует тот или иной объект. Разновидностью прецедентных имён являются прецедентные топонимы – известные имена собственные, которые употребляются не столько для того, чтобы обозначить город, а для того, чтобы передать своего рода культурный знак.

Прецедентную ситуацию В. В. Краснова описывает как «некую «эталонную», «идеальную» ситуацию, насыщенную определёнными коннотациями» [6, с. 47]. Некоторые из прецедентных ситуаций являются поименованными, то есть на них указывают определённые прецедентные имена, которые ассоциируются у людей с определённым событием (например, *Чернобыль*, *Цусима*, *Ходынка*).

Под прецедентным миром исследователи понимают «комплексные лингво-концептологические образования, интегрирующие отдельные прецедентные феномены» [1, с. 4]. Признаками прецедентного мира являются: 1) динамика его элементов – все элементы прецедентного мира находятся в постоянном дискурсивном развитии, как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах; 2) вариативность интерпретаций.

Рассмотрим состав, источники и художественные функции прецедентных феноменов в сборнике стихов Н. С. Гумилёва «Огненный столп» (1921).

Книга посвящена второй жене поэта, Анне Николаевне Гумилёвой (Энгельгардт), и является последним сборником автора. Элементом, объединяющим стихотворения данного сборника, является мотив памяти. Поэт создаёт удивительный мир всеобщего человеческого наследия, запечатлённого в виде памяти, хранящей легенды, мифы, поверья ушедших поколений. Источниками прецедентных феноменов выступают предания и легенды Персии, Абиссинии, библейские сюжеты, славянский и скандинавский фольклор.

Уже само название сборника представляет собой прецедентный образ. Оно «генерирует культурологические смыслы, соединяя в своей интертекстуальной семантике Запад и Восток, отсылая как к христианским ("Исход" и "Апокалипсис"), так и к индоиранским (точнее – к зороастрийской метасимволике «огня») источникам, а также, одновременно, к буддистскому учению, где огненный столп входит в число символов Будды» [5, с. 30-31].

В «Огненный столп» вошло 20 стихотворений, на примере пяти из них («Память», «Лес», «Ольга», «Леопард», «Дева-птица») мы подробно рассмотрим функционирование прецедентных феноменов.

Открывает книгу стихотворение «Память», и оно же определяет ведущую тему сборника в целом. Лирический герой утверждает, что люди, в отличие от змей, способных обновлять свой внешний облик посредством смены кожи, меняют только души, не тела и пытается осмыслить и структурировать свою личность, рассматривая и оценивая этапы эволюции своей души. Образ змеи, сменяющей кожу, выступает в роли прецедентного образа, символа обновления. Память приобретает черты одушевлённого существа мистической природы, тому подтверждением служит сравнение с мифическим образом великанши:

Память, ты рукою великанши

Жизнь ведёшь, как под уздцы коня... [3, с. 309]

При характеристике одной из «душ» лирического героя, «души» воина, используется прецедентное имя и образ святого Георгия Победоносца, причем в поэтическом тексте употребляется перифраз, имеющий своим прямым значением орден Святого Георгия – высшей военной награды Российской империи:

Знал он муки голода и жажды,

Сон тревожный, бесконечный путь,

Но святой Георгий тронул дважды

Пулею нетронутую грудь. [3, с. 310]

В качестве прецедентного топонима выступает название города Иерусалим – центра трёх мировых религий. В предпоследней строфе («Предо мной предстанет, мне неведом, / Путник, скрыв лицо: но всё пойму, / Видя льва, стремящегося следом, / И орла, летящего к нему») возникают образы льва и орла, сопровождающих загадочного путника. Лев в фольклоре многих народов Африки, Западной, Южной и Восточной Азии, а также в европейской традиции является символом высшей божественной силы – солнца, огня, а также символом власти, мощи и величия. Орёл также имеет связь с солнцем, так как во многих культурах является солярным символом, атрибутом солнечных богов, а также символом власти и закона. Лев и орёл, сопровождающие незнакомца, дополняют его таинственный образ ореолом святости и праведности, строящимся на значениях, скрытых в образах орла и льва. Прецедентные феномены в данном стихотворении позволяют поэтизировать текст, создать загадочные образы, заставляют читателя искать истинное значение и истоки символов, зачастую не осознаваемых при первом прочтении текста.

В стихотворении «Лес» прецедентные феномены помогают поэту создать мистическое пространство, наполненное неведомыми существами.

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы,
Из земли за корнем корень выходил,
Точно руки обитателей могил. [3, с. 311].

Потусторонняя атмосфера леса вмещает в себя различные образы, среди которых великаны, карлики – мифологические существа, встречающиеся в мифах многих народов, лев – сказочный персонаж. Прецедентный образ Круглого стола является отсылкой к британскому эпосу о короле Артуре и рыцарях, а «женщина с кошачьей головой» – образ богини Баст из Древнего Египта. Выдуманный лирическим героем мир, который его воображение наполнило существами и образами из различных мифов и преданий разных стран и эпох, оживает благодаря использованию прецедентных элементов, вплетённых в различные художественные средства выразительности: олицетворения, перифразы, сравнения, метафоры («Я придумал это, глядя на твои / Косы – кольца огневещущей змеи»). Прецедентные феномены становятся носителями памяти эпох, объединяя и переплетая между собой культурные традиции разных стран, что в свою очередь расширяет поэтическое пространство текста и оживляет его. Написанное в ноябре 1920 года стихотворение «Ольга» является отсылкой к преданиям, включённым в русскую историю. Прецедентный антропоним, вынесенный в заглавие стихотворения, является аллюзией на легендарное историческое событие, описанное монахами в «Повести временных лет» и повествующее о мести княгини Ольги древлянам, убившим её мужа князя Игоря. Прецедентный образ княгини Ольги переплетён с прецедентными знаками скандинавской мифологии. Используются два варианта антропонима (Эльга и Ольга), упоминается Валгалла – «чертог мёртвых» в германо-скандинавской мифологии, а также валькирия – дева-воительница, миссия которой заключается в сопровождении погибших воинов в Валгаллу. Сплетение славянской и скандинавской мифологии в стихотворении неслучайно, так как одно из предположений об исторической основе сюжета мести княгини Ольги связано с похожими сюжетами скандинавских сказаний о королеве Сигрид, а также с устными преданиями датского происхождения о походах легендарного конунга Хаддинга.

Год за годом всё неизбежней
Запевают в крови века,
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка. [3, с. 333]

Снова в стихотворении звучит мотив общей памяти, чьё наследие тесно переплетается в последующих поколениях. Автору трудно было бы изобразить связь поколения разных стран в стихотворении без включения прецедентных текстов из легенд и преданий славянской истории и «Скандинавского костяка», который представляет собой союз так называемых северных стран: Швеции, Норвегии, Дании и Исландии.

В стихотворении «Леопард» в качестве эпитафии используется абиссинское поверье о том, что ждёт охотника, не опалившего усы убитому леопарду. Сюжет и образный строй стихотворения связаны с данным преданием. В тексте приводятся слова духа леопарда, раскрывающие его замысел:

– Нет, ты должен, мой убийца,

Умереть в стране моей,

Чтоб я снова мог родиться

В леопардовой семье. [3, с. 336]

Образ дикого зверя Абиссинии (ныне – Эфиопии), чья сила и после смерти грозит опасностью для человека, становится мистическим духом, обитающим рядом с лирическим героем, не выполнившим заповедь охотника абиссинских песков. Образ неуспокоенного духа убитого зверя сгущает пространство вокруг героя, наполняя его другими мистическими образами: мышей и домового (домашний дух у славянских народов). Упоминается в стихотворении топоним Добробран – славянизированное название города Дэбрэ-Бырхан в Эфиопии и наименование эфиопского полукочевого народа Восточной Африки – данакиль. Абиссинское поверье, ставшее сюжетной основой стихотворения, определило включение прецедентных образов и топонимов Эфиопии в поэтический текст для причудливого сочетания реального и трансцендентного миров.

В центре стихотворения «Дева-птица» находится прецедентный образ птицы Сирина с головой девы. Согласно преданиям, Сирина несла на своих крыльях тоску и печаль и предупреждала людей, к которым явилась, о скорой кончине. Но в стихотворении Н.С. Гумилёва дева-птица погибает сама в тенистых долах Броселианы (Броселианды) – сказочной страны из средневековых романов о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. И снова мотив памяти кроется как в самой трактовке образа райской птицы, так и в её пророческих словах, обращённых к пастуху:

– Ты юн, захочешь жениться,

У тебя будут дети,

И память о деве-птице

Долетит до иных столетий. [3, с. 340]

Прецедентные элементы в рамках данного стихотворения являются носителями общего для сборника мотива памяти и знаками мистического мира, который в поэзии Н. С. Гумилёва неразрывно связан с миром реальным.

Как показал проведенный анализ, сборник «Огненный столп» насыщен прецедентными феноменами, среди которых доминируют прецедентные образы и прецедентные имена (антропонимы и топонимы), которые позволяют автору выстроить основную концепцию поэтического цикла, связанную с всеобщей памятью человечества. Доминирует прямое наименование образа (великаны, карлики, единорог, русалка и т.д.), а также встречается обозначение образа как символа (змея, сменяющая кожу – символ обновления). Мистические образы славянского фольклора, германо-скандинавского, древнеегипетского и древнегреческого выстраивают путь человеческих исканий правды, истины, любви среди выдуманного мира, построенного на основе реального и тесно связанного с ним.

Прецедентные тексты и прецедентные высказывания в исследуемых текстах нами не выявлены.

Основную часть прецедентных ситуаций в книге «Огненный столп» составляют исторические и библейские сюжеты.

В рассматриваемом сборнике также представлены прецедентные миры, причем, кроме создания фантастического мира мистических героев в стихотворении «Лес», прецедентный мир всеобщей человеческой памяти воссоздается с помощью всех поэтических текстов сборника.

Таким образом, прецедентные феномены в сборнике Н. С. Гумилева «Огненный столп» являются теми элементами, с помощью которых «интегральность, заданная в названии книги, реализуется в переплетении мотивов, представляющих разные культурно-исторические пласты (древнерусские, скандинавские, персо-индийские и др.) и различные религиозно-мифологические измерения, выстраиваемые в итоге в концепцию русской культуры как культуры синтетической, возникшей на пересечении различных национальных влияний» [5, с. 31].

Список литературы

1. Балашова Л. В. Метафора и языковая картина мира носителя сленга (на материале прецедентного мира «Детство») // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер.: Филология. 2008. № 2. С. 4–9.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
3. Гумилёв Н. С. Стихотворения и поэмы. Л. : Советский писатель, 1988. 630 с.
4. Караулов Ю. Н. Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы : доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. М. : Искусство, 1986. С. 105–123.
5. Кихней Л. Г., Гавриков В. А. Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX–XXI веков : монография. М. ; Амстердам : Тардис, 2020. 240 с.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
7. Нахимова Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Вып. 13. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ин-т, 2004. С. 166–174.
8. Петрова Н. В. Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 2 (10). С. 82–88.
9. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М. : Academia, 2000. 142 с.

Информация об авторе: *Карякина Валентина Леонидовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия).

ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРОВЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Т. Н. Козина

г. Пенза, Россия
pspu-izo2012@yandex.ru

Аннотация. На рубеже XX–XXI в. в прозе появились рождественские святочные и пасхальные рассказы как соответствующие всем классическим жанровым канонам, так и трансформирующие основные универсалии. Предмет исследования – определение видов модификации рождественских рассказов.

Ключевые слова: жанр, вид, форма, трансформация, современная проза

Для цитирования: Козина Т. Н. Трансформации жанровых форм в современной русской прозе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 236–239.

Жанр (франц. *genre* – род, вид) понятие постоянно изменяющееся. Это объясняется недостаточной изученностью теории данной литературной формы. В литературоведении сложилось мнение о жанре как о некой структуре речевых текстов, в которой выделяют существенные содержательные и формальные признаки. Повторяясь от произведения к произведению, они способствуют их закреплению в самостоятельные группы.

Жанры существуют внутри родов. Традиционная классификация эпических форм называет рассказ, повесть, роман, очерк. Известное разделение жанров дополняется тематической классификацией. Например, выделяют авантюрный, исторический, психологический романы. До начала XX века в тематическую группу входили рождественская, святочная и пасхальная формы. Трансформация указанных эпических видов является предметом исследования в предлагаемой статье.

Начало трансформации жанровых форм русской прозы, на наш взгляд, следует связать с творчеством философа А. С. Хомякова. Подготавливая перевод книги Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» (1843–1846) он произвольно отнесся к первоначальному тексту. Переводчик перенес действие повести в Россию, дал героям книги русские имена, включил в текст рассказ о пасхальных обычаях. Завершая трансформацию жанра рождественской повести в пасхальную повесть, Хомяков придумал ей новое заглавие – «Светлое Воскресенье».

Перевод русского философа, напечатанный в двух журналах стал широко известен. Книга «Светлое Воскресенье» надолго вошла в круг детского чтения, став явлением в отечественной прозе. Поддерживаем мнение исследователя творчества Хомякова – В. А. Кошелева о том, что этот перевод стал самостоятельным произведением [5, с. 83].

Подобная трансформация жанровой формы объясняется религиозными установками авторов. В странах Западной Европы, в том числе Англии, главный праздник в годовом цикле – Рождество. А в России православная традиция праздником праздников считает Пасху.

Хомяков, ознакомившись с текстом книги английского писателя, посчитал, что подобные разительные перемены в бездушном богаче-приобретателе могли произойти только в Светлое Христово Воскресение, только праздник Пасхи мог открыть неприятному герою истинные ценности человеческой жизни.

Первые рождественские рассказы в русской литературе появились в 1830-х годах. К концу XIX в. этот жанр обладал устойчивыми структурными свойствами. Их авторы писали о вечных проблемах: милосердия, сострадания, надежды, любви.

Публикация рождественских рассказов подготавливалась к празднику. В конце XIX – начале XX в. в журналах появились рассказы Л. Н. Андреева, А. И. Куприна, Н. Д. Телешева, А. П. Чехова. В них утвердилась классическая форма рождественского рассказа. И в современной прозе есть произведения подобного вида: В. Н. Крупин «Зимние ступени» (2004), Д. В. Щелоков «Перед Рождеством» (2008).

После революционных событий 1917 г. исследуемый жанр исчез из контекста эпохи. Произведения рождественской тематики стали интерпретироваться как тексты социальной направленности и были переведены в раздел детской литературы. В начале 1990-х г. рождественский жанр возвратился в литературу.

События традиционного рождественского рассказа связаны со временем самого праздника. В современной прозе можно наблюдать отступление от рождественского канона времени [2, с. 34]. Действие переносится в какой-либо день одного из зимних месяцев, но чаще всего - в новогоднюю ночь. Изменение хронотопа служит цели создания современной картины мира, более точному отображению реалий эпохи.

В связи с социальными переменами в XX в. обычные люди стали связывать надежды на обновление жизни с праздником Нового года. Обозначенная трансформация времени присутствует в известном произведении В. С. Токаревой «Рождественский рассказ» (1999). Название позволило осмыслить идею рассказа.

В последний день года повествовательница вновь вспомнила обиду пятилетней давности, когда одноклассник Борька Карпов выбил из ее рук горшочек с цветком герани. Девочка несла его в школу, чтобы весь класс любовался цветком: «Приятно ведь смотреть в компании. Как картины в музеях» [3, с. 166].

Мотив непрощёной обиды помог понять безволие рассказчицы, ее равнодушие к собственной жизни. Она вновь и вновь вспоминала давний конфликт. Чудесным образом он разрешился в новогоднюю ночь. Героиня встретила обидчика. Его внешний облик солдата «в казенной шинели», изрядно побитого судьбой, вызвал жалость и сострадание [3, с. 171].

Девушка смогла разрешить свою психологическую проблему: она простила поверженного врага. Преодоление обиды открыло ей окружающий мир заново: «жизнь прекрасна, несмотря на быстротечность и на бессмысленную жестокость» [3, с. 172].

Писательница не случайно дала подобное название рассказу, в котором слово «Рождество» встречается лишь в заглавии. Преображение человека – основной признак идейного содержания рождественского рассказа.

Время действия произведения Токаревой указано точно: «Сегодня тридцать первое декабря. Новый год» [3, с. 169]. «Рождественский рассказ» полно отобразил советскую эпоху, когда главным праздником в годовом цикле считался Новый год. Воспитанные атеистами советские люди приписывали смене календарного года волшебные, чудесные свойства, перенесли божественную суть Рождества на обычный праздник.

Подобная трансформация вида характерна для произведений Л. Е. Улицкой «Капустное чудо» (2003), «Путь осла» (2005), Е. С. Есауловой «Алое и белое» (2018).

В процессе исторического развития жанр обновлялся, но, развиваясь, он все же сохранял основные признаки, которые обладали устойчивостью в течение длительного времени. Теоретик литературы Б. В. Томашевский справедливо считал,

что «разграничение жанров всегда исторично» [4, с. 210], т.е. характерно только для определенного исторического момента.

События небольшого рассказа П. Р. Черкашина «Дорога под звездами» (2009) происходили в рождественскую ночь. Главный герой, работавший истопником в поселковой бане, вернувшись поздно вечером домой, вынужден был поехать в поле. Цель его поездки – месть. Обиженная на Веерку Конева жена дала задание мужу украсть один из стогов неприятной соседки. Ехать надо немедленно, а потом «буран будет, все следы напрочь заметет, как будто того стога и не было» [6, с. 224].

Перед тем, как перенести сено в сани, Михаил смотрит в звездную высь:

– Красота-то!.. – прошептал он восхищенно [6, с. 225].

Герой не вспомнил о празднике Рождества, но особая торжественность звездной ночи привела его к пониманию «красоты в Боге» [1, с. 127].

Согласно жанровым канонам далее должно последовать светлое рождественское чудо: персонаж откажется от мести и вернется домой. Но в рассказе Черкашина происходит трансформация: в нем проступают черты святочной формы. Гармонию и покой окружающего мира внезапно сменила «неповторимо жуткая мертвенная тишь» [6, с. 225], которая обычно предшествует разгулу стихии.

В рассказе «Дорога под звездами» рождественского чуда не произошло. Герой остановился на своем пути к соединению с божественной красотой, уступая требованию жены отомстить. Его поступок разрушил семью, оставил детей сиротами. Развязка произведения Черкашина драматична, что является жанровым признаком святочного рассказа.

Трансформация рождественского рассказа в святочный присутствует в прозаических текстах М. А. Бонч-Осмоловской «Рождественский романс» (2005), В. Н. Грошина «Грех юности» (2008), Б. П. Екимова «Праздник» (2010).

В современной русской прозе наметилась еще одна жанровая трансформация. В произведение, развивающееся как рождественский рассказ, вводится архетип Воскресения. В небольшом рассказе Л. В. Шаманского «Рождество» (2005) имеются все атрибуты рождественского нарратива: ель, подарки, свечи. Повествователь вспомнил поездку к бабушке. Мотив дороги явился аллюзией на прибытие Святого семейства в Вифлеем. Картину Рождества дополняла мерцающая звезда.

Завершила рассказ Шаманского сцена, в которой присутствовал эксплицитный пасхальный смысл. Повествователь вспомнил утро, когда мама разбудила его словами: «Христос Воскресе!» Она вложила в руку крашенное яичко и осторожно поцеловала сына. При ответе: «Воистину воскрес!» - вдруг что-то больно сжимается «в... груди...» мальчика [7, с. 113].

Эйдос Воскресения увенчал рождественский рассказ, еще раз подчеркнул архетипичность Пасхи в душе русского человека. Проявление названной жанровой модификации присутствует и в рассказе Р. У. Хуснутдиновой «Рождество в зоне» (2004).

Таким образом, в русскую прозу начала 1990-х годов возвратились забытые рождественский, святочный и пасхальный жанры. Появились публикации тематических сборников, переиздания произведений классической русской литературы. Все это способствовало созданию новых произведений.

В некоторых рождественских рассказах трансформировалось время действия событий, но при этом сохранялись многие стилистические и духовно-нравственные характеристики исходного жанра.

В числе современных произведений рождественской тематики отмечалось появление рассказов, которые изначально развивались по канонам рождественского жанра, но впоследствии начали проявлять признаки святочного рассказа, с характерной для него трагической развязкой.

В отдельных текстах наметилась тенденция введения в заключительной части произведения архетипа Воскресения. Данная модификация рождественского жанра подчеркивает особую значимость Пасхи для культуры русского народа. Мотив вечной жизни звучит мощным завершающим аккордом в финальных сценах современных произведений.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство, 1979. 424 с.
2. Козина Т. Н. Модификация рождественского архетипа : монография / М-во науки и высшего образования РФ ; ПГУ. Тамбов : Юком, 2020. 100 с.
3. Токарева В. С. Гладкое личико: повести и рассказы. М. : АСТ, 2001. 336 с.
4. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика / вступ. ст. Н. Д. Тamarченко. М. : Аспект Пресс, 1999 334 с.
5. Хомяков А. С. Светлое Воскресенье: повесть, заимствованная у Диккенса / публ., вступ. и примеч. В. А. Кошелева // Москва. 1991. № 4. С. 81–105.
6. Черкашин П. Р. Дорога под звёздами // Наш современник. 2009. № 12. С. 222–226.
7. Шаманский Д. В. Рождество // Нева. 2005. № 7. С. 107–113.

Информация об авторе: *Козина Татьяна Николаевна*, доктор культурологии, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой «Изобразительное искусство и культурология» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

КОНТРАСТ МЕСТОИМЕННЫХ ФОРМ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПОСТРОЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. АХМАТОВОЙ И Н. ГУМИЛЁВА)

М. Г. Луннова¹, И. С. Гришина²

^{1,2} г. Пенза, Россия

^{1,2} grishina.ira-ser@yandex.ru

Аннотация. Анализируются морфологические средства контрастности в поэтических текстах А. Ахматовой и Н. Гумилёва, которые реализуются при помощи противопоставления местоименных слов различных лексико-семантических разрядов, отражающих контрастность на идейно-композиционном уровне и в образной системе поэтических образов произведения.

Ключевые слова: контрастность, А. Ахматова, Н. Гумилёв, морфологическое противопоставление, местоименные формы, счётно-местоименные прилагательные

Для цитирования: Луннова М. Г., Гришина И. С. Контраст местоименных форм как один из способов построения поэтического текста (на материале произведений А. Ахматовой и Н. Гумилёва) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 240–244.

Н. Гумилёв и А. Ахматова – это значимые фигуры в литературе XX века, одной из особенностей творчества которых стало контрастное изображение действительности, которое было продиктовано самой жизнью. Несмотря на это, контрастность в творчестве поэтов-акмеистов проявляется на разных уровнях неодинаково. Например, А. Ахматова использует этот текстообразующий принцип для раскрытия гражданской тематики, а также для описания личных чувств – темы любви, в то время как в творчестве Н. Гумилёва контрастность используется для описания двойственности мироздания.

Меньше всего контрастное отображение действительности заметно на грамматическом, а точнее на морфологическом, уровне, но тем интереснее было найти следы контраста в такой сложной части языковой системы на примере поэтического творчества двух схожих и одновременно таких разных поэтов.

Наиболее ярким средством выражения контрастности на морфологическом уровне в поэтическом тексте являются противопоставления местоимений. Исследователи Ю. В. Шинкаренко, М. С. Торосян рассмотрели основные оппозиции местоименных слов: чаще всего в поэтическом тексте встречаются противопоставления личных местоимений (*я – ты, я – они, я – вы*), реже – притяжательных местоимений (*мой – твой*); выражают контрастность также указательные местоимения (*этот – тот*) и «счётно-местоименные слова» (*один – другой*). Учёными также отмечается противопоставление местоимений разных разрядов (*что-то – ничего, все – мы* и др.), например: **Все флаги едут в гости к нам** (А. С. Пушкин). В этом контексте контрастность создаётся за счёт противопоставления единичного (*мы*, т.е. одно государство) – множественному (*все*, т.е. много государств) [6, с. 11]. Чаще всего подобные оппозиции используются при противопоставлении героев, их мыслей, суждений, эмоций [5, с. 62].

Экспрессивные возможности местоимений и счётно-местоименных слов в поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилёва используются для выражения контрастности на уровне идеи и композиции. Они являются своеобразной языковой опорой для

противопоставления лирических героев, раскрытия двойственной природы бытия, выделения значимых деталей.

В произведениях А. Ахматовой противопоставляются различные местоименные формы: личные (*я, ты, вы, она, они*); указательные (*этот, тот* и их варианты) и определительные (*другой* и варианты) местоимения, а также слова *один, другой, третий*, частеречная принадлежность которых в науке определяется неоднозначно. Так, в «Русской грамматике – 80» эти слова характеризуются как местоименное (*другой*), порядковое (*третий*) и счётно-местоименное (*один*) прилагательные, а также обращается внимание на то, что в конструкциях типа *одни остались, а другие пошли в кино* они выполняют указательную функцию [4, с. 539–540]. Н. П. Колесников предлагает относить эти слова к выделительным числительным, так как они «употребляются при необходимости выделения из общего какой-то части этого общего» [2, с. 42]. Мы будем рассматривать слова *один, другой* в качестве местоименных слов, потому что, на наш взгляд, они обладают неполной номинативной, когнитивной и информационной функцией, не самостоятельны в своих значениях и наполняются содержанием только в контексте, заменяя слова самостоятельных частей речи [1, с. 192].

Контрастность непредикативных единиц в поэзии А. Ахматовой выражается, во-первых, через противопоставление личного местоимения *я* другим местоименным словам (*я – ты, я – вы; я – те*), например: **Я** забыла ваши уроки, / Краснобаи и лжепророки, / Но меня не забыли **вы** («Поэма без героя») [3, с. 311].

В этом примере противопоставление личных местоимений поддерживается повтором глагола *забыть* с частицей *не*, местоимениями *ваши* и *меня*, а также противительным союзом *но*.

Подобные противопоставления личных местоимений отражают самоидентификацию автора в обществе («Не с теми я, кто бросил землю...»), раскрывают тему несчастной любви в творчестве поэтессы («Не будем пить из одного стакана...»). И хотя лирическое «Я» нельзя полностью отождествлять с поэтом, автобиографизм этих произведений А. Ахматовой очевиден.

Во-вторых, контрастность на морфологическом уровне реализуется с помощью таких оппозиций, где один член выражен личным местоимением второго или третьего лица, а второй – определительным местоимением *другие* (*ты – другие, она – другие*). Эти оппозиции помогают выделить важного героя произведения (собеседника или объект речи) из общей массы людей: *В ней что-то чудотворное горит, / И на глазах её края гранятся. / Она одна со мною говорит, / Когда другие подойти боятся* («Музыка»).

В этом стихотворении музыка как воплощение искусства олицетворяется, и при помощи контрастности местоименных форм подчёркивается важность её значения в жизни автора. Противопоставление внутри оппозиции выражается и на уровне категории числа: *она* (ед. ч.) – *другие* (мн. ч.).

В-третьих, контрастные отношения в тексте реализует пара указательных местоимений *этот – тот* (и её варианты), и примыкающая к ним оппозиция *эта – другая*. Названные местоимения, как правило, в контексте имеют эмотивную силу, указывая на крайние проявления описанной реалии: *Поминать царя да барина / Станет праздничная Русь / Крепким словом, прибауткою / За беседою хмельной; / Тот – забористою шуткою, / Этот – пьяною слезой* («Пива светлого навариено...»).

И, наконец, средством выражения контрастности на морфологическом уровне в поэзии А. Ахматовой является самая продуктивная в текстах поэтессы группа таких местоименных слов и субстантивированного числительного как *один – другой – третий*, причём третий член сопоставительной конструкции часто

не используется: *С одной ещё сладить могу я, / Но кто мне подsunул другую, / И как с ней теперь совладать. / В одной – и сознание, и память, / И выдержка лучших времён. / В другой – негасимое пламя* («Стряслось небывалое, злое...»).

Контрастность в подобных примерах усиливается через противопоставление характеристик указанных местоименных слов, а также с помощью параллелизма синтаксических конструкций.

Интересно, что в творчестве поэтессы грамматическая антитеза местоименных форм поддерживается другим морфологическим средством выражения контрастности – противопоставлением векторных глаголов настоящего и будущего времени: *Я только сею. Собрать / Придут другие. Что же!* («Песня о песне»).

Таким образом, в поэзии А. Ахматовой грамматические антитезы, основанные на оппозициях местоименных форм, используются для противопоставления лирических героев, для описания противоположных чувств и состояний героини, для описания разных временных пластов.

В поэтических текстах Н. Гумилёва грамматический контраст также основывается на противопоставлении местоименных форм разных разрядов.

Членами непредикативных грамматических оппозиций в поэтических контекстах Н. Гумилёва могут выступать личные (*я, ты, Вы, мы, он, она, они*), указательные (*этот, тот*), притяжательные (*мой, твой*), определительные (весь, иной, другой), а также счётно-местоименные слова (*один, другой*).

Грамматическая антитеза может использоваться для противопоставления лирического «я» другим героям произведения. Для описания личных взаимоотношений лирических героев оппозиции я – ты, я – Вы (5 употреблений), например: *Тот миг, что я песнью своею / Доволен, – для Вас мученье... / Вам весело – я жалею / О дне моего рожденья* («Так долго сердце боролось...», 1917); *Я песни слагаю во славу твою / Затем, что тебя я безумно люблю, / Затем, что меня ты не любишь* («Я песни слагаю во славу твою...»). В последнем примере противопоставление местоимений усиливается употреблением одного и того же глагола любить с отрицательной частицей и без неё. Также для раскрытия темы любви Гумилёв использует оппозицию мой – твой (5 употреблений), соотнося принадлежность различных реалий действительности с лирическим героем (лирическим «я») и его возлюбленной: *Ради щёк твоих, ширазских роз, / Краску щёк моих утратил я, / Ради золотых твоих волос / Золото мое рассыпал я* («Подражанье персидскому»).

Нередко романтический герой Гумилёва противопоставлен обществу или его представителю, превосходящему героя по силе духа или в творческой стихии. Для реализации подобных антитез были использованы оппозиции я – ты, я – он, я – все, я – другой (5 употреблений): *Для всех ты останешься вечно-чужою / И лишь для меня бесконечно-знакома* («Маскарад»); *Он был героем, я – бродягой / Он – полубог, я – полузверь* («В пустыне»). Синтаксический параллелизм в приведённых примерах подчёркивает грамматические антитезы. В единичном контексте творчества Н. Гумилёва противопоставление я – те указывает не на разных героев, а на противоположные сущности самого лирического героя: *Память, ты рукою великаниши / Жизнь ведешь, как под уздцы коня, / Ты расскажешь мне о тех, что раньше / В этом теле жили до меня* («Память»).

В некоторых произведениях Н. Гумилёв описывает социальные бедствия, например, войны, эксплуатацию, захват и присвоение территорий. В подобных произведениях конфликт строится на противопоставлении отдельных личностей, а целых социальных групп и, как правило, лирический герой входит в одну из них. Поэтому в качестве одного их элементов оппозиции используется местоимением мы (*мы – вы, мы – они и др.*). Были выявлены 5 контекстов с подобными оппозициями, например: *Завтра мы встретимся и узнаем, / Кому быть властителем этих*

мест. / **Им** помогает чёрный камень, / **Нам** – золотой нательный крест («Африканская ночь»).

В этом произведении лирический герой является представителем европейцев-завоевателей, которые высадились вблизи поселения одного из африканских племён. Грамматическая антитеза подчеркивает лексический контраст, основанный на контекстуальных антонимах, указывающих на религиозную принадлежность героев.

Контрастность на морфологическом уровне в поэзии Н. Гумилёва реализуется с помощью оппозиций, члены которых выражены личными местоимениями второго или третьего лица (*ты – он, он – она, вы – они*). Подобные оппозиции (3 употребления) используются для сопоставления героев: *В них лучезарное горенье, / А в вас тяжёлая тоска* («За что», 1911); *Она была в неге безумной / С манящим мерцанием глаз, / А он был безмолвный и бледный, / Усталый от призрачных снов* («Был праздник веселый и шумный...»). В приведённых примерах контрастность выражается и на синтаксическом уровне через анафору и противительный союз *а*. К этой группе примыкает необычная оппозиция *она – иные (руки)*: *Она говорила, но, полный печали, / Он думал о тонких руках, но иных; / Они никогда никого не ласкали, / И крестные язвы застыли на них* («Она говорила: «Любимый, любимый...»). Определительное местоимение *иные* указывает на ещё одну героиню, о которой лишь вспоминает лирический герой.

Ещё одним средством выражения контрастности на морфологическом уровне в поэзии Гумилёва является группа таких местоименных слов и субстантивированного числительного *один – другой (иной) – третий* (5 употреблений), причём третий член сопоставительной конструкции может не использоваться. Подобная конструкция может использоваться для выражения различных мнений: *Одни из них мечтательно находят, / Что это поезд богдыханских жён; / Другие верят – это к рощам рая / Уходят тени набожных людей; / А третьи с ними спорят, утверждая, / Что это караваны лебедей* («Два сна»).

Единое использование оппозиции *тот – тот* было выявлено в стихотворении «Франция», где указанная оппозиция является продолжением конструкции *один – другой*: *Вышли, кто за что: один – чтоб в море / Флаг трехцветный вольно пробежал, / А другой – за дом на косогоре, / Где ещё ребенком он играл; / Тот – чтоб милой в память их разлуки / Принесли «Почетный легион», / Этот – так себе, почти от скуки, / И средь них отважнейшим был он!*

Наиболее часто в поэтических контекстах Н. Гумилёва противопоставленные местоименные формы функционируют как существительные (24 контекста), реже – как прилагательные (5 контекстов), в одном случае выявлена оппозиция местоимения-существительного и местоимения-прилагательного (*она – иные (руки)*).

А. Ахматову и Н. Гумилёва связывало не только творчество, но и личные отношения. Среди творчества супругов можно выделить поэтический диалог в стихотворениях «Сжала руки под тёмной вуалью...» (А. Ахматовой) и «Отравленный» (Н. Гумилёва). Эти стихотворения описывают конфликт влюблённых, который на композиционном уровне реализуется через грамматический контраст местоименных форм. Интересно, что А. Ахматова для противопоставления лирических героев использует оппозицию *я – он*: *Как забуду? Он вышел, шатаясь, / Искривился мучительно рот... / Я сбежала, перил не касаясь, / Я бежала за ним до ворот.*

Хотя поэтесса использует в произведении диалог, для обозначения собеседника не используется местоимение *ты*, а только местоимение *он*, что подчёркивает разрыв отношений в настоящем: случившийся конфликт – не бытовая ссора, а трагедия, причиняющая боль лирической героине. Однако финал стихотворения остаётся открытым: был отравлен герой по-настоящему или это метафора страданий «горькой» любви.

Н. Гумилёв в своём стихотворении использует приём воспоминания, усложняя хронотоп произведения использованием оппозиций *я – ты, я – она*. В первой строфе автор приводит поэтический диалог, перекликающийся с первой строфой А. Ахматовой: «**Ты** совсем, **ты** совсем снеговая, / Как **ты** странно и страшно бледна! / Почему **ты** дрожишь, подавая / **Мне** стакан золотого вина?». Интересно, что местоимением **ты** в стихотворении Ахматовой названа сама героиня от лица лирического героя.

Оппозиция *я – ты* в стихотворении Н. Гумилёва в следующих строфах модифицируется в оппозицию *она – я*, что подчёркивает мотив воспоминания: ...*И мне сладко – не плачь, дорогая, – / Знать, что ты отравила меня*. Финал стихотворения трактуется однозначно: лирический герой отравлен своею возлюбленной.

Таким образом, использование в качестве одного из компонентов оппозиции местоимений 2-го и 3-го лица создаёт различную композиционную структуру произведения, выражает различные чувства поэтов к одной и той же жизненной ситуации.

Итак, контрастность местоименных форм активно используется в поэтических текстах А. Ахматовой и Н. Гумилёва, главным образом, для противопоставления героев в различных аспектах. Причём Н. Гумилёв использовал большее разнообразие противопоставлений местоименных форм, чем А. Ахматова. Если у Ахматовой самыми продуктивными были оппозиции с личным местоимением *я*, что подтверждает исповедальный характер творчества, а также оппозиция *один – другой*, подчёркивающая двойственную сущность всего сущего, то у Гумилёва встречаются противопоставления практически всех личных местоимений (нет только местоимения *она*). Гумилёв противопоставляет не только индивидуальных героем, но и определенные социальные группы, при этом повествователь является представителем одной из них. Это указывает на общественный, социальный характер тематики и проблематики его произведений, в отличие от более личного ахматовского стиля. Поэты также используют различные противопоставления местоименных форм в лирических диалогах, что отражает женский и мужской взгляды на одну жизненную ситуацию.

Список литературы

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
2. Колесников Н. П. Имена числительные в речевой культуре // Русская речь. 1997. № 6. С. 41–43.
3. Луннова М. Г., Гришина И. С. Грамматические средства выражения контрастности в поэтических произведениях А. А. Ахматовой // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 26–28 марта 2020 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. С. 310–314.
4. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. 789 с.
5. Горосян М. С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста: на материале языка послевоенной прозы : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ставрополь, 2005. 184 с.
6. Шинкаренко Ю. В. Приём контраста и система разноуровневых языковых средств его выражения в поэмах А. С. Пушкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов н/Д., 2006. 22 с.

Информация об авторах: *Луннова Марина Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Гришина Ирина Сергеевна*, магистр, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 77 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТА В ЛИРИКЕ Д. Д. ЗЛОБИНОЙ

М. Г. Луннова¹, Т. С. Щеголихина²

^{1, 2} г. Пенза, Россия

¹ lunnovamg@mail.ru

² petraikina@mail.ru

Аннотация. Исследуются лексические особенности выражения контраста в лирике Дины Дмитриевны Злобиной. Выявляются антонимические конструкции на лексическом уровне языка, которые составили несколько тематических групп, связанных с творчеством пензенской поэтессы.

Ключевые слова: контраст, лексический уровень, противоположность, антонимия, лирика, Д. Д. Злобина

Для цитирования: Луннова М. Г., Щеголихина Т. С. Лексические средства выражения контраста в лирике Д. Д. Злобиной // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 245–247.

Познание окружающего мира осуществляется человеком через соотношение противоположностей. Это основная закономерность человеческого мышления, и контраст – отражение этой закономерности. В художественной литературе он является важным компонентом авторского стиля, «который создается многообразием художественных средств, воплощающих контрастное восприятие писателем действительности» [2, с. 3].

Контраст выражается на разных уровнях языковой системы художественного текста (фонемном, морфемном, лексическом, синтаксическом), является одним из средств его упорядочивания и организации. При этом контраст проявляется на разных уровнях структуры текста.

Термин «контраст» достаточно широко употребляется в научной литературе (работы О. С. Ахмановой, Л. А. Введенской, Л. А. Матвиевской, В. П. Москвина и др.), однако до сих пор не получил последовательной и строгой дефиниции. Кроме того, в современной лингвистической науке нет чёткой классификации типов контраста, а также отсутствует однозначность в определении функций контраста в художественном тексте.

Анализ научной литературы по теме исследования показал, что контраст – родовое понятие, представляющее собой общий принцип организации языковых средств, через которые он выражается. Мы определяем его как «противоположение объектов, действий, явлений на основе определённого признака» [1, с. 28].

Частные случаи проявления контраста понимаются как противопоставление и противоположность.

Несмотря на разнообразие лингвистических средств выражения контраста в художественном произведении, основой для его реализации является лексический уровень языка, где главную роль играют языковые и контекстуальные антонимы. Отметим, что антонимы могут выражать противоположность и на стилистическом (фигуры речи), и композиционном (контраст временных и пространственных пластов; контраст образов героев произведения), и на идейном (противопоставление добра и зла, любви и ненависти) уровнях тоже. А потому можно сделать вывод, что все средства выражения контраста взаимосвязаны, делают образ более глубоким,

позволяют автору более точно выразить тему и идею своего произведения. Так, анализируя лексический уровень реализации контраста в художественном тексте, мы будем обращаться и к средствам других уровней, которые усиливают лексический контраст и в то же время являются одними из средств создания контекста контраста.

В поэтических текстах Дины Злобиной было выявлено 38 антонимических конструкций. По форме своего функционирования это в большинстве своем слова (33), реже – словосочетания (5).

Все проанализированные конструкции можно разделить на несколько тематических групп:

1) лексика природы (*зима – весна, осенние стихи – весеннее окошко, гром седой – громенок молодой, весной – летом, снежки – вешний хмель, весна – лето, сиреневые пятна – веселый снег зимы, народ – богачи*);

2) лексика, выражающая отношения в обществе, семье (*власть – мы, правда печальная – не газетная, официальная, сельчанки – горожанки, дочка – мать, девчата – юнцы, мать – бабушка*);

3) лексика, отражающая непреходящие человеческие ценности (*душа – портрет, чуждые берега – Россия*).

Принимая во внимание эту классификацию, можно сделать вывод, что контраст в лирике Дины Дмитриевны Злобиной соотносится с противопоставленностью универсальных эстетических категорий-концептов: правда – ложь, родина – чужбина, любовь – ненависть. Они являются основными концептами, определяющими менталитет человека, отражающими его внутренний мир.

Явление антонимии в лирике Злобиной интересно тем, что оно может проявляться и за счет лексических средств, относящихся к разным частям речи (*притих – звонок*), в качестве антонимов выступают в ее произведениях и имена собственные (*Ванюша – Вася*). Это говорит о народных истоках поэтического творчества Злобиной, так как такое противопоставление собственных имен существительных характерно для русских народных песен. Так, мы видим сопоставление контекстов разных культурных эпох.

Уникальным для творчества поэтессы является противопоставление имен числительных (употребляющихся в роли имен существительных): *Две в карету впряглись, ну а третья сказала: «Негоже»* («В войну»).

Перед нами не только качественное противопоставление предметов, но и их количественное противостояние, усиленное союзом «ну а» и использованием прямой речи со стилистически сниженным наречием «негоже» (нехорошо, плохо).

Лексические особенности выражения контраста в лирике Дины Дмитриевны Злобиной зачастую усиливаются синтаксическими средствами, такими как: синтаксический параллелизм конструкций, постановка слов – однородный ряд, эллипсис, умолчание: *Я смелая и робкая... / Я – зимняя и вешняя, / Я чистая и грешная, – / В ококе утка крякала, / А я у речки плакала* («Я смелая и робкая»).

Смещение языковых и окказиональных антонимов в одном контексте позволяет поэтессе сопоставлять два плана повествования. Противопоставленные по семантике прилагательные являются эпитетами, так как создают многогранный, неповторимый образ лирической героини.

Контраст в этом стихотворении усиливается за счет морфологических средств противопоставления – предлогов «в» – «у», указывающих на местоположение лирического героя, употребления противительного союза «а», а также синтаксических средств – синтаксического параллелизма конструкций, умолчания. Эпитеты, поставленные в однородный ряд и соединенные попарно, являются уникальной самохарактеристикой лирической героини. Это позволяет сделать вывод о психологизме лирики Дины Дмитриевны Злобиной: *Я грустила в осенних*

стихах, / В рощу шла по размокшей дорожке. / А когда ветер вербой запах, / Я воскресла в весеннем окошке («Я грустила в осенних стихах...»).

Антитеза, реализующаяся за счет использования противопоставленных контексте глаголов «грустила» – «воскресла» и словосочетаний «в осенних стихах» – «в весеннем окошке» позволяет нам сделать вывод о пространственно-временных отношениях, которые проявляются в художественном тексте: весна – время расцвета духовных сил лирической героини, в то время как осень – время их угасания. Возможно, тематическое и эмоциональное различие произведений, созданных осенью и весной (грустные, печальные – осень, жизнерадостные – весна).

Благодаря этим образам природы (*осень – весна*) мы видим противопоставленность контекстов стихотворения Д. Д. Злобиной и «Осень» А. С. Пушкина, который, наоборот, писал об осени как о времени расцвета его творческих сил. Так, контраст является важным средством литературной аллюзии, которая требует от нас широких фоновых знаний.

В стихотворении «Дорога домой» контраст художественных образов реализуется за счет взаимодействия языковых средств выражения противопоставления на всех уровнях: *Тряска, кочки, ухабы, / Здесь поля широки! – / Как красивы здесь бабы, / Как сильны мужики! / Хоть живем-то все хуже, / Славлю здесь в добрый час / Тень колючки верблюжьей, / Свет анютиных глаз!..* («Дорога домой»).

Контраст в последнем четверостишии реализуется за счет словосочетаний, ядром которых являются языковые антонимы «свет» – «тьма». Однако ассоциирующиеся в нашем сознании образы с названиями растений «верблюжья колючка» и «анютины глазки» не противопоставляются, а уравниваются за счет использования глагола «славлю» и постановки в однородный ряд прямых дополнений-антонимов «свет» – «тьма». Перед нами прием нейтрализации, усиливающийся благодаря риторическому восклицанию и фигуре умолчания.

Первое и второе предложение первой строфы «Тряска, кочки ухабы, // Здесь поля широки!..» представляют собой контраст образов, достигающийся за счет постановки в однородный ряд слов «тряска, кочки, ухабы», семантически противоположных сочетанию «поля широки».

Краткие формы имен прилагательных «сильны» – «красивы» в сочетании с именами существительными «бабы» – «мужики» тоже являются контекстуальными антонимами.

Лексический повтор «здесь» вводит в текст пространственный контраст. Возникает противопоставление «здесь» – «там». Причем «там» выражено имплицитно.

Таким образом, лексические средства выражения контраста в поэтических текстах Д. Д. Злобиной реализуются в основном за счет антитезы, которая проявляется крайне разнообразно и отражает противостояние внутреннего мира лирической героини миру окружающему, образов, связанных с различными социальными формациями, общественным устройством.

Список литературы

1. Еленевская М. Н. Синонимия как средство выражения контраста и аналогии в афоризме // Лексическая семантика и фразеология. Л., 1987. С. 24–30.
2. Лукьянова Е. В. Лингвистические средства выражения контраста в пьесе Шекспира «Гамлет»: магистерская диссертация / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2016. 85 с.

Информация об авторах: *Луннова Марина Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Щеголихина Татьяна Сергеевна*, магистр, учитель русского языка и литературы финансово-экономического лицея № 29 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Н. И. Мартирян

г. Ереван, Республика Армения

nairamartiryan@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются гастрономические мотивы в ранней и поздней прозе А. П. Чехова. Демонстрируется, как упоминание пищи вместе с другими деталями превращает текст в однородное целое, характеризует персонажей, их статус, взаимоотношения.

Ключевые слова: гастрономические мотивы, деталь, персонаж, проза

Для цитирования: Мартирян Н. И. Гастрономические мотивы в прозе А. П. Чехова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 248–252.

Одним из самых важных и древних компонентов материальной культуры, выступающим необходимым условием существования человека, является еда. Национальная кухня остается одной из наиболее устойчивых форм культуры, названия продуктов питания и блюд являются неотъемлемой частью национальной лингвокультуры, и потому эта устойчивая и лексико-семантическая группа формирует национальную картину мира с концептом «еда», одного из значимых культурных элементов национальной картины мира.

Еда мыслится не просто как биологическая составляющая человеческой жизни, не как часть той или иной культуры, а в качестве семантического кода, за которым скрывается особое содержание. Концептуальная сфера «Еда» служит интересным средством характеристики человека и его свойств. О. М. Фрейденберг отмечает, что трапеза, помимо своего основного значения – утоления голода и жажды, была тесно связана с «разного рода жизненно важными отрезками человеческого существования» [6, с. 54].

Формирующиеся на протяжении длительного времени национальные блюда и гастрономические традиции предоставляют богатый материал для анализа мифологических и религиозных представлений нации, социально-исторического, духовно-нравственного и бытового жизненного опыта народа. По мнению многих исследователей, пищевой код культуры является одним из базовых. Как отмечает А. И. Леонова: «Принадлежность к национальной культуре наименований кулинарных блюд определяется их использованием в художественных текстах, которые являются истинными хранителями культуры и отражают исторический, материальный и духовный опыт, накопленный обществом за период его развития. Именно в них зафиксированы ценности, которые стали приоритетными для данной культуры» [3].

В творчестве русских писателей тема еды не раз находила отражение: А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров и многие другие. Данная тема играет особую значимую роль в творчестве А. П. Чехова. По мнению Д. Л. Абджумаловой: «Анализ лексем со значением предметно-пищевых реалий в текстовых фрагментах с описанием приёма пищи из произведений А. П. Чехова позволяет определить их роль в создании лингвокультурологического портрета чеховских персонажей» [1, с. 7]. С помощью введения в текст гастрономических знаков А. П. Чехов демонстрирует читателям несколько функций: еда предстает как способ получения удовольствия, способ характеристики героев, их взаимоотношений и чувств, социального и культурного уровня.

В ранних произведениях А. П. Чехова еда выступает как способ достижения наивысшего наслаждения и радости героев, и автор мастерски как запечатлевает это настроение, так и дает описание оформления и приготовления различных блюд. *«— Важную я вчера у Голопесова индейку ел! — вздохнул помощник исправника Пружина-Пружинский. — Между прочим... вы были, господа, когда-нибудь в Варшаве? Там этак делают... Берут карасей обыкновенных, еще живых... животрепецующих, и в молоко... День в молоке они, сволочи, поплавают, и потом как их в сметане на скворчащей сковородке изжарят, так потом, братец ты мой, не надо твоих ананасов!*

— И ежели с просоленными огурчиками... — добавил Ребротесов тоном сердечного участия. — Когда мы в Польше стояли, так, бывало, пельменей этих зараз штук двести в себя вопрешь... Наложил их полную тарелку, поперчишь, укропом с петрушкой посыплешь и... нет слов выразить!» («Невидимые миру слёзы», 1884).

Настоящее гастрономическое откровение – рассказ «Сирена» (1887) о буднях судебных чиновников: *«Самая лучшая закуска, ежели желаете знать, селедка. Съели вы её кусочек с лучком и с горчичным соусом, сейчас же, благодетель мой, пока еще чувствуете в животе искры, кушайте икру... потом простой редьки с солью, потом опять селедки... объединение!»*

Коротенький рассказ «О бренности» (1886) сперва напоминает великолепный красочный натюрморт, который почти целиком состоит из раблезианского описания блюд и напитков на масленичном столе – и заканчивается апоплексическим ударом героя.

В поздних рассказах А. П. Чехов подробное описание еды использует тогда, когда ему надо охарактеризовать героя. Отрицательное отношение к героине рассказа «Ариадна» (1895) проявляется, когда автор (через призму восприятия Ивана Ильича Шамохина) описывает гастрономические пристрастия героини, которая прожорлива и праздна: *«Ели мы ужасно много. Утром нам подавали café complet. В час завтрак: мясо, рыба, какой-нибудь омлет, сыр, фрукты и вино. В шесть часов обед из восьми блюд, с длинными антрактами, в течение которых мы пили пиво и вино. В девятом часу чай. Перед полночью Ариадна объявляла, что она хочет есть, и требовала ветчины и яиц всмятку»*. Там же: *«Спала она каждый день до двух, до трех часов; кофе пила и завтракала в постели. За обедом она съедала суп, лангуста, рыбу, дичь, и потом, когда она ложилась, я подавал ей в постель чего-нибудь, например, ростбифа, и она съедала его с печальным, озабоченным выражением, а проснувшись ночью, кушала яблоки и апельсины»*. Эти детали, показывающие характерные черты личности героини, были известны ещё раньше: *«Ариадна с серьезным, вдохновенным лицом записывала на бумажке устриц, шампанского, конфет и посылала меня в Москву, конечно, не спрашивая, есть ли у меня деньги»*, – но в полной мере герой понял внутреннюю сущность хищницы гораздо позже, уже став её любовником.

В другом рассказе 1895 года – «Супруга» – такой подробной «гастрономической» характеристики героини нет, но А. П. Чехов, будучи величайшим мастером нюанса, одной ёмкой фразой характеризует хищную натуру супруги-изменницы: *«Он снял с неё шубу и калоши и в это время ощутил запах белого вина, того самого, которым она любила запивать устриц (несмотря на свою воздушность, она очень много ела и много пила)»*.

Учитель греческого языка Беликов из рассказа «Человек в футляре» (1898), которому ясны и приятны были только что-то запрещающие циркуляры, по признанию рассказчика, держал в страхе весь город; немаловажную роль играет гастрономическая деталь: *«и духовенство стеснялось при нем кушать скоромное...»*.

О постоянстве и надежности Осипа Дымова свидетельствует то, что каждый раз во время вечеринок по средам «... *ровно в половине двенадцатого отворялась дверь, ведущая в столовую, показывался Дымов со своею добродушною кроткою улыбкой и говорил, потирая руки: – Пожалуйте, господа, закусить. Все шли в столовую и всякий раз видели на столе одно и то же: блюдо с устрицами, кусок ветчины или телятины, сардины, сыр, икру, грибы, водку и два графина с вином*» (Попрыгунья», 1892).

В рассказе «Крыжовник» (1898) блюдо с крыжовником и жадное поедание жесткой и кислой ягоды всю ночь по одной штучке демонстрируют нам, как в угоду «пламенной страсти» – покупки имения с крыжовником – приносится в жертву всё: брат героя недоедал, недопивал, ходил в обносках, свёл в могилу жену вследствие полуголодной жизни и т.д.

Приём пищи в любом обществе регламентируется социальными нормами и обычаями. По тому, как и что человек ест, можно судить о его социальном и культурном уровне. Обратим внимание, как мастерски показывает автор разницу в социальном статусе двух приятелей изначально, ещё до обмена сведениями: тостый пообедал на вокзале, от него пахнет хересом и флер-д'оранжем, то есть дорогим вином и изысканным померанцевым напитком (мы считаем, что здесь флер-д'оранж – напиток, а не название парфюма – М. Н.), тонкий вышел из вагона, где перекусил с семьей, и от него пахнет обычной едой: ветчиной и кофейной гущей («Толстый и тонкий», 1883).

В рассказе «Случай из практики» (1898) «эпизод ужина оказывается своеобразным «геометрическим центром» повествования» [2, с.81]. Упоминание количества вин и блюд при описании ужина, их стоимость конкретизируют впечатление о докторе социальном статусе хозяев: «*Стол был большой, со множеством закусок и вин, но ужинали только двое: он да Христина Дмитриевна*».

Детали в описании еды дают характеристику не только героям, но и общей атмосфере рассказа. Так, например, в рассказе «Ионыч» (1898г.) искусственность обстановки подчёркивается сопоставлением романтического повествования Веры Иосифовны не только с «Лучинушкой», но и с тем, что «...*в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком – и это всякий раз предвещало обильный и вкусный ужин*».

Ещё одна немаловажная деталь в поздней прозе А. П. Чехова – регулярные чаепития: «*Пришлось опять долго сидеть в столовой и пить чай*» («Ионыч», 1898), «*Пелагея подавала на подносе чай с вареньем*» («Крыжовник», 1898). «*После прогулки верхом чай, варенье, сухари и масло оказались очень вкусными. Первый стакан все выпили с большим аппетитом и молча, перед вторым же принялись спорить*» («Учитель словесности», 1889, 1894), «*С ними же вернулся в город и полночь пил у них чай в тихой, семейной обстановке...*» («О любви», 1898), «*Дома пили чай со сдобным хлебом и разными вареньями*» («Душечка», 1899) и т.д. Семейное счастье включает вечерние чаепития, притом чай и самовар были символами сытой жизни, дворянской или купеческой, в то время как крестьянское население России считало чай «баловством» [см. Похлебкин, <http://>]. Справедливости ради отметим, что в рассказе «Невеста» (1903) ритуал чаепития имеет другой смысл. Как отмечает Г. П. Козубовская: «Чаепитие – лейтмотив новеллы – скрепляет «провинциальные» и «московские» эпизоды» [2, с.88]. Саша помногу и подолгу пьет чай «по-московски» и в провинции, и в Москве. Но если в провинции это происходит в милой домашней обстановке, то в Москве, в том числе и при прощальном эпизоде на вокзале, сцены чаепития неэстетичны и натуралистичны.

Взаимоотношения героев в прозе А. П. Чехова также определяются через гастрономические мотивы, причём как в ранней прозе, так и в поздней. В рассказе

«На гвозде» (1883) именинник Стручков желает отпраздновать свой день рождения в кругу сотрудников – коллежских регистраторов и губернских секретарей. Запахи пирога и жареного гуся в прихожей возбуждают аппетит чиновников, но большой гвоздь на стене сперва с фуражкой, потом с куньей шапкой три раза вынуждает именинника с гостями отправиться в трактир, и только в восьмом часу вечера нелепая ситуация разрешается, хотя долгожданная трапеза не совсем приятна: *«Пирог был сух, щи теплы, гусь пережарен»*. Такое описание ужина отражает неблагоприятную атмосферу в доме Стручковых и подчёркивает отношение к мужу супруги, которая даже в день его именин принимает своих «гостей».

Первоначальное отношение Дмитрия Гурова к роману с Анной Сергеевной, как к лёгкому необременительному флирту, превосходно показано сразу же после сцены первой близости героев: *«На столе в номере был арбуз. Гуров отрезал себе ломоть и стал есть не спеша»*. А в конце рассказа, когда герои уже не представляют жизни друг без друга, появляется «мотив» чая как «мотив» семейной жизни: *«Потом он позвонил и сказал, чтобы ему принесли чаю; и потом, когда пил чай, она всё стояла, отвернувшись к окну...»*. А выражение *«осетрина-то с душком!»* вошла в число прецедентных фраз русской литературы как символ равнодушия и чёрствости («Дама с собачкой», 1899).

Рассказ «Попрыгунья» (1891) весь пронизан гастрономическими мотивами. Например, пренебрежительное отношение Ольги к мужу явно видно в эпизоде поездки соскучившегося Дымова на дачу, к жене, с закусками и конфетами: *«...ему весело было смотреть на свой сверток, в котором были завернуты икра, сыр и белорыбица»*. Но вместо приятного ужина с женой ему достались стакан чая с баранкой и скорый отъезд. В момент объяснения Ольги с художником Рябовским на палубе волжского парохода, когда она (не он! – М. Н.) просит человека из буфета принести вина, с другой стороны палубы слышится: *«К Кинешме подходим!»*. Этот нюанс, как «Лучинушка» и запах жареного лука в «Ионыче», показывает мастерство Чехова-прозаика. Переломный момент в их романе наступает в сцене со щами, когда Ольга видит, как жадно Рябовский поглощает щи, в которых обмочила свои большие пальцы принеся их *«грязная баба с перетянутым животом»*. А после возвращения домой полная вроде бы раскаяния Ольга снова лишает Дымова обеда, который собирался есть рябчика: *«– Кушай рябчика. Ты проголодалась, бедняжка. Она жадно вдыхала в себя родной воздух и ела рябчика, а он с умилением глядел на нее и радостно смеялся»*.

В «Невесте» (1903) показывается, что один из основных признаков спокойной провинциальной жизни – это неторопливая череда обедов и ужинов, со строгим соблюдением приёмов скоромной и постной еды: *«Была среда, день постный, и потому бабушке подали постный борщ и леца с кашей. Чтобы подразнить бабушку, Саша ел и свой скоромный суп и постный борщ»*. Вроде бы смешной и незначительный «гастрономический» выпад имеет на самом деле глубокий смысл. Саша нарушает обеденный ритуал, смешивая скоромную и постную пищу. В результате взятый на попечение «ради спасения души» сын дальней родственницы переворачивает и разрушает судьбу всего рода Шуминых. Повторим вслед за Т. М. Ляшенко: «Образы пищевых продуктов в творчестве Чехова становятся наряду с другими, негастрономическими образами, способом отражения реальности, подлинной жизни» [4, с. 92].

Бытописатель повседневной жизни, самых простых, обыденных пристрастий и деталей, А. П. Чехов в своем творчестве органично включает в общую ткань художественного произведения гастрономические мотивы, которые способствуют раскрытию пародийный характер произведения, а также помогают нашему восприятию быта героев, их личных качеств, портретов и поступков.

Список литературы

1. Абдужамалова Д. Л. Пищевые реалии в контексте актуальных противопоставлений (на материале первого периода творчества А. П. Чехова) // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии : теория и практика : материалы Междунар. науч.-метод. конф. Уфа : РИЦ БашГУ, 2016. С. 71–75.
2. Козубовская Г. П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Барнаул : АлтГПА, 2011. 318 с.
3. Леонова А. И. Лингвокультурологическая специфика кулинаронимов : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: Тверь, 2003. 214 с. URL: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/lingvokulturologicheskaja-spezifika-kulinaronimov.html> (дата обращения: 02.06.2021).
4. Ляшенко Т. М. Лексика тематической группы «еда, потребление пищи» в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» // *Litera*. 2020. № 11. С. 84–96.
5. Похлебкин В. В. Чай, его история, свойства и употребление. URL: <http://teatips.ru/index.php?act=2&id=354&dep=37> (дата обращения: 02.06.2021).
6. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 299 с.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983, Т. 1–10.

Информация об авторе: *Мартирян Наира Игнатиосовна*, кандидат филологических наук (PhD), доцент, доцент кафедры языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Республика Армения).

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ЗАГЛАВИЙ В ПОЭТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ К. Д. БАЛЬМОНТА)

А. С. Наден

г. Горловка, Донецкая Народная Республика
eos-anna@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема типологии литературно-критических заглавий в поэтике Серебряного века. На основе классификации, предложенной В. Крыловым, даётся характеристика заглавий критических книг и литературно-критических статей К. Бальмонта. Отмечается, что заглавия работ К. Бальмонта ярко отражают ведущие тенденции символистской критики в данном виде номинаций.

Ключевые слова: заглавие, литературная критика, метафора, символизм

Для цитирования: Наден А. С. Проблема типологии литературно-критических заглавий в поэтике Серебряного века (на материале работ К. Д. Бальмонта) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 253–257.

Жанровая система символистской критики представляет собой сложную иерархию. Её вершиной являются метажанры: трактаты, теоретические статьи, манифесты, сближающие критику с теорией литературы. Основной же пласт образуют жанры, обслуживающие актуальные потребности литературного процесса: статьи, аннотации, рецензии, обзоры, портреты, эссе и др. Однако построение иерархии не столь важно, важно понимание того факта, что символисты модернизировали внутреннее содержание каждого жанра. Этому способствовали как взаимодействие с европейской критикой, так и субъективированность и внутрилитературный синтез. Многие статьи рождались из докладов и лекций, с которыми авторы выступали на различных мероприятиях, что привело к активному выявлению авторской позиции, большей емкости выразительных риторических средств, лаконизму.

Вопросы, связанные с изучением символистской критики, активно разрабатываются, однако до сих пор существуют малоизученные проблемы.

Одна из них – проблема типологии литературно-критических заглавий. Если исследования названий литературных произведений широко известны, например, работа С. Кржижановского «Поэтика заглавий», то поэтика названий критических нуждается в детальной разработке. С. Кржижановский писал: «Заглавие – один из важнейших компонентов любого текста. Текст и есть – развернутое *до конца заглавие*, заглавие же – *стянутая до объёма двух-трёх слов книга*» [13, с. 121]. В заглавии заложена специфика художественного мышления автора, особенности его культурных предпочтений.

Опираясь на типологию названий художественных произведений, один из ведущих исследователей символистской критики, В. Крылов предлагает общую классификацию названий литературно-критических работ.

1. Нейтральные заглавия, которые повторяют или обобщенно передают название рассматриваемого произведения («Сологуб» А. Белый).

2. Заглавия, содержащие в той или иной форме тему и проблему статьи («О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Д. Мережковский, «Некрасов как поэт города» В. Брюсов).

3. Заглавия, указывающие на жанровые особенности критического произведения. В таких заглавиях присутствует слово-маркер жанра («Заметки о русской литературе 1848 г.» П. Анненков, «Год русской поэзии» В. Брюсов, «Памяти Тургенева» Д. Мережковский). В начале XX века появляется разновидность такого типа заглавий: заглавие + подзаголовок с маркером жанра («Гоголь и черт. Исследование» Д. Мережковский, «Г. Протопов и красота. Краткое возражение на длинную статью» З. Гиппиус).

4. Заглавия-цитаты являющие собой реминисценции из рассматриваемого произведения или других текстов. Такие заглавия могут вырастать в символ, в заглавие-вопрос («Слезинка Передонова» З. Гиппиус, «Священная жертва» В. Брюсов, «Отцы и дети русского символизма» А. Белый).

5. Заглавия, несущие в себе эмоциональную (сатирическую, ироническую, сопереживающую) тональность по отношению к рассматриваемой проблеме («Конец Горького» Д. Философов, «В целомудренных одеждах» З. Гиппиус, «О речи рабской в защиту поэзии» В. Брюсов).

6. Заглавия, состоящие из имени писателя или же сопоставления нескольких имен («Лев Толстой и Достоевский», «Горький и Достоевский» Д. Мережковский) [13, с. 121–122].

В. Крылов также отмечает, что в Серебряном веке увеличивается роль сопоставительных, антитетичных заглавий. Установка на обновление форм критики сказалась и на названиях статей. Многие критики используют интригующие, оригинальные названия («В обезьяньих лапах», «Сошествие в ад» Д. Мережковский; «Поэт мрамора и бронзы», «Штемпелеванная калоша» А. Белый; «Пантеон современной пошлости», «Человек, который смеется» Эллис).

Не только современные исследователи всё чаще обращаются к проблеме заглавий, волновала она и самих авторов Серебряного века. Подтверждение этому мы находим в переписке П. Перцова с В. Розановым по вопросу номинации цикла «Старое и новое». В некоторых случаях вокруг заглавий возникала целая полемика. Например, статья Д. Философова «Конец Горького» находит отклик в статье А. Горнфельда «Кончился ли Горький?». Горнфельд считает название Философова неудачным. Дискуссия продолжается в статье Д. Философова «Разложение материализма», в которой он соглашается с оппонентом, но отмечает, что «кроме автора и формы статьи, существует ее содержание» [13, с. 123].

Как один из самых продуктивных писателей-символистов К. Бальмонт создал более пятидесяти литературно-критических статей. Часть из них составила три его критические книги: «Горные вершины. Искусство и литература. Сборник статей», «Белые зарницы. Мысли и впечатления», «Морское свечение»; часть была опубликована в различных периодических изданиях: «Русские Ведомости», «Жизнь», «Мир Искусства», «Журнал для всех», «Новый путь», «Северные цветы», «Весы», «Золотое Руно», «Вести Европы», «Русская мысль» и др.

Название первой книги критических статей, вышедшей в 1904 г., «Горные вершины. Искусство и литература. Сборник статей» сочетает в себе сразу несколько типологических признаков. «Горные вершины» в системе символов К. Бальмонта – это выдающиеся художники прошлого и современности, чьи мысли и труды достойны особого внимания. Первый подзаголовок – «Искусство и литература» – сообщает о намерении критика говорить не только о художественных произведениях и их авторах, но и о других видах искусства. Так, в сборник включены статьи «Поэзия ужаса. Франциско Гойя, как автор офортов, 1746–1828» об испанском художнике Гойя; «Кн. А. И. Урусов» о меценате и театральном критике князе Александре Ивановиче Урусове; «О чудовищах» о воплощении эстетики

чудовищного в искусстве и литературе. Второй подзаголовок – «Сборник статей» – указывает на жанровую принадлежность включенных в него работ.

Заглавие книги «Белые зарницы. Мысли и впечатления» (1908 г.) также символ. Зарница – мгновенная световая вспышка, озаряющая горизонт вечером или ночью, как молния, но без грома. Именно такими зарницами для автора выступают писатели (Гете, Уайльд, Уитмен), которым посвящены статьи, вошедшие в книгу. Подзаголовок же «Мысли и впечатления» указывает на то, что автор не стремится следовать канонам каких-либо критических жанров.

Заглавие книги «Морское свечение» (1910 г.) тесно связано с любимой символистами морской стихией. Море воплощает в себе бесконечность, время, вечность, вечного дарителя и вечного похитителя, смерть и возрождение.

Теперь обратимся к заглавиям статей.

Тип заглавия	Литературно-критические работы К. Бальмонта
1. Нейтральные заглавия.	«Бретонские легенды», «Испанские народные песни», «Литва», «О “Цветах зла”», «О врагах и вражде», «О жестокости», «О любви», «О русских поэтах», «О чудовищах», «Об Уайльде», «Поэзия Стихий (Земля, Вода. Огонь и Воздух)», «Поэзия Борьбы (Идеализованная Демократия)», «Поэзия Оскара Уайльда», «Поэзия ужаса», «Символизм народных поверий», «Гении охраняющие».
2. Заглавия, содержащие тему и проблему статьи.	«Кальдероновская драма личности», «М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его жизнь», «Тип Дон-Жуана в мировой литературе», «Чувство личности в поэзии», «Чувство расы в творчестве», «Элементарные слова о символической поэзии», «Поэт “Пана”», «Несколько слов о типе Фауста», «Имени Чехова».
3. Заглавия, указывающие на жанровые особенности статьи.	«Змеиные цветы. (Путевые письма из Мексики)», «Край Озириса. Египетские очерки», «Малые зерна. Мысли и ощущения», «Наше литературное сегодня. Заметка», «О книгах для детей. Заметка», «Рдяные звезды. Мысли и ощущения», «Рубиновые крылья. Видение», «С Балеарских берегов. Путевая паутинка», «Шарль Ван-Лерберг. Письмо из Брюсселя», «Маску долой! Письмо в редакцию».
4. Заглавия-цитаты.	«Горящие пальцы (Два польских сказания)», «Призрак меж людей», «Сквозь строй (Некрасов)», «Орлиные крылья».

Тип заглавия	Литературно-критические работы К. Бальмонта
5. Заглавия, несущие в себе эмоциональную тональность.	«Гений открытия (Э.По)», «Избранник Земли (Памяти Гете)», «Колокольчик, держись! (О польских преданиях)», «Певец личности и жизни (У. Уитмен)», «Праотец современных символистов», «Пьянность солнца. Бретань», «Тайна одиночества и смерти (О творчестве Метерлинка)», «Флейты из человеческих костей (Славянская душа текущего мгновенья)».
6. Заглавия, состоящие из имени писателя или же сопоставления нескольких имён.	«Кн. А. И. Урусов», «Твардовский (Тайна вечной юности)», «Шелли и Байрон», «О Достоевском».

Заглавия работ К. Бальмонта ярко отражают ведущие тенденции символистской критики в данном виде номинаций. Он отходит от идеологически-оценочных заглавий. Названия обращены к литературе, к судьбе писателя, критик стремится понять смысл искусства («М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его жизнь», «Элементарные слова о символической поэзии»). Велика доля символистских метафорических заглавий («Флейты из человеческих костей (Славянская душа текущего мгновенья)», «Избранник Земли (Памяти Гете)»). Помимо этого заглавия показывают включенность автора в русскую и европейскую культуру. В состав заглавий входят упоминания образов и универсалий европейской культуры («Несколько слов о типе Фауста», «Поэзия Оскара Уайльда»). Особенностью заглавий литературно-критических работ К. Бальмонта можно также считать их включенность в систему символов автора, их наполненность субъективно-личностным содержанием.

Список литературы

1. Бальмонт К. Д. Белые зарницы. Мысли и впечатления. СПб. : Изд-во М. В. Пирожкова, 1908. 217 с.
2. Бальмонт К. Д. Где мой дом? М., 1991. 46 с. (Библиотека «Огонек»; № 9).
3. Бальмонт К. Д. Герхард Гауптман // Гауптман Герхард. Пьесы / [Константин Бальмонт (предисл.)]. М. : Гудьял-Пресс, 1999. С. 5–12.
4. Бальмонт К. Д. Горные вершины. Искусство и литература : сб. ст. М. : Гриф, 1904. 304 с.
5. Бальмонт К. Д. Избранное : стихотворения; переводы; статьи / [сост. В. Бальмонт ; вступ. ст. Л. Озерова ; прим. Р. Помирченко]. М. : Худож. лит., 1980. 780 с.
6. Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / [сост., вступ. ст. и коммент. Г. Макогоненко ; ил. и оформ. Н. Е. Бочаровой]. М. : Правда, 1991. 608 с.
7. Бальмонт К. Д. Марина Цветаева // Современные записки. 1921. № 7. С. 92.
8. Бальмонт К. Д. Морское свечение. СПб. : Изд. М. О. Вольфа, 1910. 260 с.
9. Бальмонт К. Д. Очерк жизни Эдгара По // По Э. Ворон вещей : Стихи. Поэмы. М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 203–312.
10. Бальмонт К. Д. Певец побегов травы // Золотое Руно. 1909. № 1. С. 67–73.
11. Бальмонт К. Д. Перси Биши Шелли // Журнал для всех. 1901. Кн. 1. С. 3–10.
12. Бальмонт К. Д. Поэзия О. Уайльда // Весы. 1904. Кн. 1. С. 22–40.

13. Крылов В. Н. Русская символистская критика : генезис, традиции, жанры. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. 268 с.

14. Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. «Поэт с утренней душой»: Жизнь, творчество, судьба Константина Бальмонта. М. : Индрик, 2003. 464 с.

15. Наден А. С. Художник как квинтэссенция национального сознания: «Гении охраняющие» К. Бальмонта // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. 2014. Т. 1, № 2 (78). С. 72–82.

Информация об авторе: *Наден Анна Станиславовна*, преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков (г. Горловка, Донецкая Народная Республика).

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ОНИМОВ (ЦАРЬ) ГОРОХ И КОЩЕЙ В РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О. Г. Никулкина

г. Брянск, Россия
sinbad1982@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается мифологическая символика имён *Горох* и *Кощей* в русском лингвокультурном пространстве. Раскрывается динамика плана содержания онимов при вторичном употреблении их в художественном контексте русских народных и авторских сказок как в одиночном употреблении, так и в составе окказиональных устойчивых оборотов. Вскрывается скрытый архетипический подтекст в семантической структуре онимов-символов, транслирующий информацию о духовной культуре русского народа. Доказывается, что свойством имён-символов является переплетение архетипической символики, сказочных коннотаций и индивидуально-творческой метафорической символики.

Ключевые слова: авторская сказка, русская народная сказка, оним, символ, архетип, мифологическое значение

Для цитирования: Никулкина О. Г. Архетипическая символика онимов (царь) *Горох* и *Кощей* в русском лингвокультурном пространстве // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 258–261

Существует несколько научных определений авторской сказки. Любое из них отображает концепцию авторской сказки, которая представлена тем или иным ее исследователем. Мы предлагаем следующее определение авторской сказки: художественное произведение поэтической, прозаической или драматической формы, основанное на вымысле, написанное в любой жанрово-видовой разновидности (роман, повесть, сказ и т.д.), адресованное как взрослому читателю, так и детям, и в разной степени соотносящееся с фольклорной прасоной или вообще лишённое её, выполняющее развлекательную, назидательную, развивающую или любую иную функцию.

В текстах авторских сказок встречаются отдельные имена, генетически связанные с русскими народными волшебными сказками, но выступающие с новым метафорическим значением. Такие имена мы называем именами-символами, или именами-метафорами.

Самым известным сказочным царем является царь *Горох*. Имя *Горох* обычно считают мифоантропонимом [7, с. 84]. Но следует иметь в виду, что в древнерусском языческом антропонимиконе среди прочих многочисленных именовании значился и антропоним *Горох*, от которого образована фамилия *Горохов*. Учитывая этот факт, можно предположить, что создатели или интерпретаторы народных сказочных текстов, стремившиеся использовать при именовании царей редкие и даже экзотические имена, в ряде случаев вполне могли обращаться и к старому дохристианскому антропонимикону, изобиловавшему ставшими явно необычными после укоренения христианства и христианских имен антропонимическими обозначениями. Не исключено также, что имя царя *Гороха* в русской волшебной сказке осталось как антропонимический факт самых давних (первоначальных) сказочных

текстов, в том числе и тех, которые становились собственно сказочными в период трансформации древнего мифа в сказку.

Если разрабатывать мифологическую подоснову сказочного антропонима *Горох*, то можно обнаружить, что оно имеет сакральное значение и восходит к периоду культовых обрядов, где анализируемое имя считалось словом-табу и обозначало громовержца Перуна. Когда божество было забыто, имя утратило сакральность, приобрело шуточный характер и стало ассоциироваться в народе с добрым и глупым царем.

Кроме того, имя царя *Гороха* могло иметь в качестве источника нарицательное слово *горох*, обозначающее как растение из семейства бобовых, так и сами семена, зерна этого растения. Гороховые зерна имели в архаичной культуре глубокий символический смысл. Горох использовался в похоронно-погребальном обрядовом комплексе и одновременно относили к числу атрибутов с отчетливой эротической и продуцирующей семантикой [2, с. 115–116; 3, с. 51–53].

Если учесть, что царь *Горох* живет в «тридесятом царстве», то есть в параллельном (потустороннем) мире (по интерпретации В.Я. Проппа), то можно предложить следующее прочтение сути сказочного царя в древнейших текстах, предшествующих собственно сказке: Горох олицетворял некую мыслимую сущность, находившуюся по ту сторону бытия и обуславливавшую рождение всего существующего в земном мире. В своих истоках имя *Горох* вполне могло быть именованием тотемного предка как синкретического прообраза персонажей сказок и смежных со сказками жанров эпического творчества, в частности, царей и правителей «тридесятого царства» [5, с. 66–110]. В сказках образ царя *Гороха* является несколько комичным, что объясняется обстоятельствами формирования сказки из предшествующих мифов. Предполагаемая нами интерпретация образа и имени царя *Гороха* исходит из понимания фольклорной традиции как консервативной: в ней прежняя форма (в том числе исходное имя), сохраняясь столетиями, тем не менее, наполняется постоянно новым содержанием.

Сказочный антропоним *Горох* (царь), зафиксированный в тексте сказки Д. Н. Мамина-Сибиряка «Сказка про славного царя *Гороха*», употреблён в окказиональном значении ‘весёлый царь’: *Пока был молод царь Горох, больше всего он любил повеселиться* [6, с. 348]. Это значение сказочного поэтонима, актуализированное в авторской сказке, затемняет первичный древний содержательный пласт этого имени собственного в первоисточнике.

В волшебной сказке именем *Кощей* обозначен фантастический персонаж, похищающий невесту героя, а само значение имени может быть истолковано по-разному.

Имя *Кощей* принято ассоциировать со смертью. Исследователи указывают постименное значение слова *кощей*, в частности, ‘скупой богач’, ‘волокита, который похищал девиц и морила их голодом’, ‘захватчик’, ‘ростовщик’ [4, с. 57].

А. Н. Афанасьев ассоциировал образ *Кощей* с оцепенённым (считая глагол *оцепенеть* синонимичным глаголу *окостенеть* в значении ‘застыть, оцепенеть, сделаться твердым, как кость, от сильной стужи’) состоянием природы вследствие холода, вьюги, вихря [1, с. 154–155].

Ю. С. Степанов связывает языковое значение онима *Кощей* с несколькими основами и соответственно отмечает три ипостаси персонажа. Главная из них означает ‘тот, кто имеет отношение к костям’ (*Кощей* из прилагательного **kostjъ-jъ* – ‘костлявый, худой’ или **kostъ-sějъ* – ‘тот, кто сеет кости’). При такой интерпретации *Кощей* – прообраз человека в племени, ведающего посевом костей, посредник между живыми и мертвыми. Закапывание костей животных в первобытной культуре символизировало восстановление гармонии в природе: кости давали

«всходы»), и убитые животные возрождались. Две второстепенные ипостаси представлены значениями ‘пленник’ (др.-рус. *кощеи, кощии* – ‘отрок, мальчик, младший отрок княжеский, пленник, раб’ – из тюрк. *кош* ‘невольник’ [9, с. 362]) и ‘распорядитель судьбы, жребия’ (ср. элемент *-кошь//къшь*, входящий в имя богини плодородия *Макошь*) [8, с. 82–87].

Имя *Кощей* в сказке Д. Н. Мамина-Сибиряка «Сказка про славного царя Гороха» ассоциируется со скупостью, употребляясь только в составе сравнения: *И скуп сделался царь Горох, как Кощей* [6, с. 351]. Т. Н. Кондратьева фиксирует одно из отыменных значений мифонима *Кащей* – ‘скупой богач, корыстолюбец’ [4, с. 58].

В авторской сказке имя сказочного персонажа оторвалось от народного источника и попало в иной, авторский дискурс. Соответственно затемнилось и мифологическое значение, лежащее в основе номинации, произошла метафоризация в составе сравнительного оборота при обозначении иного (действующего) персонажа сказки, и на первый план выступило явно вторичное значение мифонима *Кощей* – ‘скупец, скряга’.

Имена-метафоры выполняют номинативно-идентификационно-дифференцирующую и стилистическую функцию, поскольку являются яркими языковыми средствами, позволяющими раскрыть идейно-тематическое содержание произведений.

Приведённые примеры показывают, что семантическим ядром, способным к развитию переносных, метафорических значений, оказываются те или иные периферийные признаки, составляющие коннотативный компонент значения слова.

Рассмотренные поэтонимы свидетельствуют о динамике плана содержания онимов при вторичном употреблении в художественном контексте. В этих случаях на номинативную функцию накладывается метафорическая функция: имя становится метафорическим знаком. Основой метафорического употребления имени является фоновое знание. Свойством таких имен-метафор является переплетение архетипической символики, сказочных коннотаций и индивидуально-творческой метафорической символики. Имена-метафоры синхронно реализуют свойства и мифологического знака, и образного средства.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М. : Сов. Россия, 1986. 366 с.
2. Санько С., Валодзіна Т., Васілевіч У. [і інш.]. Беларуская міфалогія : энцыклапедычны слоўнік. Мінск. : Беларусь, 2004. 592 с.
3. Коваль У. І. Народныя ўяўленні, павер’і і прыкметы: даводнік па ўсходнеславянскай міфалогіі. Гомель : Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. 180 с.
4. Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени: опыт словаря. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1983. 111 с.
5. Криничная Н. А. Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. Л. : Наука, 1988. 192 с.
6. Мамин-Сибиряк Д. Н. Сказка про славного царя Гороха и его прекрасных дочерей царевну Кутафью и царевну Горошинку // Сказки русских писателей. М. : Дет. лит., 1984. С. 347–372.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская ; Академия наук СССР, Институт языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.

8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. М. : Яз. рус. культуры, 1997. 824 с.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб. : Терра-Азбука, 1996. Т. 4. (Т – Ящур). 1996. 864 с.

Информация об авторе: *Никулкина Ольга Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории государства и права и гуманитарных дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (Брянский филиал) (г. Брянск, Россия).

«ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ» И «ЧИСЛОВЫЕ» НОМИНАЦИИ КАК СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ МИРА В ПЕРЕВОДАХ И. БРОДСКОГО

Т. А. Пономарева

*г. Луганск, Луганская Народная Республика
tanya_p-05@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются «математические» номинации в поэтических переводах И. Бродского как один из способов отображения мира. Изучаются время и пространство, которые в метафизике поэта представлены в математических номинациях. В терминах геометрии описываются человеческие чувства и эмоции. Математичность художественной картины мира Бродского чётко проявляется при описании им безысходности и отчуждённости, абсурдности существующего положения вещей. В поэтике Бродского цифры часто предстают как формальные фиксаторы абстрактного времени. Делается вывод о том, что в поэзии И. Бродского (и в оригинальной, и в переводной) математические номинации обладают сходными семантическими характеристиками.

Ключевые слова: переводная поэзия, «математические» номинации, время, пространство

Для цитирования: Пономарева Т. А. «Геометрические» и «числовые» номинации как способ отображения мира в переводах И. Бродского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 262–265.

Описание созданной физики мира через научную терминологию – яркая черта идиостиля И. Бродского. Научное и, в частности, «геометрическое» и «алгебраическое» мировидение поэта отразилось и в оригинальных, и в переводных произведениях.

Привлечение терминов математики для описания человеческих чувств и эмоций активно используется Бродским как в оригинальной, так и в переводной поэзии. Яркий пример этого явления в переводах – стихотворение «Прощанье, за-прещающее грусть» (перевод Д. Донна):

Как циркуля игла, дрожа,
Те будет озирать края,
Где кружится моя душа,
Не двигаясь, душа твоя.
И станешь ты вперяться в ночь
Здесь, в центре, начиная вдруг
Крениться, выпрямляясь вновь,
Чем больше или меньше круг.
Но если ты всегда тверда
Там, в центре, то должна вернуть
Меня с моих кругов туда,
Откуда я пустился в путь.

И. Шайтанов, сопоставляя перевод Бродского с оригиналом и другими переводами, замечает, что образ циркуля – простой и наглядный аргумент, с безусловной убедительностью подтверждающий доказываемое в начале лирического сюжета: печаль неуместна, поскольку наша любовь не знает разлуки [3, с. 26–27]. Описывая окружность, циркуль завершает путь путешествующего поэта и путь

образа в его стихотворении. Образ циркуля, превращаясь в концепт, становится зрительной подсказкой, своеобразной эмблемой, делающей сложное зримым и понятным. Движение по кругу – возвращающееся движение, значит печалиться и грустить не стоит. Доказательство состоялось: концепт циркуля подхватывает и завершает логическое движение мысли. Этим концептом, по мнению Уильяма Эмпсона, «Донн (и Бродский вслед за ним. – Т.П.) прежде всего хочет сообщить, что все его рассуждение об истинных влюблённых представляет собой не причудливую условность, каковую он не раз высмеивал в своих более ранних стихах, а что-то достоверное, подсказанное ему опытом» [4, с. 64]).

Образ спирали, восходящего кругового движения, круговорота воплощён в переводе стихотворения Ч. Милоша «Стенанья дам минувших дней»:

Наши платья втоптала в грязь большаков пехота.
Ленты скрутило пламя с собственными спирали.
Бусы упали на дно исторического водоворота.
Кольца с прозрачных пальцев темные люди сняли.
Рухнули наши прически – зависть любой богини.
Мастер вплетал в них перья. Теперь там кричит ворона.
Мы посыпаям их на ночь пеплом. Когда дневная
розовоперстая вещь из вод восстает, нагими
мы проходим по улицам нового вавилона,
лбы напряженно морща, что-то припоминая.

Повторяющимся круговым движениям подвержены не только человеческие чувства, но и исторические события, ход времени. Ведь само время, в силу своей природы, склонно к спиралеобразному движению.

Стремление «свернуться в клубок», приобрести форму шара присуще любой геометрической фигуре, особенно прямой линии:

Линия – значит, прямая,
Пифагор своим мелом
начертал эту мудрость
в своем дымоходе.
Тысячу лет стоит
линия перед нами,
вытянувшись в струнку,
по стойке смирно.
Невероятно устала.
Ни о чем так не грезит,
как о том, чтоб свернуться
в клубок.

(Е. Харасымович. «Геометрия»)

Круг, шар становится недостижимой мечтой, символом спокойствия и избавления от усталости, принесённой нещадным временем.

Если в переводной поэзии круг, окружность и символизируемая ими замкнутость – это, скорее, уверенность, что все проходит и затем снова возвращается, что время циклично и в этой его безжалостной повторяемости и неизбежности и есть его смысл, то в оригинальной поэзии круг – символ одиночества и пустоты:

Навсегда расстаёмся с тобой, дружок.
Нарисуй на бумаге простой кружок.
Это буду я: ничего внутри.
Посмотри на него, и потом сотри.

(«То не Муза воды набирает в рот...»)

Связь геометрических номинаций с концептом «одиночество», по нашим наблюдениям, более очевидна в оригинальной поэзии Бродского, чем в переводной.

В поэтике Бродского цифры часто предстают как формальные фиксаторы абстрактного времени. Единицы времени – год, месяцы, какая-либо часть суток – получают материальное воплощение в виде цифр:

В Сорок Пятом, когда прогремел «капут»,
Джозеф Стайн, поэт, покинул Дахау...

(Д. Чиарди. «Дар»)

Иногда цифровое обозначение времени может заменяться на словесное, так как слово в художественной картине мира Бродского не менее значимо, чем цифра:

Итак, свет зажегся, и раздались
аплодисменты столь странному фильму,
чья лента порвалась в этот
столь поздний от Рождества Христова год.
Но, конечно, то был не фильм.

(Р. Виттемор. «День в иностранном легионе»)

В стихотворении «Физик» (перевод Я. Рымкевича) цифры, входящие в формулы, – основа мироздания. Тайны рождения и смерти, сущности человеческой жизни подвластны только числовым формулам:

Он расписывается на стенах
многоэтажных миров, в устьях
электрических рек.
Из чернозема познания
выводит утлые ветви формул.
С треском лопаются их почки
с цифрами. Кладет ладони
на ошибку в расчете, подносит
волшебную палочку Ватермана.
Мы гуляем под многоцветным небом,
изобретаем святыни, в пепел
обращаем святыни, пляшем
счастливые, не ведая дня и часа.
Он смешивает в колбе рассвет и сумрак
и устами безумными закликает
свирепые ураганы.
В руки к нему приходят: любовный шепот,
колыбельные песни, похоронные марши.
И на ощупь он ставит им свой диагноз.
Между замыслом и результатом,
между скверным часом и добрым часом
отпечатываются наши судьбы
горстью песка или шумом листьев.

Реалии научного мира тесно переплетаются с миром природы, что представлено в лирическом сюжете следующими языковыми средствами: метафорами (*из чернозема познания, ветви формул*), эпитетами (*стены многоэтажных миров, в устьях электрических рек*), глаголами, создающими процессуальную энергетику стихотворения.

Числа неотделимы от времени и его категорий. Применительно к творчеству Бродского нам кажется справедливым мнение А. Я. Гуревича, который называет категории «время», «пространство» и «число» «системой координат», при помощи

которой люди, принадлежащие к той или иной культуре, воспринимают мир и создают его (цит. по [2, с. 71]).

Физическим воплощением времени являются календарь и часы:

Ночь Сильвестра гомон хаос лиц осколки
глаз что прочитали календарь до корки
пропасти гортаней в себя водку льющих
чтоб забыть на время натиск дней грядущих.

(В. Незвал. «Новогодняя ночь»)

<...>

Нет и Времени. В коросте
Там циферблаты без цифири в стену
Тупые заколачивают гвозди.
Но не событий считыватель точных,
А неизбежности колючий ноготь,
Переводящий стрелки их, источник
Их стрекота и дребезга, должно быть.
Что большая для Вечности потеря:
Минута, год ли? Вскидывая руки,
Самим себе и времени не веря,
Не колокол свиданья, но разлуки,
Они друг другу внемлют, настигая,
Иронии глухой не изменивши:
За каждую минуту – другая.
Хоть век звони, не по себе звонишь ты.

(Ц. К. Норвид. «В альбом (Из фантазии «За кулисами»)»)

Аллюзии, риторический вопрос, сложные синтаксические конструкции, отрицательные сравнения – с помощью таких языковых средств в данном лирическом сюжете реализуется математическое мировидение Бродского.

Анализ показывает, что как в оригинальной, так и в переводной поэзии И. Бродский активно использует научную терминологию, в частности, геометрические и алгебраические термины. Несмотря на некоторые отмеченные выше различия в употреблении математических номинаций в оригинальной и переводной поэзии (например, связь геометрических реалий с концептом «одиночество» в оригинальных стихах и отсутствие такого рода связи в переводных), можно сделать вывод, что в целом они обладают сходными семантическими характеристиками.

Список литературы

1. Бродский И. В ожидании варваров: Мировая поэзия в переводах. СПб. : Звезда, 2001. 288 с.
2. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. Минск. : ТетраСистемс, 2004. 256 с.
3. Шайтанов И. Уравнение с двумя неизвестными: Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский // Вопросы литературы. 1998. № 6. С. 3–39.
4. Empson W. Donne and the rhetorical tradition // Empson W. Essays on Renaissance Literature. Vol. 1. Donne and the new philosophy. Cambridge, 1993. 268 с.

Информация об авторе: Пономарева Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Луганская Народная Республика).

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»)

Е. В. Сузько

г. Мозырь, Республика Беларусь
suzko-1974@tut.by

Аннотация. Исследуются некоторые особенности художественного стиля романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Рассматривается мифологизм как одна из определяющих черт авторского стиля писательницы, способ отражения ментальности и культуры татарского народа. Показывается, что кинематографизм, апелляция к возможностям наглядно-зрительной образности, детализация являются неотъемлемыми компонентами художественного мышления Гузель Яхиной.

Ключевые слова: мифологизм, художественный стиль, татарская культура, легенда, деталь, монтаж, наглядно-зрительная образность

Для цитирования: Сузько Е. В. Особенности художественного стиля Гузель Яхиной (на примере романа «Зулейха открывает глаза») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 266–269.

Значительную идейно-художественную роль в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», в его сюжете и композиции играет мифологический компонент, вера героини произведения, простой крестьянки Зулейхи Валиевой в силу духов и языческих божеств. Уже в начале романа чувствуется явная связь художественной стилистики писательницы с мифологическими представлениями предков. Именно за внимание к мифологическим образам и мотивам Г. Яхину и ее роман подвергала критике татарская литературно-художественная общественность, утверждая, что татарский народ уже давно изжил языческие представления о духах и их попечительстве человеку. Известный татарский литературовед Миляуша Хабетдинова выносит следующее заключение о ценности произведения Г. Яхиной: автор вообще не знаком с жизнью татар, потому что у них не было языческих обычаев [1], забывая о том, что любое произведение – это, прежде всего, художественная условность.

Поддерживая подобное мнение, татарский поэт Рузаль Мухаметшин отмечает безусловный талант писательницы, живость и яркость ее языка, но в то же время подчеркивает, что «в произведении нет татарского духа. Автор не понимает и не чувствует ни татарской жизни, ни татарских традиций, ни татарскости как таковой» [1].

Г. Яхина обращается к истории татарского народа, к его культуре, традициям, совершает попытку, опираясь на воспоминания своей бабушки, раскулаченной и высланной в Сибирь, и других жертв стопроцентной коллективизации, официальные документы советской эпохи, архивные материалы, показать судьбу своего народа как часть судьбы народов бывшего Советского Союза. Использование же мифологии татарского народа, описание его обычаев и традиций, уникальных артефактов национальной культуры только актуализирует внимание читателя на трагедии народа, обреченного на роль постороннего созерцателя при уничтожении аутентичной самобытной культуры.

С помощью мифологических образов писательница подчеркивает трагедию матери, потерявшей всех своих детей. Материнство, его понимание как доминирующей роли женщины в мудром устройстве мира становится одним из основных мотивов романа «Зулейха открывает глаза». В главе «Мокрая курица» мы наблюдаем сцену, в которой главная героиня не может дождаться, когда опустеет дом, чтобы добраться до желанного чердака и отломить от запасов на зиму кусочек пастилы для задобривания духов околицы и кладбища, где похоронены ее дочери: «Когда Зулейха впервые пришла просить *басу капка иясэ* об одолжении – поговорить с *зират иясэ*, духом кладбища, чтобы присмотрел за могилами дочек, укрыл их снегом потеплее, отогнал злых озорных *шурале*, – принесла конфеты. Затем таскала орешки в меду, рассыпчатые кош-теле, сушеные ягоды. Пастилу принесла впервые...

Она разлепляет слипшиеся листы и по одному бросает перед собой. Ветер подхватывает их и уносит куда-то в поле – покрутит-повертит, да принесет к норе *басу капка иясэ*» [6, с. 25]. В соответствии с мусульманской культурой «зиярат – паломничество к святым местам, а также само обозначение этих святых мест... В так называемом "народном исламе" иногда святыми местами называются могилы предков, которые посещаются по особым праздничным дням» [2]. Предчувствуя большую беду, разрушение привычного, устоявшегося, родного мира, героиня обращается к духам-защитникам с просьбой сохранить и уберечь святыни, могилы детей. Даже о мертвых дочерях она думает, как о живых, и уверена в том, что духи кладбища и околицы не могут быть безразличны к ее любви. Понимая, что кладбище является воплощением вечности, чего-то постоянного и нерушимого, Зулейха и ее муж прячут от «красноордынцев» в могилах самое ценное, что у них осталось: «Муртаза бережно ссыпает туда солнечно-желтое, звонкое на морозе зерно. Зулейха подставляет руки под тяжелые рассыпчатые струи. Хлеб» [6, с. 67]. Таким образом, образ кладбища, могил предков – символ места, где человек чувствует себя защищенным, закрытым от враждебных воздействий чужого мира. Очевидно, что на страницах романа много названий мифологических существ, в силу и покровительство которых верил татарский народ (*бичура* – дух сеней и бани; *урман*, дремучий лес, буреломная чащоба, «обиталище диких зверей, лесных духов и всякой дурной нечисти» и т.д.), что свидетельствует о связи произведения Г. Яхиной со стихией народной татарской культуры, с ее традициями и обычаями, о крушении целого мира.

Значительное место в художественной концепции Г. Яхиной занимают также легенды, предания татарского народа, например, легенда, рассказанная Зулейхой своему сыну Юзуфу, о птице Семруг.

Образ мифологической птицы Семруг как воплощение божественной мудрости, абсолютного разума, мира и спокойствия, как начало созидательное, а не разрушающее, полон гуманистического смысла. В энциклопедии «Мифы народов мира» отмечается, что «Симург (в тексте Семруг (татарский вариант) – Е. С.) – в иранской мифологии вещая птица... Иногда Симург выступал орудием судьбы» [3, с. 436]. В интернет-источниках подчеркивается, что «Симург обладал функцией благого покровителя отдельных людей и особенно человеческих коллективов» [5]. Под образами разнообразных птиц, не могущих найти взаимопонимания, не слушающих и не слышащих друг друга и оттого несчастных, понимается один сборный образ народа, человечества, никак не приходящего к согласию. И только долгий путь к таинственной птице, которую они избрали своим Шахом, путь через страдания, лишения, испытания (долины Исканий, Любви, Познания, Безразличия, Единения, Смятений, Отрешения и Вечности) привел их к единственной истине: они и есть Семруг, «и каждая по отдельности, и все вместе». Так, через обращение

к легендарно-мифологическому богатству тюркских народов, Гузель Яхина утверждает, что спасение народа, сохранение его лучших качеств заключается только в нем самом. И в этом смысле произведение писательницы является гимном трудовому народу, его трагической судьбе и великой силе духа.

Многие исследователи говорили о кинематографичности художественного стиля Гузель Яхиной и связывали эту особенность с ее учебой на сценарном факультете Московской школы кино и работой в качестве сценариста. Необходимо отметить, что в 2019 году режиссером Егором Анашкиным был снят художественный фильм по роману Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», главную роль в котором сыграла Чулпан Хаматова. Фильм, как и книга, стал объектом эмоциональной полемики в обществе и СМИ. Режиссер фильма отмечал, что в этом произведении его привлекла прежде всего яркость и пластичность образов, умение писательницы выделить главное и сконцентрировать на нем внимание читателя.

Сама писательница отмечала, что для нее важно было прежде всего обратиться к наглядно-зрительной сфере читателей, показать живую, пластичную картинку жизни: в татарской глубинке, в Казани, в бесконечной дороге переселенцев, в тайге и т.д. Поэтому писательница очень часто использует приемы, свойственные кинематографу, и они являются неотъемлемыми элементами её художественного стиля, о чем свидетельствует и следующее ее произведение – роман «Дети мои».

Действительно, роман «Зулейха открывает глаза» построен по принципу отбора самых важных, определяющих для формирования нового сознания, нового мировоззрения и актуализации вечных ценностей эпизодов в жизни главной героини. Иногда создается впечатление, что автор «перескакивает» от кадра к кадру, от одной яркой визуальной картины к другой. И каждый раздел, по существу, представляет собой важные вехи в жизни героини, словно отдельные серии большого фильма. Вот Зулейха просыпается в доме, где она является нелюбимой невесткой и женой; вот едет с Муртазой в лес за дровами и чуть не погибает там; вот просит у духов поддержки для своих умерших дочерей; вот убивают Муртазу; далее сцена раскулачивания и высылки и т.д. Автор словно «вырезает из пленки» бытия самое главное, существенное для понимания характера героини, так срабатывает принцип монтажа, характерный для кинематографа. Пользуясь этим приемом, писательница показывает начало жизни переселенцев в сибирской тайге, когда 30 поселенцев, почти «робинзонов», начинают осваивать безлюдные на много километров вокруг территории, на берегу холодной Ангары, и через несколько разделов почти обустроенный для жизни, полноценный поселок, новый административный центр на карте России со своей, пусть и мелкой, инфраструктурой, укладом жизни. Возможно, этот прием и создает ситуацию неправдоподобности, идиллии, о которой говорили исследователи. Но задача писательницы – показать прежде всего подвиг народа-первопроходца, неустанного труженика, на чьих плечах фактически и выросли города и жилые поселки в Сибири и на Крайнем Севере. Юзуф только родился, и вот ему уже 18 лет, это вполне взрослый человек со своей сформировавшейся жизненной позицией. Гузель Яхиной важно показать, что даже в нечеловеческих условиях может родиться и укрепиться талант. Этому способствует совместное бытие народа и интеллигенции, где все одинаково равны. Да и сам сюжет насыщенный, динамичный.

Гузель Яхина является, по нашему мнению, мастером не только детали, но и наглядно-визуальной образности. Картины, созданные ею, поражают своей пластикой и эмоционально-психологической окрашенностью. Вот Муртаза рубит березу на дрова, мы видим эту картину через восприятие Зулейхи, во всем многообразии цветов, звуков, запахов: «Лезвие взблескивает на солнце и входит в березовый бок с коротким гулким "чах". "Ах! Ах!" – отзывается эхо. Топор стесывает

толстую, причудливо изрисованную черными буграми кору, затем вонзается в нежно-розовую древесную мякоть. Щепка брызжет, как слезы. Эхо наполняет лес» [6, с. 19]. Эта картина выписана почти на звуково-обонятельном уровне. Природа живая. Береза живая. И топор живой... Казань глазами Зулейхи, за которыми прячется безусловная любовь автора к родному городу: «Оглушительно звеня, летит огненно-красный, сверкающий латунными ручками трамвай, в окнах без стекол – гроздь лиц. Из подворотни выпархивает стайка беспризорников и с оголтелыми криками виснет на поручне. Свиристый кондуктор, бранясь, машет кулаками, а наперерез через дорогу уже бежит, свиристая в свисток, милиционер» [6, с. 134] и т.д. В этой суете, обычных буднях города автор видит особую поэзию.

Для авторской манеры письма в романе «Зулейха открывает глаза» характерен и такой прием, освоенный кинематографом и перешедший в искусство слова благодаря универсальности в отражении картины мира самого слова, как чередование планов (общего, крупного, среднего) [4]. Многолюдные картины бесконечного каравана раскулаченных, набитых людьми вагонов-теплушек, подземелья Казанского ОГПУ («народ сидит и на каких-то ящиках, на кучах тряпья, просто на полу. Людей так много, что некуда ступить») сменяются крупными планами Зулейхи, охотящейся в тайге, Игнатова, уходящего от людей в глубь тайги или на утес, чтобы справиться со своей душевной болью. Эти планы сменяются средними: строительство шалаша, землянки на берегу Ангары, тайные беседы о художнике и его праве на свободу в кругу ленинградской интеллигенции и т.д.

Таким образом, важными чертами авторского стиля Г. Яхиной являются кинематографичность, внимание к телесно-чувственной сфере человека, психологическая детализация и др. Поскольку произведение представляет собой художественную репрезентацию культуры татарского народа, то значительное место в нем занимает описание материальной и духовной культуры этого народа, в частности, легенды о птице Семург, воплощающей духовную силу народа, его тягу к жизни и мощный творческий потенциал.

Список литературы

1. Вахит Имамов о романе «Зулейха открывает глаза»: «У женщин для этого не хватит ума». URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/300676> (дата обращения: 22.02.2022).
2. Зиярат. URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Зиярат> (дата обращения: 22.02.2022).
3. Лелеков Л. А. Симург // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / под ред. С. А. Токарева. М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 2. С. 436.
4. Маркова Т. Н. Кинематографические приёмы как проявление формотворчества современной прозы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 132–136. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/> (дата обращения: 22.02.2022).
5. Симург. URL: <http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Симург> (дата обращения: 22.02.2022).
6. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза : роман. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. 508 с.

Информация об авторе: *Сузько Елена Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Т. Р. Аитова

г. Пенза, Россия
taliya.aitova@mail.ru

Аннотация. На материале русских народных сказок рассматриваются семантика и особенности функционирования знаменательных определительных наречий разных лексико-грамматических разрядов. Обращение к теме обусловлено её актуальностью. Лингвистическое изучение русских народных сказок позволяет раскрыть тайну их непреходящей идейно-художественной ценности, осознать огромное духовное богатство русского народа.

Ключевые слова: лингвистика, определительные наречия, русская народная сказка, лексико-грамматические разряды

Для цитирования: Аитова Т. Р. Семантика и особенности функционирования знаменательных определительных наречий в русских народных сказках // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 270–272.

Русская народная сказка является уникальным феноменом, так как она привлекает исследователей разных направлений, а именно литературоведов, лингвистов, этнографов и историков. В. Я. Пропп в труде «Исторические корни волшебной сказки» писал: «Область сказки огромна, для её исследования требуется работа нескольких поколений учёных. Изучение сказки – не столько частная дисциплина, сколько самостоятельная наука энциклопедического характера» [2, с. 6].

Особо важным на современном этапе представляется лингвистическое изучение русской народной сказки, так как оно напрямую связано с пониманием культуры русского народа: язык и культура – это диалектическое единство. «В любой момент развития культуры обслуживающий её язык отражает её полностью и адекватно» [1, с. 14]. Языковые особенности русской народной сказки – это путь к изучению особенностей духовной и моральной культуры русского народа, его истории, его прошлого, всех ценностей, которые составляют своеобразие русского менталитета.

В центре нашего внимания – анализ употребления знаменательных наречий в тексте русских народных сказок. Нами были выделены знаменательные определительные наречия следующих разрядов: качественные, количественные, образа и способа действия, сравнительно-уподобительные, совместности и совокупности.

Многие грамматисты считают определяющим свойством наречия его близость к прилагательному. А. А. Шахматов утверждал, что наречие по существу тождественно с прилагательным и отличается от него лишь отсутствием форм согласования [4, с. 502]. Близость наречий к прилагательным выражается в такой же образной функции, какую выполняют определения. Определительные наречия

занимают особое место в русских народных сказках. Среди них преобладают наречия качественные. Указывая на признак, они выполняют изобразительную роль. В самой природе этих наречий заложена образность, поскольку они определяют качественные признаки действий, состояний, свойств: *Осталась, беденькая, трясётся и тихонько молитву творит* («Морозко»); *Ласково начала звать её купаться на реку* («Сестрица Алёнушка и братец Иванушка»); *Сел опять зайка под берёзкой и горько плачет* («Зайкина избушка»); *Царь и царица обрадовались, щедро наградили солдата* («Берёза и три сокола»); *Тку, тётка, тку, милая! – отвечает грубо кот* («Баба-Яга») и др.

Количественные наречия по численности в сказках значительно уступают качественным, однако по художественной значимости они могут получать большой вес среди других наречий, так как дают возможность уточнить, смягчить и усилить качественную характеристику предметов и явлений: *Уж больно красивая птичка!* («Лиса и дрозд»); *Я насилу плетусь* («Лиса и волк»); *Очень они печалились, всё горевали* («Снегурочка») и др.

Функцию количественных наречий в данных примерах можно сравнить с эстетическим значением цветовых оттенков в живописи. Если опустить выделенные наречия, смысл текста не будет искажён, но исчезнут полутона, которые придают речи особое художественное значение. Сравни: *Царь сильно испугался, стал прощенья просить* («По щучьему велению») – *Царь испугался, стал прощенья просить* («По щучьему велению»). Контекст без данного наречия лишается градуальной семантики, а значит, и образности.

Среди наречий образа и способа действия особо выделяются наречия, являющиеся однокоренными к тем глаголам, к которым они примыкают: *Русской коски слыхом не слышать, видом не видать, а русская коска сама на двор пришла!* («Кощей Бессмертный»); *Смотрит Баба-яга, а паршивого жеребёнка видом не видать* («Марья Моревна»). Данные наречия создают богатую и многоцветную картину, связанную с разными сторонами жизни человека. Это различные способы восприятия мира: зрительное восприятие (*видом не видывать*), слуховое (*слыхом не слыхивать*) и др. Такие сочетания глагола и наречия того же корня обладают большой экспрессией и выразительностью. Как и любой повтор, они способны усиливать описываемое действие [3, с. 61]. Такие сочетания входят в число устойчивых стереотипов, характерных для конкретных фольклорных жанров. Например, конструкция *видом не видывал, слыхом не слыхивал* распространена не только в русских народных сказках, но и в пословицах и поговорках, в русских былинах.

Особый интерес представляют сравнительно-уподобительные наречия. Их в тексте русских народных сказок немного: *Лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге* («Лиса и волк»); *И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил её и унёс к себе* («Марья Моревна»); *Из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет* («Сивка-Бурка»).

Образы сравнений, как правило, тесно связаны с названиями предметов быта, утвари, природных явлений и др. – представлениями русского народа. Так, поразительная скорость Кощея Бессмертного сравнивается со скоростью такого природного явления, как вихрь; положение лисички на дороге – с калачиком, который является исконно русским видом хлеба в форме замка с дужкой и др. Сравнительно-уподобительные наречия – своеобразное отражение культуры и истории русского народа.

Разговорно-обиходный стиль сказки богат и фразеологизмами. Нами были отмечены устойчивые сочетания, совмещающие семантику качественных наречий и наречий образа действия: *Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился*

без оглядки (устойчивое сочетание в знач. наречия **быстро**) бежать («Лиса и волк»); *Насилу медведь вырвался да и пустился бежать без оглядки* (устойчивое сочетание в знач. наречия **быстро**) («Зимовье зверей»); *Растёт Снегурка не по дням, а по часам* (устойчивое сочетание в значении нареч. **быстро**) («Снегурочка») и др. Использование в роли наречий таких фразеологических оборотов, как *без оглядки, не по дням, а по часам, во весь дух* позволяет дать яркую, точную характеристику герою, логично, последовательно изложить мысли, сделать речь более эмоциональной.

Одним из особенностей русской народной сказки является употребление уменьшительно-ласкательных форм. Нами были отмечены следующие употребления наречий-диминов: *тихонько, потихоньку, жалобнёшенько*. Причём уменьшительно-ласкательные формы образуются не только от качественных наречий, но и от наречий времени – *ранёшенько*. Все это говорит о свободном характере использования стилистических средств в русских народных сказках. Суффиксы приведённых наречий *-оньк-, -ёшеньк-, -еньк-* не только придают изложению сказки плавность, напевность, но и вносят в семантику слов дополнительный оттенок значения. Так, в отдельных случаях наречия-диминовы выражают определённое отношение к герою – сочувствие, сопереживание: *Прибежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнёшенько закричал: – Алёнушка, сестрица моя!* («Сестрица Алёнушка и братец Иванушка»).

В тексте русских народных сказок нами были отмечены и сложные наречия, образованные путём повтора слов: *горько-горько, сладко-сладко* и др. Такие повторы акцентируют внимание читателей на важных моментах повествования. Так, сложное наречие *горько-горько* в контексте *А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошёл в путь-дорогу* («Марья Моревна») обращает внимание читателей на отчаяние героя, безысходность его ситуации.

Опираясь на анализ практического материала (контекстов из русских народных сказок) отмечаем важность употребления знаменательных определительных наречий в тексте русских народных сказок. Одна из основных функций наречий – служить стилистическим средством выразительности в тексте русских народных сказок. Важно отметить, что наречия, употреблённые в русских народных сказках, тесно связаны с русской мыслью и культурой. Они не только конкретизируют, уточняют значения слов, но и являются отражением особенностей мироощущения, духовной жизни русского народа. Лингвистическое изучение русских народных сказок способствует поддержанию важности сохранения самобытной житейской мудрости.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. руководство. М. : Рус. яз., 1990. 246 с.
2. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 364 с.
3. Чагина О. В. «Видом не видывал, слыхом не слыхивал...». Дублетные глагольные обороты в русской речи // Русский язык за рубежом. 2011. № 2. С. 61–69.
4. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л. : Учпедгиз (Ленингр. отделение), 1941. 620 с.

Информация об авторе: *Аитова Талия Ринатовна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТОИМЕННЫХ НАРЕЧИЙ В ТЕКСТАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

А. Ю. Бизина

г. Пенза, Россия
lana.bizina@mail.ru

Аннотация. На материале русских народных сказок рассматриваются семантика и особенности функционирования местоименных наречий. Описываются местоименные наречия, которые выражают отношение субъекта к окружающему его пространству. Также данный вид наречий исследуется с точки зрения внешней и внутренней формы, показываются разнообразные стороны семантики локальности.

Ключевые слова: местоименные наречия, русская народная сказка, семантика, локальность, речь

Для цитирования: Бизина А. Ю. Семантика и особенности функционирования местоименных наречий в текстах русских народных сказок // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 273–276.

В народной сказке находят отражение представление русского народа об окружающем мире, события, связанные с историей Руси, а также здесь воплощается эстетический вкус, идеальные ожидания, нравственность и содержится национальный характер [2, с. 55].

К анализу наречий в целом в фольклорном тексте сказки обращался только один исследователь – М. Надель-Червинская. Так, в труде «Структурно-семантические модели русской фольклорной сказки» М. Надель-Червинская рассматривает роль и место наречий в тексте сказки [5]. В данной работе местоименные наречия в текстах фольклорного произведения (сказки) рассматривались с точки зрения семантики.

В системе местоименных наречий выражается отношение субъекта к окружающему его пространству с помощью слов: *здесь – там, сюда – туда, отсюда – оттуда* и др. Ю. С. Степанов отмечает, что пространственная локализация представляет собой одну из трёх координат акта речи, а именно место речи [6, с. 44]. Такая координата осуществляется в системе местоименных наречий, передающих статические отношения (*здесь, тут* и др.) и передающих динамические отношения (*сюда, отсюда* и др.). Пространственным ориентиром является сам субъект («я»): *Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?* («Василиса Прекрасная»); *Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, пёсья шерсть, оцетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь?* («Иван Быкович»); *Как хочешь, земляк, а чтобы сына твоего здесь не было! Нам для его удали не погубить своих деток* («Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри»); *Волк прыгнул и попал в яму. «Ну, – говорит лисичка, – сиди же тут!» – и сама ушла* («Лисичка-сестричка и волк») (то есть в месте, где находится «я»); *Петушок, петушок! Слезь сюда, я тебя исповедаю: у тебя семьдесят жён, ты всегда грешон* («Лисичка-сестричка и волк»); *Да подайте мне его сюда; я ногами стопчу, топором срублю! И ножишко здесь, и гужишко здесь, и зарежем здесь, и повесим здесь* («Медведь и

Петух»); *Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу* («Василиса Прекрасная») (то же значение). По мнению К. Е. Майтинской, «слова «здесь», «сюда» представляют собой комплект «пустых» знаков, не относящихся к действительности, но которые наполняются содержанием только в употреблении говорящего» [4, с. 16].

Перенос признаков ситуации момента речи на ситуацию, отдалённую в пространстве и времени, образует вторичный аспект пространственной семантики с помощью локального *там* и динамических *туда, оттуда*. Данный аспект выражает отношения пространственной удалённости от субъекта «я», что можно проследить в текстах: *Ну, старуха, – говорит дед, – какой воротник привёз я тебе на шубу.* – «Где?» – **Там**, на возу, – и рыба и воротник («Лисичка-сестричка и волк»); *Я там был, мёд пил, по усам текло, да в рот не кануло* («Лисичка-сестричка и волк»); *Осталась лиса одна-одинёхонька в яме; вылезла ль она оттудова или и теперь там сидит, право, не ведаю* («Звери в яме»); *А собачка всё своё. Приехали. Мачеха так и гонит мужа – и её дочь туда же отвезти. Отвёз мужик* («Морозко»); *Король берёт их пуце глаза своего, устроил подземные палаты и посадил их туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красно солнышко лучом не опалило* («Зорька, Вечорка и Полночка»); *Король собрался и поехал туда с королевою* («Беглый солдат и чёрт»); *Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмёшь, то тебе оттуда не уйти будет* («Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке») (то есть в месте, удалённом от «я»).

Таким образом, местонахождение «здесь» реализует значение «близость по отношению к говорящему лицу», местонахождение «там» – «удалённость от говорящего лица». Как заметил О. Есперсен, «здесь» в зависимости от обстоятельств может иметь разные значения: «в этой комнате», «в этом государстве», «в этом доме» и т.д., но «при этом требуется только одно, чтобы в случае «здесь» было включено место, где находится говорящий» [3, с. 302].

Местоименные наречия могут иметь различный объём значения. Например, при ситуации, воспринимаемой говорящим в качестве локально-неопределённой, используются наречия *где-то, куда-нибудь, где-либо* и др.: *Вот в одной деревне на задворье стояли зимой стога сена, и на один из них взобралась лисица; она промыслила где-то рыбки и кушала себе* («Лисичка-сестричка и волк»); *Иван-царевич поехал наперёд, нашёл там где-то женин кожух, взял его да и сжёт* («Царевна-лягушка»); *Вот в самую-таки страстную субботу шёл Василий-царевич куда-то по улице, и попадаетея ему навстречу бабка голубая шапка* («Василий-царевич и Елена Прекрасная»); *Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать; приезжает – а рожь стоит вся нежатая; кое-где выжато местечками, да и то такими, что только человеку улечья* («Чудесная курица»); *Пусти, бабушка! Я такой же человек мирской, как и ты; мне немного места надобно – где-нибудь в уголку ночью* («Чудесная курица»). Локально-обобщённая ситуация отражается с помощью *всюду, везде, повсюду* и др.: *Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло* («Василиса Прекрасная»). *Они сели, и царь-медведь принёс их под такие крутые да высокие горы, что под самое небо уходят; всюду здесь пусто, никто не живет* («Царь-медведь»); *Погоулявши везде, взошёл он в сад и увидел там говорящую птицу* («Поющее дерево и птица-говоруны»); *Вот, знаешь, меж этим временем-то один из этих бар, очень дошлый, стал везде выспрашивать, кто что ему на это скажет?* («Горшениа»). Выражение отрицательной пространственной ситуации проявляется с помощью местоименных наречий *никуда, нигде, ниоткуда* и др.: *Часто уходила коза в бор искать корму; как только уйдёт, козлятки запрут за нею избушку, а сами никому не выходят* («Волк и коза»); *Царь-медведь побежал за едой,*

а им строго наказал **никуда** не сходить с места («Царь-медведь»); *Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете, не видали ль где прекрасную королеву?»* – «Нет, **нигде** не видали!» – отвечают ветры в один голос («Заколдованная королевна»); Долго разъезжал купец по разным государствам, а такого цветка **нигде** не видал («Заклятый царевич»); Вдруг **ниоткуда** взялся – предстал человек пожилых лет и спрашивает вора: «Что ты теперь говорил?» («Об отце Николае»); Пошвыривает на все стороны, расчистила дорожку и нагоняет опять... вот близко! Бежали-бежали, а бежать **некуда**, выбились из сил! («Князь Данила-Говорила»); Один раз поехал он на охоту; только выехал за жило – **неоткуда** взялся мужичок руки железны, голова чугунна, сам медный («Иван-царевич и Марфа-царевна»); Коли и здесь найдет тебя Елена Премудрая, то уж больше от неё **негде** прятаться! («Елена Премудрая»).

Местоименные наречия с пространственным значением можно разделить на следующие подгруппы в зависимости от семантических оттенков.

По характеристике места: определённые (*там, тут, туда, оттуда, здесь, сюда* и др.); неопределённые (*где-то, где-либо, где-нибудь* и др.); обобщённые (*везде, всюду, негде, nowhere* и др.).

По отношению места к действию, движению, событию: обозначающие место события (*тут, там, здесь, везде* и др.); обозначающие место как направление движения (*туда, куда, сюда, nowhere* и др.); обозначающие место как исходный пункт движения (*оттуда, отсюда, откуда* и др.).

По статичности – динамичности: локальные (*здесь, там, везде, негде* и др.); директивные (*куда, откуда, туда, nowhere* и др.). Локальность можно разделить на положительную (*куда, откуда, где* и др.) и отрицательную (*негде, nowhere, нигде, nowhere* и др.).

Стоит отметить, что при употреблении данных наречий в контексте наблюдаются следующие значения:

1) указательные: *К самому обеду пошла старуха с Василисой Премудрою во дворец; а там пир идёт на весь мир* («Василиса Премудрая»); *Что тут делать?* – думает купеческий сын. – *Сойти с горы никак нельзя; приходится помереть голодною смертью!* («Золотая гора»);

2) неопределённые: *Малый её был, нечего сказать, больно проворен; как услышал, что матушка ему приказывает, вот он пошёл да и свёл где-то лошадушек, и сделал всё так, как матушка ему гуторила* («Ворожея»);

3) вопросительные: *Здравствуй, племянник! Где был-пропадал?* («Купленная жена»); *Какого добра накупил? Милое ты моё дитячко! Куда ты деньги изводишь?* («Купленная жена»).

Итак, наречия являются важнейшим средством выражения семантики локальности в текстах русских народных сказок. С уверенностью можно сказать, что местоименные наречия *здесь* и *там* не отражают конкретного местоположения, так как *здесь* может обозначать место, где находится субъект, *там* означает пространство, находящееся вне определённого местоположения говорящего. Местоименные наречия в современном русском языке рассматриваются как производные, являются непродуктивными и не дают новых образований. Однако они, несмотря на то, что их меньше по сравнению с производными, отличаются высокой частотой употребления, потому что входят в активный словарный запас, регулярно используются в речи.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. М. : Наука, 1984. Т. 1. 511 с.

2. Брейгер Ю. М. Русская народная сказка как отражение духовной культуры нации // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4. С. 54–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-narodnaya-skazka-kak-otrazhenie-duhovnoy-kultury-natsii/viewer> (дата обращения: 09.02.2022).

3. Есперсен О. Философия грамматики : пер. с англ. М. : Наука, 1958. 396 с.

4. Майтинская К. Е. Происхождение местоименных слов в языках разных систем // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С. 15–25. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/mestoim/index.htm> (дата обращения: 09.02.2022).

5. Надель-Червинская М. Структурно-семантические модели русской фольклорной сказки. Тернополь : Крок, 2011. 282 с.

6. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М. : Наука, 1981. 361 с.

7. Федосеева Л. Н. Современные русские местоименные наречия локальной семантики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 61–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-russkiemestoimennye-narechiya-lokalnoy-semantiki> (дата обращения: 09.02.2022).

Информация об авторе: *Бизина Алёна Юрьевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

**ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -ОВАТ-/-ЕВАТ-
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ
Е. И. НОСОВА «УСВЯТСКИЕ ШЛЕМОНОСЦЫ»)**

М. А. Бобунова

г. Курск, Россия
bobunova61@mail.ru

Аннотация. Показано место имён прилагательных с суффиксом *-оват-/-еват-* в художественном тексте. Материалом исследования стала повесть Е. И. Носова «Усвятские шлемоносцы». Рассматриваются слова определённой словообразовательной модели с учётом их семантики, частотности и синтагматических связей. Исследуются особенности употребления данных слов. Особое внимание уделяется цветovým прилагательным субъективной оценки. Делается вывод о роли слов указанной модели в идиолекте писателя.

Ключевые слова: имя прилагательное, словообразовательная модель, суффикс *-оват-/-еват-*, художественный текст, Е. И. Носов

Для цитирования: Бобунова М. А. Прилагательные с суффиксом *-оват-/-еват-* в художественном тексте (на материале повести Е. И. Носова «Усвятские шлемоносцы») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 277–280.

Известно, что своеобразие писательского идиолекта определяется и составом используемой лексики, и синтаксическим строем художественного произведения, и системой образных средств языка. Важную роль играют и слова определённой словообразовательной модели, характерной для творческой манеры того или иного писателя.

Материалом исследования выбрана повесть «Усвятские шлемоносцы» [6] Евгения Ивановича Носова (1925–2002), язык которого отличается самобытностью. Неслучайно о курском писателе «говорят как о “золотой пробы стилисте”, который сумел создать незабываемые, проникнутые истинно народным восприятием жизни произведения как о крестьянском труде, так и о военных тяготах» [9, с. 7]. В. Васильев писал: «Проза Е. Носова потому и стала общенародным явлением в литературе, что она имеет свое лицо, свой норов, свою походку, свой стиль и язык...» [9, с. 61].

Мы уже обращались к излюбленным писателем словообразовательным моделям [1; 2]. Одной из таких конструкций являются имена прилагательные с суффиксом *-оват-/-еват-*, которые и стали предметом нашего анализа.

В качестве мотивирующей основы слов указанной модели могут выступать основы как прилагательных, так и существительных. В первом случае производные прилагательные имеют значение «обладающий в смягчённой, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом» [7, с. 299] (*коротковатый, солоноватый, рыжеватый*): *Возле телег Касьян увидел дедушку Селивана, долговязого и молчаливого деда Симаку и босого, в коротковатых штанах Паишку-Гыгу* [6].

Прилагательные, мотивированные существительными, представлены двумя семантическими подтипами: 1) «имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом» [7, с. 288] (*быковатый, вороватый*) и 2) «обладающий тем, что названо мотивирующим словом» [7, с. 288] (*суковатый, шишковатый*): ... *С вороватой поспешностью ставили плетеные кубари на отливавшую бронзой озерную*

рыбу, промышляли колодным медом, дикой смородиной и всяким снадобным зельем [6]; ...*Неси мне лопату и ему лопату. Да не ево, а нашу, на **суковатой** палке, чтоб плясала на загнутом гвозде* [6].

Во всех указанных случаях *-оват-/-еват-* – регулярная словообразовательная единица, причём тип продуктивен главным образом в разговорной и художественной речи [7, с. 288, 299].

Всего в повести было зафиксировано 24 лексемы указанной модели, треть из которых – колоративные прилагательные (*беловатый, голубоватый, желтоватый, зеленоватый, красноватый, розоватый, рыжеватый, сероватый*): *Надергав темно-зеленых стеблей с **беловатыми** комлями, он заломил их в пучок и, воротясь, пустился обхаживать Касьяна* [6]; *Печь уже пылала, роня **красноватые** пляшущие блики на суметные стены, лари и кухонную утварь* [6].

В целом это неудивительно, так как анализ количества всех производных на *-оватый / -еватый* в Национальном корпусе русского языка показал, что цветковые прилагательные «обладают в русском языке наибольшей функциональной активностью. Возможно, это связано с особенностями семантики прилагательных-колоративов, которые не просто указывают на степень проявления признака: с их помощью номинируются оттенки цвета [4, с. 67].

Обладающий незаурядным художественным даром, Носов мастерски передает разные оттенки и цветовые нюансы окружающего мира: небесной сферы, водных пространств, флоры, фауны и др. (*зеленоватая чернь, красноватые пики осоки, беловатый комель, рыжеватая поросль, голубоватая дымка, голубоватый зимний тон, желтоватый лик, сероватая прядка* и др.): *Вода, парна и ласкова, с тихим плеском обтекала тело, и было видно сквозь ее **зеленоватую толщу**, как уходил, дымился из-под ног потревоженный песок* [6]; *По обе стороны **топленным розоватым молоком** пенилась на ветру зацветшая гречиха, и все оживились, войдя в нее, пахуче-пряную, гудевшую пчелой, неожиданно сменившую однообразие хлебов* [6].

Прилагательные с суффиксом *-оват-/-еват-* представляют разные лексикотематические группы. Кроме слов, обозначающих признак по цвету, выявлены и другие, называющие параметрический признак (*большеватый, великоватый, коротковатый*), оценочный признак (*жутковатый, простоватый*), признак по вкусу (*сладковатый, солоноватый*), признак по форме, внешнему виду (*суковатый, узловатый, шишковатый*), по физиологическому свойству или состоянию (*хриповатый*), по чертам характера (*вороватый*): *Мерин ухнул в реку и, поднимая брызги, замолотил **узловатыми** коленками* [6]; *Так и не сойдя с седла, лейтенант вместе с конем остановился у самого края и долго глядел вниз с **жутковатой** высоты* [6].

Обратим внимание на слово *быковатый*, которое в словарях толкуется следующим образом: «*Прост.* Угрюмый, смотрящий исподлобья» [5, с. 129]. Однако Е. И. Носов употребляет его в другом значении («как у быка») для характеристики кузнеца Афони. В повести наглядно описан богатырь с «обширными» плечами, «быковатой» шеей, огромной спиной, «походившей на верстак», с крепкими ногами «в разлтых сапожищах»: *И уже как-то иначе поглядели мужики на обширные Афонины плечи, на вросшую в них сухожильными кореньями **быковатую шею*** [6].

Прилагательные данной модели помогают создать запоминающийся образ того или иного героя: *Картуз он [Любов] подсунул под гармонь и теперь больнично голубел наголо **остриженной шишковатой** головой, отчего вид у него был занозливый, под стать и самому разговору* [6]; *Касьян задержался в дверях, глядя, как мать, засучив рукава под самые под мышки, обнажив иссохшие, сквозившие синевой руки, низко повязанная платком, тискала кулаками тесто, и ее **острые**,*

шишковатые локти ходко мелькали по обе стороны узкой, сутуло выпиравшей спины, обтянутой посконной землисто-серой кофтой [6].

Самым употребительным прилагательным в повести оказалось слово *виноватый*. По мнению авторов «Русской грамматики», данное прилагательное семантически обособлено. Это подтверждают и материалы «Толкового словаря словообразовательных единиц русского языка», где представлены две словарные статьи с соответствующим суффиксом, свидетельствующие об омонимии аффиксов [3, с. 324–325]. В слове *виноватый*, образованном от существительного *вина*, выделяется нерегулярная словообразовательная единица, а прилагательное «обозначает признак, характеризующийся наличием качества, названного мотивирующим словом» [3, с. 325]: – Ну, матушка *Остомля*, – проговорил он *виноватой* скороговоркой. – Прости-прощай. Какие будем пить воды-реки, в какой стороне – пока незнамо. Пошли мы... [6].

Обратим внимание на то, что в повести «Усвятские шлемоносцы» указанная лексема используется в разных значениях: «совершивший какой-л. проступок, провинившийся в чем-л.; виновный»; «являющийся причиной чего-л.», «выражающий сознание своей вины, проступка» [5, с. 176]: *Та* промолчала, безучастно глядя мимо него в окно, на луну, и *Касьян* по одному этому ее взгляду понял, что не принял, что *виноват*, придирчиво усмехнулся [6]; *Бабы* все нутро вытрепали, как будто я в этом *виноватый* [6]; *И*, приблизясь, с *виноватой* озабоченностью сказала... [6].

Заметим, что для героев повести в целом характерно чувство вины, ответственности за происходящее, даже если они сами не совершали никаких проступков. Это подтверждает ряд однокоренных слов разной частеречной принадлежности, используемых писателем: *вина*, *виноватость*; *виноватый*, *растеряно-виноватый*; *виновато*, *безвинно*; *винить*, *извинить*, *повиниться*, *виноватиться* ‘Обвинять себя, признаваться в своей вине’ [8, с. 287]: *Из толпы*, весь в смущении, с *растерянно-виноватой* улыбкой на опаленно-красном дробном лице, бормоча сам себе «иду, иду», протолкался невеликий мужичонка, по-уличному *Митичка*, числившийся скотником на усвятской молочной ферме» [6]; *Встретившись с Николой* глазами, *Касьян* еще раз остро и неприятно ощутил тревожную *виноватость*... [6]; – Все разного калибру, – *виноватился* старик, дуя в каждую посудину, выдувая оттуда застоялое время [6].

От прилагательных с суффиксом *-оват/-еват-* образуются наречия и слова категории состояния, тоже разнообразно представленные в повести (10 лексем): ... *Дремотно* и *угрюмовато* маячил матерый лес [6]; *Солнце* начало припекать, становилось *жарковато*... [6].

Среди производных слов выделяются те, которые имеют в тексте соотносительные пары (*быковатый* – *быковато*, *вороватый* – *воровато*), и не имеющие пары (*далековато*, *жарковато*, *клочковато*, *молодцевато*, *угрюмовато*). Качественные наречия, как и прилагательные, выполняют изобразительную, характеризующую и оценочную функции: *В заречье* проступила иссиня-красная, в каких-то червоточинах и прожилках ущербная луна, *клочковато оборванная*, окромсанная с одного края [6]; ... *И Касьян*, *воровато оглянувшись*, поспешно сунул бумажку опять за чулок [6]; Чувствуя, что за ним наблюдают домашние, он, перевозмогая боль в плече, *молодцевато*, одним духом *выбрил закоулок* между двумя куртинками ивняка... [6].

Таким образом, мы видим, что слова анализируемой модели являются характерной чертой идиолекта Е. И. Носова. Об этом говорит и разнообразие словника, и частотность лексем, и их способность выполнять разные функции в художественном тексте.

Список литературы

1. Бобунова М. А. Выразительные возможности морфем в художественном тексте (на материале произведений Е. И. Носова) // Современное русское языкознание и лингводидактика : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского. М. : Изд-во МГОУ, 2012. С. 267–271.
2. Бобунова М. А. *Куделистые брови, соломистые косицы* (прилагательные с суффиксом *-ист* в прозе Е. И. Носова) // Русская речь. 2015. № 3. С. 26–34.
3. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. 2-е изд., испр. М. : АСТ : Астрель, 2005. 636 с.
4. Лю Ф., Косова В. А. Особенности деривационной семантики русских прилагательных на *-оватый/-еватый* // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 62–68.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. 1. А–Й. 1985. 696 с.
6. Носов Е. И. Усвятские шлемоносцы. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=65326&p> (дата обращения: 10.01.2022).
7. Русская грамматика : в 2 т. М. : Наука, 1982. Т. 1. 783 с.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л. : Наука, 1969. 356 с.
9. Словесная живопись Евгения Носова / Беляева Н. В., Бобунова М. А., Дьяченко Ю. А., Климас И. С., Ларина Л. И. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2013. 126 с.

Информация об авторе: *Бобунова Мария Александровна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета (г. Курск, Россия).

ТРАНСПОЗИЦИЯ ФОРМ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

М. П. Болотская¹, А. Е. Афонский²

^{1, 2} г. Пенза, Россия

¹ margarita_bolotskaya@mail.ru

² anjer725@gmail.com

Аннотация. На материале современной русской поэзии рассматриваются выразительные возможности категории числа имён существительных. Исследуются дополнительные значения единственного и множественного числа, использование числовых форм существительных для выражения различных оценок, эмоциональных оттенков в значении в поэтическом тексте.

Ключевые слова: имя существительное, транспозиция, категория числа, современная русская поэзия

Для цитирования: Болотская М. П., Афонский А. Е. Транспозиция форм числа существительных в художественном тексте // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 281–283.

Транспозиция – языковой процесс, который по-разному описывается в трудах лингвистов, учёные до сих пор спорят о его видах. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой под транспозицией понимается «использование одной языковой формы в функции другой языковой формы» [2, с. 519]. В то же время транспозиция – одно из тех явлений русского языка, которые обуславливают его гибкость, невероятную выразительность. Она помогает наделять новой семантикой уже существующие в языке формы. С учётом семантической и формальной структуры категории числа имён существительных в русском языке «можно выделить некоторые способы возможного употребления форм числа для выразительности, эмоциональности речи: замена форм единственного числа на множественное и наоборот у существительных, имеющих соотносительные формы числа, то есть у конкретных существительных; использование форм числа для выражения эмоциональных оттенков в силу семантической сложности строения этой категории; использование избыточных форм числа существительных для выражения эмоциональных оттенков» [3, с. 278].

Употребление форм числа имён существительных в переносном значении обладает богатым изобразительным потенциалом, который интересно рассмотреть на примере лирики – рода литературы, характеризующегося обилием средств художественной выразительности. Мы выбрали в качестве материала исследования современную поэзию, потому что считаем важным фиксировать особенности использования языковых единиц в художественном тексте в настоящее время.

Рассмотрим семантику и функции форм единственного числа имён существительных. При употреблении формы единственного числа в обобщённо-собирательном значении существительное может перейти из разряда стилистически нейтрального в разряд стилистически окрашенного. В данном случае транспозиция помогает созданию торжественного пафоса, делает образ более возвышенным, значительным в глазах читателя: *Есть божий суд, наперсники разврата, / И суд поэта – это божий суд!* (Е. Евтушенко); *Поэт в России – больше, чем поэт. / В ней суждено поэтами рождаться...* (Е. Евтушенко); *Не стоит, друг мой, быть*

поэтом. / Поэт навеки осужден (Я. Дели). В обобщённо-собирательном значении могут употребляться не только формы единственного, но и формы множественного числа конкретных существительных: *Для них есть бабы: нет прекрасной дамы...* (Е. Евтушенко) (транспозиция помогает созданию антитезы, так как «бабы» является просторечным и несёт в себе отрицательную коннотацию, а «дамы», благодаря транспозиции, становится стилистически окрашенным, возвышенным).

Употребление форм единственного числа конкретных имён существительных в собирательном значении создаёт яркую образность, добавляет экспрессивности тексту: *Пишу слишком грязно и запутанно для того, чтобы нравиться массовому читателю...* (А. Орловский); *Как мало надо женщине – мой Бог! – чтобы её за женщину считали* (Е. Евтушенко); *Улыбка лакея приятельская – он всё, что угодно, подаст...* (Е. Евтушенко); *Вот что гремят, не унывая, / все недобитые трамваи, / вот что ребячий пруттик пишет на песке...* (Е. Евтушенко); *Друг – не друг здесь, а брат – не брат...* (Я. Дели). В произведении Ах Астаховой словоформа «человек» с переносным значением единственного числа способствует созданию патетического пафоса: *С Утром, / С Жизнью, / С Счастьем, / Человек*. Написание выделенного слова с прописной буквы в нём усиливает семантику возвышенности, которая менее ярко выражена в другом стихотворении со словом «человек»: *Эти слова – для никого, но я знаю наверняка, что они о важном, о том, как в человеке сливаются воедино любовь и вождение, страх и великая красота...* (А. Орловский).

Собирательное значение форм единственного числа конкретных имён существительных помогает раскрыть тему жестокости войны и государства, для которого один солдат «разменная пешка», обобщить исторический опыт, что усиливает выразительность текста: *Но разменная пешка / Полезна для игрока...* (А. Чекова).

Мы выделили ряд существительных, формы единственного числа которых употреблялись в обобщённо-собирательном значении в рассмотренных нами текстах чаще других: «поэт», «человек», «друг», «брат» – в языке современной поэзии перечисленные слова приобретают устойчивое обобщённо-собирательное значение.

Собственные имена, переходя в разряд нарицательных, получают в форме множественного числа значение обобщённости, типичности, они почти всегда риторичны, передают повышенную эмоцию, например, патетическое настроение, гнев, отчаяние, сарказм, презрительную насмешку и т.п. [1, с. 58]: *...Бегите – в себя, на Гаити, в костелы, в клозеты, в Египты – / Бегите!..* (А. Вознесенский). Ср. с примерами, где собственное существительное выступает в своём основном значении: *Хоронила Москва Шукшина, / хоронила художника, то есть / хоронила Москва мужика / и активную совесть...* (А. Вознесенский) (хотя здесь и используется метонимия: Москва – население целого города).

Таким образом, форма единственного числа конкретного имени существительного в обобщённо-собирательном значении выполняет следующие функции в современном поэтическом тексте: а) представляет обобщённый образ субъекта; б) усиливает, подчёркивает пафос стихотворения; в) придаёт тексту особую стилистическую окрашенность.

Эмоциональную значимость предмета речи подчёркивают и формы существительных единственного числа с дистрибутивным значением: *Так же сильно, как ждут от родных письма / В годы горя, боли, борьбы, потерь...* (Я. Дели); *Обычных людей по-особому холят / За то, что и женщины все и мужчины / От дома до офиса ходят и ходят...* (Я. Дели).

Замена формы множественного числа на единственное усиливает полновесность, лексическое значение слова, например: *Порою, если верить глазу, / могло*

казаться на пути, / что дна легко коснёшься сразу, / лишь в воду руку опусти (Е. Евтушенко); *Почерневший паркет / Скрипит под твоей ногой...* (А. Чекова); *Ближе! Лицом впритык:/ Я хочу видеть зрачок...* (Ах Астахова); *Глаз образует свет: / Дай я в тебя взгляну?* (Ах Астахова).

Употребление существительного *pluralia tantum* в форме единственного числа используется для выражения иронии, пренебрежительного отношения к предмету или явлению: *Ничто не сходит с рук: / Ни ложный жест, ни звук, / ведь фальшь опасна эхом, / ни жадность до денег, ни хитрые шаги, чреватые успехом* (Е. Евтушенко).

Числовые формы существительных используются в поэтических текстах не только для выражения количественного значения, но и для выражения различных оценок, эмоциональных оттенков в значении слова, помогают создать яркий, «зримый» образ.

Список литературы

1. Винокур Г. О. Маяковский – новатор языка. М. : Советский писатель, 1943. 136 с.
2. Гак В. Г. Транспозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 519.
3. Еськова Д. А., Болотская М. П. Выразительные возможности категории числа в поэзии В. В. Маяковского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 26–28 марта 2020 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. С. 278–280.

Информация об авторах: *Болотская Маргарита Павловна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Афонский Андрей Евгеньевич*, студент Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ВОСПРИЯТИЕ ПРОЗЫ А. П. ЧЕХОВА ВО ВЬЕТНАМЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНО ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ

Ву Тхьонг Линь

г. Дананг, Вьетнам
vuthuonglinh@gmail.com

Аннотация. Вьетнамский читатель впервые познакомился с творчеством А. П. Чехова в 50-х гг. XX в. С того момента до наших дней имя русского писателя постепенно занимало особое место в культурном пространстве Вьетнама. Сегодня вьетнамские литературоведы проявляют огромное внимание к личности Чехова, его биографии и творчеству. При сближении прозы Чехова с вьетнамским читателем особый интерес представляет вопрос, как перевести на иностранный язык культурно окрашенную лексику. В целях сохранения культурного колорита оригинального текста переводчик прибегает к разным приёмам, среди которых описательный способ, приближенный перевод, гипонимический способ, гиперонимический способ, способ транскрипции. Переводчик берёт на себя ответственность за локализацию переведённого им автора, т.е. вводит его в свою культуру.

Ключевые слова: рассказ, реалья, колорит, перевод, лексика, культура

Для цитирования: Ву Тхьонг Линь. Восприятие прозы А. П. Чехова во Вьетнаме: проблема перевода культурно окрашенной лексики // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 284–287.

PERCEPTION OF A. P. CHEKHOV'S PROSE IN VIETNAM: A PROBLEM OF TRANSLATION OF CULTURAL PAINTED LEXICON

Vu Thuong Linh

Danang city, Vietnam
vuthuonglinh@gmail.com

Abstract. Vietnamese reader first met the work of A.P. Chekhov in the 50s of the XX century. From the moment to the present day, the name of the Russian writer gradually occupied a special place in the cultural space of Vietnam. Today, Vietnamese and literary critics have great attention to the personality of Chekhov, his biographies and creativity. With the rapprochement of Chekhov's prose with the Vietnamese reader, the question of how to transfer culturally painted vocabulary into a foreign language. In order to preserve the cultural flavor of the original text, the translator resorts to the help of various methods of descriptive method, approximate translation, hyponymic method, hyperonymic method, method of transcription. The translator takes responsibility for the localization of the author he has translated, that is, introduces him into his culture.

Keywords: story, reality, coloring, translate, lexicon, culture

For citation: Vu Thuong Linh. Perception of A. P. Chekhov's prose in Vietnam: a problem of translation of cultural painted lexicon // Yazykovaya politika i voprosy gumanitarnogo obrazovaniya : sb. nauch. st. po materrialam VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = Language policy and humanitarian issues education : collection of scientific articles on materials VI International Scientific and practical conference. Penza : Izd-vo PGU, 2022. С. 284–287.

А. П. Чехов стал известен среди вьетнамских читателей в середине XX века. Сначала были напечатаны отдельные рассказы, в том числе «Смерть чиновника», а позже, в 1960-х годах, были изданы такие пьесы Чехова, как «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» [5, с.43–44]. За основу был взят текст на французском языке, но перед публикацией перевод сопоставили с оригинальным

текстом на русском. Значительным событием в конце 20-ого столетия было издание трехтомника «Избранное» Чехова. Это было наиболее полное собрание сочинений Чехова на вьетнамском языке на тот момент. Два тома содержали рассказы, а в третьем были драмы. В XXI веке огромное внимание к русскому писателю проявляет новое поколение вьетнамских литературоведов и критиков. А переводчики как строители культурного мостика двух стран стремились максимально приблизить свои переводы к оригиналу, передать всю глубину, сдержанность, непринужденность и иронию стиля Чехова. При сближении прозы Чехова с вьетнамским читателем особый интерес представляет вопрос, как довести до сознания читателя семантическое и коннотативное содержание реалий как культурно окрашенной лексики.

Как лингвистическое явление реалии относятся к категории безэквивалентной лексики. Они являются частью фоновых знаний и представляют собой значительный интерес при исследовании взаимодействия языка и культуры. Для теории и практики перевода реалии относятся к явлениям специфическим для иной культуры, иной страны и необходимы читателям переводимого произведения, чтобы без потерь усвоить в деталях его содержание. Слово «реалия» – латинское прилагательное среднего рода, множественного числа (*realis-e*; мн. *realia* – «вещественный, действительный»), превратившееся под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное. Среди определений реалий наиболее полное, на наш взгляд, встречаем у болгарских ученых С. Влакова и С. Флорина: «Реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому будучи носителями национального или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» (Влахов, Флорин) [1, с. 55]. Семантизация этих слов чрезвычайно важна для изучающих иностранный язык, так как они вызывают обычно трудности в понимании.

При сопоставлении переводов рассказов Чехова с их оригинальными текстами наше внимание привлекали слова, называющие реалии, которые имеют отношение к быту и называющие реалии культуры, реалии труда, общественно-политические реалии (слова, называющие лица, заведения, учреждения), географические реалии.

Наше внимание привлекает эпизод из рассказа «Смерть чиновника»: «На другой день Червяков надел новый **вицмундир**, постригся и пошёл к Бризжалову объяснить...», вьет. «*Ngày hôm sau, Tsêviakóp mặc bộ lễ phục mới, húi đầu tử tế rồi đi đến chỗ Brigialóp để thanh minh.*» Вьетнамское слово "lễ phục" означает костюм, который надевают во время торжественных событий, праздников или в официальной обстановке. «Вицмундир» – «До революции: форменный фрак гражданских чиновников» [2, с. 80]. Видимо, в определении "lễ phục" конкретно не отражается функция "для чиновников", так как слово включает широкое понятие: разные костюмы в зависимости от пола, профессии одевающихся, от особенности обстановки, события. Здесь наблюдаем гипонимический способ перевода, при котором теряется элемент, показывающий жизнь чиновников.

Посмотрим другой опыт перевода реалий: «<...>окутанный в просторный **тулуп**, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку.» (Ванька), вьет. «<...> *khoác tấm áo lông cừu thô rộng đi vòng quanh trang trại và gõ cái mõ của mình.*». «Тулуп» – «Долгополая меховая шуба (преимущ. овчинная, заячья), обычно не крытая сукном» [4, с. 844]. Перед нами гиперонимический способ: слово «**tấm áo lông cừu**» в переводе имеет значение « овчинный тулуп».

В некоторых случаях переводчику приходится прибегать к подысканию ближайшего по значению соответствия во вьетнамском языке для лексической единицы исходного языка, не имеющей в переводящем языке точных соответствий. Так, например: «*Никто лучше его не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу.*» (Ванька), вьет. «*Không một con chó nào biết thạo hơn nó cách lén đến đằng sau và đớp nhanh vào chân, ăn vụng thức ăn để trong hầm chứa hay bắt trộm gà của dân làng.*». «Ледник» – «Погреб, набитый льдом для хранения скоропортящихся продуктов, кушаний и напитков» [4, с. 293]. Слово не актуально во Вьетнаме, где очень редко бывает снег, и льда, конечно, нет. Необходимо заменить оригинальную единицу аналогом. Слово «*hầm chứa*» соответствует русским словам «погреб» и «подвал», имеющим общие семы: помещение; подземное. Вьетнамское слово переводится как «подвал», так как в подземном помещении вьетнамцы чаще всего хранят не столько продукты, сколько вещи. В этом случае используется приближенный способ перевода.

Рус. «*Дюдя сидел на крыльчке в одной жилетке, без шапки <..>*» (Бабы), вьет. «*Lão Điudĩa mặc mỗi chiếc gilê, không đội mũ, ngồi ngoài <..>*». Слово «крыльчко» образуется от слова «крыльцо» – «Наружная пристройка из площади и лестницы перед домом, служащая для входа в дом и выхода из него.» [4, с. 283]. В структуре вьетнамского дома также присутствует крыльцо (скорее в традиционных домах, которые в настоящее время в основном строят в деревнях), и это место играет важную роль в духовной жизни вьетнамского народа. В нашей культуре понятие дом разделяется на «внутри» и «снаружи» дома. На крыльце, то есть снаружи дома, крестьяне часто сидят, отдыхают и общаются друг с другом, так как там в солнечные дни прохладно (вьетнамский народ любит тень). Там можно слышать, как поют птицы, а вечером любоваться звездами... Наверное, поэтому на крыльце люди более откровенно разговаривают, хотят делиться своими заветными мыслями. Слово «*ngoài*» буквально переводится как «снаружи» или «наружно». Переводчик решил использовать это слово вместо эквивалента, наверное, чтобы предложение прозвучало «по-вьетнамски». Таким образом, здесь встречаемся с приближенным переводом.

А в рассказе «Ненастье» слово «самовар» переводится другим способом - Рус. «*И что ужасно, мама, он там один, без прислуги, некому самовар поставить или воды подать.*», вьет. «*Mà lại còn sợ thế này nữa mẹ ạ: anh ấy ở đây một mình, không có ai hầu hạ, không có ai bưng nước đặt ấm xamôva cả.*» Перевод способом транскрипции: русского национального колорита не передаёт.

Во многих случаях переводчик прибегает к помощи описательного способа. Так, описывая героя Чехова, одетого «*<...> в широкие ярко-голубые шаровары <...>*», переводчик использует выражения «*<...> một chiếc quần màu xanh da trời rộng thùng thình <...>*». «Шаровары» – «Широкие штаны, заправляемые обычно в сапоги.» [4, с.933]. Шаровары являются частью национальной одежды украинцев и некоторых народов Востока. Они служат символом духовной жизни украинцев: «Без шаровар не станцевать гопака». Слово переводится словосочетанием «*chiếc quần rộng thùng thình*» - «широкие штаны». Перед нами описательный способ перевода. По нашему мнению, здесь не передаётся все своеобразие предмета.

Остановимся на другом случае: «*И только когда в большой гостиной наверху зажгли лампу, и Буркин и Иван Иванович, одетые в шелковые халаты и теплые туфли, сидели в креслах, <...>*» (Крыжовник), вьет. «*Và chỉ đến khi đèn đã chầm sáng trong căn buồng trên gác, Burkin và Ivan Ivanirts đã mặc bộ quần áo thoáng rộng bằng lụa toàn tơ, đi giày ấm và ngồi trong ghế bành <...>*» «Халат» – «Длинная одежда, обычно надеваемая поверх белья, а также поверх обычного платья или непосредственно на тело. [2, с. 846] Халаты бывают разными: восточными, купальными,

домашними, рабочими.. и в этом случае наши герои одеты в домашние халаты, которые не надевали вьетнамцы в то время. Аналога в переводящем языке нет, поэтому слово было переведено описательным способом: «bộ quần áo thoáng rộng» – «широкая, свободная одежда». При этом переводе не все признаки предмета удалось передать.

Описательный способ перевода используется также в целях довести до читателя суть реалий русской культуры. Рус. «*Перед масленой женили его, думали – как лучше, а он, поди, еще хуже стал. <...>*» (Бабы), вьет. «*Lầu vợ cho nó trước ngày lễ tổng tiến mùa đông <...>*». Слово «маслена» от «масленицы» – «1. Старинный славянский праздник проводов зимы, во время которого пекутся блины и устраиваются увеселения.» [4, с. 315]. Здесь переводчик решил описать суть праздника: «Праздник проводов зимы».

Рассмотрим опыт перевода названия объектов физической географии. Рус. «*Следы человеческих ног на грязных тропинках, канавки и колеи были полны воды.*» (Ненастье), вьет. «*Những vết chân người in trên con đường nhỏ bản thủ, những cái rãnh và vết bánh xe đều lũng bõng nước.*» «Тропинка» - «Узкая дорожка, протоптанная пешеходами, животными» [2, с. 800]. В переводе мы находим словосочетание «маленькая дорога». Перед нами описательный способ перевода и при этом переводе теряется лексическая сема «протоптанная пешеходами, животными».

Итак, наше исследование показывает, в некоторых случаях при переводе не сохраняется культурное своеобразие, отражаемое в слове-реалии и, что не менее важно, авторская оценка. Этот недостаток особенно очевиден при переводе реалии приближенным и гипонимическим способами. Аналог иногда не может отразить все оттенки значения исходного слова кроме главной лексической семы. Трудность состоит в расхождении в мировоззрении двух разных народов. Для преодоления этого переводчик нередко и прибегает к описательному способу перевода.

Вопрос о подаче и осмыслении реалий в тексте важен для переводчика, так как сохранение их в переводе в значительной мере обусловлено, с одной стороны, местом в подлиннике и, соответственно, осмыслением автором, а с другой, – средствами, которые можно привлечь для сохранения реалии на её месте и в переводе.

Список литературы

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Азбуковник, 1986. 416 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Высш. шк., 1997. 944 с.
3. Пушкин А. С., Гоголь Н. В., Чехов А. П. Известные произведения XIX века. На вьетнамском языке. Ханой : Ким Донг, 2007. 421 с.
4. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М. : Дом Славянской книги, 2014. 959 с.
5. Хуинь Н. Т. Т. Издание произведений А. П. Чехова во Вьетнаме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70) : в 2 ч. Ч. 2. С. 43–45.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1974–1982.

Информация об авторе: Ву Тхыонг Линь, кандидат филологических наук, преподаватель филологического факультета педагогического института при Данангском университете (г. Дананг, Вьетнам).

Information about the author: Wu Thuong Lin, Candidate of Philological Sciences, lecturer of the Philological Faculty of the Pedagogical Institute at Danang University (Danang city, Vietnam).

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВА В РОМАНЕ А. Н. ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ»

Г. Е. Горланов

*г. Пенза, Россия
elizar41@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается социальная функция слова в романе А. Н. Толстого «Пётр Первый». Из часто встречающихся в тексте романа архаизмов, историзмов, варваризмов, устаревших синтаксических и фразеологических конструкций, синонимических выражений, вульгаризмов и эвфонизмов исследуются те лексические формы, в которых в большей мере выявляется социальная сторона художественного произведения. Социальная функция слова на страницах романа проявляется в стилистических построениях, метафорах, сравнительных оборотах, в эмоционально окрашенных эпитетах. Отмечается новаторский подход классика русской советской литературы в использовании богатейших лексических возможностей, хранящихся в русском языке.

Ключевые слова: художественный текст, лексика, А. Н. Толстой, теория жеста, петровская эпоха, новаторство, образность, методология

Для цитирования: Горланов Г. Е. Социальная функция слова в романе А. Н. Толстого «Пётр Первый» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 288–291.

Слово для писателя – это строительный материал, которым строят художественные здания. Сооружения эти бывают разных назначений: от шикарного красочного дворца до простой крестьянской пятистенки. Поэтому вполне естественно, что в одних случаях, образно говоря, используются слова-кирпичи, а в других – слова-брёвна. Зависит судьба строения от того, кто будет жить в отстроенном доме – вельможная знать или простолюдин со своим семейством. Как бы мы в искусстве использования слова ни пытались уйти от социальной стороны, ничего не получится путного, социальная функция слова заставляет говорить о себе. Осмысливая эту суть, А. Н. Толстой в докладе на Первом съезде писателей (1934 год) «О драматургии» вывел формулу «Язык – это орудие мышления».

Автор романа «Пётр Первый» на протяжении всего своего творческого пути серьёзно относился к назначению искусства и «великому могучему» русскому языку. У автора этого выражения И. С. Тургенева учился русский советский писатель. Сама эпоха конца XVII – начала XVIII веков, к которой обращался писатель, способствовала изучению истории зарождения и развития русского разговорного и литературного языка. Долгое время на Руси порознь работали эти два языка. Более древним сокровищем был русский разговорный язык, а потом, примерно с IX–X века, усилиями славян Кирилла и Мефодия появился письменный старославянский, первоначально обслуживающий молитвенные службы в церковных храмах. Многочисленные «Жития» святых созданы в основном на старославянском письменном языке, а вот «Житие протопопа Аввакума, написанное им самим» сотворено на «природном языке». Будучи эрзянином по родословным корням, он предпочтение отдавал языку русичей. Обладая мужественным характером, обратился он к царю Алексею Михайловичу, заигрывавшему с греками: «Говори своим природным языком; не унижай его и в церкви, и в дому, и в пословицах. Как нас Христос научил, так подобает говорить...» [1].

А. Н. Толстой в статье «Из истории языка» называет «Житие...» гениальным произведением [2]. Называет его таковым за то, что в нём «физически ощущалось присутствие рассказчика, его жесты, его голос». Именно Аввакум со своей откровенностью натолкнул автора «Пётра Первого» на теорию «жеста», согласно которой любое высказывание человека аргументируется подкрепляющим словом. Дальнейшая работа над словом укрепляла гипотезу, согласно которой «жест» может определять всё внутреннее состояние изображаемого в художественном произведении литературного образа. При этом жесты, характеризующие состояние души, у каждого сословия населения разные и во многом зависят от принадлежности к той или иной части населения. Так, у бояр, окружающих царёв престол, жесты чаще всего обдуманые, идущие от разума, а у мужиков-простолудинов они зависят в основном от состояния душевных эмоций. То есть разные социальные группы используют только им присущий словарный запас, сказывающийся в использовании красочных слов (эпитетов), архаизмов, варваризмов петровского времени, синонимов, разного рода фольклорных выражений.

Так бояре и чиновники властных структур, владеющие грамотой в пределах своего времени, дабы угодить императору, пытаются использовать иноязычные слова и выражения, произносимые с особым шиком. Назовём некоторые из них: «аустерия», «минует», «фортуна» «нуафер», «цитроны», «политес», «рафине», «прожекты», «мушкет», «конфузия», «бомбардир» и т.п. Александр Меньшиков Петра Алексеевича величает всегда «Мин Херц», а Лефорт меняет русское имя на иностранный лад, произносит с лёгким прононсом – «Петер».

В начале семнадцатого столетия много заимствований пришло из Германии, Франции, Голландии, Польши. Осведомлённый о так называемых варваризмах, Толстой не мог пройти мимо них. В романе «Пётр Первый» они активно используются при характеристике героев. Вот сам Пётр Алексеевич, возмужавший, одержавший заслуженную победу над противником, проговаривает: «– Король Карл отважен, но не умён, весьма лишь высокомерен, – заговорил он, с медленностью, – по-московски, – произнося слова – В семисотом году фортуна свою упустил. А мог быть с фортуной, мы бы здесь ренское не пили. Конфузия под Нарвой пошла нам на великую пользу. От битья железо крепнет, человек мужает...» [3]. Колоритная словесная картина получилась после того, как автор прокомментировал: «заговорил он, с медленностью, – по-московски, – произнося слова». Чтобы подтвердить московскую речь, автор в уста императора вставляет русское народное изречение, известное в Московском регионе: «От битья железо крепнет, человек мужает».

В быт петербуржцев и москвичей конца XVII века входят далеко не русские парики, зубочистки, кофе, матушек прилично было называть «мутер». До крестьянских жилищ, где продолжали думать о хлебе насущном, эти правила «хорошего тона» не доходили. В богатых домах всё по-другому. Утро Романа Борисовича Буйносова начинается совсем не так, как раньше. Боярину страсть как хотелось бы водочки с холоду. Он уж и отговорку подыскал «– Чего-то кофей не хочу сегодня». А тут дочка пристаёт с петровскими новшествами «– У вас, фатер, один разговор каждое утро – водки, – сказала Антонида, – когда вы только приучитесь... – Молчи, кобылица, – закричал Роман Борисович, – ай, плётку возьму...» [3, с. 380]. Нет, не возьмёт боярин плётку – царя испугается. А вот словесный контраст «кофе» и «кобылица» запоминается надолго.

В крестьянском доме бывшего батрака, а ныне разбогатевшего Ивашки Бровкина, тоже заметные изменения. Не без иронии писатель показывает смешение французских слов с русскими. Причуды подобного рода возникают из желания «быть в ногу со временем». В гостях у родственников Буйносовых Санька Бровкина (теперь она дворянка Волкова), рвущаяся в Париж, показана во всей своей

красе. Роман Борисович с большой неохотой вылез из-за стола «делать галант госте: трясти перед собой шляпой, лягать ногами...» Барышня же «Блеснув перстнями, взялась за пышные юбки, с кружевами, нашитыми розами, выставила ножку, – атласный башмачок с каблуком вершка в два, – присела по всей статье французской, не согнув передней коленки. Направо-налево качнула напудренной головой, страусовыми перьями. Окончив, подняла синие глаза, улыбнулась, приоткрыв зубы: – Бонжур, принцес!» [3, с. 382].

Язык не может существовать без использования иностранных слов. Эпоха Петра – яркое тому подтверждение. Писатель не отошёл от истины, активно используя их при оформлении речи персонажей. В статье «Чистота русского языка» он отмечал: «Переворот Петра I сломал лишь внешне формы письменной литературы, но дух её остался, – она продолжала развиваться вне широких масс в сторону от них, в пустоту. За весь XVIII век литературный язык переваривает хаос иностранных слов, внесённых в начале века, и выражается в служебно-придворное словословие...» [2].

Рисуя петровский уклад жизни, дабы показать правду эпохи, писатель не избегал грубой лексики, которая изобиловала в сравнениях и эпитетах. Сказывается она в выразительной запоминаемости прозвищ и фамилий героев: Федька Умойся Грязью, Овсей Ржов, у бабы-ворожихи, может быть, и была обычная фамилия Воробьёва, но все её называют Воробыха. Представители «мужицкого сословия» часто наделены прозвищами, в то время как высшее сословие наделены именем и отчеством. Народ всегда был горазд на словесные выдумки. Даже государя Петра, в целом делового и царственного на вид, недоброжелатели называют «зверем-антихристом». А когда его впервые показали толпе, «чей-то голос крикнул со смехом: – Гляди-ко, – чистый кот» [3, с. 55]. В тексте часто используются эпитеты «звероподобный», «зверовидный». Продавца пирогами кличут Федька Заяц. О нём сказано: «Заяц заговорил», «Заяц стонал», «Заяц орал», «Заяц уполз в баню» [3, с. 37]. «Зоологическое» используется в сравнениях, например, «Софья схватилась за затылок и закричала пронзительно, дико, – завывала низким голосом» [3, с. 22]; «Наталья Кирилловна отшатнулась от неё, как от змеи» [3, с. 53], «глаза круглые, как у мыши» [3, с. 54], «Санька слушала, как очарованный кролик» [3, с. 555], «Карл, как рысь, быстро повернул узкое лицо к Реншельду» [3, с. 559].

На страницах романа автор часто употребляет синонимичные ряды, используя их в определённых сюжетных коллизиях с учётом характеристики конкретной социальной группы литературных образов. Особенно часто выступают синонимы в таких параллельных словесных выражениях, как «лики – образы – иконы», «чада – ребята – дети», «чрево – брюхо – живот». На первой страничке романа писатель, показывая бедную крестьянскую семью Бровкиных, отмечает: «Чада прыгали с ноги на ногу, все были босы...» [3, с. 7]. «Ребята» и «дети» обычно живут в обеспеченных семьях. «Лики встречаются» при изображении внутренности церкви старообрядческого типа, они подчёркивают строгость и благолепие святых. Дабы подчеркнуть особую величавость «лика» Толстой наделяет им царевну Софью: «Лик покойный, ладони сложены на груди, и руки, и грудь, плечи, уши, венец жарко пылают камнями. Будто – сама владычица Казанская стоит под шатром» [3, с. 156]. Хороши такие «лики» в стилистических приёмах контраста... «А у этого, у кукуйского кутилки, желваки выпячены с углов рта, будто так сейчас и укусит, да – кусачка слаба... Глаз злой, гордый... и – видно всем – и в мыслях нет благочестия...» [3, с. 156]. Не трудно догадаться, такое описание портретных жестов даётся глазами не писателя, а боярина, недруга Петра Алексеевича.

Слово «образ» эмоционально нейтральное. В Успенском соборе, когда «отходила обедня» и нужно было нести икону к Казанскому собору, три раза повторяется слово «образ» и один раз – «икона». Архаичное слово «чрево» автор часто

употребляет при характеристике бояр (внешность И. Милославского, Ф. Ромадановского). Например, «В середине месяца прибыл Фёдор Юрьевич Ромадановский и тоже стал сидеть у царицы, поглаживая усы, ворочая, как стеклянными, выпученными глазами, вздыхая, колыхая великим чревом...» [3, с. 179]. Сравнительно нейтральным по эмоциональному колориту «живот» автор повествователь награждает этим словом мужицкое сословие, а «брюхо» возникает при изображении отрицательных образов религиозных слуг.

Легко заметить в тексте романа нарочитое утрирование необычных грубых комментирующих слов. Приехавшие на смотрины люди отмечают повышение Бровкина по социальной лестнице гавканьем псов во дворе, охраняющих дом зажиточного человека («завыли оглашенные кобели»), а самого хозяина не Ивашкой соседи кличут, как прежде, а почтенно Иваном Артемьевичем называют. Принадлежность к определённой социальной прослойке подчёркивает одеяние литературных персонажей через цвет. Представители народных низов одеты в невзрачные серые по цвету зипуны. Так, работник помещика Волкова, «чёрный, с проседью мужик» [3, с. 10]. У барина Шакловитого кафтан крапивного цвета, лошади боярина Ромадановского в бирюзовой сбруе, кафтан на купце Денисове мышинного цвета, стрельцы все одеты по форме в одежды клюквенного цвета. Уже по этим цветным словесным деталям можно судить о социальной принадлежности действующих героев.

Многочисленные слова-кирпичи и слова-кирпичики, названные и не названные мною, рождённые на основе «жеста» и на особом использовании несобственно прямой речи писателем, стилистически искусно слеплены в зависимости от назначения отдельных эпизодов художественного произведения. Подводя итоги рассуждения о социальной функции слова в романе «Пётр Первый», необходимо отметить новаторский подход А. Н. Толстого, мастерски использовавшего богатейшие возможности русского языка.

Список литературы

1. «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» и другие его сочинения / Подготовка текста, сост., вступ. ст. и коммент. Н. С. Демковой. М. : Азбука-Аттикус. 2012. 152 с.
2. Толстой А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1959. Т. 10. 712 с.
3. Толстой А. Н. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1959. Т. 7. 703 с. (В дальнейшем цитаты даются по этому тому с указанием в квадратных скобках страницы.)

Информация об авторе: *Горланов Геннадий Елизарович*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СЕМАНТИКА ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В. П. КРАПИВИНА «СЛАВКА С УЛИЦЫ ГЕРЦЕНА»

Д. А. Елисеева

г. Пенза, Россия

dasha.somsokolova38@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются семантические группы вставных конструкций в автобиографическом произведении В. П. Крапивина «Славка с улицы Герцена». Обращается внимание на их роль в тексте. Делается вывод о том, что разнообразные по семантике вставные конструкции не только конкретизируют информацию основной части высказывания, но и играют важную роль в информативно-логическом и композиционном оформлении художественного текста.

Ключевые слова: вставные конструкции, семантические виды, автобиографическая проза, В. П. Крапивин

Для цитирования: Елисеева Д. А. Семантика вставных конструкций в автобиографической повести В. П. Крапивина «Славка с улицы Герцена» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 292–294.

На современном этапе развития филологических дисциплин лингвистический анализ текста является одним из ключевых наряду с литературоведческим. Благодаря узкому рассмотрению особенностей языка художественного текста можно не только выявить индивидуальность авторского стиля речи, но и рассмотреть произведение глубже с точки зрения его содержания и мысли. Часто в произведениях русских писателей используются вставные конструкции, которые становятся ключом к пониманию главного героя, ситуации, а порой и самого автора.

Вставная конструкция – это синтаксическая конструкция, характеризующаяся «специфической интонацией включения (при которой не нарушается интонационная целостность основного предложения) и выражающая дополнительные замечания, пояснения, уточнения и поправки, касающиеся содержания основного предложения» [4, с. 79]. Вставные конструкции вносят попутные замечания, добавочные сообщения в ход повествования и имеют собственные цели высказывания, которые могут совпадать или не совпадать с целевой установкой основной части предложения. По мнению Г. Н. Акимовой, вставные конструкции развиваются на фундаменте разговорной речи, например, в репликах, создающихся для уточнения или разъяснения главной информации, и служат средством выражения добавочной мысли говорящего, также в перебивках речи [1, с. 55].

Отметим, что в языкознании для наименования вставных конструкций используются разные термины, например: «вставные элементы» (С. Г. Онишко), «вставные единицы» (Л. С. Пастухова), «вставные компоненты» (В. В. Бабайцева), «вставная конструкция» (Г. Н. Акимова, А. И. Аникин, Н. С. Валгина, И. И. Шаймиев и др.).

Долгое время понятие «вставная конструкция» не отграничивалось от понятия «вводное слово». Так, А. И. Аникин отмечает: «Многие из вставных конструкций, получают оттенок присоединительного значения. Это сближает функции вставных и присоединительных не вставных конструкций. Границы между ними очень зыбкие, иногда трудноразличимые. Но не следует считать вставки видом

присоединительной связи. Это особая синтаксическая связь, при семантико-синтаксических условиях, иногда сходных с условиями присоединения» [2, с. 30–31].

Использование вставных конструкций является одной из важных стилистических особенностей творчества многих писателей. Не стал исключением и Владислав Петрович Крапивин. Вставная конструкция в его произведениях, с одной стороны, является своеобразной точкой взаимодействия информативного и оценочного планов, а с другой – средством коммуникации автора и читателя.

Вставные конструкции с трудом поддаются строгой систематизации. Они могут уточнять место и время действия, включаться в текст для разъяснения описанной ситуации или поведения героев, выражать особое мнение автора, выражать также иную, самую разнообразную реакцию автора на сказанное [3, с. 63].

В автобиографическом произведении В. П. Крапивина «Славка с улицы Герцена» вставные конструкции реализуют разнообразные значения.

1. **Причинно-следственное** значение обнаруживается при выражении причинных отношений между вставной конструкцией и основным высказыванием. Вставные конструкции, указывающие на причину, мотивируют определённую информацию основного предложения: *Главное – другое: слова «споря с ветерком летучим». Ветерок – он ведь ребячий друг (и нам во дворе он помогал запускать змеев-монахов), однако с ним можно спорить.* Вставные конструкции с данным значением могут иметь различные смысловые оттенки:

– оттенок предположения, показателем которого являются имеющиеся в структуре вставной конструкции вводные слова с соответствующей семантикой: *С отцом они работали в одной школе и питали друг к другу самые приятельские чувства (может быть, оттого, что в обоих – польская кровь);*

– оттенок уверенности, выраженный с помощью соответствующих вводных слов: *Мой отчим в тридцатых и сороковых годах дважды побывал в тюрьмах и лагерях (конечно, по обвинению в шпионаже), чудом избежал расстрела и в сорок четвёртом оказался на свободе благодаря какой-то крохотной бериевской амнистии.*

2. **Сравнительное** значение обнаруживается при выражении сравнительных отношений с основным высказыванием в целом или отдельным его элементом. Показателем данного значения является сравнительный союз как: *Вместо «эм» она говорила «м-м-м», вместо «пэ» – «п-п-п» (как с паровозным припыхиванием), вместо «ша» шипела, как футбольный мяч, из которого выпускают воздух.*

3. **Пояснение значения слова или высказывания.** При этом используются вводные слова с семантикой способа выражения мысли: *Однажды моя жена вернулась с вещевого рынка (иначе говоря, с «барахолки») и сказала...,* а также лексеммы, отражающие особенности употребления того или иного слова: *Пинок под зад – «пендаль», штаны – «шкеры», голова – «кумпол», портфель – «чума» (сокращённо от чумадан); Особенно нравилась мне картинка, изображавшая центавра (или «кентавра», как было отмечено в скобках).*

4. **Характеристика автором самого себя:** *Бывает, что я щёлкаю ногтем по колокольчику (вдруг, покашливая, шаркая, войдёт Федотыч?), потом беру и тихонько баюкаю непроливашку (старый сентиментальный дурень); Вытесать из доски такое оружие было не так уж трудно (даже я справился бы при желании), а вот проделать в нём «дуло» – задача крайне сложная; Насколько я помню (а слух у меня был приличный), мелодию она пела точно; «Я (эрудированный ребенок) знал, что это называется «барокко».*

5. **Эмоциональная реакция автора на события:** *Вообще-то можно было бы об этой находке не упоминать. На сюжет она не влияет (да и где он, сюжет-то?); Мама сказала, что пятно с меня смыла не полностью (чернила въедливые!),*

но это не большая беда. А что делать со штанами?..; Тут мне снова не повезло. Мою гневную реплику услышала Прасковья Ивановна (**и откуда она взялась рядом!**); «Кровельные листы на крышах – не из ржавого железа, а из чистого золота (**вот сверканье!**), брёвна стен, двери, наличники. ставни и даже водосточные трубы сделаны из стекла; И был мальчик – сын капитана (**вот счастливчик!**); Правда, потом, когда начнут синеть сумерки, станет неуютно (**скорей бы кто-нибудь пришёл!**).

6. **Выражение автором своего мнения:** На этом фоне и стоял великий вождь и лучший друг всех советских детей, следовательно, и мой. (**К последнему обстоятельству я, правда, относился с некоторым сомнением. Откуда Сталин может знать про меня, первоклассника школы номер девятнадцать города Тюмени? Школа эта так далеко от Кремля! А если не знаешь человека, то как можно с ним дружить?**) Сталин – в маршальском мундире, но без фуражки – вытягивал вперёд руку.

7. **Описание обстановки, в которой происходит действие или событие:** На углу у городского сада я купил у лоточницы бутылку пива и выпил его в сквере у цирка (**под язвительную лекцию о вреде алкоголя, распиваемого, к тому же, в общественном месте**).

8. **Указание на ретроспективность описываемых событий.** Вставные конструкции данного типа содержат лексемы с семантикой воспоминания и с темпоральной семантикой: *Они вдруг зазвучали вновь в конце пятидесят второго года, когда я учился в седьмом классе (**помню, как почернели у отчима и мамы лица**); Но самое главное – это два нерабочих и неучебных дня! (**Осенних каникул тогда ещё не было.**); Она протянула мне на ладони маленькую чернильницу (**«чернилку», как говорили мы в давние школьные годы**); Многие пионеры приходили в тот день в галстуках, обшитых чёрной каёмкой – это не было обязательным, но весьма поощрялось. (**Пашка свой галстук, конечно, не обшивал, был он лентяй, а Римка и Аля вечером двадцатого долго возились с ленточками из чёрного сатина; мне же, восьмилетней «беспартийной» личности, красного галстука ещё не полагалось.**).*

В данной статье представлены далеко не все семантические группы вставных конструкций, включённых в автобиографическую повесть В. П. Крапивина «Славка с улицы Герцена», однако уже на данном этапе исследования можно отметить их тематическое разнообразие в рассматриваемом произведении. Вставные конструкции не только конкретизируют информацию основной части высказывания, но и играют важную роль в информативно-логическом и композиционном оформлении художественного текста.

Список литературы

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1990. 168 с.
2. Аникин А. И. Вводные слова и их соотношения с структурно-семантическими категориями слов в современном русском языке // Учёные записки Московского государственного педагогического института. 1958. Т. 132. С. 5–33.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М. : Наука, 1986. 205 с.
4. Ломтев Т. П. О вводных и однородных позициях словесных форм в современном русском языке // Филологические науки. 1958. № 1. С. 114–124.

Сведения об авторе: Елисеева Дарья Артёмовна, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ИМПЕРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭЗИИ С. ШАХМУРЗАЕВА

М. Б. Кетенчиев

г. Нальчик, Россия

ketenchiev@mail.ru

Аннотация. Анализируется творчество известного карачаево-балкарского поэта и собирателя фольклора Саида Шахмурзаева. Рассматривается его поэтический текст, в котором закодировано традиционное архетипическое представление карачаевцев и балкарцев об окружающей действительности. Исследуются особенности семантики императивных конструкций, наличествующих в произведениях автора, выявляется их функциональный потенциал. Показывается взаимосвязь сферы функционально-семантической категории императива и некоторых малых жанров фольклора, к которым относятся паремии, алгыши-благопожелания, каргыши-зложелания.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, поэзия, С. Шахмурзаев, императивные конструкции, функция, семантика

Для цитирования: Кетенчиев М. Б. Императивные конструкции в поэзии С. Шахмурзаева // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 295–299.

Карачаево-балкарской поэзии, в том числе и творчеству известного поэта С. Шахмурзаева, в филологической науке уделено определенное внимание. Так, например, литературоведы рассматривают его письменное наследие, обращаясь к литературному процессу 20-30-х годов XX века. При этом актуализируются такие проблемы, как становление его творческой индивидуальности [6] и специфика художественного мышления [7]. В некоторых работах представлены данные относительно этнокультурного пространства автора [3]. В исследованиях междисциплинарной направленности отмечаются некоторые культурные концепты [1]. Собственно лингвистические научно-теоретические изыскания направлены на выявление и описание изобразительных средств [4], а также определение фонда фразеологических единиц, релевантных для лирики поэта [8]. Между тем многие вопросы, выходящие на поэтический синтаксис, все еще остаются вне поля зрения филологов. К ним можно отнести некоторые речевые формы устного диалога (вокатив, второе лицо, императив), которые «занимают в структуре поэтических текстов весьма значительное место» [5, с. 61]. Исходя из этого, в данной статье мы ставим цель выявить и описать функционально-семантические возможности императивных конструкций в поэзии С. Шахмурзаева. Материал исследования для достижения указанной цели подобран путем сплошной выборки из наиболее значимых сборников произведений автора [9; 10].

Тюркологами императив традиционно рассматривается в рамках категории наклонения, поскольку его семантика коррелирует со значением повелительного наклонения. В карачаево-балкарском языкознании в парадигму императива обычно включаются глагольные формы 2-го и 3-го лица, единственного и множественного числа: *чап* ‘беги’, *чабыгъыз* ‘бегите’, *чапсын* ‘пусть он бежит’, *чапсынла* ‘пусть они побегут’. Однако в нее можно включить и явно невыраженные императивные формы, обозначающие то, что исполнителем действия является сам говорящий. Дело в том, что «он может выполнять то или иное действие независимо от своей воли, желания» [2, с. 33]. При анализе императивных конструкций, функционирующих в поэзии С. Шахмурзаева мы опираемся именно на эти факты.

Побудительные высказывания автора с точки зрения целеполагания подразделяются на повествовательные и восклицательные: *Бизни кьоюн кетмегиз* (Не уходите нас оставив); *Амал болса, къайтыгъыз!* (Представится возможность, возвращайтесь!).

В ткань конструкций рассматриваемого типа органично вплетаются обращения различной структуры и семантики: – *Къарындашым, залимлеге алдатма, // Ёлсем, мени мыллыгымы // Душманлагъа малтатма!..* (– Брат мой, не подвергайся обману тиранов, // Если умру, мой труп // Пусть враги не растопчут!..); – *Къая къызы – къарылгъач, // Унутмагъыз таулары, // Ахишы жолгъа барыгъыз, // Унутмагъыз баулары!* (– Эхо – ласточки, // Не забывайте горы, // В счастливый путь летите, // Не забывайте сарай!). Однако во многих рядах императивных конструкций вербально выраженный адресат отсутствует: *Ананг сени тогъуз айны къарнында // Жюрютгенин, къыйналгъанын ойлачы! // Ёлюм сакълап, сени тапхан ананы // Хар заманда разылыгъын сакълачы!* (Мать тебя девять месяцев // Носила, мучилась, во внимание прими-ка! // Смерть ожидая, тебя родившую мать // Довольство все время храни-ка!). Но он подсказывается содержанием текста и передается морфологически благодаря лично-предикативным аффиксам, в том числе и нулевым.

В карачаево-балкарском языке обнаруживается свыше двадцати частных значений, отражающих семантику императива, но не все они употребительны в поэзии рассматриваемого автора. Обратимся к наиболее релевантным его разновидностям.

Приказ. Императивные конструкции такого плана обнаруживаются, как правило, в стихотворениях С. Шахмурзаева, посвященных военной тематике. Специфика данной разновидности императива заключается в отражении иерархизированных отношений, например, отношений между начальником и подчиненным. При этом руководителем игнорируется воля подчиненного, а мотивы и причины приказа зачастую не подвергаются актуализации: *«Атыгъыз!» – къычыралла, // Жюрегими жаралла* («Стреляйте!» – кричат, // До ярости меня доводят); *Аршилери, маршилери, // СССР-ни аскери, // Онгдан солгъа, солдан онгнга // Душманлары ур кер!*.. (Арши, марши, // СССР войска, // Справа налево, // Слева направо // Прочь гони врага).

В ряде случаев имеет место опущение глагольного маркера императива. Ср.: *Начальникле, командирле: // «Хайдагъыз!» – деп айталла* Начальники, командиры // Говорят: «Айда!». В представленном примере побуждение репрезентируется усиленной частицей *хайда* ‘ну, скорей, торопись’, которая принимает лично-предикативный аффикс 2-го лица множественного числа и функционирует как неполная императивная конструкция.

Императив-приказ встречается и в произведениях поэта, посвященных животным, в частности, зверям. Так, в этом отношении показательно стихотворение «Бёрю» («Волк»). Однако в нем приказ предваряется авторской мотивацией: *Бёрю деген – орунсуз, // Халкъгъа, малгъа огъурсуз. // Кёрген жерде уругъуз! // Ёлтюрюгюз, союгъуз!* (У волка нет стоянки, // К народу, скоту свиреп. // Как увидите, бейте! // Убейте, шкуру сдирайте!).

Совет. Данная составляющая императива чаще всего детерминирована многовековым опытом этноса и носит характер назидания: *«Жууургъаннга кёре аякъ узат» – деп, // Къарыууча этгенди жарлы тоюн* («По одежке протягивай ножки» сказав, // Бедняк свадьбу справлял по мере сил своих). В этом примере автор актуализирует обобщенный опыт народа путем использования паремического высказывания. Однако у автора имеется достаточно большое количество советов, адресованных носителю языка, которые отражают культуру земледелия: *Андан ашла биширип, // Къабып-къабып кёрюгюз, // Санынг, къарнынг токъ болур, // Арпа сабан*

сюрюгюз! (Приготовив еду из него, // Познайте вкус его, // Организм, живот будут сыты, // Пахоту для ячменя готовьте!). При этом С. Шахмурзаев регулярно облачает в поэтическую форму различные этапы подготовки той или иной культуры для потребительских целей: *Узгъалагъа къюгъуз, // Къабугъун а алыгъыз, // Сары тюйчюк болгъанда, // Отха къазан салыгъыз* (Засыпайте в мельницы, // Отделяйте шелуху, // Как готовы будут зерна проса, // Казан на огонь ставьте).

Ср. конструкции: *Кёп махтанма кесинге, // Буду сёгюм келтирлик. // Ётюрюкден узакъ тур, // Олду сени ёлтюрлюк. // Талама баишаланы, // Кесинг бир зат этмейин* (Много не хвастайся собою, // Это порицание тебе принесет. // Держись от лжи подальше, // Она тебя убьет. // Не грабь других, // Сам ничего не делая). В данных строках императивной структуры репрезентируется такой вид совета, как наставление, т.е. речь идет о народной дидактике, которая базируется на этике этноса.

Предложение-приглашение. Данный вариант императива предполагает наличие говорящего и слушающего. При этом говорящий воздействует на адресата вербально, предлагая конкретное действие. К тому же выражает желание участвовать в его выполнении: *Сен да мени таба къара, // Кел, кетейик бизни юйге!* (Ты тоже в мою сторону взгляни, // Давай, уедем в наш дом!); *Мин! Семипалатиннге элтейик, // Угъай десенг, Буз тенгизге кетейик!* (Садись! Отвезем в Семипалатинск, // Не захочешь, поедем к Ледовитому морю!).

Призыв. Призыв представляет собой обращение к собеседникам с предложением участвовать в выполнении долга или каких-то задач, т.е. побуждение к большому делу. Данный феномен находит свое отражение в одном из программных стихотворений поэта «Тарыхчылагъа» («Историкам»), которое структурируется как цепь сложносочиненных императивных конструкций, объединенных в единое целое: *Чакъырама эслилени, жашланы, // Таурух билген адамланы – башланы. // Биз бирликде керти хапар жазайыкъ, // Керти жолда Малкъар тарых жазайыкъ. // Биз тинтейик къабырланы ташларын, // Жерле къазып, чыкъгъан адам башларын* (Призываю понятливых, молодых, // Легенды знающих людей. // В единстве правдивые рассказы напишем, // На правильном пути историю Балкарии напишем. // Могильные камни изучим, // Исследуя черепа людей с раскопов). Ядерные компоненты подобных конструкций выражаются глаголами 1-го лица множественного числа. Они характеризуются определенной волевой интонацией и обращены к большому количеству людей, т.е. к представителям карачаево-балкарского этноса, имеющим познания в области истории и заинтересованным в ее дальнейшем развитии.

Мольба. Мольба часто представляется как заклинание, в котором наличествует «смысловой компонент, определяемый как вера в силу слова, желание воздействовать словом, признание его особой власти» [5, с. 125]: – *Монглу болсун топурагъы, // Жыртылмасын опурагъы. // Жана турсун обасында чырагъы, // Этли болсун гумусунда ыргъагъы...* (– Пусть урожайным будет земля его, // Одежда пусть не рвется. // Пусть горит на могиле свеча, // Пусть на крючьях в погребке будет много мяса...).

Завещание. У С. Шахмурзаева обнаруживаются стихотворные ряды, репрезентирующие последние слова погибающего персонажа, которые можно отнести к такому жанру, как завещание. В них также налицо конструкции императивной структуры: – *Кёрюм мени Холам тарда къазылсын, // Сал сюегим билинмейин салынсын. // Оба тёбем белгисизлей къалынсын!..* (– Могила моя пусть будет выкопана в теснине Хулама, // Труп мой будет пусть опущен в тайне. // Могильный холм остается пусть безвестным!..).

Вывод, умозаключение. Ср.: *Къыймалагъа, этлеге // Бек ахшыды татыуу, // Северледе, элледе // Багъа болад сатыуу. // Тиш этлеринг ауруса, // Цинга болуп, къаралып, // Аны алып ашагъыз, // Тохтамайын, мардалап* (Для колбасы и мяса // Очень вкус приятный, // На Северах, в селеньях // Дорого продается. // Десна если заболел, // Почернев от цинги, // Ешьте его, // Постоянно в меру). Эти строки из стихотворения «Сарымсах» («Чеснок»). Автор на основе своих познаний относительно этой бахчевой культуры делает императивный вывод и дает рекомендации по ее употреблению.

Просьба. В творчестве рассматриваемого автора просьба облечена в форму алгышей-благопожеланий, обращенных, как правило, к всевышнему, которые обычно интерпретируются как составляющие малых жанров карачаево-балкарского этноса. Это вполне объяснимо, если принять во внимание тот факт, что С. Шахмурзаев являлся известным знатоком и собирателем фольклорных текстов. Для благопожеланий обычно актуальны формы собственно желательного наклонения: *Махтау санга, алгъыш санга, Жылгы суу, // Халкъынг бла сен жашагъын саламат!..* (Слава тебе, благопожелание тебе, река Жилги, // Живи в добром здравии со своим народом!..). Однако значительным функционально-семантическим потенциалом в составе благопожеланий обладают и императивные формы. Они используются в повседневной жизни социума и приурочены к различным этапам жизнедеятельности людей: *Ёз тейрисин насып берсин ёзюнге, // Унутулмай къалсын атынг юсюнде* (Свой Тенгри пусть счастьем одарит тебя, // Да не забудется пусть имя твое) – при наречении именем, родившемуся в воскресенье ребенка; *Тотур кибик болсун! Халкъы, юю малла бла толсун!* (Пусть будет похож на Тотура (св. Федора)! Пусть народ его и двор будут полны скота) – при наречении именем мальчика, который родился в первый месяц Тотура (марте); *Кюн тейри да жарыкъ берсин кесине!* (Тенгри Солнца пусть светом озарит его!) – при похоронах воина, который погиб в месяце Байрым (месяце св. Марии – феврале).

В контексте данной работы целесообразно обратить внимание и на каргыши-зложелания. В качестве примера можно привести отрывок из произведения «Бузукъбашны балтасы» («Топор башибузука»), в котором плодовое дерево проклинает человека, срубившего его: *Нек кесгенсе?! Балтанг тийисин боюнунга!.. // Налат болсун сени кирли оюнунга!..* (Зачем срубил?! Твой топор пусть даст тебе по шее!.. // Проклятие пусть достигнет твою грязную игру!..).

Императивные по форме конструкции активно используются и в сфере речевого этикета, что нашло отражение и в поэзии С. Шахмурзаева, который использует их в качестве поздравления, прощания, пожелания доброго пути и т.д.: *Жангы жылым огъур болсун халкъыма!* (Новый год счастливым пусть для народа моего!); *Ахшы жолгъа барыгъыз, // Этмейбиз сизге айып* (В счастливый путь идите, // Не стыдим мы вас); *Сау къалыгъыз, туугъан, ёсген журтларым! // Сау болугъуз, жарлы, сыйлы тенглерим!..* (Счастливы оставайтесь, родные очаги! // Здравия желаю вам, бедные, уважаемые друзья!..). Причем для репрезентации таких значений автором используются синтаксические единицы, ядерными конститuentами которых являются глаголы изъявительного наклонения: *Жангы жылым, эсен келдинг, хош келдинг!* (Новый год, приди в здравии, добро пожаловать!).

Как видно из проанализированного выше фактологического материала, поэзия С. Шахмурзаева богата на побудительные конструкции, стержневые элементы которых выражаются глаголами повелительного наклонения. Они репрезентируют целый ряд частных значений императива, которые базируются на мировосприятии карачаево-балкарского этноса и коррелируют с данными таких жанров фольклора, как алгыши и каргыши.

Список литературы

1. Ахматова М. А. Аспекты реализации концепта «гостеприимство» в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик : Кабард.-Балкар. ин-т гуманитар. исслед., 2015. С. 107–111.
2. Бичекуева Т. Ю., Кетенчиев М. Б. Парадигма императива в карачаево-балкарском языке. Нальчик : Книга, 2014. 156 с.
3. Керимова Р. А. Этнокультурное пространство современной карачаево-балкарской поэзии // Вопросы литературы. 2019. № 4. С. 247–259.
4. Кетенчиев М. Б., Теппеева Х. М. Репрезентация сравнения в поэзии С. Шахмурзаева // Сын Солнца – Кўн Уулы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. творчеству известного алтайского писателя и переводчика Паслея Самыка. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. С. 216–222.
5. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М. : Наука, 1986. 206 с.
6. Тхагазитов Ю. М., Казиева А. М., Узденова Ф. Т. Литературный процесс 20–30-х годов XX века и становление творческой индивидуальности (на материале северокавказской поэзии) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 2. С. 110–114.
7. Узденова Ф. Т. Карачаево-балкарская поэзия 20–30-х годов XX в.: специфика художественного мышления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2 (50). С. 194–197.
8. Хуболов С. М. Карачаево-балкарская фразеология. Нальчик : Кабард.-Балкар. ун-т, 2018. 120 с.
9. Шахмурзаев С. О. Эхо : стихотворения, поэма. Нальчик : Эльбрус, 2002. 208 с.
10. Шахмурзаев С. О. Стихотворные произведения. Статьи, очерки о жизни и творчестве. Нальчик : Эльбрус, 2006. 360 с.

Информация об авторе: *Кетенчиев Мусса Бахаутдинович*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия).

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХАИЗМОВ В ТЕКСТЕ РОМАНА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ»

Л. А. Коновалова

г. Пенза, Россия

ladakonovalova933@gmail.com

Аннотация. Рассматривается устаревшая лексика русского языка, в частности отдельная её группа – архаизмы. Даются разъяснения о разновидностях и функциях архаизмов в тексте. Представляется анализ использования архаизмов в тексте романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы»: выявляются основные типы архаизмов в процентном соотношении, определяются функции, выполняемые ими в тексте данного художественного произведения.

Ключевые слова: устаревшая лексика, историзм, архаизм, художественный текст, «Господа Головлёвы», М. Е. Салтыков-Щедрин

Для цитирования: Коновалова Л. А. Особенности использования архаизмов в тексте романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 300–302.

Литература прошлых эпох содержит в себе те языковые элементы, которые свойственны описываемому в произведении времени. Прежде всего это лексика, которая в настоящее время входит в пассивный словарный запас языка, но в момент написания произведения она активно использовалась носителями языка. Такая лексика называется устаревшей. Она, в свою очередь, подразделяется на две основные группы: историзмы и архаизмы.

Историзмы – это устаревшие слова, которые вышли из активного словаря, так как из жизни общества ушли те предметы и явления, которые они обозначали [1, с. 206].

Архаизмы – это устаревшие слова, которые вышли из активного словаря, не выдержав конкуренции с более употребительными словами, обозначающими те же предметы, действия, признаки [1, с. 207].

Устаревшая лексика во многом затрудняет понимание текста читателем, так как многие из слов не понятны современному носителю языка. Как правило, большинство из устаревших слов обычно обозначают реалии, которых нет в современной действительности. Однако если историзмы в основном используются автором в качестве средств для отражения реалий эпохи, то архаизмы часто могут использоваться и в других функциях. Интерес нашего исследования представляет выявление основных типов архаизмов, встречающихся в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы», а также целей использования их в тексте.

Существует множество классификаций типов архаизмов в русской лингвистике. Одну из таких классификаций предложили Л. И. Рахманова и В. Н. Суздальцева в своем труде «Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология» [2, с. 145–147]. Представленные в ней типы архаизмов: 1) лексико-фонетические, акцентологические (слова, которые имеют в своём фонетическом облике несвойственный современному произношению звук или сочетание звуков: *галстух – галстук, гишпанский – испанский*); 2) лексико-словообразовательные (отличаются от современного эквивалента каким-либо словообразовательным

аффиксом: *азиатцы* – *азиаты*, *дружество* – *дружба*); 3) собственно лексические (слова, устаревшие целиком: *дабы* – *чтобы*, *кров* – *крыша*, *пагуба* – *гибель*); 4) грамматические (устарелые формы слов, которые не существуют в современном языке: *отче*, *царю* (звательный падеж), *на бале* – *на балу*, *исполнити* – *исполнить*, *руссаго* – *русского*); 5) семантические (устаревшие значения таких слов, которые существуют в современном русском языке, но называют другое явление или предмет: словом «*вор*» раньше называли любого государственного преступника, изменника, злодея).

Функции архаизмов, как и функции устаревших слов в целом, определяются как: 1) отражение языковых реалий изображаемой эпохи; 2) создание торжественности и поэтичности речи; 3) стилизация – воссоздание языка эпохи; 4) понижение стилистической оценки (ирон., шутл., насмешл., презр.); 5) создание размера в лирическом произведении.

В тексте романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» нами обнаружено 308 устаревших языковых единиц, 169 из которых являются архаизмами.

Выявленные нами архаизмы относятся к разным типам. Наибольшую группу представляют собственно-лексические архаизмы (83 единицы – 49 %): *цидула* (записка), *паче* (всего), *хворость* (болезнь), *подле* (возле), *миазмы* (запахи), *бранчивая* (ворчливая), *яствие* (еда), *елейность* (притворство), *тороват* (щедрый), *докука* (надоедливая просьба), *печная* (заботливая), *рюха* (неудача) и т.д.

Вторую по численности группу составляют лексико-словообразовательные архаизмы (38 единиц – 22 %): *залюбила* (полюбила), *накопляет* (копит), *кус* (кусочек), *упадает* (падает), *готовлено* (готово), *живали* (жили), *промежду* (между), *длил* (удлинял), *долы* (долины), *надобно* (надо).

Следующую по численности группу составляют лексико-фонетические архаизмы (24–14 %): *одежа* (одежда), *оченно* (очень), *ворог* (враг), *шкапчик* (шкафчик), *филозов* (философ), *рожонный* (рождённый), *младость* (молодость), *скромный* (скромный), *выдут* (выйдут). В данной группе также встречаются и акцентологические архаизмы: *вёдро* (ведро).

Меньше по количеству встречается семантических архаизмов (14–8 %): *душа* (человек), *постланы* (постелены), *одолжил* (сделал милость), *утроба* (живот), *остов* (скелет), *простыл* (остыл), *палаты* (жилые помещения).

Наименьшую группу составляют грамматические архаизмы (10–5 %). Грамматические изменения касаются рода (*цеп* – *цепь*, *зала* – *зал*) и падежа (*с аукциону* – *с аукциона*, *по брате* – *по брату*).

Некоторые слова можно отнести сразу к нескольким группам. Например, архаизмы «*жарковец*» (жаркое) и «*будущность*» (будущее) относятся как к словообразовательным, так и к грамматическим архаизмам.

Кроме своей основной функции наименования реалий современной автору действительности, архаизмы также используются и в других целях. М. Е. Салтыков-Щедрин – мастер художественного слова. Использование устаревшей лексики во многом помогает создать ему особый стиль своего повествования. Архаизмы используются автором чаще всего для создания ярких образов. Например, для образа Порфирия Владимировича, одного из главных героев произведения, писатель использует в его речи множество старославянских архаизмов, относящихся к богослужебной семантике: *яствие*, *питие*, *греховность* (сам персонаж всегда подчёркивал свою религиозность и праведность). Со слов окружающих он также описывается достаточно яркими лексемами: *охаверник*, *греховодник*, *елейный*. Как можно заметить, архаизмы, используемые в его речи и в речи окружающих его людей, противоречат друг другу, что создаёт иронию и сарказм автора.

М. Е. Салтыков Щедрин – мастер сатирических произведений. В романе с помощью многих архаизмов писатель создаёт иронию в произведении: *гласило головлёвское предание, головлёвские хоромы* и т.д.

Кроме того, многие средства выразительности, используемые автором в тексте, включают в себя архаизмы: эпитеты (*в неслыханном чаду, смердящая язва*), метафоры (*игралище страстей, ворох сплетен*), оксюморон (*блажная старуха*).

Архаизмы часто звучат в речи персонажей романа, показывая тем самым их приверженность к разговорному стилю речи: *прынец, понаторела, выдут, робята* и т.д. Чтобы показать индивидуальность и характерные черты каждого героя, писатель создаёт для него отдельный речевой запас слов. Например, в речи головлёвского попа часто присутствуют цитаты из священных книг, где достаточно много архаизмов: *десница, глава, око*.

Отметим также, что архаизмы используются автором в целях создания поэтичности текста (в большинстве случаев для этой цели служат старославянизмы): *долы, младость, врата, празднолюбцы* и т.д.

Таким образом, текст романа «Господа Головлёвы» содержит богатый языковой материал для исследования архаичной лексики. Обнаруженные нами архаизмы, кроме основной функции наименования реалий эпохи, выполняют следующие: представляют яркие образы персонажей, служат для создания иронии и сатиры; индивидуализируют речь героев; используются в составе средств выразительности.

Список литературы

1. Лекант П. А., Касаткин Л. Л. [и др.]. Современный русский язык : Словарь-справочник. М. : Просвещение, 2010. 303 с.
2. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология. М. : Аспект Пресс, 2003. 480 с.

Информация об авторе: Коновалова Лада Алексеевна, студентка магистратуры Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ИМЕННАЯ ЧАСТЬ СКАЗУЕМОГО КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В. И. ДАЛЯ В КНИГЕ В. ПОРУДОМИНСКОГО «ДАЛЬ»

А. А. Корнеева

г. Пенза, Россия

anastasia99korneeva@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается основной (вещественный) компонент составного именного сказуемого как средства характеристики личности В. И. Даля в книге В. Порудоминского «Даль». Актуальность исследования объясняется тем, что его результаты позволяют увидеть различные грани характера, жизни и творчества В. И. Даля через призму их отражения средствами синтаксиса. Отмечается, что в роли именной части сказуемого преобладают лексемы, выраженные именем существительным, а также полной и краткой формой имени прилагательного. Обращается внимание на то, что в книге В. Порудоминского В. И. Даль предстает перед читателем честным и скромным человеком, с охотой приступающим к любому новому делу. Делается вывод о том, что составное именное сказуемое играет важную роль при характеристике многогранной личности В. И. Даля, который был и остаётся ценен для всего русского общества.

Ключевые слова: составное именное сказуемое, именная часть, характеристика, публицистический текст, В. Порудоминский

Для цитирования: Корнеева А. А. Именная часть сказуемого как средство характеристики личности В. И. Даля в книге В. Порудоминского «Даль» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 303–306.

Любой текст создаётся с определённой авторской целью – познакомить читателя с событиями и героями, пробудить в нём чувства и эмоции. В художественном произведении эта цель достигается за счёт ярких образов, созданных автором. А. В. Канафьева отмечает: «За любым текстом стоит его создатель — языковая личность, выбирающая из неограниченного арсенала языковых средств то, что в максимальной степени способствует реализации идейно-художественного замысла» [3, 217]. В публицистическом, в частности биографическом, тексте внимание автора сосредоточено на характеристике личности. При этом важная роль принадлежит средствам языка, и прежде всего такому синтаксическому средству, как сказуемое, которое, выражая в двусоставном предложении предикативный признак подлежащего, является смысловым центром высказывания. «Разнообразие форм выражения составного именного и составного глагольного сказуемого создаёт возможности для выражения различных оттенков значения, стилистической и эмоционально-экспрессивной окрашенности», – пишет Ю. А. Южакова [5, 143].

В центре нашего внимания в настоящей статье находится именная часть составного именного сказуемого как средства характеристики личности русского писателя, лексикографа, этнографа, собирателя фольклора Владимира Ивановича Даля в книге В. Порудоминского «Даль» из серии «Жизнь замечательных людей» [4].

Актуальность исследования объясняется тем, что его результаты позволят увидеть различные грани характера, жизни и творчества В. И. Даля через призму их отражения средствами синтаксиса.

Говоря о сущности характеристики, Н. А. Герасименко отмечает, что она «заключается в приписывании субъекту одного (в большинстве случаев) или нескольких чётко обозначенных признаков» [1, 203]; при этом «признак, названный в сказуемом, приписывается предмету, названному подлежащим» [2, 15]. Материалом исследования стали двусоставные предложения, в которых субъект-подлежащее выражен именем существительным Даль (или его заменителем – местоимением он), называющим героя книги.

Именной компонент составного именного сказуемого, которое используется при характеристике личности В. И. Даля, представлен разными частями речи: существительными, прилагательными в полной и краткой форме, а также в форме простой сравнительной степени. Таким образом, с точки зрения морфологического выражения именная часть характеризуется традиционными, типичными для русского языка способами выражения.

Что касается содержания, то наиболее полно и разнообразно именная часть сказуемого отражает черты характера В. И. Даля, который предстаёт перед читателем как глубоко порядочный человек. В. Порудоминский обращает внимание на такие его **черты характера**, как честность, бескорыстность: *В столице о нём говаривали: «Несносно честный и правдивый»; Но Даль бескорыстен – он не думает ни о славе, ни о прибыли, он радуется за сказку, радуется за всех, кому она завтра станет другом.*

С одной стороны, В. И. Даль показан человеком осторожным, спокойным и выдержанным: *Даль не перенял отцовской горячности, всю жизнь был ровен, спокоен и выдержан.* В. Порудоминский, говоря о характере В. И. Даля, приводит высказывания лексикографа о самом себе: *Даль говорил о себе, что был мальчик чужой, то есть послушный, смиренный.*

С другой стороны, он предстаёт смелым, нетрусливым, что также отражено в книге В. Порудоминского: *Даль, наверно, смельчаком непреднамеренно оказался; Но труслив он не был и через десять лет после окончания корпуса доказал это на полях сражений; И ещё, кстати: Даль был человек осторожный, но имели ли право предположить, что переосторожничал в ущерб своему достоинству (по собственному его объяснению – тому, «чего стоит человек»)?*

В. И. Даль по праву можно назвать человеком талантливым, преуспевшим в разных видах деятельности. Это оказалось возможным благодаря его любознательности, стремлению многое постичь. Примечателен окказионализм *легковоспламеним*, который используется в функции именной части сказуемого для характеристики В. И. Даля: *«К чему охота, к тому и смысл», – Даль был до многого охоч, он был легковоспламеним, внешне такой спокойный и рассудительный Даль, а воспламенившись и ощутив охоту, делал всё со смыслом.*

Несмотря на многочисленные умения, В. И. Даль был скромным, «нешумливым», как пишет В. Порудоминский, человеком: *Но Даль был нешумлив: в участии и одобрении «каждый труженик нуждается не ради тщеславия, а ради поддержки сил, требующих убеждения, что... труд пошёл на общую пользу».*

О скромности В. И. Даля говорит именная часть сказуемого в следующем предложении: *...А Даль был до автобиографий не охотник и уж никак не относился к людям, придающим значение частным событиям своей младенческой поры.*

Показывая изменения в характере В. И. Даля, происходящие с возрастом, автор книги использует в составе именной части сказуемого формы сравнительной степени прилагательных: *С годами Даль сделается мудрее и бережливее, перестанет выделывать сказки «на манер»: сперва признает, что если бы он «вздумал когда-нибудь издать собрание русских сказок, то, конечно, написал бы их гораздо проще и незатейливее» (однако здесь ещё несоответствие: «вздумал издать» и «написал бы»), потом он от этого «написал бы» вовсе откажется.*

В своей книге В. Порудоминский отмечает многогранность личности В. И. Даля и даёт характеристику **по роду его деятельности**. Прежде всего Даль показан как человек, мастерски владеющий словом: он литератор, корреспондент, рассказчик: *В письмах современников, даже литераторов, даже тех, для кого **Даль – литератор**, неизменно упоминается доктор Даль; Книга вышла и за границей (так благонамеренный **Даль** косвенно **оказался корреспондентом Вольной русской печати!**); **Даль** в столичном обществе быстро **стал** известным **рассказчиком** и по этому таланту (**Даль** бы предпочёл: «дарованию») – по дарованию рассказчика, автора устных рассказов, **признан был литератором**.*

Используя приём метонимии, В. Порудоминский при характеристике В. И. Даля в качестве именной части сказуемого использует названия его основных трудов: *В конце концов для нас, потомков, **Даль – это четыре тома «Толкового словаря живого великорусского языка», сборник «Пословицы русского народа».***

Автор говорит о других видах деятельности В. И. Даля: *За несколько десятилетий до того, как **Владимир Даль стал кадетом**, Курганов преподавал в корпусе математику, астрономию и навигацию; **Даль был морским офицером и врачом** в сухопутных частях, участвовал в войнах и походах, отличался в сражениях.*

В книге В. Порудоминского даётся характеристика В. И. Даля-моряка: *С первых же дней плавания выяснилось, что **Даль – никудышный моряк**.*

Говоря о многогранности личности В. И. Даля, В. Порудоминский отмечает его интерес к разным наукам и указывает на его научный статус: ***Даль был сведущ в разных науках – естественных, точных, гуманитарных («общественных»); Даль стал почётным членом Академии наук.***

В рассматриваемой книге автор даёт В. И. Далю характеристику **по его положению в обществе**. Выдающийся лексикограф показан человеком известным, уважаемым и неодиноким: *Однако и **Даль в обществе человек известный и уважаемый**, и статья его о воспитании замечена, прочитана и одобрена – самим Пироговым, в частности; Да и вне службы, как свидетельствует тот же Боборыкин, как можем мы судить на основании других источников, «одиноким» **Даль не был**.*

В. И. Даль был уникальным человеком, способным и развивающимся во многих сферах жизни, что очень ценилось в обществе. При характеристике положения и необходимости Даля в обществе автор использует в качестве именной части составного именного сказуемого сравнительную степень имени прилагательного **нужный**: ***Даль оказался нужнее в походе, чем предполагал**, – он ведь умел не только бумаги переписывать; лечил цинготных и обмороженных, придумывал из имеющихся под руками **снадобий «омеопатические»** лекарства; в истории военной медицины **остались изобретённые им подвесные «койки»** для перевозки больных на верблюдах.*

Помимо характера В. И. Даля, рода его занятий, положения в обществе, в книге В. Порудоминского показано отношение известного лексикографа к религии. Примечательно, что для придания изложению достоверности автор ссылается на П. И. Мельникова-Печерского – ученика и последователя В. И. Даля, автора «Воспоминаний о Владимире Ивановиче Дале»: *Мельников-Печерский горячо доказывает, что **Даль был «с юности православен по верованиям».***

Таким образом, составное именное сказуемое играет важную роль при характеристике личности В. И. Даля в книге В. Порудоминского «Даль». В рассматриваемом произведении автор даёт характеристику личности В. И. Даля в различных аспектах, чаще всего используются предложения, содержащие составное

именное сказуемое при характеристике черт характера Даля. При этом в роли именной части в этих сказуемых преобладают лексемы, выраженные именем существительным, а также полной и краткой формой имени прилагательного. В книге В. Порудоминского В. И. Даль предстает перед читателем честным и скромным человеком, с охотой приступающим к любому новому делу. Автор книги изображает всю многогранность личности Даля, указывая при этом на то, как он ценен был и остаётся для всего русского общества.

Список литературы

1. Герасименко Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование : монография. М. : Изд-во МГОУ, 2012. 292 с.
2. Герасименко Н. А. Оформление связи между главными членами бисубстантивного предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2015. № 4. С. 14–17.
3. Канафьева А. В. Риторическое высказывание как содержательно-концептуальная единица художественного текста // Рациональное и эмоциональное в русском языке : международ. сб. науч. тр. М. : Изд-во МГОУ, 2012. С. 217–223.
4. Порудоминский В. И. Даль. М. : Молодая гвардия, 1971. 384 с.
5. Южакова Ю. А. Об особых случаях расчленения составного сказуемого в русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 : сб. тр. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. П. А. Леканта (Москва, 19 ноября 2019 г.) / ред. кол. Н. Б. Самсонов (отв. ред.) [и др.]. М. : ИИУ МГОУ, 2019. С. 139–144.

Информация об авторе: *Корнеева Анастасия Артуровна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

**КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО «АХ» В АСПЕКТЕ ПРОЯВЛЕНИЯ
ПОДТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ГЛУБИННЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ
ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ
В «БЕДНОЙ ЛИЗЕ» Н. М. КАРАМЗИНА**

О. Н. Краснова

*г. Барнаул, Россия
olg.isupowa@yandex.ru*

Аннотация. На стыке литературоведения, психологии и теории текста изучаются возможности получения информации о глубинных художественно-психологических свойствах образа повествователя через анализ подтекста в связи с функционированием ключевого слова «ах». Исследуется соотношение глубинных художественно-психологических свойств образов повествователя и героини через рамку эмоций героини и рамку наблюдения повествователя. Показываются способы привлечения внимания читателя, а также его включения в рефлексию текста.

Ключевые слова: повествователь, ключевое слово, рамка наблюдения, рамка эмоций, подтекстовая информация

Для цитирования: Краснова О. Н. Ключевое слово «ах» в аспекте проявления подтекстовой информации о глубинных художественно-психологических свойствах образа повествователя в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 307–310.

В процессе анализа имплицитных источников информации о глубинных художественно-психологических характеристиках литературных героев на внутри-текстовом уровне мы обратились к исследованию подтекста. В аспекте высвобождения подтекстовой информации, ведущей к упомянутым свойствам героев, нами был рассмотрен мотивный текстовый уровень, а также уровень художественных психологических приемов; исследовались возможности текстовой деформации как приёма выявления подтекста.

В рамках данной статьи нами будут рассмотрены три сцены, вводящиеся повествователем: прощания Лизы с Эрастом перед его уходом на войну; ожидания Лизой Эраста после этого; последней встречи героев. Выбор указанных сцен мотивируется наличием в них ключевого слова «ах», которое включено в речь Лизы, занимает начальную позицию во фразах и является маркером подтекстовой информации.

Сцена прощания героев предваряется словами повествователя: «Наконец, пять дней сряду она не видала его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришел он с печальным лицом и сказал ей...» [2, с. 515]. Приведенный фрагмент содержит скрытую антитезу состояния героев, которая раскрывается в дальнейшем за счёт подтекстовой информации. Формально состояние Лизы и Эраста сходно с разницей в локализации (внутренней и внешней соответственно) и степени выраженности признака: «величайшее беспокойство», «печальное лицо».

Восклицание «ах» оформляет все этапы разговора героев. Необходимо заметить, что к каждому из этапов разговора Лизу подводит Эраст, рассказывая ей о необходимости службы; прося беречь себя «для друга твоего»; говоря о предстоящей «приятной минуте». Лизино «ах» в приведенных случаях – это эмоциональный отклик, инициированный героем.

Антитеза, заявленная во вводном тексте повествователя, развивается на первом этапе разговора, когда Эраст сообщает о необходимости расстаться из-за отъезда на войну. «Ах, когда так, – сказала Лиза, – то поезжай, поезжай, куда бог велит!» [2, с. 516]. Ключевое слово «ах» имеет контекстуальное значение «употребления при частицах с усилительным значением» [6, с. 52]. Для Лизы художественно-психологически усиливается значение слов Эраста о том, что остаться было бы «величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества» [2, с. 516].

Лиза «отпускает» Эраста на войну, так как она понимает, что это необходимо для отечества, и она с этим внутренне согласна. Таким образом, с помощью ключевого слова «ах» оказывается эмоционально зафиксированной искренность проявления мировоззренческой позиции Лизы относительно воинского долга. Аналогичные позиции Эраста являются противоположными.

Об этом свидетельствует деформация «у нас война». «Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идёт в поход» [2, 516]. Нормой является «в стране война». Таким образом, деформация проявляет цель Эраста, связанную с обозначением для Лизы его присутствия на войне как необходимого не только по внешней обязанности, но и по внутреннему личному побуждению. Дальнейшее поведение Эраста (постоянная игра в карты) подтверждает подтекстовую информацию о ложности обозначенной позиции и в отношении к Лизе, и к воинскому долгу.

Следующий этап разговора связан с притворной надеждой героя «возвратиться к тебе, моему другу» и сетованиями Лизы о невозможности переписки с Эрастом. «Ах, для чего не умею ни читать, ни писать! Ты бы уведомлял меня обо всем, что с тобою случится, а я писала бы к тебе – о слезах своих!» [2, с. 516].

Контекстуальное значение слова «ах» касается «употребления при высказывании, окрашенном каким-либо чувством» [6, с. 52], в данном случае – эмоционального порыва – намерения Лизы поддержать Эраста, якобы желающего вернуться к ней. «Дай бог! Дай бог! Всякий день, всякий час буду о том молиться» [2, с. 516]. Чувства горького сожаления, отчаяния из-за невозможности писать сопровождают этот порыв.

Итак, ключевое слово «ах» фиксирует проявляющееся на этом этапе разговора различие художественно-психологических установок героев, а также различные степени значимости происходящего для героев.

На третьем, завершающем этапе разговора ключевое слово «ах» так же, как и на первом этапе, имеет усилительное значение. Тем самым образуется «рамка», очерченная эмоциями героини, для которой усиливаются собственные вербализированные намерения¹ («Буду, буду думать об ней!» [минуте встречи]); ожидания («Ах, если бы она пришла скорее!»); предчувствия («Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более, нежели самое себя!»).

«Рамка» взгляда повествователя, в которую включена вся сцена, замыкается его словами: «Но я не могу описать всего, что они при сем случае говорили» [2, с. 517]. Таким образом, открывая «рамку», повествователь наблюдает и описывает наблюдаемое, а закрывая, продолжает наблюдать, отказываясь от описания. Такой приём художественно-психологически отсылает читателя к содержанию сцены, побуждая его рефлексировать раскрывающееся антитетическое противостояние героев.

¹ Е. И. Лелис говорит об особой архитектонике произведения, образованной с помощью подтекста [4, с. 72].

Ситуация ожидания Лизы в разлуке с Эрастом предваряется описанием состояния героини повествователем: «Она пришла в себя – и свет показался ей уныл и печален. Все приятности природы сокрылись для нее вместе с любезным ее сердцу» [2, с. 517].

Ключевое слово «ах» маркирует наличие подтекстовой информации, касающейся борьбы мотивов героини. «”Ах! – думала она. – Для чего я осталась в этой пустыне? Постой, постой, любезный! Я лечу к тебе!” – Уже хотела она бежать за Эрастом, но мысль: ”У меня есть мать!” – остановила её» [2, с. 517]. Мотив стремления к воссоединению с любимым сталкивается с мотивом продолжения бытия, соединённого с матерью.

Подтекстовая информация о борьбе мотивов раскрывается компактными средствами: «Лиза вздохнула¹ и, преклонив голову, тихими шагами пошла к своей хижине» [2, с. 517]. Вздох героини читается в контексте как движение души, которое реализуется в последующем физическом движении – преклонении головы – как символе выполнении долга². Итогом борьбы является возвращение домой, её краткость объясняется главенством, а также укоренённостью для семьи Лизы, как и для неё самой, мотива совместного бытия и взаимной поддержки. Тем не менее, внутренняя борьба оказывается трудной для героини, поэтому её шаги возвращения к долгу «тихие».

В сцене последней случайной встречи предвещающий текст повествователя отражает внешнюю ситуацию³ и контрастирует с последующей фразой, содержащей ключевое слово. «На одной из больших улиц встретила её великолепная карета, и в сей карете увидела она – Эраста. ”Ах!” – закричала Лиза и бросилась к нему...» [2, с. 518].

Ключевое слово «ах» контекстуально (с учётом включённости в более широкий контекст выше рассмотренных текстовых позиций) соответствует эмоции неизменной надежды Лизы на не изменившееся отношение Эраста. Поэтому сопровождающее речь героини восклицание является в данной позиции не только ожидаемым, но и необходимым.

В указанной текстовой ситуации «ах» звучит из уст героини последний раз в повести, причём в максимально громкой тональности, и фактор громкости даёт возможность извлечения подтекстовой информации.

В тексте повести ключевое слово «ах» употребляется в «негромких» звуковых контекстах 23 раза («часто нежная Лиза не могла удержать собственных слёз своих – ах! она *помнила...*», «А Лиза *думала*: ”Ах!”»; «Ах, матушка! – сказала Лиза»; «Ах, Лиза! – *говорила* она» и т.д.). Исключения составляют лишь ситуации первого появления Эраста около дома Лизы и последней встречи героев.

В сцене первого появления Эраста восклицание «ах» звучит так же максимально громко. «На другой день ввечеру сидела она под окном, прядла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочила и *закричала*: ”Ах!”»

¹ О связях в тексте повести слов «душа» и «дышать» подробно в статье Красновой О. Н. [3, с. 136–143].

² Вспомним старого монаха из начала повести, всю жизнь «преклонявшего колена перед распятием», т.е. выполнявшего долг. Слово «преклонив» также раскрывает подтекстовую информацию, так как нейтральным употреблением было бы «наклонив» или «склонив» [голову].

³ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка» пишет о соотношении диктума и модуса как сообщения и отношении к сообщаемому [1, с. 44].

Итак, названные ситуации связываются как начало и конец любви Эраста с обозначающим эти этапы «криком души» Лизы, проявляя подтекстов информацию о смысложизненной художественно-психологической важности этих событий для героини и создавая картину её эмоционального состояния¹.

По завершении сцены последней встречи Лизы и Эраста, когда тот приказывает слуге проводить «эту девушку со двора», ставя тем самым «точку» в отношениях и лишая бывшую возлюбленную «жизни и дыхания», («им только жила и дышала»), «ах» «возрождается» в речи повествователя. «Я забываю человека в Эрасте – готов проклинать его – но язык мой не движется – смотрю на небо, и слеза катится по лицу моему. *Ах!* Для чего пишу не роман, а печальную быль?» [2, с. 518]. Тем самым, материализуется подтекстовая информация о связанности ценностных аспектов мировоззрения повествователя и Лизы.

Подытоживая, отметим, что художественно - психологические состояния героини, фиксируемые контекстуальными значениями ключевого слова, функционирующего на протяжении сцены, образуют рамку эмоций героини, в черте которой проявляется подтекстовая информация о намерениях, ожиданиях, предчувствиях Лизы.

Проявляемая подтекстовая информация о глубинных художественно-психологических свойствах героини соотносится с аналогичными свойствами образа повествователя через его рамку наблюдения.

Включение рамки эмоций героини в рамку наблюдения повествователя способствует вводу читателя в процесс рефлексии сцены. При этом внимание читателя фиксируется на раскрываемой в сцене подтекстовой информации, маркируемой ключевыми словами.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
2. Карамзин Н. М. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. Л. : Худож. лит., 1984. 672 с.
3. Краснова О. Н. Христианская тематическая лексическая группа в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» // Гуманитарные чтения «Свободная стихия» : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. Севастополь : ФГАОУ ВО СГУ, 2018. С. 136–143.
4. Лелис Е. И. Узкий и широкий подходы к пониманию подтекста // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2012. Вып. 2. С. 70–74.
5. Пушкарёва Н. В. Эмоциональный подтекст как средство передачи модусных смыслов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 231–234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-podtekst-kak-sredstvo-pereda-chi-modusnyh-smyslov>
6. Словарь русского языка. АН СССР : в 4 т. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1. 696 с.

Информация об авторе: Краснова Ольга Николаевна, аспирант кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (г. Барнаул, Россия).

¹ Пушкарёва Н. В. вводит понятия эмоционального подтекста, позволяющего осветить особенности художественно-психологического мира литературного героя [5, с.231–234].

СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Е. Д. Ладугина

г. Пенза, Россия
led2102@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются семантика и особенности функционирования качественных и относительных прилагательных в текстах поэтических произведений М. Цветаевой.

Ключевые слова: имена прилагательные, качественные прилагательные, относительные прилагательные, М. Цветаева, текст поэтического произведения

Для цитирования: Ладугина Е. Д. Семантика и особенности функционирования имён прилагательных в поэтических текстах М. Цветаевой // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 311–313.

Имена прилагательные в системе выразительных ресурсов морфологии находятся в особом положении в сравнении с другими частями речи. Умение автора найти художественное определение нередко выступает критерием хорошего слога. Несмотря на достаточно обширную разработанность проблем имён прилагательных, они до сих пор вызывают интерес лингвистов, в частности, с точки зрения функционирования в текстах произведений конкретного автора.

Цель данной работы – рассмотреть семантику и особенности функционирования относительных и качественных прилагательных в текстах поэтических произведений М. Цветаевой.

Относительные прилагательные обозначают постоянные, неизменяющиеся и не зависящие от субъективного восприятия говорящего/пишущего свойства предметов, поэтому их основная функция в текстах – информативная [2, с. 232]. Однако следует отметить, что имена прилагательные данного разряда обладают потенциальной возможностью приобретать переносно-метафорическое значение, что обусловлено индивидуально-авторским восприятием реалий окружающего мира.

Анализ функционирования относительных и качественных прилагательных был проведён на материале поэтических текстов М. Цветаевой (всего проанализировано 78 стихотворений, исследовано 255 языковых единиц (349 словоупотреблений)).

Относительные прилагательные были сгруппированы в несколько тематических групп, где признак предмета указывает на разнообразные отношения:

1) к лицу (96 языковых единиц, 124 словоупотреблений): *жандармские груди, немецкое пиво, шекспировские трагедии, рыцарский доспех* и др.;

2) к отвлечённому понятию (69 языковых единиц, 105 словоупотреблений): *вечный дым, мнимая рука, ответная улыбка, любовный голод* и др.;

3) к материалу, из которого сделан или состоит предмет (25 языковых единиц, 33 словоупотреблений): *картонный домик, железное кольцо, чугунный обод, замшевая сумка, плюшевый плед* и др.;

4) к действию, виду активности как свойству предмета (18 языковых единиц, 20 словоупотреблений): *плавучий остров, бродячий невец, трепещущим ступенькам* и др.;

5) к назначению предмета (17 языковых единиц, 18 словоупотреблений): *свалочная яма, письменный стол, бритвенный прибор, печатный бланк* и др.;

6) ко времени (12 языковых единиц, 29 словоупотреблений): *вечерние поезда, утренняя заря, завтрашний лак, ночные шёпота* и др.;

7) к месту (9 языковых единиц, 11 словоупотреблений): *польский край, береговая линия, румынская область* и др.;

8) к количеству (8 языковых единиц, 8 словоупотреблений): *двухзвёздный пропад, трёхсаженное кресло, двустворчатый шкаф* и др.;

9) к возрасту (1 языковая единица, 1 словоупотребление): *десятилетний мальчик*.

Таким образом, относительные прилагательные очень разнообразны по семантике; наиболее употребительны относительные прилагательные, указывающие на отношение к лицу или предмету, а также выражающие отношение к отвлечённому признаку.

Относительные прилагательные в текстах М. Цветаевой часто развивают качественные значения. Ярким примером служит прилагательное *железный*, которое в зависимости от контекста является то качественным, то относительным. Ср.: *Дарю тебе железное кольцо...* («П. Антокольскому») и *Есть времена – железные! – для всех...* («Андрей Шенье»). В первом случае прилагательное относительное и имеет значение «сделанный из железа», а во втором оно употреблено в переносном значении – «очень тяжёлый, суровый» и является качественным.

Другое относительное прилагательное – *золотой* – так же, как и вышеуказанное прилагательное, имеет прямое значение, связанное с указанием на материал, т.е. «сделанный из золота», но в текстах М. Цветаевой может употребляться в переносном значении «счастливые»: *О золотые времена, Где взор смелей и сердце чище!* («Книги в красном переплете»).

В переносном значении употребляются и многие другие относительные прилагательные, например, *ржавый*, то есть покрытый ржавчиной, является относительным в контексте: *Жизнь выпала – копейкой ржавою!* («Вчера ещё в глаза глядел...»), а в другом случае приобретает значение цвета и переходит в разряд качественных: *По пескам – жадным и ржавым...* («Ученик»). Прилагательное *стальной* употребляется в тексте М. Цветаевой в значении «крепкий» и является качественным: *Стальная выправка хребта И воронёной стали волос* («Кн. М. С. Волконскому»).

Обратим внимание, что относительные прилагательные, переходя в разряд качественных, часто приобретают и морфологические особенности последних: становится возможным образование от этих прилагательных кратких форм: *Мы за уроком так тихи, Так пламенны в манеже. У нас похожие стихи. И сны одни и те же* («Тройственный союз»); переходя в разряд качественных, относительные прилагательные способны образовывать степени сравнения: простую сравнительную степень: *В мир – одушевлённой некуда!* («Поэма лестницы»); *Нежно светлеют губы, и тень золоче* *Возле запавших глаз* («После бессонной ночи слабеет тело...») (таким образом достигается более высокая степень интенсивности проявления признака в предмете, который является обладателем не просто жёлтого, а «более золотого» цвета); простую превосходную степень: *Владением бесплотнейшим* *Какая разлилась Россия – в три полотнища!* («Рассвет на рельсах»); составную превосходную степень: *Чтоб и в самом сонном сне Тебя не вспомнил...* («Молодец»); *Чешский лесок – Самый лесной* («Один офицер») *Мне все – равны, мне всё – равно; И, может быть, всего равнее – Роднее бывшее – всего* («Тоска по Родине»).

Таким образом, относительные прилагательные обладают большими возможностями для образования переносно-метафорических значений, что используется в своих текстах поэта, поэтому так часто встречается явление перехода

прилагательных этого разряда в качественные. Переходя в разряд качественных, относительные имена прилагательные в поэтических текстах М. Цветаевой зачастую приобретают способность образовывать краткие формы и формы степеней сравнений. Окказиональные формы степеней сравнения являются средством выражения субъективного восприятия лирической героиней объективной действительности.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001. 711 с.
2. Валгина Н. С. Современный русский язык : учебник. М. : Логос, 2002. 528 с.
3. Цветаева М. Любви старинные туманы. М. : Эксмо, 2010. 352 с.

Информация об авторе: *Ладугина Екатерина Дмитриевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ОБРАЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»: СТРУКТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Л. Н. Мазуркевич¹, Р. Ю. Лисовец²

^{1, 2} г. Мозырь, Республика Беларусь

¹ sidora-71@tut.by

² reginaiaroshik@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются функциональные особенности обращений на материале повести М. А. Булгакова «Роковые яйца» с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. В результате анализа выделяются и изучаются основные тематические группы обращений согласно лексико-грамматической и функциональной отнесенности их. Выявленные обращения различны по своей структурной организации. В тексте повести они выполняют такие основные текстообразующие функции, как привлечение внимания собеседника, выражение отношения говорящего к собеседнику, передача отношений между собеседниками. Делается вывод о том, что обращение – неотъемлемая часть художественного пространства текста сатирической повести М. А. Булгакова «Роковые яйца».

Ключевые слова: обращение, повесть, структурные особенности, текстообразующий элемент, типы обращений

Для цитирования: Мазуркевич Л. Н., Лисовец Р. Ю. Обращения в повести М. А. Булгакова «Роковые яйца»: структурный и функциональный аспекты // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 314–318.

Обращение – грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь [5, с. 340]. Оно является не только важной текстовой единицей, осложняющей строй предложения, предназначенной максимально актуализировать информацию с целью привлечения внимания, усиления практической направленности, но и тем лингвокультурологическим компонентом речевой ситуации, с помощью которого можно узнать многое об участниках коммуникативного акта, их социальной принадлежности, уровне воспитания, образования, а также непосредственно об отношениях персонажей между собой.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий обращение рассматривают как особый речевой акт, ориентированный на привлечение внимания адресата [1; 8; 9]. В предложениях обращения выполняют разнообразные семантические функции, что обусловлено взаимодействием внутренних и внешних языковых факторов, которые образуют определенный контекст, где и проявляется прагматическое значение обращений. Вместе с тем выбор обращения обуславливает оформление контекста высказывания, что превращает его (обращение) в яркое текстообразующее и стилистическое средство. При анализе языкового материала мы опираемся на классификацию обращений по лексико-функциональному критерию, предложенному А. А. Брыковой [2].

Обращение стало выразительным средством в тексте сатирической повести М. А. Булгакова «Роковые яйца». Практически все выявленные обращения выражены именами существительными, реже – местоимениями. По способу употребления преимущественно являются многословными, отличаются интонационными оттенками произношения, что непосредственно связано с их месторасположением

в контексте. Распространенные обращения структурно организованы из сочетания слов, позволяющих высказать разнообразные модальные оттенки (благодарности, умиления и т.д.): – *Нет, дорогие мои. – И от избытка чувств он похлопал охранителя по плечу* [3, с. 187].

Обращение в начале предложения имеет очевидную звательную интонацию: – *Панкрат,пусти этого с тротуара!* [3, с. 208]; – *Щукин, беги..., – промычал он, всхлипывая* [3, с. 238]; – *Степановна, землю буду есть, что кур твоих испортили* [3, с. 200]; – *Вы поедете с нами, – сказал Щукин, обращаясь к Александру Семёновичу, – покажете нам где и что....* [3, с. 234]; – *Александр Семёнович, – прозвучал в этот момент голос жены Рокка и белая кофточка мелькнула, скрылась и опять мелькнула в малиннике* [3, с. 232]. Вынесение обращения за пределы предложения актуализирует его в структуре текста, т. к. звательная интонация в таком случае проявляется наиболее выразительно: – *Панкрат! – закричал профессор в бешенстве* [3, с. 195]. При наименьшем интонационном и логическом выделении обращение обычно размещается в середине (при этом возникает некая интонация вводности по причине ускоренного темпа говорения и понижения голоса) или в конце предложения (обращение в таком случае слабо выражено интонационно и не окрашено смысловыми или модальными значениями): *А какая же, по вашему мнению, профессор, причина теперешней катастрофы?* [3, с. 209]; – *Ведь за это же его, Петр Степанович, убить мало! Что же они делают? Ведь они же погубят институт!* [3, с. 183]; – *А как же вы, профессор?* [3, с. 219]; – *Это вас, господин профессор, – восхищенно шепнул толстяк и повис на рукаве профессора, как гиря* [3, с. 198]; – *Как, разве вы не читали, профессор? – нежно спросил Альфред* [3, с. 209]. Единично встречающееся повторное обращение, размещенное в начале предложения, обусловлено необходимостью логического выделения его и употреблено для усиления эмоциональной выразительности произнесенной фразы: – *Владимир Ипатъич! Владимир Ипатъич, – загремел в коридоре института голос Иванова* [3, с. 241].

По своим лексико-грамматическим и функциональным особенностям выделяются в тексте следующие тематические группы обращений: имена собственные в роли обращений; этикетные обращения; обращения-характеристики; обращения-классификации. В количественном отношении преобладают имена собственные, имеющие конкретного адресата, т.к. обращения адресованы реальным действующим лицам. Следует отметить, что в данном случае на выбор варианта имени собственного (чаще всего по имени и отчеству) влияет социальный статус персонажей повести, их условное равенство (неравенство), что в целом определяется существующими правилами речевого этикета: – *Я, Пётр Степанович, когда опубликую работу, напишу, что камеры сооружены вами, – вставил Персиков, чувствуя, что заминочку надо разрешить* [3, с. 190]; – *Ей богу, Александр Семенович, ты совсем помешался со своими яйцами и курами. Отдохни ты немножко!* [3, с. 228]; – *Да ты глянь, глянь, Матрена, – бормотала попадьё, всхлипывая громко и тяжело, – ты глянь, что с ей!* [3, с. 199]; – *Степановна, землю буду есть, что кур твоих испортили. Где ж это видано!* [3, с. 200]; – *Что ты, Степановна, али еще?* [3, с. 198]; – *Ну что же, Иван Вонифатьевич, не беда, пускай завтра утром выпускают экстренное приложение* [3, с. 240]; – *Маня. Ты слышишь?* [3, с. 228]; – *Если они не прекратят эти безобразия, Марья Степановна, я уеду за границу* [3, с. 182]. В данной группе обращений отмечаются и усеченные формы отчества, характерные для разговорной речи: – *Владимир Ипатъич, я установил брыжсейку, не хотите ли взглянуть?* [3, с. 185]; – *Вы понимаете, – продолжал он страстно, – Владимир Ипатъич, герои Уэллса по сравнению с вами просто вздор...* [3, с. 192]. Фиксируются и обращения, где формы имени образованы с помощью уменьшительно-

ласкательного суффикса: – *Знаешь, Манечка, пойдём посмотрим на яички, – предложил Александр Семенович* [3, с. 228]; – *Нет, Манечка, пойдём* [3, с. 228]; – *Васенька! – негромко окликнул ангел того, который сидел в передней* [3, с. 205]; – *Ну, Васенька?* [3, с. 205], что позволяет продемонстрировать положительную оценочную функцию. Достаточно часто используются и обращения, где имена собственные сочетаются с приложением-существительным, обозначающим ученую степень: *Будем говорить прямо: вы открыли что-то неслыханное, – видимо с большой потугой, но все же Иванов выдавил из себя слова: – профессор Персиков, вы открыли луч жизни!* [3, с. 191]. В роли имени-обращения в тексте использован и единичный онимизированный апеллятив, имеющий в своей основе название птичьей породы: – *Хохлаточка, миленькая... цып-цып-цып... испей водицы, – умоляла Матрешка и гонялась за клювом хохлатки с чашкой, но хохлатка пить не желала* [3, с. 199].

В качестве этикетных обращений, которые исследователь А. А. Брыкова предлагает рассматривать как исторически обусловленные (статусные обращения, которые выступают в качестве нейтральных маркеров социальной роли человека в обществе определенного исторического периода) и исторически не обусловленные (регулятивы и гендерные обращения, употребление которых в этой функции зафиксировано словарно, но не ограничивается какой-то конкретной исторической эпохой) [2, с. 37–38], писателем используются такие существительные, как *господин, товарищ, гражданин*: – *Три копейки, гражданин! – закричал мальчишка и, вжимаясь в толпу на тротуаре, вновь завыл: – «Красная Вечерняя Газета», открытие икс-луча!!* [3, с. 196]; – *И вот к вам, товарищ, с секретным отношением* [3, с. 217]; – *Спасибо вам, и от души благодарен, – распекал его Александр Семенович, – что вы, товарищ, думаете?...* [3, с. 230]. Подобное смешанное употребление непосредственно зависит от времени написания повести (а это 20-е годы XX века), когда в обществе происходила смена устоявшейся системы, связанная с появлением новой, послереволюционной [6, с. 58].

В тексте повести обращения *господин (гражданин)* употребляются либо самостоятельно, либо в сочетании с существительным, указывающим на должность, называющим фамилию: – *Господин профессор, – начал незнакомец приятным сиповатым голосом, – простите простого смертного, нарушившего ваше уединение* [3, с. 196]; – *Может быть, вы мне, господин профессор, хоть описание вашей камеры дадите? – заискивающе и скорбно говорил механический человек* [3, с. 197]; – *Здравствуйте, гражданин профессор* [3, с. 206]; – *Что я своего дела не знаю, – обиделся наконец воин, – что вы меня попрекаете даром, товарищ Рокк!* [3, с. 230]. В повести слово *господа* используется и при обращении к животным: – *Но как же это так? Ведь, это же чудовищно!... Это чудовищно, господа, – повторил он, обращаясь к жабам в террарии, но жабы спали и ничего ему не ответили* [3, с. 186], что, безусловно, демонстрирует иронию и выступает как средство языковой игры.

Употребляются в тексте и регулятивы – особый тип обращений, функция которых заключается в создании коммуникативно благоприятной атмосферы [4, с. 93], а также примыкающие к ним гендерные обращения, которые используются как знак вежливого общения с незнакомыми людьми для установления социального контакта. В роли регулятивов выступают слова, объединенные тематической группой ‘семья’, в функции вторичных номинаций: – *Эх, папаша! – крикнула она низким сиповатым голосом, – что ж ты другую-то калошку пропил!* [3, с. 188]; – *Отец, что, ночная на Волхонке открыта? Мы туда!* [3, с. 188]; – *Выручайте, братцы, – зазывали с тротуаров, – бейте гадов... спасайте Москву!* [3, с. 187]; – *Как, вы не знаете, чем отличаются голые гады от пресмыкающихся? – спрашивал*

Персиков. – Это просто смешно, молодой человек [3, с. 183]. Среди обращений-регулятивов, не относящихся к названной группе, отмечаются слова друг и голубчик в позиции обращения: Вот что, друг, в мой кабинет завтра утром не ходите [3, с. 187]; – Иди, Панкрат, – тяжело вымолвил профессор и махнул рукой, – ложись спать, миленький, голубчик, Панкрат [3, с. 221].

Традиционно обращения-классификации характеризуют того, к кому обращаются с речью, согласно роду занятий, занимаемой должности, званию и т.д.: *Будем говорить прямо: вы открыли что-то неслыханное, – видимо с большой потугой, но всё же Иванов выдал из себя слова: – профессор Персиков, вы открыли луч жизни! [3, с. 191]; – Эй, таксомотор! На Пречистенку! [3, с. 198].* Кроме того, эти обращения могут быть использованы в качестве апеллиатива, заменяющего имя и отчество адресата: *– Вообще все, что вы скажете, профессор [3, с. 208]; – А какая же, по вашему мнению, профессор, причина теперешней катастрофы? [3, с. 209]; – Как, разве вы не читали, профессор? – нежно спросил Альфред [3, с. 209]; – Но как же, профессор? – мягко шепнул Бронский и развернул лист [3, с. 210]; – А как же вы, профессор? [3, с. 219]; – Я, профессор, был на вашем докладе [3, с. 219].* В отдельных случаях обращение профессор употребляется в сочетании с прилагательными *дорогой, глубокоуважаемый*, что становится возможным в неофициальной обстановке: *– Что вы скажете за кур, дорогой профессор? [3, с. 208]; – Пару минуточек, дорогой профессор, – заговорил Бронский, напрягая голос с тротуара, – я только один вопросик, и чисто зоологический [3, с. 207]; – Прошу тысячу раз извинения, глубокоуважаемый профессор, – заговорил молодой человек тонким голосом [3, с. 194].*

Обращения-характеристики, выполняющие экспрессивно-оценочную функцию и служащие для создания определённой тональности общения, как правило, непринужденной, дружеской, иногда фамильярной [7, с. 201], представлены в тексте повести немногочисленными примерами бранных обращений, где они присутствуют либо в диалоге и передают резко негативное отношение профессора Персикова к репортерам: *– Никаких у меня детишек нету, сукины дети! – заорал Персиков и вдруг попал в фокус черного аппарата... [3, с. 198]; – Каков, мерзавец? А? – дрожь от негодования, зашил Персиков механическому человеку, – как вам это нравится? [3, с. 198],* либо во внутреннем монологе профессора, характеризуя его отношение к возникшей ситуации: *– Тьфу, дурак, – профессор наклонился и задумался, глядя на разно обутые ноги, – гм... как же быть? [3, с. 188].* Кроме того, негативную эмоциональную оценку могут приобретать и местоимения, выступающие в роли обращений: *– Ну что вы скажете? Вот народ! Ну что вы сделаете с таким народом? [3, с. 228].* Изредка фиксируются и оценочные обращения, представленные экспрессивными наименованиями с положительной семантикой: *– Ты знаешь, дорогой Панкрат, – продолжал Персиков, отворачиваясь к окну, – жена-то моя, которая уехала лет пятнадцать назад, в оперетку она поступила, а теперь умерла, оказывается Вот история, Панкрат милый... [3, с. 220].*

Включение такого лингвистического элемента текстовой, диалогической и сюжетной связности как обращение в структуру предложений, диалогических реплик и иных контекстов – характерная черта синтаксиса сатирической повести М. А. Булгакова «Роковые яйца». Выявленные обращения разнообразны по своей семантике и структуре. Из единицы речевого этикета они превращаются в средство интерпретации художественного текста, приобретая разнообразные смысловые оттенки и выполняя такие основные текстообразующие функции, как привлечение внимания собеседника, выражение отношения говорящего к собеседнику, передачу отношений между собеседниками.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Проблемы коммуникации // Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 643–686.
2. Брыкова А. А. Семантика и прагматика обращений (на материале журналов для детей 20–40-х гг. XX в. «Еж» и «Чиж») : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2016. 244 с.
3. Булгаков М. Сочинения: Романы. Повести. Рассказы. Минск : Университетское, 1989. 430 с.
4. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. 2-е изд., испр. и доп. М. : URSS, 2009. 136 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 340–341.
6. Трофименко В. П., Волгин А. Н. Поговорим об этикете. М. : Московская правда, 1991. 96 с.
7. Формановская Н. И. Культура общения и речевого поведения. М. : URSS, 2018. 238 с.
8. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Рус. яз., 2002. 213 с.
9. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. М. : КомКнига, 2006. 156 с.

Информация об авторах: *Мазуркевич Людмила Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь); *Лисовец Регина Юрьевна*, студентка Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь).

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «ФОНОВЫХ» ПОЭТОНИМОВ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ДРАМЕ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА УГАРОВА «ЗЕЛЁНЫЕ ЩЁКИ АПРЕЛЯ»

И. М. Петрачкова

*г. Гомель, Республика Беларусь
innamihail@mail.ru*

Аннотация. Показывается значимость «фоновых» имён собственных, функционирующих в постмодернистской драме конца XX в. М. Угарова «Зелёные щёки апреля». Анализируется ономапоэтическое пространство пьесы, выявляется специфика номинаций второго плана. Исследуется прагматический потенциал «фоновых» проприальных единиц в текстовом корпусе драмы М. Угарова. Устанавливается влияние выбора данных ономапоэтических средств на создание пародийно-ироничного авторского контекста, отражающего взгляды современного русского драматурга на исторических деятелей революции 1917 г. Материалы ономастических изысканий найдут практическое применение в научно-исследовательской, педагогической деятельности литературоведов и лингвистов.

Ключевые слова: постмодернистская драма, имя собственное, заглавие, поэтоним, проприальная единица, прагматический аспект

Для цитирования: Петрачкова И. М. Прагматический потенциал «фоновых» поэтонимов в постмодернистской драме Михаила Юрьевича Угарова «Зелёные щёки апреля» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 319–323.

Язык произведений театрального искусства конца XX века, включая и его ономапоэтическое пространство (поэтонимосферу), является той лакуной, которая требует своего детального и глубокого исследования. Имена собственные (далее ИС) в свою очередь являются значимой составляющей языка любого художественного текста (ХТ), в том числе и произведений, написанных для театра. Ведь драматургия – это пласт русской словесности, чаще всего представленный на суд широкому читателю / зрителю, будь то литература, театр или кинематограф. Исследованию «фоновых» номинаций, на наш взгляд, в ономапоэтике практически не уделялось должного внимания при изучении художественного контекста (ХК) литературного произведения. Между тем эта группа ИС весьма многочисленна и значима. Данные онимы, порой, могут выступать в качестве изобразительного средства – ономастической детали. Вкрапление «фоновых» ИС в драме моделирует подробности многогранного материального мира (обстановку, дислокацию, интерьер, предметы культуры), формирует наглядно-образное представление и характеристику персонажей (их окружение, интересы, увлечения). В этой связи исследование поэтонимосферы исторической пьесы М. Угарова, весьма актуально, поскольку понимание выбора ИС автором, их информативности, смысловой нагруженности, обусловленности ХК и стилистикой такого феноменального стилистического метода, как постмодернистская драма, позволят читателю / зрителю постичь культурные литературные коды писателя, наиболее глубоко осмыслить творческую концепцию мастера слова.

Цель нашей работы – установление прагматических смыслов у номинаций второго плана в ХК, так называемых «фоновых» проприальных единиц поэтонимосферы драмы М. Угарова «Зелёные щёки апреля»; определение специфики авторских предпочтений в выборе ИС, присущей творческой манере драматурга. Объектом

исследования данной статьи стала «опера первого дня» [1, с. 143] «Зеленые щеки апреля» (1994 г.), коренным образом отличающаяся от традиционных драм «вампиловского» и «поствампиловского» периодов развития современной русской драматургии. Предметом изыскания являются «фоновые» ИС, функционирующие в данном произведении, их значимость, статус, семантическая нагрузка и особенности употребления. Статья отражает результаты применения системного подхода к классификации ИС, функционирующих в ХТ, раскрывает дескриптивный, когнитивный, лингвокультурологический, парадигматический, прагматический аспекты их анализа, а также метод количественных подсчетов. Нами выявлено и проанализировано свыше 50 ИС второго плана, отобранных путём сплошной выборки из авангардной драмы М. Угарова «Зеленые щеки апреля». Данные ономапоэтические средства органично вплетены в текстовый корпус пьесы и отражают стилистику того художественного метода, в рамках которого автор осуществлял креативную модернизацию русского театра.

Основным ориентиром в авторских предпочтениях поэтонимов у художника слова, на наш взгляд, остается прагматическая направленность их использования в самом широком понимании смысла этой дефиниции. В ХТ существуют поэтонимы «лёгкие» и «трудные» для восприятия: в одних ИС почти все лежит на поверхностном уровне, другие для понимания требуют умственных усилий или специального анализа. В связи с этим, по нашему мнению, прагматическим потенциалом в узком смысле обладает каждый настоящий поэтоним, поскольку он предстает как совокупность выбранных автором определенных жизненных мотиваций, облеченных в форму языка и «пропущенных» сквозь призму писательского сознания, которое через ХТ взаимодействует с сознанием и личностью читателя. В итоге ИС обретает смысл через механизм «раскодирования» его читателем, и у каждого читателя / зрителя может возникнуть свое восприятие поэтонима (информационное, эмоционально-экспрессивное, индифферентное и под.). Прагматический потенциал ИС в широком смысле связан не только со множеством возникающих ассоциаций о денотатах-носителях ИС, но и с ценностью, полезностью (их смысла, количества, структуры, стилистической маркированности и прочих показателей) использования данных языковых единиц при создании писателем ХТ драмы с точки зрения достижения им своих целей, реализации авторской концепции. Этот аспект непосредственно связан с практическим использованием информации, содержащейся в поэтонимах, с соответствием ее основной целевой функции работы поэтонимосферы, как единой системы. В постмодернистской пьесе писателя М. Угарова проприальные единицы обладают определенной прагматикой.

Весь комплекс ономапоэтических средств, используемых художником слова в ХК драмы с точки зрения парадигматики условно можно разделить на две группы: *антропоэтонимы* (40 языковых единиц) и «*фоновые*» *номинации* (50 ИС). Как видим, «фоновые» онимы – наиболее многочисленная группа ИС в ХК пьесы. В авангардной драме исторической направленности они обладают своей спецификой, выполняют информационно-стилистическую и эмоционально-стилистическую функции. «Фоновые» номинации сообщают информацию о денотате (причем, не в полной мере, а только ту, что нужна для текстового пространства) и одновременно реализуют оценочный компонент, т.е. определенные чувства по отношению к изображаемому. Более того, именно эти онимы содержат в себе яркие идеологические и страноведческие коннотации [об этом подробнее: 3, с. 193, 197]. Номинации второго плана создают эффект реальности, материальности художественного бытия. К группе «фоновых» ИС (54 % всех номинаций ХТ) принадлежат: гидронимы [4, с. 46] – озеро *Цюрихерзее / Цюрихское озеро*, река *Мокша*, притоки *Сатис, Мокиш*, реки *Пушта, Саровская, Сарма, Варнава, Шокиа, Еремша*,

Мердуш, притоки *Аксель*, *Ужевка*, *Юзга*, *Вад*, *Балтийское море*, река *Ока*, *Японское море*, хоронимы [4, с. 160] – *Тамбовская губерния*, *Япония*, *Италия*, *Германия*, *Цюрих*, *Люцерн*, *Темников*, город *Лебедян*, *Вальгалла*, урбаноним [4, с. 154] – *Вестминстерский Биг-Бен*, библеизм – *Бог*, зоонимы [4, с. 58] – клички коней валькирий *Глад*, *Глер*, *Скейдбримир*, *Сильверинтопт*, *Фальхофнир*, *Леттфети*, фитоним [4, с. 158] – *Баум* (ива), порейонимы [4, с. 112] – велосипед «*Роллей олл стил*», крейсер «*Паллада*», прагматонимы [4, с. 113] – *часы Рифлер*, *часы Патек Филипп*, *часы Мозер*, идеонимы [4, с. 161] – опера «*Волшебная флейта*», ария *Папагено «Известный всем я птицелов»*, мелодия «*Мессия*», книга «*Фрегат “Паллада”*», «*Зеленые щеки апреля*», хрононим [4, с. 162] – *Мукден* (сражение во время русско-японской войны), эпонимы [4, с. 165] – *болезнь Трейвса*. *болезнь Парри*.

Так, главное «фоновое» ИС любого произведения – это его заглавие. В языковом плане заголовок представляет собой название, то есть имя текста, которое привлекает внимание читателя / зрителя. Он играет важнейшую роль в содержательной структуре произведения: формирует читательскую догадку относительно темы произведения, передает в концентрированной форме основную идею ХТ, является ключом к его пониманию. Заглавие (однозначно оно или многозначно) может быть осмыслено лишь в результате восприятия текста как структурно-семантического единства, характеризующегося своей целостностью и связностью. Идеоним «*Зеленые щеки апреля*» в плане грамматического оформления представляет собой единое синтаксическое целое, а именно номинативное предложение, хотя и с весьма экстравагантным, в духе постмодернизма, метафоричным смысловым наполнением. Безусловно, М. Угаров уже в самом начале драмы стремится обосновать выбор такой номинации, давая исчерпывающую характеристику времени и месту действия «оперы первого дня». В ремарках драматурга активно визуализируется все, что прямо или опосредованно связано с лексемами «*апрель*» и «*зелень*»: «*Апрель 1916 года, Цюрихское озеро*. Сцена представляет собой природу. *Апрель*. <...> В центре сцены, на холме, – одинокая старая ива. Листья её то оборачиваются серебром, то вновь плавно переходят в густую зелень. <...> В левой стороне сцены большое озеро – *Цюрихерзее*. Вода в нём зеленоватого цвета, в *апреле* оно цветет <...> Берег озера зарос высокими и узкими травами ...» [1, с. 144]. Повсюду трава, можжевельник и чертополох, порхают «синие, темно-лиловые, мокро-зелёные» [1, с. 144] бабочки. С другой стороны, заголовок «*Зелёные щёки апреля*» демонстрирует не только период весеннего благоухания, оживления природы и место действия (*Цюрихское озеро / Цюрихерзее*), но и обладает более глубоким идеологическим подтекстом. Ведь речь в драме идет об известных персонах, Ульянове и Крупской, чья деятельность повлияла на ход истории и дальнейшую судьбу России. Достоверно известно, что Владимир Ленин провёл в Швейцарии в общей сложности семь лет. Именно в *Цюрихе*, рождаются его многие работы, в том числе разрабатываются и широко известные «*Апрельские тезисы*», которые фактически представляли собой революционную программу большевистской партии и были произнесены 17 апреля 1917 года в Петербурге, как раз ровно через год после описываемых в драме событий («*Апрель 1916 года*» [1, с. 144]). Спустя полгода после выступления вождя в России произошла революция, коренным образом изменившая историческую судьбу страны и весь миропорядок. Так, на наш взгляд, по замыслу М. Угарова в заголовок драмы заложен идеологический подтекст: выбор идеонима «*Зеленые щеки апреля*» ассоциируется со значимой исторической работой лидера мирового пролетариата «*Апрельскими тезисами*», написанной им под влиянием жизненных событий и впечатлений в период нахождения политика в *Цюрихе* и повлиявшей на ход истории. Несомненно, введение в текст реальных

географических названий (*озеро Цюрихерзее / Цюрихское озеро, Цюрих, Люцерн*) и других «фоновых» номинаций уже обусловлено избранными антропонимами исторических персон и используется писателем как для отражения топографической достоверности, так и некоторых биографических фактов известных деятелей прошлого.

Прагматизм «фоновых» онимов ХТ состоит в применении разных именословов (русского и иноязычного), которые отчетливо противопоставляются в ХТ «оперы первого дня». Драматург неслучайно вводит этот контраст. Прежде всего, он хочет развенчать образ вождя революции и его спутницы, которым по душе немецкие слова и названия, скандинавский эпос и культурный уклад жизни Швейцарии. Так, когда Володя из уст своего собеседника Сережи слышит исконно русские названия городов (город *Лебедянь, Темников*), деревень (*Пошаты, Теньгушёво, Суморево, Шотылево, Кадом*), рек и их притоков (*Мокша, Сатис, Пушта, Саровка, Сарма, Варнава, Шокиа, Еремша, Мёрдуш, Аксель, Ужёвка, Юзга и Вад*), то откровенно морщится и выражает свое пренебрежение к таким именам, указывая на то, что в будущем обязательно необходимо как-то «*обустроить Россию*» [1, с. 162]. Вот как Лисицын, считая себя эстетом и знатоком культуры, реагирует на указанные выше топонимы: «*Что такое вы говорите: Мокша-Шокша, Еремша, Мердуш... Фу! Разве может так называться хоть что-нибудь на свете? Ох, эти бедные речки, эти скудные селенья...*» [1, с. 152–153]; или «*... (всплеснув руками). Это так деревни называются? Зачем? Нельзя ли как-нибудь улучшить, облагодзвучить, что ли? <...> Как грустно мне вдруг сделалось от этих слов, от таких деревень!*» [1, с. 156]; «*...Шокша-Мокша? Смешно и некрасиво*» [1, с. 162]. Герой называет маленький населенный пункт *Темников* «*паршивым городишкой*» [1, с. 152]. Гораздо милее будущему вождю пролетариата «благозвучные» клички коней валькирий из скандинавских легенд: «*А мы в опере были. Послушайте, как звали коней валькирий: Глад, Глер, Скейдбримир, Сильвринтопп, Фальхофнир, Леттфети...*» [1, с. 156]. Более того Крупа и Лисицын смеются над русской историей. Молодой интеллектуал и патриот Серёжа с горестью вспоминает *Мукден* – наиболее масштабное сражение, продолжительное по времени и самое кровопролитное во время русско-японской войны, окончившееся победой *Японии*, на что слышит от Крупы и Лисицына критику и осмеяние в адрес непосредственного участника и командующего этой операцией русского генерала Куропаткина: «*КРУПА. Не умеешь – не берись! Делай ноги! СЕРЁЖА. Он – герой! Генерал Куропаткин! КРУПА. Герой крикнул «ой»! ЛИСИЦЫН. Герой командовал козой! Смеются*» [1, с. 157]. Так, М. Угаров развенчивает идеализированные в официальной культуре имиджи образов Ленина и Крупской. Семейство Ульянова-Крупской, изображаемое в пародийно-ироничном плане, «предстает как знак разрушения» [2, с. 28]. Увлечение оперой (в ХТ в речи героев присутствуют их названия «*Волшебная флейта*», ария *Папагено «Известный всем я птицелов*»), скандинавской мифологией (например, хороним *Вальгалла* – место, куда согласно германо-скандинавским преданиям попадают после смерти погибшие воины, продолжающие там прежнюю героическую жизнь) и неприятие своего исконно русского известными героями пьесы разоблачает их, показывая истинное лицо вождей мирового пролетариата, в действительности далеких от чаяний своего народа.

Кроме того «фоновые» ИС используются и для создания яркого внешнего облика некоторых персон. В частности, привлекая внимание в ХК драмы к образу Н. Крупской, М. Угаров делает акцент на её выпученных глазах. Автор прибегает к таким эпонимам, как *болезнь Трейвса, болезнь Пари* (это болезнь, связанная с нарушением функции щитовидной железы, или Базедова болезнь), что находит своё контекстуальное подтверждение в эмоциональном диалоге персонажей:

«СЕРЁЖА. А что у вас с глазами? КРУПА. Почему они у вас, мол, навывкате? СЕРЁЖА. Почему? <...> КРУПА. ... А с глазами у меня вот что...<...> КРУПА. **Болезнь Трейвса. Болезнь Парри.** «Гневный взгляд». Вот у меня что!» [1, с. 154–155]. Данные «фоновые» ИС способствуют узнаваемости героини читателем / зрителем и отождествлению её с реальной исторической персоной – Надеждой Крупской, за которой в истории закрепился образ немолодой грузной женщины, изуродованной базедовой болезнью.

Таким образом, «фоновые» поэтонимы в постмодернистской драме М. Угарова «Зелёные щёки апреля» содержат богатую историко-культурологическую, лингвистическую, и литературоведческую информацию. ИС, являясь ключевыми элементами исторических событий, кодирующими подлинные факты в силу своей хронотопичности, позволяют соотнести время и место произошедшего. Факт биографии, даже незначительный, но отмеченный в сознании автора, отображается в текстовом корпусе ономастическим импульсом. ИС второго плана запускают механизмы разных видов памяти и способствуют вербализации воспоминаний в тексте, расширяя границы человеческого сознания, позволяют развернуть пространство ХТ до безграничности. Несомненно, что в переходный период становления русской драматургии М. Угаров задействует весь спектр прагматических возможностей, которыми обладают «фоновые» ономапоэтические средства. Указанные ИС могут, во-первых, внешне и внутренне характеризовать сюжетных и внесюжетных героев драмы, во-вторых, развенчивать стереотипные имиджи известных исторических личностей, в-третьих, воссоздавать реальные факты их биографии, в-четвертых, создавать эмоциональный план и, в-пятых, реконструировать историко-культурный фон эпохи. Кроме всего прочего, ономапоэтические «фоновые» единицы участвуют в передаче авторского замысла, способствуют формированию содержательно-смысловой структуры художественного произведения, взаимодействуют с другими компонентами текста, играют роль ключевых элементов в драме.

Список литературы

1. Гремина Е. А, Угаров М. Ю. Пьесы и тексты : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2019. Т. II. 438 с.
2. Гончарова-Грабовская С. Я. Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI века) : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2003. 70 с.
3. Петрачкова И. М. «Фоновые» поэтонимы в драме Елены Греминой «Сахалинская жена»: парадигматический, полевой и прагматический аспекты // Мова і культура : наук. журн. 2021. Вип. 23, т. I (203). С. 92–198.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. АН СССР, Институт языкознания. М. : Наука, 1978. 200 с.

Информация об авторе: *Петрачкова Инна Михайловна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Гомельского государственного медицинского университета (г. Гомель, Республика Беларусь).

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ С. ЕСЕНИНА

М. В. Сомова

г. Рязань, Россия
m.somova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Рассматриваются относительные прилагательные в поэтическом творчестве С. Есенина. Прилагательные данной лексико-семантической группы весьма часто употребляются в лирике рязанского поэта, несут важную смысловую и образную нагрузку. На основе относительных прилагательных, полученных методом сплошной выборки из стихотворений С. Есенина, даётся их оценка с точки зрения значения, употребления, соотношения с прилагательными других разрядов, изобразительно-выразительных возможностей. Выделяются группы наиболее употребительных относительных прилагательных по семантике, оцениваются их языковые и речевые особенности в лирических текстах.

Ключевые слова: семантика, относительные прилагательные, С. Есенин, лирические произведения

Для цитирования: Сомова М. В. Относительные прилагательные в поэтическом тексте С. Есенина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 324–327.

В современном русском языке имена прилагательные – это «самая многочисленная после имен существительных армия слов» [1, с. 158]. В основе семантики имени прилагательного лежит «понятие качества» [1, с. 157], то есть имя прилагательное – это «склоняемая знаменательная часть речи, выражающая значение непроецессуального признака предмета в форме грамматической зависимости от существительного, с которым прилагательное обычно согласуется в роде, одушевленности, числе и падеже» [3, с. 239]. Большинство прилагательных выражает признак опосредованно, отыскивая его «в отношении предмета к предмету» [там же], то есть имеет место признак *относительный*, «выводимый из отношения к предмету, обстоятельству или действию» [1, с. 159].

Относительные прилагательные – «лексико-грамматический разряд прилагательных, называющих признак предмета через отношение этого предмета к другим предметам, а также материалам, действиям и состояниям», «пространственным и временным ориентирам». Признак, выражаемый относительным прилагательным, «постоянен, не меняет своей интенсивности» [3, с. 231]. Чаще всего относительное прилагательное определяется в грамматике в сравнении с качественным, но с отрицательной частицей: не образует степеней сравнения, не сочетается с наречиями меры и степени, не имеет кратких форм, не имеет антонимов, не образует отвлечённых существительных. Однако потенциал относительных прилагательных весьма высок, чем определяется их популярность в текстах разных стилей, в том числе в художественном. Относительные прилагательные имеют практически неограниченные возможности при характеристике предмета, часто они употребляются как эпитеты в поэтических текстах.

Целью нашей статьи является исследование относительных прилагательных в лирических произведениях С. Есенина, который весьма активно использует их в своём творчестве. В поэтике «рязанского Леля» относительные прилагательные преобладают как эпитеты: «уподобление одного предмета другому или крещение воздуха именами близких нам предметов» («Ключи Марии» С. Есенин):

Родился я с песнями в **травном** одеяле.
Зори меня **вешние** в радугу свивали.
Вырос я до зрелости, внук **купальской** ночи,
Сутемень **колдовная** счастье мне пророчит. –

В этом четверостишии нет ни одного качественного прилагательного, а все очарование заключается именно в относительных прилагательных-эпитетах.

Анализируя относительные прилагательные в поэтических текстах С. Есенина, мы выделили следующие их группы по семантике:

1. Признак по отношению к одушевленному предмету – свидетелем относительности выступают суффиксы -ск, -лив:

– к человеку (по родству или возрасту): *девическая грудь, детские мечты, отческая щедрость, отцовские заветы, родительский очаг, крыло материнское, детки сиротливые*;

– к человеку (по месту жительства или национальности): *нижегородский бубенец, рязанский гуляка, московские улицы, ширазский ковёр, кремлёвская кровля; цыганская скрипка, персидские мотивы, русская боль*.

Особо следует отметить группу прилагательных с суффиксом -ий: *отчий дом, бабья кожа, девичья краса, мужичьи места, птичий закон, глаза собачьи, галочья стая, овечьи ясли* и т.д. По мнению В.В. Виноградова, «основное значение их – относительное: они обозначают разнообразные отношения к людям и животным». В русском языке сейчас такие прилагательные обозначают «типичное для кого-нибудь свойство» [1, с. 171];

– к животным, птицам или насекомым: *журавлиные крики, лошадиная морда месяца, мотыльковый край, конский бег*, – здесь скорее следует говорить об относительно-притяжательных прилагательных с суффиксами -ин (обозначает принадлежность и свойственность животному), -ов (с очень широким значением: свойственность кому-нибудь, отношение к кому-то или чему-то, связи между предметами), -ск (выражает предметные отношения или даёт качественную оценку) [1, с. 193, 197].

2. Признак в соотношении с неодушевленными предметами:

– временные отношения: *вешняя ласковость, зимние сумерки, весенний вечер, осенний холод, предосенний шум, озимый сев, прошлогодний лист* – времена года или суток: *заревая заря, вечерняя звезда, ночной холодок*;

– отношение к стихиям, природным явлениям: *вьюжная завируха, снежная замять, снежная ива, метельные всхлипы, дождевые стрелы, синь и полымя воздушные, водный шум, пенные струи*;

– к небесным светилам: *млечные холмы, лунная осень, лунный гребешок, звёздная звонница, звёздное чрево, солнечная сермяга*;

– к пространству, окружающей природе: *дубровные сетки, полевое, степное «ку-гу», степные ухабины, дорожная рань, озёрное стекло, полярный круг, заоблачный страж, облачные ризы*. Преимущественно при посредстве суффикса -н от существительных со значением места или времени [1, с. 197]. Сюда же, наверное, следует отнести противопоставление двух сущностей – земного и небесного: *звезды небесные, небесные тополя, небесная чернь, с земными ключами, наш шар земной* – весьма важных в поэтической философии С. Есенина;

– отношение к растениям: *ржаной закут, гречневые просторы, ветловая тесьма, берестяные лапоточки (лапти), берёзовый (веселый) язык, берёзовая чаща, цветочные чащи, капустные грядки, овсяная воля, древесные думы, древесный сук*. Есть лексемы, употреблённые в прямом значении – *ржаной закут, гречневые просторы, капустные грядки*. Однако чаще встречаются относительные прилагательные с переносным значением (эпитеты) – *берёзовый (веселый) язык, овсяная воля, древесные думы*.

3. Признак, связанный с православной верой, с христианскими святынями, с религиозным культом: *аллилуйные стенания дьячка, страдальные речи, молитвословный ковыль, дьявольский свист, могильный стук лопат, поминальные кресты, пасхальный благовест, голубиная книга*. Подобные относительные прилагательные могут употребляться в прямом значении (*пасхальный благовест, голубиная книга*). Но чаще являются эпитетами, то есть употреблены во вторичном, отличающемся или накладываемом на религиозную семантику, значении: *аллилуйные* (хвалебные, восхваляющие) *стенания дьячка* – в сочетании с лексемой «стенания» создают эффект иронии, *могильный стук лопат* – прямое значение (лопатами роют могилу) накладывается на переносное (могильный, то есть убивающий, губящий что-то, хоронящий, лишаящий будущего) («Метель»); *дьявольский свист* – очень громкий, пронзительный, страшный, загадочный, лихой – Есенин заменяет одним словом, содержащим в себе все эти значения («Несказанное, синее, нежное...»); *поминальные кресты* – поставленные на могилах «для памяти» о лежащих здесь («Запели тесаные дроги...»).

4. Признак, связанный с оттенком цвета или запаха: *среброструйный Водолей, златоструйная вода, рыжеволосая коса, рябиновый костер, вишнёвый сок, медвяная роса, медовый ладан, маковая заря, сиреневый сад, шафранный край, хвойная позолота, молочный дым, лимонный свет, роса жемчужная, росинки серебристые, сумерки мгlistые, буланая губа*. Строго говоря, эти прилагательные – со значением цвета и запаха – относятся к качественным, особенно если являются первообразными (например, *буланая губа* – губа лошади буланого (желтовато-песочного или золотистого) окраса), но подобные встречаются у поэта редко. Гораздо чаще С. Есенин употребляет их в составе сложного слова, образованного из подчинительного словосочетания (*среброструйный Водолей, златоструйная вода*). Обычно это относительные прилагательные, которые образуются от существительных (*рябиновый костер* – костёр, то есть цветение, рябины, *вишнёвый сок* – сок вишни, *сиреневый сад* – сад цветущей сирени, *шафранный край* – край, где растет шафран, *медовый ладан* – душистый (на основе воска) и светлый (как мёд) – соединение в одном определении цвета и запаха и др.), и оттенок цвета или запаха у них вторичен. Также относительные прилагательные с подобной семантикой образуются из сопоставления двух предметов (*роса жемчужная* – роса как жемчуг (крупные капли), *росинки серебристые* – роса как из серебра (блестящие капли)). Все подобные прилагательные являются эпитетами.

Конечно, в поэзии С. Есенина можно выделить и другие группы относительных прилагательных (например, по материалу (*медные пятаки, бревенчатая изба, изумрудные колечки*), по месту (*кабацкий чад, кабацкая драка*), по профессии/роду деятельности (*пастушеский рожок, чародейный терем, царственные руки*), по принадлежности к лицу (*разумниковский лик* – неологизм от фамилии Иванов-Разумник), по предназначению (*чайная чашка*) и т.д.), но по количеству лексем они не столь многочисленны.

Гораздо интереснее, что С. Есенин использует относительные прилагательные так, как в фольклоре, то есть употребляя их в сравнительной степени: *синь и польмя воздушней и легкодымней пелена* («Опять раскинулся узорно...»). В литературном языке подобные конструкции не употребляются, они являются разговорными. Весьма употребительны в лирике нашего поэта относительные прилагательные в кратких формах: *зимни вечера, шелковы купыри* – или с «народно-поэтическим» ударением: *метелица ковром шелковым стелется, никнут шелковые травы*. Такие лексемы в текстах С. Есенина придают изысканность и сказочность образам, а стилю особую напевность, свойственную фольклору.

Таким образом, даже в небольшой по объёму статье, проанализировав употребление относительных прилагательных в поэтическом языке С. Есенина, мы можем сделать некоторые выводы: наряду с качественными прилагательными в текстах рязанского поэта весьма употребительны относительные, разные по структуре (с суффиксами *-лив*, *-ск*, *-н*, *-ий*, *-ов*, *-ин*) и семантике (нами выделены четыре группы наиболее многочисленных и востребованных, но их больше, хотя количество лексем в них существенно меньше), которые нередко употребляются в своём прямом (непоэтическом) значении, но чаще являются эпитетами, в которых нередко совмещаются сразу несколько признаков-характеристик. Именно в этом смысле относительные прилагательные выигрывают в сопоставлении с качественными, где редко совмещаются в одной лексеме прямое и переносное значения. Кроме того, С. Есенин использует относительные прилагательные в форме сравнительной степени (с суффиксами *-ее*, *-ей*) и в краткой форме, что традиционно для русского фольклора.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. : Высш. шк., 1986. 640 с.
2. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. М. : Наука : Голос, 1995. Т. 1. Стихотворения. 672 с.
3. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. М. : Высш. шк., 1995. 361 с.

Информация об авторе: *Сомова Марина Викторовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия).

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ С. А. ЕСЕНИНА

Ю. А. Южакова

г. Рязань, Россия
yu.yuzhakova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются структура предложения в поэтических текстах С. А. Есенина, основные модели простого предложения, используемые поэтом, наиболее частотные способы выражения второстепенных членов предложения, способы осложнения предложения. Анализируются закономерности использования синтаксических средств, формирующие идиостиль. Анализ производился на материале первого тома (лирика) полного собрания сочинений С. А. Есенина, из которого выделено более 200 примеров.

Ключевые слова: С. А. Есенин, лирика, структурная схема, простое предложение, осложнение простого предложения

Для цитирования: Южакова Ю. А. Синтаксическая организация поэтической речи С. А. Есенина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 328–332.

Уникальная, неповторимая и самобытная поэзия С. А. Есенина давно является предметом изучения, чаще – литературоведческого анализа, реже – лексического, и почти никогда – синтаксического. Настоящее исследование является первым шагом на пути описания синтаксического строя лирики рязанского поэта.

Рассмотрение структуры предложения в стихах 1 тома ПСС С. А. Есенина показало, что поэт значительно чаще использует простые предложения, нежели сложные. С точки зрения состава главных членов, то есть структурной схемы, чаще использованы двусоставные конструкции, реже встречаются односоставные. Нами отмечены отдельные глагольные односоставные предложения. Среди них личные (преимущественно определенно-личные): *Еду; Что стоишь, нагнувшись, над метелью белой* [1; с. 34]; *Восстань, прозри и вижди!* [1; с. 182]; а также безличные: *Тихо* [1; с. 272]; *Слишком раннюю утрату и усталость Испытать мне в жизни привелось* [1; с. 217].

Гораздо чаще встречаются односоставные номинативные предложения: *Эх вы, сани! А кони, кони...* [1; с. 159]; *Балаганы, пни и колья, Карусельный пересвист...* [1; с. 45]; *Несказанное, синее, нежное...* [1; с. 116].

Простые двусоставные распространённые предложения в поэзии С. А. Есенина представлены шире, чем предложения нераспространённые, что можно объяснить использованием средств художественной выразительности: эпитетов, метафор, сравнений, олицетворений и т.д.

Примеры простых нераспространённых предложений единичны: *А жизнь кипит* [1; с. 177]; *Земля — корабль!* [1; с. 219]; *Метель ревела* [1; с. 472]; *Жив и я.* [1; с. 217]; *Все прошло.* <Поредел мой волос.> *Конь издох, <опустел наш двор>* [1; с. 159].

Широко представлены распространённые простые предложения. Мы не проводили статистических подсчётов, но из проанализированного нами материала видно, что наиболее частотным распространителем грамматической основы является определение. Регулярно встречаем простые предложения, которые распространены согласованными определениями, выраженными полными формами прилагательных: *Белая берёза* [1; с. 281]; *кроткий Спас; весёлый пляс* [1; с. 50];

Улыбнулись **сонные** берёзки,
Растрепали **шёлковые** косы.
Шелестят **зелёные** серёжки,
И горят **серебряные** росы.

<...>

У плетня **заросшая** крапива
Обрядилась **ярким** перламутром... [1; с. 283];

Тихий сумрак, ангел **теплый**,
Напоен **нездесьним** светом [1; с. 290].

Отмечены нами и несогласованные определения, которые выражены именами существительными, например: *Скирды солнца* [1; с. 62]; *звоны ветра* [1; с. 290]; *клен на одной ноге* [1; с. 59].

Среди обстоятельств преобладают обстоятельства места: *И гудит за косогором На лугах веселый пляс* [1; с. 50]; ...*Слышны звоны Под копытом на снегу. Только серые вороны Расиумелись на лугу* [1; с. 282].

Дополнения также регулярны в поэтических текстах С.А. Есенина: *Пахнет яблоком и медом По церквам твой кроткий Спас* [1; с. 50].

Нами также отмечены неполные предложения: *Под окном от скользких ветел Перепелъи звоны ветра* [1; с. 290]; *На плечах его котомка, Стягловица в две тесьмы* [1; с. 177]. Не вдаваясь в дискуссионные вопросы классификации подобных предложений, мы отметили пропуск сказуемого при сохранении второстепенных членов группы сказуемого как регулярный процесс.

Также следует отметить непрямой порядок слов в простом предложении как особенность художественной манеры С. А. Есенина: *Край любимый! Сердцу снятся Скирды солнца в водах лонных...* [1; с. 62]. Чаще всего отмечается последовательность **сказуемое – подлежащее**: *Люблю я ропот буйных вод...* [1; с. 44]; *Бежит, струится маленький Серебряный ручей* [1; с. 287];

Проходили калики деревнями,
Вытывали под окнами квасу...
Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе... [1; с. 37].

Среди осложнителей простого предложения наиболее распространены однородные члены предложения. Примерно с одинаковой частотностью употребляются как однородные главные члены, так и второстепенные.

Наиболее распространены морфологизованные подлежащие: *Дробь копыт и хрип торговков, Пьяный пах медовых сот...* [1; с. 142];

Наклонивши лик свой кроткий,
Дремлет **ряд** плакучих ив,
И, как шелковые четки,
Веток бисерный **извив** [1; с. 177].

Также подлежащее может выражаться и субстантивированными именами прилагательными: *Несказанное, синее, нежное...* *Тих мой край после бурь, после гроз...* [1; с. 116].

Однородные сказуемые выражены, как правило, глаголами изъявительного наклонения прошедшего времени, единственного числа, мужского или женского родов и настоящего времени, третьего лица, единственного или множественного числа: *Поёт зима – аукает, Мохнатый лес баюкает Стозвоном сосняка* [1; с. 7];

Старый дед, согнувши спину,
Чистит вытоптанный ток
И подонную мякину
Загребает в уголок [1; с. 42].

В проанализированных нами стихах довольно много однородных сказуемых в форме повелительного наклонения: *Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...* [1; с. 26]; *О Русь, взмахни крылами, Поставь иную крепь!* [1; с. 37];

*Шуми, шуми, реви сильней, свирепствуй, океан мятежный,
И в солнца золотые мрежи сгоняй серебристых окуней* [1; с. 137].

Стихотворения часто содержат однородные дополнения. Нами отмечены конструкции как с прямыми дополнениями: *Люблю я ропот буйных вод, И на волне звезды сиянье* [1; с. 283]; *Полюбил я мир и вечность Как родительский очаг* [1; с. 85]; *Ловит память тонким клювом Первый снег и первопуток* [1; с. 95]; так и с косвенными:

*Тебе, твоим туманам
И овцам на полях,
Несу, как сноп овсяный,
Я солнце на руках* [1; с. 182];

*О товарищах весёлых,
О полях посеребрённых
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединённых* [1; с. 95].

Нами отмечены единичные примеры косвенных дополнений, выраженных субстантивом:

*Кричащему в мраке
И бьющему лбом
Под тайные знаки
Мы врат не сомкнем* [1; с. 182].

Наиболее частотны однородные согласованные определения: *Озябли пташки малые, Голодные, усталые* [1; с. 7]; *Парень бравый, кучерявый Ломит шапку набекрень* [1; с. 51]; *С алым соком ягоды на коже, Нежная, красивая, была На закат ты розовый похожа* [1; с. 101].

Далеко не все виды обстоятельств отмечены нами в текстах у С. А. Есенина. Частотны по употреблению конструкции с однородными обстоятельствами места, выраженными именами существительными в косвенных падежах: *Ни луны, ни со-бачьего лая Вдалеке, в стороне, в пустыре* [1; с. 131];

*Между сосен, между ёлок,
Меж берёз кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус* [1; с. 62].

Однородные обстоятельства образа и способа действия выражаются, как правило, именами существительными в родительном падеже или наречием образа и способа действия: *Наша печь как-то дико и странно Завывала в дождливую ночь* [1; с. 79]; *Жалобно, грустно и тоще В землю вопьются рога...* [1; с. 44];

*Собиралися мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клади в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз* [1; с. 177].

Обстоятельства образа действия наиболее частотны. Так, в 24 из 60 рассмотренных примеров с однородными обстоятельствами зафиксированы именно обстоятельства образа действия. Также нами отмечены однородные обстоятельства времени: *Может, поздно, может, слишком рано, И о чем не думал много лет...* [1; с. 107];

*Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца принимая* [1; с. 54].

Обособленные члены предложения представлены преимущественно обстоятельствами, выраженными одиночными деепричастиями и деепричастными оборотами, и определениями, которые выражены причастными оборотами, а также пояснительными и уточняющими конструкциями. Одиночные деепричастия довольно редки: *В синюю высь звонко Глядела она, скуля* [1; с. 61]; *А старый дед, Смеясь, грохотал, как гром*

[1; с. 41]; *Отражаясь, березы ломались в пруду* [1; с. 187].

Более частотными по употреблению являются предложения, включающие в свой состав обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами. Такие обособленные обстоятельства имеют следующие значения:

– обстоятельства причины и цели: *Тут разрыдаться может и корова, Глядя на этот бедный уголок* [1; с. 113]; *И да възграет В ней, славя день, Земного рая Святой Младень* [1; с. 43]; *И бродишь по двору, влача обвисший хвост, Забыв чульем, где двери и где хлев* [1; с. 65];

– обстоятельства образа и способа действия: *И журавли, печально пролетая, Уж не жалеют больше ни о ком* [1; с. 239]; *А заря, лениво Обходя кругом, обсыпает ветки Новым серебром* [1; с. 281];

*Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,*

Приблизившись к стене [1; с. 220];

– обстоятельства времени: *И, встревожа вечернюю гладь, Буду громко сморкаться я в руку...* [1; с. 173].

Обособленные определения, выраженные причастными оборотами, можно найти также достаточно часто: *Не жаль мне лет, растраченных напрасно, Не жаль души сиреневую цветь* [1; с. 57]; *Где ты, где ты, отчий дом, Гревший спину под бугром?* [1; с. 111];

*До сегодня ещё мне снится
Наше поле, луга и лес,*

*Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес* [1; с. 41].

Обособленные уточняющие конструкции реже, но также представлены в стихотворениях Есенина: *К теплому свету, на отчий порог, Тянет меня твой задумчивый вздох* [1; с. 37]; *Ну как теперь ухаживает дед За вишнями у нас, в Рязани?* [1; с. 84]. Есть и обособленные пояснительные конструкции:

*Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса* [1; с. 177].

Обособленные конструкции, выраженные сравнительными оборотами, широко представлены в творчестве поэта: *Мне навстречу, как сережки, Прозвешивают девичий смех* [1; с. 16]; *И зверье, как братьев наших меньших, Никогда не бил по голове* [1; с. 271]; *Он, как поэт и офицер, Был пулей друга успокоен* [1; с. 311].

*Как совиные глазки, за ветками
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.* [1; с. 177].

В лирике Сергея Есенина представлено многообразие предложений, включающих в свой состав обращения. Будучи народным поэтом, человеком, любящим свою родину, он обращается ко всему, к чему прикасается его слово. Это и дорогие поэту люди: *Привет, сестра! Привет, привет!* [1; с. 84]; *Не ревите, мать и тетка, Слезы сушат удалца...* [1; с. 133]. И собеседники лирического героя: *Провожай меня, зазноба, да держи свои слова* [1; с. 133]; *Пой, ямищик, вопрекор этой ночи...* [1; с. 159]; *Дай, Джим, на счастье лапу мне...* [1; с. 257]; *Шаганэ ты моя, Шаганэ!* [1; с. 252].

Наиболее употребительны риторические обращения к природным объектам: *О вы, луга и дубравы, – Я одурманен весной... Сыпь ты, черемуха, снегом. Пойте вы, птахи, в лесу* [1; с. 457]; *Милые березовые чащи! Ты, земля! И вы, равнин пески!* [1; с. 181]; *О Русь, о степь и ветры!* [1; с. 72].

Таким образом, синтаксис лирических произведений С. А. Есенина довольно разнообразен, однако имеет специфические черты. Автор явно отдаёт предпочтение простым предложениям, активно использует определения и обстоятельства, как одиночные, так и однородные, предпочитает обстоятельства образа действия и места, активно использует конструкции с обращениями и сравнительные обороты.

В данной работе мы не анализировали лексический состав синтаксических конструкций, а также стилистические особенности поэтического синтаксиса С. А. Есенина. Такое исследование имеет богатые перспективы.

Список литературы

1. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. М. : Наука : Голос, 1995. Т. 1. Стихотворения. 672 с.
2. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М. : Наука, 1986. 207 с.
3. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. М. : Высш. шк., 1995. 361 с.

Информация об авторе: Южакова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия).

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МИКРОТОПОНИМИКОНЕ ГОРОДА ГОРЛОВКИ

У. Р. Алексеенкова

*г. Горловка, Донецкая Народная Республика
alekseenkov.1978@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются системные отношения в микротопонимике современной Горловки. Проводится анализ лексических единиц, находящихся в отношениях тезоимённости, полионимии, вариативности.

Ключевые слова: микротопоним, тезоимённость, полионимия, вариативность

Для цитирования: Алексеенкова У. Р. Системные отношения в микротопонимиконе города Горловки // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 333–335.

Топонимическая система города Горловки заслуживает особого внимания лингвистов. Она отображает историко-культурные особенности региона, мировосприятие и межъязыковые контакты его жителей. Как пишет И. А. Герасименко, «топонимия Донбасса имеет ряд специфических черт, вызванных активными миграционными процессами. Люди, переселившиеся в Донбасс, привнесли в его лингвокультуру свои традиции и обычаи, ритуалы и образы, которые отразились в различных наименованиях» [1, с. 46].

Особый интерес представляют микротопонимы Горловки. Вследствие малоизученности топонимического пространства города, отсутствия полного лексикографического описания заявленных в работе номинаций, их лингвистический анализ является актуальной проблемой. Как показывает анализ литературы по данному аспекту, о микротопонимике Горловки известны лишь отдельные сведения, закреплённые в книгах по краеведению и топонимии и представленные в экспозициях музеев и в архивных документах, а также на сайтах местных муниципальных учреждений. Наша задача – проанализировать все доступные источники и составить перечень микротопонимов Горловки, исследовать их системные отношения. При этом мы учитываем тот факт, что топонимическая система города Горловки расширяется, пополняется новыми микротопонимами, которые нуждаются в описании. Как пишет В. С. Картавенко, изучение топонимики регионов – важная ступень для понимания общерусской топонимической системы в целом; также исследования региональной топонимики открывают для науки новый фактический материал [2, с. 3].

Объект нашего исследования – микротопонимы, которые мы понимаем как некодифицированные наименования небольших топонимических объектов, как часть топонимов, номинация которых известна немногочисленному кругу местных жителей. В данной работе рассматриваются системные отношения в микротопонимиконе современной Горловки.

Различные группы лексических единиц задействованы в образовании горловских микропонимов. Так, апеллятивные и проприальные единицы, вступая системные отношения, вербализуют смежные объекты. Например, микропоним *Великан* обозначает два объекта – угольный пласт и посёлок в Горловке. Изначально название *Великан* использовалось для номинации огромного по размеру угольного пласта. Соответственно, посёлок, расположенный над угольным пластом, получил аналогичное название. Микропоним *Жёванка* также называет два объекта: посёлок и лес. Считается, что номинация данных объектов восходит к названию реки Жёванки, протекающей вблизи. Что касается микропонима *Косиор*, то он номинирует местность, расположенную вблизи Центрально-городского кладбища, и посёлок. Известно, что посёлок был назван в честь первого секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора. Именно с этой характеристикой связан указанный микропоним. Как следствие, местность, расположенная вблизи посёлка, получила идентичную номинацию – *Косиор*. Сосуществование тождественных номинаций в лингвистической науке называется тезоимённостью (кратностью). По Л. А. Климовой, тезоимённость – наличие идентичных наименований у нескольких объектов одновременно как аналог апеллятивной омонимии [3, с. 25]. В свою очередь, А. В. Суперанская утверждает, что тезоимённость – это сосуществование однофоновых имён, употребляющихся в связи с разными объектами, в одном поле.

Для немикросистемной или внутримакросистемной тезоимённости не важна пространственная смежность. Тезоимённость основана на общности или совпадении мотивационно-номинативной и деривационной базы при различии пропозиций, представленных в дискурсных компонентах микропонимических комплексов. При этом такая тезоимённость может представлять объекты и одного рода (типа), и разных, т.е. бывает однообъектной и разнообъектной.

Л. А. Климова считает, что при внутрисистемной тезоимённости происходит ослабление дифференцирующей роли одноимённых единиц (в каждом случае необходимо денотативное уточнение), хотя такая тезоимённость бывает только разнообъектной (в смысле именованности объектов разного рода). Следует отметить, что внутри одной микросистемы одноимённые лексеммы называют объекты, находящиеся в непосредственной близости друг от друга. Такие объекты образуют территориальный комплекс. Например, *Круглый лес* ('лес') – *Круглая лес* ('балка'), *Красный яр* ('овраг') – *Красный яр* ('посёлок') и т.д.

Микропонимикону города Горловки также присуща внутримикросистемная полиимённость. А. В. Суперанская пишет, что полионимия характеризуется наличием у одного объекта нескольких номинаций как «своеобразный аналог апеллятивной синонимии» [4, с. 300]. Лингвист называет полионимию особой ономастической синонимией, которая характеризуется наличием у одного объекта разных наименований. Это сближение происходит на основе отношения к одному и тому же денотату. В микропонимиконе Горловки такие номинации отображают этнические, социальные, возрастные и временные ориентиры. Например, *Казачья балка* – *Круглый лес*. Данными микропонимами называют расположенный недалеко от Никитовского ртутного комбината овраг, в котором в XIX веке находилось поселение казаков. Микропоним *Круглый лес* получил свою номинацию в связи с особенностями местности и ландшафта. Лес, находящийся внутри балки, был высажен по кругу. Отсюда один и тот же объект имеет две номинации – *Казачья балка* и *Круглый лес*. Этот же процесс коснулся и микропонимов *Яловый лес* – *Еловый лес*. Лес с такими названиями расположен в Калининском районе Горловки. Первая номинация – *Яловый лес* – восходит к характеристике неплодородности почвы (*яловый* – это 'бесплодный', 'необрабатываемый'), на которой был посажен данный лес. Вторая – *Еловый лес* – связана с наличием большого количества хвойных деревьев в лесу.

Помимо тезоимённости и полиимённости в микротопонимиконе Горловки прослеживается вариативность. Вариативность – это наличие у одного объекта нескольких однокоренных или однокомпонентных номинаций, которые могут отличаться по фонетическим, лексическим, грамматическим и другим признакам. А. В. Суперанская называет такие номинации дублетами. Примером служат микротопонимы *Жуваный хутор – Жёванка*, называющие один населённый пункт. Находится хутор западнее села Зайцево. Данная номинация восходит к названию реки Жёванки, протекающей вблизи поселения. Наличие двух вариантов номинации одного и того же объекта объясняется особенностями произношения. Вариативность представлена и в микротопонимах *Поляки – Поляччина – Поляцкое*. С помощью данных микротопонимов назван посёлок, в котором в 40-х годах XIX века жили переселенцы из Польши. От лексем *поляк, Польша* образованы их производные *Поляки – Поляччина – Поляцкое*. Микротопонимы *Вошивый яр – Вшивый яр* номинируют населённый пункт, который расположен в Государевом Байраке. С происхождением данной номинации связана история, которую рассказывают местные старожилы. События имели место после Великой Отечественной войны. Один приезжий солдат увидел, как на склоне горы женщина расчёсывала дочери волосы и искала мелких насекомых. Увидев солдата, смотрящего на них, женщина смутилась, забрала дочь и ушла. С того момента яр стали иронично именовать «вшивым» или «вошивым». Данную историю описал в своей работе, посвящённой топонимам города Горловки, краевед А. В. Шевченко [5].

Итак, проанализированный нами материал показывает, что микротопонимы города Горловки находятся в отношениях тезоимённости, полиимённости и вариативности. Проанализированный микротопонимикон образует сложную систему, которая требует дальнейшего рассмотрения, что и будет нами сделано в последующих работах.

Список литературы

1. Герасименко И. А., Алексеенкова У. Р. Микротопонимикон города Горловки: к постановке проблемы // Язык и культура : сб. науч. тр. VII Респ. оч.-заоч. науч. конф. (с междунар. участием) (17 ноября 2021 г.). Макеевка : Донбас. нац. акад. строительства и архитектуры, 2021. С. 84–87.
2. Картавенко В. С. Становление региональной топонимической системы (Западный регион России) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2012. 49 с.
3. Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ : монография. Арзамас : АГПИ, 2008. 203 с.
4. Суперанская А. В. Теория и методика ономастических исследований. М. : Наука, 1986. 256 с.
5. Шевченко А. В. Топонимы Горловки (записки учителя-краеведа). Донецк : Лебедь, 1994. 46 с.

Информация об авторе: *Алексеенкова Ульяна Романовна*, студентка Горловского института иностранных языков (г. Горловка, Донецкая Народная Республика).

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕМЕРОНИМОВ ПЕНЗЕНСКОГО РЕГИОНА

О. С. Бирюкова

г. Пенза, Россия
mailto:birukova.ol1999@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются пензенские гемеронимы, выделяются признаки, положенные в основу наименования, определяются способы образования, затрагиваются вопросы правописания.

Ключевые слова: ономастикон, оним, гемероним, региональные СМИ, заглавие

Для цитирования: Бирюкова О. С. Структурно-семантические особенности гемеронимов Пензенского региона // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 336–338.

Региональный ономастикон представляет собой интересный материал для использования его в качестве объекта при изучении лексики, семантики.

Пензенское ономастическое пространство, как и на территории всей страны, активно увеличивается, в том числе и за счёт развития региональных средств массовой информации, для наименования которых Н. В. Подольская использует термин гемероним – вид онима, собственное имя органов периодической печати, в том числе газет, журналов, информационных бюллетеней [2, с. 16].

В настоящее время, в связи с развитием информационных технологий, СМИ включают не только традиционные печатные издания, но и электронные, интернет-издания. Гемеронимы исследуются лингвистами в разных аспектах [3, с. 167].

В научной литературе отмечается, что наименования периодических изданий СМИ (шире – медиа) составляют специфическую группу онимов, поскольку они являются наименованиями не отдельно выделенного объекта, а серии (множества) данного объекта, что выражается в периодичности издания. К отличительным особенностям гемеронимов относятся также искусственный, целенаправленный характер их создания, обязательный юридический статус, подчеркнутая социальность, а также временная неопределенность существования [4].

Количество пензенских печатных изданий со своими названиями, по данным сайта Пенза-сити.com, – 106, ещё 11 функционируют в Пензенской области. В список популярных изданий за год включены 40 единиц, рейтинг открывает газета «Молодой ленинец».

Заглавие – это знак, являющийся обязательной частью текста и имеющий в нём фиксированное положение. Это, бесспорно, сильная позиция любого текста. Название должно в полной мере отражать концепцию издания. То есть соответствовать целям ее создания, информационному содержанию, ожиданиям читательской аудитории [1, с. 188].

Гемеронимы представляют интерес для исследования с различных позиций.

Ономастикон медиапространства, в т. ч. пензенского, существует в пространстве и во времени. Рассмотрение пензенских гемеронимов с точки зрения мотивационного признака, положенного в основу наименования, даёт возможность получить разнообразную информацию, в том числе о пространстве и времени. Мотивировочный признак, непосредственно указывающий на пространство (место),

в однословных наименованиях, присутствует единично: «Заречье» – еженедельник, «Новь» – Камешкирская районная газета, «Беседка» – тематическая газета Пензы (сад и огород), «Вестник» – информационное издание Спасского района.

Большинство гемеронимов имеют в своём составе оттопонимное производное; место обозначается метонимически через астионим, комоним: «Сердобские новости» – муниципальная газета, «Пензенская правда», «Псковская губерния», «Псковская провинция» – областные газеты.

Также обозначается указание на место издания и в большинстве районных гемеронимов: «Городищенский вестник», «Бессоновские известия», «Каменская новь», «Наровчатские новости», «Кузнецкий рабочий», «Бековский вестник», «Башмаковский вестник», «Наша Пенза».

Мотивировочный признак труда представлен в гемеронимах единично: «Трудовой путь» (Кузнецк), «Трудовая честь» (Сердобск), «Знамя труда» (Никольск), «Трудовой путь» (Сосновоборск). Интересно отметить, что издание «Трудовой путь» встречается в двух районах: в Кузнецке и Сосновоборске.

Тематически указание на время можно обнаружить и в следующих наименованиях: «Каменская новь» (Каменка), «Новь» (Русский Камешкир), «Сельская новь» (Белинский район).

Гемероним одновременно содержит и адресную мотивацию – для сельских жителей. Адресный мотивировочный признак присутствует в следующих наименованиях: «Экономика ПФО», «Дорогое удовольствие», «Бизнес клуб в Пензе», «Секреты Бизнеса» (для деловых людей, предпринимателей); «Из рук в руки», «Теле-семь» (для жителей города, региона); «Беседка», «Кузнецкий рабочий», «Стройка» (для тех, кто занимается строительством, ремонтом, садом), «Автомобильный журнал» (для автолюбителей).

Объектно-субъектная мотивация представлена в гемеронимах: «Наш город» (Пенза), «Наша Пенза», «Наша газета – Бессоновские известия», «Ваш собеседник» (Земетчино), «Наше слово» (Лопатино), «Наш город» (Заречный).

Среди пензенских гемеронимов имеются наименования, которые характеризуют человека по роду деятельности (они чаще всего однословные): «Организатор» (Белинский район), «Курьер» (Пенза), «Репортёр» (Пенза).

Многие гемеронимы имеют множественную мотивацию. Рассмотрим некоторые наименования. Название газеты «Сельские вести» содержит мотивационные признаки адресата и медийности (новости для сельских жителей), гемеронимы «Бессоновский вестник», «Наровчатские новости» указывают на место и жанр (новости), наименование еженедельника «Наша ТВ-неделя» имеет субъектно-объектную, адресную и медийно-временную мотивации.

Таким образом, большинство пензенских гемеронимов являются мотивированными. Преобладают гемеронимы, имеющие признак места. Большую группу составляют наименования, содержащие медийный признак.

Преобладают гемеронимы-словосочетания, имеющие множественные мотивации. Однословные присутствуют в меньшем количестве. В основном это наименования относящихся к каким-либо занятиям по роду деятельности и интересам.

В составе большинства гемеронимов-словосочетаний имеются оттопонимные производные от наименований г. Пенза, улицы города и центров районов области: «Улица Московская», «ПроГород Пенза», «Городищенский вестник» и др.

Группа наименований периодических изданий Пензенских учебных заведений представляет интерес, во-первых, тем, что она замкнута в пределах учебного заведения, во-вторых, даёт возможность сопоставления со всеми остальными пензенскими гемеронимами – с целью выявления общего. Наименования научных пе-

риодических изданий (журналов) являются мотивированными, содержат множественную мотивацию: «Вестник Пензенского государственного университета» «Вестник ПГУАС» (медийный признак, признак места и объектно-субъектный), «Университет и деловой мир» (локальное место и адресная мотивация), «Региональная архитектура и строительство» (мотивационные признаки места).

Пензенские гемеронимы оформляются кириллицей, за исключением некоторых, употребляющихся в латинской графике – «Penza News», «View».

Правописное оформление периодических изданий в СМИ, в том числе пензенских, также представляет обширный материал для работы над ним. Правила орфографии предписывают употребление прописной буквы однословного наименования или первого слова неоднословного наименования периодического издания и заключения его в кавычки. И первая, и вторая часть правила вызывает затруднения: повсеместно отсутствует использование кавычек, все части составного наименования пишутся с прописной буквы, примеры: «Живая Вера Медиа», «Куранты – Маяк», «Комсомольская Правда», «Аргументы и Факты» и т.д. Наблюдается также употребление одной прописной буквы в середине слова: «ПроГород Пенза», «ПензаИнформ».

Таким образом, помимо номинативного аспекта потребность в познании специфических черт «имён» региональных периодических изданий определяется и той ролью, которую средства массовой информации играют в провинциальном обществе.

Список литературы

1. Луннова М. Г. Место гемеронимов и их основные характеристики в региональном ономастиконе // Актуальные проблемы филологического образования: наука – вуз – школа : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Пенза, 11–12 ноября 2010 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Г. Е. Горланова. Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2010. С. 188–192.

2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 192 с.

3. Сызранова Г. Ю. Ономастика : учеб. пособие. Тольятти : ТГУ, 2013. 248 с.

4. Федосова О. И. Лингвистический статус гемеронима (на материале российских и британских названий СМИ) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 5 (49). С. 76–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-statusgemonima-na-materiale-rossijskih-i-britanskih-nazvaniy-smi> (дата обращения: 11.02.2022).

Информация об авторе: *Бирюкова Ольга Сергеевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СОВРЕМЕННОЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В. А. Григорян¹, К. А. Оганесян²

^{1, 2} г. Ереван, Республика Армения

¹ violetta.grigoryan@rau.am

² karinahov@yahoo.com

Аннотация. Рассматриваются роль и место просторечия в национальном языке. Исследуются особенности русского просторечия. Представляются основные проблемы просторечия.

Ключевые слова: городское просторечие, кодифицированный язык, литературный язык, диалектная лексика, нормированный язык, общенародные средства речи

Для цитирования: Григорян В. А., Оганесян К. А. Современное городское просторечие и литературный язык. Исторический обзор // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 339–343.

Термин «просторечие» относительно новый. Он был образован из употреблявшегося в XVI–XVII вв. широко используемого словосочетания «простая речь». Впервые данная лексическая единица была зафиксирована в «Российском с немецким и французским переводом словаре» И. Нордстета [8]. Отметим, что «русское просторечие было сформировано на основе городских койне при непосредственном влиянии разнообразной диалектной среды. Таким образом, это был язык «народных масс, находившийся во взаимодействии с крестьянским языком» [1, с. 4].

Постепенно термин «городское просторечие» стал активно употребляться в двух значениях:

- общенародные (не диалектные) средства речи, оставшиеся за пределами литературного языка (оговорим, что сюда не входят диалектные речевые средства);
- сниженные, грубые элементы в составе кодифицированного литературного языка.

Внелитературное (нередко ненормированное) просторечие, как правило, представлено на всех языковых уровнях, тогда как «просторечный слой» литературного языка представлен прежде всего лексическими единицами, т.е. касается в основном словарного запаса языка. Ср., *пуцай, мотри* (повелит. наклонение), *теперича, туфель*, с одной стороны, и – *небось, сызмала, задарма, богатей* и пр. – с другой. Представляется логичным и естественным, что «простая речь» может «противостоять» речи нормированной только в эпоху кодификации, т.е. в тот исторический период, когда обществом четко осознается единство разговорно-литературных форм национального языка.

Как известно, понятие нормы является основополагающим в определении национального кодифицированного литературного языка. При этом следует отметить, что в различных языках объединение разговорного койне, диалектов, интердиалектов происходило по-разному. Поэтому различным было и непосредственное регулирующее влияние национального книжного языка [1, с. 5].

В середине прошлого столетия ярко выделялось «два круга носителей современного просторечия»:

- просторечие 1: горожане старшего (пожилого) возраста родом из сельских областей, которые не имели образования. В их речи чувствовались явные связи с диалектом или полудиалектом родной местности;

– просторечие 2: горожане среднего и молодого возраста, которые не владели нормами кодифицированного литературного языка (или старались не придерживаться этих норм по определенным соображениям); их речь была лишена диалектной окраски, однако при этом в значительной мере жаргонизирована [4, с. 131].

Такой подход к просторечию можно назвать *нормоцентрическим*, в рамках которого отчетливо представлены его специфические особенности:

– бытование преимущественно в устной форме, в редких случаях – в письменной (личные письма, объявления);

– отсутствие функциональных стилей; носитель просторечия не владеет разнообразием стилистических регистров, при этом индивид не осознает неправильности своей речи, используя одни и те же языковые ресурсы и в обиходно-бытовой сфере, и в официальном общении;

– явное несоответствие нормам кодифицированного национального литературного языка;

– в отличие от диалектов, отсутствие определенных ярко выраженных территориальных особенностей.

Приведённые особенности говорят о том, что просторечие непременно должно рассматриваться с позиций кодифицированного литературного языка. При таком подходе чётко выявляются его отрицательные характеристики. Поэтому можно говорить о том, что просторечие – это язык, «не дотягивающий до литературного языка, характеризующегося нормированностью и ярко выраженной стилистической дифференцированностью» [4, с. 71].

Другой подход к просторечию можно назвать *социолингвистическим*, в соответствии с которым к носителям просторечия относят тех индивидов, которые имеют весьма низкий уровень образования и в силу этого не владеет кодифицированным литературным языком. Мы считаем, что социолингвистический подход сильно упрощает языковую реальность, поскольку совершенно очевидно, что получение образования ни коим образом автоматически не делает человека грамотным (носителем литературного языка). Ведь нельзя не согласиться, что некоторые элементы просторечия можно встретить и в речи весьма образованных людей. Это очевидное обстоятельство заставляет ученых-лингвистов исследовать противоречивые вопросы просторечия более тщательно, детально анализируя разные аспекты и составляющие этого непростого явления.

Отметим, что в 1984 году вышел сборник «Городское просторечие. Проблемы изучения», где «фактически впервые к исследованию привлечен обширный материал записей живой, подлинной речи лиц – носителей городского просторечия» главным образом в Москве, а также в Элисте, Челябинске и некоторых других городах России [5, с. 41].

Известно, что во многих странах (например, в Чехии, Польше, Германии и др.) речь донациональной эпохи не носила узкодиалектного характера. Это были разного рода так называемые интердиалекты. Поэтому в период становления и формирования общенациональной разговорной формы национального кодифицированного литературного языка они вступили с последней в весьма сложное взаимодействие. В настоящее время в Чехии региональная форма нелитературного языка, называемого *obecná čeština*, противостоит новому разговорному чешскому литературному языку. При этом обе формы речи употребляются высокообразованными носителями языка. А в различных регионах современной Германии интердиалект активно используется в публицистической речи и т.д.

В отличие от приведённых выше языковых процессов, исторические и социальные условия развития кодифицированного русского литературного языка постепенно вели к очевидному размежеванию его с просторечием. Отметим, что происхождение и формирование русского просторечия прослеживается во многих

работах классиков российского языкознания, исследующих пути развития русского литературного языка (А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, С. П. Обнорский, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин и др.).

Достаточно подробно российскими учёными разработаны проблемы народных основ литературного языка, формирования разных стилей речи. Широко известен интерес языковедов так называемого «старшего поколения» к вопросам социальных диалектов и арго, к лингвистическому ракурсу изучения города. Все эти труды дают возможность воссоздать непростую картину возникновения и функционирования просторечия в русском языке.

Уже в конце XVI – начале XVII вв. стали закладываться основы русского национального языка. В этот период происходит стремительное изменение общезыковой ситуации в стране. Этот факт объясняется тем, что разговорный язык получил «доступ» в письменность, что повлекло за собой возникновение целого ряда новых для того времени литературных жанров, которые почти не имели связь со старым церковно-книжным языком.

До XVIII в. устная речь даже образованных людей России еще не была нормированной. Вопрос кодифицированности вставал только тогда, когда дело касалось книги, литературы, вообще всякой письменности. Исследователь Г. О. Винокур адекватно охарактеризовал язык того времени: «От исследователей художественных свойств языка в произведениях низких жанров во всяком случае требуется очень большой такт для того, чтобы не принять общеупотребительное за сознательно отобранное. В XVIII в. русское общество заметно пестреет. Появляется разнообразие культурных слоев, типов и одновременно с этим – тяготение к литературно-нормализованным формам устного бытового общения [3, с. 75].

Во второй половине XVIII в. разговорный язык приспособливается к светскому обиходу тогдашней российской столицы – Санкт-Петербурга, а далее происходит углубление различий между двумя типами устной речи – разговорной-простонародной и разговором «изрядной компании» – светским обиходом [5, с. 6]. Городское просторечие в современном понимании этого слова возникло в России в середине XIX в. и окончательно сформировалось к началу XX в. Рассмотрим его особенности на примере Москвы.

Устная речь Москвы начала XX в. включала в себя:

- литературно-нормированные формы устного общения;
- фамильярно бытовые просторечные формы.

На протяжении жизни одного поколения людей произошло существенное изменение жизни столицы. Так, Москва с населением в 2 млн. чел. в конце XIX века превращается в середине XX в. в современный супергород с населением 10 млн человек. Ощутимо изменился и социальный, и образовательный статус населения города, соответственно, изменилась и демографическая картина. Москва перестала жить за счет своих «внутренних» ресурсов развития, постепенно затягивая в свою орбиту население разных краев и областей огромной страны [7, с. 44].

Ещё в начале прошлого столетия московское просторечие «питалось соками» окружавших столицу диалектов. Важное свидетельство тому можно обнаружить в известной книге Вл. Гиляровского «Москва и москвичи»: «Москвичи ... – не только те, которые родились в Москве, а и те, которых дают Москве области. Так, Ярославская давала Москве половых, Владимирская – плотников, Калужская – булочников. Банщиков давали три губернии, но в каждой по одному-двум уездам, и не подряд, а гнездами. Испокон веку Москву насыщали банщиками уезды: Зарайский (Рязанский), Тульский – Каширский и Венявский. Так из поколения в поколение шли в Москву мужчины и женщины» [3, с. 89]. К началу XX в. коренным образом изменился социальный состав жителей Москвы. Соответственно, столичное

просторечие «потеряло» привычные корни. Стремительно разрушались и давно устоявшиеся семейные языковые традиции, поскольку уже получившие хорошее образование дети не хотели повторять просторечия «отцов». Более того, у них постепенно стали появляться новые авторитеты и образцы для подражания. В этот период школа, радио, а чуть позже уже и появившееся телевидение вытесняют просторечие на задний план.

Говоря о современном просторечии (просторечие Москвы XXI века), можно констатировать его своеобразие. В данном случае можно говорить о том, что постепенно старое московское просторечие XX века исчезает, ибо исчезают его реальные носители. Буквально на наших глазах оно становится очевидным реликтовым явлением русского языка. Однако просторечие из общей системы русского языка не исчезает. Наоборот, одновременно с исчезновением старого возникает новое городское просторечие – феномен, еще совершенно не изученный лингвистами именно из-за своей новизны.

В настоящее время можно всего лишь оговорить специфические особенности современного российского городского просторечия, а именно:

– ненормированность речи, полное отсутствие кодификации на всех уровнях языка. В литературном языке встречаются трёхступенчатые нормы (М. В. Панов): – «рекомендуется», «допускается», «запрещено». Однако здесь нет (и не может быть!) однозначного равенства вариантов. А в просторечии практически все варианты однофункциональны и равнозначны;

– просторечие представляет собой недифференцированное языковое явление (ср., литературный язык характеризуется сложной стилистической организацией и дифференциацией средств);

– характерная для просторечия факультативность употребления, необязательность его для всех членов данного социума.

Если для кодифицированного литературного языка характерно функциональное разнообразие речевых единиц, то просторечие отличается функциональной «монотонностью». Здесь распространены полные синонимы. Дублетность языковых единиц – один из признаков диалекта, и в этом городское просторечие приближается к говорам [6, с. 12].

Следует отметить, что в основе большинства определений просторечия в современных словарях лежит представление о его выраженном экспрессивном характере. Лексическое просторечие рассматривается как совокупность языковых элементов, имеющих экспрессивную окраску грубости: *балбес, трепач, брюхо, пузо, нализаться, лапать, лаяться, обалдеть* и пр.

На наш взгляд, наиболее существенный признак, свойственный словарным единицам этой группы – пейоративность. Интересен факт, что составители практически всех современных словарей русского языка отнюдь не удовлетворяются только одной пометой – «просторечное», а чаще всего комбинируют сложные пометы, используя такие понятия, как «вульгарное», «областное», «бранное», «неодобрительное», «презрительное». Эти варианты помет подчеркивают негативно-экспрессивный характер рассматриваемых словарных единиц, равно как и закрепляют в их толковании сниженную «тональность» и отрицательно-оценочный характер значения. Следует оговорить, что варьирование этих негативно-экспрессивно-оценочных помет в словарях весьма субъективно.

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что просторечие – это неотъемлемая часть русского языка. И на каждом этапе своего развития язык преподносит новые формы и варианты просторечия, функционирующие по своим внутренним лингвистическим законам.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Высш. шк., 1982. 528 с.
2. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1959. 492 с.
3. Гиляровский Г. А. Москва и москвичи. М. : АСТ, 2016. 512 с.
4. Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелёв. М. : Наука, 1984. 189 с.
5. Земская Е. А. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие: проблемы изучения / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелёв. М. : Наука, 1984. С. 66–102.
6. Капанадзе Л. А. Современная просторечная лексика (московское просторечие) // Городское просторечие: Проблемы изучения. М. : Наука, 1984. С. 125–129.
7. Михалоп К. П., Шмелёва Т. В. Словарь города // Филологические науки. 1987. № 4. С. 81–84.
8. Нордстет И. И. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. Т. 1. СПб. : Издатель И. К. Шнор, 1780. 437 с.

Информация об авторах: *Григорян Виолетта Амаяковна*, кандидат педагогических наук, доцент Российско-Армянского университета (г. Ереван, Республика Армения); *Оганесян Карина Амаяковна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель Ереванского государственного университета (г. Ереван, Республика Армения).

МЕСТО ЗАИМСТВОВАННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

А. Н. Гуйда

*г. Пенза, Россия
guyda_19@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается иноязычная лексика, которая прочно закрепилась в современном языке. В СМИ заимствования занимают ключевое место. Приводятся примеры использования иноязычной лексики из газет Пензенской области.

Ключевые слова: иноязычная лексика, заимствование, англицизм, средства массовой информации, язык

Для цитирования: Гуйда А. Н. Место заимствованной английской лексики в пензенских печатных СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 344–346.

Заимствование слов из других языков (а именно англицизмов) – это активный процесс пополнения лексики русского языка, который начался очень давно, протекал плавно, но со времён перестройки активизировался, так как в этот период в России начали формироваться новые экономические, политические явления, оживились социальные и культурные связи.

Всестороннее изучение лексических заимствований в языке имеет как лингвистическое, так и культурно-историческое значение, поскольку иноязычные слова являются следствием не только языковых взаимоотношений, но и соприкосновений различных материальных и духовных культур.

В русскую речь заимствованные слова приходят вместе с новыми понятиями и реалиями общества. Условием к этому становятся тесные экономические, политические, культурные связи между народами – носителями разных языков. Известно, что заимствованное слово проще укрепляется в языке, если в его лексической системе имеются предпосылки к заимствованию. Это, например, стремление языка к устранению многозначности, к упрощению семантической текстуры слова. Благодаря этому появляется потребность уточнить или детализировать определенное понятие, разграничить его смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам.

Новое иноязычное слово входя в чужую систему языка претерпевает смысловые, фонетические, морфологические изменения, а также изменения в морфемном плане.

Большую роль в распространении иноязычных слов играют средства массовой информации. Журналисты используют иноязычную лексику для того, чтобы сделать статью более привлекательной, актуальной всем реалиям времени. Но иногда чрезмерное использование заимствований негативно влияет на содержание статьи. Например, когда в русском языке есть аналог, а журналист использует иноязычное. Информация становится непонятной для основной массы читателей.

Начало XXI века ознаменовано расширением сфер международных отношений. Английский язык становится языком международного общения. Начинает возрастать политико-экономическая роль англоязычных стран мира, их превосходство в значительной степени активизируют появление и использование англицизмов в русском языке. Причиной огромного потока англицизмов в русскую речь является популярность английского языка как ведущего средства международного общения.

Все иностранные слова, встречающиеся на страницах газет и журналов, можно разделить на три группы:

- слова, имеющие синонимы в русском языке;
- слова, не имеющие синонимов;
- слова, написанные на английском языке.

Слова, имеющие синонимы в русском языке: *мониторинг* – синоним «наблюдение»; система постоянных наблюдений, оценки и прогноза изменений состояния какого-л. природного, социального и т.п. объекта: *Специалисты агентства «Ромир Мониторинг», которые ведут анализ потребительского поведения россиян, отметили, что в нынешнем сентябре средний чек россиян составил 622 рубля, снизившись всего на 2 рубля по сравнению с августом* (ПП № 42 от 26.10.2021); *локдаун* – синоним «изоляция»; строгая изоляция заключённых и содержащихся под стражей. *Локдаун нежелателен. Пандемия отразилась на уровне безработицы в регионе* (ПП № 40 от 10.2021); *парламентарий* – синоним «государственный деятель»; член парламента, парламентский деятель: *Это обстоятельство, посетив компанию «Дамате», отметили все парламентарии* (ПП № 40 от 12.10.2021); *фермерский* – синоним «крестьянский»; отн. к фермеру, его ферме (хозяйству): *Наряду с крупными агропромышленными компаниями региона заметную роль играют крестьянские хозяйства и потребительские кооперативы* (ПП № 40 от 12.10.2021); *сквер* – синоним «садик»; небольшой общественный сад в городе: *Студенты колледжа пищевой промышленности благоустроили территорию сквера в районе домов № 12, № 14, № 16 по проспекту Победы* (ПП № 40 от 12.10.2021).

Слова, не имеющие синонимов в русском языке, давно вошли в наш обиход. Мы пользуемся ими каждый день, даже не задумываясь о том, что их языком-источником является английский. Рассмотрим некоторые примеры: *группа* – некоторое количество предметов или организмов (индивидов), объединённых на основании их пространственной близости друг другу и / или к.-л. реальных связей между ними: *Из-за эпидситуации конкурсанты будут работать в небольших группах* (ПП № 40 от 12.10.2021); *спорт* – составная часть физической культуры, основанная на физических упражнениях: *Трансляции будут проходить на канале «Творчество и спорт для людей с проблемами зрения»*; *фонд* – запас, накопление, ресурсы, капитал: *Подобные мероприятия Пензенское отделение Российского фонда проводит два раза в месяц* (ПП № 40 от 12.10.2021); *аккаунт* – идентификационный номер, код какой-либо учётной записи в каком-либо каталоге, банке данных, учётном списке и тому подобном: *Также вы можете поделиться мнением в наших аккаунтах в соцсетях – в комментариях или написав в личные сообщения* (ПП № 40 от 12.10.2021); *хоккей* – спортивная командная игра с клюшками и мячом (шайбой) на специальной площадке (поле) с воротами: *Вероника учится в школе, играет в следж-хоккей, занимается рисованием, вокалом, пробует силы в театральной студии* (ПП № 40 от 12.10.2021).

Слова, напечатанные в газетах на английском языке, – достаточно малочисленная группа. Они ещё более непонятны широкому кругу читателей-пензенцев. В особенности это касается большинства пенсионеров или людей преклонного возраста. Например, *Tilda Publishing* – название конструктора сайтов: *Дети постарше осваивают курс по созданию сайтов на бесплатных лендингах вроде Tilda Publishing* (ПП № 38 от 28.09.2021); *Follow me* (англ. «следуйте за мной»): *В пятницу финалисты представили видеоролики «Follow me» и подготовили презентацию-визитку, в которой рассказали о своей роли в движении студенческих отрядов* (ПП № 38 от 28.09.2021); *Pop it* (англ. «лопни это»): *О детях модники тоже не забыли; почти у каждого ребенка в руках «вечная пупырка» или Pop it»* (ПП № 31 от 31.08.2021).

Полемика по вопросу о вреде и пользе заимствований длится уже долгое время. На её основе выделяется полезная и избыточная иноязычная лексика. Полезной называется та, что не имеет аналогов в русском языке, избыточной же – та, которая содержит синонимы в русском языке.

На наш взгляд, спор об использовании избыточных заимствований в речи является бессмысленным. Язык подобен живому организму, который постоянно изменяется и прогрессирует. Хотя и очевидно временное засорение языка иноязычными словами, связанными, например, со сленгом социальных сетей («лайкать», «френдить», «фолловить»), но, как отмечает доктор филологических наук, литературовед Мариэтта Чудакова, в языке должны задержаться только те слова, которым нет эквивалента в русском языке и которые могут заполнить какую-то семантическую пустоту.

Таким образом, рассмотрев данный вопрос, мы пришли к выводу, что англицизмы представлены в лексике СМИ большим количеством единиц, что свидетельствует об их широком использовании в речи журналистов. Однако вопрос о правомерности их частотного использования остается открытым.

Информация об авторе: *Гуйда Анастасия Николаевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОНИМООБРАЗОВАНИЯ, ОТОБРАЖЁННЫЕ В ГОДОНИМИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ

А. В. Пивень

г. Горловка, Донецкая Народная Республика
ann.dzis@mail.ru

Аннотация. Исследуются годонимы современной Горловки в лексико-семантическом аспекте. Предмет исследования – годонимы города Горловки. Объектом исследования выступает классификация годонимов Горловки сквозь призму основных лексико-семантических способов образования ономастических единиц.

Ключевые слова: оним, годоним, лексико-семантический способ, словообразование, теория онима, онимизация, трансонимизация, апеллятив

Для цитирования: Пивень А. В. Лексико-семантические способы онимообразования, отображённые в годонимии современной Горловки // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 347–350.

Современный русский язык представляет собой сложную систему, состоящую из множества разнородных единиц, требующих детального изучения. Данное положение относится и к исследованию онимного состава языка с точки зрения его семантики. Причиной повышенного интереса к исследованию ономастических единиц является ряд работ, посвящённых ономастике и теории онима. Изучением данного вопроса занимались В. Д. Бондалетов, О. А. Донскова, В. М. Калинин, Ю. А. Карпенко, Н. Б. Мечковская, Е. С. Отин, А. В. Суперанская, В. И. Супрун, М. М. Торчинский и многие другие ономасты. Заслуживают особого внимания ономастические наблюдения Е. С. Отина. Автор в своей работе «Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона» утверждает, что определённые собственные имена, функционируя, могут со временем «приобретать целый пучок значений или коннотем» [5]. Данное явление в языкознании принято называть коннотонимизацией [5]. Ранее Е. С. Отин наглядно показал механизмы преобразования семантики при переходе имени из одного класса в другой на примере онима *Иван / Ивановы*, который из «абсолютного антропонима» перешёл в класс топонимов и гидронимов [5]. Данный процесс, как известно, является одним из лексико-семантических способов онимообразования, а именно трансонимизацией.

По определению В. М. Калинкина, трансонимизация – это процесс, при котором «внешняя форма имени остается неизменной, но меняются и денотативно-сигнификативный комплекс, и референт» [1]. В свою очередь, Н. Б. Мечковская указывает на тот факт, что трансонимизация – это лингвистическая универсалия, один из процессов образования онимов, в основе которого лежит процесс метафоризации и метонимизации лексических единиц [4]. А. Ю. Карпенко трактует трансонимизацию с точки зрения словообразовательного аспекта и считает рассматриваемый процесс одним из лексико-семантических способов образования новых ономастических единиц, связанных с явлением омонимии и полисемии [3, с. 3]. Учёный пишет: «онимизация и особенно трансонимизация широко представлены во всех классах собственных имён, а в некоторых они являются ведущими» [3, с. 36]. К примерам данного типа мы относим следующие номинации: ул. *Батюка*,

ул. *Беспощадного*, ул. *Богдана Хмельницкого*, ул. *Войнова*, ул. *Волкова*, ул. *Горлова*, ул. *Крупской*, ул. *Лазо*, площадь *Ленина*, ул. *Шашурина*, ул. *Горловская*, ул. *Чёрного-Диденко*, ул. *Стежко*, ул. *Стожка* и другие.

Особого внимания заслуживает рассмотрение вопроса типов трансонимизации. В. Д. Бондалетов, Н. Б. Мечковская и Н. В. Подольская считают, что процесс трансонимизации представлен двумя основными типами: абсолютная (семантическая) трансонимизация – процесс перехода онима из одного разряда в другой, при котором перенос происходит без добавления разного рода формантов. Например, ул. *Абраимова*, ул. *Алёхина*, ул. *Арсеньева*, ул. *Гоголя*, ул. *Лабузова*, ул. *Остапенко*, ул. *Пересыпкина*, ул. *Ренского*, ул. *Столяревского*, ул. *Шашурина*, ул. *Яковенко* и другие. Второй тип – грамматический – характеризуется тем, что при переходе разных онимов в разряд годонимов анализируемые единицы подвергаются изменению их формы. Так, с помощью аффиксации образовано наименование ул. *Горловская* от существительного *Горловка* с помощью суффикса *-ск-*, который принадлежит к средствам типичной словообразовательной модели адъективных однокомпонентных годонимов. Стоит отметить, что тип грамматической трансонимизации с добавлением суффикса *-ск-* является самой продуктивной моделью образования адъективных годонимов современной Горловки (409 единиц из общего числа адъективных годонимов) [6]. Например, ул. *Авдеевская*, пер. *Адыгейский*, ул. *Байкальская*, ул. *Волгоградская*, ул. *Дивногорская*, ул. *Константиновская*, ул. *Мелитопольская*, пер. *Самарский* и многие другие.

Исходя из статистических данных, процесс трансонимизации затронул 1056 единиц, или 64,67 % из 1633 наименований линейных адресных объектов. В свою очередь, семантическая трансонимизация представлена 859 единицами, или 64,73 %. Напротив, грамматическая трансонимизация представлена только 197 годонимами, или 12,1 % от общего количества наименований.

Ещё одним лексико-семантическим способом образования ономастических единиц является онимизация апеллятива. А. Ю. Полевая трактует онимизацию как один из наиболее древних способов формирования имени собственного [7]. В свою очередь, Н. В. Подольская в «Словаре ономастической терминологии» указывает на существование двух типов онимизации: 1) семантический тип, в основу которого положен переход апеллятива в оним без добавления формантов; 2) грамматический тип, понимаемый как синтез словообразовательных морфем или целостных основ лексемы. Автор «Словаря ономастической терминологии» отмечает, что «семантическая онимизация – процесс, происходящий без формальных изменений структуры апеллятива – он не относится к словообразовательным процессам, а определяется как семантическое словообразование» [8, с. 90]. В свою очередь, грамматический тип онимизации – это процесс онимообразования, основанный на изменении морфемного состава слова [8, с. 92]. К примерам данного лексико-семантического способа образования онимов мы относим такие наименования, как ул. *Азотная*, ул. *Горная*, ул. *Горняцкая*, ул. *Декабристов*, ул. *Зелёная*, ул. *Керамиковая*, ул. *Космонавтов*, ул. *Механизаторов*, пер. *Орбитный*, ул. *Осенняя*, площадь *Победы*, ул. *Шахтёрская*, ул. *Шахтная*, пер. *Шахтный* и др.

Исходя из статистических подсчётов, в годонимиконе города Горловки процесс онимизации затронул 488 единиц, или 30% из 1633 наименований линейных адресных объектов. В свою очередь, семантическая онимизация представлена 37 единицами, или 7,58% от общего количества онимизированных апеллятивов. Например, ул. *Артиллеристов*, ул. *Аэрофлота*, ул. *Больничная*, ул. *Великан*, площадь *Восстания*, ул. *Дружбы* (2 единицы), ул. *Животноводов*, ул. *Забойщиков*, ул. *Космонавтов*, ул. *Механизаторов*, ул. *Мира* и др. Напротив, грамматическая онимизация представлена значительным составом годонимов: 434 единицы, или

88,93 % из общего количества онимизированных апеллятивов. В состав онимизированных номинаций также входит группа годонимов, состоящая из нескольких компонентов – двусловных онимов (17 единиц, или 3,48 % от общего числа онимизированных годонимов). Например, ул. *Молодой Гвардии*, ул. *Нижний Массив*, ул. *Первой Пятилетки*, ул. *Советской Армии*, ул. *Содружества 1* и др.

Третий лексико-семантический способ образования онимов, охвативший деривацию годонимов современной Горловки, именуется смешанным и представляет собой онимизацию апеллятива с одновременной трансонимизацией имени собственного. Например, ул. *Маршала Пересыпкина*, ул. *Горловской Дивизии*, ул. *Космонавта Волкова*, ул. *Лейтенанта Бойко*, ул. *Снайпера Красношапки*. С помощью онимизации апеллятива с одновременной трансонимизацией онима образованы 62 единицы, или 3,8 % из 1633 наименований линейных адресных объектов.

Итак, в годонимии современной Горловки отображаются различные лексико-семантические способы онимообразования – трансонимизация, онимизация и смешанный способ, характеризующийся онимизацией апеллятива с одновременной трансонимизацией онима. Наиболее продуктивным способом образования годонимов Горловки является трансонимизация (1056 единиц, или 64,67 % от общего количества наименований). В свою очередь, семантическая трансонимизация охватывает 859 единиц, или 64,73 %, а грамматическая – 197 единиц, или 12,1 % от общего числа единиц, подвергшихся процессу трансонимизации. Онимизация как один из лексико-семантических способов онимообразования в годонимической системе Горловки охватывает 488 единиц, или 30 % из 1633 наименований линейных адресных объектов. Семантическая онимизация представлена 37 единицами, или 7,58 % от общего количества онимизированных апеллятивов, а грамматическая – 434 единицами, или 88,93 % от общего количества онимизированных апеллятивов. В свою очередь, количество онимов, образованных в результате смешанного способа, составляет 62 единицы, или 3,8 % из 1633 наименований линейных адресных объектов.

Таким образом, годонимическая система современной Горловки представляет собой пласт лексических единиц, который образован рядом лексико-семантических способов. Данные группы языковых знаков требуют более детального исследования, в том числе и с точки зрения структурно-грамматических особенностей, что и будет нами сделано в дальнейшем.

Список литературы

1. Калинин В. М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Ономастичні науки. 2006. № 1. С. 81–89.
2. Карпенко Ю. О. Онiмiзацiя i трансонiмiзацiя як словотвiрний акт : тези доповiдей i повiдомлень. Одеса : ОДУ, 1990. С. 35–37.
3. Карпенко Ю. О. Синхронiчна сутнiсть лексико-семантичного способу словотвору // Мовознавство. 1992. № 4. С. 3–10.
4. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2001. 270 с.
5. Отин Е. С. Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона // Избранные работы. Донецк : Донеччина, 1997. С. 173–194.
6. Пивень А. В. Структурно-грамматическая классификация адъективных годонимов города Горловки // Славистика: новые имена в науке : сб. науч. тр. по материалам IV Междунар. оч.-заоч. науч.-практ. конф. молодых учёных. Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020. С. 200–203.

7. Полевая А. Ю. Онимизация как способ образования нижегородских годонимов // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 611–613.

8. Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.

9. Способы номинации в современном русском языке / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М. : Наука, 1982. 293 с.

Информация об авторе: *Пивень Анна Витальевна*, аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков (г. Горловка, Донецкая Народная Республика).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СМИ г. ПЕНЗЫ)

И. В. Рузаева

г. Пенза, Россия
irisharuz@mail.ru

Аннотация. Анализируются лексические особенности речевого портрета провинциального журналиста. Затрагивается проблема соответствия и несоответствия речи журналиста основным критериям «правильной» и «хорошей» письменной публицистической речи.

Ключевые слова: культура речи, речевой портрет, лексические особенности, нейтральная и стилистически окрашенная лексика, профессиональная лексика, речевая ошибка

Для цитирования: Рузаева И. В. Лексические особенности речевого портрета провинциального журналиста (на материале СМИ г. Пензы) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 351–353.

В современной лингвистике подробно рассматривается человеческий фактор в языке, всё чаще изучаются связи между личностью и её воплощением в речи, особое внимание уделяется антропоцентрической парадигме, которая, по мнению профессора С. Г. Воркачева, возвратила «человеку статус меры всех вещей» и вернула «его в центр мироздания» [1, с. 64].

Таким образом, идея антропоцентричности языка является ключевой в современной лингвистике, наблюдается интерес к вопросам, как человек презентует себя посредством речевой манеры, как он проявляет свою личность в речи, всё активнее употребляется понятие «речевой портрет». На сегодняшний день этот термин, как отмечает М. В. Попова, прочно укрепился в области лингвистики и смежных антропоцентрических наук, где обрел большое количество вариаций, таких как, например, фонетический портрет, идею которого одним из первых высказал М. В. Панов (60-е годы XX века). Он указывал на особенности речевого портрета в зависимости от социальных и социокультурных условий личности: принадлежности к тому или иному поколению, социальному слою, профессии [4, с. 189].

Проблеме изучения речевого портрета были посвящены работы Г. Г. Матвеевой, Р. К. Потаповой, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, Л. П. Крысина, С. В. Мамаевой, Б. Л. Бойко, Ю. Н. Караулова, Е. В. Осетровой, Т. М. Николаевой, В. И. Карасика, Е. А. Земской и др.

Мы придерживаемся определения понятия «речевой портрет», данного С. В. Леордой, которая также указывала на социально-культурную сторону термина: «Речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности. При всем внимании к индивидуальности интерес учёных в первую очередь привлекают те черты языковой личности, которые несут в себе признаки групповой принадлежности» [2, с. 6]. Таким образом, несмотря на то, что речевой портрет индивидуален, он отражает особенности речи определенной социальной группы, к которой относится «портретируемый».

На сегодняшний день с развитием средств массовой информации и расширением охвата аудитории печатью, а в последние десятилетия – интернетом, проблема речевого портрета журналиста становится особенно актуальной, интересен «набор его речевых предпочтений в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [3, с. 14]. Возникает необходимость в поиске образцов журналистской речи и реконструкции речевого портрета журналиста.

Объектом нашего внимания становится речь провинциального журналиста (на примере СМИ г. Пензы) с позиции его речевой культуры, а именно лексических особенностей. Необходимо отметить, что лексическая сторона речевого портрета характеризует языковую личность наиболее полно, даёт представление о содержательной стороне речи. Также нас интересует выявление примеров соответствия и несоответствия речи журналиста основным критериям «правильной» и «хорошей» письменной публицистической речи.

Нами были отмечены случаи употребления журналистами иноязычных вкраплений, стилистические маркированной сниженной лексики (разговорной, используемой в непринужденной речи, и просторечной, используемой в эмоциональных речевых ситуациях при необходимости дать оценку явлению). Однако, безусловно, велико употребление стилистически нейтральных (*маршрутка, дом, тротуар, счётчик, маска*) и книжных слов (*трагедия, опасаться, конфиденциально, независимость, подвиг, патриотизм*), так как к основным сферам употребления книжной лексики относятся жанры книжно-письменной речи, например, газетные статьи.

Большинство рассмотренных нами заимствованных слов по своей тематике относится к профессиональной сфере журналиста, например: «*Любовь Никишова сделала «Мокшанский чай» брендом района*» («Пензенская правда», 08.12.2021); «*Почти все захотели стать блогерами <...>*» («Пензенская правда», 12.01.2022); «*А интернет-трендам следуете? Например, съемке в духе стрима*» («Пенза плюс ТВ», 29.06.2021); «*Акцент сделан на контент собственного производства*» («Пенза плюс ТВ», 28.12.2021); «*Многие уверены, что сегодня КВН <...> давно уступил стендапам и шоу нового формата типа «Интуиции», «Игры» и разных блогерских проектов*» («Пенза плюс ТВ», 25.01.2022); «*За креативом – в ТРК «Наш дом»*» («Молодой ленинец», 26.01.2022). В последнем случае наблюдаем употребление кальки английского слова «creative», означающего «творчество, творческий». Сегодня это слово чаще всего используется среди специалистов по рекламе, а также в речи журналистов.

Таким образом, с точки зрения сферы употребления нами было отмечено использование профессиональной и специальной лексики, например, терминов, связанных с телевидением: «*<...> облачаться в яркие наряды вы сможете под специальную новогоднюю эфирную сетку 11 канала*» («Пенза плюс ТВ», 28.12.2021).

В то же время в речи журналистов встречаются специальные слова из других сфер, например, официально-деловая лексика, употребляемая преимущественно в сфере деловых отношений и имеющая «канцелярскую» окраску: «*Хорошие новости для пензенских пенсионеров: их ждет дополнительная индексация страховых пенсий*» («Молодой ленинец», 25.01.2022); «*Потребитель может оформить заявление на замену прибора учета в центрах обслуживания клиентов*» («Молодой ленинец», 25.01.2022); «*По мнению истцов, постановление принято Михаилом Перексихиным вне пределов его полномочий... Ответчики указали, что документ принят в соответствии с полномочиями должностного лица*» («Молодой ленинец», 07.02.2022); «*Федрезерв (ФРС) объявил о своих намерениях сохранить учетную ставку и усилить монетарную политику*» («ПензаИнформ», 18.02.2022).

Помимо нейтральной лексики, представители пензенских печатных СМИ используют стилистически окрашенные слова. Стоит отметить, что количество случаев употребления разговорной лексики превосходит использование книжной: «Пензенцев **шокировало** неожиданно сильное подорожание ЖКУ» («Пенза Пресс», 20.02.2022); «**Управляйка** приписала жильцам 500 кубов воды» («Молодой ленинец», 12.08.2021); «**Преступники сорвали куш** в 100 миллионов! Но счастья это им не принесло...» («Молодой ленинец», 11.02.2022); «**Воспитанники Центра помощи заразились** примером Олеси и стараются быть похожими на неё» («Пензенская правда», 12.01.2022). В последнее время сниженная лексика часто связана с «ковидной» животрепещущей темой: «**Антиковидный лохотрон**» («Наша Пенза», 01.07.2021).

Также в пензенских СМИ можно встретить устойчивые выражения разговорного характера, имеющие экспрессивный оттенок фамильярности, пренебрежительности, неодобрения: «**Найти управу** на управляйку: как хрупкая девушка из Пензы выиграла суд с УК за залитую квартиру» («Пензенская правда», 07.02.2022); «**Оставление в опасности: дистант может выйти боком** родителям» («Пенза-Информ», 27.01.2022).

Данные примеры не отвечают требованиям «хорошей» речи, ведут к речевым ошибкам разного типа: употребление слова в несвойственном ему значении, употребление слов иной стилистической окраски, неоправданное употребление просторечных слов и т.д. Например: *Оркестр «Пенза» и Галина Репная поставили творческий эксперимент* («ПензаИнформ», 29.01.2022). Речевая ошибка: нарушение лексической сочетаемости. Так, эксперименты проводят, а не ставят. Также эксперимент может состояться, начаться, завершиться.

Таким образом, нельзя отрицать значимость изучения речевого портрета провинциального журналиста, поскольку в речи отдельной языковой личности отражаются как общие тенденции развития языка и специфические черты конкретной социальной группы, так и индивидуальные, характеризующие речевые особенности конкретного человека. Осуществив анализ лексического портрета пензенского представителя СМИ, приходим к выводу: в письменной речи провинциального журналиста велико употребление заимствованных слов; использована специальная лексика, как из области своей профессиональной деятельности, так и из других сфер; наряду со стилистически маркированной лексикой употребляются слова, не имеющие окраски.

Список литературы

1. Воркачѳв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Леорда С. В. Речевой портрет студента : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 19 с.
3. Матвеева Г. Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 32 с.
4. Попова М. В. Взаимозависимость речевого и социального портретов говорящего // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 15. С. 188–198.

Информация об авторе: Рузаева Ирина Вадимовна, студентка магистратуры Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 65 / 23 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

ОСОБЕННОСТИ УФИМСКОЙ ЭРГОНИМИКИ

Э. А. Салихова

г. Уфа, Россия
Salelah12@yandex.ru

Аннотация. Характеризуется эргономическая составляющая ономастикона столицы Башкирии с точки зрения экологии коммуникации, определяются некоторые особенности речевого жанра вывески в языковом ландшафте города в зависимости от расположения объектов наименований в городе, описывается специфика аббревиации в текстах-наименованиях, отмечается этнолингвоинформационная опасность отдельных из рассматриваемых эргонимов.

Ключевые слова: вывеска, ономастикон, эргонимы, языковой ландшафт

Для цитирования: Салихова Э. А. Особенности уфимской эргониимики // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 354–359.

Термин «образ города», часто используемый в социолингвистике в последние годы, связан с его восприятием, под которым подразумевается «целостное и комплексное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при соприкосновении с ними личности и обусловленное рядом индивидуально-психологических особенностей (памятью, характером, мотивацией), а также социально детерминированной целью» [4, с. 366].

Эргонимическая, или «точечная», составляющая ономастикона столицы Башкирии отличается многообразием и гибридностью языковых форм и их вариантов. В представляемой вниманию публикации автор обращается к особому речевому жанру вывески, представляющей собой письменный текст малой формы («текст-примитив»), расположенный на городском объекте и выполняющий определяющую и рекламную функции. Например, в здании на одной из центральных улиц города соседствуют несколько магазинов – мини-рынок «Алтын» (башк. «золото»), магазин «Дёмский» (одноименный с районом города Уфы), «Freundschaft» (нем. «дружба») – магазин промышленных товаров. Текст вывески – это один из элементов языкового быта города, его языкового ландшафта, отображающий изменения в социальной, экономической и политической жизни города. Такие тексты городской среды отражают не только языковую, но и национально-культурную специфику крупного населённого пункта. Кроме того, городские вывески отражают и формируют лингвокультурное пространство современного города, их рассмотрение важно в аспекте лингвоэкологической проблематики (подробнее: [3, с. 170–189]).

Существование в больших и малых городах РБ однословных иноязычных наименований множества иностранных представительств известных фирм (фирменных магазинов и салонов («Befree», «Bershka», «Euro Brend», «Yves Rocher», «Lazurit», «Finn Flare», «Pfaff», «Barrister», «Pioneer», «SAVAGE» и др.) с соединившими в себе слова двух и более языков (ювелирный салон «Алмаз-холдинг», магазин спортивных товаров «Спорт-лайн», студия звукозаписи «Rikom-Башкортостан»), а также объединение русских слов в номинации с английским союзом *and* посредством знака «&» (магазины-салон «Шкафчик & Диванчик», «Стиль & комфорт», «Marks & Spenser», «Edgar & Scott»), ювелирный салон «Золото & Часы») или отражающие в наименовании национальную принадлежность предлагаемого товара / услуги (магазин и салон «Просто швейцарские часы», «Немецкие

окна», кафе «Итальянская пицца», «Анталия», «Мармарис», «Эврен», фитнес-клуб «Аврора», клуб юных техников «Гефест», магазин «Антей», фонд «Аякс», юридическое агентство «Фемида», салон обуви «Спартак» и др.) свидетельствуют о том, что современные предприниматели и учредители перечисленных организаций, фирм, предприятий вряд ли задумываются об этнолингвоинформационной опасности некоторых названий.

Так, аббревиация как активно используемый в наименованиях приём оправдывает себя во всем известных ЦУМ, АЗС, однако спекулирование сокращениями типа «А.С.К. Сервис», «ТСМ-М», «УМПРИМ ЛТД», «РТСофт» закономерно приводит к затруднению восприятия их значения, тем самым снижая лингвоэкологический уровень общения в эргонимическом пространстве города. Встречаются и названия-«шифровки» наименований фирм / учреждений, запоминание которых сводится к известным словам или сокращениям и не способствует повышению доверия к организации: НЛО («Недвижимость, лизинг, обеспечение»), МОРЖ («Мастерская обмена разного жилья»), БЛИК («БизнесЛизингИнвестКомпани»), ХЛАМ («Художники, литераторы, актеры, музыканты»), ЦРУ («Центр рекламы Уфы»).

Экологию коммуникации нарушают и случаи намеренного нарушения норм литературного русского языка в области орфографии [3, с. 179]: «пиво «по-Руски», ресторан «Шиколат»; норм лексической сочетаемости и благозвучия, актуализирующих, казалось бы, идею надёжности за счёт уподобления государственным предприятиям: «Южуралкомсервис», «Стройдормашсервис», ОАО «Нефтегазвзрывпромстрой», ООО «Башавтокомплект», ООО «Баштрансгаз», однако их трудная произносимость, читаемость нивелируют информативность». Графическое сочетание строчных и прописных букв в «МегаФоне», «ВымпелКоме», с одной стороны, «привлекает внимание потребителя, с другой – привносит дополнительный смысл посредством смешения двух слов с учетом их стилистического, лингвопрагматического потенциала» («Вымпел + Компания»; удачно с лингвистической точки зрения использование названия «МегаФон» вместо русских эквивалентов «Рупор» или «Громкоговоритель») [1, с. 184]. Неоднозначно воспринимаемая горожанами и гостями столицы вывеска международной сети доставки суши и роллов «ЁбиДоёби» вызывает ассоциации с нецензурными единицами. Текст вывески является эвфемизмом от бранного выражения. Сокращение или выделение в словах непристойных частей неприемлемо согласно требованиям ФЗ-№ 53 от 01.06.2005 «О государственном языке Российской Федерации». Разъяснения Роскомнадзора коррелируют с содержанием пп. 9 ч. 1 ст. 3 данного закона. Запрещено использовать не соответствующую нормам русского языка лексику: если таковая вызывает в сознании людей стойкую ассоциацию с тем или иным бранным словом, то они относятся к ненормативной лексике: контекст существенно влияет на смысл текста и его восприятие и, в конечном итоге, на юридическую ответственность.

Социолингвистический аспект речевого жанра вывески выявляет различия в текстах-названиях объектов в зависимости от расположения в городе. Отмечено: в центре города в большем, чем на периферии, количестве представлены вывески, основанные на текстах с использованием иноязычной лексики или стилизованной под неё (студия мебели «Leon», винный бутик «Брют», салон женской одежды «CityShop» и пр.). Наблюдения показывают, что в креолизованном тексте вывески невербальный элемент (иллюстрация – иконический элемент – в виде значка &, @, \$, втулки стабилизатора) не только дополняет информацией, но и несёт смысловую нагрузку о совмещённости двух объектов, о том, что можно воспользоваться услугами электронной почты или получить деньги, о профиле предприятия и т.д. Наименования объектов на периферии города сохраняют черты вывесок советской

эпохи: *гастроном* (ср. в центре города – *маркет*), *парикмахерская* (соотв. в центре – *студия / клуб красоты*), *закусочная (кафе)*, кафе «У дяди Вани» (в центре – кафе «*Latte*») и др.

Престижность или статусность кафе или магазина, ресторана, салона красоты (ныне частым стало использование общих названий – *страна / салон / планета / посольство красоты / имидж-студия / точка имиджа*) подчёркивается гармонично введенными в название иноязычными элементами, прежде всего англицизмами и русскими словами, написанными латиницей (полностью или частично). В частности, наименования студий красоты и парикмахерских «*Элен*», «*Катрин*», «*Ева*», «*Джулия*», «*Изют*» мотивированы западноевропейскими женскими именами, являющимися символом роскоши и престижа, ориентированы на молодое поколение, активно включающее в свой идиолексикон такие элементы. Собственные имена употребляются в форме единственного или множественного числа. Это языковое явление также присутствует в вывесках города Уфы: «*PaoloConte*», «*CarloPazolini*», «*KiraPlactinina*». Пауло Конте или Кира Пластинина – прославленные бренды, и названия магазинов говорят о том, что вся продукция в нём от дизайнеров.

Правда, сторонники этнической идентичности в противовес этому стали активно использовать имена с яркой национальной привязкой: магазины «*Тэмлекэс*», «*Тахир и Зухра*», «*Бакса*», «*Йондоз*»; супермаркет «*Алтын*»; бистро «*Тан*»; галерея «*Аймак*»; ресторан «*Акбузат*»; гостиница «*Ак-тау*»; ателье «*Карлугас*»; строительная фирма «*Башкирский гранит*»; кафе «*Айгуль*», а также комиссионный магазин «*Русское золото*»; ресторан и бистро «*Уфа*»; магазин «*Русский ситец*»; юридическое агентство «*ЗаконЪ*» и магазин парфюмерии «*Брукаръ*», в наименовании которых буква «ер» («Ъ») и использование устаревшей грамматической формы именительного падежа символизируют стабильность и наличие традиций, актуализируют воспоминание о великой Российской империи. Установка на адресата проявляется и в текстах-вывесках с использованием местоимений: «*Все для Вашего дома*», «*Наша мебель*».

Трудно предположить, каким образом фирмы «*Аборигены*», «*Апрельские тезисы*», «*Генерал-майор*» и подобные им планируют развиваться и расширять свою деятельность, если не внесут коррективы или не переименуют свое шутовское или эпатирующее название на уровне региона. Мотивированность подобных наименований теряется (ср. также тексты вывесок продуктовых магазинов с тематическими разновидностями: названий географических объектов – «*Анталлия*»; цифровые номинации – «*333*», «*777*»; названия растительного мира – «*Василёк*», «*Ромашка*», «*Березка*» [1]). Т. В. Шмелёва [2, с. 73] приводит в качестве примера название магазина женской одежды «*NafNaf*», которое в нашей стране вызвало больше недоумения, чем интереса в связи с возникновением устойчивой ассоциации в русском языковом сознании с героем известной детской сказки, хотя во французском языке слово представляет собой обращение к любимому человеку.

Из присутствующих в вывесках столицы языковых средств выразительности гипербола часто сочетается с другими стилистическими приёмами, придавая им соответствующую окраску: гиперболические сравнения, метафоры и т.д. Так на примере магазинов «*Планета*», «*Планета суши*», «*Цветочное изобилие*», «*Грандавто*», а также ТЦ «*Мир*», ТСК «*Планета*» можно сделать вывод о том, что благодаря названию делается акцент на большом количестве ассортимента. В названии магазина «*Пан чемодан*» присутствует ирония: чемодан – неодоушевлённый предмет – не может иметь звания. Назвав чемодан паном, владелец даёт понять адресату его значимость, ценность.

Тексты малого объёма (тексты-примитивы) непосредственно связаны с проблемой креолизации. Их отличительной особенностью является возможное добавление к вербальному компоненту иконического элемента. Вербальный и невербальный ряды создают единое визуально-структурное, функционально-смысловое и коммуникативное целое. Иллюстрация может быть непосредственным элементом текста, замещающим какую-либо букву в тексте, например, в шиномонтаже «*Колесо*» буква К частично заменена цифрой 5, что в символической форме информирует покупателя о том, что колеса в этом шиномонтаже можно заменить и про запас. В этом случае иллюстрация не только заменяет букву, но и несёт смысловую нагрузку. То же в сети агентств недвижимости «*СмениКварти.Ру*»: последний слог «ру» указывает на домен верхнего уровня, выделенный для России.

Наиболее многочисленной является группа вывесок, построенных на основе образных ассоциаций, которые являются отсылкой к литературному произведению. Связь звуковой оболочки слова и его лексического значения основано на представлении о предмете. С помощью аллюзии дается понятие об основной направленности магазина, например, название «*Кот в сапогах*» (отсылка к детской сказке) ясно говорит о том, что этот магазин детский (конкретно детской обуви) или пекарня «*Добрая печка*». Аллюзия применяется и в названии магазина зимней одежды «*Снежная королева*» (отсылка к сказке о зиме). Благодаря своей структуре и особой функции в тексте, эпитет приобретает некоторое новое значение или смысловой оттенок, используя эпитет, можно выделить те свойства и признаки изображаемого им явления, на которые хотелось бы обратить внимание [3]. Например, ювелирный магазин «*Золотая стрекоза*», применяется отсылка к драгоценному металлу, или магазин «*Живые цветы*», автор таким образом говорит о свежести цветов.

Роль историзмов в современных текстах определяется самой сущностью слов такого рода: они необходимы в тех текстах, в которых речь идет о предметах и явлениях прошлого. Например, полушка в исторических письменных источниках упоминается под названием «полуденьга», таким образом, название сети супермаркетов «*Полушка*» должно натолкнуть потребителя к мысли о том, что в данном магазине низкие цены. Ещё одним примером может послужить название ТЦ «*Барин*» («богатый человек») или магазина «*Купец*». Владелец желает привлечь внимание будущего покупателя, заманивая его богатым ассортиментом. Примером может служить и закусочная «*Трактиръ*».

Интересными с точки зрения использования речевых средств воздействия, обусловленного речевой деятельностью человека, его коммуникативным опытом и речевой практикой социума, представляются сведения, в явном виде не выражаемые, но с необходимостью извлекаемые реципиентом при интерпретации сообщения. Потребитель подобной информации использует при этом свои знания о мире и социальные стереотипы, представления о традициях этикета или о речевых намерениях адресанта, сведения о свойствах используемого языка или иных семиотических систем [3]. Имплицированная информация является неотъемлемой частью любого сообщения. Такого рода сообщения часто используются в рекламной коммуникации для присвоения объекту императивности, оценки и её повышения. Содержащееся в рекламном сообщении имплицитное высказывание с призывом и убеждением оформляется, как правило, с помощью восклицательных и вопросительных предложений [3].

Натуральный мёд от правильных пчёл! и Что делает башкирский мёд таким замечательным?; Суши бармы? Бар-бар! (башк. “Суши есть? Есть-есть”), Токтама, сникерстен! (башк. “Не тормози, сникерсни!” – фото 1). Эти восклицания, вопросы и директивы имплицитно содержат оценочные суждения «“Башкирский

мёд» такой замечательный», «Суши есть» (в двух омонимичных значениях: и в наличии, и для употребления) и побуждение к окказиональному действию – «сникерсни» («съешь “Сникерс”»).

Фото 1. Известная реклама, переведенная на башкирский язык

Казалось бы, нейтральный нейминг «Terra Bashkiriа» (недавно появившийся туристический бренд – фото 2) в сопряжении со слоганом «Душа Урала, сердце Евразии» привлекает глубинной идеей, которая, по нашему мнению, отсутствует в «раскрученном» и уже бывшем на слуху «Visit Tatarstan».

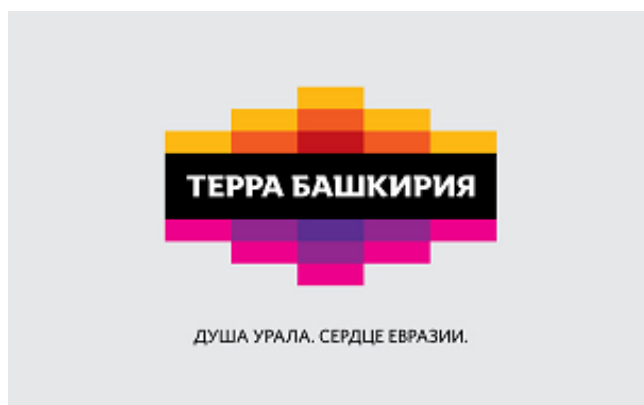

Фото 2. Нейминг «Terra Bashkiriа»

Полагаем, что фонетическая конструкция последней не уникальна: «Визитов» очень много, особенно за границей. Этот фонетический ход на сегодняшний день считается шаблонным: есть Visit Tyumen, Visit Finland, Visit Estonia и другие. Это вербальное решение «Visit Tatarstan», скорее, поверхностно.

Элемент уникальности удалось привнести в название «Terra Bashkiriа». В настоящее время про Башкортостан, к сожалению, знают очень мало в России, не говоря уже про зарубежье. Республике есть что показать, особенно потрясающую природу: Уральские горы, Шиханы, пещеру Шульган-Таш с наскальными рисунками, которым 18 тысяч лет (таких пещер в Евразии всего три – в Испании, во Франции и в Башкирии). Этот минус разработчики бренда и слогана решили превратить в плюс, используя приставку Terra, создающую образ неизвестной мистической страны, в которую хочется приехать, раскрыть тайны первозданного (сравним также с Terra Incognita, Terra Nova). Автору бренда И. Байбуруну задавали вопрос «Почему именно Terra? Ведь возможно тюркское «иле»?». Мы согласны с художником в том, что, создавая бренд, необходимо учитывать аудиторию извне, так как он должен быть понятен максимальному кругу людей. По этой причине удачно взято в основу древнее латинское слово, которое узнаваемо во всем мире и произносится одинаково на всех языках. «Иле» – это локализм (досл. «родная сторона, родная земля, родина»), не понятный даже многим россиянам; Terra – интернационализм, и это слово очень эстетично в связке со словом «Башкирия».

Тот факт, что в изобразительном ряде данного бренда отсутствуют привычные башкирские маркеры – например, пчелиные соты, соцветие курая – означает, что «ни один из них не может быть символом региона в туристической отрасли. Действительно, башкирский мёд не может являться турбрендом, как круассан не может быть турбрендом Франции или хамон – Испании» [3, с. 187]. Разработчикам удалось найти такой декоративный символический знак, который является переосмыслением, переработкой башкирского орнамента, стал тем собирательным образом, в который в силу его абстрактности вкладывается многое. Одна из идей, заложенных в этот многоцветный знак, – многонациональность республики. Обратим также внимание и на использование в бренде слова «Башкирия», а не «Башкортостан». Во-первых, второе тяжело произносить в сравнении с лёгким, мягким, поэтичным «Башкирия».

Изученный материал демонстрирует, что внедрение англицизмов или латинизмов в русскую и тюркоязычную эргономику ономапространства г.Уфы связано с таким феноменом, как утверждение в качестве а) высококвалифицированного и надёжного партнера (в эргонимии, типа *Citilab*, «*Муха-Рекордс*» и др.); б) высокообразованного, интеллектуально развитого человека или же оппонента (в Интернет-чатах, например, *Frend*, *Big*, *President*); в) высокотехнологичного продвигаемого продукта (в прагмонимии – фотоаппарат *Canon*, *Nikon*, строительные электроинструменты *Hitachi*); г) комфортного и достойного проживания (в микротопонимической лексике – название квартала *Green Park*); д) новых форм собственности и организации бизнеса (бизнес-центр «*Капитал*», *дискаунтер посуды «Экономка*», сток европейской одежды «*Second Hand*»); е) известных фирм, предоставляющих краткосрочные займы («*Срочные деньги!*», «*Быстрокредит*», «*Отличные наличные*») – всего того, что соответствует требованиям времени и пропагандируется на уровне эргонима.

Список литературы

1. Салихова Э. А., Искужина Н. Г. Гетерогенное языковое пространство города: специфика речевого контактирования // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2013. № 3, ч. 2. С. 181–186. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/48.html>
2. Шмельёва Т. В. Улицы города с позиций психолингвистики: несостоявшийся диалог с К. Ф. Седовым // Коммуникация. Мышление. Язык. Саратов : Наука, 2012. С. 68–79.
3. Языковая мозаика г. Уфы : коллективная монография / под ред. проф. Э. А. Салиховой. Уфа : Аэтерна, 2021. 414 с.
4. Яковлева Е. А. Филологическая урбанонология: новые аспекты изучения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 771–774.

Информация об авторе: Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры инновационных технологий языковой коммуникации Уфимского государственного авиационного технического университета (г. Уфа, Россия).

КУЛЬТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ В ПОДПИСЯХ К ФОТОГРАФИЯМ В ПЕНЗЕНСКИХ СМИ

А. С. Сидорова

г. Пенза, Россия

miss.sidorowa-anastasiya2011@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются лексические особенности в текстах подписей к фотографиям в пензенских СМИ. Делается вывод о роли аллюзий в передаче информации об изображениях.

Ключевые слова: подпись, фотография, СМИ, аллюзия, Пенза

Для цитирования: Сидорова А. С. Культурные аллюзии в подписях к фотографиям в пензенских СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 360–363.

Несмотря на то что тексты подписей к фотографиям в настоящее время всё чаще становятся объектом лингвистического анализа, их жанровые особенности требуют продолжения исследования. Подпись, сопровождающая фотографию, способна в краткой, лаконичной форме передать важную информацию об объекте изображения (предмете, событии и т.п.) [2, с. 23].

В настоящей статье рассматриваются подписи к фотографиям, опубликованным на страницах газет «Комсомольская правда (Пенза-Саранск)» и «Комсомольская правда+Экстра» и «Пензенская правда».

Основной чертой языка газеты является стремление к стандартизованности и одновременно к экспрессивности. Одним из наиболее продуктивных способов создания экспрессивности заголовка, на наш взгляд, является приём аллюзии. Аллюзия представляет собой «риторический приём, используемый для создания подтекста, состоящий в намёке на какой-либо широко известный исторический, политический, культурный или бытовой факт» [3, с. 22]. Т. А. Ревякина и В. В. Щур отмечают: «Аллюзивный заголовок – это особая синтаксическая конструкция, вступающая в диалогические отношения как с другими текстами, так и с читателем, вызывающая у него определенные ассоциации; конструкция с ярко выраженным в ней отношением автора к тексту» [1, с. 93].

В ходе анализа языкового материала, извлечённого из пензенских СМИ, были выделены группы подписей к фотографиям, содержащие различные культурно-исторические аллюзии. Среди всей выборки нами отмечены подписи, содержащие отсылки к произведениям массовой теле- и кинокультуры, к музыкальным и литературным произведениям, а также к выражениям из устного народного творчества.

Подписи, содержащие отсылки к произведениям массовой культуры (фильмам, мультфильмам и сериалам):

«В мире появилась новая мода – одеваться, как герои «Игры в кальмара». Их униформа на последний Хеллоуин была едва ли не самой популярной. Самое странное, что родителей не смущает, когда их дети облачены в наряды охранников-палачей или кукол-убийц. Новое время – новые кумиры...» («Комсомольская правда», 24 ноября – 1 декабря 2021 г.). «Игра в кальмара» — популярный южнокорейский веб-сериал в жанре выживания, приключенческого боевика, триллера и драмы, вышедший в 2021 году.

Скептики считают, что основную часть продуктов уничтожают только на бумаге, как в фильме «Кавказская пленница» («Комсомольская правда», 4 февраля 2022 г.). В данной подписи содержится отсылка к кинокартине Л. Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966).

Сам себе управляющая компания («Пензенская правда», 15 февраля 2022 г.) – отсылка к названию телевизионной передачи «Сам себе режиссёр» (1992–2019), в основе которой лежала демонстрация любительского видео.

Бросок, ещё бросок! («Пензенская правда», 15 февраля 2022 г.) – отсылка к сериалу «Бросок, ещё бросок» (Lance et compte, сериал, 1986–2015) – канадскому телероману о вымышленной хоккейной команде, базирующейся в Квебеке.

Тот самый сугроб на остановке «Хлебокомбинат» («Пензенская правда», 22 февраля 2022 г.). В данной подписи можно увидеть аллюзию на название советского художественного двухсерийного телефильма М. Захарова «Тот самый Мюнхгаузен» (1979 г.).

Подписи, содержащие отсылки к музыкальным произведениям:

Россиян из объятых протестами республики вывозили самолетами Ил-76 («Комсомольская правда»; вкладыш: «Союзное вече», 14 января – 20 января 2022 г.). В данной подписи содержится неявная отсылка к строкам из известной советской песни военного времени «Алёша»: «К долинам, покоем объатым...».

«Когда был Ленин маленький с курчавой головой», он успел побегать в валенках даже по Марсу... («Комсомольская правда», 28 января 2022 г.). В данном случае подпись содержит отсылку к стихотворению М. И. Ивенсен и его варианту, написанному А. Л. Барто:

Когда был Ленин маленький,
С кудрявой головой,
Он тоже бегал в валенках
По горке ледяной.

Евгению Семенову придётся зажечь за того парня («Комсомольская правда», 28 января 2022 г.). «За того парня» – песня композитора Марка Фрадкина на слова поэта Роберта Рождественского, посвящённая Великой Отечественной войне. Впервые песня была исполнена в художественном фильме «Минута молчания», вышедшем на экран в 1971 году. Слова «за себя и за того парня», звучащие в песне, стали трудовым лозунгом, использовавшимся в СССР в преддверии 30-летия победы в Великой Отечественной войне, а затем закрепились в качестве фразеологизма, употребляющегося как в патриотическом ключе, так и для ироничного или неодобрительного обозначения вынужденной работы за других.

Молодым в кино у нас дорога! («Комсомольская правда», 1 февраля 2022 г.) – отсылка к словам «Молодым – везде у нас дорога, / Старикам — везде у нас почёт» из «Песни о Родине», написанной композитором Исааком Дунаевским (1900–1955) на слова поэта Василия Ивановича Лебедева-Кумача (1898 – 1949) для кинофильма «Цирк» (1936, режиссёр Григорий Александров). Данная фраза употребляется как в прямом, так и в ироническом смысле, согласно ситуации.

Там, где верблюды не пройдут и конь ретивый не промчится, «КамАЗ», как пуля пролетит, и ничего с ним не случится («Комсомольская правда»; вкладыш «Союзное вече», 28 января – 3 февраля 2022 г.) – отсылка к советской песне «Стальная эскадрилья» на стихи Б. Ковынева: «Там, где пехота не пройдёт // И бронепоезд не промчится, // Тяжёлый танк не проползёт - // Там пролетит стальная птица!».

Подписи, содержащие отсылки к литературным произведениям:

Остановись, мгновение! («Пензенская правда», 22 февраля 2022 г.). Данная подпись отсылает читателя к трагедии «Фауст» (1808) великого немецкого учёного и писателя Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832).

Окно в рынок реформаторы 90-х прорубили. Но оно оказалось узким и неудобным («Комсомольская правда», 21 января 2022 г.). Аллюзия на выражение «Окно в Европу» – из сочинения «Письма о России» («Lettere sulla Russia», 1759) итальянского писателя, знатока искусств и естественных наук Франческо Альгаротти (1712–1764). Выражение приобрело популярность после того, как его использовал А. С. Пушкин в своей поэме «Медный всадник» (вступление, 1833):

Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...

Подписи, содержащие устойчивые сочетания. Включение фразеологизмов в публицистический текст делает его эмоциональным и экспрессивным, благодаря чему реализуется одна из основных функций публицистики – воздействующая:

Водитель, приготовьтесь, сейчас вылетит птичка! И накаркает вам нарушение, которого вы не совершали... («Комсомольская правда», 4 февраля 2022 г.). Подпись содержит выражение «Внимание, сейчас вылетит птичка!» – это популярная фраза, которую часто произносят фотографы для привлечения взглядов детей в объектив фотоаппарата, поскольку в начале XX века использовалась статуетка птички, издававшая трели, напоминающие пение птиц.

Дорогу осилит идущий, гласит известная поговорка. И то верно: едущий её точно не осилит. По крайней мере во многих российских деревнях... («Комсомольская правда», 11 февраля 2022 г.) – отсылка к крылатому выражению «Дорогу осилит идущий» (*Viam supervadet vadens*). Возможно, первоисточником этого выражения является Ригведа («Веда гимнов») – старинный сборник хвалебных стихов X века – Гимн Щедрости (книга 10): «Дорогу осилит пешком идущий».

Валентина Николаева рассказывает: поскольку в село ни пройти ни проехать, погибли её муж и сосед («Комсомольская правда», 11 февраля 2022 г.) – аллюзия на выражение «Ни проехать ни пройти (ни пройти ни проехать)» – об очень плохой, грязной, разбитой и т.п. дороге.

На волшебную силу спорта надейся, а маску не снимай! («Комсомольская правда», 15 февраля 2022 г.). В данном выражении становится очевидной отсылка к известной поговорке: «На бога надейся, а сам не плошай», которое означает: нельзя полагаться только на удачу, во всём нужно рассчитывать на самого себя.

Таким образом, употребление аллюзий в подписях к фотографиям делает текст и само изображение более понятным адресату. Угадывая знакомый текст, читатель ощущает родство с автором подписи, который будто рассказывает о событиях и лицах на фотографиях за дружеской беседой. Тексты, содержащие культурные аллюзии, позволяют читателю дополнить ценную информацию его мнением об изображённом на фотографии, а также составить собственное впечатление об изображении.

Список литературы

1. Ревякина Т. Л., Щур В. В. Аллюзия как стилистический приём создания экспрессивности газетных заголовков // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 10. С. 93–97.

2. Родионова И. Г. Подпись к фотографии как источник информации о событиях Великой Отечественной войны (на материале пензенской региональной газеты «Сталинское знамя» за 1941 год) // Память нужна живым : Всерос. сб. науч. и науч.-публ. ст. /

под ред. О. В. Милаевой, О. В. Черновой. Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2015. С. 22–27.

3. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. 4-е изд., стер. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. 480 с.

Информация об авторе: *Сидорова Анастасия Сергеевна*, студентка магистратуры Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 58 г. Пензы имени Г. В. Мясникова (г. Пенза, Россия).

НАЗВАНИЯ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ ИРКУТСКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

М. Н. Чупановская¹, Т. Б. Маклакова²

^{1, 2} г. Иркутск, Россия

¹ mariya-chupanovskaya@yandex.ru

² tanya-834@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются названия жилых комплексов города Иркутска, представляющие собой новую группу имён в региональном топонимиконе. Анализируются ономастические процессы, задействованные в именовании объектов коммерческой жилой недвижимости. Исследуется содержательный аспект номинаций с позиций лингвокультурного аспекта.

Ключевые слова: жилой комплекс, урбанизация, оним, апеллятивная лексика, мотивы номинации

Для цитирования: Чупановская М. Н., Маклакова Т. Б. Названия жилых комплексов Иркутска: лингвокультурный аспект // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 364–367.

Иркутск является столицей Восточной Сибири, крупным историческим и культурным центром России, часто его называют «серединой земли». Этот уникальный сибирский город органично сочетает в себе далёкое прошлое и настоящее, но он также устремлён и в будущее, потому как активно развивается и расширяется, в том числе за счёт притока населения из регионов и разрастания города благодаря появлению коммерческих объектов: магазинов, торговых, развлекательных, спортивных и медицинских центров, ресторанов и кафе.

С каждым годом вводятся в эксплуатацию всё новые и новые жилые комплексы – многоквартирные дома, объединённые рядом общих строительных решений и имеющие собственные наименования. Присвоение онимов объектам жилой недвижимости началось в нашей стране в конце 1990-х годов в Москве, в 2000-е годы «мода на создание подобных имен перешла в провинцию» [5, с. 134]. Современный Иркутск – это город, урбанистическое пространство которого наполнено яркими и запоминающимися названиями разных по архитектуре и инфраструктуре жилых комплексов (далее – ЖК). Цель данной работы заключается в попытке описать и систематизировать данные топонимические единицы в лингвокультурном аспекте. Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью вопроса и важностью изучения этого пласта имён как части городского ономастикона, шире – регионального топонимикона.

Наименования ЖК г. Иркутска по количеству компонентов могут быть классифицированы на односложные (ЖК «Кумир», ЖК «Символ», ЖК «Затон», ЖК «Персона», ЖК «Изумруд», ЖК «Витязь», ЖК «Видный», ЖК «Чудный», ЖК «Эльбрус» и др.) и многосложные (ЖК «Родной берег», ЖК «Огни Города», ЖК «Театральный квартал», ЖК «Четыре солнца» и др.).

Большая часть названий ЖК нашего города образована в результате онимизации апеллятивов – одного из основных ономастических процессов в славянских языках [1, с. 11], под которым понимается переход апеллятивов или апеллятивных словосочетаний через смену функции в имена собственные [3, с. 91]. Например,

слово *семья* становится именем собственным – названием ЖК «*Семья*», слово *атмосфера* переходит в разряд онимов в наименовании ЖК «*Атмосфера*», слово *кумир* – в имени ЖК «*Кумир*». Атрибутивные словосочетания (имя прилагательное + имя существительное) *зеленый берег, солнечный берег, золотой век* образуют новые тополексемы ЖК «*Зеленый берег*», ЖК «*Солнечный берег*», ЖК «*Золотой век*».

В подобных случаях, как правило, наблюдается семантическая онимизация апеллятивов, то есть процесс наименования, происходящий без формальных (материальных) изменений структуры нарицательного имени в отличие от грамматической онимизации, при которой на базе апеллятивной основы образуется имя собственное с помощью служебных морфем, сложения корневых морфем или синтаксических средств [1; 2; 3; 6].

Названия ЖК также могут быть результатом трансонимизации имен собственных (появление онимов в результате перехода собственного имени в иной ономастический класс): ЖК «*Олимп*», ЖК «*Юбилейный*», ЖК «*Радужный*», ЖК «*Новое Ново-Ленино*», ЖК «*Авиценна*» и др. В данном случае мотиваторами выступают имена известных людей (ЖК «*Багратион*», ЖК «*Сибиряков*») и литературных героев (ЖК «*Онегин*»), названия районов (ЖК «*Юбилейный*», ЖК «*Первый Ленинский Квартал*», ЖК «*Глазковский*»), ближайших улиц (ЖК «*Алмазный*», ЖК «*Новые горизонты на Пушкина*», ЖК «*На Советской*») и кинотеатров города (ЖК «*Чайка*»), наименования сказочных городов (ЖК «*Изумрудный город*»), художественных произведений (ЖК «*Алые Паруса*») и др.

Особой оригинальностью отличаются онимы ЖК «*Ангара*», ЖК «*Баргузин*», ЖК «*Клубный дом Бабр*», ЖК «*Иркутский дворик*», так как отражают местные реалии: *Ангара* – это река, протекающая по территории Иркутской области; *баргузин* – северо-восточный ветер, дующий в средней части Байкала из долины реки Баргузин; *бабр* – символ Иркутска; в имени ЖК «*Иркутский дворик*» есть прилагательное, соотносимое с названием города.

По мотивам номинации названия ЖК Иркутска дифференцируются на следующие группы.

1. Названия, отражающие локализацию объекта: ЖК «*Якоби-Парк*», ЖК «*На Невского*», ЖК «*Предместье*», ЖК «*Взлётка*», «*Дом у залива*» и т.п.

Интересно то, что ЖК «*Взлётка*» строится в непосредственной близости от Иркутского авиационного завода, а не рядом с аэропортом города. «Жилой комплекс находится недалеко от взлетной полосы» – это первое, о чём подумает, на наш взгляд, потенциальный покупатель квартиры в этом месте, поэтому подобные непродуманные названия дезориентируют людей.

Названия ЖК «*Предместье*» и ЖК «*Дом у залива*», напротив, чётко указывают на их местоположение: слово *предместье* отсылает нас к *предместью Рабочее*, где и находится ЖК, слово *залив* – к популярному среди горожан заливу в черте города – заливу Якоби, рядом с которым и расположен объект недвижимости.

2. Названия, отражающие широкие пространственные границы: ЖК «*Небо*», ЖК «*Высота*», ЖК «*Горизонт*», ЖК «*Простор*» и т.д.

Люди, уставшие от тесных квартир или любящие большие, просторные помещения, будут воодушевлены такими наименованиями, сделав выбор в пользу данных ЖК при покупке нового жилья.

3. Названия, связанные с водной тематикой: ЖК «*Мост*», ЖК «*Фрегат*», ЖК «*Адмирал*», ЖК «*Флагман*» и т.п.

Вода и всё, что с нею связано, и теперь рождает у людей положительные ассоциации, поскольку человек не может обойтись без воды. Вода искони считалась священной, культ воды был заложен в мифологическом сознании. И, конечно,

названия, восходящие к словам *мост, фрегат, адмирал, флагман*, обещают надежность застройки и вселяют уверенность в правильности выбора ЖК.

4. Названия, связанные с флорой и фауной: ЖК «*Журавли*», ЖК «*Сокол*», ЖК «*Стрижи*», ЖК «*Корица*», ЖК «*Клевер*», ЖК «*Берёзовый*», ЖК «*Сосновый бор*» и т.д.

Примечательно то, что онимы соотносятся с названиями птиц и растений, которые вызывают в сердце русского человека исключительно положительный отклик. Нам не встретились наименования ЖК, образованные от таких слов, как *ворона, сорока, кукушка, крапива, репей* и др.

5. Названия, связанные с прогрессом, обновлением, возможностью выбора: ЖК «*Эволюция*», ЖК «*Современник*», ЖК «*Старт*», ЖК «*Восход*», ЖК «*Новый век*», ЖК «*Вариант*», ЖК «*Новый квартал*», ЖК «*Новый*» и т.п.

Такие онимы понравятся тем людям, которые жаждут перемен, стремятся к чему-то новому, не останавливаются на достигнутом, иными словами, подобные имена заинтересуют людей-новаторов.

6. Названия, отражающие единение людей: ЖК «*Дуэт*», ЖК «*Очаг*», ЖК «*Династия*», ЖК «*Союз*», ЖК «*Соседи*», ЖК «*Семья*» и др.

Как отмечают Ю. Е. Прохоров и И. А. Стернин, «соборность высоко оценивается в России, она относится к национальным ценностям», в связи с чем для русского человека важны родственные связи, соседство, единение, коллектив и т.п. [4, с. 55–58].

7. Названия, восходящие к наименованиям времен года и месяцев: ЖК «*Весна*», ЖК «*Октябрь*», ЖК «*Март*» и др.

Оним ЖК «*Октябрь*» связан с Октябрьским районом г. Иркутска, в котором расположен. Выбор в качестве названий слов *весна* и *март*, вероятно, продиктован прагматическим потенциалом лексем: пробуждение природы (на основе данного ассоциативного поля их можно включить в тематическую группу 5), приход тепла, солнечных дней. Имена с компонентами *зима, осень, январь, февраль* и т.п., которые в сознании русского человека связаны с холодом, замиранием природы, нами не зафиксированы.

Итак, названия ЖК города Иркутска разнообразны по мотивам номинации. Однако их большая часть – это онимы, актуализирующие месторасположение объекта, и наименования, которые мотивированы словами с положительной коннотативной семантикой. В наречении ЖК задействуются традиционные для общерусской ономастики процессы образования собственных имен. Оригинальные и благозвучные названия ЖК органично вписываются в урбанистическую картину города, позиционируя его как современную и развитую территорию.

Список литературы

1. Картавенко В. С. Становление региональной топонимической системы (Западный регион России) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2012. 49 с.

2. Лукьянова Е. А. Топонимическая лексика Владимирской области: структурно-грамматический и семантический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2012. 21 с.

3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. 192 с.

4. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М. : Флинта : Наука, 2006. 238 с.

5. Разумов Р. В. Названия жилых комплексов в городском онимическом пространстве // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. Вып. 2. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2009. С. 133–141.

6. Чупановская М. Н. Апеллятивная лексика в русских топонимических названиях Иркутской области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69), ч. 1. С. 175–178.

Информация об авторах: *Чупановская Мария Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета (г. Иркутск, Россия); *Маклакова Татьяна Борисовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск, Россия).

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЗАГОЛОВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ КАК ПРИЁМ СОВРЕМЕННОГО ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА

Е. И. Беглова

*г. Нижний Новгород, Россия
beglova-elena@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются фразеологические единицы и отдельные лексемы, которые употребляются адресантом в заголовочном комплексе журнального и газетного текстов современных СМИ. В центре изучения не функции фразеологических единиц и слов, а приёмы, способствующие подготовке восприятия смысла текста адресатом. Названы и продемонстрированы приёмы использования этимологии фразеологических единиц и лексем, употреблённых в заголовках, подзаголовках, лидах, приемы толкования их семантики (определение значений, синонимичные компоненты). В результате исследования делается вывод о том, что приёмы концентрирования смысла в заголовочном комплексе на основе этимологии и семантики фразеологических единиц, отдельных лексем требуют от адресата высокого уровня лингвистической и коммуникативной компетентности, а также речевой культуры в целом. Разные приёмы привлечения внимания адресата к тексту в заголовочном комплексе способствуют расширению общего кругозора адресата, т.е. пополнению знаний лингвистического характера, в то же время настраивают на восприятие новой информации, заключенной в тексте.

Ключевые слова: журнальный и газетный текст, заголовочный комплекс, фразеологическая единица, лексема, этимология, семантика, приёмы использования этимологии и семантики фразеологических единиц

Для цитирования: Беглова Е. И. Презентация этимологии и семантики языковых единиц в заголовочном комплексе как приём современного печатного текста // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 368–372.

Предметом нашего изучения в данной работе явились фразеологические единицы (далее ФЕ) и отдельные лексемы, этимология или значение которых презентуется адресантом текста в заголовке, подзаголовке или лиде, то есть в заголовочном комплексе журнального или газетного текста. Прежде всего, необходимо уточнить понятия *подзаголовок* и *лид* в рамках заголовочного комплекса текста журнала или газеты. Мы следуем точке зрения М. Шостак, которая выделила следующие различия между *подзаголовком* и *лидом*: *подзаголовок* обычно поддерживает только заголовок в заголовочном комплексе, конкретизируя его содержание; он обычно состоит из одного предложения; *лид* раскрывает основную тему всего текста и может состоять из нескольких предложений или одного длинного [9].

Как известно, одной из главных функций заголовка является фокусирование идеи текста, поэтому в заголовочном комплексе используются разные приемы для передачи микротема и отражения смысла текста в целом. По нашим наблюдениям за заголовками журнальных и газетных статей, одним из таких приёмов служит

этимология ФЕ или лексемы в заголовке или лиде. Продемонстрируем в сопровождении лингвистического анализа названный приём на заголовках, подзаголовках и лидах журнальных статей.

Подзаголовок «*В русском языке есть понятие «белая ворона», а в Европе аналогичное по смыслу выражение звучит как «чёрная овца»*» [6, с. 38–39]. ФЕ *белая ворона* используется в словарной (начальной) форме, она отмечается в словарях в значении «человек, отличающийся от окружающих, не похожий на них поведением, внешним видом, мнением и др.» [8, с. 70]. ФЕ понятна адресату, так как мотивируется внутренней формой, кроме того, дается ФЕ-синоним *чёрная овца*, аналогичное значение которой наблюдается в европейских языках, о чем говорит адресант. Даются лингвистические знания, которые необходимы адресату для восприятия текста, имеющего этот подзаголовок.

Наблюдался лид, в котором описывалась этимология ФЕ: «*Есть мнение, что выражение «установился как баран на новые ворота» пошло ещё с античных времён, когда осаждавшие город враги, для того чтобы разбить ворота, использовали таран – толстое бревно с тяжёлой медной бараньей головой на конце*». ФЕ как *баран на новые ворота (установился, смотрит)* фиксируется во фразеологических словарях в значении «не понимая, растерянно, глуповато» [ФСМ, с. 33]. В данном лиде толкуется значение лексемы *таран*, которая непосредственно связана с лексемой *баран*, являющейся компонентом ФЕ. В данном лиде с помощью этимологии ФЕ как *баран на новые ворота* и семантики лексемы *таран*, непосредственно связанной с ФЕ, создается микротекст, фокусирующий смысл текста в целом, то есть прием «текст в тексте».

Или заголовок «*Страхи "стеклянного" короля*». Подзаголовок: «*Карл VI управлял Францией в состоянии безумия*». Лид: «*В истории было немало случаев, когда государством управляли не совсем здоровые люди. И это не всегда плохо: болезнь может развить в лидере множество необходимых для этого черт, как было, например, с президентом США Франклином Рузвельтом*». [2, с. 8]. Значение лексемы *безумие*, употребленной в заголовке, понятное адресату, усиливается в лиде синонимичным словосочетанием *не совсем здоровые люди*, то есть используется приём градации семы «безумие» в сторону усиления, которую завершает ФЕ *тронуться умом*, употребленная в самом начале текста статьи: «*Но если правитель тронулся умом, дела в государстве складываются трагически <...>*» [Там же, с. 8]. Далее в статье в подзаголовке используется синонимическая ФЕ «*без царя в голове*» [Там же, с. 9]. Таким образом, семантическая градация образуется синонимическим рядом, состоящим из лексемы *безумие* и ФЕ *тронуться умом, без царя в голове*. Последняя ФЕ демегафоризируется смыслом текста о французском короле Карле VI, который отличался слабоумием и по этой причине по логике не мог быть королем (*царем*), но он им был.

Проанализируем еще один заголовочный комплекс с использованием ФЕ **яблоко раздора**: подзаголовок «*Карелия – яблоко раздора*»; лид. «*Карелы – малочисленная этническая группа, относящаяся к финно-угорским народам. В мире на сегодняшний день насчитывается порядка 90 тысяч карелов. Более 60 тысяч живут в России, из них 45 тысяч – в республике Карелия. / Предки карелов мигрировали на Карельский перешеек с южного Приладожья в эпоху Средневековья, обособившись от племени *весь*, которое занимало территорию от Белого озера до Ладоги. Они пришли в места, где до них уже жили саамы, промышлявшие охотой и собирательством <...>*». [3, с. 46]. В данном заголовочном комплексе не дается прямое объяснение значения ФЕ *яблоко раздора*, но в лиде обозначается вопрос

спора между *карелами* и племенем *весь* – территория, на которую претендует несколько народов. ФЕ *яблоко раздора* используется в начальной форме в аналогичном значении « причина, повод для спора, серьёзного разногласия» [8, с. 539]. В данном заголовочном комплексе используется приём, который можно назвать «концентрацией смысла с помощью языковой единицы», то есть семантика ФЕ *яблоко раздора* в свернутом виде заключает в себе смысл последующего текста. Сворачивание смысла в ФЕ производится мотивированно адресантом для его последующего разворота в тексте. Этот приём служит главным образом интриге внимания адресата.

Или наблюдается ФЕ в словарной форме в следующем заголовке журнального текста «*С Гёте на дружеской ноге*» Текст: «*Судьба второй дочери Павла I – Елены – оказалась трагической. Как когда-то Екатерина Иоанновна, она вышла замуж за герцога Макленбург-Шверинского. Родила двоих детей и в 18 лет скончалась от скоротечной чахотки. <...>. Дочери Павла I пришлось променять блистательный Санкт-Петербург на маленький Веймар, население которого в то время составляло всего восемь тысяч человек. Правда, среди этих восьми тысяч были два гения – Фридрих Шиллер и Иоганн Вольфганг Гёте*» [4, с. 26]. ФЕ *на дружеской ноге* зафиксирована во фразеологическом словаре в значении «в близких, дружеских отношениях» [8, с. 282]. В данном заголовке используется прием прямого использования словарной ФЕ, значение которой мотивировано метафорой, поэтому не требует пояснения для адресата. Смысл ФЕ подготавливает адресата к восприятию смысла текста. ФЕ в заголовке выполняет смысловую функцию.

Особого внимания заслуживают заголовки текстов креативных (развлекательных) рубрик журналов или газет. Так, некоторые тексты в заголовках эксплицируют значение лексем, которые служат смыслообразующим фактором креативного текста в целом. Например, в журнальной рубрике «Исторические анекдоты» встречался ряд подобного рода текстов. Проанализируем один из них под заголовком «*Не съели, а скушали*» «*В 1898 году Дмитрий Иванович Менделеев зачислил в штат Главной палаты мер и весов первого сотрудника-женщину – Ольгу Озаровскую, а затем принял на работу её подругу. Молодые женщины быстро освоили сложную технику вычислений. И когда кто-то из посетителей палаты поинтересовался у Менделеева методикой расчетов, Дмитрий Иванович добродушно посоветовал: «А по этим вопросам вы обращайтесь к барышням, к милым барышням, они уж в этом деле...» Дмитрий Иванович должен был сказать «собаку съели», но, видимо, подумал, какой это не деликатный образ для деликатных существ, и закончил: «Собачку скушали!» [1, с. 51]. Лексема *съесть*, вынесенная адресантом сознательно в заголовок с синонимичной лексемой *скушать*, является компонентом известной ФЕ *собаку съесть* – приобрести опыт, новые знания в чем-либо [8, с. 467]. В тексте происходит замена компонента *съесть* синонимом *скушать* с учетом этикета отношения к женщине: не *собаку*, а *собачку* с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-к-*, не *съесть*, а *скушать*. Слова-замены смягчили, эвфемизировали речь, как бы отождествив ее с речью женщины (*барышень*). Приём, который основан на гендерных лексических особенностях речи, можно условно назвать «гендеризацией лексем и ФЕ».*

Остановимся особо на употреблении в заголовочном комплексе газетных статей нелитературных *лексем*, которые в настоящее время не фиксируются в толковых словарях русского языка, например в СТСРЯК [5]. Например, узуальная лексема *нищоброд* – бедный, неимущий человек, вынужденный выживать; лексема по значению и словообразованию соотносится с лексемами *нищий*, *нищета*. Заголовок «*Нищета спасёт мир*» [МК. 03–10.02.2016. С. 25]; подзаголовок «*Можно ли*

остаться человеком, прожив на пенсию в 12 тыс. руб. в месяц». Лид: **«Нищобродом я стала по заданию редакции. На месяц. Кстати, кто думает, что «нищоброд» – это сегодняшний интернетовский мем, ошибается. Нищобродами в своё время бывали очень известные люди. Например, Максим Горький. Помните его «Детство»? «Ученики высмеивали меня, называя ветошником, нищобродом...»** Так что слово это рождено вовсе не сегодняшними кризисами, – оно было, есть и, надо думать, будет всегда. **Нищоброд – человек, вынужденный выживать.** Ныне это актуально. Вот и передо мной встала задача выяснить, какой надо иметь сегодня месячный доход, чтобы просто выжить – не слишком отказываясь от привычного образа жизни, – два» [7, с. 25]. Этимология слова *нищоброд* мотивируется внутренней формой, к тому же адресант статьи толкует лексему *нищоброд* в лиде. В данном случае используется приём разворачивания смысла текста с помощью определения семантики лексемы *нищоброд*, соотносимой с лексемой *нищета*, этимология обеих определяется их внутренней формой.

В заголовке газетной статьи мы наблюдали словообразовательный и одновременно лексический неологизм *русичане* в значении «пожилые люди с Дальнего Востока, переезжающие жить в Китай, Хуньчунь», например: заголовок **«Русичане»**; лид: **«Дальневосточники, на старости лет переезжающие в китайский Хуньчунь, сами себя называют русичанами, от слов «русич» и «Чайна» (China).** [Собеседник. 30.10.-05.11.2013. С.15]. В заголовке неологизм *русичане* можно рассматривать как словообразовательный вариант кодифицированной лексемы *русские*, однако в лиде дается этимология неологической лексемы, которая образована способом сложения двух разных по происхождению слов: русского *русич* и китайского *чайна*. В этом лиде используется приём демонстрации этимологии неологизма.

Таким образом, адресант журнального или газетного текста демонстрирует высокий уровень лингвистической и коммуникативной компетентности, а также речевой культуры в целом, описывая в заголовочном комплексе этимологию или семантику ФЕ, лексемы с последующим усилением или раскрытием спрогнозированного ими смысла в тексте статьи. При этом используются разные приёмы. Мы выделили следующие:

- 1) описание этимологии ФЕ или лексемы в заголовке или лиде;
- 2) «текст в тексте»: семантика ФЕ или лексемы в заголовочном комплексе как отдельный микротекст перед текстом статьи.
- 3) прямое использования словарной ФЕ, значение которой мотивировано метафорой;
- 4) «концентрация смысла с помощью языковой единицы», то есть семантика ФЕ включает в себе смысл последующего текста в свернутом виде;
- 5) «гендеризация лексемы или ФЕ» – это приём, который основан на гендерных лексических особенностях речи;
- 6) прием разворачивания смысла текста с помощью толкования семантики конкретных лексем, этимология которых определяется их внутренней формой (типа лексемы *нищоброд*, соотносимой с лексемами *нищета*, *нищий*);
- 7) демонстрация этимологии неологизмов.

Когда адресант текста представляет семантику и этимологию ФЕ в заголовочных комплексах, он употребляет их в основном в словарной (начальной) форме для быстрого опознавания ФЕ адресатом.

Этимология и семантика ФЕ как основа разных приёмов в заголовочном комплексе служат в конечном итоге интриге внимания адресата, прогнозированию им смысла текста в целом.

Следует отметить тот факт, что разные приемы привлечения внимания адресата к тексту в заголовочном комплексе способствуют расширению общего кругозора адресата, то есть способствуют пополнению знаний лингвистического характера, в то же время настраивают его на восприятие новой информации, заключенной в тексте.

Список литературы

1. Исторические анекдоты // Русская история. 2021. № 3.
2. Куприянов Д. Страхи «стеклянного» короля // Загадки истории. 2018. № 31. С. 8–9.
3. Медведев Н. Лесные люди // Русская история. 2021. № 3.
4. Скабичевский А. Папины дочери // Русская история. 2020. № 2. С. 26–27.
5. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М. : РИДЕРЗ Дайджест, 2004. 960 с. (в тексте сокращенно СТСРЯК).
6. Федоров К. Рано-рано два барана // Тайны XX века. 2018. № 1–2. С. 38–39.
7. Федоткина Т. Нищета спасёт мир // Московский комсомолец. 2016. № 27018.
8. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. М. : Рус. яз., 1986. 543 с. (в тексте сокращенно ФСМ).
9. Шостак М. Журналистика новостей // Журналист. 1997. № 8.

Информация об авторе: *Беглова Елена Ивановна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия).

НАРУШЕНИЕ НОРМ ПУНКТУАЦИИ В ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Е. С. Булгаева

г. Пенза, Россия
katja.bulkaeva@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности пунктуационного оформления современных газетных текстов. Выявляются типичные пунктуационные ошибки в печатных СМИ Пензенской области.

Ключевые слова: пунктуация, пунктуационные ошибки, газетный текст, СМИ

Для цитирования: Булгаева Е. С. Нарушение норм пунктуации в пензенских печатных СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 373–374.

Современная жизнь на передний план выдвигает вопросы развития человека в быстро меняющемся обществе. В связи с этим в настоящее время большое значение приобретает развитие связной речи. Речь человека является основным показателем его общей культуры, функционально-речевой грамотности.

Пунктуация как система знаков препинания и правил их употребления – необходимый компонент письменной формы речи. Пунктуация имеет обязательный и общественный характер; значение и употребление знаков препинания определяется нормой, одинаковой для пишущего и читающего. Текст, написанный без знаков препинания, читается в три-пять раз медленнее, чем текст грамотно оформленный. С помощью пунктуации передается членение текста, его целенаправленность, структура и основные особенности интонации [2, с. 557].

Одна из самых актуальных и сложных проблем современных СМИ – соблюдение норм современного русского литературного языка. По причине так называемой интенсивной «демократизации» языка СМИ ведущие эфира с этой задачей, мягко говоря, не справляются. Напротив, нередко СМИ сами активно осваивают «язык улиц», тиражируют сленговые, просторечные и даже инвективные выражения, узаконивая, автоматизируя и типизируя их широкое использование.

В исследовании представлений студенческой молодёжи о нарушении норм современного русского литературного языка, объектом которого были жители города Пензы, ставилась задача выявить отношение молодёжи к нарушению норм языка. Для этого задавался вопрос: «Обращаете ли Вы внимание на ошибки в печатных СМИ?». Было опрошено 62 человека. Полученный результат показал:

Да, обращаю – 38 человек.

Да, обращаю, но наличие ошибок не имеет значения, так как «важна сама передаваемая информация» – 24 человека.

В итоге молодёжь считает, что количество ошибок, связанных с нормами правописания, должно быть сведено к минимуму, и касаться они могут только трудных случаев орфографии и пунктуации.

Задача статьи состоит в том, чтобы выявить и проанализировать типичные пунктуационные ошибки в печатных СМИ Пензенской области. Материалом для данного исследования послужили пензенские периодические издания: «Пензенская искра», «Комсомольская правда», «Вестник», «Наш город Пенза», «Башмаковский вестник».

По мнению лингвистов Н. С. Валгиной, Б. И. Осипова, Б. С. Шварцкопфа, в официальной русской пунктуации преобладает именно последний принцип, согласно которому синтаксические конструкции отделяются друг от друга по формальным характеристикам входящих в них элементов [1, с. 432].

По мнению исследователя Хакимовой Е. М., осветившей нарушение пунктуационных норм в текстах современных российских журналистов в нескольких научных работах, многие ошибки возникают именно из-за того, что работники прессы реализуют конструктивный принцип недостаточно последовательно: «Ряд нарушений связан с тем, что автор текста либо не отмечает знаками препинания синтаксические конструкции, выделение которых предписано пунктуационной нормой, либо неправильно определяет их границы» [3, с. 274].

В частности, нами зафиксированы пунктуационные ошибки при оформлении:

– прямой речи: *Алексей Иванов: _ Проблемы Пензенского района нужно решать!* (Пензенская искра. 2021. 22 августа); *Александр Трутнев: Программа КППФ – спасение села _* (Пензенская искра. 2021. 22 августа); *_ Вакцинация от Covid-19, разработанная в Центре эпидемиологии им. Гамалеи, предназначена для взрослого населения от 18 до 60 лет, – прокомментировала начальник отдела охраны здоровья и санитарно-эпидемиологического благополучия человека минздрава региона Галина Рожкова* (Наш город Пенза. 2020. 7 октября); *«День, другой отдохнешь, а потом будто чего-то не хватает, хочется движения, адреналина, новых побед. Ведь ощущения на финише, когда ты первая, не сравнить ни с чем!»*, – говорит *Кристина* (Вестник. 2021. 1 октября);

– уточняющих членов предложения: *В Каменском районе _ в деревнях Андреевка и Низовка _ закрылись последние магазины, сельчане не могут купить хлеб и другие продукты* (Пензенская искра. 2021. 22 августа); *В Никольском районе _ недалеко от села Столыпино _ разбился легкомоторный самолет* (Наш город Пенза. 2020. 7 октября);

– сложных предложений: *Автобус до Каменки ходит раз в неделю и раз в неделю в сёла приезжает автолавка* (Пензенская искра. 22 августа 2021); *Однако, по его словам, с похожими проблемами сталкиваются жители большинства пензенских сёл и деревень _ и решать такие проблемы нужно не точно, а комплексно* (Пензенская искра. 2021. 22 августа);

– слов, которые не являются вводными: *В первую очередь, эти меры касаются безопасности в учебных заведениях* (Наш город Пенза. 2020. 23 сентября).

Указанные типы пунктуационных ошибок нередко встречаются в текстах печатных СМИ Пензы и Пензенской области, поэтому подобные употребления должны становиться предметом специального изучения в рамках филологических курсов на факультетах журналистики.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М. : Высш. шк., 1991. 432 с.
2. Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л. Современный русский язык : учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Филология» / под ред. П. А. Леканта. 5-е изд., стер. М. : Дрофа, 2007. 557 с.
3. Хакимова Е. М. О пунктуационных ошибках в текстах современных российских журналистов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24. С. 274–276.

Информация об авторе: *Булкаева Екатерина Сергеевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

А. Г. Варданян

*г. Ереван, Республика Армения
anahit-1@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются роль языковой игры в газетном тексте, ее функции в СМИ. Исследуются особенности языковой игры в заголовках публицистических текстов.

Ключевые слова: языковая игра, СМИ, заголовки публицистических текстов, функции языковой игры, эмоциональная реакция, экспрессивное значение

Для цитирования: Варданян А. Г. Роль языковой игры в газетном тексте // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 375–378.

В настоящее время в современных СМИ очень распространена языковая игра. Структуры, возникающие в результате языковой игры, приобретают экспрессивное значение (что представляется очень важным для языка средств массовой информации) и вызывают у читателя (слушателя) определенную эмоциональную реакцию. Отметим, что в языковой игре могут использоваться средства различных уровней языка – от фонетики и графики до синтаксиса и стилистики.

Языковая игра обладает многими признаками, характерными для игры в целом. При этом словесная игра создаёт особую условную модель действительности. Ей присуща уникальная и неповторимая красота, в ней есть специфический ритм и гармония.

Словесная игра «живёт» по своим чётко установленным правилам, которые понимают, равно как и принимают две «играющие» стороны, а именно: автор игры и её адресат, который в процессе дешифровки смыслов естественным образом становится своеобразным «соавтором» коммуникативного процесса. Отметим, что при этом удовольствие от игры получает не только адресат, но и сам автор, который с помощью особых средств языковой игры (нередко окказиональных) добивается позитивного эффекта за счёт предельного заострения и уточнения смысла. Справедливо мнение, что «...психологической основой языковой игры является эффект обманутого ожидания: читатель (слушатель) ожидает, что в соответствии с нормами языка будет написано (произнесено) одно, а читает (слышит) совсем другое» [1, с. 121].

Говоря о языковой игре в современных СМИ, следует непременно оговорить её функции в публицистическом тексте:

- прагматическая функция (на привлечение внимания к оригинальной форме речи);
- гедонистическая функция (развлечение читателя / слушателя необычной формой речи);
- гностическая функция (порождение новой модели мира путём пересоздания уже существующего языкового материала);
- эстетическая функция (сознательное стремление испытать самому и вызвать у читателя / слушателя чувство прекрасного, что достигается самой формой речи);

- изобразительная функция (наглядное воссоздание ситуации говорения, а также определенная характеристика человека, чьи слова передаются);
- маскировочная функция (надевает «маску» пристойности, благоразумия и логики на любой циничный или даже абсурдный текст);
- выразительная функция (образная и более тонкая передача мысли);
- поэтическая функция.

Очень часто в современных СМИ на языковой игре строятся заголовки. Это делается исключительно для привлечения внимания читателей к данному тексту, что, несомненно, имеет определённую эффективность. Так, например, В. Г. Стрельчук в своей статье приводит несколько примеров [2, с. 146–148]:

– *СВ для двоих* – в данной статье говорится о парах, чьи отношения начались в день *Святого Валентина*.

– *РАСТИТЕЛЬНАЯ история* – так было названо письмо читательницы журнала, в котором она написала, что жизнь заставляет ее меняться и *расти*.

– *ПОСТУПАТЕЛЬНОЕ движение* – заголовок статьи о том, что нужно знать абитуриентам о *поступлении* в вузы накануне приёмной кампании – 2015 (МК, № 64 (26.776)).

Часто языковая игра используется и в рекламных заголовках, например:

– *ПОТайные знания* – ещё один рекламный проект, говорящий нам о том, что принимать душ недостаточно – нужно еще нанести на чистую сухую кожу дезодорант или антиперспирант, чтобы уменьшить выделение *пота*.

Нередко в российских СМИ языковая игра строится на использовании в заголовках иноязычных слов.

– *Их бин больной!* – речь идёт о том, что в другой стране вам могут и не поставить правильный диагноз, и медицина в этой стране, возможно, никогда и не слышала о вашей болезни. Автор обыгрывает немецкое сочетание слов «их бин», которое переводится как «я есть».

Отметим случаи фоносемантического сближения русского и иностранного слова. Например, в статье рассказывается, почему один из пальцев руки называют большим. Эта статья озаглавлена *Мистер Биг*, здесь обыгрывается псевдоним английского комика *Мистера Бина*. Однако здесь с изменением согласной меняется и смысл, и сразу же становится понятно, что речь идёт о чём-то большом, так как перевод слова *биг* с английского языка указывает именно на это (№ 34 (26362) 2015 г.) газеты «Комсомольская правда»).

Очень часто источником языковой игры в заголовках становятся прецедентные тексты. Проанализированный нами материал позволяет сделать вывод, что использование прецедентных текстов – распространенный способ образования заголовков. Приведём пример из газеты «Аргументы и факты» (№ 13 (1794) 25–31 марта 2015 г.):

– *«Ноль без палочки»*. Это заголовок статьи Екатерины Мирной и Дарьи Потаповой о сыне министра внутренних дел Украины Александре Авакове, купившем шестикомнатную квартиру в элитном жилом комплексе в Киеве через три месяца после назначения его отца главой МВД. Отметим, что заголовок данной статьи образован от общеизвестного русского фразеологизма «Ноль без палочки», имеющего устойчивое значение – некто, не представляющий важности, значимости, интереса без посторонней помощи.

Другой пример из газеты МК (№ 59 (26.771) 25 марта 2015 г.):

– *«Время собирать мины»*. Статья Екатерины Сажневой в рубрике «Анатомия войны». Автор пишет о специальных группах в ДНР, занимающихся разминированием. В оригинальной формулировке, известной широкому кругу читателей, фраза звучит следующим образом: «Время разбрасывать камни и время собирать

камни». Цитата эта взята из Ветхого Завета (Екклесиаст, глава 3). У некоторых древних народов существовал жестокий обычай: осужденного на смерть преступника жестоко казнили, побивая камнями. Много человек собиралось на казни, и бросали в осужденного пленника камни, право же первых ударов предоставлялось свидетелям преступления (МК № 59 (26.771) 25 марта 2015 г.).

Следует отметить, что для языковой игры нередко авторы текстов СМИ используют разговорный стиль речи или его элементы.

Для разговорного стиля речи, элементы которого часто входят в публицистические тексты, исследователи языка СМИ часто отмечают следующие характеристики: избыточность синтаксического построения, перераспределение границ предложения, эллиптические предложения, смещённые конструкции, обособленные друг от друга элементы одного и того же высказывания. Эти черты характерны для устных диалогов, спонтанной речи в быту. Однако при этом основные черты стиля не теряются даже во время его перехода из устной формы в письменную.

Оговорим, что ещё в конце прошлого века эталонность литературного языка была непререкаемым коммуникативным законом для СМИ. Использование иных форм национального языка (например, элементов разговорной речи), безусловно, было возможным, однако:

- а) во-первых, подобные факты были редкостью,
- б) во-вторых, всегда требовали очевидного стилистического оправдания.

Современные СМИ отнюдь не ставят перед собой конкретных стилистических задач для использования элементов разговорного стиля. Журналистская речь заимствует из разговорной речи определённые модели речевого поведения, сформированные в сфере быта. Это общепринятые разговорные стратегии и тактики, установка на языковую игру, характер отношения к собеседнику / собеседникам.

В современной российской журналистике основную роль играют именно разговорные стратегии – намеренное насыщение публицистического стиля чертами разговорной речи с целью экономного использования языковых средств, привлечения внимания и расширения круга читателей. Отметим, что в разговорной речи также часто используется языковая игра. Как справедливо отмечает В. Г. Костомаров, «...в речевой практике СМИ снимается противопоставление устности / письменности, книжности / разговорности, монологических / диалогических, вербальных и невербальных форм речи. В современных массмедийных текстах разрушена великая китайская стена между разговорными и книжными текстами» [1, с. 42].

Существенные качественные изменения ситуации в российских СМИ (утверждение демократических принципов, отмена цензуры, снятие запрета с ряда тем, расширение источников получения информации) значительно способствовали усилению диалогового характера публицистики и более свободного и активного использования языковой игры в публицистических текстах.

Современные журналисты непременно стремятся установить контакт с читателями, настроиться на их возможности восприятия, создать «диалогическое взаимодействие» между собой. Всё это заметно сближает газетно-публицистический стиль с разговорной речью. В газетные тексты в большом количестве начали входить разговорная лексика, словообразовательные модели, разговорные синтаксические конструкции.

Создавая атмосферу диалога и доверительную интонацию, эти разговорные элементы сокращают дистанцию между адресантом и адресатом, помогают современной газетной публицистике эффективно решать свою задачу внушения, убеждения и воздействия на читателей, чему во многом способствует умело использованная языковая игра.

Список литературы

1. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной публицистики. М., 1971. 267 с.
2. Стрельчук В. Г. Языковая игра на газетной полосе // Вестник МГУП имени Ивана Федорова, 2015. № 2. С. 146–148.

Информация об авторе: *Варданян Анаит Гагиковна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и славянских языков Государственного университета имени В. Я. Брюсова (г. Ереван, Республика Армения).

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ АРМЯНСКИХ СМИ

А. Г. Варданян¹, Л. Г. Варданян²

^{1, 2} г. Ереван, Республика Армения

¹ anahit-1@mail.ru

² nlusinevardanyan@gmail.com

Аннотация. Рассматривается явление интеллектуализации текстов СМИ. Основу этой тенденции составляют прецедентные элементы. Исследуются тексты русскоязычных армянских СМИ в ракурсе заявленной проблемы. Сделано предположение, что, используя прецедентные элементы в своих публикациях, авторы думают не столько о качестве восприятия своих текстов, сколько о необходимости выразить свои мысли и показать свои знания, то есть основной становится функция самовыражения.

Ключевые слова: прецедентные тексты, интеллектуализация текста, русскоязычные армянские СМИ, прецедентные элементы

Для цитирования: Варданян А. Г., Варданян Л. Г. Особенности использования прецедентных элементов в русскоязычных армянских СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 379–383.

Среди всех определений средств массовой информации (СМИ) наиболее полным нам представляется определение, данное в соответствующей словарной статье «Энциклопедического словаря СМИ» Александром Князевым. В ней сказано: «*Масс-медиа* – это средства массовой информации, форма воздействия на массы посредством информационных сообщений. К современным средствам массовой информации относят печатную прессу (газеты, журналы, книги), кинематограф, радио, телевидение, звукозаписи и видеозаписи, видеотекст и телетекст, рекламные щиты и панели, видеоцентры, сочетания телевизионных, телефонных, компьютерных и других линий связи» [3, с. 123]. Все эти средства определяются некоторыми общими качествами, а именно: обращённость к массовой аудитории, доступность широким массам, особый характер производства и распространения информации, использование определенных стилистических вербальных средств (см. Бушев 2005, Виноградов, Платонова 1998, Клушина 2004, Костомаров 1994, Лысакова 2005, Сиротинина 1999, Сметанина 2002, Тавокин 2005 и др. работы).

Мы хотим обратить внимание на распространённое в настоящее время явление интеллектуализации текста, под которым мы понимаем использование журналистами для их создания различных средств и приёмов, которые усложняют содержание текста и процесс его восприятия и требуют от читателя для его правильного понимания определённых умственных усилий. Основу этой тенденции, по мнению российских специалистов, составляют прецедентные элементы. Причём даже если они фигурируют в одном предложении, их специалисты рассматривают на фоне всего текста, а не только как составляющую часть данного предложения, так как их содержательная сторона имеет значение и для характеристики всего текста, и для уточнения «языкового портрета» автора, а в нашем случае совокупности массовой прессы определённого типа. Из всех используемых в этой области терминов мы выбрали термин «элемент», поскольку он нам представляется наиболее обобщённым, ёмким и нейтральным по отношению к остальным (ср. прецедентные тексты, прецедентные факты, прецедентные выражения и т.д.).

В специально посвящённом этому явлению исследовании для российских газет отмечаются факты использования следующих прецедентных элементов: «...поговорки и пословицы, высказывания известных личностей, продукция теле- и киноиндустрии, географическая область, песни и музыкальные произведения, события и ситуации, номинации рекламы, крылатые выражения, в том числе и латинского происхождения, имена реальных личностей, литература, несколько источников одновременно» [2, с. 9].

Прецедентность как лингвистическое явление строится на общности социальных, культурных или языковых знаний адресата и адресанта, на хрестоматийности, общедоступности и повторяемости (в терминах Ю. Н. Караулова) сообщаемого. Однако если выявление всех подобных характеристик носителей русского языка лежит в плоскости определения качества и уровня образования, интересов и т.д., то для других национальностей – это прежде всего уровень знания русского языка, а в нашем случае – это приблизительное совпадение уровней языковых знаний автора статьи и читателя, адресованность публикации имеющему соответствующие фоновые знания читателю. На наш взгляд, многие прецедентные элементы, используемые в газетных текстах армянской русскоязычной прессы, не являются «общими местами» (термин Ю. В. Рождественского) для автора и читателей. Попробуем доказать этот тезис.

Как показывает наш анализ, в русскоязычной армянской прессе очень много прецедентных элементов всех типов, характерных для российской прессы, то есть предназначенных для носителей русского языка. Это значит, что в армянских русскоязычных газетах, предназначенных армянскому читателю, много таких текстов, в которых использованы прецедентные имена и топонимы, элементы художественных и других произведений, крылатые выражения разного происхождения и т.д., то есть такие элементы, понимание которых требует особых знаний, отсутствие которых не позволяет полностью понять текст, оценить его особенности (юмор, сравнения, дополнительную информацию и т.д.) по достоинству.

Обратимся к примерам и прокомментируем их.

В качестве прецедентных элементов часто используются известные фразы из разных художественных произведений и фильмов: фраза «Выборы закончились – все на выборы!» предполагает знание известной фразы «Король умер – да здравствует король!»; Фразы «Левон жил, Левон жив! Левон будет жить?» («АН», № 49, 2012, с. 1), «А их великий вождь Левон, который жил, жив и будет жить, уже очень близок к перспективе вылета с политического поля» (там же, с. 3) предполагает аналогию с известной цитатой из стихотворения В. Маяковского «Ленин – жил, Ленин – жив, Ленин – будет жить». Знание того же произведения предполагает фраза «Говорим Теван – подразумеваем НАТО» (вместо известной фразы «Мы говорим Ленин – подразумеваем партия») («КП», № 12, 2012). Фраза «Ладно, понятно, что Акела, то бишь Левон, промахнулся и стае нужен новый вождь» («АН», № 49, 2012, с. 5), предполагает знание не только того, кто такой Акела, но также всей ситуации, описанной Р. Киплингом в «Маугли», и ставшей крылатой фразы «Акела промахнулся!» [3, с. 214].

В качестве прецедентных элементов используются известные имена собственные. Это могут быть и деятели культуры, и исторические личности, и литературные герои, и политики, и т.д. Например, во фразе «Мудрый писатель Лион Фейхтвангер, пылливо исследовавший тему понимания и непонимания, вывел короткую, но ёмкую формулу: «Непонимание делает из друзей врагов» («НВ», № 3, 2013, с. 7) использовано прецедентное имя Лион Фейхтвангер. Фраза «А вот анализ состояния общества на основе рабской психологии – от Николая Бердяева:

«Страшнее всего раб, ставший господином...» («СА», № 3, 2013, с. 8) предполагается знание имени и хотя бы самого минимума о взглядах и деятельности Н. Бердяева. В статье, в которой есть фраза «Конечно, все просто, и не надо снова делать из Галуста Саакяна Нострадамуса» («ГА», № 133, 2012, с. 2), нет никакой информации о личности и деятельности Нострадамуса, так как предполагается, что это известное имя. Одна из статей «Нового времени» (№ 136, 2012, с. 3) заканчивается так: «Проведённый опрос показал, как актуален и справедлив был призыв знаменитого барона Мюнхаузена, обращённый ко всему человечеству «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!», что предполагает знание этого прецедентного имени.

При чтении статьи, которая называется «Кто поможет украинскому Робертино Лоретти?» и заканчивается призывом помочь «найти возможность вылечить украинского Робертино Лоретти» («ГА», № 135, 1912, с. 7), предполагается знание того, кто такой Робертино Лоретти. «Надо делать то, что нужно нашим людям, а не то, чем мы здесь занимаемся» – эту ставшую афоризмом фразу более десятка лет назад произнес Виктор Степанович Черномырдин» («НВ», № 2, 2013, с. 2) – предполагается знание того, кто такой Виктор Черномырдин. В статье о предвыборной активизации некоторых иностранных диппредставителей и отечественных политических деятелей («АН», № 3, 2013, с. 1) говорится: «В частности, она (посол Великобритании в Армении Кетрин Лич – уточнение наше) начала плач Ярославны по поводу того, что «Прцветающая Армения», АНК и Дашнакцутюн не участвуют в выборах...», хотя представление о том, кто такая Ярославна и по какому поводу был её «плач», имеет, наверное, мягко говоря, далеко не каждый.

В качестве прецедентных элементов в той или иной форме используются крылатые выражения. В статье о татарских националистах, без основания идентифицирующих себя с монголами, читаем: «Впрочем, нет худа без добра – таким образом наверняка будет решена жилищная проблема, так как даже самая дорогая ханская юрта стоит намного дешевле обычной казанской новостройки» («АН», № 3, 2013, с. 2). И использование известной русской поговорки предполагает её знание, знание смысла её составляющих. В другой газете читаем: «Вопреки восточной мудрости, руководитель парламентской фракции АНК Левон Зурабян, говоря «халва», ощущает сладость» («ГА», № 56, 2013, с. 2). Без знания соответствующей восточной мудрости данное предложение представляется просто бессмысленным. Начало статьи, которая называется «Лапша», гласит: «Стратегия рухнула – «лапша» осталась». Содержание её сводится к сомнительному тезису про то, как сильно экс-президент переживает за бедственное положение народа, как искренне готов приложить все усилия ради того, чтобы облегчить жизнь простых смертных», и далее идёт критика в адрес такой позиции экс-президента («ГА», № 135, 1912, с. 2). Восприятие и заглавия, и самой статьи требует знания русского фразеологизма «вешать лапшу на уши».

«Разрушение» фразеологизма, предполагающее, однако, его знание происходит и в текстах другого типа. Например: «Поэтому правительство должно иметь в своих руках тот набор интересов, которыми сумеет там, где нужно, применить принцип «кнута», а где не надо – осуществлять политику «пряника», в результате чего выиграют сам собственник, коллектив, работающий на предприятии, и, конечно же, государство, которое сумеет увеличить таким образом получаемые доходы» («ГА», № 133, 2012, с. 1); тот же фразеологизм в такой форме: «...Брюссель решил притормозить как сам процесс интеграции в рамках «Восточного партнерства», так и (тем более) создать «основания», которые позволили бы отказаться от обещанной помощи Еревану, то есть, фактически, сменить поощрение на наказание, обещанный пряник – на реальный кнут» («ДЭ», № 3, 2013, с. 9). «Заручившись

депутатским мандатом, Багратян с легкостью наплевал в колодец конгресса и объявил о намерении баллотироваться в президенты, не дожидаясь решения Тер-Петросяна и конгресса...» («ГА», № 3, 19 января 2013 года, с. 2), где разрушенной представляется крылатая фраза «Не плюй в колодец, из которого будешь пить».

В некоторых случаях используются комбинированные прецедентные элементы: «Прямо жегловский метод: вор должен сидеть в тюрьме, пока не будет доказана его невиновность» («ГА», № 133, 2012, с. 2). Чтобы понять эту фразу, нужно знать и самого Жеглова, и особенности «жегловского» метода по популярному советскому сериалу «Место встречи изменить нельзя». «Но в данном случае чушь порет именно господин министр, и сие, как сказал бы Остап Бендер, есть медицинский факт» («АН», № 49, 2012, с. 5), где предполагается знание и имени известного литературного персонажа, и его соответствующей по форме фразы.

В некоторых статьях таких прецедентных элементов бывает слишком много, особенно в газетах «Голос Армении» и «Собеседник Армении». Так, например, в одной и той же статье («СА», № 2, 2013, с. 2) использованы следующие фразы: «Ещё в начале восемнадцатого века мадам де Сталь сказала: «.....»; «Незабвенной памяти Рональд Рейган, убедительно доказавший миру тезис, что и актёр-ковбой может управлять государством, как-то высказал остроумную мысль...»; «Это редкое ответвление от вида homo sapiens, обладающее мощным инстинктом приспособления», предполагающее знание соответствующего латинского выражения; «И кто бы ни стал на предстоящих выборах президентом страны, пусть практика назначения сомнительных «сторонников» на капитанские мостики канет в Лету». В этой же статье автор использует много сложных для понимания слов (о чём говорилось выше): нимб, зомбированный, банкократия, цугцванг, офсайд, фарс, дилетант, анахронический и т.д. Причём только одно слово «цугцванг» снабжено развёрнутым объяснением: «Этот шахматный термин обозначает ситуацию, когда любой ход ведёт к ухудшению положения в партии одного, а то и обоих игроков. Одним словом, безвыходная ситуация, тупик». И далее: «Видимое благополучие власти в президентских выборах при фактическом отсутствии серьезных соперников есть не что иное, как цугцванг существующей политической системы».

Статья, которая рассказывает о визите Г. Царукяна и его команды в Брюссель, называется «Первый бал Наташи Ростовской» («ГА», № 133, 2012, с. 2), что предполагает и знание имени и фамилии героини романа Л. Н. Толстого, и всех обстоятельств, связанных с её первым балом. Кстати, это прецедентное выражение повторяется и в тексте ещё раз. Далее читаем: «Лидер ППА Гагик Царукян в последнее время стал похож на Петра I. Не только масштабностью фигуры, но и упорным желанием прорубить окно в Европу». Факт наличия нескольких прецедентных элементов в этом тексте (Петр I, «масштабность фигуры», «прорубить окно в Европу») не вызывает сомнения. Далее объём прецедентной информации наращается: «Дело не только в том, что если Петру I пришлось для достижения своей цели построить город и выиграть Полтавскую битву, то Гагик Царукян предпочитает заниматься благотворительными маршрутами и гостиничным бизнесом». Этот текст заканчивается дословным пересказом старого анекдота, который напомнила автору вся эта ситуация. В этой статье много аббревиатур, сложных для восприятия средним читателем слов и словосочетаний: *деидеологизированный, конструктивный, констатация, потуги, уста, альянс, популистский, олигархический статус* и т.д.

Список примеров может быть продолжен, и абсолютное их большинство, на наш взгляд, доказывает разницу в уровне знаний (в первую очередь – языковых) авторов статей и их читателей. А если это так, то можно предположить, что, используя прецедентные элементы в своих публикациях, авторы не столько

думают о качестве восприятия своих текстов, сколько о необходимости выразить свои мысли и показать свои знания, то есть основной, по нашему мнению, становится функция самовыражения.

Список литературы

1. Драплик А. С. Прецедентные феномены как один из способов интеллектуализации газетного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 23 с.
2. Душенко К. В. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. М. : ЭКСМО, 2006. 832 с.
3. Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. Журналистика и лингвистика, коммуникативистика и право, история журналистики и технологии et cetera: дефиниции, термины, концепции, справочные материалы. Бишкек : Изд-во КРСУ, 2002. 164 с.

Информация об авторах: *Варданян Анаит Гагиковна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и славянских языков Государственного университета имени В. Я. Брюсова (г. Ереван, Республика Армения); *Варданян Лусине Гагиковна*, преподаватель кафедры русского и славянских языков Государственного университета имени В. Я. Брюсова (г. Ереван, Республика Армения).

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ЗАГОЛОВКОВ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ, ОТРАЖАЮЩИХ ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ПЕНЗЕНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ» ЗА 1941–1945 гг.)

Ю. А. Васинькина

г. Пенза, Россия
vasinkina.y@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются с точки зрения структуры и семантики заголовки газетных текстов «Сталинского знамени» за 1941–1945 гг., отражающие трудовой подвиг пензенцев. Выявляются синтаксические, лексические, экспрессивно-стилистические особенности заголовочных конструкций и определяются их функции. Делается вывод о роли заголовков в рассматриваемом издании в аспекте отражения трудового подвига жителей Пензенской области.

Ключевые слова: газетная публицистика, заголовок, Великая Отечественная война, трудовой подвиг, пензенцы

Для цитирования: Васинькина Ю. А. Структура и семантика заголовков газетных текстов, отражающих трудовой подвиг пензенцев (на материале региональной газеты «Сталинское знамя» за 1941–1945 гг.) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 384–387.

Важным элементом любой газетной статьи является заголовок. Как структурный элемент основного материала, он выступает «репрезентантом текста публикации» и «первым сигналом, побуждающим к чтению» [1, с. 100]. Оставаясь частью статьи, заголовок представляет собой автосемантическую единицу. Среди функций заголовка можно выделить следующие: привлечение внимания читателя, информирование о чём-либо, отражение «авторского отношения к предмету речи», обозначение «тональности текста» [2, с. 68].

В выпусках «Сталинского знамени» за 1941–1945 гг. есть как информативные: *Митинг рабочих, служащих и инженерно-технических работников депо Пенза-первая* (№ 146, 1941), так и пунктирные заголовки: *В колхозах Ломовского района* (№ 171, 1941). Первые «полностью передают основное содержание текста», вторые – «приблизительно указывают на содержание статьи» [4, с. 31]. В выпусках рассматриваемой газеты структуры этих видов объединяло отсутствие многозначности, завуалированности, так как главная задача газетных текстов заключалась не в создании интриги, а в передаче сути сообщения, конкретных сведений, например: *Сердобский район выполнил план мясоставок первого полугодия* (№ 163, 1941).

Заголовки «Сталинского знамени» в 1941–1945 гг. представляли собой такие синтаксические единицы, как слово (как правило, предложно-падежная форма), словосочетание, предложение: *Перед уборкой* (№ 174, 1941), *На боевой вахте* (№ 175, 1941), *Закончили ремонт сельхозинвентаря* (№ 25, 1943). Использовались разные виды предложений с точки зрения структуры и семантики. Ср.: *Каждый собранный пуд зерна – удар по врагу* (№ 175, 1941) и *Где проверить семена?* (№ 23, 1945). Словосочетания и особенно отдельные слова, как малоинформативные единицы, в качестве заголовков выступали редко: *Многостаночники* (№ 163, 1941), *На фермах двух колхозов* (№ 11, 1944). Напротив, с большой периодичностью использовались двусоставные предложения: *Колхоз «12 лет Октября»*

готов к уборке урожая (№ 171, 1941), *Кузнецкий мясокомбинат разворачивает цех ширпотреба* (№ 11, 1943).

Нередко заголовочные конструкции представляли собой односоставные определённо-личные предложения, в которых подразумевался конкретный субъект: *Создаем кормовую базу* (№ 149, 1941), *К 1 марта закончим ремонт тракторного парка* (№ 5, 1944). Конструкции с формами глаголов 1-го лица множественного числа позволяли показать единство устремлений тружеников, их сплочённость в процессе борьбы с врагом. В двусоставных предложениях для этой же цели использовались личные местоимения 1-го лица множественного числа: *Наше дело правое, мы победим* (№ 155, 1941), *Все мы – единая армия советского народа* (№ 159, 1941).

Отметим частотность восклицательных конструкций-побуждений: *Все силы нашего народа на разгром озверелого врага!* (№ 157, 1941), представляющих собой преимущественно инклюзивные формы императива: *Дадим 250 пудов с гектара!* (№ 76, 1942) и инфинитивные предложения: *В срок выполнять заказы сельского хозяйства!* (№ 22, 1945). Воздействие на аудиторию является одной из функций публицистики, к тому же призыв к активным действиям был характерной чертой советских изданий военных лет.

Помимо призывов, в заголовках содержалась информация о ближайших планах: *Уберем богатый урожай в срок и до единого зерна* (№ 168, 1941), о процессе работы: *В колхозах области разворачивается уборка урожая* (№ 178, 1941) или о результатах труда: *Заготовлено 12 пудов верхушек картофеля* (№ 23, 1943). Важным было сообщать об успехах тыловиков и тем самым укреплять веру в мощь советского народа. Этим обусловлено большое количество в заголовках таких лексем, как: *перевыполнить* в разных формах: *Задание будет **перевыполнено*** (№ 21, 1943), *досрочный/досрочно*: *Досрочная сдача мяса государству* (№ 5, 1943), *обильный*: *В срок и без потерь проведем уборку **обильного** урожая!* № 152, 1941) и т.п.

В выпусках «Сталинского знамени» периода Великой Отечественной войны одной из частотных была лексема *Родина*. Эта семантическая единица выступала как ключевая в том числе и в заголовках. Рядом с *Родиной* нередко оказывались слова *любимая, любовь, наша, долг*: *В фонд обороны **любимой родины*** (№ 153, 1941), ***Любовь к родине** вдохновляет советский народ на военную храбрость и трудовую доблесть* (№ 152, 1941), *Дадим больше хлеба **нашей родине*** (№ 153, 1941), *Выполним **долг перед родиной*** (№ 150, 1941). Эти слова входят в лексико-семантическое поле ключевой лексемы и подчёркивают любовное отношение людей к своей Отчизне, остро нуждающейся в защите.

В текст заголовков нередко включалась фамилия-идеологема *Сталин*. Выражалось доверие и признательность вождю, подчёркивалось единство с ним во взглядах и устремлениях: *Сталин – наше знамя* (№ 171, 1941). Имя Верховного главнокомандующего сопровождалось эпитетами, которые показывали отношение народа к этой личности: *С нами Сталин **родной*** (№ 146, 1941), *Во главе с **великим Сталиным** могучий советский народ сметет с лица земли фашистских варваров!* (№ 148, 1941).

При назывании врага активно использовалась лексика с ярко выраженной отрицательной коннотацией: *Уничтожить **фашистскую гадину*** (№ 147, 1941), при описании советского человека – с положительной: *Передовики колхозных полей* (№ 172, 1941). Для передачи идеи освободительной войны и создания образа народа-героя применялась высокая книжная лексика: *Наше дело **правое*** (№ 145, 1941), *Трудовая доблесть железнодорожников* (№ 164, 1941). Однако в основном использовались общеупотребительные слова, близкие и понятные простому человеку.

Яркие заголовки создавались при помощи изобразительно-выразительных средств. Использовались такие лексические средства, как

– эпитеты: **Высокий патриотизм** колхозников (№ 175, 1941), **Успешное проведение сбора лекарственного сырья** (№ 8, 1943), **Идет горячая работа на полях** (№ 222, 1941). Часто употреблялся, например, эпитет «горячий», сочетаемость которого была широкой (*горячее чувство, горячие дни* и т.п.);

– фразеологизмы: *Беречь народное хозяйство, как зеницу ока* (№ 143, 1941), **Не покладая рук, крепить тыл** (№ 149, 1941), **От чистого сердца** (№ 219, 1941). Одним из излюбленных был фразеологизм *не покладая рук*, выразительно обозначавший самоотверженный, непрерывный труд людей;

– метафоры: *Не сдобровать бешеным псам фашизма* (№ 150, 1941), **Наша страна – неприступная крепость** (№ 150, 1941);

– синонимы: **Гнев и ненависть** (№ 150, 1941);

– антонимы: **Фронт и тыл в нашей стране неотделимы** (№ 156, 1941);

– метонимии: *Кондольский район выполнил задание* (№ 3, 1944).

Среди синтаксических средств создания выразительности наиболее частотными были риторические восклицания, передающие всеобщее чувство высокого патриотического подъёма: *Все силы на разгром фашизма!* (№ 159, 1941), *Ознаменуем Первомай ударным трудом на севе!* (№ 102–103, 1943). Кроме того, использовались

– эллипсис: *Трёхсуточное задание – за сутки* (№ 150, 1941), *Всю работу – на военный лад!* (№ 162, 1941),

– ряды однородных членов: **В срок и без потерь** проведем уборку обильного урожая (№ 152, 1941), **Наш отпор врагу крепнет и растёт** (№ 159, 1941),

– лексические повторы: *За каждый колос, за каждое зерно* (№ 183, 1943).

Отметим, что особенностью заголовков областного издания является «использование лексики, отражающей региональную специфику газеты, – топонимов и оттопонимических наименований – с целью показать вклад жителей Пензенского региона, в том числе отдельных населённых пунктов, в дело приближения победы» [3, с. 72]: *В колхозах Бековского района* (№ 162, 1941), *Кузнечане крепят помощь фронту* (№ 11, 1943). Упоминание реальных населённых пунктов и их жителей выполняло, на наш взгляд, контактоустанавливающую функцию с целью последующего воздействия.

Итак, в заголовочных конструкциях «Сталинского знамени» за 1941–1945 гг. отразился широкий потенциал синтаксических, лексических, экспрессивно-стилистических возможностей русского языка. Эти структурные единицы, представляющие собой вполне самостоятельные элементы газетных статей, отразили характер военного времени и позволили сохранить конкретные, фактически точные сведения о трудовом подвиге жителей Пензенской области в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Зекиева П. М. Заголовочный комплекс в газете как макроструктура имени статьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 99–104. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16758119> (дата обращения: 20.02.2022).

2. Милованова С. О. Газетный заголовок как средство актуализации смысла // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 368–372. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gazetnyy-zagolovok-kak-sredstvo-aktualizatsii-smysla> (дата обращения: 20.02.2022).

3. Родионова И. Г. Особенности газетного дискурса в годы Великой Отечественной войны (на материале пензенской региональной газеты «Сталинское знамя») // Вторая мировая война в славянских литературах и языках : тез. докл. Междунар. науч. конф. (10–11 ноября 2015 г.). Москва : Институт славяноведения РАН, 2015. С. 71–73. URL: https://inslav.ru/images/stories/other/2015_tezisy_vojna.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

4. Руженцева Н. Б. Стереотипные решения и креативные векторы в политической рекламе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2017. № 2. С. 26–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipnye-resheniya-i-kreativnye-vektory-v-politicheskoy-reklame> (дата обращения: 20.02.2022).

Информация об авторе: *Васинькина Юлия Андреевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ СТАТЕЙ ПЕНЗЕНСКИХ ГАЗЕТ

Ю. С. Долотова

г. Пенза, Россия
dolotova.julija@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются фразеологизированные односоставные предложения в заголовках региональных газетных статей и причины их употребления в газетном тексте.

Ключевые слова: газетный заголовок, пословицы, поговорки, фразеологизмы, трансформация, односоставные предложения

Для цитирования: Долотова Ю. С. Фразеологизированные односоставные предложения в заголовках статей пензенских газет // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 388–389.

В современном мире средства массовой информации занимают важное место в жизни людей. Газета является одним из таких средств. Именно в прессе мы узнаём о событиях, которые происходят в мире. Эффективность текста газеты во многом зависит от его заглавия. Можно сказать, что оно определяет успех всей статьи. Из газетного заголовка мы понимаем предварительный текст, получаем информацию о содержании статьи. Его основной целью является привлечение внимания к самым важным и интересным частям сообщений: чаще всего заголовок не раскрывает до конца содержание статьи, а потому стимулирует её прочтение. Таким образом, чтобы заинтересовать и даже заинтриговать читателя, заголовок должен быть очень броским и запоминающимся.

Крайне редко человек прочитывает газету от начала до конца, в основном он выбирает только то, что ему интересно, руководствуясь в этом плане именно заголовками статей. Заголовки в свою очередь привлекают внимание к материалу, указывая на основное содержание публикации, обозначают авторскую позицию и формируют у читателя настрой на восприятие публикации.

Современные журналисты хотят привлечь к своим публикациям как можно больше читателей, поэтому ищут самые удачные и выигрышные способы для выражения своих мыслей. Одним из наиболее распространенных приемов становится использование пословиц и поговорок или их трансформация в заголовках газет.

Главные причины употребления в газетных заголовках видоизменённых пословиц, поговорок и фразеологизмов заключаются, в первую очередь, в необходимости привлечения внимания читателя, так как именно заголовок вызывает в памяти читателя ассоциации со знакомой фразой или явлением, во-вторых, для лучшего объяснения смысла, так как всё новое – это давно забытое старое, и, наконец, во избежание прямого высказывания, которое может быть нежелательно в газете.

Очень часто пословицы, поговорки и фразеологизмы в виде заголовка представлены определённо-личными, обобщённо-личными и инфинитивными односоставными предложениями, что позволяет заголовку ёмко и кратко представить основную суть газетной статьи. Иллюстрацией послужили заголовки статей региональных газет: *Жаба, которой палец в рот не клади* (Пенза плюс ТВ, № 04

от 25 января 2022 г.); *Прикуси язык!* (Пенза плюс ТВ, № 05 от 1 февраля 2022 г.); *Не пускать пыль в глаза* (Молодой ленинец, № 48 от 1 декабря 2015 г.).

Подобные изменения приводят к конкретике значений, узкой ситуативной привязке трансформированной поговорки или фразеологизма. Возможно и образование видоизменённых форм с новым прямым значением. На страницах сегодняшних газет активно наблюдается процесс обновления поговорок, поговорок и фразеологизмов как в самой публикации, так и в заголовках. Даже самый скучный материал может быть прочитан благодаря эффектному названию. Именно поэтому в современной публицистике активно используются различные пословично-поговорочные паремии. Названия, которые представляют собой трансформированные поговорки, поговорки или фразеологизмы являются броскими, конкретными и экспрессивными: *Красиво шить не запретишь* (Пензенская правда, № 4 от 23 марта 2013 г.); *Смотрят в книгу — видят гаджет* (Молодой ленинец, № 05 от 4 ноября 2016 г.); *Готовим саМи летом* (Аргументы и факты – Пенза, № 38 от 20 мая 2020 г.); *Судите, да судимы будете* (Пензенская правда, № 3 от 18 января 2021 г.).

Безусловно, что, видоизменяясь, поговорки, поговорки и фразеологизмы соответствуют духу времени и отражают настроение современности. Творческое применение поговорок, поговорок и фразеологизмов расширяет границы авторской мысли, позволяет избегать штампов, дает эффект новизны, придает особенность всему тексту публикации.

Список литературы

1. Евдокимова О. А. Заголовочные конструкции в текстах публицистического стиля (на примере региональных газет «Пензенская правда» и «Молодой ленинец») // Молодой ученый. 2017. № 22 (156). С. 468–470. URL: <https://moluch.ru/archive/156/44159/> (дата обращения: 26.01.2022).

2. Бондаренко Н. Г. Видоизмененные поговорки и поговорки в заголовках на страницах современных газет // Современная филология : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа : Лето, 2011. С. 236–239. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/122/> (дата обращения: 24.01.2022).

Информация об авторе: *Долотова Юлия Сергеевна*, студентка магистратуры Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 30 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА МЕДИКО-КОСМЕТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-СМИ)

К. С. Думбрава

г. Саранск, Россия
kristina-dumbrava@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются лингвокультурологические особенности современной медико-косметологической рекламы и способы манипуляции потребителем. Исследуются стилистические черты данного вида текста и применяемые авторами художественные средства создания эффекта эмоционального воздействия на потенциального потребителя продукта / услуги.

Ключевые слова: медико-косметологическая реклама, языковое манипулирование, лексика, терминология, неологизмы, эпитет

Для цитирования: Думбрава К. С. Лексико-стилистические особенности текста медико-косметологической рекламы (на материале текстов интернет-СМИ) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 390–394.

В современном мире реклама нацелена на то, чтобы манипулировать потребителем и заставить его купить продукт или услугу. Как отмечают многочисленные исследователи рекламы [14, 16], специфику рекламного текста, в первую очередь, определяют цель и характер воздействия. При воздействии рекламы в голове потребителя должны возникнуть определённые образы и социально-психологические установки, усиливающие готовность человека к действию, мотивированному осмыслением рекламного текста. Такие установки могут быть рациональными и эмоциональными.

К рациональным установкам, присущим медико-косметологической рекламе, относятся:

– установки на здоровье:

Привычка прикасаться к лицу не была полезной и до коронавирусной пандемии – она способствует появлению воспалений на коже и, например, кишечным инфекциям. Для тех, кому не удаётся от неё избавиться, создан этот умный браслет – он вибрирует каждый раз, когда ваша рука приближается к лицу [2];

– потребительскую выгоду, в том числе финансовую:

Средства полноразмерные, так что бокс становится очень выгодной покупкой – подойдёт не только для подарка, но и для пополнения собственной косметички [15].

Несмотря на небольшой размер (вес бруска 100 грамм), производитель обещает, что хватает его на столько же, на сколько хватает жидкого шампуня весом 250 грамм [11].

Эмоциональные установки, формируемые воздействием рекламы, направлены на спонтанную покупку продукта или услуги. Самым распространённым является приём предостережения о скором окончании товара, что побуждает человека совершить быструю, часто нецелесообразную покупку:

Правда, эти коробочки из крафтового картона разбирают очень быстро – нужно успеть за покупками [15].

Для рекламы косметологических средств характерной является установка на универсальность продукта в целях максимального охвата производителем аудитории возможных потребителей и демонстрации широкого спектра действий предлагаемого товара:

Этот набор подойдет любому человеку, от младшей сестры до бабушки: тут лёгкий крем для лица из линейки, которую мы уже хвалили, и эффективный питательный бальзам для рук [15].

Сам шампунь подходит для любых, даже сухих волос и содержит в себе аргановое масло и масло камелии [11].

Продукт подходит для любого типа и состояния волос, но больше всего пригодится обладательницам повреждённых волос [13].

Воздействие рекламы на человека зависит от формы подачи этой рекламы (монолог-призыв, обращённый к зрителю / слушателю, диалог «предполагаемых потребителей» данного продукта (широко используется в видеоклипах на телевидении) и др.), а также от используемых языковых средств.

Медико-косметологическая реклама широко применяет языковое манипулирование, то есть использование скрытых возможностей языка для навязывания человеку своего представления об окружающем мире, эмоционального отношения и реакции на него [9, с. 52]. Подобными средствами являются специальные художественные приёмы, изобразительно-выразительные средства языка – тропы и фигуры речи (метафоры, гиперболы, сравнения, и т.д.), пословицы, поговорки, фразеологизмы [10, с. 56].

К числу стилистических черт рассматриваемых рекламных текстов относится, в частности, насыщенность общенаучной и специальной терминологией, что позволяет чётко обозначить круг проблем, решаемых лекарственным препаратом или косметическим средством, повысить доверие потребителя к товару, акцентировать сильные стороны продукта:

В составе – глицерин, сквалан и трегалоза, которые балансируют действие очищающих компонентов и предотвращают чувство сухости и стянутости после умывания [13].

Действующее вещество – умифеновир, который препятствует слиянию липидной оболочки вируса и клеточных мембран, а также оказывает некоторый иммуномодулирующий эффект [7].

За счёт содержания витамина В3, аллантоина, Д-пантенола делает пряди упругими, густыми, объемными, продлевает свежесть укладки, не утяжеляя волосы [1].

Есть отдельная палата для видео-ЭЭГ-мониторинга, причём, как почасового, так и суточного, кабинет функциональной диагностики, где выполняются ЭКГ, ЭХОКГ, холтеровское мониторирование, СМАД, оценка функции внешнего дыхания [12].

В рекламных текстах подобного рода часто встречаются фразеологизмы, цель использования которых – создание экспрессивности текста и эффекта «сближения» товара с потребителем:

Рождество – золотое время для британской марки, которая за годы своего существования отточила мастерство дарения до каких-то невероятных степеней [15].

Маска из разряда «тяжёлая артиллерия» не зря получила название Therapiste [13].

Французская марка, отметившая в уходящем году 60-летний юбилей, знает толк в праздничном оформлении и к каждому Рождеству перевыпускает свои знаменитые свечи и ароматы в специальном дизайне [15].

Мы недавно уже **отдавали должное** умению *Benefit* делать миниатюры – удобные для поездок и достаточно щедрые с точки зрения объёмов [15].

Эффекту эмоционального воздействия подчинено использование в рекламном тексте просторечной и разговорной лексики. Поскольку обычный потребитель часто плохо осведомлен о компонентном составе медицинского препарата (к сожалению, не все внимательно изучают инструкции, часто не видя для себя в этом никакой пользы) или косметического средства, а также может не знать основные показания к их применению, важно сделать так, чтобы содержание рекламного текста вошло в сознание потенциального потребителя, и потому в ряде случаев разговорная лексика употребляется наряду с терминологической:

Хит Pixi – отшелушивающий тоник с гликолевой кислотой, который копируют все кому не лень [8].

И вот не успела мама обернуться – ребёнок споткнулся и шлёпнулся [16].

К числу лексических особенностей косметологического рекламного текста относится обилие англицизмов, с одной стороны, и неологизмов, с другой, что связано с нацеленностью индустрии красоты, в основном, на более молодую аудиторию (хотя стремление сохранить молодость и физическую привлекательность присуще не только сугубо молодёжной среде) и тесной связью с мировыми трендами:

*Подруг можно одарить небольшими **трэвел-сетами**, а папе и маме вручить роскошные **боксы** с главными средствами марки* [15].

*Рафинированный именной бренд Фредерика Маля делает небольшие **дискавери-сеты** для желающих приникнуть к миру высокой парфюмерии: есть варианты в пробирках, а есть более изысканные, куда входят маленькие флакончики* [15].

*«Золотое яблоко» потихоньку растит **private lable**, но делает это не самыми обычными путями – вместо того, чтобы запустить ещё одну косметическую марку, сеть устраивает резонансные **коллаборации** с брендами, а теперь ещё и собирает наборы* [15].

*Средство сочетает в себе уходовые и **стайлинговые** свойства* [1].

Предложения насыщены эпитетами как одним из основных средств создания акцентуации важного для потребителя смысла и привлечения к нему внимания:

*Создательница Pixi Петра Стронд призналась, что была допущена в архивы и благодаря этому выпустила упаковку, вдохновлённую винтажным изображением **очаровательной** мультяшной кошки* [8].

***Строгий и изящный** минималистский набор из шести бестселлеров нью-йоркской марки – можно приобщиться и к **растиражированному** на Пятой авеню и в Столешниковом переулке *Santal 33*, и к **эффемерному** *Another 13** [15].

*Обратите внимание на **симпатичные** бирюзовые флаконы с золотой каймой – бальзамы для губ, во-первых, вещь **полезная** и особенно **нужная** зимой; а во-вторых, это одно из самых бюджетных средств модного дома* [13].

Эпитеты способствуют созданию экспрессивности, с их помощью создатели рекламы убеждают читателя в уникальных и полезных свойствах товара, – тексты становятся более интересными для читателя, заставляя последнего почувствовать необходимость приобретения этого товара. Для той же цели в рекламных текстах часто встречаются синонимы в виде синтаксически несвободных сочетаний и отдельных лексем:

*Мамы **маленьких детей** знают, что на прогулке в парке или в лесу нужно быть готовым ко всему. Ведь **ребятишки** на природе очень любопытны. И вот не успела мама обернуться – **ребёнок** споткнулся и шлёпнулся* [6].

Как и эпитеты, синонимы используются для акцентирования свойств предлагаемого продукта / услуги и доказательства их уникальности:

Здесь учёные при поддержке компании будут изучать ареал обитания редких уникальных растительных эндемиков Алтая: родиолы розовой, а также красной щётки (она же родиола холодная) [3].

Кроме того, можно заниматься отбеливанием любых зон и участков, включая даже самые нежные и чувствительные [4].

Антонимы в рекламных медико-косметологических текстах зачастую подчёркивают универсальность товара / услуги:

Сегодня продукцию «Эвалар» покупает уже третье поколение россиян, и это видно и по ассортименту компании: здесь и продукция, которую много лет любит и приобретает старшее поколение, и новинки, которые ищет и выбирает молодёжь [3].

Левомеколь уже много лет является семейным доктором для многих из нас и лечит инфицированные раны как у взрослых, так и у самых маленьких членов их семей [6].

С помощью антонимов реклама отображает широкий спектр ситуаций и явлений, в которых товар или услуга может пригодиться потенциальному потребителю, причём антитеза создаётся в ближайшем контексте:

Он способствует повышению умственной и физической работоспособности, стрессоустойчивости, снижению количества свободных радикалов в крови, усиливает антиоксидантную функцию печени, защитные функции организма, помогает нормализовать обмен веществ [5].

Ведь предстоит столько забот по дому и работ в саду и огороде и если вдруг случится неприятность и вы поранитесь – под рукой у вас всегда будет спасатель ран [6].

Таким образом, целью медико-косметологической рекламы (как и рекламы любого другого товара) является воздействие на потенциального потребителя и побуждение его к покупке предлагаемого товара. Как показывает анализ лексико-стилистических особенностей рекламного текста, авторами широко используется разговорная лексика и фразеология, за счёт чего у потенциального потребителя создается эффект коммуникации с производителем продукта; использование общенаучной и специальной терминологии призвано описать действие продукта и повысить уровень доверия возможного покупателя к предлагаемому товару или услуге.

Список литературы

1. 4 шага к объёмным волосам вашей мечты с ARAVIA Professional // Комсомольская правда : сетевое издание. 2020. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/spetsproekty/aravia-professional/> (дата обращения: 03.02.2022).

2. Браслет Immutouch, который не даёт трогать лицо // Wonderzine : онлайн-журнал об интересах и возможностях современных женщин. 2020. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/health/health-wishlist/250173-immutouch> (дата обращения: 03.02.2022).

3. Зайцева С. 30 лет раскрываем силу растений: история успеха «Эвалар» // Аргументы и факты. 2022. URL: https://aif.ru/health/life/30_let_raskryvaem_silu_rasteniy_istoriya_uspeha_evalar (дата обращения: 03.02.2022).

4. Зайцева С. Отбелить нельзя оставить. Как сделать кожу сияющей с помощью лазера // Аргументы и факты. 2022. URL: https://aif.ru/health/secrets/otbelit_nelzya_ostavit_kak_sdelat_kozhu_siyayushchey_s_pomoshchyu_lazera (дата обращения: 03.02.2022).

5. Захарова О. На клеточном уровне. Какой продукт для лечебного питания разработали учёные // Аргументы и факты. 2020. URL: https://aif.ru/health/life/na_kletochnom_urovne_kakoy_produkt_dlya_lechebnogo_pitaniya_razrabotali_uchyonye (дата обращения: 03.02.2022).

6. Захарова О. Семейный доктор. Левомеколь® – эксперт в лечении больших и маленьких ран // Аргументы и факты. 2022. URL: https://aif.ru/health/life/semeynyy_doktor_levomekol_ekspert_v_lechenii_bolshih_i_malenkih_ran (дата обращения: 03.02.2022).

7. Каадзе А. Г. Препараты при гриппе и простуде: что можно положить в домашнюю аптечку // Комсомольская правда : сетевое издание. 2020. URL: <https://www.kp.ru/guide/preparaty-ot-grippa.html> (дата обращения: 03.02.2022).

8. Коллекция Pixi с Hello Kitty! в виральной упаковке // Wonderzine : онлайн-журнал об интересах и возможностях современных женщин. 2022. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/beauty/beauty-wishlist/261327-pixi> (дата обращения: 03.02.2022).

9. Копачевская С. М. Языковые и неязыковые особенности медицинской рекламы на российском радио // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2012. № 5. С. 52–59.

10. Овруцкий И. В. Анатомия рекламного образа. 4-е изд. СПб. : Питер, 2004. 224 с.

11. Первый твёрдый шампунь Claris // Wonderzine : онлайн-журнал об интересах и возможностях современных женщин. 2021. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/beauty/beauty-wishlist/260815-clarins> (дата обращения: 03.02.2022).

12. Петров М. Мы относимся к нашим пациентам, как к супергероям. И им это нравится // Комсомольская правда : сетевое издание. 2022. URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27351.5/4531836/> (дата обращения: 03.02.2022).

13. Решетник Т. Что класть под ёлку: 11 бьюти-подарков, которые порадуют каждого // Wonderzine : онлайн-журнал об интересах и возможностях современных женщин. 2021. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/beauty/otherbeauty/260637-beauty-for-everyone> (дата обращения: 03.02.2022).

14. Ромат Е. В. Реклама. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. 544 с.

15. Соболева М. Всё успеть: 27 подарочных косметических наборов // Wonderzine : онлайн-журнал об интересах и возможностях современных женщин. 2021. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/beauty/otherbeauty/260825-presents> (дата обращения: 03.02.2022).

16. Сэндидж И. Реклама: теория и практика. М. : Прогресс, 1989. 467 с.

Информация об авторе: *Думбрава Кристина Сергеевна*, студентка магистратуры Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва, учитель русского языка и литературы средней общеобразовательной школы № 5 г. Саранска (г. Саранск, Россия).

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА КАК ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. И. Ершова

г. Саранск, Россия
tascha80@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются религиозный дискурс как сложный коммуникативно-культурный феномен в православных СМИ, его специфические черты и языковые особенности. Особое внимание уделяется описанию функций данного вида дискурса в лингвистических исследованиях.

Ключевые слова: религиозный дискурс, язык православных СМИ, массмедиа, языковые средства, воздействующая функция, апеллятивная функция, репрезентативная функция

Для цитирования: Ершова Н. И. Основные аспекты рассмотрения религиозного дискурса как объекта лингвистического исследования // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 395–398.

Все функциональные разновидности языка тяготеют к тому или иному виду дискурса, который традиционно определяется как «речь, погружённая в социальный контекст» [3, с. 94], «погружённая в жизнь» [3, с. 94], «текст, погружённый в ситуацию реального общения» [2, с. 271]. Поэтому в качестве магистрального направления изучения дискурса выступает «детальный анализ языка, его употребления в определенных коммуникативных ситуациях, а также анализ социальной и культурной практики» [3, с. 94]. По мнению К. Чумаковой, «дискурс – это в первую очередь речь, актуализирующаяся при помощи различных языковых средств в зависимости от коммуникативной установки и социальной сферы ее употребления» [4]. Не является исключением и язык православных СМИ, представляющий собой материальное воплощение религиозного дискурса, определяемого в науке как «институциональное общение, целью которого является приобщение человека к вере или укрепление веры в Бога, и характеризуется следующими конститутивными признаками: 1) его содержанием являются священные тексты и их религиозная интерпретация, а также религиозные ритуалы, 2) его участники – священнослужители и прихожане, 3) его типичный хронотоп – храмовое богослужение» [1, с. 5]. Е. В. Бобырева определяет религиозный дискурс как «совокупность речевых актов, которые используются в религиозной сфере; <...> набор определённых действий, ориентированных на приобщение человека к вере, совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов» [1, с. 5]. Таким образом, религиозный дискурс представляет собой «сложный коммуникативно-культурный феномен, основу которого составляет система определенных ценностей, который реализуется в виде определенных жанров и выражается посредством определенных языковых и речевых средств» [1, с. 5]. По мнению В. И. Карасика, отличительная черта религиозного дискурса состоит в том, что «к числу его участников относится Бог, к которому обращены молитвы, псалмы, исповеди в ряде конфессий» [2, с. 221].

Религиозная коммуникация отличается от любого другого вида общения, так как, во-первых, такое общение выделено из общего круга повседневных забот человека и зачастую возникает в «важнейшие, нередко критические ситуации

в жизни верующего человека; во-вторых, отличается особой напряженностью по причине того, что человек обращается к высшим силам. Религиозная коммуникация противостоит обыденному, бытовому общению», – подчеркивает Ю. Н. Синицына [3, с. 94–95].

По своей сути, в «классическом варианте», религиозное общение – это прежде всего общение священника с прихожанином или прихожанами; к нему примыкает и «общение человека с Богом, когда верующий не нуждается в посредниках для обращения к Богу, примером в данном случае может служить молитва» [1, с. 5]. Однако в последние десятилетия, в связи с развитием массмедиа и расширением их влияния на жизнь общества, а также с изменением социально-политической обстановки в стране в целом, где на первый план выдвигаются проблемы духовного, религиозного развития нации, возник и пользуется большой популярностью сегмент религиозных СМИ и прежде всего православных. Разумеется, язык православных СМИ далеко не однороден: на страницах печатных и интернет-изданий встречаются и обычные новостные заметки, не обнаруживающие отпечаток уникальности языка религиозных массмедиа. Однако огромнейшая часть публикаций на страницах религиозных изданий приходится на статьи, авторами которых являются священнослужители. Это своего рода массмедийные варианты проповедей, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию, иногда в форме и жанре интервью, также затрагивающие вопросы веры, религии, духовного развития человека и т.д., сохраняющие в себе все функции религиозного дискурса и его стилистики. «Именно посредством массмедиа становятся известными большинство религиозных событий. Взаимодействие религии и СМИ институционализируется, регламентируется целым рядом общественных норм и становится предметом общественных дискуссий», – отмечает К. Чумакова [4].

Однако стоит отметить, что реализация религиозного дискурса посредством массмедиа значительно отличается от его реализации в церковной и околоцерковной коммуникативной среде, прежде всего за счет расширения числа адресантов. Что касается целей религиозного дискурса, то они одинаковы независимо от сферы реализации.

Основными языковыми особенностями религиозного дискурса, как правило, называют обилие церковнославянизмов и библеизмов, первые из которых связаны с языковой традицией в данной разновидности общения, а вторые – с его тематикой и содержательной стороной, поскольку авторы часто апеллируют к земной жизни Христа, её отдельным эпизодам, приобретающим поучительный смысл, его проповедям и т.д. «Эти слова чаще всего являются косвенными заимствованиями из Библии или других христианских религиозных источников и не воспринимаются как факт религии, но при этом они воспринимаются скорее иррационально, что приводит к необходимой «фиксации» определенной информации» [4].

Ещё одной специфической чертой религиозного дискурса являются многочисленные аллюзии, с которыми, собственно, и обнаруживают тесную связь библеизмы, становящиеся своего рода материальным воплощением аллюзивной природы религиозного текста. Аллюзия в текстах религиозных СМИ, по наблюдениям К. Чумаковой, представляет собой такой прием, «когда какой-либо феномен реальности описывается с использованием метафорических средств, которые в свою очередь являются аллюзией на библейский сюжет. Такого рода средства не вызывают прямого отторжения адресантом и при этом подсознательно воспринимаются им как нечто знакомое и понятное. На этом основана воздействующая функция религии» [4], обусловленная тем, что в религиозном дискурсе «важен эмоциональный компонент, состояние души человека» [1, с. 7].

Воздействующая функция – далеко не единственная выполняемая религиозным дискурсом. Необходимо отметить и назидательную, поучительную функцию. Её выполнение вытекает из близости религиозного дискурса педагогическому. По мнению Е. В. Бобыревой, «с педагогическим дискурсом религиозный объединяет наличие схожих целей и задач. Центральный участник педагогического дискурса – учитель – передает ученикам знания, сообщает нормы поведения и основы морали, выступая выразителем концентрированного опыта» [1, с. 9], что мы наблюдаем и в религиозном дискурсе. Также их объединяет необходимость ритуала, «адресант как религиозного, так и педагогического дискурса обладает неоспоримым авторитетом. Однако если вся информация, передаваемая в ходе религиозного дискурса, принимается на веру, в педагогическом дискурсе информация обязательно аргументируется. Религиозный дискурс практически полностью лишен рациональности, его основой является эмоциональное переживание чуда единения с Богом в отличие от дискурса педагогического, который основан на рациональности» [1, с. 9]. Всё это указывает на большую роль в текстах религиозного дискурса категорий эмоциональности и экспрессивности, хорошо сочетающихся с магистральными чертами публицистического стиля и в условиях работы религиозных СМИ служащих основой для возникновения религиозно ориентированных текстов, все средства языка в которых направлены на оказание максимально сильного влияния на адресата речи – широкого читателя, привлечение его внимания, к самой Церкви и Священному Писанию, изменение его взглядов, поведения, образа жизни в соответствии с теми ценностями, которые религия пропагандирует, которых она придерживается и считает единственно важными и значимыми, правильными.

Здесь же нужно отметить и апеллятивную функцию, поскольку «любой жанровый образец религиозного дискурса предполагает обязательную апелляцию к воле и чувствам человека (проповедь) либо апелляцию к всемогуществу Бога (молитва)» [1, с. 10].

Следующее место занимает репрезентативная функция (представление, моделирование особого мира верующих), которая имеет большое значение для формирования информационного пространства религиозного дискурса, религиозной картины мира в целом, носящей дуальный характер и построенной на признании ценностей и антиценностей (*добра и зла, любви и ненависти*). Системообразующими концептами религиозного дискурса являются концепты «Бог» и «вера».

Итак, большой интерес для лингвистического исследования вызывает изучение языковых особенностей религиозного дискурса как средства достижения определенных коммуникативных целей и задач, поставленных перед данным видом институционального общения, вернее, его массмедийного варианта, отличающегося прежде всего более широкой адресностью, близостью к публицистическому стилю, но сохраняющего при этом свойственный религиозному дискурсу набор специфических языковых средств (церковнославянизмов, библеизмов, многочисленных аллюзий), функций, ведущую роль из которых играют апеллятивная, воздействующая функции, поскольку все построено на эмоциональном начале, а также репрезентативная функция, заключающаяся в построении особой картины мира, в реализации которой участвуют различные языковые средства, отражающие одновременно специфику религиозного дискурса.

Список литературы

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 46 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

3. Синицына Ю. Н. Особенности и специфика религиозного дискурса // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 2. С. 94–95.

4. Чумакова К. Религиозный дискурс в массмедиа. URL : <http://discourseanalysis.org/ada6/st47.shtml> (дата обращения: 20.02.2022).

Информация об авторе: *Ершова Наталья Игоревна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия).

ОБРАЗ КИТАЯ В КИТАЙСКО-РОССИЙСКОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ)

Инь Цзысюань

*г. Челябинск, Россия
1363332326@qq.com*

Аннотация. Представляются результаты исследования образа Китая в китайско-российском туристическом дискурсе на примере рекламы в блогах. Такой вид средств информации был выбран ввиду того, что в настоящее время большое количество блогеров занимаются интеграцией рекламы в собственные публикации, что не только создаёт для читателя эффект присутствия, но и сближает его с автором публикаций. В результате было выявлено, что туристический дискурс в русском и китайском языках имеет общие языковые способы репрезентации Китая, которые связаны с его культурой, историей, традициями. Древняя страна с уникальной историей, неспешная нация, сокровищница древних знаний, страна с особыми традициями, ценностями, технологически развитая страна – основные характеристики Китая в туристическом дискурсе.

Ключевые слова: Китай, туризм, дискурс, прагматика, реклама, блог, образ

Для цитирования: Инь Цзысюань. Образ Китая в китайско-российском туристическом дискурсе (на примере туристической рекламы) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 399–404.

В Китае, как и во многих других странах, туристический бизнес представляет собой перспективную отрасль экономики. Страна известна своей развитой туристической инфраструктурой, высочайшим уровнем сервиса, богатой культурой и мягким климатом, которые привлекают большое количество туристов, в результате чего создаются ситуации, которые формируют особый, туристический дискурс. В данной лингвистической среде функционирует большое количество текстов, однако в настоящее время большое распространение получили так называемые туристические блоги, которые характеризуются разной стилевой и жанровой принадлежностью.

Современные лингвисты совсем недавно обратили внимание на данный текстовый жанр. Так, например Е. В. Кошельюк рассматривает туристические блоги в дискуссии современной интернет-связи и приходит к выводу, что туристические блоги выполняют очень важные функции, такие как информационная, просветительская и рекламная [2, с. 6]. Она также разделяет блоги на профессиональные и любительские, в которых присутствует индивидуальный стиль изложения информации, формирующий новый тип коммуникационного отношения и нового способа рекламирования товаров, услуг или стран в сети Интернет. М. А. Паниковская в своей работе «Специфика трэвел-журналистики в блогосфере» приходит к выводу о том, что главным отличием трэвел-блога является то, что у него есть автор, обладающий особой целью – провести читателя по новым местам с помощью текста так, чтобы он ощутил эффект присутствия [3, с. 91]. Автор также указывает на то, что у блогера нет обязанности выступать в качестве гида, т.е. описывать собственную поездку объективно. Его задача состоит в том, чтобы показать мир таким, каким его представляет себе автор блога, со всеми положительными и отрицательными сторонами. Именно такое сближение с автором предоставляет новые возможности влияния на читателя в части рекламы.

Таким образом, актуальность исследования состоит в том, что исследование новых языковых особенностей туристического дискурса позволит определить новые аспекты межкультурного общения, сформировать межкультурную компетенцию читателя, а также выявить способы, с помощью которых происходит репрезентация национальной культуры.

Цель настоящего исследования – изучить особенности репрезентации Китая в русско- и китайскоязычном туристическом дискурсе.

В рамках настоящей статьи будут исследованы два туристических ресурса:

1. Chinanomads.com – блог Чи-Чи Чжана и Закари Ван;
2. Bluelaisroad.wordpress.com – блог Конга Пазу – китайского писателя и путешественника;
3. Paralast.ru – блог о Китае Юрия и Олеси Прокопенко.

Chinanomads.com – это блог о путешествиях, совместно написанный (на английском языке) Чи-Чи Чжаном и Закари Ваном. Чжан и Ван, фамилии которых явно указывают на их китайские корни, два американца, которые провели в Китае около 6 лет. В рубрике «О нас» указано, что Чжан работал научным сотрудником Института мировых дел (World Affairs Institute) с целью изучить, как городская миграция влияет на экономический, культурный и политический ландшафт Китая; Ван, со своей стороны, преподавал на юридическом факультете Чунцинского университета и работал юристом в Пекине [5]. Исследуемый блог был создан в сентябре 2012 года, когда его авторы переехали в Китай, и существовал до июня 2014 года. Последняя публикация, датированная 2015 годом, объясняет мотивы, которые привели к закрытию блога: «как вы могли заметить из-за отсутствия новых сообщений в последнее время, мы навсегда переехали в США. Как всегда, мы будем Китай оставаться близким дорогим местом в наших сердцах. Мы очень надеемся на скорейшее возвращение в эту прекрасную страну» [5]. Данная цитата подтверждает глубокие связи, которые оба блогера поддерживают с Китаем, который считается если не страной их происхождения, то по крайней мере вторым домом. В некоторой степени это также означает, что публикации содержат в себе так называемое гибридное самопозиционирование; позиция «аутсайдера» и «инсайдера», согласно которой авторы одновременно являются иностранцами и жителями Китая; они американцы, но они хорошо знают Китай и свободно говорят на мандаринском диалекте. С этой позиции блогеры общаются как с китайцами, так и с иностранцами. Фактически, многие публикации в блоге отражают вышеуказанное гибридное самопозиционирование, так как в публикациях содержится как китайский, так и другие языки (например, названия достопримечательностей, места проживания и другая информация о поездках): «Остановки включали город Ибинь, горячие источники Западного Гранд-Каньона (西部大峡谷温泉) и заповедник Да Шань Бао в Чжаотуне (大山包,昭通). Мы осматривали красивые сельхозугодья, окунулись в горячий источник, насладились живописными горными пейзажами и увидели неуловимых черных журавлей» [5].

Основное намерение блогеров – предоставить читателям советы, предлагая «коллекцию любимых маршрутов по Китаю, честного восприятия опыта и скрытых, но прекрасных мест, которые мы находим по пути» [5]. В частности, они стремятся оказать влияние на читателя, глядя на Китай по-другому, т.е. за пределами туристического взгляда, который часто ограничивается популярными местами в Китае. Приведенный выше отрывок, в котором перечислены небольшие города и природные красоты, которые стоит увидеть на севере Юньнани, является примером альтернативного взгляда на ведение блога. Другими словами, поездки Чжана и Вана обусловлены желанием окунуться в природу Китая и избежать основных

маршрутов и мегаполисов. Конечно, они тоже посещают туристические места, но всегда стараются найти оригинальную точку зрения, на основе которой можно передать собственный опыт. Например, посещая популярный город Дали, они отмечают: «да, в Старом городе (大理 古城) довольно много туристических магазинов, но окрестности отражают национальную культуру Китая, равно как и пейзажи. Мы провели в этом городе две ночи, но, чтобы насладиться всей красотой данной местности, необходимо побыть здесь хотя бы неделю» [5].

Вся публикация посвящена сельской местности Дали, которая остается в значительной степени неизведанной ни китайцами, ни иностранцами. В более широком смысле то, как Чжан и Ван рассказывают о своих поездках, отражает не только рекламирование той или иной местности, города, кафе и т.д., а субъективное повествование и отражения собственного опыта. Это означает, что публикации обычно очень богаты туристическими советами и описаниями посещенных мест.

Из этого можно сделать вывод, что блог Чжана и Вана в основном описательный, т.е. без исторического, политического и социального дискурса. Это означает, что текст публикаций сам по себе является субъективным не только в контексте выражения собственных мыслей, но и того, как его авторы, например, называют некоторые достопримечательности. Один пользователь, комментируя пост, посвященный тибетскому региону, косвенно указывает на «поверхностность» публикаций в блоге: «Мне очень нравятся ваши сообщения, но рассматривали ли вы возможность использовать тибетские названия для тибетских мест? Мачен вместо Макин, Рагья вместо Ладжия и т.д.? Я знаю, что это кажется мелочью, но лингвистический империализм иногда может пагубно влиять на усвоение информации» [5].

В вышеприведенном комментарии пользователь раскрывает лежащие в основе этнические и культурные противоречия между ханьским большинством и тибетским меньшинством, поддерживая необходимость принятия тибетских имен для смягчения империализма Китая в регионе. В своем ответе блогеры соглашались с пользователем и отмечают, что прибегли к помощи китайцев при указании названий достопримечательностей, поскольку не знают тибетского эквивалента. Это, без сомнения, уважительная причина. В более общем плане, однако, важно подчеркнуть, что блогеры, как правило, стараются избегать открытого обращения к политическим темам, даже если они являются неотъемлемым аспектом места, которое они посещают. Весь блог отдает предпочтение отстраненной, ориентированной на досуг позиции. В этом смысле Chinanomads.com связывает себя с традицией классического китайского повествования о путешествиях, в котором прославление природных красот и культурного богатства Китая было полярной темой.

Таким образом, ведение блога – это только один аспект всего веб-сайта, а путешествия – лишь часть более широкой концепции мобильности как развлечения. Фактически, даже из беглого обзора блогов платформы, кажется, что большинство из них сообщают о событиях, связанных с туристами и отдыхом.

Следующий рассматриваемый блог принадлежит Юрию и Олесе Прокопенко, которые проживают в Китае. Как указывает Юрий на заглавной странице блога: «Я работаю в сфере электронной коммерции (digital marketing, SEO, PPC, SNS и прочие связанные с этим истории). В данный момент жизни базируюсь на юге Китая в городе Шэньчжэнь. Описываю специфику жизни в Китае, делюсь впечатлениями, фотографиями и видео об особенностях местной жизни» [1]. Из этого отрывка можно сразу заметить, что автор использует разговорную речь в своих публикациях, что указывает на субъективность и «олицетворенность» блога, т.е. отсутствие профессионального, иногда даже «сухого» журналистского текста. Примечательно, что в таких текстах ярко выражен его автор и авторский почерк, который сближает его читателя, создавая эффект присутствия и диалога.

Авторы блога обладают большими знаниями в области как национальной, так и деловой культуры Китая. Это особо заметно из публикации под названием «Шанхай за 36 часов», где Олеся Прокопенко рассказывает о своем опыте пребывания в Шанхае. Публикация начинается со знакомства автора и читателя, а также краткая «аннотация» текста публикации: «Меня зовут Олеся, я живу в Китае 4 года, из них 1,5 года жила в Гуанчжоу и последние 2,5 года я живу в Шеньчжэне. Т.е. представление о Китае есть. У меня был 1 рабочий день и 2 дня на то, чтобы посмотреть город. И я была впечатлена увиденным. Я не ожидала, что в Шанхае такой прекрасный микс старой и новой архитектуры. Местами, Шанхай, производит очень европейское впечатление» [4].

Автор публикации использует такие слова и фразы, как «прекрасный микс старой и новой архитектуры», «европейское впечатление». Из этого можно сделать вывод, что в тексте превалирует субъективная оценка, которая выражается не в описании каких-либо общих категорий о Китае, а конкретном опыте собственного пребывания в данной стране. Необходимо также отметить, что туристические блоги выражают именно мнение его автора, поэтому в его задачу не входит не только рекламирование того или иного места только с позитивной точки зрения. Это подтверждается описанием перелета автора блога из Шеньчжэня в Шанхай: «Стоимость моего билета Шеньчжень-Шанхай 817 юаней (\$115 USD/ 7400 руб)» [4].

Необходимо также отметить, что, в намерениях автора рекламирование города выражается в заострении внимания на традиционности, древности и неспешности жизни: «Особенность Шанхая – его история. Город с душой, вечными ценностями. Шеньчжэню этого не хватает. Люди в Шеньчжень приезжают, чтобы заработать денег, у местных на первом месте работа и единственная радость – еда» [4].

Одновременно с традиционностью и приверженности национальным традициям, автор блога подчеркивает современность не только Шанхая, но и Китая в целом: «Молодые китайцы любят дорогие бренды. Чувствуется, что в городе высокий уровень жизни. Когда заходит разговор о лучших городах Китая, китайцы чаще всего называют 3 города – Пекин, Шанхай, Шеньчжень. Пекин – столица. Шанхай – лучшее место для финансистов и банковских работников. Шеньчжень – это электроника, интернет вещей, наука, разработки» [4].

Однако кроме стилистической и прагматической особенности используются также приемы, которые направлены на прямое воздействие на читателя. В пример можно привести вопросительные предложения публикации: «Что говорят китайцы о Шанхае?», «Я люблю Шеньчжень, город, в котором сейчас живу, но я отчетливо осознала, что Шеньчжень не похож на Китай. А Шанхай – сердце Китая. А Пекин? Думаю – голова. А вы что думаете, согласны?» [4]. Такие предложения создают иллюзию диалога читателя и автора, живое общение.

Особое внимание следует обратить на раздел публикации под названием «Какими приложениями я пользовалась в Шанхае?». В нём автор «повествует» (хотя, на самом деле это является рекламой) о четырех приложениях. Их названия написаны как на английском, так и на китайском языках. Такое написание связано с тем, что в России в настоящее время обучается большое количество китайских студентов, которые интересуются, как русский человек описывает их родину. Первое из приложений называется «MetroMan - 地铁通». Автор публикации отзывается о ней следующим образом: «Очень крутая карта метро с возможностью менять города в одном приложении. Внутри есть английский и китайский языки, информация о времени в пути и стоимости. Рекомендую!» [4]. Такое краткое повествование является отличным вариантом для рекламирования не самой страны, но связанной с ней вещи, так как лаконичное описание лучше усваивается в голове у читателя,

нежели текст, описывающий каждую функцию приложения. Следующее приложение связано с поездками на такси в Китае. Оно называется Didi – 滴滴打车. По заявлению автора – «Это китайский аналог Uber. Приложение на английском языке. Единственная сложность - найти, где остановился таксист» [4]. Далее автор указывает, что поездки в Китае достаточно дешевые: «За такси (вызывала Didi) от аэропорта до отеля я платила 25-30 юаней (примерно 250 рублей), но я жила в отеле в 10 км от аэропорта» [4]. В данном случае идет сравнение с известной компанией, которая предоставляет услуги такси – Uber. Соответственно, у читателя создается впечатление того, что китайское приложение ничем не уступает приложению Uber (на самом деле, так и есть). В конечном счёте, при поездке в Китай читатели будут пользоваться именно этим приложением. То же самое можно сказать и про описание приложения «Dianping - 大众点评» и «Meituan 美团»: «Это китайские аналоги TripAdvisor. В первом приложении (大众点评) я всегда смотрю места, где покупать и что посмотреть. А второе приложение я использовала для аренды отеля, у них часто бывают очень выгодные цены» [4]. Опять же, использование лаконичности оправдано упоминанием приложения TripAdvisor, которое известно по всему миру.

Необходимо отметить, что такая «подсознательная» реклама влияет на читателя более эффективно, чем, допустим, контекстная реклама в браузере. На примере рекламы приложений можно сделать предположение, что читатели блога увидят, что его автор пользуется таким приложением и будут брать с него пример.

То же самое можно сказать и про места, которые посещает автор блога. Стоит обратить внимание на упоминание в публикации Шанхайской Башни, а также книжного магазина, который расположен на 52-м этаже: «Во второй половине дня я гуляла в парке и поднялась в книжный магазин на 52 этаже, который находится в самом высоком здании Шанхая – Шанхайской башне (Shanghai Tower)» [4]. Такие выражения, как «самое высокое здание Шанхая», формируют у читателя образ величественности и высокого уровня развития Китая, так как не каждая страна может позволить себе строить многоэтажные здания. Далее идет описание интерьера башни «Чтобы пройти в книжный магазин и в кафе при магазине, откуда открывается красивый вид на город, нужно купить напитки или десерт. Цены адекватные, за торт и кофе я заплатила 66 юаней (600 рублей)» [4]. В данном случае прослеживается явное воздействие на читателя, которое выражается не только в описании книжного магазина, но и его цен. Для среднего русского человек 600 рублей за кофе и десерт – не такая большая сумма, скорее даже обычная, поэтому данное кафе заинтересует большое количество читателей, которые собираются посетить Шанхай. Автор заканчивает описание башни и кафе позитивно, указывая адрес башни, а также ее часы работы и время, в которое лучше всего стоит посетить данное место: «Мне там понравилось, если хотите дешево и сердито посмотреть на Шанхай с высоты 52 этажа – вам сюда. Режим работы с 10:00–21:00. Я бы рекомендовала приходить на закате, так как днем у окна сидеть жарко. Как добраться: метро Lujiacui, выход 6, Shanghai Tower 52 этаж» [4].

Заканчивается публикация мнениями китайских коллег автора относительно Шанхая. Такой прием рекламы также особенно сильно влияет на читателя, так как люди склонны формировать собственное мнение на основе мнений других людей: Часть коллег ответили, что Шанхай - лучший город Китая. Отметили в качестве преимуществ по сравнению с Шеньчженем: город с богатой историей, много иностранцев, экономически развитый, экология хорошая. Другие сказали, что им в Шеньчжене нравится, что самые интересные вещи сейчас происходят в Шеньчжене» [4].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Туристический дискурс как в русском, так и в китайском языке имеет общие языковые способы репрезентации Китая, которые сопряжены с его культурой, историей, традициями и т.д. Большое внимание уделяется созданию контакта с читателем, установлением с ним так называемого «диалога», что наиболее эффективно влияет на восприятие получаемой информации. Тексты отобранного материала для исследования показали, что в них формируется особый стереотип относительно Китая: древняя страна с уникальной историей, неспешная нация, сокровищница древних знаний, страна с особыми традициями, ценностями, технологически развитая страна и т.д. Все это направлено на создание особо образа страны, где человек, уставший от суеты, спешки, может прикоснуться как к другой цивилизации, так и к сокровищам Востока, пройтись по улицам Шанхая, посетить Тибет и т.д. Во всем этом помогают не только описания самого Китая и его городов, а также, например, мобильные приложения, которые станут незаменимыми помощниками в выборе такси, отеля, ресторана и т.д. Использование китайского языка наряду с русским придает стране элемент экзотики, чего-то неизвестного, манящего.

Список литературы

1. Блог о жизни в Китае и не только. URL: <http://paralast.ru/>
2. Кошельюк Е. В. Туристические блоги в дискуссии современной интернет-связи // Архивариус. 2017. № 3 (18). С. 1–6.
3. Паниковская М. А. Специфика трэвел-журналистики в блогосфере // Медиа-среда. 2016. № 11. С. 85–92.
4. Шанхай за 36 часов. URL: <http://paralast.ru/travel/shanghai-za-36-chasov-kuda-shodit-i-chto-posmotret>.
5. China nomads. URL: <http://www.chinanomads.com>

Информация об авторе: *Инь Цзысюань*, аспирант кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия).

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ЖУРНАЛИСТА А. ПИВОВАРОВА

С. А. Ишонина

г. Пенза, Россия

sveta.ishonina1@gmail.com

Аннотация. Рассматривается речевая деятельность ведущего YouTube-канала «Редакция» А. Пивоварова. Цель статьи – определить, происходит ли трансформация публицистического стиля на новых платформах СМИ.

Ключевые слова: журналистика, лексика, язык СМИ, YouTube-канал, публицистический стиль, редакция

Для цитирования: Ишонина С. А. Языковые особенности профессиональной речи журналиста А. Пивоварова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 405–407.

В настоящее время сетевые издания набирают большую популярность. Одной из интернет-площадок журналистики является платформа YouTube, на которой существуют многие СМИ. Исследование вещания одного из журналистских каналов YouTube, а именно канала «Редакция» Алексея Пивоварова, представляется актуальным, так как он имеет огромную аудиторию: на канале 2,5 млн подписчиков.

Алексей Пивоваров в журналистике более 20 лет. Его карьера началась с телевизионного канала НТВ. В 2019 году он стал заниматься YouTube-каналом «Редакция», выступая его редактором. Важность исследования языковых особенностей журналистской продукции заключается в том, что она востребована и оказывает на аудиторию определенное воздействие.

Алексей Пивоваров, являясь общественным деятелем, выражает свою точку зрения и отражает мнение своей аудитории: *Здесь я говорю о событиях недели, рассказываю об этом, что думаю.*

В научной литературе находим определение термина: «язык СМИ – это устойчивая внутриязыковая система, характеризующаяся определенным набором лингвостилистических свойств и признаков» [1, с. 94].

Телевизионные форматы трансформировались в способах подачи информации на базе интернет-платформы YouTube, но сохранили при этом стилистические особенности речи и построения публицистических текстов, как на телевидении. Костина Л. С. обращает внимание на открытость и непринужденность в телеэфире. Также исследователь выделяет ряд особенностей, которые возникают «при стремлении к более полному раскрытию темы, необходимости высокой оперативности представления контента» [2]. К таким особенностям Костина Л. С. относит востребованность типизированных речевых конструкций, шаблонов. Их мы находим в речи Алексея Пивоварова на канале «Редакция»: *«есть хорошая и плохая новость»* (<https://youtu.be/NZxmQSxePe8>), *«желаем скорейшего выздоровления»*. Также Костина Л. С. выделяет и другие особенности: употребление аббревиатур и сокращений; использование сниженной лексики; внедрение заимствованной лексики. В профессиональной речи журналиста А. Пивоварова нередко употребляются аббревиатуры и сокращения: *в сфере ЖКХ, США, СССР, BBC* (<https://www.youtube.com/watch?v=jNrqOzQE8n4>); *МВД, ЦИК, ФСБ, вуз, картина ЧП в октябрьском выпуске* (<https://www.youtube.com/watch?v=cgYpphSaALo&t=138s>); *генсек, сельхозпроизводство*. Одна из особенностей канала «Редакция» – использование

сниженной лексики, например *пропил к чертям*. В новостных выпусках канала применяются заимствованные слова: *стикер, диверсия, смартфон, аффилированность, кликбейтный заголовок, инициатива, шопоголик, фальсификация, инсайд, перформанс*.

В статье «Язык и стиль электронных СМИ. Специфика редактирования телевизионных и радиотекстов» одной из форм телеречи выделяется интимизация. «Интимизация – такое использование речевых средств, в результате которых создается эффект доверительного непосредственного общения автора со зрителем/слушателем» [3]. К средствам интимизации относят использование «фразеологии, исторических вопросов, вводных слов и предложений (мне кажется, по-моему), интонации» [3]. На YouTube-канале «Редакция» Алексей Пивоваров делится размышлениями, используя средства интимизации: *хотя я не исключаю, желаю* (<https://www.youtube.com/watch?v=jNrQOzQE8n4>); *на мой взгляд* (<https://www.youtube.com/watch?v=erACI5-cqSY&t=1343s>); *не берусь сказать, я хочу сказать, я бы на их месте, от себя добавлю* (<https://www.youtube.com/watch?v=LvHIpPLxEY8&t=760s>). В эфирной речи используются пословицы и поговорки: *слово не воробей, из песни слов не выкинешь, дыма без огня не бывает, камень в огород* (<https://www.youtube.com/watch?v=jNrQOzQE8n4>); *не в деньгах счастье, стыдно у кого видно* (<https://www.youtube.com/watch?v=erACI5-cqSY&t=1343s>). Употребление пословиц помогает создать динамичность в речи ведущего. В короткой форме выражается народная мудрость. Также журналист использует фольклор (частушки): *Было три, а стало пять – всё равно берём опять. Даже если будет восемь, всё равно мы пить не бросим! Ну, а если 25, Зимний снова будем брать* (<https://www.youtube.com/watch?v=LvHIpPLxEY8&t=760s>). Встретился и фразеологизм: *сдвинуть с мёртвой точки*.

В речи журналиста есть разные уровни лексики. В текстах встречается книжная: *почитатели, полемизируя, засвидетельствовать, незыблемость, помятуя, фронда, конфигурация, диверсия*. Основную часть речи журналиста занимает публицистическая лексика: *законодательного собрания Петербурга, одномандатному округу, декларация о доходах* (<https://www.youtube.com/watch?v=cgYpphSaALo&t=138s>); *в сфере ЖКХ, силовые структуры, выводить войска, юридический казус, линия фронта, домашний арест, демография, переговоры, превышение полномочий* (<https://www.youtube.com/watch?v=jNrQOzQE8n4>). Мы рассматриваем данные слова и словосочетания как публицистические, так как они относятся к социально-политической теме. В новостных выпусках YouTube-канала «Редакция» часто встречаются иноязычные элементы. *Инаугурация, подстрекательство к нарушению санитарных норм на акции протеста; на продюсера составлен административный протокол; указ о принудительной вакцинации; допросили как свидетеля по делу о мошенничестве; постановление о блокировке сайта издания; поправки к российскому закону о виноделие; пройти повторную сертификацию*. Данные словосочетания относятся к официально-деловому стилю.

В выпусках находим также научную лексику: *суборбитальный полёт, притязания, вакцина, вакцинация, летальный*. А. Пивоваров в своей речи использует и разговорную лексику. Например: *похлеще, метит в приемники, заядлый, шопоголик, бойкот* (<https://www.youtube.com/watch?v=jNrQOzQE8n4>); *спустил на пряности, прокутил, полпред, липовые справки, олигархи, полез гуглить* (<https://www.youtube.com/watch?v=erACI5-cqSY&t=1343s>).

Проведённый нами анализ показал, что профессиональная речь А. Пивоварова соответствует требованиям журналистики. Наряду со средствами публицистического стиля, используются единицы и официально-делового, и научного стиля

в зависимости от тематического запроса жанра. Журналист активно использует разговорную лексику, что помогает сократить дистанцию с аудиторией. Художественные средства языка в виде поговорок, фразеологизмов и т.п. делают речь яркой и насыщенной. Таким образом, можно сделать вывод, что в целом современная интернет-журналистика соответствует требованиям публицистического стиля, изменилась лишь форма подачи материала.

Список литературы

1. Давыдова С. В. Язык средств массовой информации // *Lingua mobilis*. 2011. № 2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sredstv-massovoy-informatsii>
2. Костина Л. С. Язык и выразительные средства подачи телевизионной информации // *Молодой учёный*. 2020. № 52 (342). С. 135–139. URL: <https://moluch.ru/archive/342/76878/>
3. Язык и стиль электронных СМИ. Специфика редактирования телевизионных и радиотекстов. URL: <https://myfilology.ru//162/yazyk-i-stil-elektronnyx-smi-speczifika-redaktirovaniya-televizionnyx-i-radiotekstov/>

Информация об авторе: *Ишонина Светлана Александровна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

АФОРИСТИКА А. С. ПУШКИНА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

А. В. Королькова

г. Смоленск, Россия
lika.korolkova@bk.ru

Аннотация. Рассматривается проблема функционирования афоризмов и крылатых выражений классиков русской литературы в современном медиадискурсе. Феномен востребованности афористики в медиадискурсе базируется на известных принципах и методах аргументации: апеллирование к авторитету и тематический повтор. Апелляция к пушкинскому языковому наследию в виде афоризмов и крылатых выражений в Интернете – явление довольно распространённое. Насчитывается несколько миллионов интернет-страниц, на которых так или иначе присутствуют пушкинские изречения. Особенно часто афористика Пушкина с атрибуцией изречений часто встречается на образовательных порталах, интернет-страницах учителей-филологов, в различных словарях. В последнее время наблюдается тенденция появления материалов иронического характера с изречениями поэта. Образ Пушкина в русской лингвокультуре сложен, он вне социальных и политических приоритетов, поэтому хотя и иронически переосмысливается, остается неизменно положительным. Такими же значимыми остаются и его изречения, даже перенесенные в иронический контекст. Современный медиадискурс показывает (это демонстрирует афористика Пушкина), что национально-культурные доминанты, основные концепты русской лингвокультуры, оставаясь значимыми, претерпевают определенные изменения, диктуемые переосмыслением культурного наследия.

Ключевые слова: медиадискурс, афоризм, афористика, афоризмы А. С. Пушкина

Для цитирования: Королькова А. В. Афористика А. С. Пушкина в современном медиапространстве // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 408–412.

В настоящее время медиадискурс является одним из основных продуктов речевой деятельности, реализуемых в сфере массовой коммуникации. Современные СМИ каждый день формируют активную языковую среду медиадискурса политической, экономической и бытовой направленности. Языковое творчество участников медиадискурса практически безгранично, так как он является продуктом массовой коммуникации и включает в себя публицистические тексты различных жанров, рекламные тексты, журналистские, массмедийные тексты, тексты разговорного характера – практически все, что можно встретить в современном языке.

В современном медиадискурсе всё проникнуто интертекстуальностью, встречается большое количество цитирований, аллюзий, намёков на общеизвестные факты, литературные и иные тексты. В этой связи нужно отметить использование в текстах огромного количества афоризмов, крылатых слов и крылатых выражений.

Афоризмы как литературоведческое и лингвистическое явление невероятно сложны. С одной стороны, это несомненно литературный жанр, известный человечеству с древнейших времен, с другой стороны – лингвистическое явление фразеологического порядка, и с третьей стороны – это яркая форма изложения философских воззрений. В современной теории фразеологии афоризмы отделяются от крылатых выражений, поскольку у последних от частого цитирования, укорачивания, нередко и трансформации, стирается печать авторства.

Уточним, что мы рассматриваем афоризмы как часть фразеологии в широком понимании, а афоризм трактуем как «краткое по форме изречение фразеологического типа, обладающее такими свойствами, как наличие в структуре ключевых слов (концептов); паспортизированность, воспроизводимость. Афоризм может обладать такими факультативными признаками, как субъективность, оригинальность, парадоксальность, неожиданность формулировки, наличие переносного смысла, способность к выражению универсальных истин и пр.» [1, с. 37].

Афоризмы и крылатые выражения представлены на миллионах страниц в Интернете, постоянно звучат с телевизионных экранов и транслируются в радиопередачах.

Феномен востребованности афористики в медиадискурсе базируется на известных принципах и методах аргументации: апеллирование к авторитету и тематический повтор.

Популяризации афоризмов и крылатых выражений повсеместно способствуют социальные сети, так как в них каждый, пытаясь быть максимально оригинальным, образованным, подкрепляет свои мысли, а зачастую и подменяет их изречениями известных писателей, политиков, деятелей культуры. Также популяризируют афористику многочисленные сайты, посвященные известным писателям, поэтам, философам и пр. Так, например, когда в сети Интернет в поисковую строку попадают имена Пушкина, Крылова, Грибоедова, появляются ссылки на тысячи страниц, на которых зачастую транслируются в разной форме цитаты, изречения, афоризмы и крылатые выражения этих авторов.

Особо нужно отметить активное функционирование сайтов, на которых размещаются изречения разного рода. Это могут быть сайты с подборкой изречений по определенной тематике, например, о любви, о жизни, о свободе, о дружбе, а могут быть сайты, на которых просто представлены перечни афоризмов известных писателей и поэтов, как русских, так и зарубежных. Простота поиска информации на подобных сайтах делает общедоступными интересные, часто парадоксальные мысли великих людей. Для цитирования и подкрепления своих мыслей известными или малоизвестными изречениями не нужно прочитывать сложные тексты, достаточно просто зайти на какой-либо сайт, найти интересующий по тематике афоризм и использовать его. При этом, нужно отметить, что в Интернете и медиадискурсе соответственно встречаются и многочисленные ошибки, изречения приписываются не тем авторам, искажается их тематика, коверкается форма.

Помимо популярных сайтов афоризмов и крылатых выражений существуют научные сайты, посвященные отдельным выдающимся людям, на которых также множество их изречений, причем с правильным атрибутированием, вплоть до даты создания.

Также довольно часто крылатые слова, крылатые выражения и афоризмы используются в различных пособиях по русскому языку, которые размещены в Интернете. Этими сайтами активно пользуются и учителя, и школьники, и студенты.

Подобная ситуация провоцирует активное употребление афоризмов в медиадискурсе. Причём отмечена интересная тенденция. В публицистических текстах, газетных текстах чаще всего используются крылатые выражения, а в статьях научного и научно-популярного характера используются малоизвестные афоризмы, что сразу же показывает высокий интеллектуальный уровень автора текста. Впрочем, употребление в журналистских текстах крылатых выражений может также объясняться экономией языковых средств и краткостью.

Рассмотрим функционирование в медиадискурсе афоризмов и крылатых выражений А. С. Пушкина.

Афористичность можно рассматривать как особый стилистический приём в творчестве того или иного автора. Особый интерес вызывает с этой точки зрения творчество А. С. Пушкина, которое, без сомнения, афористично. Интерес к его творчеству на протяжении уже нескольких столетий огромен, многие афоризмы А. С. Пушкина давно превратились в крылатые выражения и исследуются в отдельных специальных лексикографических работах. Например, в «Словаре крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко [4] и пр.

Популярность изречений Пушкина, их частотное употребление в языке СМИ объясняется ещё и тем, что его творчество подробно изучается в школе, стихотворения заучиваются наизусть. «Узнавание» изречений Пушкина доступно большому количеству носителей языка, это становится основой развития «крылатики» поэта, когда из более обширного афоризма вычленяется семантическое ядро. Так, например, из афоризма:

Я помню чудное мгновенье:

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты

в языке СМИ закрепилось крылатое выражение – «гений чистой красоты».

Афористика А. С. Пушкина лишена прямой и навязчивой назидательности и в то же время глубока, разнообразна по тематике. Он затрагивает весьма серьёзные проблемы и одновременно иронизирует. Даже совсем краткий и, казалось бы, несерьёзный пушкинский афоризм заставляет задуматься над ним.

Например:

А *девушке* в семнадцать лет

Какая шапка не пристанет [2].

В этом афоризме из поэмы «Руслан и Людмила» звучит лёгкая ирония, автор посмеивается над невинным кокетством юной девушки и в то же время затрагивает тему мимолётности времени. Семнадцать лет – чудесный возраст, но как быстро он проходит, удержать очарование юности, непосредственности, юной красоты никому не дано. Заметим, что этот афоризм принадлежит перу весьма и весьма молодого человека!

Спустя много лет в романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкин иронизирует уже по поводу добродетели и порока в современном обществе.

А нынче все умы в тумане,

Мораль на нас наводит сон,

Порок любезен – и в романе,

И там уж торжествует он [2].

А. С. Пушкин никогда не принимал морализаторскую литературу, наставления и назидательный тон, действительно, были ему скучны. И этим ощущением он поспешил поделиться с читателями.

В творчестве А. С. Пушкина можно найти поэтические и прозаические афоризмы. Последние, чаще всего, представляют собой изречения поэта при размышлениях о судьбах русской литературы и русского языка.

В целом, в афористике Пушкина, как и во всей афористике XIX века присутствуют темы, реализованные в следующих семантических полях (и соответственно в их семантическом ядре – ключевых словах-концептах): «человек/люди, любовь и дружба, Россия (родина), свобода, смерть/бессмертие, жизнь, слава, русский язык (слово), поэт, труд, знание, воспитание, эмоциональные состояния и характеристики человека (радость, печаль, горе и пр.), качества человека (глупость, ум и пр.), истина, правда, ложь, война, мир» и т.д. [1, с. 188].

Особый интерес представляет изучение афористики и крылатых выражений Пушкина в текстах современных СМИ, поскольку это напрямую отражает и современную языковую ситуацию, и изменения лингвокультурных доминант русского этноса.

Апелляция к пушкинскому языковому наследию в виде афоризмов и крылатых выражений в Интернете явление довольно распространенное. Насчитывается несколько миллионов интернет-страниц, на которых так или иначе присутствуют пушкинские изречения. Афористика Пушкина с атрибуцией изречений часто встречается на образовательных порталах, интернет-страницах учителей-филологов, в различных словарях. Так, например, на портале «Карта слов» [3] опубликован «Словарь афоризмов русских писателей», в котором зафиксирован ряд изречений А. С. Пушкина.

Обычно к юбилейным датам поэта публикуются журналистские тексты, связанные с интерпретацией его творческого наследия; в них обязательно включаются афоризмы. Например, в статье «Явление Пушкина» Владимира Смирнова, опубликованной в «Литературной газете»:

«Быть на своей родине патриотической, национальной оппозицией – это тягчайшее недомыслие, утрата пушкинского духа, которым создана исчерпывающая философия патриотизма:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
(Пушкин понимал убогость наших жилищ, он не назвал дворцов и чертогов)
Любовь к отеческим гробам.*

На них основано от века,

По воле Бога самого,

Самостоянье человека

(обратите внимание на последнюю строку, Пушкин так просто словами не бросался!)

И всё величие его!

Что тут ещё можно добавить и как можно этого не понимать?» [5]

Заметим, что в настоящее время афористика Пушкина в языковом пространстве претерпела значительные изменения, связанные с ироничным осмыслением значимости поэта в нашей культуре. Нужно уточнить, что даже в ироничных материалах никогда не преуменьшается значение творчества Пушкина. В медиадискурсе становятся важны не столько изречения Пушкина, сколько узнаваемый образ поэта. Так, например, на странице проекта LES опубликован ернический материал «Наше почти всё. Новое слово в пушкинистике. Интервью», в котором речь идет о том, что Пушкин и его произведения актуальны по сей день и у Пушкина можно гипотетически взять интервью, найти ответы в его произведениях на актуальные вопросы современности. В этом интервью «звучат» известные изречения Пушкина. Приведем выдержку из «интервью Пушкина»:

«Александр Сергеевич! Правильно ли мы понимаем, что тяжкий экономический кризис в России закончился?»

Ответ: Мы ждем с томленьем упованья

Минуты вольности святой,

Как ждет любовник молодой

Минуты первого свиданья.

На данный момент я осталась без жилья в результате пожара. Нам предложили жилье, но оно непригодно для проживания. Помогите получить новое жилье.

Ответ: Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей» [6].

Статья сопровождается иронической иллюстрацией в стиле поп-арт, на которой президент Путин вручает Пушкину звезду героя России.

Лингвокультурологический механизм иронического переосмысления отдельных изречений Пушкина, его внешнего облика близок к структурированию анекдотов об известных, обычно любимых в народе, исторических личностях. Так появились анекдоты о Брежнев, о Чапаеве и пр.

Образ Пушкина сложен, он вне социальных и политических приоритетов, поэтому отношение к нему, хотя и ернически переосмыляется, остается неизменно положительным. Такими же значимыми остаются и его изречения, даже перенесенные в ернический контекст.

Пушкинский образ стал прецедентным, поэтому и все его изречения, крылатые выражения, употребляемые в медиадискурсе, создают у носителей языка чувство сопричастности истории и национальной культуре, демонстрируют национальную идентичность, выражают единство культурного кода этноса.

Современный медиадискурс показывает (это демонстрирует афористика Пушкина), что национально-культурные доминанты, основные концепты русской лингвокультуры, оставаясь значимыми, претерпевают определенные изменения, диктуемые переосмыслением культурного наследия.

Список литературы

1. Королькова А. В. Афористика в контексте русской культуры. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2018. 226 с.
2. Королькова А. В., Ломов А. Г., Тихонов А. Н. Словарь афоризмов русских писателей. М. : Рус. яз. : Медиа, 2004. 627 с.
3. Королькова А. В., Ломов А. Г., Тихонов А. Н. Словарь афоризмов русских писателей. М. : Рус. яз. : Медиа, 2004 // Карта слов. URL: <https://kartaslov.ru/словарь-афоризмов-русских-писателей>.
4. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина / Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та : Фолио-пресс, 1999. 747 с.
5. Смирнов В. Явление Пушкина // Литературная газета. 2021. № 6 (6771). URL: <https://lgz.ru/article/6-6771-10-02-2021/yavlenie-pushkina/> (дата обращения: 15.02.2022).
6. Яблоков А., Мостовщиков С. Наше почти всё. Новое слово в пушкинистике : интервью. URL: <https://les.media/articles/868069-nashe-pochti-vse> (дата обращения: 16.02.2022).

Информация об авторе: *Королькова Анжелика Викторовна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета (г. Смоленск, Россия).

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЕВРОСОЮЗА В РОССИЙСКИХ СМИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИСКУРСИВНОГО СОБЫТИЯ «СПУТНИК V»

Л. Крайчовичова

г. Братислава, Словакия
linda.krajcovicova@euba.sk

Аннотация. Анализируется метафорический образ Евросоюза в российском медиадискурсе с фокусировкой анализа на дискурсивное событие «Спутник V». Особое внимание уделяется его потенциальным конфликтогенным эффектам и намерениям его использования. Анализ проводится на стыке когнитивной лингвистики, медиалингвистики, политической лингвистики и лингвокультурологии. Междисциплинарный характер анализа способствует более глубокому пониманию современной российской языковой картины мира.

Ключевые слова: медиадискурс, политический дискурс, метафора, Спутник V, Евросоюз

Для цитирования: Крайчовичова Л. Метафорический образ Евросоюза в российских СМИ сквозь призму дискурсивного события «Спутник V» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 413–417.

Введение

С появлением пандемии COVID-19 в 2019 году перед фармацевтическими компаниями и политическими лидерами возникла важная задача – как можно быстрее выйти из коронакризиса. Вакцины появились на рынке за короткое время, но помимо желаемого медицинского эффекта, они принесли и побочные эффекты – политические. Российская вакцина «Спутник V» стала предметом споров, не пройдя регистрацию в Европейском агентстве по лекарственным средствам (ЕМА). Вследствие того началась так называемая «война вакцин», которую российские СМИ считают геополитической войной.

В данной статье мы проанализируем метафорический образ ЕС в российских СМИ посредством дискурсивного события «Спутник V». Объектом нашего исследования является современный российский медиадискурс. Поскольку «Спутник V» стал поводом и для информационных политических войн, важным объектом нашего анализа становится и современный российский политический дискурс, артикулирующий данную тему.

Роль метафор в СМИ

Наше восприятие окружающего мира во многом зависит от того, как СМИ сообщают нам о нем. Основная роль СМИ заключается в информировании о текущих событиях, но с помощью эмоционально окрашенных языковых средств [5, с. 138] медиатексты также способны влиять на взгляды и ценности адресата. На первый план все чаще выходят их экспрессивные, аксиологические, моделирующие и, прежде всего, персуазивные функции.

Коммуникативно-прагматический поворот подстегнул появление новых научных дисциплин. В то же время все больше подчеркивается важность междисциплинарного исследования метафоры [7, с. 45]. Поэтому наш анализ проводится на стыке когнитивной лингвистики, медиалингвистики, политлингвистики, теории дискурса и лингвокультурологии, чтобы получить как можно более полное представление о намерениях, стоящих за использованием метафоры в современном российском медиадискурсе.

Теория дискурса способствует пониманию социальных реалий, которые конструируются в политике, экономике, науке, праве и других областях повседневной жизни [4, с. 150]. В центре её внимания находится дискурс, который можно определить как «целенаправленную социальную деятельность и речь, погруженную в жизнь. Это сложное целое языковой практики и экстралингвистических факторов; это, по сути, любой текст во всей его глубине и многозначности, а его содержание включает, помимо непосредственного общения, весь комплекс знаний о мире, обществе, коммуникантах, коммуникативных кодах и их взаимодействии» [6, с. 46]. Особо важно для понимания и использования релевантных дискурсивному событию коммуникативных кодов правильное восприятие лингвокультурем, характерных для конкретного языкового ареала [3, с. 228].

Метафоры в политическом дискурсе обладают богатым прагматическим потенциалом, то есть способностью влиять на адресата и провоцировать определенный тип решения и политического поведения, при этом невозможно не брать в учет тот факт, что восприятие реципиентом метафоры может отличаться диахронно (в пространстве и времени) и носить таким образом «хронотопический характер», обуславливающий воздействие экстралингвистических факторов, продиктованных временем [2, с. 58]. Цель авторов медиатекстов – создать у населения выгодные для них когнитивные установки или ложные стереотипы мышления. Так же их целью является распространение дезинформации и создание мифов [8, с. 52]. Поэтому очень важно уметь прояснить когнитивные представления и стратегии журналистов при создании медиатекстов, а также стратегии, которые применяются для лучшего понимания и запоминания информации читателями [1, с. 116–117].

Анализ метафорического образа ЕС сквозь дискурсивное событие «Спутник V»

Информационное противостояние между соперничающими странами (Россией и ЕС) выливается и в метафорическую войну, причиной которой является «Спутник V» и его регистрация в ЕС: *Россия признана противником. Честно говоря, она и сама себя признает противником Запада* [kommersant.ru, 31.03.2021] / *Еврокомиссар по вопросам внутреннего рынка Тьерри Бретон, считается одним из главных противников "Спутника V"* [tsargrad.tv, 20.04.2021]. Первый пример показывает, что Евросоюз рассматривает Россию как противника и по этой причине отказывается зарегистрировать «Спутник V». Однако, по мнению автора фрагмента, Россия сама считает себя противником Европы, что указывает на двустороннюю экономическую и политическую напряженность между странами. Во втором примере противником является еврокомиссар по вопросам внутреннего рынка Тьерри Бретон, представляющий интересы ЕС и выступающий против одобрения «Спутника V» на европейском рынке. И хотя метафора *противник* является в русском языке отчасти лексикализованной (стертой), она все-таки имеет конфликтогенный характер.

Как демонстрируют следующие примеры, военная метафора и выражения, с ней связанные, встречаются очень часто в контексте анализируемого дискурсивного события: *Война вакцин: как Европа борется со Sputnik V. Сражение с вирусом стало одним из эпизодов в войне с нашей страной. Создание и испытания российской вакцины стали этапами битвы с целью и дискредитации самого эффективного коронавирусного препарата Sputnik V* [ria.ru, 07.07.2021] / *Эксперт напомнил, что политическая и экономическая борьба со "Спутником V" оборачивается человеческими жертвами* [m24.ru, 14.01.2022] / *«Спутник V» сыграет свою позитивную роль в борьбе с пандемией в России и в очень многих странах. Но с единой Европой случился облом»* [infox.ru, 28.06.2021] / *В РФПИ в ответ на запрос РБК заявили, что в СМИ участились «информационные атаки» на*

«Спутник V» [rbc.ru, 21.10.2021] / Макрон вызывает РФ на бой. Оружие — «Спутник V» [svpressa.ru, 28.03.2021] / Евросоюз и США продолжают саботировать «Спутник V» [news-front.info, 21.11.2021].

Российские СМИ называют отказ в регистрации вакцины «Спутник V» в Европе политически и экономически мотивированным. Поэтому, согласно их мнению, «Спутник V» становится *оружием*. Военные метафоры являются манипулятивными и конфликтогенными, поскольку посредством чрезвычайно ярких образов вызывают ассоциации ненависти, страдания и страха и тем самым сильно воздействуют на эмоции реципиента. На основе таких образов адресат воспринимает Евросоюз как неприятеля и его действия как потенциальную угрозу.

В каждой войне есть победители и проигравшие. В случае с войной вакцин Россия оказалась в проигрыше, когда Европейское агентство по лекарственным средствам (ЕМА) отказалось зарегистрировать «Спутник V» в Европе. *Почему «Спутник V» проиграл вакцинную войну в Европе* [infox.ru, 28.06.2021] / *«Спутник V» проиграл схватку за Европу. Почему?* [svpressa.ru, 22.09.2021] / *Россия проиграла гонку вакцин* [finanz.ru, 31.07.2021].

Однако российские СМИ также используют концепты *победа, триумф, выигрыш*, которые появляются в контексте потенциальной регистрации «Спутника V» на европейском рынке, что, как считают российские журналисты, будет успехом для российской дипломатии, также как и репутационной победой, которая вызовет сильную волну негодования среди европейских бюрократов: *возможность продавать "Спутник V" Брюсселю станет для Москвы большой репутационной победой* [life.ru, 18.02.2021] / *"Русская рулетка" или триумф российской дипломатии?* [bbc.com, 15.03.2021] / *"Если европейский арсенал вакцин пополнится "Спутником V", это станет настоящим триумфом для российской дипломатии,* [bbc.com, 15.03.2021] / *Западные политические элиты начинают раздражаться от успеха Москвы, поскольку больше не могут преподносить избирателям «проигрыш Москвы», который «на глазах начинает превращаться в репутационный выигрыш»* [riafanru, 01.04.2021].

Поскольку отношения между Россией и ЕС в настоящее время напряженные, помимо военной лексики мы столкнулись с метафорой игры и выражениями, характерными для ее лексики, которые также отражают политическое и экономическое соперничество между Россией и ЕС. Запад фигурирует в текстах российских СМИ как мощный, бескомпромиссный и нечестный игрок: *Запад будет играть до последнего. Мы видим, какие они большие специалисты в подобного рода играх*, [m24.ru, 14.01.2022] / *Блок российской вакцине от коронавируса ставят крупные игроки на фармацевтическом рынке, которым не нужен опасный конкурент* [vesti.ru, 14.01.2022] / *вопреки политическим играм "Спутник V" конкурентов обыгрывает* [vesti.ru, 08.07.2021] / *Страны Евросоюза сделали «Спутник V» разменной монетой в политических играх* [nevnov.ru, 28.11.2021].

В медиатекстах мы также обнаружили физиологические метафоры, которые используются с целью указать на действия/бездействие европейских бюрократов: *способные удивить Запад, или он сам старательно не замечает ее успехов, пока жизнь не ткнет его в них носом, причем с такой силой, что игнорировать их становится совсем уж невозможно?* [ria.ru, 26.05.2021]. Автор фрагмента подчеркивает нежелание западных стран признать потенциал российской вакцины для борьбы с коронавирусом. Автор прибегает к использованию экспрессивной фразеологизированной метафоры *тыкать носом*, которая имеет негативный и насмешливый прагматический потенциал. Менее ироничная и эмоциональная метафора — *раскрыть глаза*: *Формально ситуация выглядит так, что свежая публикация*

в *Lancet* внезапно всем **раскрыла глаза** на истинное качество "Спутника V" [ria.ru, 26.05.2021].

Физиологическую метафору с ярко выраженным ироническим подтекстом можно заметить во фрагменте *И если Брюссель, кривясь, морщась и зажимая нос, Венгрии разрешил в результате размена закупать Sputnik V, то второй стране — Словакии — фрондировать уже не позволили* [ria.ru, 07.07.2021]. Автор использует образ гримасы, чтобы изобразить негодование ЕС по поводу использования «Спутника V» в Венгрии. Посредством этой метафоры реципиенту предлагается образ несправедливого отношения к «Спутнику V», который вызывает негативные эмоции к европейской политике.

Сигнификантные метафоры также наблюдаются во фрагментах *Все это заставляет верить, что признание не за горами* [svpressa, 10.01.2022] / ...эта структура может признать «Спутник V» уже в первом квартале 2022 года. **Но обещать – не значит жениться** [lenta.ru, 11.01.2022]. В первом отрывке автор считает, что вакцина будет зарегистрирована в ближайшее время; во втором, однако, мы видим обратное. Автор использует метафорическую прецедентную конструкцию *обещать – не значит жениться* (отсылка к названию популярной в России американской комедии), чтобы поставить под сомнение раннюю регистрацию «Спутника V» в Евросоюзе, и относится к его обещаниям скептически, изображая ЕС как партнера, которому нельзя доверять.

Негативное отношение к обещаниям ЕС прослеживается во фрагменте: *Ну, если не в первом квартале, так точно во втором, но еще точнее в третьем и совсем-совсем точно в четвертом, но если не получится, то абсолютно наверняка после дождичка в четверг!*. «ВОЗ одобрит вакцину, сразу как пандемия закончится» [svpressa.ru, 10.01.2022]. Автор ожидает, что вакцина будет зарегистрирована только после окончания пандемии или вообще не будет зарегистрирована, употребляя иронический фразеологизм *после дождичка в четверг*.

В отрывках *Практически сразу после объявления о возможности закупки препарата был организован правительственный кризис, чтобы показать Братиславе, кто в доме хозяин* [ria.ru, 07.07.2021] / *российская вакцина могла бы занять и более высокое место, если бы не те препоны, которые ей постоянно чинятся....мир не ограничивается одним Евросоюзом и США. Что не все страны готовы плясать под дудку Запада. В том числе и из Евросоюза* [m24.ru, 14.01.2022], авторы выражают мнение, что малые европейские государства-члены не могут принимать самостоятельные решения, а должны во всем подчиняться Брюсселю. Ту же риторику мы находим в отрывке *«Так работает международное фармацевтическое лобби и так оно командует европейскими чиновниками. Они марионетки* [vz.ru, 20.05.2021]. Автор сравнивает европейских чиновников с *марионетками*, которые всего лишь исполняют постановления ЕС. С помощью данных ироничных образов авторы указывают на субмиссивное положение малых стран и отдельных персон в ЕС и тем самым опровергают саму сущность его демократического устройства.

Заключение

Наш анализ показывает, что образ ЕС в российских медиатекстах, освещающих события, связанные со «Спутником V», является негативным и ироничным. Авторы с помощью выразительных метафор создают образ предвзятого отношения к российской вакцине, которое проистекает в основном из следования европейским геополитическим интересам. Напротив, образ «Спутника V» является положительным, и авторы рассматривают негативное отношение Евросоюза как попытку его дискредитации. Образ антагонизма между ЕС и Россией достигается в основном за счет использования военной метафоры, которая, по своей природе, провоцирует

широкий спектр эмоций, от страха, гнева до чувства несправедливости. Образ политического соперничества между ЕС и Россией также вызывается частым использованием метафоры игры и связанной с ней лексики. ЕС изображается как непримиримый игрок, который намеренно пытается дискредитировать «Спутник V» и, соответственно, Россию в целом. С помощью физиологических метафор, в основном связанных с гримасами, российские СМИ выражают недовольство и раздражение Брюсселя по поводу эффективности «Спутника V». Образ европейских государств-членов ироничен и негативен; российские журналисты считают их слепо ведомыми законами ЕС, а любые попытки проводить пророссийскую политику немедленно подавляются Брюсселем. Подводя итог нашего анализа, можно сказать, что продемонстрированные примеры показывают, что российские журналисты обращаются к использованию метафорических моделей для того, чтобы апеллировать к чувствам и воле реципиентов и повлиять на их восприятие европейской политики в негативном русле.

Список литературы

1. Cingerová N. Červenejúce sa slová: sovietyzmy v sovietskom a ruskom verejnom diskurze. Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 2018. 209 s.
2. Duleba M. K poznámke pod čiarou: Bachtinov termín „chronotop“ v kontexte materializmu // Svět literatury. 2021. Vol. XXXI(64). S. 57–72.
3. Московкин Л., Дулебова И. Социокультурное содержание современных учебников русского языка для школ и вузов Словакии // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 221–232.
4. Musolff A., Zinken J. Metaphor and Discourse. Palgrave Macmillan, 2009.
5. Stradiotová E. Metafora v publicistickom diskurze // Jazyk vo vyučovaní a vede / R. Štefančík (ed.). Trnava : SSRP, 2017. С. 134–143.
6. Štefančík R., Dulebová I. Jazyk a politika: jazyk politiky v konfliktnéj štruktúre spoločnosti. Bratislava : Ekonóm, 2017.
7. Van Dijk T. A. The interdisciplinary Study of News as Discourse. 2015. С. 108–120.
8. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе. М. : Р. Валент, 2016. 220 с.

Информация об авторе: *Крайчовичова Линда*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка Экономического университета в Братиславе (г. Братислава, Словакия).

ТИПЫ ЗАГОЛОВКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЕ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Е. Н. Сердобинцева

г. Пенза, Россия
elena_serd@list.ru

Аннотация. Рассматриваются структурные и языковые особенности современных газетных заголовков. Выделяются и разбираются изобразительные средства, используемые в заголовках в разных современных газетах.

Ключевые слова: заголовок, функция, структура, газета, классификации, типы, метафора, риторические вопросы, риторические восклицания, ирония, перифраз

Для цитирования: Сердобинцева Е. Н. Типы заголовков в современной газете и их языковое оформление // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 418–420.

Общеизвестно, что заголовок играет важнейшую роль в любой публикации. Именно от него зависит, прочтается основной текст или нет. В газетах, где публикаций огромное множество, от заголовка зависит успех не только одной конкретной публикации, но и газеты в целом. Журналисты часто изоощряются в составлении яркого и привлекательного заголовка.

Исследователи выделяют большое количество разновидностей заголовков в СМИ, базируя свои классификации на разнообразных основах. Так, М. И. Шостак, кроме жанрово-структурного основания (заголовок-хроника, заголовок-«бегущая строка», заголовок-констатация и резюме, заголовок-цитата, заголовок интрига и сенсация, заголовок-лозунг), предлагает и пунктуационную базу классификации: заголовок-восклицание, заголовок-вопрос, заголовок с «продолжением» (многоточие), заголовок с двоеточием, комбинированные варианты [2, с. 62]. Есть классификации, основанные на семантико-синтаксических особенностях построения заголовка: номинативные и предикативные [1, с. 97].

Большинство исследователей используют в классификациях функциональные характеристики, привнося своё видение деталей, и выделяют 1) информативный; 2) игровой, экспрессивный, декоративный; 3) побудительный, лозунг, воздействующий; 4) рекламный (В. Г. Костомаров, Н. П. Пешкова, С. И. Костыгина, Э. А. Лазарева, И. А. Сыров, И. А. Шамелашвили, В. С. Мужев, В. И. Погребенков, Ж. А. Никфорова, Г. А. Вейхман и др.).

Мы также берём за основу функциональные характеристики заголовка в газете и выделяем информативный, воздействующий, побудительный виды. Надо отметить, что в большинстве газет преобладают информативные заголовки в новостных материалах: *На Украине солдат-срочник застрелил пять человек; Карантин из-за коронавируса введён в 169 российских школах; На съезде правящей партии Казахстана могут выбрать нового председателя; В 11 регионах России пока официально не выявили омикрон-штамм коронавируса; Сноубордистка Кристина Пауль рассказала, как олимпийцев оберегают от ковид; Финские власти заявили, что страна пока не намерена вступать в НАТО (АиФ, 27.01.2022); В Белоруссии указали на оборонительный характер совместных с РФ учений; Экономист рассказал о мотивации предложившего ряд правил для криптовалют Минфина; В 165 школах*

России ввели карантин из-за коронавируса; В Приамурье началась вакцинация от COVID-19 детей и подростков; В Нижнем Новгороде кассирша украла из банка 26 млн; В сборной России по биатлону перед вылетом в Пекин выявили случай COVID-19 (Известия, 27.01.2022) и т.д.

Побудительные заголовки встречаются не часто, они, как правило, относятся к рекламным текстам: *Нарисуйте свою первую картину не выходя из дома сегодня* (АиФ, 27.01.2022).

Воздействующие заголовки дают возможность представить богатство русского языка, отражающего разнообразие смысловых оттенков. В таких заголовках используются тропы и фигуры.

Самыми распространенными фигурами в газетных заголовках выступают риторические вопросы, за ними риторические восклицания и обращения: *Что известно о новой версии сериала «Не родись красивой»? / Без паники! Медики напомнили, что делать при встрече с инфекцией / Почему реформы оказались страшнее войны? / Еда, на помощь! Какие продукты позволят пережить зимнюю хандру? / Что рекомендует Минздрав при лёгком и бессимптомном течении COVID-19?* (АиФ, 26,27.01.2022).

Встречаются и другие изобразительные средства языка: *Грех падения. F-35 потерпел аварию при посадке на авианосец* (аллегория); *Сеньор Помидор! Как носить красный и его оттенки, чтобы не выглядеть смешно* (перифраз); *«Это бесит и манит». Эксперты оценили «живое» пение Ольги Бузовой* (цитата и ирония); *«Пожарная команда» России. Что сделано правительством за два года работы?* (метафора); *Тайна реки Оредеж. Поиски сгнувшейся в проруби идут уже неделю* (разговорно-просторечное слово) (АиФ, 26.01.2022).

В газете «Известия» любимым выразительным средством является перифраз, который выступает в самых разнообразных модификациях: *С ковидным усердием: как регионы готовятся к пику пятой волны* (перестроено клише «завидное усердие», которое нередко употребляется с оттенком иронии). / *Младшее поколение: в РФ подскочил показатель госпитализации детей с COVID* (обыгрывается клише «младшее поколение»). / *Хорошилова повод: смогут ли наши ветераны проявить себя в Пекине* (перестроено клише «хороший повод» с использованием фамилии спортсмена, которому посвящен материал). / *Место силы: в Новороссийске завершают создание военно-морской базы* (обыгрывается своеобразное клише, взятое у эзотериков. «Место силы» обозначает место, которое восполняет энергетические ресурсы человека. В журналистском тексте речь идёт о военной силе государства).

Близко к перифразу использование крылатых выражений: *Игра с огнём: США планируют заняться урегулированием в Косово. / Хождение по мукам: почему больные муковисцидозом боятся взрослеть. / Петербургская тайна: все последствия блокады не исследованы до сих пор* (в последних двух примерах используются названия книги и фильма). Примеры взяты из газеты «Известия» за 26 и 27 января 2022 г.

«Комсомольская правда» наряду с информативными (*В Белоруссии задержали россиянку Веру Цвикевич по обвинению в участии в протестах / Число жителей Донбасса с российскими паспортами превысило 700 тысяч человек / Стало известно о планах «Газпрома» построить газовое хранилище на Курилах / В Южно-Африканской Республике обнаружили новый вид Covid-19* (25, 26.01.2022)) использует провокационные заголовки, сочетая несочетаемое по типу оксюморона: *Галкин и Пугачёва экономят на лампочках в своём замке в деревне Грязь* (странно выглядит заявление об экономии на лампочках в замке) / *Подозреваемый в ограб-*

лени вдовы Градского подвёз соучастников и получил за преступление 10 млн рублей (как можно получить награду за преступление?) / Дочь покойного Алексея Баталова стала законной наследницей неслыханных богатств артиста (Баталов создал образ скромного советского труженика. Откуда у него могут быть несметные богатства?). Часто в заголовках используется художественный приём умалчивания для создания интриги: *Журналисты узнали, что вдова Градского Коташенко старше, чем говорит* (супруга музыканта выглядит намного моложе его. Сколько же ей лет?) / *Названа деталь, которая помогла полиции выйти на след грабителей вдовы Градского* (нет пояснения, какая деталь найдена) / *Журналисты выяснили любопытные подробности о вдове Александра Градского* (клише «любопытные подробности» предвещает скандальную информацию) / *В Новосибирской области произошёл хлопок на молочном заводе* (не указывается, что за хлопок произошёл на заводе). Примеры взяты из номеров «Комсомольской правды» за 25–28 января 2022 года.

К сожалению, формат материала не позволяет представить анализ заголовков других газет, но и на основе продемонстрированного можно сделать определённые выводы.

Информативные заголовки – самые распространённые в современных газетах, что объясняется преобладанием новостных жанров, затрагивающих серьёзные социально-политические темы. Побудительные заголовки встречаются редко, в основном в рекламных текстах. Наиболее яркими являются воздействующие заголовки, которые позволяют использовать изобразительные и стилистически окрашенные средства языка. Каждая газета создаёт свой характер в заголовках за счёт употребления тех или иных выразительных средств. Это связано как с политикой редакции, так и с пристрастиями ведущих журналистов.

Список литературы

1. Колесниченко А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008.
2. Шостак М. Сочиняем заголовки // Журналист. 1998. № 2.

Информация об авторе: *Сердобинцева Елена Николаевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СИНТАКСИС, ФОНЕТИКА И МОРФОЛОГИЯ В РЕКЛАМЕ

Е. В. Твердохлеб

г. Краснодар, Луганская Народная Республика
izvarina_e@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные синтаксические, морфологические, фонетические приёмы в рекламе.

Ключевые слова: слоган, реклама, рекламные конструкции, рекламный текст

Для цитирования: Твердохлеб Е. В. Синтаксис, фонетика и морфология в рекламе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 421–425.

Реклама не терпит многословных и сложных аморфных синтаксических оборотов, так как по своей природе она должна быть динамичной: только динамический текст может вызывать желание действовать.

Краткий текст воспринимается читателем лучше. Исследователи обнаружили, что после прочтения в течение нескольких секунд текста из 5 слов человек помнит все эти слова. В тексте из 10 слов, в среднем 4–5 запоминается, а из 25 слов – только 4–8. На основании этого рекламу: «Шейте сами! А скроить вещь помогут мастера нашей фирмы» (далее – телефон и адрес) следует признать удачной с точки зрения величины текста.

Необходимо писать текст грамотно. В современных объявлениях это главная проблема. Неправильно происходит членение предложения, нельзя разделить подлежащее и сказуемое, поскольку их связи очень сильные. Например, «продаю коляску для новорожденного синего цвета». Здесь нарушен порядок слов, поэтому возникает двусмысленность.

Очень часто стали использоваться вопросно-ответные конструкции, которые также привлекают внимание читателя, создают лёгкость презентации. Компьютер пытается предвидеть вопросы потребителя, задаёт эти вопросы и отвечает на них. Это стимулирующая техника, поскольку она вызывает активный и повышенный интерес со стороны потребителей.

Антитеза (*Минимум времени – максимум возможностей!*).

Инверсия – нарушение порядка слов, чтобы привлечь внимание к главному.

Парцелляция (*Надежная. Быстро. Удобный.*). Вопросительные и восклицательные предложения.

Нами рассмотрено 125 телевизионных рекламных слоганов, из которых следует, что они используют различные языковые средства: тропы, стилистические фигуры, ритм или рифму, вопросно-ответную форму, цитату или аллюзию, разговорные выражения, неологизмы.

Одним из основных приёмов создания рекламного слогана является троп. Троп – это оборот речи, в котором слово или выражение используется в переносном смысле. Троп основан на сравнении двух понятий, которые в чём-то близки. В рекламных слоганах часто используются следующие типы тропов: эпитеты (36 %), метафоры (35 %), олицетворение (23 %), сравнение (3 %), гипербола (3 %).

Среди тропов чаще всего используются эпитеты и метафоры.

Эпитет придаёт выражению цвет и образность: *Kiteket – корм для энергичных кошек.*

Часто употребляются эпитеты-слова: «возлюбленный», «двойник», «могущественный» и др. Иногда встречаются даже необычные эпитеты: «Ядерный звук», «Королевский хруст». Эпитеты наиболее эффективны в рекламе, поскольку определения товаров и услуг вызывают специфические представления, усиливают выразительность рекламного образа, обогащают содержание высказывания, подчёркивают индивидуальные особенности объекта.

Ещё одним распространённым приёмом является метафора – скрытое сравнение, позволяющее создать лаконичный девиз с элементами восхитительной незавершённости. Преуменьшение, по мнению экспертов, интригует и привлекает внимание. Метафора может создать очень четкий рекламный образ: *Панангин – питание для сердца; Эльдorado; Дом низких цен.*

Метод персонификации также очень эффективен – перенос свойств человека на неодушевлённые предметы и абстрактные понятия, а слоган выбирается как черта, которая наиболее сильно привлечёт потребителя к продукту. Это, например, забота о клиенте, подчёркивание исключительных качеств продукта: *Бархатные ручки. Уверенный уход за красотой ваших рук; Россия – щедрая душа.*

Олицетворение оживляет воображение и позволяет лучше оценивать и презентовать продукцию. Среди тропов есть также такие приёмы, как сравнение (3 %) и гипербола (3 %). Сравнение: *Крем-целитель. А пятки у тебя как у младенца. ViMax контраст. В полтора раза больше чистого белья за те же деньги.* Гипербола: *Кофе «Tchibo». Больше, чем просто кофе.*

Эти методы не часто используются рекламодателями, потому что важно учитывать, знает ли получатель, с чем будет сравниваться продукт. Или же потребители будут с недоверием относиться к продукту, качество которого преувеличено?

Не менее распространённым приёмом является использование стилистических фигур, таких как:

– риторические восклицания (59 %), включающие мотивационные предложения: *Когда кашляешь прими Бромгексин Берлин-Хеми!;*

– парцелляция (20 %) – фрагментарные предложения. Использование метода парцелляции при построении лозунгов позволяет произвести интонационный отбор главного в устной речи: *«Билайн». Живи на яркой стороне.*

– антитеза (10 %) – оборот речи, в котором противоположные понятия используются для усиления выразительности и лучшего запоминания текста: *M&m's. Тает во рту, а не в руках;*

– синтаксический параллелизм (9 %) – одинаковое синтаксическое построение речевых отрезков: *Сделай паузу – скушай «Twix»;*

– анафора – единоначатие (2 %). Приёмы параллелизма и анафоры делают слоган коротким и запоминающимся;

– ритм и рифма (12 %). Ритм – это пропорциональное чередование ударных и безударных слогов, рифма – согласные окончания: *В животе ураган – принимай «Эспумизан»!;*

– форма вопросов и ответов (5 %). Вопросно-ответная форма рекламного текста настроена на обращение к потенциальному покупателю. Каждый воспринимает вопрос как обращённый непосредственно к нему, но не предполагающий немедленного ответа, как требование, просьбу или приказ. Обращение к аудитории, призыв её к диалогу выражается в рекламных фразах, подчёркивающих значимость собеседника в предполагаемом диалоге: *Спазмалгон – проверенное средство от боли и спазмов;*

– использование цитат или аллюзий (5 %). Различие между цитатой и аллюзией чисто условно: популярная строка из песни, фильма или литературного

произведения считается «цитатой», в то время как общеизвестное выражение из экономики, истории, т.д. – намёк. «Крылатые изречения» обычно слегка перефразируются «в угоду клиенту»: *Alpen Gold. Оптимизм в твоих руках* (Оба лозунга перефразируют популярное выражение «Всё в ваших руках»); «*Stimorol*». *Иногда лучше жевать, чем говорить* (Перефразируется выражение «Иногда лучше молчать»); *Pantene. Ваши волосы сияют здоровьем* (Идиома «Сиять от счастья»);

– использование разговорной и жаргонной лексики (3 %): «*Skittles*». *Не ки-сни, на радуге повисни; Не тормози! Сникерсни!* Использование разговорных и жаргонных слов является одной из языковых особенностей рекламных текстов. Они особенно привлекательны для молодой аудитории.

Лингвистической особенностью рекламных текстов является использование неологизмов (*сникерсни, ДляНос, Кокакола, аромагия*) и заимствованных слов (*мобильный интернет, ингредиенты, Мобайл* и др.). Причём в языке рекламы наблюдается наложение русских и иностранных слов, т.е. когда наряду с русскими словами есть слово, написанное на иностранном (чаще английском) языке: *Who cares about me? Гарнье*. В рекламных текстах встречаются даже неологизмы, образованные сочетанием английского слова или его транскрипции с русским: *No-shpa. Снасибо, что ты с нами*.

Кроме того, в одном слогане можно использовать несколько приемов одновременно: «*Вибрацил*». *Тщательный уход за дыханием* (олицетворение, эпитет); *Кто заботится обо мне? Гарнье* (вопросно-ответная форма, рифма).

Фонетические особенности построения рекламного текста.

Создатели рекламных текстов учитывают влияние звуков на восприятие рекламы. Продуманная звуковая организация рекламного сообщения способствует оптимальному восприятию заложенной в нём информации. Выделим несколько средств на фонетическом уровне, которые способствуют достижению этой цели.

Аллитерация – позволяет использовать преобладание определённого звука или нескольких из них для создания определённой шумовой картины (например, шипящие звуки могут передавать шорох): *Чай Брук Бонд – будь на высоте*.

Звукоподражание – использование слов, служащих для имитации окружающей действительности за счёт языка: *М-м-м, Данон* (имитация звуков, которые человек издаёт, когда ему вкусно).

Графоны – умышленное искажение орфографических правил: *Берегите жубы с детства!* (рекламная сеть стоматологов).

Графическое выделение частей слова – используется для создания эффекта двойного чтения фразы: *Crash. КРАШные апельсины! Узнай сам*.

Рифма – это вид регулярного звукового повторения, совпадение в звучании нескольких слов: *Томас. Обратите внимание – сделано в Германии!*

Гармония – помогает сделать незнакомое или плохо запоминающееся название компании легко воспроизводимым: «*Ваниш*» – *легко бельё от пятен избавишь*.

Морфологические признаки.

Существительные. Наиболее часто употребляемые в рекламе существительные связаны с социальной сущностью человека. Сюда относятся такие слова, как «жизнь», «мир», «деньги», так как они отражают ценности, присущие современному миру потребления и концентрируют в себе множество смыслов.

Глаголы. Основное значение, заложенное в семантике глагола, – действие – позволяет передать информацию о необходимых действиях, которые должен совершить покупатель. Эффективно использовать повелительное наклонение: *Toyota. Управляй мечтой*.

Прилагательные. Относительные прилагательные описывают материал, из которого изготовлен продукт, его структуру, способ изготовления и особенности

функционирования. Качественные прилагательные оценивают продукт, показывая его с лучшей стороны. Например, вкус не «красивый», а «мягкий», «терпкий», «острый», «пряный».

Все эти языковые методы позволяют структурировать текст, выделить основную идею и создать образное рекламу.

Существует целый ряд языковых приёмов, которые регламентируются в рекламных этикетках.

Текст обычно представляет собой несвязанную последовательность, сегментированный список, состоящий из слов: сначала название заявленного товара, а затем описание его характеристик и услуг производителя или продавца: *КОНДИЦИОНЕРЫ ИЗ ЕВРОПЫ. Самые низкие цены. Любые модели.*

По этому же принципу строится сюжет рекламных конструкций, в которых содержание высказывания реализуется не в соотношении, а в двух или нескольких интонационно-семантических единицах слова: первое предложение, называющее продукт и поддерживающее его сосуществование, и последующие, представляющие его характеристики, содержат глаголы и адаптивные предикаты, которые удовлетворяются данным существительным: *Препарат... Применяется для восстановления запасов жидкости и электролитов в организме. Содержит только натуральные вещества. Эффективен и безопасен для детей и взрослых. Удобен и прост в применении. Всегда должен быть под рукой.*

Отглагольные существительные часто используются для описания услуг, предлагаемых в рекламе: *Строительство ... павильонов. Подготовка площадки. Обсыпка щебнем. Бетонирование.*

Система обращения к адресату, как уже отмечалось, зависит от того, какие продукты рекламируются и каково их назначение: в рекламе медицинских изделий, всегда должно быть обращение на Вы, а в рекламе товаров для молодёжи преобладать обращение на ты.

Рекламный текст должен убеждать читателя, что рекламируемый товар превосходит другие аналогичные товары. Часто рекламодатели пытаются «отличить» свою продукцию от общей массы, используя прилагательные, значения которых приравниваются к значению слова *самый*: *уникальный, эксклюзивный, выдающийся, потрясающий*. В один ряд с ними можно поместить слова с приставками *супер-, гипер-, мега-*. Эти и другие слова (например, *двойной эффект, традиционное немецкое (испанское, французское и т.д.), качество, от лучших мировых производителей* и т.д.) появляются в рекламе СМИ, являясь штампами, и случайным образом превращают рекламу в антирекламу – чтобы оттолкнуть читателя, что приводит к большей лояльности.

Название играет важную роль в рекламном тексте: оно должно привлечь внимание потенциального покупателя и заставить его прочитать материал объявления. Есть несколько способов сделать название привлекательным. Его смысл должен «бить» в одну точку, то есть освещать только одну сторону рекламируемого объекта. Аллитерация, крылатые фразы и красивые фразеологические обороты могут иметь место, но это достаточно далеко от передачи смысла того, что пытаются нам сказать. Поэтому она должна быть короткой, простой, точной и понятной. Ведь у читателей нет времени (и желания) восхищаться стилем рекламы. Они хотят знать: «Что в этом для меня?»

Заголовок может содержать:

- название компании или рекламный слоган;
- рекламный слоган и название фирмы;
- рекламный слоган, включающий название фирмы;

- название фирмы и рекламный слоган, ключевое выражение (тезис) основного текста;
- название рекламируемого товара и рекламный слоган, включающий название фирмы.

Установлено, что за один день можно увидеть до 1500 различных точек сообщений. Чаще всего это пустой рекламный текст или рекламный слоган. Требуется всего одна секунда, чтобы прочитать большинство из них. В то же время, согласно опросу, проведённому психологами, количество людей, которые замечают только слоганы, в 4 – 5 раз превышает количество людей, которые читают всю рекламу.

Слоган – самая мощная форма торгового предложения. Как уже отмечалось, слоган присутствует во всех рекламных объектах конкретной компании, а также товарных знаках и символике. Разработка слогана компании – это сложная и дорогостоящая услуга, ведь очень маленьким текстовым пространством требуется привлечь внимание человека, удержать интерес, завоевать доверие и спровоцировать желание получить товар или услугу. Для этого мы получаем хорошее знание языка, его стилистики, а также широкий спектр приёмов и методов, направленных на достижение эффективности рекламы.

Информация об авторе: *Твердохлеб Екатерина Владимировна*, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель русского языка и литературы Краснодонской средней школы № 2 имени кавалера ордена Ленина Н. П. Баракова (г. Краснодон, Луганская Народная Республика).

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ СМИ В РОССИЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ МАССОВОЙ ПРЕССЫ

А. Я. Хачикян

г. Ереван, Республика Армения
anaidakh@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются языковые средства осуществления основных функций СМИ. Исследуется эмоциональный фактор российских публицистических текстов массовой коммуникации. Обращается внимание на воздействующую и воспитательную функцию СМИ.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, функции СМИ, российские публицистические тексты массовой коммуникации, метафоризация текстов СМИ

Для цитирования: Хачикян А. Я. Языковые средства осуществления основных функций СМИ в российских публицистических текстах массовой прессы // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 426–430.

Особое место в системе СМИ занимают те средства, в которых основная роль отводится вербальной информации, то есть такие средства воздействия, которые рассчитаны в первую очередь на восприятие вербального текста, а не видео-, анимационных, звуковых эффектов и т.д. Информация, которую выбирает, воплощает в определённую устную или письменную языковую форму и передаёт каждый автор, должна иметь, по крайней мере, три отличительные черты: это должна быть новость, поскольку поиск нового во всех областях жизни общества является основной задачей публицистического автора любого профиля; представленная автором информация должна быть *оригинальной*, поскольку если твердить одно и то же, то аудитория теряет интерес и к самой информации, и к её источнику; информация журналиста должна быть *полезной*, поскольку каждый представитель аудитории сможет использовать её и для себя лично, и для передачи другим. Передавая ту или иную информацию, соответствующий автор выступает «субъектом осмысления и обработки полученных сведений ради создания общественно значимой информации, а массовая аудитория становится объектом, на который направлена деятельность журналиста...» [5, с. 7]. Так создаются авторские публицистические произведения разных жанров, которые доводятся до аудитории при помощи разных каналов: печатных изданий, радио, телевидения, Интернета и т.д. Таким образом, осуществляются две основные функции СМИ – функция информации и воздействия, для выполнения которых значимы многие параметры, но самыми важными являются, по мнению всех исследователей (см., например, Ворошилов 2006, Зелинский, Князев 2002, Корконосенко 2001, Рождественский 1989, 1996, и др. работы), постановка цели, выбор тематики и определение средств построения текста.

Говоря о языковых особенностях, предназначении и влиянии СМИ, Ю. В. Рождественский отмечает: «...изобретение темы – это прежде всего выбор жизненного пути или какого-то отрезка этого пути. Поэтому изобретение прозаической речи – это главный фактор жизненной активности автора». Здесь важна смысловая новизна, а смысловая новизна предполагает непременно и стилевое соответствие, которые всегда образуют единство и только так характеризуют текст.

В итоге «*смыслостилевая новация*», в терминах автора, определяет «*уместность*» речи, иначе называемую им же «*тактом*» [3, с. 41]. Рождение мысли, по мнению Ю. В. Рождественского, исходит из смысловой и стилистической правильности речи. Смысловая правильность – это «*знание общих мест и умение применить для себя выражения, принятые в данном месте в данное время*» [3, с. 43]. Основываясь на своих разработках, Ю. В. Рождественский выделяет две группы стилистических средств в языке средств массовой информации и называет их *признаваемое* и *отвергаемое*: «В семантическую сферу признаваемого входят все предметы мысли (т.е. лица, документы, организации, события и т.п.), которые считаются позитивными с точки зрения органа информации и риторической позиции текста массовой информации. В семантическую сферу отвергаемого входят все предметы мысли, которые считаются негативными» [4, с. 249]. Для вербального воплощения этих категорий в публицистических текстах используются наиболее яркие и современные языковые средства разных уровней (фонетические, графические, лексические, грамматические, стилистические). С этой точки зрения именно публицистика является наиболее богатой разновидностью литературы. К тому же она создаёт максимально много возможностей для выражения экспрессивно-эмоциональных и субъективных оценок, реализации когнитивных и дискурсных моделей.

Невозможно безразлично, без эмоций писать о том, что непосредственно касается миллионов людей, каждого члена общества, например, о национальных и религиозных конфликтах, о ценах и инфляции, болезнях и катастрофах. Пустые, ничего не значащие слова и выражения, обтекаемые, расплывчатые формулировки просто невозможны в этом случае и недопустимы, поскольку представляемая информация всегда сопровождается соответствующей оценкой происходящих политических событий, наблюдаемых процессов и тенденций. По своей сути публицистика призвана быть одной из трибун для активного выражения определенной жизненной позиции, должна способствовать формированию конкретного общественного мнения, а значит и выполнению своих основных функций – функции воздействия и функции сообщения (информирования). Итак, автор публицистического произведения сообщает о фактах и даёт им оценку. Он должен выбрать подходящие для достижения поставленных целей вербальные средства. Способов и приемов достижения экспрессивности в языке достаточно много: оценочность может быть выражена с помощью интонации, а в письменной речи с помощью графических средств; с помощью различных аффиксов; лексико-семантических; фразеологических; синтаксических; стилистических, общекоммуникативных средств (см. Арутюнова 1998, Беглова 2007, Бушев 2005, Володина 2003, Ермакова 1999, Карицкая 2009, Костомаров 2005, Маркелова 1995, Солганик 2000 и др.).

Хотя средства выражения оценочности представлены на всех языковых уровнях, очевидно, что основную роль в вербальных средствах выражения оценки играют лексические и синтаксические средства. Среди первых – оценочная, экспрессивная, эмоциональная лексика, особые слова (усилительные частицы, вспомогательные глаголы, местоимения) и др. Среди вторых – средства экспрессивного синтаксиса (парцелляция, сегментация, конструкции с лексическими повторами, инверсия, риторические вопросы, вставные конструкции, элементы разговорной речи и др.).

Контрастивное изучение средств выражения оценочности мало затрагивалось в сопоставительных исследованиях, которые выявляют сходство и различия двух языков на всех уровнях языковой системы. Однако, как показывают наши исследования, именно они играют первичную роль в формировании языковых средств национальных СМИ на другом языке. В данном случае речь идет о языковых

средствах армянской русскоязычной прессы, языковые характеристики которой определяются, с одной стороны, аналогичными показателями российской прессы, а с другой стороны, национальным своеобразием армян и армянского языка. Сочетание этих двух составляющих (русской и армянской) одного текста вообще никогда не исследовалось, хотя, как показывает наш анализ, существует много разнотипных исследований, касающихся сходств и различий российских и англоязычных СМИ (см., например, Гетта 2002, Корнилов 2003, Кучерова 2000, Михайлов 1998, 1999, Сметанина 2002, Швейцер 1991 и др.). Согласно данным этих исследователей, в российской русскоязычной (национальной) прессе авторская точка зрения может выражаться открыто. Автор рассматривается как стилиобразующая категория, выражение личностного, собственного мнения оказывает решающее воздействие на стилистический облик текста. Таким образом, образ автора в текстах российских СМИ оказывается по многим признакам идентичным образу автора в художественном тексте и выступает как «индивидуально речевая структура, пронизывающая собой строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [2, с. 151–152]. Отсутствие чётких границ между функциональными стилями в русском языке, точной закреплённости определённых языковых средств за функционально-стилевыми типами текстов, жёсткой структурной схемы газетно-информационного сообщения и некоторые другие характеристики способствуют свободному проявлению авторского начала в газетных текстах.

Ярким проявлением оценочности современных российских СМИ, согласно данным исследователей особенностей российской прессы, является метафоризация (см. Баранов 1994, Ермакова 1996, 1997, Чудинов 2001, Солганик 2002, Желтухина 2003, Юнеев 2007 и др.). Современные тексты СМИ отличаются большим количеством метафор, что является прямым следствием, неопровержимым доказательством нацеленности российских публицистических текстов на выражение определённой точки зрения в отношении описываемого события.

Говоря о средствах реализации одной из двух основных функций СМИ – функции воздействия – Ю. В. Рождественский отмечает, что её влияние обеспечивается вызыванием определённых эмоций, ориентацией внимания воспринимающих данный текст, распространением конкретных знаний, и называет публицистический текст «текстом высшей степени сложности» [3, с. 41]. В тексте этого типа много оценочной лексики, обладающей сильной эмоциональной окраской. Оценка выражается либо определением к существительному (например: *позитивные переменные, твёрдая позиция, злодейское убийство, гнусные измышления, тяжелейший кризис*), либо метафорическим использованием слова (*идеологический бульдозер, нравственная холера*). Очень часто метафора бывает развернута по всему тексту.

Метафора в языке современных СМИ уже не просто является способом украшения речи, а важным структурным элементом организации текста, его композиционной составляющей. Став важнейшим конструктивным средством организации всего текста (см. об этом подробнее Складская 1993, Веселовская 2006, Ермакова 1997), в наше время метафоризация является сильным и частотным средством воздействия на массовую аудиторию. С помощью метафоры могут выражаться основные оценки, суждения, мнения, позиции авторов. По блестящему определению Н. Д. Арутюновой (которое, кстати, само метафорично), «Метафора – это приговор без суда» [1, с. 7]. Эмоциональный, экспрессивный заряд метафоры оказывается также чрезвычайно востребованным в заголовках текстов СМИ.

В современных российских СМИ активно используются такие языковые средства, которые усиливают функцию воздействия, способствуют ещё более яркому выражению экспрессивно-эмоциональных характеристик. Так, с конца

XX века, по данным специалистов, всё чаще в публицистических текстах используются графические эффекты, новые словообразовательные модели (например, слова, созданные на базе аббревиатур инициального типа), некоторые сравнительно новые морфологические формы (например, числовые, предложно-падежные) и синтаксические конструкции с особой синтаксической связью (например, номинативные предложения, парцелляция, вставные конструкции) и т.д. Все они призваны оказать большее воздействие на читателя / слушателя (см. об этом подробнее, например, РЯСО 1968; Акимова 1990, Бушев 2005, Валгина 2003, Володина 2003, Граудина 1992, Лаптева 2004, Русский язык и современность... 1991, Русский язык конца XX века... 1996, Русский язык сегодня... 2003, Сметанина 2002 и др.). Такое обновление обычной структуры высказывания и всего публицистического текста позволяет акцентировать наиболее важную информацию, передать эмоциональное напряжение или авторскую оценку описываемых событий, следовательно, определённым образом воздействовать на читателя.

По мнению многих исследователей (Гетта 2007, Лащук 2002, Ворошилов 2006, Зелинский 2008, Швейцер 1991 и др.), такое очевидное выражение авторского начала в текстах российских средств массовой коммуникации в значительной степени противопоставляет форму подачи в них информации англоязычным СМИ, где чётко и последовательно выдерживаются целевые установки и жанровые закономерности. Так, например, объективное информирование адресата исключает личностные характеристики и оценки; оценка журналиста и его комментариев могут быть представлены только в передовой статье и в специальной колонке комментатора; при составлении заголовков используется особый «заголовочный лексикон» и особая «заголовочная грамматика» английского языка (употребление инфинитива или простого настоящего времени для выражения сложных временных отношений, предпочтение сжатых конструкций без неопределённого артикля и глагола-связки) и т.д.

Между тем запрет на эксплицитное выражение субъективной оценки автора в англо-американских СМИ определённых жанров приводит к широкому использованию имплицитных средств выражения оценочности. Имплицитность оценки обусловлена наличием у читателя определённого объёма фоновых и лингвистических знаний, требующихся для понимания данного текста. Обращение к опыту и знаниям адресата создает иллюзорное представление о самостоятельности вынесения вывода, оценки информации, что в значительной степени расширяет возможность достижения поставленной цели. Насыщенность же текста конкретными средствами речевого воздействия зависит от типа издания, проводимой редакцией политики, целевой направленности текста.

С конца XX века экспрессивное начало, выражение оценочности в российских СМИ усиливается, поскольку убеждающая, воздействующая функция становится всё более важной в их деятельности. При существовании многопартийной системы усиливается борьба за определённые группы электората, которая и сопровождается поиском наиболее убедительных и эффективных способов воздействия. Как и в предшествующие периоды, в СМИ широко употребляются стандартные лексико-грамматические средства. Однако в последние годы, по мнению исследователей (см., например, Ворошилов 2006, Зелинский 2008), в выборе средств и сфер выражения оценочности произошли некоторые изменения. Эти изменения проявились во всём: и в структурно-тематических, и в лексико-грамматических составляющих газетных текстов, в частности в их жанровой характеристике, жанровой определённости с точки зрения первичности определённой функции и выбора для её осуществления соответствующих языковых средств.

Конечно, в современных газетах печатаются материалы разных жанров, что в совокупности позволяет выполнить все функции средств массовой информации (информация, воспитание, создание общественного мнения и т.д.). А выбор жанра, частотность представления того или иного материала в определённом жанре, жанровые особенности газет зависят от многих факторов (исторической эпохи, типа газеты, её авторского коллектива и т.д.).

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. ст. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М. : АН СССР, 1971. 255 с.
3. Рождественский Ю. В. Риторика публичной речи. М. : Знание, 1989. 64 с.
4. Рождественский Ю. В. Общая филология. М. : Фонд Новое тысячелетие, 1996. 326 с.
5. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: история. Теория и практика. М. : Аспект Пресс, 2004. 382 с.

Информация об авторе: *Хачикян Анаида Яковлевна*, доктор филологических наук, профессор, научный консультант центра русского языка и культуры Государственного университета имени В. Я. Брюсова (г. Ереван, Республика Армения).

СКАЗОЧНЫЕ ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОЗИЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН

К. Ялова

г. Братислава, Словакия
katarina.jalova@uniba.sk

Аннотация. Проводится анализ актуализации прецедентных имён героев русских авторских сказок советского периода в современном российском медиальном дискурсе. Для анализа избраны имена наиболее известных сказочных персонажей, таких как доктор Айболит, Старик Хоттабыч и Незнайка. Рассматриваются два основных направления актуализации прецедентных имён – сохранение первоначального смысла и семантическая реинтерпретация, присуща и другим советизмам. Приводятся примеры особенностей употребления и функционирования отдельных прецедентных имён в текстах современных российских СМИ. Называются способы актуализации и доминирующие функции прецедентных имён в медиальных текстах.

Ключевые слова: прецедентные имена, функции прецедентных имён, русские авторские сказки, медиальный дискурс

Для цитирования: Ялова К. Сказочные герои советской литературы в позиции прецедентных имён // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 431–435.

Первое знакомство с литературой, наверное, у каждого из нас, произошло благодаря сказочным историям в детских книжках. Ребёнок с удовольствием переносится в волшебный мир, где добро всегда побеждает над злом. Времена менялись, появлялись всё новые сказки – начиная народными сказками, потом сказки А. С. Пушкина, сказки советских и современных российских писателей. Именно произведения советской эпохи стали предметом нашего анализа.

Имена главных героев (как положительных, так и отрицательных) всеми любимых сказок настолько вошли в сознание юных читателей, что, несмотря на зачастую долгие годы, прошедшие от прочтения той или иной сказки, апелляция к ним регулярно возобновляется не только в повседневной коммуникации, но и в средствах массовой коммуникации. Таким образом, данные имена входят в число прецедентных имен, т.е. «индивидуальных имён, связанных или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин*, *Тёркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [2, с. 48].

Прецедентные имена наряду с прецедентными высказываниями, прецедентными ситуациями и прецедентными текстами представляют собой гипонимические понятия обобщающего термина прецедентные феномены, которые нашли своё широкое применение в медиальных текстах, где выступают в роли метафорического обозначения ситуаций или личностей и выполняют несколько взаимосвязанных функций. Е. Нахимова [3, с. 143–144] выделяет следующие семь функций:

1. Функция оценки – т.е. субъективное отношение автора к какому-либо субъекту. Д. Гудков замечает, что «при оценке, выражаемой с помощью ПИ, прямой связи со стандартом, отсылки к норме не происходит. Идёт апелляция не к норме, а к эталону, представляющему собой «крайнюю точку» на шкале оценки,

наиболее полно воплощающему то или иное качество, апелляция не к понятию, но к образу» [1, с. 157];

2. Моделирующая функция – т.е. «функция формирования представлений о мире в виде модели» [3, с. 143];

3. Прагматическая функция – т.е. «функция воздействия на адресата <...> Прецедентные феномены задают определённую систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим»» [3, с. 143];

4. Эстетическая функция – т.е. «способ эстетической оценки мира, прецедентные имена воспринимаются адресатом как эстетически значимые, привлекают к себе внимание необычной формой выражения» [3, с. 143];

5. Парольная функция – прецедентные имена «часто служат для обнаружения общности ментально-вербальной базы автора и читателя. Читатель, откликаясь на пароль, названный автором, становится как бы «своим», «посвященным»» [3, с. 143–144];

6. Людическая функция – это своего рода языковая игра автора и читателя, которая «способствует привлечению внимания к форме текста, снижению напряженности общения и делает его менее формальным» [3, с. 144];

7. Эвфемистическая функция – прецедентные имена имеют свойство «смягчить высказывание, сделать его менее резким, менее конкретным и – в конечном итоге – выразить необходимую информацию в неагрессивной форме» [3, с. 144].

Одними из самых популярных по частотности употребления в медиальном дискурсе источников прецедентных имен являются наряду с повестью-сказкой А. Н. Толстого *Золотой ключик, или Приключения Буратино* и такие произведения как *Доктор Айболит* К. Чуковского, *Старик Хоттабыч* Л. Лагина или трилогия Н. Носова *Приключения Незнайки и его друзей*, *Незнайка в Солнечном городе*, *Незнайка на Луне*. В нашем анализе сосредоточимся на именах главных персонажей данных произведений, чьи имена уже стали нарицательными: *доктор Айболит*, *Старик Хоттабыч* и *Незнайка*.

Упоминаемые нами имена героев детской литературы часто актуализируются в самых различных дискурсивных событиях. При этом наблюдаются два направления употребления прецедентных имен детской литературы советского периода в медиальном дискурсе: использование прецедентного имени в его первоначальном значении, а также явление семантической реинтерпретации, т.е. использование прецедентного имени в ироническом или противоположном значении, в чем наблюдается схожесть с советизмами [4, с. 97]. Таким образом, появляются всё новые возможности аппликации данных лингвокультурем в языке средств массовой информации, и тем самым, и в языке повседневной коммуникации.

Итак, прецедентное имя доброго, самоотверженного *доктора Айболита*, помогающего людям и животным, стало символом медицинских работников и всех, кто готов безвозмездно помогать: *Доктор Айболит и его пациенты – особенный приют в Челябинске* (1tv.ru, 04.10.2015); *Добрый доктор Айболит. Детский врач Михаил Лебедев погиб, заразившись COVID* (aif.ru, 06.05.2020); *Несбывшаяся мечта доктора Айболита из Цхинвала* (sputnik-ossetia.ru, 24.05.2020); *Конечно, формально Россия продолжает оставаться «социальным государством», в котором всех «бесплатно исцелит добрый доктор Айболит». Возможно даже, сам Айболит не возьмёт с вас ни рубля, но оплата анализов, манипуляций и консультаций влетит в такую сумму, что правда помереть дешевле...* (argumenti.ru, 20.05.2020); *Нужен доктор Айболит: как работают городские ветеринарные клиники в период ограничений из-за пандемии* (peterburg2.ru, 19.05.2020). Правда,

встречается и ироническое применение данного прецедентного имени, обозначающее псевдо-докторов: *Но все перевернулось: к Фиделю, как доктор Айболит, прилетел его лучший друг – вечно сияющий и пышущий здоровьем Уго Чавес, они сфотографировались на фоне газеты «Гранма» – и Кастро выздоровел* (kr.ru, 12.04.2013); *Вот тебе и добрый доктор Айболит Билл Гейтс* (lenta.ru, 30.04.2020); *Станет ли Североатлантический альянс «добрым доктором Айболитом»?* (news-front.info, 06.04.2020).

Ироническая коннотация преобладает и в случае прецедентного имени *Старик Хоттабыч*. Со сказочным джинном, исполняющим все желания, журналисты часто сравнивают президента В. Путина, который также обладает неиссякаемыми возможностями: *Таня просила компьютеризовать школу. Путин обещал стать «стариком Хоттабычем» и обеспечить всех учеников компьютерами* (ng.ru, 10.12.2009); *А Путин, словно старик Хоттабыч, как он себя в прошлый раз назвал, творит чудеса в прямом эфире: оказывает помощь людям и дарит им надежду* (ntv.ru, 16.12.2010); *Какие-то просьбы (одну на 50 000 звонков) Путин выполнит прямо в студии, «как старик Хоттабыч»* (vz.ru, 07.12.2009). В другой ситуации оказываются российские губернаторы, чиновники и даже само государство: *Губернатор – не старик Хоттабыч. Еще 11 новых объектов должны в ближайшее время пополнить спортивную инфраструктуру Владимирской области. Но для этого предстоит проделать титаническую работу, потому что, как заявила Светлана Орлова, она не Старик Хоттабыч* (zebra-tv.ru, 17.01.2017); *Это то, что хотят люди, которые понимают, что их губернатор не Старик Хоттабыч, не решит все проблемы* (nsm.fm, 12.11.2019); *Чиновники боятся коллективных жалоб. «Мы не старик Хоттабыч все желания исполнять»* (vm.ru, 20.07.2019); *Просто нарисовать деньги и раздать их гражданам для покупки жилья – государство не старик Хоттабыч* (gr-sily.ru, 02.03.2018).

Своё первоначальное значение осталось в медиальных текстах у *Незнайки*. Этот символ хвастливости и невежества нашел свое отражение и в лице главы Роскосмоса Д. Рогозина, причем актуализируется и название произведения *Незнайка на Луне*: *Рогозин на Луне. То, что вы хотели знать о главе Роскосмоса, но боялись спросить* (life.ru, 11.12.2019); *Дмитрий Рогозин. Незнайка о Луне* (infox.ru, 27.11.2018); *В самом «Роскосмосе» Дмитрия Рогозина за глаза называют Незнайкой на Луне. Это из-за грандиозных планов Рогозина по освоению Луны, а в последующем и Марса* (svpressa.ru, 13.04.2020). «Незнайками» в российских медиальных текстах выступают и депутаты: *Незнайка и полярная ночь. [...] Появились первые мемы, в которых Чибиса часто называют Незнайкой – за готовность ввязаться в дискуссию по любому вопросу* (novayagazeta.ru, 17.07.2019); *Как только возникает новая социально острая тема, тут же появляются и «депутаты-незнайки», готовые ради пиара печатать совершенно «сырые» законопроекты* (nrnews.ru, 23.03.2017); *Новое правительство России – «незнайка» или «тигр»* (eadaily.com, 25.05.2018). Положительные качества литературного Незнайки – смелость и сообразительность – можно отчасти найти в примере с кандидатом в губернаторы Мурманска А. Чибисом, но его смелость вступать в разные дискуссии можно оценивать и как непродуманность своих действий.

В начале мы отметили комплекс функций, которые выполняют прецедентные имена в тексте. Если детально рассмотреть все приведенные нами примеры, то видим смещение всех функций. Конечно, доминирует эстетическая функция, учитывая метафорическое использование прецедентных имен. Эстетическую функцию дополняют парольная и людическая функции – чтобы правильно понять и расшифровать текст медиального сообщения, адресат должен быть знаком с первоисточ-

ником прецедентного имени и его оригинальным значением. Только тогда он может вступить в языковую игру с автором текста и считать себя полноценной частью конкретного лингвокультурного сообщества. Читатель, не знающий всех коннотаций какого-либо прецедентного имени, является по сути «чужим» и это осложняет правильное прочтение выбранного текста.

Так как в большинстве случаев прецедентные имена детских литературных героев в медиальных текстах обозначают какую-либо известную личность (чаще всего политиков), на первый план выходит и эвфемистическая функция со свойственной ей способностью смягчения характеристики конкретного обсуждаемого человека. Учитывая тот факт, что сам автор текста подбирает подходящие прецедентные имена, он также субъективно оценивает положительные или отрицательные качества той или иной личности. За адресатом остается выбор, отождествляется ли его собственное мнение о поступках, например, губернаторов, с мнением журналистов. Если журналистам удастся убедить читателей в своей правоте, то это является следствием реализации прагматической функции. Созданное журналистами представление о какой-либо личности способствует восприятию употребляемого прецедентного имени в качестве эталона для подобных черт характера. Таким образом, моделируются определенные части языковой картины мира посредством символики национально-маркированных лингвокультурем [5, с. 40]. Исходя из перечисленных фактов можно сделать вывод, что прецедентным именам присущ целый диапазон функций, которые дополняют и расширяют друг друга и которых трудно разделить. Ведь невозможно сказать, что прецедентное имя в данном тексте выполняет лишь эстетическую функцию. Однако можно говорить о доминирующей функции, не забывая о сопутствующих ей остальных функциях.

Как показал наш анализ актуализации выбранных прецедентных имен, позиция советской детской литературы как источника интертекстуальных отсылок по-прежнему остается очень сильной. Высокому статусу этих произведений способствовали и многочисленные экранизации или театральные постановки. Поэтому имена главных героев всеми любимых сказок прочно вошли в сознание читателей еще с юных лет. С возрастом к изначальному представлению о персонаже добавлялись другие нотки и появилась возможность учиться на чужих ошибках. В детских сказках находятся нагляднейшие примеры однозначно положительных и отрицательных черт характера и примеры правильного поведения. Те, кто не следуют положительным примерам, становятся мишенью для иронических сравнений (как показано выше в случаях иронического обозначения политиков). Таким образом полностью раскрывается главное свойство прецедентных имен – наиболее точно, кратко и ясно выразить суть характера обсуждаемой личности.

Данная статья подготовлена в рамках проекта *VEGA 1/0452/21 Jazyk sekuritizácie v súčasnom slovenskom verejnom diskurze* и проекта *KEGA 003UK-4/2021 Vysokoškolská učebnica Mediálna lingvistika*

Список литературы

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
2. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
3. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2007. 207 с.
4. Čingerová N. Červenejúce sa slová: sovietyzmy v sovietskom a ruskom verejnom diskurze. Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave. 2018. 209 s.

5. Gallo J. Cognitive Aspects of Anthropocentric Modeling Linguistic Worldview // Philological Class. 2018. Vol. 51, № 1. P. 39–42.

Информация об авторе: *Ялова Катарина*, магистр, аспирант кафедры русистики и восточноевропейских исследований Университета имени Я. А. Коменского в Братиславе (г. Братислава, Словакия).

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА

<i>Адамович М. Б.</i> ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПРОФЕССОРА ВАСИЛИЯ ДАНИЛОВИЧА БОНДАЛЕТОВА	3
<i>Антонова Е. Н.</i> НОМИНАЦИЯ ЖИВОТНОГО В ТУВИНСКИХ ПАРЕМИЯХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	8
<i>Балаш Д. Б., Холякко Е. И.</i> ЛЕКСЕМА ЧАЯТЬ И ЕЁ ДЕРИВАТЫ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОМ И РУССКОМ ТЕКСТАХ БИБЛИИ	12
<i>Вавилова Е. М.</i> ЯЗЫК SMS-СООБЩЕНИЙ.....	17
<i>Ван Юйин.</i> КИТАЙСКАЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (НА ПРИМЕРЕ ЭТИКЕТА ЗА СТОЛОМ)	20
<i>Грдзелян Р. Р.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ВОДОЁМОВ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ	24
<i>Гурьянова Л. Б.</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В МЕМУАРАХ АКТЁРОВ ТЕАТРА И КИНО	29
<i>Дегальцева А. В.</i> НАРЕЧИЯ КОРОНАВИРУСНОГО ПЕРИОДА: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	41
<i>Доан Тхук Ань.</i> РУССКИЕ ФАМИЛИИ, ГЕНЕТИЧЕСКИ СВЯЗАННЫЕ С ВОЕННЫМ ДЕЛОМ	46
<i>Дубинина В. А.</i> ПОНЯТИЕ «СТЕРЕОТИП» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	53
<i>Карнич К. А.</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НОМИНАЦИЙ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	58
<i>Катрецакая Д. С.</i> ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ «ТЫ–ВЫ»: ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	61
<i>Кислицына А. В.</i> КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ.....	65
<i>Кожурина У. Н.</i> УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВЫХ ПОНЯТИЙ ВМЕСТО РОДОВЫХ В РЕЧИ КОММУНИКАНТА С ДИСФУНКЦИЕЙ РЕЧЕВОГО АППАРАТА (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ)	68
<i>Максимова Н. Г., Полякова И. М.</i> «КОРОНАЛЕКСИКА»: ОСОБЕННОСТИ ОРФОГРАФИИ, СМЫСЛО- И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ»)	70

<i>Маринова Е. В.</i> ИНФОРМАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИЗОБРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	74
<i>Мартынова И. Н.</i> ТЕМАТИКА ЗАГАДОК, СОБРАННЫХ В. И. ДАЛЕМ	78
<i>Мущинская В. В., Мовсумова М. А.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ИНТЕЛЛИГЕНТ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	83
<i>Панова М. Н.</i> О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ	88
<i>Редькина Н. С.</i> К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ XVIII в.	93
<i>Чеишвили Т. А., Капанадзе И. Б.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА КОММОДИФИКАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ГРУЗИИ	96

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА: СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

<i>Вазанова М. Г.</i> СИНОНИМЫ И АНТОНИМЫ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ	99
<i>Ву Тхи Нгок Хоа.</i> ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В АКАДЕМИИ НАРОДНОЙ ПОЛИЦИИ	104
<i>Гордеева Т. А., Седлецкая Е. М.</i> ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ В ГЛОБАЛЬНОМ ЦИФРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	110
<i>Громова Л. Г., Протасова Е. Ю., Экман Ю. И.</i> СТУДЕНТЫ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВО ВКЛЮЧЁННОМ ОБУЧЕНИИ	113
<i>Данич О. В.</i> ОБЩЕКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ)	118
<i>Дулёбова И., Цингерова Н.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СЛОВАЦКИХ СТУДЕНТОВ	121
<i>Епифанова В. В.</i> ТИПОВЫЕ СМЫСЛЫ И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	126
<i>Зайцева А. В.</i> АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ BYOD НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	131
<i>Канакина Г. И., Родионова И. Г.</i> ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В ИТОВЫХ СОЧИНЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ (КРИТЕРИИ К1, К2)	135

Красовская Н. А. ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ИСТОРИЯ: МЕТАПРЕДМЕТНОСТЬ ПРИ ОБРАЩЕНИИ К ТЕКСТУ Л. Н. ТОЛСТОГО.....	140
Лантева М. Л. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ	144
Перепелкина Л. П. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЗАГАДОК В ШКОЛЕ.....	148
Саркисян И. Р., Мурадян К. Г. ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ ИДЕЙ БИЛИНГВАЛЬНОГО / ПОЛИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	152
Хантаева Л. А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АФОРИЗМОВ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ	156
Шевченко М. Н., Шевченко Е. М. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	159
Шейхи Х. Г. ИЗУЧЕНИЕ СПОСОБОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРЕДЛОГА «В» В ПРЕДЛОЖНОМ ПАДЕЖЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ ТЕКСТОВ РОССИЙСКИХ СМИ.....	164
Шугайёва Д. В. ИСТОРИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЧЕРЕДОВАНИЙ СОГЛАСНЫХ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ	168

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Адамович М. Б. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА	172
Василенко А. П., Андриянцева А. Н. СУБСТАНТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ «ЛОЖКА» В УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ ЯЗЫКА.....	177
Городничева О. А. ДИАЛОГИЧНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В ТЕКСТАХ КНИГ МАРИИ АКСЁНОВОЙ «ЗНАЕМ ЛИ МЫ РУССКИЙ ЯЗЫК?».....	179
Касимова Г. К. О РОЛИ МОТИВИРУЮЩЕГО СЛОВА В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ	183
Кротова Я. О. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ»	188

<i>Кушнарёва А. В.</i> СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЕЙШИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В РЕЧЕВЫХ СУБСТАНДАРТАХ	191
<i>Савчук Т. Н.</i> АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ВЕРБАЛИЗАТОРЫ КАК ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ.....	195
<i>Сергушикова О. В.</i> СЕГМЕНТАЦИЯ СЛОЖНОСОЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ, ФАКТОРЫ, ПРИЗНАКИ.....	200

ЯЗЫК И СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Бауаев К. К.</i> ЭСТЕТИКА ПРИРОДЫ В ЕЁ ОБРАЗНОМ ВОПЛОЩЕНИИ В ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	205
<i>Гомонова И. Г.</i> ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ГЕНИТИВНОГО ТИПА: СТРУКТУРА И КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА).....	209
<i>Демина В. Е.</i> ФУНКЦИИ СИНОНИМОВ В РАССКАЗАХ А. П. ЧЕХОВА	214
<i>Елизаров М. С.</i> ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ)	217
<i>Журкина Я. В.</i> РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОЦЕНОЧНОСТИ И ЭКСПРЕССИИ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И. С. ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ. ПРАЗДНИКИ»).....	220
<i>Израелян Ш. З.</i> СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЫЛАТЫХ ФРАЗ И ВЫРАЖЕНИЙ В БАСНЯХ И. А. КРЫЛОВА	223
<i>Кабанова С. А.</i> ЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА ЖИВОЙ ПРИРОДЫ ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ-НАТУРАЛИСТА	226
<i>Карякина В. Л.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В СБОРНИКЕ СТИХОВ Н. С. ГУМИЛЁВА «ОГНЕННЫЙ СТОЛП»	231
<i>Козина Т. Н.</i> ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРОВЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ.....	236
<i>Луннова М. Г., Гришина И. С.</i> КОНТРАСТ МЕСТОИМЕННЫХ ФОРМ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПОСТРОЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. АХМАТОВОЙ И Н. ГУМИЛЁВА).....	240
<i>Луннова М. Г., Щеголихина Т. С.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТА В ЛИРИКЕ Д. Д. ЗЛОБИНОЙ.....	245
<i>Мартирян Н. И.</i> ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА.....	248

<i>Наден А. С.</i> ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ЗАГЛАВИЙ В ПОЭТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТ К. Д. БАЛЬМОНТА).....	253
<i>Никулкина О. Г.</i> АРХЕТИПИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА ОНИМОВ (ЦАРЬ) <i>ГОРОХ</i> И <i>КОЩЕЙ</i> В РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	258
<i>Пономарева Т. А.</i> «ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ» И «ЧИСЛОВЫЕ» НОМИНАЦИИ КАК СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ МИРА В ПЕРЕВОДАХ И. БРОДСКОГО	262
<i>Сузько Е. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ ГУЗЕЛЬ ЯХИНОЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»).....	266

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

<i>Аитова Т. Р.</i> СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ.....	270
<i>Бизина А. Ю.</i> СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТОИМЕННЫХ НАРЕЧИЙ В ТЕКСТАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК.....	273
<i>Бобунова М. А.</i> ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ <i>-ОВАТ-/-ЕВАТ-</i> В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Е. И. НОСОВА «УСВЯТСКИЕ ШЛЕМОНОСЦЫ»).....	277
<i>Болотская М. П., Афонский А. Е.</i> ТРАНСПОЗИЦИЯ ФОРМ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	281
<i>Ву Тхьонг Линь.</i> ВОСПРИЯТИЕ ПРОЗЫ А. П. ЧЕХОВА ВО ВЬЕТНАМЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНО ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ	284
<i>Горланов Г. Е.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВА В РОМАНЕ А. Н. ТОЛСТОГО «ПЁТР ПЕРВЫЙ»	288
<i>Елисеева Д. А.</i> СЕМАНТИКА ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В. П. КРАПИВИНА «СЛАВКА С УЛИЦЫ ГЕРЦЕНА»	292
<i>Кетенчиев М. Б.</i> ИМПЕРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЭЗИИ С. ШАХМУРЗАЕВА.....	295
<i>Коновалова Л. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХАИЗМОВ В ТЕКСТЕ РОМАНА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЁВЫ».....	300

<i>Корнеева А. А.</i> ИМЕННАЯ ЧАСТЬ СКАЗУЕМОГО КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В. И. ДАЛЯ В КНИГЕ В. ПОРУДОМИНСКОГО «ДАЛЬ».....	303
<i>Краснова О. Н.</i> КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО «АХ» В АСПЕКТЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОДТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ГЛУБИННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ ОБРАЗА ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В «БЕДНОЙ ЛИЗЕ» Н. М. КАРАМЗИНА	307
<i>Ладугина Е. Д.</i> СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ.....	311
<i>Мазуркевич Л. Н., Лисовец Р. Ю.</i> ОБРАЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»: СТРУКТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ	314
<i>Петрачкова И. М.</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «ФОНОВЫХ» ПОЭТОНИМОВ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ДРАМЕ МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА УГАРОВА «ЗЕЛЁНЫЕ ЩЁКИ АПРЕЛЯ»	319
<i>Сомова М. В.</i> ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ С. ЕСЕНИНА	324
<i>Южакова Ю. А.</i> СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ С. А. ЕСЕНИНА	328

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Алексеевкова У. Р.</i> СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МИКРОТОПОНИМИКОНЕ ГОРОДА ГОРЛОВКИ.....	333
<i>Бирюкова О. С.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕМЕРОНИМОВ ПЕНЗЕНСКОГО РЕГИОНА.....	336
<i>Григорян В. А., Оганесян К. А.</i> СОВРЕМЕННОЕ ГОРОДСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР.....	339
<i>Гуйда А. Н.</i> МЕСТО ЗАИМСТВОВАННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ	344
<i>Пивень А. В.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОНИМООБРАЗОВАНИЯ, ОТОБРАЖЁННЫЕ В ГОДОНИМИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ	347
<i>Рузаева И. В.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СМИ Г. ПЕНЗЫ).....	351
<i>Салихова Э. А.</i> ОСОБЕННОСТИ УФИМСКОЙ ЭРГОНИМИКИ.....	354
<i>Сидорова А. С.</i> КУЛЬТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ В ПОДПИСЯХ К ФОТОГРАФИЯМ В ПЕНЗЕНСКИХ СМИ.....	360

Чупановская М. Н., Маклакова Т. Б. НАЗВАНИЯ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ ИРКУТСКА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ.....364

ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ

Беглова Е. И. ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЗАГОЛОВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ КАК ПРИЁМ СОВРЕМЕННОГО ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА.....368

Булкаева Е. С. НАРУШЕНИЕ НОРМ ПУНКТУАЦИИ В ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ.....373

Варданян А. Г. РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ375

Варданян А. Г., Варданян Л. Г. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ АРМЯНСКИХ СМИ379

Васинькина Ю. А. СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ЗАГОЛОВКОВ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ, ОТРАЖАЮЩИХ ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ПЕНЗЕНЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ» ЗА 1941–1945 гг.).....384

Долотова Ю. С. ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ СТАТЕЙ ПЕНЗЕНСКИХ ГАЗЕТ388

Думбрава К. С. ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА МЕДИКО-КОСМЕТОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ИНТЕРНЕТ-СМИ)390

Ершова Н. И. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РАССМОТРЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА КАК ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....395

Инь Цзысюань. ОБРАЗ КИТАЯ В КИТАЙСКО-РОССИЙСКОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ)399

Ишонина С. А. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ЖУРНАЛИСТА А. ПИВОВАРОВА.....405

Королькова А. В. АФОРИСТИКА А. С. ПУШКИНА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ.....408

Крайчовичова Л. МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЕВРОСОЮЗА В РОССИЙСКИХ СМИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДИСКУРСИВНОГО СОБЫТИЯ «СПУТНИК V»413

Сердобинцева Е. Н. ТИПЫ ЗАГОЛОВКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЕ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ.....418

Твердохлеб Е. В. СИНТАКСИС, ФОНЕТИКА И МОРФОЛОГИЯ В РЕКЛАМЕ421

<i>Хачикян А. Я.</i> ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ СМИ В РОССИЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ МАССОВОЙ ПРЕССЫ.....	426
<i>Ялова К.</i> СКАЗОЧНЫЕ ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОЗИЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН.....	431

Научное издание

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Сборник научных статей по материалам
VI Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 25–26 марта 2022 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук,
профессора **Канакиной** Галины Ивановны,
доктора филологических наук, доцента
Родионовой Инессы Геннадьевны

Все материалы представлены в авторской редакции.

Корректор *Е. П. Мухина*
Технический редактор *М. Б. Жучкова*
Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*
Дизайн обложки *А. Е. Журиной*

Подписано в печать 23.04.2022.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 51,62.
Тираж 200. Заказ № .

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел.: (8412) 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru